

3(М)-Яп
и 90 ✓

ББК 63.3(5я)

И89

Ответственный редактор

А.Е. Жуков

И89 История Японии. Т.1. С древнейших времен до 1868 г.
М., Институт востоковедения РАН. — 659 с.

ISBN 5-89282-107-2

В 1 томе учебного пособия по истории Японии систематически излагается история этой страны с древнейших времен до 1868 г., когда Япония ступила на путь превращения в современное государство. Издание предназначено для студентов высших гуманитарных учебных заведений, а также для всех, кто интересуется историей Японии и других стран Дальнего Востока.

ББК 63.3(5Я)

8 2 7 9 8 4 - 5 3 3

Издание осуществлено при поддержке Японского фонда

ЦГПБ им. Н.А. Некрасова

Отдел абонементного обслуживания

Сектор _____

ISBN 5-89282-107-2 © Институт востоковедения РАН, 1998

© Ассоциация японоведов, 1998

© Коллектив авторов, т.1, т.2, 1998

© А.Е. Жуков. Оформление обложки, т.1,
т.2, 1998

ВВЕДЕНИЕ

Географические условия и историко-культурный процесс

Одной из основных особенностей географического положения Японии считается ее островную изолированность, что оказало огромное влияние на жизнь ее обитателей. Однако следует иметь в виду, что отделенность нынешней Японии от материка — явление историческое, т. е. имеющее свои временные границы. В эпоху плейстоцена Япония была связана с материком сухопутными переходами. Считается, что во время максимального оледенения морского периода уровень океана был на 140 м ниже нынешнего. Это позволяло проникать на архипелаг переселенцам из разных частей Азии — как с юга (через о-в Кюсю), так и с севера (через о-в Хоккайдō).

Таким образом, ранняя культура обитателей Японии формировалась в результате тесного взаимодействия различных культурных и антропологических компонентов. Наибольшее значение для формирования собственно японской культуры возымел южный морской путь, обеспечивавший связь Корейским п-овом и Китаем. Достаточно заметные инокультурные этнические влияния оттуда, проходившие в несколько этапов, продолжались вплоть до VII в. н.э. Но и после этого чисто культурные связи с Дальним Востоком (в особенности с Китаем) были чрезвычайно важным фактором в эволюции японской культуры.

* * *

Островам Японского архипелага присущ ряд разнообразных географических и климатических особенностей, которые оказали значительное влияние на стиль жизни японцев, их менталитет, культуру и историю.

На территории Японского архипелага не существует точки, откуда расстояние до моря превышало бы сто плюс несколько десятков километров. Рельеф являет собой сочетание гор (около 75% суши) и равнин, разделенных горными отрогами. Причем на любом широтном срезе представлены как равнинные, так и горные участки.

Таким образом, каждый из регионов Японии, расположенных на одной широте, обеспечивает территориально близкое сосуществование трех зон, весьма отличных по своим природным условиям. На этой основе в исторический период в непосредственной близости друг от друга получили полномасштабное развитие 3 хозяйственно-культурных комплекса: морской (рыболовство, соби-

рательство моллюсков и водорослей, выпаривание соли), равнинный (земледелие с центральной ролью заливного рисоводства) и горный (охота, собирательство, богарное земледелие, лесоводство).

Как показывает история мирового хозяйства, каждый из этих укладов может быть вполне самодостаточным. Но их физическая приближенность друг к другу в условиях Японии предопределила возможность и даже необходимость тесных контактов между их носителями, что выразилось в ранней специализации типов хозяйствования, а также в интенсивных процессах обмена (товарного и культурного), происходивших на региональном уровне.

Вместе с тем, природные условия архипелага предопределили и значительную изолированность друг от друга отдельных регионов. Начиная по крайней мере с VII в. и вплоть до середины XIX политико-административная карта Японии неизменно подразделялась приблизительно на 60 провинций. Подавляющее большинство из них располагало выходом к морю, а также имело в своем составе как равнинные, так и горные участки, что делало их в значительной степени самообеспечивающимися образованиями. Такая самообеспеченность ресурсами явилась предпосылкой политического сепаратизма, который наблюдался на протяжении весьма продолжительного исторического периода (безо всяких оговорок о «единой Японии» можно говорить лишь начиная с середины XIX в.).

Кроме того, следует отметить большую протяженность Японского архипелага. Узкая гряда островов вытянута в направлении с северо-востока на юго-запад в пределах 45° – 24° северной широты. Поэтому условия обитания населения разных регионов Японии весьма различны. К тому же обилие гор способствует консервации локальных особенностей стиля жизни. Еще в прошлом веке обитатели севера и юга Японии испытывали значительные лингвистические затруднения при общении друг с другом (не изжиты они окончательно и в настоящее время).

Вплоть до второй половины XIX в. из зоны японской культуры и истории в значительной степени выпадал о-в Хоккайдō (прежде всего потому, что там было невозможно рисоводство, а японское государство было заинтересовано в первую очередь в освоении территорий, потенциально пригодных для возделывания риса). Архипелаг Рюкю в силу его удаленности от островов Кюсю и Хонсю также вел вполне независимое культурно-хозяйственное и историческое существование и окончательно попал в сферу влия-

ция Японии только после присоединения к ней в 1879 г., когда была образована префектура Окинава.

Короткие и бурные японские реки, берущие свое начало в горах, текут только в широтном направлении. Поэтому их значение в качестве транспортных и информационных артерий было достаточно ограничено, и они не играли важной объединяющей хозяйственной и культурной роли, свойственной рекам в других цивилизациях. Альтернативу речному сообщению представляли собой прибрежные морские пути и, в особенности, сухопутные дороги, строительство которых активизировалось в периоды сильной централизованной власти (периоды Нара, Токугава, Мэйдзи).

Следует подчеркнуть особое значение моря для хозяйственной жизни японцев. В непосредственной близости от архипелага встречаются теплые и холодные морские течения, что создает очень благоприятные условия для размножения планктона и воспроизводства рыбных запасов. В настоящее время в прибрежных водах Японии обитает 3492 вида рыб, моллюсков и морских животных (в Средиземном море — 1322, у западного побережья Северной Америки — 1744). Подавляющее большинство их концентрируется в районе о-вов Рюккю, однако наиболее продуктивные воды добываются у берегов Хонсю и Хоккайдō. Особенно важным фактором с точки зрения добычи пищевых ресурсов было наличие богатых запасов кеты и горбуши, поднимающейся на нерест в реки северо-восточного Хонсю и Хоккайдō.

Морской промысел (рыба, моллюски, водоросли, соль) не стал для населения Японии лишь дополнительным по отношению к земледелию занятием, а развился в совершенно необходимый для полноценной жизни хозяйственный уклад. Море было для японцев основным источником пищевого белка, микроэлементов, а впоследствии и источником удобрений для сухоходольного земледелия. При этом чрезвычайная изрезанность береговой линии Японского архипелага, протяженность которой составляет более 280 тыс. км, позволяет говорить о фактическом (и притом весьма значительном) увеличении территории, подверженной интенсивному хозяйственному освоению.

Влияние рыболовства, безусловно, сказалось и на особенностях устройства общественной жизни. Начиная с самого раннего времени, экономика Японского архипелага проявляла тенденцию к интенсивному, а не экстенсивному развитию. Дело в том, что этнографические исследования показывают, что рыболовство способствует возникновению ранней оседлости и высокой концен-

то, чего были лишены ее дальневосточные соседи (свои континентальные прототипы обнаруживают и знаменитые японские мечи, и сухие сады камней, и чайная церемония, и культура карликовых растений *бомсай*, и дзэн-буддизм и т.д.). Тем не менее, японская культура всегда была именно японской. Ведь своеобразие культуры проявляется не столько на уровне изолированно рассматриваемых «вещей» или «явлений», сколько в характере связей между ними, из которых и вырастают доминанты той или иной культуры.

Чрезвычайно важно, что почти на всем протяжении ее истории заимствования осуществлялись Японией совершенно добровольно, а значит Япония имела возможность выбора — заимствовались и укоренялись лишь те вещи, идеи и институты, которые не противоречили уже сложившимся местным устоям. В этом смысле Япония может считаться идеальным «полигоном» для исследований межкультурных влияний, не отягощенных актами насилия или же откровенного давления извне.

Сказанное, разумеется, можно отнести к после*мэйдзийской* (начиная с 1868 г.) Японии лишь с определенными оговорками. Ведь «открытие» страны, связанное с событиями «обновления *Мэйдзи*», произошло под влиянием непосредственной военной опасности, грозившей со стороны Запада. Послевоенное же развитие в очень большой степени определялось статусом страны, потерпевшей поражение во второй мировой войне, и оккупационные власти имели возможность непосредственного контроля над государственной машиной Японии. Но до тех пор Япония скорее ждала, что мир «откроет» ее, чем искала сама пути к сближению с ним. Внешний мир ограничивался для нее по преимуществу Кореей и Китаем. Даже родина буддизма — Индия — привлекала обитателей островов очень мало. Страна, окруженная морем, не сумела создать быстроходных и надежных кораблей и не знала ничего такого, что можно было бы хотя бы отдаленно сопоставить с эпохой великих географических открытий. Эта эпоха коснулась Японии лишь в том смысле, что она была открыта европейцами.

Подобная закрытость приводила к консервации особенностей местного менталитета и стиля жизни, вырабатывала стойкое убеждение в некоей «особости» Японии, ее культуры и исторического пути.

Такая самооценка, в плену которой подсознательно находятся и очень многие западные исследователи (не говоря уже о массовом сознании) является дополнительной причиной трудностей,

возникающих при интерпретации историко-культурного процесса в Японии.

* * *

Японию часто считают страной небольшой. Это не совсем верно, ибо ее территория (372,2 тыс. кв. км) больше площади современной Италии или Британии. Однако, как было уже сказано, значительная ее часть занята горами, что существенно ограничивает реальные возможности хозяйственной деятельности человека. Немногочисленные равнины (самая обширная из которых — Канто — занимает площадь 13 тыс. кв. км) и узкая прибрежная полоса — вот, собственно, и вся территория, на которой могли расселяться японцы начиная с древности и до нынешних дней. В какой-то степени это, видимо, предопределило общую историческую тенденцию к высокой концентрации населения. Так, число жителей первой столицы Японии — Нара — оценивается в 100–200 тыс. чел. (VIII в.), в Киото в 1681 г. проживало 580 тыс. чел., а население Эдо (совр. Токио) в XVIII в. составляло более 1 млн. чел., и он был тогда, судя по всему, крупнейшим городом мира.

Эта тенденция сохранилась и в настоящее время: основная часть населения Японии проживает в гигантском мегаполисе на восточном побережье страны, в то время как остальная территория остается сравнительно малозаселенной. Таким образом, речь должна идти не только о незначительности пригодной для заселения территории, но и об особенностях национального характера, хозяйственной адаптации, социальной организации, которые приводят к тому, что люди предпочитают сбиваться вместе, даже если имеют физическую возможность к более свободному расселению.

При высокой концентрации населения имеются три возможности разрешения этой ситуации:

- 1) не вынеся слишком тесного соседства, люди начинают взаимное истребление;
- 2) наиболее активная часть населения покидает пределы прежней среды обитания;
- 3) социальные, культурные, этнические и родовые группы «притираются» друг к другу и находят взаимоприемлемый компромисс общежития.

В целом, в Японии был реализован именно третий вариант. С установлением сёгуната Токугава (1603) длительный период междоусобиц был окончен, и с тех пор страна не знала глобальных социальных потрясений; эмиграцию рубежа XIX–XX вв. также удалось приостановить.

упорядоченное состояние. Легкость, с которой японцы овладели техническими достижениями Запада, обусловлена, среди прочего, тем, что лежащая в их основе прецизионная точность технологических операций была освоена японцами очень давно, что, в частности, нашло выражение в подробно разработанной шкале измерений с удивительно малой для «донаучного» общества ценой деления. Давнее и воплощенное в каждодневной деятельности стремление к точности порождает известный всему миру перфекционизм японцев, их настойчивое стремление к совершенству.

* * *

Разумеется, взаимосвязь природных условий и историко-культурного процесса не является жестко детерминированной. Она лишь задает параметры, в рамках которых проявляются собственные закономерности социально-исторического и культурного развития. Кроме того, огромное значение имеет и фактор исторической случайности. Причудливое сплетение закономерного и случайного и образует ткань реального исторического процесса, конкретной истории страны, изложению которой и посвящена эта книга.

Летосчисление и периодизация

Летосчисление На протяжении своей истории японцы использовали несколько систем датировки тех или иных событий. Наиболее ранняя — заимствованный ими из Китая (и общий для всех стран Дальнего Востока) счет годов по 60-летнему циклу, окончательно сформировавшемуся там к началу династии Поздняя Хань (25–220 гг.).

Согласно этой системе для обозначения каждого года используется комбинация из двух иероглифов. Первый из них — один из десяти циклических знаков, второй — относится к ряду двенадцати знаков зодиака.

Циклические знаки называются «*дзиккан*» (букв. — «десять стволов»). Согласно древней китайской натурфилософской традиции к ним относятся 5 основных элементов, из которых и образуется все сущее: *ки* (дерево), *хи* (огонь), *цүти* (земля), *ка* (сокращение от *канэ* — металл), *мидзу* (вода). Каждый из «стволов», в свою очередь, подразделяется на два — «старший брат» (*э*) и «младший брат» (*то*). При произнесении вслух «ствол» и его «ответвление» соединяются между собой с помощью указателя притяжательности «*но*» (на письме не обозначается). Получается, что каждый элемент может выступать в двух сочетаниях. Например, *киноэ* (дерево+но+старший брат) и *киното* (дерево+но+

младший брат). Каждое из этих сочетаний записывается одним иероглифом.

Общее название знаков зодиака — «*дзюниси*» («двенадцать ветвей»). Это — *нэ* (крыса, мышь); *уси* (бык); *тора* (тигр); *у* (заяц); *тацу* (дракон); *ми* (змея); *ума* (лошадь); *хицудзи* (овен, овца); *сару* (обезьяна); *тори* (курица); *ину* (собака); *и* (свинья).

Год маркируется сочетанием двух иероглифов — «ствола» и «ветвей». Поскольку ветвей, естественно, больше, то при упоминании 11-го знака зодиака (собаки) счет «стволов» снова начинается с «киноэ». Таким образом, новое совпадение первого «ствола» и первой «ветви» наступает через 60 лет. Это — полный 60-летний цикл, согласно которому и шел отсчет годов в древности. В настоящее время часто употребляются малый, 12-летний цикл — только по названиям зодиакальных знаков. В самом общем виде данная концепция отражает идею нелинейного, повторяющегося, циклического времени и обладает определенными неудобствами, поскольку лишена абсолютной точки отсчета.

Месяцы обозначались (и обозначаются до сих пор) порядковым номером — от 1 до 12. «Вставные» (или «дополнительные») месяцы (*дзюн* или *уруу*), образующиеся ввиду несоответствия лунного года солнечному, носят номер предыдущего месяца. Каждому времени года соответствовали 3 месяца. С наступлением 1-го дня 1-й луны начиналась весна.

Кроме того, знаки зодиака применялись для обозначения часов (или, как еще говорят, «страж») в сутках. Продолжительность китайско-японской «стражи» составляет 2 часа. Каждой из них приписывались определенные качества («достижение», «успех», «беспорядок» и т.д.), которые соотносились с днями, счет которых велся, начиная с 1-го дня мыши 11-й луны, 1-го дня быка 12-й луны и т.д. — вплоть до 1-го дня кабана 10-й луны. Эта система, использовавшая также данные о времени рождения того или иного человека, широко применялись в гадании. «Стражи», расписанные по кругу («по циферблату»), служили также для обозначения направлений. Например, «мышь», соответствуя «страже» «полночь», была также указателем северного направления.

Другая принятая в Японии система летоисчисления — по годам правления того или иного императора. Для обозначения года указывается имя государя и порядковый номер со времени начала его правления. При использовании этой системы нужно, естественно, знать последовательность наследования престола тем или иным государем.

Следует иметь в виду, что в ранних японских письменных источниках правители именовались не так, как сейчас. Тогда для их обозначения использовалось либо название дворца, из которого они правили (каждый новый император вплоть до конца VII в. менял местоположение своей резиденции), либо их японские посмертные имена (прижизненные имена были табуированы) — очень длинные, состоящие из многих компонентов. Ввиду неудобства пользования такими именами сейчас даже в научной литературе принято обозначать раннеяпонских правителей по их китайскому посмертному имени (Дзимму, Саймэй и т.п.), которое состоит всего из двух иероглифов, хотя эта система была принята только в период Хэйан (794–1185), когда эти имена были приписаны правителям древности задним числом.

Третья система летоисчисления — по девизам правления (*нэнгё*) — также была заимствована из Китая. Первый девиз правления — Тайка («Великие перемены») — был принят в 645 году, однако полностью эта система утвердилась, начиная с 701 г. Девиз правления был призван отметить какое-либо выдающееся событие или же счастливое предзнаменование, магическим путем обеспечить успешное правления, избавить от несчастий, и поэтому для его наименования использовались только «счастливые» сочетания иероглифов (обычно двух). Если же случалось что-нибудь заслуживающее особого внимания (благоприятное или нет), то девиз правления мог меняться (иногда — по нескольку раз) за одно и то же правление. Нынешняя практика строгого соответствия одного *нэнгё* одному императору установилась лишь с 1868 г.

В традиционной Японии была выработана и абсолютная хронологическая шкала (*кигэн*). Ее разработка связана с именем Миёси Киёюки (847–918), который подсчитал, что от начала правления первого легендарного императора Дзимму (660 г. до н.э.) до 9-го года правления Суйко (601 г.) прошло 1260 лет. Этот способ летоисчисления не нашел сколько-нибудь широкого применения вплоть до 1872 г, когда было введено понятие «эры императоров» (*кёки*) — главным образом для того, чтобы показать европейцам «древность» японской истории. 29 января (впоследствии — 11 февраля) было признано датой «основания страны». Эта система летоисчисления активно использовалась в целях националистической пропаганды. Так, в 1940 г. прошло широкомасштабное празднование 2600-летнего юбилея основания японского государства. В 1948 г. праздник был отменен, но в 1966 г. опять восстановлен.

1 января 1873 г. лунный календарь был официально заменен григорианским, и была принята европейская система летоисчисления. Однако наряду с ней сохранилась и система *нэнго*. В 1979 году парламент принял закон об обязательном употреблении *нэнго* в официальных документах. Девиз правления ныне здравствующего императора — Хэйсэй («достижение мира»).

Традиционная датировка *нэнго* (часто — с переводом на европейскую систему летоисчисления) широко используется в профессиональной исторической литературе. Следует, однако, иметь в виду, что наступление лунного нового года каждый раз выпадает на разные дни. Кроме того, указ о провозглашении нового девиза правления может приходиться на любой день года, и, таким образом, перевод летоисчисления из *нэнго* в григорианский календарь не носит механического характера. Отсюда возникает довольно часто встречающийся разнобой в датировках того или иного события: для правильного перевода в европейскую систему летоисчисления следует абсолютно точно знать, в какой день был провозглашен соответствующий указ. Скажем, первый год Сёва был провозглашен 25 декабря 1926 г. и поэтому длился всего неделю. Время же до этого дня относится к правлению предыдущего императора Тайсё.

Периодизация С конца XIX в. под непосредственным влиянием европейской исторической мысли в Японии вошло в употребление оперирование крупными временными отрезками — периодами (*дзидай*).

Поскольку в дальнейшем изложении будут встречаться названия этих периодов, далее приводится перечисление основных из них с краткими историко-культурными характеристиками. Следует иметь в виду, наряду с ними существуют и более дробные и альтернативные классификации (для некоторых периодов).

1. Палеолит, или древний каменный век (40000—13000 лет назад).

2. Период Дзёмон (приблизительно соответствует неолиту). Датируется: 13 тыс. лет до н.э. — III в. до н.э. Назван так по типу керамики с веревочным орнаментом («дзёмон»). Культура Дзёмон была распространена на всей территории архипелага (от Хоккайдō до Рюккю).

3. Период Яёй (бронзово-железный век). Назван по специфическому типу керамики, впервые обнаруженному в Яёй (район Токио). Основной ареал распространения: север Кюсю, Западная и Центральная Япония. Время появления праппонцев и праппонской культуры.

4. Период Кофун (курганный) — IV–VI вв. Назван по многочисленным погребальным сооружениям курганного типа. В связи со становлением родоплеменного государства Ямато вторая половина этого периода может носить название «период Ямато». В этот период началось распространение буддизма, сыгравшего в дальнейшем роль общегосударственной идеологии.

5. Период Асука (592–710). Назван по местонахождению резиденций царей Ямато в районе Асука (поблизости от нынешних городов Нара и Киото). Окончательное становление японской государственности. В 646 г. начался длительный период «реформ Тайка», ставивших своей целью превращение Ямато в «цивилизованное» (на китайский манер) государство. Провозглашение государственной собственности на землю, становление наделной системы землепользования.

7. Период Нара (710–794). Назван по местонахождению первой постоянной столицы Японии в Нара. Название страны было изменено на «Японию» («*Нихон*» — «там, откуда восходит солнце»). Активное строительство государства централизованного типа в соответствии с законодательными сводами, в связи с чем этот период (и начало следующего) часто именуется «*рицурё кокка*» («государство, [основанное] на законах»). Появление письменных памятников — мифологическо-летописных сводов «Кодзики» и «Нихон сёки».

8. Период Хэйан (794–1185). Назван по местонахождению новой столицы — Хэйан (букв. «столица мира и спокойствия», совр. Киото; формально оставался столицей, т. е. императорской резиденцией до 1868 г.). Отмечен тенденциями упадка государственной власти, связанной с утерей государственной монополии на землю, крахом наделной системы и образованием сёэн — усадеб, находившихся в частном владении. Возникновение блестящей аристократической культуры, создание многочисленных прозаических и поэтических произведений. Политическое доминирование рода Фудзивара (поэтому конец этого периода иногда называют «периодом Фудзивара»).

9. Период Камакура, 1185–1333 (сёгунат Минамото). Назван по расположению ставки военного правителя (сёгуна), первым из которых был Минамото-но Ёритомо. Установление социального и политического господства сословия воинов-самураев. В самурайской среде — период классического феодализма с развитыми вассальными отношениями.

10. Период Муромати, 1392–1568 (сёгунат Асикага). Назван

(район Киото). Часто подразделяется на два подпериода: южной и северной династий (*намбокутё*, 1336–1392), когда существовало два параллельных и конкурировавших между собой императорских двора, и «период воюющих провинций» (*сэнгоку дзидай*, 1467–1568). Постоянные феодальные междоусобные войны (особенно во второй половине этого периода). В конце периода — рост городов, сопровождавшийся развитием городской светской культуры. Первые контакты с европейцами.

11. Период Эдо, 1603–1867 (сёгунат Токугава). Назван по расположению ставки сёгунов из рода Токугава в Эдо (совр. Токио). Основатель этого сёгуната — Токугава Иэясу — вывел страну из перманентного состояния гражданской войны и объединил ее под своим началом. Изгнание европейцев и запрещение христианства сопровождалось добровольным «закрытием» страны, когда все контакты с внешним миром были сведены к минимуму. Бурный рост городов, развитие городской культуры, экономики, резкое увеличение населения. Тотальная регламентация жизни всех слоев населения окончательно сформировала тип менталитета, который мы называем «японским».

12. Период Мэйдзи (1868–1911). Назван так по девизу правления императора Муцухито — «светлое правление». Не в силах противостоять нарастающему военно-политическому давлению западных держав, Япония была вынуждена провести ширококомасштабные реформы, имевшие своей целью создание современного индустриального государства. Реформы, носившие революционный характер, были облечены в идеологическую оболочку возврата к традиционным ценностям, к правопорядку древности, т. е. «реставрации» власти императора, отодвинутого на второй план при сёгунах. Бурное промышленное развитие, широкое заимствование достижений западной цивилизации, при котором, однако, удалось сохранить национальную идентичность. Начало внешней экспансии.

* * *

Начиная с периода Нара, границы между историческими периодами (*дзидай*) в традиционной японской историографии маркируются важными событиями, имеющими отношение к политической истории. В этом смысле принятая в Японии периодизация достаточно удобна с практической точки зрения (первоначальная, «грубая» хронологическая атрибуция события). Если же говорить о внутреннем содержании того или иного периода, то процесс его осмысления будет, видимо, продолжаться до тех пор, пока существует историческая наука.

РАЗДЕЛ I	
ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ	21
ЧАСТЬ 1. ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЯПОНИЯ	23
Глава 1. Палеолит.....	28
Глава 2. Дзёмон (японский неолит).....	30
Глава 3. Яёй (бронзово-железный век).....	41
ЧАСТЬ 2. ФОРМИРОВАНИЕ ЯПОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	54
Глава 1. Курганный период (Кофун).....	54
Глава 2. Государство Ямато.....	65
Глава 3. Период Асука (592–710).....	83
ЧАСТЬ 3. «ГОСУДАРСТВО РИЦУРЁ»	98
Глава 1. Япония периода Нара (710–794).....	98
Глава 2. Нарская Япония и внешний мир.....	154
Глава 3. Период Хэйан (794–1185).....	175

Часть 1

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЯПОНИЯ

Археологические исследования в Японии

Японцы всегда интересовались собственными древностями. Подтверждением этому может служить обилие исторических сочинений, появлявшихся в Японии по крайней мере с VIII в. Этот интерес достаточно рано проявился и по отношению к артефактам, представлявших собой предмет коллекционирования.

Однако сколько-нибудь систематическое изучение и коллекционирование древних памятников материальной культуры началось только в период сёгуната Токугава, в XVII в. До этого японские знатоки древностей основное внимание уделяли все-таки анализу сообщений в письменных источниках или интересовались тем, что мы сегодня называем «исторической археологией», в орбиту которой традиционно входили дворцы императора и знати, а также буддийские храмы.

Так, к этому времени относятся первые попытки систематического изучения курганов: крупный феодал из княжества Мито (совр. префектура Ибараки) Токугава Мицукуни в 1692 г. провел раскопки и обмеры одного из них (после этого он восстановил сооружение). В период Токугава был также составлен список и проведены обмеры около двухсот захоронений курганного типа в Фукусато (префектура Окаяма). Появились и ученые трактаты, посвященные курганам. Их авторами были Сайтō Саданори, Яно Кадзусада, Гамō Кумпэй; последний попытался создать типологию эволюции курганов, исходя из их формы. Камэи Наммэй предположил, что обнаруженная в 1784 г. золотая печать была ни чем иным, как знаком инвеституры, врученным китайским императором местному японскому правителю, о чем сообщалось в китайской хронике «Хоухань-шу». Аояги Танэнобу исследовал погребальные керамические сосуды и инвентарь захоронений в провинции Тикудзэн (совр. префектура Фукуока).

Первым европейцем, который в XX годах XIX в. познакомил Запад с японскими древними артефактами в своем труде «Ниппон» («Япония») был Филипп Франц фон Зибольд, получивший доступ к коллекции ботаника Итō Кэйсуке.

Однако профессиональное внедрение современных научных методов археологических исследований началось только после ре-

ставрации Мэйдзи (*Мэйдзи исин*) и было связано с именами таких ученых как американский биолог Э. Морс, англичанин В. Гоулэнд и др.

Пионером японской археологии по справедливости считается Э. Морс. Прибывший в Японию в 1877 г. для исследования моллюсков, он обнаружил в Омори вблизи Токио доисторическую «раковинную кучу» (*shell midden*, яп. калька — *кайдзюка*), похожую на ту, что он ранее раскопал в Новой Англии. Получив преподавательскую должность в Токийском университете, Морс провел ее раскопки и посетил со своими студентами множество других стоянок. Часть учеников Морса после его отъезда самостоятельно продолжила археологические изыскания.

В. Гоулэнд, подданный Великобритании, связанный по своим служебным обязанностям с монетным двором в Осака, обследовал ряд курганных погребений в районе Осака-Нара во время своего пребывания в Японии в 1872–1888 гг. Именно с его именем связывают ныне начало по-настоящему научного изучения курганного периода. Его детальные описания и рисунки оказали большое влияние на становление японской археологии.

Формирование современной археологической школы в Японии можно отнести к началу XX в. В 1896 г. в стране было организовано Археологическое общество. Первый курс по археологии был прочитан в 1909 г. в университете Киото.

Современное археологическое дело поставлено в Японии на самом высоком уровне. На зависть археологам всего остального мира археологические исследования финансируются в достаточном объеме, сами раскопки и анализ находок ведутся с применением самых последних достижений научно-технической мысли.

Следует признать, что именно археология внесла в последнее время наиболее весомый вклад в изучение японской древности. Причем это касается не только чисто археологических, бесписьменных периодов (что было бы только естественным), но и исторического времени. Может быть, особенно плодотворным в этом отношении было обнаружение *моккан* — эпиграфики на деревянных табличках, — относящихся к VII–VIII вв.

В конце 60-х годов на территории Японии было зарегистрировано около 90 тыс. археологических памятников. Через 30 лет их количество возросло до более чем 300 тыс. Впечатляет также и объем выполняемых археологических изысканий: каждый год работы ведутся на 9–10 тыс. объектов (для сравнения, в 1961 г. — на 408), ежегодно выпускается около 3 тыс. (!) монографий, посвященных археологической тематике.

Столь стремительный рост числа находок объясняется тем, что бурному промышленному развитию страны сопутствовал бум раскопок на местах новостроек, проводить которые предписывается в Японии законом. Правда, несмотря на это, эксперты сходятся во мнении, что из-за продолжающейся экспансии антропогенного характера 40 тыс. уже открытых археологических памятников будут безвозвратно утеряны еще к концу XX в.

Раскопками в Японии занимаются как университеты (зарегистрировано около 5 тыс. профессиональных археологов), так и местные власти и любители. Работа археологов вызывает интерес не только среди профессионалов. Она имеет и огромный общественный резонанс. Совершенно обычным является вынесение сообщений о новых находках на первые полосы газет, их обсуждение в качестве важнейших событий на телевидении. Наряду с почитательным отношением японцев к собственной истории вообще, что объясняется и свойственной им потребностью в этнической самоидентификации, первостепенную роль в которой массовое сознание в настоящее время отводит именно историческим и археологическим исследованиям (в 70–80-х годах эту роль играли этнографические исследования и наблюдения иностранцев, касавшиеся особенностей японской культуры, образа жизни, национального характера).

В числе непосредственно связанных с археологическими изысканиями проблем, на которых фокусируется общественное внимание, можно назвать: этногенез японцев (антропологические исследования, касающиеся периодов Дзёмон и Яёй); определение местонахождения древнего государства Яматай и поиски захоронения его правительницы Химико в погребениях курганного типа; месторасположение и устройство дворцов ранних японских правителей (включая период Нара), исследования по дорожной инфраструктуре периода Нара.

Набранные японскими археологами темпы исследований столь высоки, что не только помогают разрешению научных проблем, но создают некоторые новые. Дело в том, что в результате возникла существенная региональная неравномерность в добычании и освоении археологического материала, касающегося стран Дальнего Востока. Скажем, для адекватного понимания ранней истории Японии исключительно важное значение имеют результаты работы археологов на Корейском п-ове ввиду чрезвычайно тесных контактов древних японцев (и протояпонцев) с этим регионом. В связи с этим явное отставание археологических исследований в Южной Корее и в КНДР создает не только чисто научные

проблемы, но и чревато рождением новых мифов относительно прошлого. Так, упомянутые *моккан* были заимствованы японцами у корейцев, но в настоящее время на Корейском п-ове их найдено лишь чуть более сотни, а в Японии — около 200 тыс. На основании этого факта напрашивается вывод о гораздо более широком распространении письменности в Японии. Однако следует иметь в виду, что археологические изыскания проводятся в Японии с гораздо большим размахом, с чем, возможно, и связано большее число находок.

В любом случае, однако, археологические источники по своей природе таковы, что не позволяют, как правило, составить на их основании полную и однозначную историческую картину. Имеющиеся данные заведомо неполны и подвергаются постоянной и серьезной ревизии. Соответственно, существующие их интерпретации также относительно и в любой момент могут быть подвергнуты пересмотру — как ввиду новых находок, так и в силу новых подходов.

Особенности периодизации

Применительно к доисторической эпохе, так же, как и к последующим, в Японии используется термин «*дзидай*» (период, эпоха). И точно так же при их выделении отсутствует единый критерий. Используются: европейский принцип периодизации (палеолит); топонимический, например, по месту первой находки, относящейся к данному периоду (Яёй); по некоему символическому проявлению эпохи (Дзёмон — «веревочный орнамент [на керамике]»). При этом хронология доисторических периодов зачастую является предметом дискуссии.

Вот краткие историко-культурные характеристики этих периодов:

1. Палеолит, или древний каменный век (40000–13000 лет назад). Иногда его называют «периодом Ивадзюку» (по месторасположению первой открытой палеолитической стоянки). Памятники палеолита, открытые только в послевоенное время, не слишком многочисленны, а их атрибуция вызывает много вопросов. Хозяйственными занятиями населения, антропологический состав которого неясен, были охота и собирательство.

2. Период Дзёмон (приблизительно соответствует неолиту, или новому каменному веку). Датируется 13 тыс. лет до н.э. — III в. до н.э. Назван так по типу керамики с веревочным орнаментом («*дзёмон*»). Хозяйственные занятия: собирательство, охота, ры-

боловство (речное и морское). Культура Дзёмон была распространена на всей территории архипелага (от Хоккайдō до Рёккё).

3. Период Яёй (бронзово-железный век). Назван по специфическому типу керамики, впервые обнаруженному в Яёй (район Токио). Под непосредственным влиянием крупных миграций с материка (в основном через Корейский п-ов) тунгусских племен алтайской языковой группы, принесших на архипелаг культуру заливного рисоводства, технологию производства металлов (бронзы и железа), шелкоткачество и др., произошел переход к производящему типу хозяйства. Процесс сменения с местным населением (видимо, аустронезийского происхождения) привел к появлению праяпонцев и праяпонской культуры. Основной ареал распространения: север о-ва Кёсю, Западная и Центральная Япония.

4. Период Кофун (курганный) — IV–VI вв. Назван так по многочисленным масштабным погребальным сооружениям курганного типа, свидетельствующим о значительной социальной дифференциации. В связи со становлением родоплеменного государства Ямато вторая половина этого периода может носить название «период Ямато».

Что касается соответствия японской системы периодизации принятой на Западе 6-членной модели исторического процесса (первобытность — древность — средневековье — новое время — новейшее время — современность), то палеолит, Дзёмон и Яёй можно соотносить с первобытностью, а Кёфун (Ямато) — с древностью.

Можно заметить, что среди приведенных периодов нет соответствия мезолиту (т. е. переходной эпохе от палеолита к неолиту) и энеолиту (каменно-бронзовому веку). Это связано с тем, что уже в самые ранние эпохи население Японского архипелага заимствовало с материка передовые по тому времени технологии, благодаря чему развитие общества шло там ускоренными темпами, как бы перепрыгивая через определенные стадии. Это касалось и возникновения характерного для неолита гончарного производства, и начала использования металла, в том числе железа.

Глава 1

ПАЛЕОЛИТ

Первые следы деятельности палеолитического человека были открыты в 1949 г. в Ивадзюку (префектура Гумма). В последующие годы по всей стране обнаружено по крайней мере еще около 5 тыс. палеолитических стоянок (из них около 4,5 тыс. относятся к позднему палеолиту, т. е. к периоду, начиная с 30 тыс. лет до нашего времени). Согласно оценкам японских археологов, для добытого на них археологического материала (в основном, каменных орудий) характерен значительный хронологический разброс (300—13 тыс. лет назад). Таким образом, если говорить о геологических соответствиях, то японский палеолит охватывает плейстоцен и ледниковый период.

Японские исследователи встречаются в своей работе с принципиальными сложностями, связанными со слабой сохранностью исходного антропологического материала. Кислые почвы Японии плохо сохраняют костные останки человека, животных, любую органику. Наилучшей сохранностью обладают костяки (несколько тысяч находок), относящиеся к неолитическому периоду Дзёмон, когда бытовал обычай захоронений в пещерах, а также в «раковинных кучах», где в результате реакции между содержавшейся в раковинах известью и водой происходило удержание кальция в костных останках. Всего несколько сотен находок относятся к последующим историческим периодам (Яёй, Кофун, Камакура, Муромати, Эдо). Для периодов Нара и Хэйан антропологический материал практически отсутствует. Это объясняется как вышеуказанными особенностями японских почв (для захоронений в земле), так и распространением буддийской практики трупосожжения. Что же касается палеолита, то находки, относящиеся к нему, исчисляются единицами.

Поэтому японский палеолит (еще в большей степени, чем в других регионах) исследуется почти исключительно с точки зрения типологии каменных орудий. Вместе с тем, благодаря тому, что стоянки человека каменного века в Японии очень часто обнаруживаются в геологических слоях, изолированных друг от друга застывшей лавой, выплеснувшейся во время вулканических извержений (пещерных стоянок найдено чрезвычайно мало), задачи по стратификации и созданию эволюционной типологии каменных орудий решаются довольно успешно.

Эпоха палеолита на территории Японского архипелага терминологически определяется по-разному. Раньше в ходу были термины «период пред-дзёмон» и «докерамический период» (ныне они выходят из употребления). Теперь используется как собственно термин «палеолит» (*кёусэки дзидай*), так и название «период Ивадзюку». Здесь сказывается укоренившаяся в Японии тенденция использовать историческую периодизацию, неприменимую к истории других стран, что связано с уже упомянутым обобщенным комплексом «национальной самоидентификации». Понески самобытных японских черт распространяются, таким образом, и на то время, когда с каком-либо этническом самосознанием не может идти и речи.

Тем не менее японские археологи утверждают, что в период позднего палеолита некоторые каменные орудия (ножи и топоры) демонстрируют определенное своеобразие, что позволяет, по их мнению, говорить о существовании уже в то время зачатков самобытной японской культуры (при этом, правда, не существует работ, подтверждающих преемственность более поздней японской культуры по отношению к палеолитической). Отмечаются и региональные особенности в технике обработки каменных орудий в Западной и Восточной Японии. Таким образом, корни культурного своеобразия этих частей страны, прослеживающееся в дальнейшем на всем протяжении японской истории, относят к эпохе верхнего палеолита.

Все же носителей палеолитической (или «докерамической») культуры на территории Японии никак нельзя признать за предков современных японцев. Это утверждение вряд ли можно оспорить как с фактической, так и с теоретической точки зрения: палеолитические памятники вообще демонстрируют скорее общность и единство человеческой культуры, чем ее диверсификацию — последняя характерна лишь для неолита и энеолита. До этого же мы имеем дело не с историей народа (этноса или протоэтноса), а с историей определенной территории и сопутствующего ей населения.

Глава 2

ДЗЁМОН (ЯПОНСКИЙ НЕОЛИТ)

В отличие от всех культур более поздних периодов культура Дзёмон была распространена практически на всей территории современной Японии — от Хоккайдō (и даже от Курильских о-вов) до о-вов Рёккё. Свое название она получила от специфического вида керамики, характеризующегося «веревочным орнаментом».

Керамика Дзёмон

Сам термин «веревочная керамика» («cord-marked pottery»; японский термин «Дзёмон» является его калькой) впервые был употреблен Э. Морсом в 1879 г. Однако полное признание он получил в 1937 г., когда японский археолог Яманаути Сугао выделил пять характерных для этого периода хронологически последовательных типов керамики. Начиная с этого времени вся хронология периода Дзёмон стала строиться на типологии керамики, которая к настоящему времени разработана чрезвычайно подробно (выделяется около пятидесяти только «основных» ее типов).

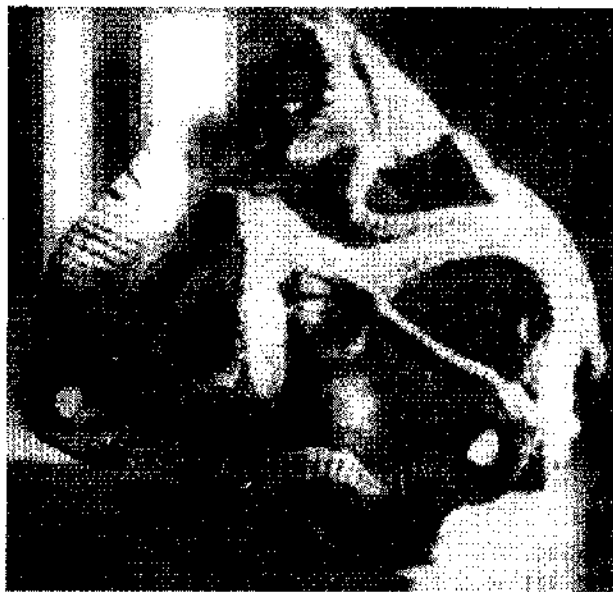
Если следовать наиболее общей схеме эволюции керамики Дзёмон, то в начале периода на сосуд наносился вертикальный узор путем наложения на сырую глину отдельных нитей растительного волокна; затем волокна стали сплетаться, узор наносился горизонтальными полосами в виде «елочки». Средний Дзёмон характеризуется диагональным узором, в позднем превалирует геометрический узор с разнонаправленным расположением веревочных отпечатков. Обжиг осуществлялся в ямах, на дне которых разводился костер. Температура обжига составляла всего 600–800° градусов, в связи с чем эти сосуды страдали повышенной хрупкостью.

Похожая техника нанесения орнамента на глиняные сосуды использовалась в Африке (Сахара), Полинезии (Ново-Гибридские о-ва) и в некоторых других регионах. Однако в непосредственной близости от Японии подобная технология не использовалась, что позволяет говорить о ее местном происхождении. К тому же в других местах «веревочный орнамент» обычно наносился прикладыванием веревки или обмотанной веревкой палочки к поверхности изделия, а в Японии — в результате вращения тех же инструментов вокруг тулова сосуда.

Помимо «классического» веревочного узора существует также немало видов керамики, узор на которую наносился бамбуковой палкой или же пальцами.

Почти вся керамика Дзёмон (особенно раннего и среднего) имела утилитарное назначение. Она использовалась для варки пищи и хранения пищевых запасов и воды. Считается, что сосуды с низкотемпературным обжигом среднего Дзёмон теряли за ночь около 10% налитой в них жидкости. В конце Дзёмон эти показатели улучшились за счет покрытия поверхностей сосудов красной охрой, лощения и несколько лучшего обжига.

Ценителям искусства культура Дзёмон известна прежде всего по блистательным в своей экспрессии сосудам культового предназначения со «змеиными» мотивами и пластическими изображениями голов животных, относящимся к позднему периоду.

Керамический сосуд. Поздний Дзёмон

В датировках периода Дзёмон существует определенный разнобой, связанный со спорами об абсолютном возрасте первых образцов керамики. Так, согласно результатам радиоуглеродного анализа, наиболее ранние образцы фрагментов японской керамики имеют возраст 13 тыс. лет, что делает японскую керамику самой древней в мире (в Китае — 10 тыс. лет). Это, однако, весьма

маловероятно. Видимо, дело просто в лучшей по сравнению с другими арсалами изученности этого периода в Японии. В то время имелись весьма тесные контакты с материком, что делало возможным заимствование оттуда передовых технологий. Во всяком случае, распространение керамики на Японских о-вах началось с северо-западного Кёсю, т. е. с территории, наиболее подверженной континентальному влиянию.

Исходя из типологии керамики, территорию Японского архипелага с начала периода Дзёмон можно подразделить на два крупных культурных ареала, в общем совпадающих с границами природных зон: юго-западный (орнамент наносился с помощью ногтей) и северо-восточный (веревочный орнамент). Граница между ними проходит примерно в районе современного Токио, где эти виды керамики накладываются друг на друга. Такая регионализация в культурной сфере в самом общем виде сохранились на протяжении практически всей истории Японии, принимая в зависимости от эпохи различные формы. При этом наиболее фундаментальным оставалось членение архипелага на северо-восток и юго-запад (или, согласно японскому географическому делению — на «Восточную Японию» и «Западную Японию»).

* * *

Некоторые ученые считают, что керамика как таковая не может служить надежным индикатором важных социальных и культурных перемен и предлагают соотносить начало периода Дзёмон с появлением «раковинных куч» (т. е. помоек древнего человека). Эта точка зрения выглядит обоснованной в свете особенностей последующего развития культуры обитателей архипелага. Если в Китае появление керамики послужило одной из ступеней перехода к земледелию, то в Японии возникновение гончарного производства и переход к производящему типу хозяйства отстояли друг от друга примерно на 12 тыс. лет. Таким образом, производство керамики в Японии периода Дзёмон обеспечивало потребности доземледельческого уклада. Поэтому широко распространенное соотношение периода Дзёмон с неолитом носит относительный характер, поскольку для «классического» неолита характерен переход к производящему типу хозяйства.

По видимому, начало гончарного производства является не более, чем следствием принципиальных изменений в общем типе хозяйственной адаптации древнего человека к изменившимся условиям обитания. Иными словами, термин «Дзёмон», появившийся в результате того, что в основу археологической периодизации была положена типология керамических сосудов, носит во многом

случайный характер и мало говорит об основных хозяйственных и культурных характеристиках периода. Вместе с тем, начало производства и применения керамики знаменовало собой важный этап эволюции образа жизни древнего человека, поскольку расширило возможности по хранению продуктов и изменило характер питания. Значительная часть пищи стала употребляться в вареном виде, что должно было сказаться на продолжительности жизни человека Дзёмон из-за уменьшения опасности инфекции и паразитарного заражения.

В последние годы акцент в исследованиях, касающихся периода Дзёмон, стал смещаться с разработки типологии керамики на вопросы ее использования, а также на изучение роли керамики и каменных орудий в антропогенной организации среды обитания в общем контексте культуры.

Формирование религиозных представлений

Стремление человека украшать свое тело прослеживается с самой глубокой древности. Эти украшения могли иметь как магический характер (использовались в качестве оберегов, были призваны защищать и приносить удачу), так и служить знаками социальной, групповой, возрастной, половой принадлежности. Известно большое количество украшений, относящихся к периоду Дзёмон. Это серьги, изготовленные из раковин, камня, глины, зубов диких животных, и браслеты из раковин.

Догү

Другой группы предметов, имевших культовый характер, являются глиняные статуэтки *догү* высотой от 3 до 30 см. Среди них встречаются как зооморфные (изображающие различных животных), так и антропоморфные (их большинство). Сначала их пластика имела уплощенный вид, затем — приобрела и «третье измерение». Среди антропоморфных были наиболее распространены своеобразно стилизованные женские изображения с утрированными формами, которые по своей экспрессивности вполне сопоставимы с керамическими ритуальными сосудами этой эпохи. Орнаментальные украшения сосудов и *догү* также совпадают. Интересно, что подавляющее большинство *догү* были найдены разбитыми. По-видимому, это не случайно — судя по всему, статуэтки были изготовлены именно для того, чтобы быть разбитыми в ритуальных целях.

По мнению японского исследователя Явата Итирō, статуэтки использовались в ритуалах, связанных с лечением больных или раненых. При этом разбивали ту часть статуэтки, которая соответствовала больной части тела человека. Некоторые статуэтки интерпретируются как принадлежность культа плодородия. Однако в целом предназначение и функции *догū* не могут считаться вполне выясненными. С достаточной степенью уверенности можно лишь утверждать, что *догū*, равно как и некоторые типы керамики Дзёмон, служили для обеспечения магической связи с иным миром. В иконографической традиции сформировавшейся позднее японской религии *синто* пластика этого типа не нашла своего отражения. Аналоги *догū* можно найти, скорее, в древнем искусстве племен Центральной Америки.

В погребениях периода Дзёмон не прослеживаются признаки унификации, что, вероятно, свидетельствует об отсутствии единых представлений о посмертном существовании. Как правило, встречаются коллективные погребения (на севере их окружали подобием загородки из камней), костяки в которых могут находиться как в скорченном положении (на спине, на боку или на животе) с ориентацией головы на юго-восток, так и в распрямленном и без определенной ориентации. Известны захоронения, сделанные в «раковинных кучах», зафиксированы и погребения в керамических сосудах. Принадлежностями погребального инвентаря были гребни, серьги, ожерелья, браслеты и др. Погребальной одеждой служили звериные шкуры или куски материи.

При исследовании погребений было обнаружено, что девушкам и юношам в возрасте 17–18 лет вырывали определенные зубы и подпиливали другие, что, вероятно, было связано с обрядом инициации (переходом в категорию взрослых мужчин и женщин).

Изменения в хозяйственном укладе

Если в «докерамический» период культура обитателей Японского архипелага демонстрировала определенную схожесть с континентальной в формах хозяйственной адаптации, то, начиная с периода Дзёмон, там возникла вполне самостоятельная и изолированная культурная зона. В Китае в VI–V тысячелетиях, а на Корейском п-ове — на рубеже III–II тысячелетий до н.э. произошел переход к земледелию и к полностью оседлому образу жизни, а на Японских о-вах сформировался хозяйственный уклад, основанный на сочетании охоты (тогда на севере архипелага стали применяться лук и стрелы), рыболовства и собирательства.

Изменение природных условий

Взаимодействие человека и природной среды в Японии прослеживается по крайней мере начиная со времени, отстоящего от нас на 15,5 тыс. лет. Тогда произошло значительное потепление, которое дополнилось повышением влажности (13 тыс. лет назад) и формированием теплого Цусимского течения, впадающего в Японское море. Климат архипелага сделался морским и по своим основным параметрам перестал отличаться от нынешнего, хотя к концу периода Дзёмон среднегодовые температуры были несколько выше, чем сейчас.

Это привело к увеличению снежного покрова, заболачиванию почв, смене флоры (разрастанию широколиственных лесов) и к росту населения и, следовательно, к усилению давления человека на окружающую среду. Следствием воздействия всех этих факторов стало исчезновение крупных млекопитающих (слона Ньюмана, оленей *бцунодзика*).

Для людей это означало сокращение количества животного белка в рационе и необходимость хозяйственной адаптации к новым условиям обитания. В связи с этим изменились объекты охоты (теперь ими стали олень, кабан, медведь, заяц, куница, енотовидная собака, птицы) и ее орудия (на смену копьё пришел лук). Значительно возросла роль собирательства (каштан, желуди, различные виды орехов) и рыболовства (речного и морского). Среди находок, относящихся к этому времени, гораздо чаще стали встречаться каменные топоры, необходимые для жизни в лесах.

Как уже говорилось, культура Дзёмон начала развиваться на о-ве Кюсю. По мере развития потепления и продвижения широколиственных лесов к северу, она стала распространяться в том же направлении, и именно эта зона оказалась наиболее перспективной с точки зрения потребностей присваивающего типа хозяйства. Анализ расположения стоянок периода Дзёмон показывает, что наибольшая концентрация населения (80% из известных 10 тыс. стоянок) создалась в северо-восточной Японии, более благоприятной как с точки зрения собирательства (широколиственные опадающие леса с богатыми урожаями каштанов и орехов), так и рыболовства (кета и горбуша).

Диверсификация источников пищи

Первые археологические свидетельства о начале морского промысла датируются временем, отстоящим от нашего на 10 тыс. лет. Непосредственной предпосылкой для него послужил подъем уровня океана (его пик с уровнем на 2–3 м выше нынешнего имел место 6 тыс. лет назад), в результате чего образовались

прибрежные отмели с хорошо прогреваемой водой, особенно благоприятные для размножения рыб.

Одним из основных видов морского промысла был сбор различных видов морских моллюсков. Именно тогда появились «раковинные кучи», площадь которых достигала нескольких сот квадратных метров. На настоящий момент обнаружено около 2,5 тыс. таких помоек периода Дзёмон. Большинство из них находится на побережье, обращенном в сторону Тихого океана (около половины — в районе Кантё), где существуют благоприятные условия для сбора раковин на мелководье во время отлива. Кроме раковин моллюсков в «раковинных кучах» встречаются также кости различных рыб, млекопитающих и птиц.

Большинство обнаруженных костей рыб принадлежит тем видам, которые ловятся в бухтах во время приливов: окунь, кефаль и др. Однако встречающиеся кости рыб и животных, обитающих в открытом океане (тунца, акулы, ската и даже кита), свидетельствуют о развитом и искусном морском промысле. При ловле рыбы использовались сети, сплетенные из растительных волокон, с грузилами из камня и керамики, костяные (в основном, из кости оленя) крючки и гарпуны. Последние были изобретены в среднем Дзёмон — приблизительно в то же время, когда появились долбленные лодки. Рыбаки доходили на них до островов Садо и Микуро, пересекали пролив Цугару и Корейский пролив. Лосось, обитавший в реках и на морском мелководье на севере Японии, был одним из основных источников белковой пищи для обитателей тех мест. Для речной ловли использовались ловушки-загоны.

Анализ костных останков показывает, что обитатели побережья, чья пища была богаче белками, обладали более крепким телосложением, чем жители внутренних районов страны.

Начало морского промысла имело особое значение, ибо стало определяющим для развития существенных черт японской культуры (в широком смысле этого слова), сохранившихся до настоящего времени. В общеперспективе значение охоты для населения Японии с течением времени уменьшалось, а зависимость от ресурсов моря, напротив, росла.

Особенности природных условий Японии позволяли ее обитателям использовать альтернативные источники пищи в зависимости от сезонных изменений, миграций, погодных условий и т.д. Так, анализ содержания «раковинных куч» показал, что сбор раковин особенно активно велся весной и менее интенсивно — летом. Осенью и зимой этот вид хозяйственной деятельности замедлялся. Это объясняется тем, что весной собирать раковины доста-

точно просто, а другие пищевые ресурсы менее доступны. Осенью и ранней зимой люди сосредотачивались на сборе растительной пищи (наиболее практичным, т. е. легко сохраняемым видом были каштаны, грецкие орехи и желуди), ловле мигрирующих пород рыб и охоте на перелетных птиц. Зимой же основным источником пищи служила охота. Из крупных млекопитающих люди периода Дзёмон больше всего охотились на оленя и кабана (с помощью луков и стрел с каменными и костяными наконечниками). Для ловли барсуков, енотовидных собак и зайцев применяли капканы.

Уже в средний Дзёмон присваивающее хозяйство в Японии отличалось высокой продуктивностью. Таким образом произошло формирование доземледельческого хозяйственного уклада, основанного на охоте, собирательстве и активном морском промысле. В период Дзёмон произошла кардинальная диверсификация источников пищи, которая всегда служит одной из основных характеристик устойчивости хозяйственной системы.

Поселения периода Дзёмон Одним из важных социальных последствий начала морского промысла в период Дзёмон было появление поселений на морском побережье, ранее практически отсутствовавших. Причем рыбацкие поселения, не будучи столь многочисленными, как удаленные от моря, демонстрировали абсолютное превосходство по концентрации населения: если поселения охотников-собирателей (в основном, в горных районах) состояли из 4–5 жилищ площадью по 5–15 кв. м, то прибрежные насчитывали по несколько десятков жилищ, причем площадь некоторых из них составляла от 20 до 40 кв. м. Это означало, что население горных районов мигрировало в долины, все больше концентрируясь в прибрежных районах. Одновременно начали складываться отличные друг от друга субкультуры жителей побережья и внутренних областей архипелага.

За последнее время было раскопано несколько значительных поселений периода Дзёмон. В наиболее крупном из них находилось до 400 жилищ (использовались в разное время на протяжении жизни нескольких поколений). Они располагались по окружности вокруг центральной «площади».

В одних и тех же поселениях имелись жилища различных типов. План жилища представляет собой прямоугольник или чаще круг диаметром в 4–5 м. Пол, заглубленный на глубину от 50 см до 1 м, иногда покрыт каменным настилом, однако более обычным был земляной пол. В центре жилища обычно находился каменный или керамический очаг. В самом начале периода Дзёмон очаг выносился за пределы жилища. Деревянный каркас дома покрывал-

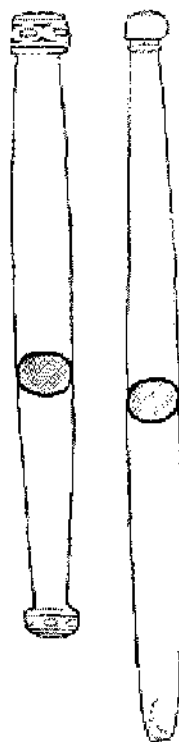
ся корой или листьями. Встречаются также и более крупные строения. Так, на стоянке Сугивадай в префектуре Акита обнаружено прямоугольное строение площадью в 273 кв. м с десятью очагами. Вероятно, оно могло служить в качестве коллективного жилища в зимнее время.

* * *

Изучая период Дзёмон на основе этно-археологического подхода (т.е. интерпретации археологического материала с помощью сравнительного этнографического анализа), японский исследователь Ватанабэ Хитоси пришел к важным выводам общего характера:

1. Среди охотников, рыболовов и собирателей большей оседлостью обладали те группы, которые были заняты интенсивным производством керамики. Обилие и разнообразие обнаруженной керамики позволяет с большой долей вероятности предполагать значительную степень оседлости (время необходимое для ее изготовления, а также невозможность возить с собой большое количество утвари).

2. Сравнительный этнографический анализ показывает, что сообщества, обладающие низкой степенью оседлости, используют орудия небольшие по размеру и весу, применение которых имеет multifunctional характер (например, шесты эскимосов, применяемые ими при строительстве переносных жилищ, для опоры при ходьбе, для колки льда, в качестве остроги). Некоторые каменные предметы и орудия носителей культуры Дзёмон не подпадают под эти требования. К ним относятся *сэкибё* (каменные жезлы неизвестного назначения, длина которых варьируется от 30 см до 2 м) и каменные ступки (*исидзара*), не поддающиеся транспортировке. Тщательная отделка ступок, не свойственная кочевникам, также указывает на сравнительно большую степень оседлости их изготовителей.

Сэкибё

3. Наличие массовых захоронений служит надежным индикатором высокой степени оседлости (полной или сезонной), поскольку кочевые собиратели не имеют обычно специально выделенных мест для захоронений — погребение производится непосредственно возле места смерти. Захоронения периода Дзёмон

часто располагаются в непосредственной близости от стоянок (обычно — неподалеку от «раковинных куч»). Некоторые из этих захоронений концентрируются в одном месте, что свидетельствует об определенной стабильности поселений.

4. Следы перестроек и увеличения площади землянок, обнаруженные в результате тщательного изучения жилищ периода Дзёмон, также говорят в пользу предположения о сравнительно долговременном обитании их владельцев в одном месте.

Эти выводы позволяют усомниться в том, что носители культуры Дзёмон были кочевыми охотниками и собирателями, и свидетельствуют в пользу весьма высокой степени их оседлости, что явилось одной из ключевых предпосылок быстрого перехода к земледельческому обществу в период Яёй.

Появление зачатков земледелия

Несмотря на существование контактов между населением Японских о-вов и континента, обитатели Японии не восприняли земледельческую культуру вплоть до периода Яёй. Это было связано прежде всего с разницей в уровнях культурного и хозяйственного развития, т. е. с готовностью к усвоению тех или иных культурных инноваций.

Однако не исключено, что уже в то время были сделаны первые шаги к разведению растений, в частности, ямса, один из видов которого произрастает в Японии в диком виде. Первые крупные лесные пожары, являющиеся надежным индикатором антропогенного воздействия на окружающую среду и связанные, видимо, с практикой выжигания леса для хозяйственного использования земли (для строительства жилья, и, возможно, примитивного подсечного земледелия), отстоят от нас на 8,5–7 тыс. лет.

Первые обнаруженные в Японии следы земледелия (возделывание гречихи) относятся приблизительно к 4600 г. до н. э. Следы возделывания проса найдены на рубеже II–I тысячелетий до н. э. (префектура Симанэ). Около 1000 г. до н. э. подсечное земледелие практиковалось уже достаточно широко. В этот период наблюдается стремительное исчезновение многих древесных видов (таких как остролистный дуб, камфарное дерево, камелия японская) и распространение хвойных пород, пришедших на смену широколиственным вечнозеленым лесам, характерным для V–III тысячелетия до н. э., когда климат Японии был наиболее теплым за последние 20 тыс. лет (на 2–3° выше, чем ныне).

Наиболее ранние свидетельства возделывания суходольного риса обнаружены на севере о-ва Кюсю (Итадзукэ, префектура Фукуока, и Нобатакэ, префектура Сага), в наиболее близком к Корее

районе страны, и датируются приблизительно 1200 г. до н. э. Следует, однако, иметь в виду, что в период Дзёмон возделывание риса (как и других культурных растений) носило спорадический, в лучшем случае вспомогательный, характер, и не оказывало решающего влияния на образ жизни древнего человека.

Кризис присваивающего типа хозяйства

Из-за высокой детской смертности, характерной для всех обществ охотников, рыбаков и собирателей, средняя продолжительность жизни человека Дзёмон составляла около 20 лет. Если же подростку удавалось перейти рубеж в 15 лет, то он имел хорошие шансы дожить до 30 (средняя продолжительность жизни в 30 лет была достигнута только около 1600 г., а рубеж в 50 лет покорился лишь в 1947 г.).

В результате повышения продуктивности хозяйства, а также улучшения возможностей сохранения запасов пищи, о чем свидетельствует появление многочисленных ямных кладовых и керамических сосудов, рост населения Японского архипелага значительно ускорился. По оценкам специалистов в области исторической демографии в начале периода Дзёмон оно составляло 20 тыс. чел. (т. е. 7 чел. на 100 кв. км), а в период наибольшего расцвета этой культуры, пришедшегося на средний Дзёмон, оно, видимо, увеличилось до 260 тыс., т. е. достигло плотности 1 чел. на 1 кв. км. Для обществ подобного типа такую плотность населения следует признать весьма высокой.

Однако за фазой роста населения в конце периода Дзёмон последовал явный кризис — уменьшение количества стоянок и поселений, стагнация роста населения и затем его сокращение (до 70 тыс. чел.). По всей вероятности, нагрузка на окружающую среду при использовавшихся типах хозяйствования оказалась настолько велика, что привела к экологическому кризису.

Показательно, что этот кризис гораздо слабее затронул прибрежные поселения — для доиндустриальных обществ рыба и моллюски были практически неограниченным естественно возобновляемым пищевым ресурсом. Сильнее всего кризис проявился в юго-западной части Японии, менее богатой продуктами собирательства, объектами охоты и рыбной ловли. В дальнейшем это послужило одной из предпосылок более быстрого укоренения там производящего типа хозяйства, что и обозначило выход из кризиса. Однако это случилось уже в следующем хронологический периоде — Яёй — при самом непосредственном участии переселенцев с материка.

Глава 3

ЯЁЙ (БРОНЗОВО-ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)

В 1884 г. в районе Токио под названием Яёй-мати был найден сосуд, который позже был идентифицирован, как принадлежащий эпохе, пришедшей на смену Дзёмон. Приблизительно с 1896 г. понятие «керамика типа Яёй» прочно вошло в научный оборот. Несколько позже было высказано ставшее впоследствии общепризнанным предположение, что носителями культуры Яёй были переселенцы с Корейского полуострова.

Несмотря на то, что период Яёй получил название по одному из районов Токио, центр этой культуры первоначально находился на северном Кюсю, откуда она и распространилась в дальнейшем в северо-восточном направлении. Наиболее полное развитие культура Яёй получила в районе современных городов Нара-Киото-Осака, т. е. в том месте, которое через несколько веков стало центром формирования раннеяпонской государственности.

Керамика Яёй

Период Яёй датируется III в. до н.э.—III в. н.э. и подразделяется на многие подпериоды. Так же, как и для Дзёмон, существующие периодизации основаны прежде всего на типологии керамики и не имеют абсолютных хронологических привязок.

Сосудов, строго специфичных для периода Яёй, выявлено не так много. Самые общие отличия керамики Яёй от керамики Дзёмон сводятся к следующему. Керамика Яёй стала более унифицированной. Ее типология проще, проще и орнаментальное украшение сосудов (покрытых «веревочным орнаментом», отпечатками раковин, «царапинами»). Многие типы керамики вообще не имеют орнаментального украшения. Цвет керамики Яёй обычно имеет красноватый оттенок, обжиг осуществлялся несколько более равномерно.

Керамический сосуд.
Поздний Яёй

но. Большинство типов сосудов имеют ясно выраженный утилитарный характер.

Технология изготовления керамики — отсутствие гончарного круга, низкотемпературный обжиг — осталась прежней. Характерно, что даже у специалистов по керамике нередко возникают проблемы, связанные с соотношением конкретных находок с периодами Дзёмон или Яёй. Поэтому употребление термина «период Яёй» следует признать совершенно условным с культурно-исторической точки зрения, ибо «лицо» эпохи определяют не столько новые типы керамики, сколько принципиальные хозяйственные и социальные изменения

Переход к производящему типу хозяйства

Хотя название периода Яёй носит условный характер, социальные и культурные последствия его были колоссальны. Они могут быть приравнены к тому, что знаменитый археолог и культуролог Г. Чайлд назвал «неолитической революцией», в ходе которой произошел переход к земледелию, т. е. к производящему типу хозяйства. Вдобавок, в Японии под непосредственным воздействием континентальной культуры в ходе этой «революции» было начато (хотя и весьма ограниченное) использование металла — оружия и орудий труда (железных) и ритуала (бронзовых). Благодаря этому развитие японского общества осуществлялось ускоренными темпами.

Переход к земледелию

В период Яёй на Японском архипелаге утвердилось новое для его обитателей культура, хозяйственную основу которой составляло рисоводство, в особенности заливное. Всего же, как считается на сегодняшний день, в то время возделывалось 37 видов культурных растений.

Косвенным доказательством падения значения охоты в жизни людей служит резкое уменьшение числа находок наконечников стрел в археологических слоях, относящихся уже к началу периода Яёй. Кроме того, важным свидетельством происходивших изменений могут служить данные палеоботаники. Распространение сосны и других хвойных пород началось в юго-западной Японии 2 тыс. лет назад, в центральной Японии — 1500 лет назад и в северо-восточной Японии — 800–700 лет назад. Это соответствует последовательности распространения интенсивного земледелия и сопутствовавшего ему производства металла и керамики с высокотемпературным обжигом, что привело к вырубанию широколи-

ственных вечнозеленых лесов с последующим вытеснением их хвойными породами. Таким образом, «типично японский» пейзаж с обилием хвойных пород, столь богато представленный в искусстве и литературе этой страны, представляет собой реалию сравнительно недавнего времени.

Серьезное археологическое изучение культуры рисоводства началось в 1947–1950 гг., когда были осуществлены раскопки древних заливных рисовых полей в Торо (префектура Сидзуока). Было обнаружено более 50 полей общей площадью в 75 тыс. кв. м. (размер полей варьировался от 2396 кв. м. до 375 кв. м). После этого подобные поля были открыты в самых разных частях страны (в настоящее время обнаружено более 230 мест возделывания риса, относящихся к периодам Яёй и Кофун).

Может быть самой впечатляющей находкой стало обнаружение в начале 80-х годов заливных полей в местечке Тарэянаги (префектура Аомори), что резко отодвинуло на север границу ареала распространения древнего рисоводства. Обнаруженные там участки расположены у подножия горы и обнаруживают чрезвычайно высокую степень привязанности к рельефу, с чем, вероятно, связаны их миниатюрные размеры (700 участков занимают площадь всего около 4 тыс. кв. м).

Заливное рисоводство имеет ряд принципиальных отличий от богарного (суходольного) земледелия. Его технология весьма сложна и трудоемка: она требует создания ирригационных (орошительных и дренажных) систем и, зачастую, предварительного выращивания рассады. Однако эти «недостатки» при правильном соблюдении технологического цикла оборачиваются значительными достоинствами. Заливное рисовое поле, большую часть года покрытое слоем воды, не нуждается в прополке и глубоком ежегодном перепахивании, а проточная вода на рисовых полях сама во многом компенсирует естественную потерю плодородия почвы из-за счет приносимого ею мелкозема. Участок, предназначенный для выращивания рассады, легче защитить от холодов, сорняков, насекомых и птиц, его перекопка не требует особых усилий, а для удобрения не нужно большого количества органических веществ. Несмотря на очевидную трудоемкость высадки рассады (*тауэ*), этот процесс может быть растянут во времени и производиться при благоприятных погодных условиях. В результате уменьшается риск гибели посевов и создается возможность сбора двух полноценных урожаев в год.

Внедрение заливного рисоводства в период Яёй началось с освоения склонов пологих холмов, что, требовало меньшего объема

земляных работ, связанных со строительством оросительных и дренажных систем, чем на равнине. Правда, урожайность на таких участках с низкозалегающими подпочвенными водами была существенно ниже (земли с высоким уровнем подпочвенных вод, требующие высоких трудозатрат на ирригацию, стали разрабатываться позднее, в период Кофун). Считается, что она составляла около 6 ц с гектара. Поскольку в теплом и влажном климате потребность в калориях существенно ниже, чем в холодном, такую урожайность можно считать вполне достаточной для обеспечения увеличивавшегося населения (считается, что в период Яёй оно выросло в 3–4 раза).

Хотя заливное рисоводство существенно снижает степень зависимости земледельца от погоды, в благоприятных климатических и микроклиматических зонах Японии даже в условиях господства «полного цикла» заливного рисоводства довольно долго сохранялось «неклассическое» рисоводство без выращивания рассады. Урожай при этом зачастую оказывался выше, чем при использовании «классической» технологии. Это показывает, что выращивание рассады само по себе не может считаться признаком принципиально более высокой стадии развития земледелия — дело в конкретных климатических условиях и характере приспособления к ним.

Распространение культуры Яёй на о-ве Хонсю не было равномерным. И если на юго-западе (за исключением юга Кюсю) и в Центральной Японии рисоводство укоренилось очень быстро, то на северо-востоке этот процесс протекал намного медленнее, хотя, как уже говорилось, рисоводство уже в начальный период своего распространения проникло далеко на север. Но это проникновение носило «точечный» характер и не привело к далеко идущим хозяйственным и социальным последствиям.

С укоренением рисоводства центр хозяйственной жизни архипелага сместился к югу, на север Кюсю и в Центральную Японию, где стала стремительно расти плотность населения, численность которого к концу Яёй стала выше, чем в северо-восточной части страны. В целом к концу Яёй Японский архипелаг населяло, видимо, около 3 млн. чел. Разумеется, это могло произойти только на основе производства значительного прибавочного продукта в производящем секторе экономики (относительная энергетическая ценность различных источников питания, которые можно получить с единицы площади, такова: олень — 1; рыба — 24–414, жерлуди — 342, рис — 1012). Увеличение продуктивности нашло зри-

мое выражение в появлении деревянных хранилищ свайного типа, которые постепенно вытеснили ямные кладовые периода Дзёмон.

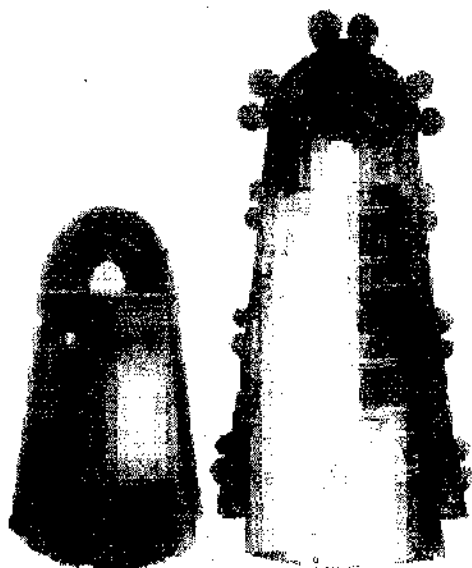
Появление в обиходе металлических изделий

Важной особенностью периода Яёй стало начало применения железных и бронзовых изделий. Их вве-

дение в обиход было напрямую связано с переселенцами с континента, владевшими обеими технологиями. Именно поэтому в Японии археологические эры бронзы и железа не разведены во

времени и накладываются друг на друга. Более того: применение железа началось даже несколько применения бронзы. Поэтому ряд исследователей считает, что термин «бронзовый век» неприменимым по отношению к Японии. В их периодизации железный век следует непосредственно за каменным.

В применении металлических изделий прослеживается следующая закономерность: железные предметы относятся, как правило, к орудиям хозяйственной и военной деятельности (мечи, наконечники копий и стрел, топоры, резцы, ножи, деревянные ло-

Дōтаку

паты с металлической окантовкой, серпы, рыболовные крючки и т.д.), а бронзовые — к культовым принадлежностям и символам власти: культовые мечи, копья, колокола (*дōтаку*), зеркала (встречаются в погребениях). Это объясняется как лучшими функциональными свойствами железа (удобство обработки, лучшие режущие качества), так и влиянием континентальной традиции использовать изделия из бронзы в качестве культовых и престижных.

Вначале использовались металлические орудия континентального (Корея, Китай) происхождения, позднее началось и собственное производство. Первые свидетельства появления местной металлургии (литейные формы — обычно каменные, хотя встречаются и глиняные) были обнаружены более чем в 60 местах раско-

пок, прежде всего — на севере Кёсю. Сырье для нее в начале периода Яёй завозилось с материка.

Уже в то время обнаруживается немало случаев, когда континентальные образцы получали местное осмысление. Так, корейские по своему происхождению бронзовые боевые мечи с узким клинком превратились в Японии в широколезвийные (не предназначались для практического применения); корейские бронзовые колокольчики были увеличены в размере приблизительно в 10 раз и превратились в культовые колокола *дбтаку*, не использовавшиеся в качестве музыкального инструмента; японские бронзовые зеркала также были значительно больше своих китайских прототипов. Известны и каменные имитации континентального бронзового и железного оружия.

Возникновение натурального товарообмена

Укоренение нового типа рисопродуцирующей культуры не было моментным даже в Центральной

Японии. Современные исследования показывают, что жители горных районов еще очень долго практиковали суходольное подсечное земледелие (на кислых почвах и при отсутствии извести и удобрений оно было единственной сколько-нибудь продуктивной земледельческой технологией) и продолжали заниматься охотой и собирательством. Одновременно население прибрежных районов юго-запада Японии продолжало заниматься специализированным морским промыслом — рыболовством, сбором водорослей и ракушек, выпариванием соли.

Каждый из образовавшихся хозяйственных укладов (равнинный, прибрежный и горный) носил до некоторой степени специализированный характер, не был полностью самостоятельным, что предопределило развитие натурального товарообмена. Анализ содержимого «раковинных куч» периода Яёй свидетельствует о наличии продуктообмена между населением побережья и внутренних районов страны. И те, и другие употребляли в пищу продукты, выращенные или добытые их партнерами.

Кроме обмена продовольствием имели место поставки древесины для нужд рыболовецкого хозяйственного комплекса, которые имели тенденцию к росту по мере сведения лесов в прибрежных районах и на равнинах для устройства полей, производства металла и обжига керамики. Поставлялся как лес для строительства судов и жилищ, так и дрова для приготовления пищи и выпаривания соли (в Японии залежи каменной соли отсутствуют). К тому же в отличие, скажем, от населения Камчатки, Аляски или Океании японские рыбаки мало использовали морские ресурсы

(кость морских животных, китовый ус, раковины) для производства средств производства и полностью зависели в этом отношении от суши, в основном — от горных районов (кость оленя для крючков, лианы вьющихся растений, конопля и др. — для лесок и сетей).

Раскопки поселений Яёй демонстрируют хорошо развитое производство предметов быта из дерева. Особенно богатый материал дали раскопки в Торо, где находки хорошо сохранились: над древним поселением в течение двух тысячелетий находились рисовые поля, в результате чего возник эффект «мореного дуба».

Деревянная утварь обитателей Торо включала в себя самые разнообразные предметы — от долбленных лодок до ткацкого станка. Сельскохозяйственный инвентарь состоял из лопат, граблей и мотыг многих разновидностей, имевших ясно выраженное специализированное назначение. В ходу были деревянные ступки и пестики для дробления риса. Обнаружены также ложки, черпаки, чашки, палочки для добывания огня. Считается, что эти деревянные предметы, для производства которых требовались металлические инструменты (большинство из них сделаны из дуба), не были изготовлены в самом Торо, т. е. его обитатели уже были вовлечены (хотя бы частично) в отношения натурального товарообмена.

Как видно на материалах раскопок других поселений Яёй, разделение труда затрагивало не только производство деревянных орудий, но и производство металла (здесь профессионализация наиболее заметна) и — в некоторых случаях — каменных орудий труда и керамики, что указывает на окончание периода полного самообеспечения общин, появление прибавочного продукта и разрушение социальной однородности. А это, в свою очередь, вело к возникновению более сложных общественных отношений и (в перспективе) — к становлению протогосударственных образований. Именно в Центральной Японии, где культура Яёй достигла максимального развития, произошло в дальнейшем формирование раннеяпонской государственности.

Роль переселенцев в формировании культуры Яёй

В отличие от культуры Дзёмон, прослеживающейся практически на всей территории Японского архипелага, культура Яёй не распространилась на Окинаву, юг Кюсю, север Хонсю и Хоккайдō, где основу хозяйственной деятельности продолжали составлять собирательство, охота и рыболовство.

Относительно Хоккайдō и севера Хонсō объяснение этому, видимо, следует искать в том, что тамошний климат не благоприятен для рисоводства, а рыбные ресурсы (особенно лососевых) были настолько богаты, что не стимулировали перехода к интенсивным и производительным способам хозяйствования. Кроме того, заселенность этой части архипелага в период Дзёмон была выше: поэтому весь культурный комплекс Яёй и его носители неизбежно должны были столкнуться там с большим сопротивлением и с более мощной культурной инерцией, чем в районах, расположенных южнее.

Что касается Окинавы и южного Кёсō, то этот вопрос остается в исторической науке открытым. Можно предположить, что быстрый переход к производящему хозяйству, наблюдавшийся на основной территории Японии, был возможен только в условиях значительного притока переселенцев. Обретя землю на севере Кёсō, на Хонсō и на Сикоку, они лишились стимула к дальнейшему движению (юг Кёсō в силу горного рельефа неудобен для возделывания риса). Без воздействия со стороны переселенцев Япония, возможно, еще в течение длительного времени была бы землей рыболовов, охотников и собирателей — пример населения севера и юга архипелага свидетельствует в пользу такого предположения. Так, земледельческий уклад начал формироваться на Рёкю лишь в XII в., а айны, обитавшие на севере Хонсō и вытесненные затем на Хоккайдō, продолжили традиции каменного века практически до начала XX столетия. Можно сказать, что становление культуры Яёй было непосредственно связано с мощным потоком переселенцев с юга Корейского п-ова, которые оседали прежде всего на севере Кёсō.

Причины, приведшие их в движение, остаются не вполне ясными. В настоящее время наибольшее распространение получила точка зрения, связывающая переселение с двумя факторами: природным и социальным. Наступившее похолодание климата привело в движение население северных районов Азии, начавших перемещаться к югу. Это в свою очередь вызвало политическую нестабильность в Китае, а затем и на Корейском п-ове. В результате вплоть до начала IV в. н.э. там продолжалась череда войн и беспорядков, приводивших к бегству населения. Среди этих переселенцев были представители племен тунгусского происхождения, принадлежавшего к алтайской языковой семье (их язык был близким родственником корейского), которые и проникли на территорию Японского архипелага.

Проанализировав множество различных демографических и антропологических данных, известный исследователь ранней Японии Ханихара Кадзуо пришел к удивительному выводу, что число переселенцев с начала периода Яёй (III в. до н. э.) до VIII в. составило около 1,2 млн. чел. (при общей численности населения на конец VIII в. около 6 млн. чел.). Хотя эта цифра вызывает сильные сомнения у многих специалистов, большинство ученых все-таки сходится во мнении, что количество переселенцев в любом случае было достаточным для того, чтобы вызвать кардинальные изменения в хозяйственном укладе, языке и культуре вообще.

Изменения в антропологическом типе

Массовая миграция с материка привела к тому, что население Японских островов периода Яёй перестало принадлежать к единому антропологическому типу. В самом общем виде можно говорить о сосуществовании тогда «человека Дзёмон» и «человека Яёй», причем ареал распространения второго (имевшего антропологические признаки обитателей северной Азии) имел тенденцию к расширению: от северного Кёсю и южной оконечности Хонсю — к центральной Японии. Антропологический тип «человека Дзёмон» сохранил преобладание в северо-восточной Японии (Хоккайдō, северная половина Хонсю), на юге Кёсю и на Рёккю. Это подтверждается и данными исторической генетики.

Между двумя типами имелись существенные отличия: «человек Яёй» был выше, имел более вытянутую форму черепа. Ноздри у него были расставлены шире, нос более приплюснут. В связи с переходом на крахмалосодержащую пищу (рис, сладкий батат, просо, чумиза, гречиха) у «человека Яёй» стало больше гнилых зубов, а сама форма зубов была характерна для обитателей Северной Азии.

Однако при оперировании антропологическими материалами следует проявлять осторожность. Количество найденных костных останков не так велико, чтобы можно было с уверенностью говорить о количественных закономерностях, а методики интерпретации антропологических и историко-генетических результатов все еще находятся в стадии становления.

Рост социальных конфликтов

Поселения, основанные пришельцами, отличались от тех, что ранее существовали на территории Японских островов. Их размеры были значительно большими, чем в период Дзёмон (в среднем — вдвое, или 25 и 50 чел.). Кроме того тогда возникали и «суперпоселения». Так, население Карако (префектура Нара) и Икэгами (столичный округ Осака) оценивается в 1300–1600 и 700 чел. со-

ответственно. Впрочем, и в этих «агломерациях древности» основным типом жилища по-прежнему оставалась полужемлянка.

Судя по всему, массовое переселение с Корейского п-ова не вызвало поначалу сколько-нибудь существенных вооруженных конфликтов с местным населением. Причина, по-видимому, заключалась в том, что переселенцы стремились к освоению прежде всего малозаселенных земель в юго-западной Японии, которые не представляли большого интереса для аборигенов.

Постепенно пришельцы и их потомки вовлекали местных жителей в свою систему общественных и хозяйственных связей. После окончательного перехода значительной части населения архипелага к оседлому образу жизни и производящему типу хозяйства, основанному на земледелии (в среднем и позднем Яёй), появилась тенденция к росту социального напряжения. Возникшее в то время чувство собственности на землю и сопутствовавшие ему территориальные конфликты привели к тому, что поселения стали окружаться рвом с водой и обноситься изгородью.

Переход к производящему типу хозяйства сопровождался ростом населения вплоть до появления его относительной избыточности (в результате меньшей зависимости от случайностей, драматически влиявших на жизнь охотников и собирателей, улучшения питания, возрастания продолжительности жизни), увеличением давления на окружающую среду и развитием межобщинных конфликтов в результате борьбы за контроль над землей и источниками воды, чего не наблюдалось ранее, когда жизнь населения не была столь привязана к определенной территории.

Анализ погребений практически на всей территории распространения культуры Яёй показывает стремительное нарастание случаев насильственной смерти во второй половине этого периода. Это, а также появление укрепленных поселений, свидетельствует о высокой социальной конфликтности в то время.

Эволюция религиозных ритуалов

Погребения Яёй, точно так же, как и в предыдущий период, не были единообразными. Как правило, все они располагались неподалеку от поселений. Зафиксированы погребения как без гробов, так и в деревянных, керамических и каменных гробах. На севере Кёсю существовал обычай сооружать поверх могилы насыпь из камней. В Центральной Японии (район современных городов Нара-Киото-Осака) могилу окружали рвом с водой. Этот тип погребения мог быть весьма масштабным. В Ками (г. Осака) имеется

млективное погребение (23 костяка) прямоугольной формы, длина которого составляет 26 м (известны и индивидуальные захоронения подобного образца). Вместе с захоронениями в северной части Кёсю они образуют прототип курганных погребений периода Кофун.

В районе Канто и на северо-востоке в середине периода Яёй практиковались повторные захоронения: после того, как плоть исцвела, кости омывали и помещали их в керамический сосуд. Хотя к концу периода Яёй от этого способа захоронения отказались в пользу устройства могил, окруженных рвом с водой, сама идея повторного захоронения еще долгое время сохраняла свое значение (погребения знати в период Кофун, т. н. *могари*, когда между временным и постоянным захоронением могло проходить несколько лет).

Погребальный инвентарь в период Яёй показывает заметную тенденцию социальной дифференциации. В Сугу и Микумо (префектура Фукуока) встречаются погребения как с весьма богатым инвентарем (бронзовое оружие, бронзовые зеркала, украшения, китайские монеты), так и с почти полным отсутствием такового. Богатые погребения, однако, пока еще не отделены территориально и располагаются на общем кладбище. Но к концу Яёй по всей западной Японии появляются и личные погребения, расположенные отдельно, вне общего кладбища, что свидетельствует об окончательной утрате общиной социальной однородности.

В период Яёй исчезли или проявили тенденцию к быстрому сокращению атрибуты ритуалов, игравших заметную роль в религиозной жизни людей Дзёмон: *дōгу*, каменные палицы (*сэкибō*), вырывание и подпиливание зубов. Вместо этого сложились два четко выраженных ритуальных комплекса, имевших своими центрами северный Кёсю и район Кишки (совр. столичные округа Киото и Осака, префектуры Сига, Хёго, Нара, Вакаяма, Миэ) на Хонсю. Для первого из них характерны бронзовые ритуальные широкие мечи, для второго — бронзовые колокола (*дōтаку*).

В настоящее время найдено около 500 *дōтаку*. Размеры их варьируются в пределах от 20 до 130 см. При этом с течением времени наблюдается увеличение их размеров и превращение из культового музыкального инструмента в предмет ритуала, лишенный музыкальной функции. Многие колокола украшены изображениями животных, сценами охоты.

Находки последнего времени демонстрируют, что культурное районирование по признаку мечи-*дōтаку* приводит к определенным упрощениям. Так, на северном Кёсю зафиксированы находки

колоколов, а бронзовое ритуальное оружие — в районах Кинки, Тёгоку (совр. префектуры Окаяма, Хиросима, Ямагути, Симанэ, Тоттори) и Сикоку. Существуют и места параллельного бытования колоколов и бронзовых мечей. В настоящее время многие историки считают, что применительно к началу периода Яёй культурно-типологическая характеристика регионов только по наличию в них бронзовых колоколов или же мечей не представляется возможной. Она начинает «работать» лишь в позднем Яёй, когда отдельные регионы уже совершили свой ритуальный выбор. Новые данные показывают сложность реального процесса становления культуры, демонстрируя, что всякая культурная закономерность имеет скорее статистический, нежели чем абсолютный характер.

Археологические открытия последних лет заставляют также предположить, что, помимо Кинки и северного Кёсю, существовал и третий крупный центр культуры Яёй — Идзумо (префектура Симанэ), — отличительными чертами которого были сосуществование бронзовых мечей, *дотаку* и копий, а также высокоразвитая культура выращивания риса. По всей вероятности, население Идзумо имело особенно тесные связи с континентом и в значительной степени было образовано переселенцами.

Обстоятельства находок заставляют предположить, что, по всей вероятности, как мечи, так и колокола, в обычное время хранились закопанными в земле и были предъявляемы общине только во время обрядового действа. Эта модель ритуального поведения впоследствии была унаследована религией синто: храмовая святыня синтоистского храма (*синтай*) может быть предъявлена верующим лишь во время исполнения ритуала; в обычное же время она покоится за плотно закрытыми дверями синтоистского храма. Есть храмы, в которых *синтай* не может быть показан вообще.

К сожалению, мы не располагаем сколько-нибудь надежными источниками для реконструкции ритуалов, в которых употреблялись бронзовые мечи и колокола. Наши знания об однотипных обществах, находящихся на той же ступени развития, позволяют сделать вывод лишь самого общего характера: эти ритуальные предметы были призваны обеспечить единство общины и защитить ее от влияния «злых сил».

Еще одним предметом ритуального назначения были бронзовые зеркала. На севере Кёсю их находят в погребениях, в районе Кинки они использовались во время ритуалов. При этом зеркала местного производства в отличие от зеркал, ввезенных из Китая,

хранились закопанными в землю. Начиная с позднего Яёй, на севере Кёсю зеркала местного производства стали также употребляться не только в качестве погребального инвентаря, но и во время отправления ритуалов, призванных обеспечить благополучие живых. Бронзовое зеркало, уже в качестве храмовой синтоистской святыни, продолжает сохранять ритуальное значение и по сей день. Достаточно сказать, что оно является одной из регалий императорского рода.

* * *

Несмотря на то, что многие вопросы, касающиеся как антропологического состава населения Японского архипелага периода Яёй, так и особенностей хозяйственной и общественной жизни, не могут считаться вполне выясненными, в культуре Яёй просматривается ряд признаков, ставших впоследствии основополагающими для японской культуры.

Преемственность будущей японской культурно-исторической традиции по отношению к периоду Яёй прослеживается по меньшей мере по следующим параметрам:

1. Формирование хозяйственного комплекса, основанного на сочетании трех основных укладов: заливного рисоводства (равнины); рыболовства (побережье); охоты, собирательства, богарного земледелия, лесного промысла (горы).

2. Возникновение трех главных хозяйственно-культурных зон по оси север-юг (Хоккайдō, Хонсю и север Кёсю, юг Кёсю и Окинава).

3. Возникновение четырех главных центров культуры: северный Кёсю, центр Хонсю (Кинки), равнина Кантō, Идзумо.

4. Формирование некоторых общих принципов религиозной практики (сокрытие сакральных предметов), определение части предметов как священных (зеркало, меч).

5. Утверждение Китая и Кореи в роли культурных доноров.

Поэтому культура Яёй может считаться одним из элементов, из которых в дальнейшем сложилась японская культура, и в пределах этих параметров вполне может быть определена как праяпонская.

Часть 2

ФОРМИРОВАНИЕ ЯПОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Наши знания о конкретных процессах, сопровождавших становление государственности, весьма ограничены ввиду почти полного отсутствия письменных свидетельств. Поэтому о ранних этапах формирования государственности приходится судить прежде всего по археологическим данным, далеко не всегда поддающимся однозначной интерпретации.

Если оценивать в самом общем виде экономические предпосылки формирования государственности, то оно стало возможным на основе стремительного роста прибавочного продукта благодаря более широкому применению усовершенствованных железных орудий и — на этой основе — лучшей обработке земли и организации масштабных ирригационных работ.

Глава 1

КУРГАННЫЙ ПЕРИОД (КОФУН)

Период Кофун в общепалеонтологической типологии соответствует железному веку. Он получил свое название от масштабных погребальных сооружений (курганов-кофун), которые в большом количестве строились в Японии в III–VII вв. В них хоронили государей Ямато (самоназвание раннеяпонского государства), которых в силу исторической традиции часто именуют «императорами», местных правителей и родовую знать.

В отличие от периодов Дзёмон и Яёй, исследование которых началось сравнительно недавно, первые попытки изучения таких заметных объектов, как курганы, были сделаны еще в конце XVII века. К настоящему времени открыто более 10 тыс. курганов, однако раскопаны далеко не все из них. Это объясняется, во-первых, их большим количеством, и, во-вторых, нежеланием императорского дома открыть ученым доступ к считающимся захоронениями правящего рода самым большим курганам в районе равнины Нара из-за боязни «потревожить» души предков. На самом деле соотнесение определенного кургана с конкретным правителем было закреплено по политическим соображениям в период Мэй-

ни, во второй половине XIX в., и в подавляющем большинстве случаев имеет гипотетический характер.

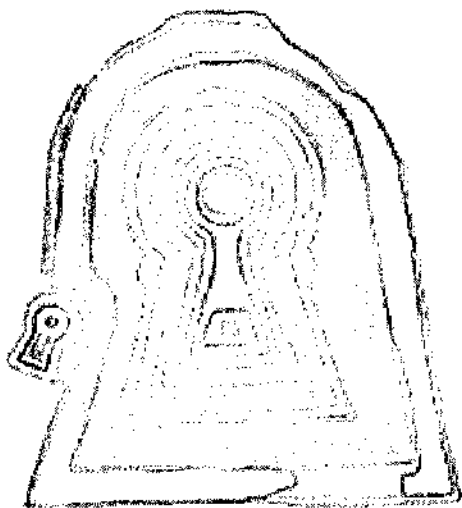
Типология японских курганов

Хронологические рамки периода Кофун Первые сооружения курганного типа (*функёбо*) появились в III в. на севере Кюсю. Обычно они возводились на холме или возвышенности, имели квадратную форму и были окружены рвом. В ранних курганах захоронения осуществлялись в деревянных гробах при почти полном отсутствии погребального инвентаря. Поэтому, если исходить не из чисто археологических, а из социальных критериев, то началом периода Кофун правильнее считать не III, а IV в., когда стали строиться огромные «царские» курганы на равнине Нара.

Хотя строительство курганов продолжалось и в VII в., их размеры тогда резко уменьшились, и уже не они одни определяли «лицо» эпохи. Поэтому верхнюю границу периода логичнее отнести к рубежу VI–VII вв., а для удобства принять за нее 592 г., когда в долине р. Асука (центр Хонсю) начали возводиться дворцы правителей Ямато.

Устройство японских курганов Сооружение курганов свидетельствует о развитом культе предков, типичном для этой стадии развития общества. Хотя идея строительства погребальных сооружений курганного типа была, возможно, заимствована из Китая (об этом свидетельствуют ориентация ранних курганов по оси север–юг, сооружение насыпи с тремя ступенями-платформами, употребление в погребальной камере специфических красителей) или Кореи, японские курганы имели характерные черты, отражавшие особенности местной культуры.

Термин «кофун» обозначает не просто «курган», а целую систему погребения, которая эволюционировала во времени. Имеются «круглые» и «квадратные» курганы, а также различные их модификации, но наиболее специфическим, «японским» типом кургана считается «квадратно-круглый» (*дзэмбё кёэн фун*) или же — как его вариант — «квадратно-квадратный» (*дзэмбё кёхё фун*) (обобщенное название в англоязычной терминологии — *keyhole tumuli*, т. е. «курган в виде замочной скважины»). Все наиболее масштабные курганы имеют именно такую форму, что, возможно, свидетельствует о ее престижности.

Курган императора Оэмы в Осака
(план)

Данный тип курганов впервые появился в районе, прилегающем к равнине Нара (т. н. район Кинай, включавший в себя провинции Ямато, Ямасиро, Кавати, Идзуми, Сэццу) в конце III-начале IV вв., а затем получил распространение и в других частях Японии, что говорит о вовлечении новых территорий в политическую и культурную орбиту Ямато.

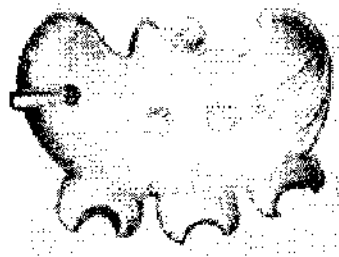
Наибольшее развитие культура Кофун получила на равнине Нара (33 из 36 крупнейших курганов с периметром более 200 м расположены в современной

префектуре Нара и в районе Осака). К ее ареалу можно отнести территорию от северной части о-ва Кюсю до современного города Сэндай на севере Хонсю. Курганы встречаются и далее к северу, но число их невелико, размеры незначительны, а погребальный инвентарь беден. Таким образом, культура Кофун занимала еще меньшую территорию, нежели Яёй.

Образованные каменными плитами погребальные камеры этого периода получили название *татаэна сэкисицу* («каменная камера с вертикальным отверстием»), поскольку гроб загружался в них через отверстие сверху. Гробы выдалбливали из бревен японского кедра (*кёя маки*, *Sciadopitys verticulata*) длиной от 4 до 8 м. С течением времени деревянные гробы были потеснены каменными; в конце периода использовались и керамические гробы. В некоторых погребениях гроб не помещали в камеру, а хоронили прямо на вершине холма.

Погребальный инвентарь включал в себя короны (считается, что они изготовлялись в Корее), бронзовые зеркала (китайского, впоследствии и местного производства), металлическое (в большинстве случаев железное, частично — бронзовое) оружие (кинжалы, мечи, алебарды, наконечники стрел), доспехи, колчаны, орудия труда (железные ножи, топоры, пилы, серпы, гарпуны, крючки), бусы, *магатама* (имевшие ритуальное назначение пла-

шины в форме запятой, выполненные из полудрагоценных камней), браслеты из яшмы и нефрита. В конце IV в. в погребениях стали появляться и яшмовые имитации кинжалов и топоров.

Магатама

На склонах кургана возводилась изгородь из камней и устанавливались глиняные скульптуры — *ханива* (букв. «глиняный круг»), изображавшие дома, утварь, музыкальные инструменты (японскую «цитру» — *кото*, использовавшуюся при отправлении различных обрядов), людей, животных. *Ханива* могли быть выполнены и в виде сосудов.

Ханива выполняли магическую функцию — по всей вероятности, они были призваны охранять могилы предков от проникновения злых духов. Технология их изготовления, а также типологические черты говорят о непосредственной преемственности *ханива* по отношению к керамике Яёй. Сама же идея оформления погребения с помощью глиняных фигур была, возможно, подсказана китайскими образцами, наиболее известным из которых является гробница Цинь Шихуана.

Производство *ханива* было массовым. Так, для уже упоминавшегося кургана Нинтоку их было изготовлено около 20 тыс. штук. В более скромных погребениях, достигавших 20 м в диаметре, находят до 200 экз. *ханива*.

Погребальный ритуал

Мифологическо-летописный свод «Нихон сёки» (720 г.) приводит следующую легенду, касающуюся происхождения *ханива*. В правление императора Суйнин (традиционно датируется 29 г. до н.э. – 70 г. н.э.), когда умер его дядя, приближенные государя были похоронены живьем возле гробницы. В течение нескольких дней, пока они были еще живы, они оглашали окрестности своими воплями. После смерти они стали добычей собак и ворон. Суйнин счел этот древний обычай негуманным. Поэтому, когда через 5 лет скончалась его супруга, место предназначенных в жертву людей заняли их глиняные заменители — *ханива*.

Эта легенда, по всей вероятности, не имеет ничего общего с действительностью; во всяком случае, ей нет никаких археологических подтверждений.

Процедура похорон в кургане включала в себя по крайней мере два ясно выраженных этапа:

1) *Могари* (временное захоронение). После смерти правителя или же другого лица высокого статуса сооружалось специальное помещение (*могари-но мия* — «временный погребальный дворец»), в которое помещались останки усопшего, которые могли находиться там весьма долго — до нескольких лет. В это время строилось постоянное место успокоения — курган, — а в *могари-но мия* проводились различные ритуалы, призванные умиротворить душу покойного и обеспечить переход магических потенций усопшего к его преемнику.

2) Постоянное захоронение в кургане.

Вместе с усилением китайского влияния и иерархическим упорядочением государственной жизни усилилась регламентация и единообразие погребального обряда. Начиная с VI в., умершему правителю, как и в Китае, стало присваивается посмертное имя (сначала — японского типа, а начиная с периода Хэйан — китайского). Одновременно стали использоваться гробы китайского образца, а проведение *могари* было запрещено (за исключением самого правителя и принцев крови).

Эволюция японских курганов

В среднем Кофун, т.е. начиная приблизительно с V в., курганы начали строить уже на равнинах. Часто их окружали рвом (иногда двумя или тремя) с водой. В наиболее богатых захоронениях устраивали дополнительные курганы (*байтэ*), предназначенные для помещения туда погребального инвентаря.

В то время на территории Центральной Японии утвердился культ оружия. Бронзовые и железные мечи, доспехи, босвые кони стали одним из наиболее часто встречающихся компонентов погребального инвентаря, что было связано с частыми военными конфликтами между отдельными территориальными образованиями, всегда сопровождающими процесс становления государственности.

Ханнива. Правитель в короне

Так, в захоронении Арияма, приписываемом «императору» Одзин, было найдено более 3 тыс. металлических мечей и других образцов погребальной утвари. При этом возросло количество предметов, изготовленных на континенте: золотые ушные украшения, керамика континентального типа *суэ* (имела пепельный цвет, изготавливалась на гончарном круге, обжиг проводился в гончарной печи) стали вытеснять каменную утварь местного происхождения и бронзовые зеркала. В районе равнины Нара стали исчезать и *ханива*. Появилась погребальная камера нового типа («каменная камера с боковым входом» — *ёкоана сэкисицу*), обеспечивающая доступ туда через боковой вход. Это позволяло совершать захоронения в таком типе погребального сооружения несколько раз, что и делалось в позднекурганном периоде.

В позднем Кофун, т. е. в VI–VII вв., курганы уменьшились в размерах, но их количество возросло, поскольку они стали использоваться более широким кругом правящей элиты. Появились новые курганные «кладбища» — некоторые холмы были буквально покрыты «круглыми курганами» коридорного типа, имеющими в диаметре около 15 м. Присутствие в крупных скоплениях погребений курганов разных форм и размеров, отличавшихся по составу погребального инвентаря, свидетельствует о далеко зашедшем процессе социальной и имущественной дифференциации.

Погребальный инвентарь включал в себя разнообразные предметы ежедневного обихода, отражавших различия в социальном положении и профессиональных занятиях (мечи, кузнечные принадлежности). Кроме того, обнаружены украшения и керамические сосуды как континентального (*суэ*), так и местного (*хадзи* бытовые сосуды, изготовленные без применения гончарного круга) типа с остатками пищи, предназначавшиеся, по всей вероятности, для обеспечения существования покойного в ином мире.

В конструкции и оформлении курганов имелись заметные региональные различия. Так, на севере Кёсю *ханива* были вытеснены фигурами из местного туфа, а стены камеры украшались росписью. В Восточной Японии продолжалось производство *ханива*, к тому времени почти прекратившееся в Центральной Японии. Именно там выразительность и разнообразие *ханива* достигли наибольшего расцвета.

Самым известным погребением с росписью считается курган Такамацудзука (префектура Нара), датируемый VII в. Его диаметр составляет 18 м, высота — 5 м. Росписи Такамацудзука имеют прямые параллели с росписями корейских курганов. На потолке погребальной камеры изображено звездное небо. На восточной

стене помещено изображение солнца и синего дракона, окруженными четырьмя мужскими фигурами с одной стороны и четырьмя женскими — с другой. Западную стену украшают луна и белый тигр, также окруженные восемью фигурами мужчин и женщин. На северной стене изображен гибрид змеи с черепахой. Роспись южной стороны, видимо, должна была изображать птицу Феникс (яп. *судзаку*, кит. чжуняо — «красный сокол») — одного из представителей животного-мифологического мира, соотносимого в китайской традиции со сторонами света. Погребальный инвентарь этого кургана был почти полностью разграблен.

Несмотря на региональные отличия в типах курганов и содержащейся в них погребальной утвари, принципиальное единообразие погребальных сооружений на значительной территории свидетельствует о быстрой распространения культурной информации по всей территории государства Ямато. Механизмы ее передачи на данный момент не вполне ясны. Ключ к ответу на этот вопрос следует, видимо, искать в высокой плотности населения, условиях расселения, готовности населения к усвоению новой информации, в особенностях властных отношений.

* * *

Образование курганного культурного комплекса сопровождалось вытеснением из Центральной Японии культуры бронзовых колоколов *дотаку*. Существует основанное на данных мифологическо-летописных сводов традиционное мнение, что это произошло в результате завоевания этого района племенами, пришедшими с севера Кюсю. Антропологические исследования последнего времени показали, что для периода Кофун действительно характерно распространение «человека Яёй» (т. е. переселенцев с Корейского полуострова и их потомков) вплоть до равнины Нара. Правда, в связи с этим вряд ли можно говорить о «завоевании» как о военном походе: скорее, имело место довольно медленное и постепенное продвижение. Однако, в любом случае, распространение «курганной культуры» происходило при прямом участии переселенцев и их потомков.

Перемены в обществе периода Кофун

Появление курганов свидетельствовало о важных переменах в обществе. Строительство огромных сооружений было невозможно без развития значительной социальной дифференциации, усиления контроля над населением и появления государственных (про-

государственных) структур. Кроме того, оно должно было быть обеспечено достаточным количеством прибавочного продукта.

Интенсификация хозяйства В период Кофун климат Японских о-вов терпел неблагоприятные изменения. Выросло количество осадков и произошло некоторое похолодание, что отодвинуло к югу ареал распространения заливного рисоводства и вынудило общество адаптироваться к несколько ухудшившимся условиям земледелия за счет ведения более интенсивного и эффективного хозяйства.

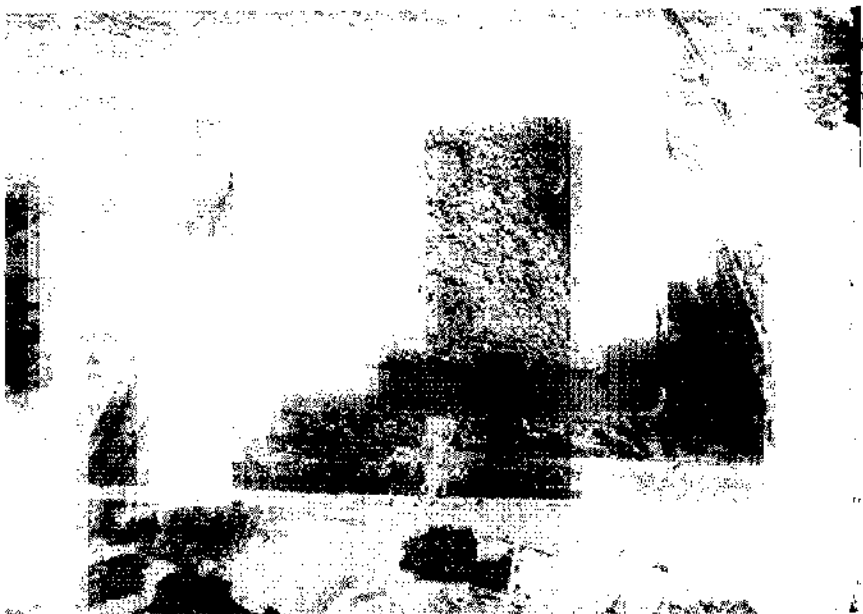
Интенсификация проходила по двум основным направлениям. Во-первых, стали широко применяться металлические орудия труда, которые стали вытеснять деревянные. В значительной степени это было достигнуто за счет импорта из Китая и Кореи железных предметов, которые, похоже, использовались также в качестве дешевого эквивалента. Во-вторых, началось массовое строительство ирригационных сооружений, что потребовало кооперации не только на деревенском, но и на региональном уровне и, соответственно, привело к возникновению более сложной общественной организации и структур управления.

В результате значительно увеличилась площадь обрабатываемой земли, возросло количество населения, которое могло прокормиться с нее, усилилась централизация общественной жизни. Свидетельством высокой концентрации власти и ресурсов являются хранилища, найденные в Хбэндзака (неподалеку от Осаки): там могло храниться около 4,5 тыс. т риса.

Сооружение погребальных курганов открыло не слишком продолжительную в истории Японии эпоху своеобразной гигантомании, когда нарождавшаяся государственность пыталась утвердить себя при помощи возведения огромных сооружений, для чего местные вожди (и прежде всего правящий род) проводили мобилизации населения, оказавшегося к тому времени под их контролем. Этот период увлечения грандиозными проектами (в частности, государственным строительством огромных буддийских храмов) полностью завершился с перенесением столицы в Хэйан в 794 г.

Стройки периода Кофун действительно могут поразить воображение. Самые большие из ныне известных курганов имеют более 200 м в диаметре, а периметр погребального сооружения «императора Нинтоку» составляет 486 м. Расчеты показывают, что для возведения последнего были проделаны земляные работы общим объемом 1405866 куб. м. Для перевозки такого объема грунта требуется 562347 ездов 5-тонного грузовика. Если допустить, что переноска земли осуществлялась на расстояние 250 м, и один

человек был в состоянии перенести 1 куб. м грунта за день, то для выполнения этого объема работ потребовалось бы около 1406000 человеко-дней. Другими словами, если ежедневно на постройке кургана трудилась 1 тыс. чел., его сооружение заняло бы приблизительно 4 года.

Курган императора Нинтоку в Осака

Вдобавок, на поверхности курганов часто устраивали насыпь из мелких камней и гальки, а само погребальное сооружение окружали рвом с водой (вокруг «кургана Нинтоку» таких рвов было выкопано три). Археологический эксперимент, проведенный при реконструкции кургана Госикидзука (периметр — 194 м, построен на рубеже IV–V вв., расположен в современном г. Кōбэ), показал, что там для сооружения такой насыпи понадобилось 2233500 камней общим весом в 2784 т.

Поселения периода Кофун

Поселения периода Кофун демонстрируют рост социальной дифференциации. В период Яёй все люди из одной общины жили на одной территории, окруженной рвом с водой. В курганный период, однако, выделились «управляющие», которые устраивали отдельно стоявшие от основного поселения обнесенные изгородью усадьбы — точно так же, как и курганы, вынесенные за пределы клад-

ищ для простолюдинов. Жилища последних также подразделялись на несколько типов по размеру и конструкции (наземные, полужемлянки), которым, по всей вероятности, соответствовали и разные типы захоронений (могилы различной площади и с разным похоронным инвентарем).

Площадь поселений периода Кофун значительно увеличилась. Так, одно из наиболее крупных поселений времени Яёй Карако-баги занимало 22 тыс. кв. м, а площадь поселения курганной эпохи Макимуку, расположенного на территории той же префектуры Нара, достигла 1 кв. км.

Раскопки, проводимые в районе Осака-Нара-Киото, демонстрируют наличие там развитого и высокоспециализированного типа хозяйства: поселений земледельцев, гончаров, рыбаков, солеваров, кузнецов. Это, в свою очередь, предполагает наличие развитых торговых связей. Так, упомянутое поселение Макимуку, по всей вероятности, стояло на пересечении торговых путей, о чем свидетельствует большое количество керамики, завезенной из других регионов (около 15%).

Сведения о Китайская династическая хроника «Вэй-чжи», охватывающая период 220–265 гг.,
«стране» Яматай несмотря на краткость ее сообщения о «людях Ва» (японцах), дает весьма красочное (хотя, видимо, и не всегда достоверное) описание ситуации и нравов на архипелаге в то время. Так, в ней говорится, что «люди Ва» живут на отличающихся теплым климатом гористых островах, где они занимаются возделыванием риса, конопли и тутового дерева, а также используют железные орудия, хотя и не в большом количестве. В «земле Ва» насчитывается более 30 «стран», в которых «люди высокие» имеют по 4–5 жен, люди более низкого положения — 2–3; одни люди считаются подданными других. В этих «странах» собираются налоги, а также устроены «рынки», где производится обмен товарами под надзором властей. Особо выделяется одна из этих «стран» — Яматай, — которая главенствует над остальными и даже имеет там своих наместников, дабы держать их «в страхе и ужасе».

Данные о политической истории Ва, сообщаемые «Вэй-чжи», гласят, что после периода длительных войн между государствами, управлявшихся мужчинами, престол заняла девственница по имени Химико (Пимико), которая обладала магическими способностями и не показывалась людям на глаза. У нее был младший брат, который выступал в качестве медиума, помогая ей тем са-

мым в делах управления. В 248 г. Химико умерла и была похоронена в огромном кургане.

* * *

Местоположение государства Яматай и соотнесение правительницы Химико с историческими фигурами, упоминаемыми в японских летописных источниках более позднего времени, остается предметом постоянной научной и околонаучной дискуссии. И если единственным приемлемым кандидатом «на роль» Химико является Дзингү (поскольку японские письменные источники сообщают только об одной женщине-правительнице), то с локализацией Яматай дело обстоит сложнее. В разное время историки помещали его то на севере Кёсю, то на равнине Нара. В настоящее время более признана вторая точка зрения, поскольку к III в., как свидетельствуют археологические данные, север Кёсю в определенной мере утратил свою роль технологического и культурного донора, и распространение «кругло-квадратных» курганов шло именно из района Кинай в направлении Кёсю, а не наоборот.

Тем не менее, север Кёсю продолжал играть значительную роль в культурной, хозяйственной и политической жизни благодаря частым контактам с материковой цивилизацией, высокому культурно-технологическому уровню населения, наличию там месторождений железосодержащего песка.

Глава 2

ГОСУДАРСТВО ЯМАТО

Письменные источники

В период Кофун на Японском архипелаге начала распространяться письменность. Поэтому изучение этого и последующих периодов возможно на основании не только археологических данных, но и сведений письменных источников, доля которых в общен историческом источниковедческом корпусе по мере приближения к концу периода Кофун заметно возрастает.

Свод «Кодзики» Первым из полностью дошедших до нас сочинений государственно-исторического характера является «Кодзики» («Записи о делах древности», 712 г.). Этот памятник еще в полной мере нес на себе печать дописменной культуры и фактически представлял собой фиксацию текстов, уже сложившихся в устной традиции.

В предисловии к «Кодзики» сообщалось, что после кровопролитной междоусобицы «годов Дзинсин» трон занял Тэмму, и возникла необходимость пересмотра уже сложившихся представлений о роли тех или иных знатных родов в «истории». Составитель «Кодзики» Оно-но Ясумаро приводил слова государя:

«До нашего слуха дошло, что императорские летописи и исконные сказания, кои находятся во владении различных родов, расходятся с правдой и истиной, и к ним примешалось множество лжи и искажений... Посему нам угодно, чтобы были составлены и записаны императорские летописи, распознаны и проверены старинные сказания, устранены заблуждения и установлена истина, и чтобы она была повсюду грядущему потомству».

Во исполнение этого повеления сказитель Хиэда-но Арэ выучил наизусть бытовавшие мифы и предания, а затем Оно-но Ясумаро записал их с его слов на китайском литературном языке — вэнъяне.

«Кодзики» состоит из трех свитков. Первый из них представляет собой рассказ о последовательном появлении на свет божеств (и их потомков в мире людей) и их деяниях. Затем, во втором и третьем свитках, следует описание правлений «императоров» (*тэнно*, *сумэрамикото*; перевод этих терминов как «император» условен), включающее в себя генеалогию и деяния как их самих, так и основных царедворцев. Таким образом, история го-

сударства персонифицировалась в истории правящего, а также других могущественных родов.

Обилие генеалогической информации, содержащейся в «Кодзики», свидетельствует о том, что японцев того времени более всего заботил счет по поколениям, а не по годам. Хронология первых правителей носит в памятнике полумифический характер. Только с середины VI в. немногочисленные датировки «Кодзики» начинают более корректно соотноситься с данными корейских и китайских источников и второго японского мифологическо-летописного свода «Нихон сёки» (720 г.).

Ко времени составления «Кодзики» уже существовала достаточно развитая «историческая» традиция (существовавшая как в устной, так и в письменной форме). Разумеется, это не была «история» в современном смысле слова: под «историей» тогда понималось «бывшее», имевшее отношение к происхождению того или иного знатного рода. И чем более древним оно было, тем более прочными виделись позиции его представителей в настоящем. Следствием такой ценностной ориентации стало стремление государства монополизировать контроль над прошлым, т. е. миром предков.

Повествование «Кодзики» имело ясно выраженную идеологическую направленность: оно было призвано обосновать легитимность правящей династии (как прямых потомков богини солнца Аматэрасу), а также обоснованность высокого общественного положения других влиятельных родов (поскольку их божественные предки играли ту или иную роль в обустройстве земли Японии в мифологические времена). Иными словами, задача состояла в том, чтобы создать такую модель прошлого, которая подтверждала бы справедливость социального настоящего.

Свод «Кодзики» был первым, но далеко не последним сочинением такого рода. Идеологическая ценность прошлого вела к тотальному господству «исторического» сознания. Практически все нарративные (повествовательные) прозаические тексты той эпохи можно квалифицировать как исторические, т. е. основанные на хронологической последовательности изложения. Всякий объект описания рассматривался во временном аспекте, а те явления, которые в историческом свете отразить было невозможно, не становились, как правило, объектом изображения. Показательно, что VII–VIII вв. не оставили ни одного сколько-нибудь крупного памятника религиозно-философской мысли.

Свод «Кодзики» является одним из наиболее знаменитых памятников японской истории и культуры. Однако в древней и

средневековой Японии он практически не был известен. Его повторное открытие было связано с деятельностью ученых школы «национального учения» (*кокузаку*) XVII–XVIII вв., которые стали его первыми комментаторами. Таким образом, непосредственное влияние «Кодзики» на последующую раннесредневековую культурную традицию оказалось в лучшем случае ограниченным.

Точного ответа на вопрос о причинах такой культурной «забытости» не существует. Возможно, свод «Кодзики» был родовой эзотерической (тайной) хроникой правящего дома. Однако более вероятно то, что его содержание слабо учитывало реальное соотношение сил внутри правящих кругов в начале VIII в. и не отражало возросшего влияния тех родов, которые возвысились сравнительно недавно. Так, род Фудзивара, отпочковавшийся от синтоистского жреческого рода Накатоми, к началу VIII в. приобрел значительное влияние при дворе, однако «Кодзики» обходит его вниманием. Не было в «Кодзики» и никаких сведений относительно иммигрантских родов, а также буддизма, который в момент составления «Кодзики» уже стал выполнять роль составной части государственной идеологии.

По-видимому, ценностные установки составителей «Кодзики» были продиктованы той частью правящей элиты, которая в наибольшей степени была заинтересована в максимальной консервации протогосударственных идеологических и социальных структур. Не случайно поэтому, что факт составления «Кодзики» не нашел никакого отражения в основном историческом источнике VIII в. — хронике «Сёку нихонги», — а уже в 720 г., всего через 8 лет после «Кодзики», под руководством принца Тонэри был составлен другой генеалогическо-летописный свод — «Нихон сёки».

Свод «Нихон сёки» Несмотря на сходство целей создания обоих памятников (создание «автобиографии» государства), между «Кодзики» и «Нихон сёки» имелись существенные отличия, которые объясняют, почему они были созданы с таким небольшим разрывом во времени.

По сравнению с «Кодзики» (3 свитка) содержание «Нихон сёки» (30 свитков) было намного богаче: в нем приводилось несколько вариантов одних и тех же мифов, преданий и сообщений, деяния правителей характеризовались значительно подробнее, а повествование было доведено до 697 г. (в «Кодзики» оно обрывается правлением Суйко — 628 г.).

В настоящее время исследователями выделяется по меньшей мере 7 типов источников, которые послужили основой для составления «Нихон сёки»: 1) предания правящего дома (мифы, имена

правителей, генеалогия, важнейшие события правлений); 2) аналогичные сведения, касающиеся других влиятельных родов; 3) местные предания; 4) погодные записи правящего дома, которые, вероятно, стали вестись начиная с правления Суйко; 5) личные записи придворных, касавшиеся тех или иных событий; 6) храмовые буддийские хроники; 7) корейские и китайские источники.

Если представить себе количество информации, сообщаемой хрониками, в виде пирамиды, то в «Кодзики» она будет иметь основанием далекое прошлое (описание последних по времени правлений представляет собой лишь генеалогическое древо правящего дома), а в «Нихон сёки» — наиболее близкие по времени к авторам свода события. Их описание имеет явную тенденцию к детализации и к охвату более широкого круга явлений, а хронология описываемого становится все более строгой и регулярной.

В отличие от «Кодзики», в «Нихон сёки» отражено возвышение рода Фудзивара и придается большее значение служилой знати. Кроме того, одним из основных объектов описания в «Нихон сёки» является процесс распространения буддизма, а также «реформы Тайка», начатые в середине VII в. и призванные поставить Японию в один ряд с другими, «цивилизованными» государствами Дальнего Востока (прежде всего — с Китаем).

Наконец, «Кодзики» не является памятником государственной мысли в собственном смысле этого слова — речь в нем идет лишь об «императорском» дворе, в то время как в «Нихон сёки» регулярно употребляется термин «Япония» (Ямато или Япония — *Нихон*), что свидетельствует об овладении китайской государственно-политической терминологией. Об этом же свидетельствуют включенные в него многочисленные скрытые цитаты из китайских философско-литературных произведений.

Как показали исследования японских ученых, составители «Нихон сёки» активно использовали 100-томный труд Оуян Сюня «Ивэнь-лэйдзюй» («Изборник изящной словесности», 642 г.), представляющий собой свод литературных образцов, употреблявшихся в произведениях до-танского времени. Поэтому скрытое цитирование в «Нихон сёки» того или иного китайского источника отнюдь не означает, что составители были знакомы с ним непосредственно.

Кроме того, составители «Нихон сёки» использовали (правда, в гораздо меньшем объеме) китайские хроники («Вэй-чжи», «Хань-шу», «Хоухань-шу»), приводя содержащуюся в них информацию о Китае в качестве относящейся к самой Японии. Видимо, они стремились таким образом показать сопоставимость японско-

го строя жизни с китайским, поставить их в одну «весовую категорию», а также заполнить хронологические пустоты, возникавшие из-за отсутствия или недостатка реальной исторической информации.

Надо иметь в виду, что соответствие местного, японского творчества континентальным (прежде всего, китайским) образцам служило в то время важным параметром, по которому оценивалось «качество» летописания. С этой точки зрения свод «Нихон сёки» представлялся современникам гораздо более ценным, чем «Кодзики», поскольку находится к ним намного ближе.

Все это подтверждает предположение о том, что свод «Кодзики» слабо учитывал реалии современного общества, соотношение сил внутри правящей элиты, что, видимо, и послужило основанием для составления «Нихон сёки». В результате «Кодзики», по всей видимости, превратился в забракованную культурой версию прошлого, а «Нихон сёки», напротив, заложил основы официального летописания, а его мифологическая часть стала основным вариантом письменно зафиксированного канона «государственного» синтоизма.

Поэтому, если «Кодзики» в качестве памятника исторической мысли стоит особняком, то «Нихон сёки» принято рассматривать в качестве первой из «шести национальных историй» (*риккоку-и*), т. е. череды официальных хроник японского государства. К их числу относятся также «Сёку нихонги» («Продолжение анналов Японии», 797 г.), «Нихон кёки» («Поздние анналы Японии», охватывает период 792–833 гг.), «Сёку нихон кёки» («Продолжение поздних анналов Японии», 833–850 гг.), «Нихон Монтоку тэннō дзицуроку» («Истинные записи об императоре Японии Монтоку», 850–857 гг.), «Нихон сандай дзицуроку» («Истинные записи о трех императорах Японии», 858–887 гг.).

Несмотря на то, что составители «Нихон сёки» находились под непосредственным влиянием китайской исторической традиции, они сохраняли критическое отношение к ней, что проявилось в существенных идеологических отличиях. Важнейшим из них было неприятие японцами идеи «мандата Неба» (т. е. возможности смены правящей династии) — основной концепции конфуцианской государственно-политической мысли. Целью китайских династических хроник, составлявшихся после смены династии, было обоснование исторической целесообразности такой смены, а «Нихон сёки» была составлена как обоснование прямой линии наследования правящего рода богине Аматэрасу, что подчеркивало принципиальную невозможность смены династии, которой припи-

сывался атрибут вечного существования. Поэтому «Нихон сёки» имеет начало (рассказ о начале мира), но фактически не имеет конца — какого-либо подведения итогов.

Какова же надежность сообщаемой «Нихон сёки» исторической информации? В самом общем виде на этот вопрос можно ответить так: этот памятник представляет собой модель прошлого, каким оно виделось из VIII века, и потому он может быть квалифицирован как сочетание отчета о событиях, имевших место в действительности, и представлений о том, какими эти события могли (должны были) быть. В целом, достоверность сообщений «Нихон сёки» может служить предметом обсуждения только начиная приблизительно со второй половины V в. До этого вся хронология носит легендарный характер и может рассматриваться по преимуществу как материал для реконструкции исторического сознания начала VIII в.

Социально-политическое устройство

Эпиграфические источники

К сожалению, надежные письменные данные относительно формирования японской государственности в V в. практически отсутствуют. Данные китайских и корейских хроник не полны и не точны; свидетельства японских мифологическо-летописных сводов также заслуживают доверия далеко не всегда и потому могут считаться скорее источником по реконструкции картины мира и менталитета японцев VIII в., чем по восстановлению реальных исторических событий. Тем больший интерес представляют немногочисленные имеющиеся в нашем распоряжении эпиграфические источники.

Одним из самых информативных из них является «меч из Инарияма». Этот меч, изготовленный в Южном Китае, с надписью из 115 иероглифов был обнаружен в 1978 г. при раскопках кургана Сакитама-Инарияма неподалеку от Токио (префектура Сайтама). Надпись, в языке которой обнаруживается немало кореизмов и датированная (согласно 60-летнему циклу) 471 или 531 г., вначале перечисляет восемь колен предков по мужской линии некоего Вовакэ-но Оми. Затем говорится следующее:

«Из поколения в поколение до сегодняшнего семья Вовакэ-но Оми служила в качестве главы меченосцев. Когда великий государь (оклами, буквально «великий ван») Вакаатакэру (речь идет о Юрику, согласно «Нихон сёки» правил в 456–479 гг. — *Ред.*) пребывал во дворце Сики, Вовакэ-но Оми помогал ему управлять Поднебесной. Ввиду этого приказано изго-

товить этот острый стократно закаленный меч и записать истоки его службы, начиная с предков».

По всей вероятности, Вовакэ-но Оми был послан государем на посток для обеспечения там порядка, а сам меч можно рассматривать как разновидность инвеституры, знака вступления в должность. Как видно из данной записи, к V в. существовавшее в Японии государственное образование обладало уже достаточно развитой и продолжительной традицией, проявлявшейся, в частности, в преемственности полномочий, передававшихся от отца к сыну. Его границы охватывали (или вернее должны были охватывать) территорию по меньшей мере от равнины Кантō на севере до Кёйсё на юге (меч с аналогичной, но не до конца расшифрованной выписью с упоминанием титула правителя *окими*, был обнаружен также в префектуре Кумамото), хотя вряд ли можно говорить о полном доминировании Ямато на этой территории.

Зарождение сословно-структуры Меч из Инарияма свидетельствует о том, что к концу V—началу VI в. элементом государственно-управленческой организации, охватывавшей всю территорию государства Ямато, были некие кровнородственные образования. Из более поздних источников известно, что они носили название «*удзи*», и им (или же их главам) правителем присваивались наследственные титулы (*кабанэ*), которые, по всей вероятности, свидетельствовали о месте, которое занимал данный род в структуре отношений правящего рода с «подданными». В надписи из Инарияма упоминается один из таких *кабанэ* — *оми*. В другом эпиграфическом памятнике V в. — надписи 443 г. из 48 иероглифов на бронзовом зеркале, хранящемся ныне в синтоистском храме Судэ Хатиман (префектура Вакаяма) — упоминается имя Кавати-но Атаи, где Кавати — родовое имя, а Атаи — *кабанэ*. Множество упоминаний о *кабанэ* имеется и в «Нихон сёки».

Судя по всему, главными из *кабанэ* были *оми* («великий *оми*») и *окурадзи* («великий *курадзи*»), которые даровались только лицам особо приближенным к государю (в V в. наибольшим авторитетом при дворе пользовались роды Хэгури, Отомо, Мононобэ).

Кроме *кабанэ*, указывавших на роль глав рода в структуре управления, существовал и другой общественный маркер, имевший общее название *бэ*. Это были наследственные социальные группы, образованные по роду занятий. Судя по всему, первые *бэ* (они назывались *томо-но бэ*) появились по крайней мере в нача-

ле V в. Они занимались охраной дворца, доставляли воду, выступали в качестве кладовщиков. Впоследствии, по мере развития территориальной экспансии Ямато, группы *томо-но бэ* были созданы и на периферии государства.

Главам *томо-но бэ* присваивался наследственный титул *томо-но мияцукю*. Специальные группы *бэ* — *касиро* и *косиро* — были созданы для обслуживания потребностей супруги государя и престолонаследника. Многие группы *бэ* были образованы высококвалифицированной рабочей силой и занимались выплавкой металла, проектированием и строительством курганов и ирригационных систем, разведением лошадей и т.д., а их главы постепенно стали занимать высокое положение при дворе (например, Мононобэ — род профессиональных занятий неизвестен; Отомобэ — производители оружия; Имибэ — жрецы). Многие профессиональные группы были образованы выходцами с материка: вовлеченность Ямато в вооруженные конфликты на Корейском полуострове не только отвечала гегемонистским устремлениям правящей элиты, но и способствовала притоку высококвалифицированных ремесленников, управленцев, строителей из Пэкче.

Перемещение политического центра Ямато

Как уже говорилось, центр формирования японской государственности располагался на равнине Нара. Это отразилось и в локализации крупных курганов. В Саки, на юго-востоке этой равнины, у подножия горы Мива, расположены 6 крупных «царских» курганов, датируемых рубежом III–IV вв. Гора Мива считалась в синтоизме одной из самых священных, а ее культ относится к числу наиболее древних. Она неоднократно фигурирует в «Кодзики» и «Нихон сёки», а наиболее популярные предания, связанные с ней, относятся к правлению Судзин (предполагается, что один из курганов этой группы принадлежит ему). Весьма вероятно, что подобная группа курганов была призвана обозначать идею преемственности власти.

То же самое можно сказать и о другой группе «царских» курганов в Саки (северо-западная окраина нынешнего города Нара). В то время главным храмом Ямато стал, видимо, Исоноками, который славился воинскими культами и особенно своей сокровищницей с запасами оружия (управлялась родом Мононобэ). До сих пор в Исоноками хранится древний церемониальный железный меч (поскольку его клинок имеет по три «отростка» с каждой стороны, он называется «семилезвийным» — *ситиситё*), на котором выгравирована надпись из 61 иероглифа (дешифрованы не все из них), утверждающая, что он был изготовлен в Пэкче в 369 г. и

ыл подарен правителю Ямато (в «Нихон сёки» имеется запись, что такой меч был подарен Дзингю). Это является еще одним свидетельством существования тесных связей между двором Ямато и государствами Корейского п-ова. В то время Ямато поддерживало союзнические отношения с Пэкче, поддерживая его в перманентном противостоянии с другими корейскими государствами — Когурё и Силла).

В V в. место захоронений правителей Ямато вновь было перенесено. Теперь оно располагалось в районах северного Идзуми и южного Кавати. Именно в то время там были построены самые масштабные курганы в японской истории (в том числе «курган Пинтоку», площадь которого составляет около 60 га). Погребальный инвентарь этого периода содержал больше, чем прежде, железных предметов и, в особенности, оружия и меньше — бронзовых зеркал и *магатама*. В одном из курганов, расположенных рядом с погребением, приписываемом Ёдзин, было обнаружено 17 железных мечей, 62 железных наконечника стрел, 203 железных серпа и множество других изделий из железа. Это свидетельствует как о возрастании фактора военной силы в делах страны, так и о значении, которое правящая элита придавала контролю над важнейшим «стратегическим» товаром — железом.

В разное время было выдвинуто по крайней мере четыре гипотезы относительно причин переноса места царских захоронений в район Идзуми-Кавати.

1. В то время случилось нашествие кочевого «народа наездников» (*киба миндзоку*), якобы пришедших с континента через Корейский п-ов и основавших новое государство. Эта гипотеза, выдвинутая в 1948 г., до сих пор не нашла сколько-нибудь веских подтверждений.

2. Власть царей Ямато распространилась из района Нара до Кавати. В результате в V в. сложилась федерация, объединявшая в себе территории Идзуми и Кавати, правители которых были связаны кровнородственными отношениями, в связи с чем царские захоронения попеременно производились в этих районах.

3. Участвовавшие контакты с Кореей и укрепление связей с периферией Ямато потребовали переноса центра государственной жизни ближе к морю, к морскому порту Нанива. Важность моря и морских коммуникаций для правителей V в. косвенно подтверждается также тем, что в летописях, повествующих об этом времени, большое место уделяется божествам храма Сумиёси, тесно связанных с морскими культами.

4. Произошла смена династий. Новую династию основал Ёдзин (трад. 270—310), и к ней принадлежали также Ритё, Ингё, Юряку, Сэйнэй и Нинкэн.

Последняя версия, поддержанная многими известными специалистами, считалась до последнего времени наиболее авторитетной. Однако, как показали работы историка Вада Ацуму, перенос мест захоронений отнюдь не означал, что переносилось и месторасположение дворцов соответствующих правителей, подавляющее большинство которых (за исключением Нинтоку и Хандзэй) продолжали располагаться в долине Нара, т. е. в собственно Ямато (каждый правитель строил для себя новый дворец, что, вероятно, было связано с ритуалом восшествия на престол, которому придавался смысл всеобщего обновления и возрождения). Таким образом, если смена династии и имела место (тогда или позднее) то об этом нельзя судить только по местоположению погребальных курганов.

В V в. строительство квадратно-круглых курганов велось не только в центре Ямато, но и на периферии — например, в Кэн (префектура Гумма). Курганы там возводились и в IV столетии, но курганы V в. заметно увеличились в размерах (одновременно количество их уменьшилось), превратившись в уменьшенные копии курганов района Кавати-Идзуми. Это свидетельствует о тесной связи центра и периферии. В настоящее время распространено мнение, что строительство квадратно-круглых курганов было своего рода привилегией, даруемой тем местным правителям, которые признавали власть Ямато.

* * *

Относительно «политической истории» этого периода мы наверняка можем утверждать только одно: между наиболее мощными территориальными и кровнородственными объединениями происходила ожесточенная борьба за власть. Об этом, в частности, свидетельствует сюжет из «Нихон сёки», описывающий правление Бурэцу.

Бурэцу характеризуется «Нихон сёки» как отвратительный правитель:

«Став взрослым, он увлекся наказаниями преступников и законами о наказаниях. Он стал хорошо разбираться в уложениях...И он сотворил много зла — ни одного хорошего поступка за ним не числится. Народ в стране боялся и трепетал».

Трудно сказать, насколько это решительное высказывание соответствует действительности (вряд ли в начале VI в. речь могла

идти о каких-то законодательных уложениях). Скорее всего, настоящее «преступление» Бурэцу состояло в другом: он не оставил престолонаследника, в результате чего на трон взошел Кэйтай — представитель боковой линии правящего рода, обосновавшейся вне пределов равнины Нара. Его дворец Иварэ и приписываемый ему погребальный курган были расположены на юго-западе равнины Нара, у подножия горы Мива, т. е. там же, где находился двор Ямато в начале своего существования. В качестве причин обратного переноса дворца из района Нанива обычно называют боязнь вторжения Силла и близость Иварэ к владениям усиливавшегося клана Сога.

Внешняя политика Ямато

Перенос сакрального центра государства совпал с началом проведения им активной внешней политики: еще во второй половине IV в. был заключен военный союз с Пэкче для борьбы с другим государством Корейского п-ова — Когурё, которое поддерживала китайская династия Северная Вэй. К началу V в. на Корейском п-ове оформилось противостояние двух блоков: Когурё и Силла с одной стороны, и Пэкче вместе с Ямато — с другой. При этом первый союз ориентировался на северокитайские династии, а второй — на южно-китайские.

В 421–478 гг. двор Ямато отправил 10 миссий к правителям династии южная Сун. «Нихон сёки» ничего не сообщает об этих посольствах — сведения о них содержатся только в китайской летописи «Сун-шу». Ее составители сообщают о прибытии посольств с данью, которые были отправлены «пятью ваннами» Ямато. Поскольку в хронике не приводятся японских имен этих правителей, то их идентификация всегда была предметом дискуссии. В настоящее время считается, что посольства Ямато в южносунский Китай относятся к правлениям Ёдзин (или Ритю), Хандзэй, Ингё, Анкё и Юряку.

Пэкче часто просило Ямато о военной помощи, и, согласно письменным источникам, часто ее получала. Поэтому зависимость Пэкче от Ямато была весьма велика (члены королевской фамилии Пэкче, включая престолонаследников, содержались при дворе Ямато в качестве заложников), и Ямато считало Пэкче своим вассалом. Запись «Сун-шу» от 478 г. утверждает, что правитель Ямато (вероятно, это был Юряку) якобы просил у южносунского императора Шунь-ди назначить его правителем Пэкче, но получил лишь титул верховного главнокомандующего.

Вплоть до начала VII в. государство Ямато оказывало большое влияние на баланс военно-политических сил в этом регионе. Некоторые государственные образования на Корейском п-ове (напр., Мимана, кор. Имна) временами находились с Японией в вассальных отношениях и регулярно присылали посольства с данью. Хотя достоверность японских письменных источников, трактующих события этого времени, остается весьма проблематичной, повышенное внимание, уделяемое ими событиям в Корее и взаимоотношениям двора Ямато с государствами Корейского п-ова (иногда создается впечатление, что мы имеем дело скорее с историей Кореи, а не Японии), служит, вкупе с археологическими данными, свидетельством вовлеченности Японии в происходившие там события.

Сведения относительно гегемонистских амбиций Ямато, содержащиеся в японских летописях, частично подтверждаются данными корейских письменных источников. Наиболее достоверным из них принято считать датируемую 414 г. погребальную стелу, воздвигнутую в память вана (правителя) Когурё по имени Квангэтхо. В состоящей из 1800 иероглифов надписи на этой стеле сообщается, в частности, о победе над войсками Ва (Ямато), которые вторглись в Когурё в 399 г.

Наиболее раннее упоминание в «Нихон сёки» относительно военной активности Ямато на Корейском п-ове относится к правлению императрицы Дзингү. Замыслив завоевать заморские земли «на Западе», она молит:

«Следуя наставлению богов Неба, богов Земли и обретая опору в душах государей-предков, я собираюсь переплыть синее море и сама завоевать Запад. И вот, сейчас я опущу голову в воду морскую. Если дано мне получить знак о благоприятном исходе, то — волосы мои, сами собой разделитесь надвое!»

Волосы ее, разумеется, сами собой разделяются надвое — решение принято. О легендарном походе Дзингү в Корею сообщается, что «бог ветра вызвал ветер, а бог моря вызвал волны, и все большие рыбы морские стали помогать ладье». После того, как при виде войска Ямато ван Силла добровольно покорился («отныне и впредь я тебе буду служить до тех пор, пока существуют Небо и Земля, и стану твоим конюшим»), а правители двух других государств полуострова — Когурё и Пэкче — также обещали на вечные времена приносить дань Ямато.

Похоже, что на V в. пришлась кульминация военно-политического влияния Ямато на Дальнем Востоке. Правители VI в. (из ко

торых самыми значительными были Кэйтэй и Киммэй) терпели на Корейском п-ове одно поражение за другим. В результате через несколько месяцев после смерти Кэйтэй была потеряна Мимана (кор. Имна, Кая). Ее территория была аннексирована Силла.

В утере Имна непосредственным образом сказались внутренние неурядицы в Ямато. Дело в том, что военная экспедиция, посланная в Корею в 527 г. для защиты интересов Ямато от усиливавшегося Силла, столкнулась с прямым неповиновением Иваи, местного правителя, который контролировал северную часть Кёсё, откуда войска должны были отправиться в Корею. «Нихон сёки» сообщает, что Иваи был подкуплен Силла и отказался пропустить войска. Поэтому вместо того, чтобы «усмирить» Силла, войска Ямато вступили в сражение с Иваи. В результате Иваи был убит, но экспедицию пришлось отложить.

* * *

Чтобы загладить вину отца, сын Иваи преподнес Кэйтэй *миякэ* — землю с крестьянами, которые отныне должны были находиться в наследственном владении правителей Ямато. Ранее такие владения располагались только на равнине Нара.

Приобретение *миякэ* на Кёсё знаменовало собой начало нового этапа консолидации власти, когда экономическое присутствие правящего дома, обеспеченное военной силой, распространилось на отдаленные регионы. Запись в «Нихон сёки» от 535 г. приводит список 26-ти вновь учрежденных *миякэ*, расположенных в самых разных частях страны. Особое внимание уделялось при этом Кёсё как главному оплоту политики Ямато на Корейском п-ове.

Непосредственное управление отдаленными *миякэ* было возложено на *куни-но мияцукэ* — управителей соответствующих земель. *Кунин-но мияцукэ* принадлежали к местной знати — зачастую центральная власть не назначала их, а лишь подтверждала их традиционные полномочия. Однако в тех случаях, когда имелось несколько претендентов на эту должность из среды местной знати, двор активно использовал эту ситуацию для создания или расширения своих владений: он выступал в качестве арбитра в обмен на территориальные приобретения.

Подобная политика подтверждения уже существовавших традиционных властных полномочий проводилась двором и по отношению к более мелким территориальным объединениям (*агата*) и их предводителям (*агата-нуси*). Вместе с *куни-но мияцукэ* они являлись реальными партнерами центральной власти по управлению страной.

В VI в. правители Ямато еще не оставляли намерения контролировать события на Корейском п-ове с помощью прямого военного вмешательства. Однако все в большей мере курс правящей элиты обращался в сторону строительства внутренней государственной инфраструктуры. Одним из средств, способных обеспечить стабильность власти и культурную гомогенность со второй половины VI в. стал считаться буддизм.

Распространение буддизма

Буддизм был одной из составляющих культурного потока, направленного в Ямато с континента. Однако ни в Корее, ни в Китае буддизм не сыграл столь выдающейся исторической роли, как в Японии.

Первые достоверные сведения о проникновении буддизма в Японию датируются V веком — именно к тому времени относятся 5 бронзовых зеркал с буддийскими изображениями, обнаруженные в курганных захоронениях. Однако, по всей вероятности, эти зеркала были помещены в погребения в качестве сокровищ и вряд ли могут свидетельствовать об осмысленном отправлении буддийского культа. Состояние японского общества и культуры еще не позволяли буддизму сколько-нибудь прочно утвердиться на территории Ямато. Но по мере того, как Ямато утрачивало черты родоплеменного союза, возникали предпосылки для распространения буддизма, и в VI в. это вероучение стало приобретать там популярность прежде всего в силу социальных и идеологических обстоятельств.

Соперничество между буддизмом и синтоизмом

Причины быстрого распространения буддизма в Ямато невозможно понять вне контекста его взаимоотношений с традиционной японской религией — синтоизмом.

Хотя наши знания о раннем синтоизме ограничиваются археологическими данными, а также свидетельствами более поздних письменных источников (прежде всего, «Кодзики» и «Нихон сёки»), очевидно, что в V–VI вв. верования местного населения не имели унифицированного характера. Не существовало еще ни самого термина «синто» (букв. «путь богов»), ни сколько-нибудь оформленного вероучения; поэтому употребление понятия «синто» по отношению к тому времени носит условный характер.

В самом общем виде синтоистские верования можно подразделить на культ предков (каждое родовое объединение поклонялось своему мифологическому предку — *удзигами*) и культ ланд-

шафтных божеств (каждая гора, роща, река и т.д. имели свое божество-покровителя). Далеко не все ландшафтные и родовые божества (а значит и роды, им поклонявшиеся) были включены в систему официальных сакральных генеалогий, и многие роды были не удовлетворены тем, какое место занимали в пантеоне их родовые божества. Иными словами, на этом этапе развития государственности синтоизм служил идеологической основой местнических, центробежных тенденций. Поэтому раннеяпонское государство не могло найти в нем идеологической опоры, что предопределило его повышенный интерес к буддизму.

В распространении буддизма в первую очередь была заинтересована служилая знать, значительную часть которой составляли иммигранты. Эта социальная группа не находила себе места в традиционной структуре родоплеменной аристократии. Последняя выводила свое происхождение от наиболее древней и влиятельной группы синтоистского пантеона — «небесных божеств» (*ама-цу ками*; божества космогонического цикла, которые родились и действовали на небе), что в фактически предотвращало проникновение новых элементов в ее ряды. Буддизм же, выдвигавший идею равенства перед Буддой и личной ответственности человека за свои деяния (именно поэтому он и смог стать одной из «мировыми религий»), создавал принципиально лучшие возможности для включения пришельцев в состав правящего класса.

Объективно в принятии буддизма был заинтересован и правящий род. Относительная монотеистичность буддизма и наличие в нем концепции чакравартина (добродетельного монарха, покровительствующего буддизму) позволяли правящему дому Ямато упрочить свою легитимность и противостоять центробежным тенденциям среди местной знати.

Вместе с тем, даже самые ревностные покровители буддизма из правящего дома не могли полностью игнорировать местную религиозную традицию. Отсюда вытекала их непоследовательность, половинчатость в проведении «пробуддийской» политики.

Предание «Нихон сёки» о принятии буддизма хорошо иллюстрирует существовавшую в то время расстановку социальных сил. В нем повествуется о том, как ван (правитель) Пэкче по имени Сонмён преподнес в 552 г. правителю Ямато Киммэй позолоченную статую Будды и другие предметы буддийского культа. Кроме того, посланец вана огласил послание Сонмёна, в котором, в частности, утверждалось, что вознесение молитв Будде обладает огромной магической силой («то, о чем молишься и чего желаешь, — достигается, как задумано, и исполняется без изъятия»).

«Выслушав до конца, государь Киммэй заплакал от радости и объявил свою волю посланцу: „Со времен давних и до дней нынешних Мы не слышали о таком удивительном Законе, как Закон Будды. Но Мы сами решить не можем“. Поэтому государь спросил у каждого из министров: „Ослепителен облик Будды, преспокоенного нам соседней страной на западе. Такого у нас еще не было. Следует почитать его или нет?“ Сога-но Ооми Инамэ-но Сукунэ сказал: „Все соседние страны на западе почитают его. И разве только одна страна — страна Урожайной Осени Ямато — может отвергать его?“ Мононобэ-но Мурадзи Окоси и Накатоми-но Мурадзи Камако совместно обратились к государю: „Правители, пребывавшие в Поднебесной нашей страны, во все времена весной, летом, осенью и зимой почитали 180 богов в святилищах Неба и Земли. Если же теперь станем заново почитать бога соседних стран, то боги нашей страны могут разгневаются“. Государь сказал: „Пусть статуя Будды будет дана желающему ее — Инамэ-но Сукунэ — и пусть он попробует почитать ее“».

В этом сюжете участвуют правитель Киммэй, а также представители трех наиболее влиятельных родов того времени: Сога, Мононобэ и Накатоми. Киммэй, как мы видим, не принял однозначного решения и, по существу, позволил каждому из знатных родов сделать свой выбор. Мононобэ и Накатоми выступили против принятия буддизма, ибо вели свою родословную от божеств синтоистского пантеона: Накатоми (жреческий род) — Амэ-но Коянэ-но Микото, Мононобэ — от Ниги Хаяхи-но Микото. Что касается Сога, то они возводили свое происхождение к восначальнику Такаэти-но Сукунэ, известного своими походами против «восточных варваров», т. е. личности вполне исторической и не включенной в «табель о рангах» официального синтоизма. Именно этим было, по-видимому, вызвано желание Сога принять буддизм: за счет этого они пытались поднять престиж своего рода.

Вскоре после того, как Сога стали почитать Будду, в стране начались эпидемии. Накатоми и Мононобэ объявили причиной несчастья присутствие в Ямато чужеземного бога и сбросили в канал Нанива статую Будды из родового храма Сога. Однако потомки Сога-но Ооми продолжали поклоняться Будде, что свидетельствовало о существовании долговременной основы для обращения к буддизму. В 584 г. Сога-но Умако выстроил с восточной стороны своего дома буддийский храм, поместил туда статую Будды Мироку (Майтрейя) и поселил туда трех монахинь, предки которых переселились с материка. Тогда же Сиба Датито (потомок иммигрантов) обнаружил в пище, приготовленной для проведения торжественной службы, мощи Будды. Вера Умако и его сподвижников еще более укрепились, и Умако воздвиг новый храм. Состав-

вители «Нихон сёки» придавали этим событиям настолько большое значение, что в хронике появилась такая запись: «Закон Будды ведет начало в Ямато с этих пор».

Разделение жреческих и распорядительных функций

Борьба между Сога с одной стороны и Накатоми и Мононобэ — с другой продолжалась и в дальнейшем. После смерти «императора» Ёмэй (587 г.) Сога-но

Умако хотел поставить царем принца Оэ, который был сыном Бидацу от сестры Умако. Мононобэ-но Мория противопоставил ему сына Бидацу от другой жены — царевича Анахобэ. Из-за этого в 587 г. произошла битва между дружинами Сога и Мононобэ, закончившаяся победой Сога. С тех пор положение Сога еще более упрочилось, и они фактически контролировали правящий род до середины VII в.

Механизмом такого контроля являлось целенаправленное укрепление родственных связей: дочери рода Сога выдавались замуж за представителей правящего рода, а дети, родившиеся от этих браков, впоследствии становились правителями. «Император» же фактически был верховным жрецом *синто*. Таким образом, сложилось характерное для дальнейшей истории Японии разделение жреческих (царский род) и распорядительных (род, который поставлял правящему дому невест — сначала Сога, впоследствии — Фудзивара) функций.

В период доминирования Сога заметно активизировалось строительство буддийских храмов. В целом, согласно материалам раскопок и сведениям письменных источников, за период до правления Тэнти (668–671) их было построено 58. Почти все они размещались в непосредственной близости от резиденций правителей, и можно считать, что распространение буддизма непосредственно зависело от политики центральной власти.

Социальные мотивы обращения правителей Ямато к буддизму переплетались с личными. Вообще, все «личное» (богатство, индивидуальная судьба) «обеспечивалось» буддизмом с его принципом индивидуальной ответственности, в то время, как за «коллективное» во многих случаях по-прежнему отвечали божества *синто*. Так, в случае болезни правителя обращались к буддийскому ритуалу, в то время, как эпидемии по-прежнему оставались «в ведении» синтоистских божеств, «отвечавших» за коллективное благополучие. В ведении синтоизма оставались также все природные явления (землетрясения, засухи, наводнения и т.п.), на которые, как считалось, не распространялось могущество будд и бодхисаттв.

Правда, современные понятия «коллективное» и «индивидуальное» не вполне пригодны для описания реалий того времени. Скажем, «государство» в современном понимании, безусловно, является наиндивидуальным образованием. Но в древней Японии государство персонифицировалось в правителе, и потому некоторые термины (*микадо*, *кокка*) означали одновременно как «государство», так и собственно правителя.

Как раз эта неразделенность заключала в себе возможность использования в качестве официальной государственной идеологии как буддизма, так и синтоизма. Характерно, что при этом буддизм воспринимался прежде всего как магический инструмент для обеспечения целостности государства. Как показала дальнейшая история Японии, именно «примитивный» синтоизм сумел стать основой японской культурно-идеологической системы, в то время, как все иноземные учения служили лишь поставщиками отдельных ее элементов, которые, будучи включены в нее, радикально меняли свой первоначальный смысл.

* * *

В период Кофун в Японии произошли важнейшие общественные и культурные перемены. Появилась значительная социальная и имущественная дифференциация, выделился непродуцирующий слой управляющих, развилась высокая степень отчуждения труда (трудовая повинность и налоги). Разрозненные общины времени Яёй были объединены под властью правителей Ямато, обосновавшихся в районе Кинай. Это стало возможным ввиду опережающего технологического развития этого региона (прежде всего, благодаря активным контактам с континентом): возросшей продуктивности хозяйства благодаря прогрессу ремесла и агротехники, более широкому применению металлического оружия и орудий труда. Все это позволяет говорить о том, что в конце периода Кофун в Японии сформировалось раннегосударственное образование.

Глава 3

ПЕРИОД АСУКА (592–710)

После воцарения Суйко в 592 г. резиденции правителей Ямато стали (за некоторыми исключениями) располагаться в бассейне реки Асука. Поэтому весь последующий период вплоть до переезда двора в первую по-настоящему постоянную столицу Нара (710 год) называется периодом Асука.

Конец VI–начало VIII вв. — важный период в процессе становления японской государственности. Именно с конца VI в. он проходил особенно быстро, и уже к концу VII в. в Японии сформировалось довольно сильное государство централизованного типа, получившее окончательное завершение в VIII в. — «золотом веке» древнеяпонской государственности. Этот процесс сопровождался проведением масштабных реформ, вызванных кризисным состоянием общества и политической системы.

Кризис тех лет в самом общем виде может быть определен как конфликт между прежним устройством общества, основанном почти исключительно на кровнородственной организации и потребностями развивавшейся государственности, требовавшей преодолеть эти рамки за счет усиления территориальных принципов управления. Неудивительно, что период Асука был временем непрерывного политического противоборства, в основе которого лежали различные интересы наиболее влиятельных родов.

Внешнеполитическая ситуация

На период Асука пришлось важные изменения в ситуации на Дальнем Востоке, которые оказали самое непосредственное влияние на положение Ямато.

Отношения с Китаем Период создания централизованного государства в Японии совпал с эпохой завершения объединительного процесса в Китае и установления там централизованной империи с крепкой верховной властью. Эпохи Суй (581–618) и особенно Тан (618–907) без преувеличения можно считать временем наибольшего культурно-политического воздействия Китая на японское общество за всю историю китайско-японских отношений. Для этого же периода характерны и интенсивные экономические контакты между двумя странами.

Первое японское посольство ко двору династии Суй, объединившей Китай в 589 г., было отправлено через 19 лет после ее

провозглашения и через 98 лет после последней японской миссии в Китай (в 502 г. Ямато отправило посольство ко вновь провозглашенной династии Лян, 502–557). Такой перерыв в отношениях обуславливался как внутренними причинами, так и внешнеполитическим положением (политическая нестабильность в самом Китае, где в VI в. существовало несколько династий, потеря Ямато Мимана, продолжение междоусобиц на Корейском п-ове в VI в., слабое участие Китая в делах Корейского п-ова и т.д.).

За первым посольством 600 г. последовали и другие. Уже в 607 г. в Китай было отправлено посольство во главе с Оно-но Имоко, а в 608 г. из суйского Китая прибыло ответное посольство. Всего в период правления династии Суй из Японии в Китай было отправлено 4 посольства, имевшие целью установление прочных политических связей с суйским двором, а также получение различной информации, касавшейся организации чиновничьего аппарата, землепользования, налогообложения, образования.

Последнее посольство в суйский Китай отбыло в 614 г., после чего непосредственные контакты с Китаем были прерваны на 16 лет. Причинами этого стали крах династии Суй, провозглашение новой, танской династии и необходимость убедиться в жизнеспособности последней (как то было и в случае с династией Суй).

В 630 г. из Японии отправилось первое посольство уже в танский Китай. До конца VII столетия туда было направлено 6 посольств (в 630, 653, 654, 659, 665, 669 гг.), причем посольство 665 года, по всей видимости, сопровождало возвращавшееся танское посольство. Следующее по времени посольство в Китай было отправлено только в 702 г.

Помимо дипломатических контактов развивались и культурные связи. В 608 г. Ямато отправило в суйский Китай 8 «студентов». После прихода к власти в Китае династии Тан такая практика еще больше расширилась. С 653 по 700 г. по меньшей мере 38 чел. («студенты» и буддийские монахи) отправились в танский Китай (10 из них не добрались до цели или умерли в пути). Тогда же в корейское государство Силла с теми же целями отправилось 10 чел., что косвенно свидетельствует о произошедшей в VII в. дипломатической и культурной переориентации Ямато с государств Корейского п-ова на Китай.

Политика на Корейском п-ове

Тем не менее, вовлеченность Ямато в дела Корейского п-ова оставалась весьма высокой. Так, с конца 90-х годов VI в. японцы готовили поход против государства Силла, но в 598 г. Силла прислало дань, и поход не состоялся. В 600 г. в Силла все же была от

правлена 10-тысячная японская армия, в результате чего Силла уступило Ямато ряд территорий и обязалось платить ежегодную дань.

В VII в. Япония поддерживала с государствами Корейского п-ова (Пэкче, Силла и Когурё) регулярные связи, особенно с Пэкче и Силла. Пэкче традиционно рассматривалось японцами как союзное государство. Так, в 660 г., после разгрома объединенными силами Тан и Силла, Пэкче а вслед за ним и Когурё, обратились за помощью к Ямато, которое отправило на Корейский п-ов экспедиционный корпус. В ходе военных действий на континенте японские войска одержали ряд побед на суше, но поражение японского флота в устье реки Пэккан (663 г.) поставило экспедиционный корпус в тяжелое положение, и его пришлось отозвать обратно в Ямато.

В 668 г. участь Пэкче постигла и Когурё, павшее под ударами объединенной танско-силланской армии. Далее события на Корейском п-ове развивались следующим образом. В 670 г. Силла, опасаясь, что после разгрома Когурё настанет его очередь, подняло восстание против танского владычества в Корее и поддержало действия когурёских повстанцев. В результате 6-летней войны в 676 г. танские войска были изгнаны, а Корейский п-ов был объединен под эгидой Силла, что принципиальным образом изменило ситуацию в этом регионе.

Поначалу, когда Силла было заинтересовано в поддержке Ямато в своем противостоянии с Китаем, обмен посольствами между двумя государствами был частым и регулярным (в период правления Тэмму посольства из Силла прибывали ежегодно). Однако со временем отношения Ямато с Силла стали портиться. Об этом, в частности, говорит постоянно уменьшавшееся количество силланских посольств в Ямато: при Дзито (686–697) посольства из Силла стали прибывать раз в 2 года, а в начале VIII в. — еще реже. Это было связано как с изменением баланса сил на Дальнем Востоке и с улучшением силланско-китайских отношений, так и с недовольством силланских правителей политикой Ямато, рассматривавших Силла в качестве вассального государства.

Тем не менее, контакты с Силла (до прекращения отношений в 779 г.) были более частыми, чем с Китаем. В 668–779 гг. Силла посылало посольства в Японию 38 раз, а Япония в Силла — 25 раз.

Ситуация на континенте заставляла японскую элиту опасаться возможного вторжения в Ямато китайских или силланских войск и побуждала ее к консолидации вокруг политического центра. После поражения на Корейском п-ове стало понятно, что в

изменившихся условиях Ямато не способно соперничать с танским Китаем, не проведя коренных внутренних реформ.

Реформы государственного устройства

Осознание неспособности отстоять свои интересы на Корейском п-ове было лишь одной из причин начала крупномасштабных преобразований в Ямато. Другие причины проведения реформ заключались в следующем.

1) Необходимость консолидации правящей элиты для распространения ее власти на всю территорию, подвластную Ямато.

2) Потребность правящего рода преодолеть одностороннюю ориентацию на поддержку со стороны клана Сога, лишавшую его многих потенциальных сторонников (так, например, были уничтожены Мононобэ и принижен род Накатоми).

3) Привлекательность для японской элиты «китайской модели» централизованного государства, поскольку именно Китай воспринимался как источник цивилизации и культуры на всем Дальнем Востоке.

4) Желание продемонстрировать Китаю, что в Ямато идет становление «цивилизованного» (с точки зрения китайской политической науки) государства, и таким образом включить Ямато в рамки китаецентричного цивилизационного и геополитического порядка.

Таким образом, реформы были подготовлены всем ходом исторического развития и стали следствием осознанного выбора верхов японского общества, обусловленного как геополитическими факторами, так и конкретно-исторической внутренней ситуацией.

* * *

Каркас социально-политической системы в V–VI вв. образовывала структура, известная как «система *удзи-кабанэ*». Первоначально ее рамками были охвачены лишь наиболее влиятельные роды, однако с течением времени на политическую авансцену стали выдвигаться и средние и мелкие (среди которых было немало родов переселенцев с материка). Их представители стали занимать административные посты в формирувавшемся государственном аппарате (прежде всего в районах, непосредственно прилегающих к месторасположению дворца правителя).

Положение царского рода было в то время, по всей видимости, довольно прочным. Оно определялось как экономическими привилегиями в виде обширных земельных владений, так и религиозным авторитетом царской власти. Император был наделен чрезвы-

чайно важными магическими функциями: молить богов о богатом урожае, о дожде, участвовать в осеннем празднике урожая (*ниинамэ сай*) и т.д. При этом прерогатива правящего рода предоставлять главного жреца религиозной системы, впоследствии названной синтоизмом, никем не подвергалась сомнению.

Падение влияния рода Сога

Политическую историю первой половины VII в. в значительной степени продолжала определять динамика взаимоотношений между правящим родом и родом Сога. Кроме тесных родственных отношений с правящим домом, возвышению Сога способствовало то, что им удалось поставить под свой контроль переселенцев «новой волны» с Корейского полуострова и из Китая, число которых особенно возросло во второй половине V—первой половине VI вв. Среди них было немало ремесленников и образованных людей. Последние активно участвовали в строительстве государственного аппарата (в частности, в формировании налоговой системы) в Ямато. Поселения этих иммигрантов (наиболее мощным был род Ямато-но Ая, что буквально означает «ханьцы (т. е. китайцы) Ямато», были сосредоточены в долине реки Асука, в непосредственной близости от владений Сога и дворцов правителей Ямато.

Главной линией политического соперничества в период Асука была борьба за то, кому из возможных кандидатов предстоит взойти на трон. Поэтому история периода Асука была насыщена заговорами и дворцовыми интригами.

Начало периода было ознаменовано тем, что в 592 г. был убит правитель Сусюн. Он пал жертвой заговора, вдохновителем которого был его дядя Сога-но Умако, а непосредственным исполнителем — Ямато-но Ая-но Атаи Кома. В обход всех традиций, согласно которым погребению должен был предшествовать длительный подготовительный период, Сусюн был похоронен уже на следующий день, а на престол взошла его родная сестра Суйко. Однако фактически властные функции в то время принадлежали ее племяннику Сётоку-тайси и Сога-но Умако.

Когда после кончины Суйко в 628 г. встал вопрос о престолонаследии, то Сога-но Эмиси (сын Умако) поддержал принца Тамура, который и занял престол («император Дзёмэй»). Среди его сыновей были принцы Нака-но Оэ и Оама (впоследствии — «император Тэмму»). После смерти Дзёмэй в 641 г. трон заняла одна из его жен — Кёгёку (вторично заняла его под именем Саймэй). При этом Сога-но Ирука (сыну Эмиси) удалось устранить основного кандидата на трон — сына Сётоку-тайси принца Ямасиро-но Оэ. Тогда соперники сочли, что претензии Сога-но Ирука чересчур

велики, и в 645 г. Нака-но Оэ убил его прямо на глазах у Кōгёку. Кōгёку отреклась от престола, и ее место занял младший брат Нака-но Оэ (император Кōтоку). Именно при Кōтоку началось проведение реформ, известных как «реформы Тайка» (букв. «великие перемены»).

После убийства Ирука род Сога потерял свои позиции. Позднее, в правление Тэмму, он стал называться Исикава — по имени одного из предков рода.

Формирование чиновничества

Одним из проявлений процесса становления государственности в период Асука был рост чиновничьего аппарата и его постоянные реорганизации. Если раньше знать получала титулы в зависимости либо от степени родства с царским домом (приближенности к нему), либо от должностных функций, то в 603 г., согласно данным «Нихон сёки», в целях упорядочения аппарата управления была введена «система 12 рангов».

Высшими рангами были «большая и малая добродетель» (*дай-току, сётоку*). Остальные 10 рангов именовались по пяти конфуцианским добродетелям: большая и малая доброта (*дайджин, сёджин*); большой и малый ритуал (*дайрай, сёрай*); большая и малая вера (*дайсин, сёсин*); большая и малая справедливость (*дайги, сёги*); большая и малая мудрость (*дайти, сёти*). При разработке системы рангов был учтен опыт ранжирования чиновничества в корейских государствах (в Пэкче и Когурё).

Однако, несмотря на введение чиновничьих рангов, наследственные титулы *кабанэ* не были ликвидированы и продолжали существовать в качестве параллельной иерархической системы. При этом *кабанэ* указывали на происхождение рода-удзи и в результате превратились в часть родового имени, тогда как ранги предоставлялись индивидуально. В этом можно усмотреть попытку соединить свойственное китайским воззрениям на государственную службу индивидуальное начало с началом коллективным, доминировавшим до тех пор в Ямато.

Основное функциональное различие между *кабанэ* и новыми рангами проявлялось в том, что *кабанэ* первоначально обычно давался одному (старшему) члену имевшей на это право семейной группы, субклана или клана. Далее он передавался строго по наследству по принципу первородства и с санкции даровавшего его вождя. По всей видимости, глава клана, пожалованный таким титулом, как бы распространял *кабанэ* на всех членов своей группы. Ранг же присваивался сугубо индивидуально. Это дало правящему роду возможность подбирать для государственных нужд

способных и преданных людей. При пожаловании ранга *кабанэ* мог не приниматься в расчет, а, следовательно, происхождение человека не обязательно влияло на высоту присвоенного ранга.

Первая попытка ранжирования чиновников не отличалась систематичностью. Ранги присваивались не всем сотрудникам государственного аппарата, а отдельным лицам, которые выполняли особые поручения государства (такие, как участие в дипломатических миссиях, в военных акциях на Корейском полуострове или в сооружении статуи Будды). На формальную основу присвоение рангов было поставлено только во второй половине VII в., когда был создан новый административный аппарат.

Сётоку-тайси

В дальнейшем ранговая система подвергалась неоднократным пересмотрам в сторону расширения сферы ее применения и большей детализации указываемого ею социального статуса. В течение второй половины VII в. было проведено 4 реформы чиновничьих рангов (в 647 г. была введена система из 13 степеней, в 649 году — из 19, в 664 г. — из 26, в 685 г. — из 48 степеней), пока в 701 г. не была установлена классическая (по примеру китайской) система ранжирования из 30 степеней, объединенных в 9 категорий. В отличие от первых чиновничьих рангов 603 г., ранги, введенные впоследствии, были категориями внутrigосударственной градации, т.е. рангами в полном смысле этого слова.

Другим важным событием государственной жизни начала VII в., о котором сообщается в «Нихон сёки», было создание принцем Сётоку (Сётоку-тайси) «Наставлений из 17 статей» (604 г.), в которых были сформулированы некоторые самые общие принципы, на которых должна была строиться жизнь государства.

Так, согласно «Наставлениям», правитель рассматривался как единоличный суверен (ст. 12), представители родоплеменной аристократии — как чиновники, «народ» же должен был беспрекословно выполнять волю государя. Основой государственного порядка был провозглашен «общегосударственный ритуал» (ст. 4).

В документе была отчетливо выражена идея абсолютной власти монарха, что не соответствовало реальному положению правителей Ямато в начале VII в., а некоторые формулировки предполагали наличие хорошо отлаженной бюрократической системы, которой в начале VII в. еще не существовало. Это породило среди исследователей сомнения в подлинности «Наставлений». Однако, скорее всего, «Наставления» представляли собой некую программу, осуществление которой должно было обеспечить благоденствие государству Ямато.

Реформы Тайка После воцарения Кōтоку в Ямато по китайскому образцу был впервые введен девиз правления (*нэнгō*) — «Тайка» («Великие перемены»), который должен был указать на основное направление деятельности нового правителя. Первым годом Тайка стал 645 год. В 646 г. был провозглашен указ о реформах (*кайсин-но тѣ*), состоявший из 4 пунктов.

1. Упразднялись частные владения и частнозависимые категории населения и вводилась система государственной собственности на землю; упразднялись титулы (*кабанэ*) *ами*, *мурати* и т.д. Высшие сановники получали дворы в кормление в виде натуральной ренты-налога с определенного количества дворов, средние и мелкие чиновники получали плотно и шелк.
2. Вводилась новая административно-территориальная система: столица, столичный район (Китай), провинции (*кун*), уезды (*гу*), деревни (*ри*). Кроме того, были учреждены «конюшенные дворы» и почтовые станции с лошадьми (последние в дальнейшем стали частью дорожной инфраструктуры, которая заметно облегчала связь между центром и периферией).
3. Вводилась наделенная система землепользования, и в качестве подготовительных мероприятий для ее осуществления предусматривалось составление подворного реестра и ростиси налогов.
4. Устанавливалась тройкая система налогов: зерновой (2 споа и 2 связки с 1 *тан* /около 0,12 га/); смешанная подать, вносившаяся тканями или войлой; трудовая повинность.

Таким образом, реформы Тайка были направлены на создание крепкой государственной организации, основанной на территориальных принципах. При этом практически все пункты *кайсин-но тѣ* имели соответствия в китайской системе управления.

Основными движущими силами реформ Тайка стали:

— представители царского рода: принц Нака-но Оэ (будущий император Тэнти, 668–671), ставший вдохновителем реформ, и принц Кару (будущий император Кōтоку, 645–654), во время правления которого начали осуществляться первые преобразования;

– представители местных (японских) крупных кланов, утративших былое величие по вине дома Сога (например, Накатоми-но Каматаро);

– представители иммигрантских родов, обеспечивающих приток образованных кадров для государственного строительства (к их числу можно отнести, например, ученого Такамуко-но Курома-ро и китайского буддийского монаха Мин);

– представители местных (японских) средних и мелких (в основном провинциальных) родов, которые по тем или иным причинам (в том числе и силу заинтересованности в стабильной центральной власти) стали сторонниками преобразований.

* * *

Проблема подлинности указа о проведении реформ до сих пор остается дискуссионной. Ряд дословных совпадений в тексте указа 646 г. с соответствующими местами более поздних документов, обозначение уездов как «*гун*» (в то время как данные эпиграфики *моккан* доказывают, что в ходу был термин «*коори*»), неверное определение границ столичного района Кинай (столица в 646 г. находилась в Нанива, а в документе описывался явно другой район) и некоторые другие особенности текста позволяют усомниться в том, что указ (в той форме, в какой он представлен в «Нихон сёки») был действительно написан в 646 г. Однако, по мнению современных исследователей, это не ставит под сомнение сам факт проведения на протяжении второй половины VII в. реформ, основные направления которых были изложены в этом документе.

Введение полевой системы

Первым шагом реформаторов по осуществлению поставленных целей было составление подворного реестра и налоговой росписи.

По данным «Нихон сёки», подворные реестры составлялись в 646, 652, 670 и 689 гг.

Следующим за составлением реестров и росписей предприятием стало наделение земель казенно-обязанного населения. Для этого были четко установлены единицы измерения площади (поле длиной в 30 шагов и шириной в 12 шагов считалось за один *тан*; 10 *тан* равнялись одному *тё*), которые до этого времени, по всей видимости, не были унифицированы. К сожалению, о норме надела во второй половине VII в. ничего не известно (упоминается лишь, что его размер зависел от количества земли и числа населения в конкретном районе).

По такой схеме наделались землей крестьяне. Кроме того, в конце VII в. были определены привилегированные земли и доходы с дворов, жалуемые знати в качестве компенсации за земли, объ-

явленные государственной собственностью, а также чиновникам — за службу. Так, в указе 691 г. сообщалось о землях, жалуемых в соответствии с рангом (их площадь составляла в зависимости от ранга от $1/4$ до 4 *тё*). В тексте «Нихон сёки» встречаются и другие упоминания о земельных пожалованиях, размер которых непременно увязывался с рангом. Однако подобная практика во второй половине VII в. еще не была регулярной. Окончательно система привилегированных владений (должностные земли, ранговые земли и «земли за заслуги») сформировалась только в VIII в.

Наиболее типичной формой служебных пожалований для второй половины VII в., кроме натуральных выдач, оставался доход с определенного количества дворов, приписанных данному лицу, учреждению, храму и т.д. Дворы в кормление (*дзикифу*) получали ранговые служащие, принцы, ученые-конфуцианцы, буддийские храмы и монахи. При этом такие дворы оставались в ведении местных властей.

Проводя политику подобных пожалований, правительство старалось не допустить превращения кормлений в наследственные частные владения, о чем, в частности, свидетельствуют указ о пересмотре и изменении списков дворов в кормление, пожалованных буддийским храмам (679 г.), и указ об аннулировании пожалованных в кормление дворов и требование вернуть их государству (682 г.).

Организация аппарата управления

Важнейшей областью деятельности реформаторов было создание центрального аппарата управления. В 645 г. были учреждены должности трех министров: левого (*садайдзин*), правого (*удайдзин*) и внутреннего — *найдайдзин* (должность главного министра — *дадзё дайдзин* — была введена в 671 г.). Однако сами министерства были созданы только в 649 г. В окончательном виде новый правительственный аппарат состоял из 8 министерств: церемоний (*сикибусё*), по делам знати и государственно-го церемониала (*дзибусё*), народных дел (*мимбусё*), военных дел (*хёбусё*), наказаний (*гёбусё*), казны (*бюкурасё*), центральных дел (*накацукасасё*), двора (*кунайсё*).

Кроме указанных выше учреждений, в «Нихон сёки» упоминается совет по делам небесных и земных божеств (*дзингикан*), которому подчинялись все синтоистские храмы в провинциях.

В «Нихон сёки» упоминаются также должности помощников министров (*гёситайфу* и *нагон*). С 696 г. эта должность стала называться *дайнагон*. Эти помощники вместе с главным, левым и

правым министрами образовывали большой государственный совет (*дадзёкан*), который упоминается в «Нихон сёки» с 686 г.

Так как осуществить реформы на местах можно было только через местную администрацию, то к ее созданию приступили немедленно. В 646 г. в качестве столичных были выделены «внутренние провинции» (Кинай). В них были назначены управители уездов, устроены заставы, почтовые дворы, сторожевые пункты и т.д. Именно в провинциях Кинай реформы проводились наиболее последовательно.

Особое внимание реформаторы уделяли чиновничеству как сословию, ответственному за проведение государственной политики в центре и на местах. Однако в процессе реформ пришлось отойти от концепции чиновничества, свободного от кровнородственных связей и служащего исключительно государству (двору). Хотя наследственную службу отменили еще в 646 г., а на местах вместо старых наследственных глав территорий предполагалось назначить новых управителей, подчинявшихся непосредственно центральной власти, сделать это оказалось не так-то легко. Правительству приходилось пользоваться услугами старой знати, так как людей, обладавших навыками в управлении и сведущих в области китайской политической науки, едва хватало для заполнения основных постов в центральном аппарате. Местные органы управления (начиная с уезда и ниже) фактически находились в руках местной знати.

С похожими проблемами правительство столкнулось и при формировании сословия чиновников, для пополнения рядов которого в 670 г. была открыта столичная школа чиновников (в ней обучалось около 400 чел.), а в 701 г. — провинциальные школы. В указах 673, 676, 682 и 690 гг. устанавливались критерии, в соответствии с которыми производилось назначение на должности.

В выработке таких критериев во второй половине VII в. явно прослеживаются два этапа. На первом (указы 673 и 676 гг.) при назначении на чиновничьи должности отдавалось предпочтение тем кандидатам, которые имели определенные способности к выполнению служебных обязанностей (например, для всех кандидатов был установлен своеобразный испытательный срок, в течение которого они выполняли различные мелкие служебные поручения). На втором этапе (указы 682 и 690 гг.) идея государственной службы, первоначально основанная на представлениях китайской политической науки, начала приобретать традиционные японские черты. Теперь назначение на должность того или иного лица в первую очередь зависело от заслуг рода, из которого он

происходил. И хотя одним из критериев продолжали оставаться личные качества кандидата, отмечалось, что даже если претендент на должность «деятелен и способен», но его происхождение не выяснено, то рекомендовать его кандидатуру не следует.

Таким образом, чужеродная для японцев идея приоритета способностей при назначении на посты все более уступала место собственно японским представлениям, вытекавшим из реалий родовых отношений.

Реформа системы *удзи-кабанэ*

Поскольку в Японии были глубоко укоренены традиции кровнородственной организации общества, одного введения заимствованной из Китая системы рангов было явно недостаточно для создания эффективной системы управления. Бытовавшая параллельно система *удзи-кабанэ* также нуждалась в реформировании.

В 682 г. был издан указ об упорядочивании *удзи*. Членам *удзи* предлагалось выделить старшего. Слишком разветвленные и многочисленные роды должны были разделиться. Включать в клановые списки посторонних лиц запрещалось, а кандидатуры глав родов подлежали утверждению властей. Таким образом, *удзи* узаконивались в качестве социальной категории, а их вожди стали управлять ими от имени центральной власти.

Продолжением такой политики стала реформа титулов *кабанэ*. Формально старые титулы были сохранены, но в 684 г. при Тэмму была введена новая шкала *кабанэ*. Многочисленные и не отличавшиеся строгой иерархичностью *кабанэ* были сведены всего к восьми («*якуса-но кабанэ*»), которые образовали последовательность от высшего к низшему: *махито*, *асоми*, *сукунэ*, *имики*, *мити-но си*, *оми*, *мурадзи*, *инаги*. Высшие *кабанэ* новой системы — *махито* и *асоми* — до реформы не существовали. Новыми были и титулы *мити-но си* и *имики*. Другие, некогда наиболее важные *кабанэ*, например, *оми* и *мурадзи*, оказались в нижних графах новой шкалы.

* * *

Проведенная Тэмму реформа титулов была в значительной степени связана не только с усилиями по усовершенствованию системы управления, но и с обстоятельствами прихода к власти этого императора. Дело в том, что во время правления Тэмму оформилось ядро «новой» знати, которая выдвинулась благодаря личной преданности императору во время «смуты года *Дзинсин*» (именуемой так по названию соответствующего года 60-летнего цикла), когда после смерти императора Тэнтэ в 672 г. в Японии разгорелась кровопролитная междоусобная война.

В 671 г. император Тэнти заболел и предложил престол своему младшему брату, наследному принцу Оама. Поскольку сын Тэнти, принц Отомо, бывший главным министром, также претендовал на престол, Оама, опасаясь за свою жизнь, отклонил предложение и удалился в буддийский монастырь.

После смерти Тэнти принц Отомо взшел на престол под именем Кобун. Тем временем к принцу Оама стали стекаться сторонники. Образовались два враждующих лагеря, и вскоре между государем Кобун и принцем Оама вспыхнула война, получившая название «смута года *дзинсин*». Междоусобица продолжалась около месяца. В решающей битве Кобун потерпел поражение и покончил жизнь самоубийством, а принц Оама взшел на престол под именем Тэмму.

Победу Тэмму обеспечила поддержка тех сил, которые были недовольны ущемлением своих наследственных прав в результате «реформ Тайка». В первую очередь к ним относилась провинциальная знать, лишившаяся многих своих привилегий, а также старая родоплеменная аристократия. Вместе с тем, на Оама сделали ставку и представители новой «служилой знати», которые не могли похвастаться своей родовитостью. Его победа позволила выходцам из сравнительно молодых кланов получить высшие титулы и возвыситься над представителями старых аристократических родов. В дальнейшем все роды, отличившиеся во время событий 672 г., были пожалованы высокими титулами *кабанэ* и получили доступ в среднее звено аристократии, а кланы, которые не поддержали будущего императора, не жаловались новыми званиями, а лишь сохранили свои старые титулы.

Благодаря тому, что Тэмму умело использовал противоречия внутри правящей элиты, ему удалось укрепить свои позиции и продолжить политику реформ, направленных на создание централизованного государства. Однако преодолеть давление традиций аристократического общества так и не удалось. Хотя формально не устанавливалось никакой зависимости между иерархией титулов и чиновничьими рангами, со временем такая зависимость проявлялась все сильнее. Так, большинство лиц, получивших высокие чиновничьи ранги (с 1-го по 5-й) в VIII в., были потомками людей, которым были пожалованы высшие *кабанэ* (*махито*, *асоми*, *сүкунэ*) во время правления Тэмму. В результате новая шкала титулов соединилась с системой чиновничьих рангов, где присвоение того или иного ранга и звания было обусловлено прежде всего происхождением.

Военная реформа

Реформаторские начинания Тэмму коснулись и армии. Он начал процесс создания регулярных вооруженных сил. Задача эта была тем более актуальной, что в это время правящая элита Ямато постоянно опасалась военного вторжения Танской империи.

В то время ядро японских вооруженных сил, наряду с императорской гвардией, составляли клановые отряды, которые возглавляли предводители преданных императору родов. Приток отрядов сравнительно молодых кланов, вышедших на политическую арену после «смуты года *Дзинсин*», укрепил военную мощь страны. Однако армия нуждалась в реформировании ее чисто клановой организации, показавшей свою неэффективность во время военных действий на Корейском п-ове.

В 675 г. было создано военное министерство, которое взяло на себя всю организацию государственного военного дела и оборонное строительство. Еще более важный шаг в проведении военной реформы был сделан в 689 г., когда была введена воинская повинность. Согласно указу, ее должен был исполнять каждый четвертый мужчина в крестьянской семье. Централизованный набор рекрутов, впервые введенный в конце VII в., стал одной из важнейших составляющих структуры будущих государственных вооруженных сил, окончательно оформившихся в VIII в.

Столица Фудзивара

Во время правления Дзито удалось завершить еще одно важное начинание Тэмму. Речь идет о строительстве новой столицы Фудзивара (которую было бы правильнее назвать дворцовым комплексом, поскольку за время своего существования она не успела развиться в полномасштабный город). Месторасположение Фудзивара было выбрано еще при Тэмму. Оно находилось к югу от будущей столицы Нара, чуть севернее от Асука, где размещались резиденции предыдущих императоров. Судя по всему, предполагалось, что в соответствии с программными требованиями указа 646 г. Фудзивара станет первой постоянной резиденцией государей Ямато.

Строительство Фудзивара было вызвано прежде всего управленческими нуждами. Ранее родоплеменная аристократия жила в своих усадьбах, разбросанных по всему району Кинай. Вместе с постройкой столицы вся политическая элита (а это было приблизительно 120 чел., обладавших рангом от 5-го и выше), оказалась собранной в одном месте. В Фудзивара, согласно оценкам, могли проживать от 30 до 50 тыс. чел. (чиновники, их семьи и служивый персонал дворца).

Обычно считается, что образцом для прямоугольной планировки Фудзивара послужила современная столица танского Китая — Чаньань. Впрочем, существует и другая точка зрения: моделью для Фудзивара была столица китайских императоров северовэйской династии — Лоян (ось север-юг соотносится с осью восток-запад как 3:2, а не как 1:1; государев дворец располагался в центральной, а не в северной части города).

Сам же дворцовый комплекс имел форму квадрата площадью приблизительно 1 кв. км. Свободный доступ в него через любые из двенадцати (по 3 с каждой стороны) ворот был дозволен только высшей аристократии (чиновникам 5-го ранга и выше). Остальные чиновники могли использовать только те ворота и только в то время, которые им были предписаны. Ворота носили названия родов, известных своей службой и преданностью (Тадзихияматобэ, Тиисакобэ, Такэрубэ и др.). По всей вероятности, каждый род был ответственен за поддержание порядка в своем секторе.

Хотя Фудзивара прослужила столицей не так уж долго — всего 16 лет, — она успела послужить резиденцией для трех правителей: Дайтё (часть правления), Момму и Гэммэй (часть правления). Можно сказать, что ее строительство знаменовало собой важный психологический перелом: резиденция правителей Ямато постепенно переставала быть кочующей с места на место.

* * *

Важнейшим итогом реформ второй половины VII в. было формирование в Японии качественно иной государственной структуры, которая в определенной степени сумела преодолеть аристократические традиции прежнего социального устройства. Правда, реформы не всегда были последовательными и даже таили в себе серьезные противоречия (например, признание привилегированного положения кланов и одновременное отстаивание монопольного статуса чиновничества в сфере управления). Тем не менее, реформаторская деятельность создала условия для появления кодекса законов «Тайхё рицурё» и к созданию на его основе государства централизованного типа («государства, основанного на законах» — «рицурё кокка»).

Часть 3

«ГОСУДАРСТВО РИЦУРЁ»

Глава 1

ЯПОНИЯ ПЕРИОДА НАРА (710–794)

«Периодом Нара» называется время, когда столицей Японии был город Нара (710–784). Кроме того к нему обычно приплюсовывают еще 10 лет (784–794), в течение которых двор находился в Нагаока. Это вполне оправдано, поскольку тот отрезок времени по всем своим социально-экономическим и культурным параметрам был продолжением предшествующего периода.

В более широком плане период Нара можно рассматривать как время продолжения начатых в VII в. реформ, ставивших своей целью превращение Ямато в «цивилизованное» по дальневосточным меркам государство. Поэтому в Японии период, включающий в себя вторую половину VII в., когда начали проводиться в жизнь реформы Тайка, период Нара, а также начало периода Хэйан, принято называть «периодом государства, опирающегося на законы» (*«рицурё кокка»*). Действительно, именно тогда японцы планомерно пытались воплотить в жизнь политический идеал централизованного государства, все стороны функционирования которого должны были определяться однозначно заданными правилами, или законами. Интересно, что составленные в VIII в. законодательные своды формально продолжали действовать в Японии вплоть до периода Мэйдзи (вторая половина XIX в.), а все более новые законы рассматривались (во всяком случае теоретически) лишь как дополнение к ним.

Период Нара (и период «государства *рицурё*» в целом) можно определить как время формирования высокоцентрализованного государства по китайскому (танскому) образцу (прямое корейское влияние в то время практически сошло на нет). Желание походить на Китай и быть равным ему проявлялось во всех областях государственной жизни: официальной идеологии, структуре чиновничества, административном делении, наделной системе землепользования, письменной культуре, архитектуре, масштабных строительных проектах и т. д. Однако местные политические и культурные традиции с самого начала вносили заметные коррективы во все мероприятия центральной власти. В результате сфор-

мировалось общество, разительно отличавшиеся от китайского. Реформаторы явно недооценили степень культурных, социальных и экономических отличий Японии от Китая, и в конце периода Нара уже стал хорошо заметен процесс упадка центральной власти, не сумевшей справиться с местничеством.

Письменные источники

Период Нара является первым в истории Японии, для которого существует довольно обширная и разносторонняя источниковедческая база: материалы официальной хроники «Сёку нихонги» дополняются данными законодательных сводов, описаний провинций Японии «Фудоки», эпиграфики, различными документами текущего делопроизводства, хрониками буддийских храмов, поэтическими антологиями.

Хроника «Сёку нихонги» Поскольку мифологическое обоснование легитимности правящей династии было к тому времени более или менее закончено, на смену мифологическо-летописным сводам в период Нара пришли погодные хроники. Наиболее значительным примером такого рода была «Сёку нихонги» («Продолжение анналов Японии», 797 г.). Она состояла из 40 свитков и охватывала период 697–791 гг. Хроника составлялась в три этапа. Окончательный вид ей придал Фудзивара Цугицуна и Сугано Мамити.

Общим свойством мифологическо-летописных сводов и хроник является то, что они были рассчитаны не на современников событий, а на их потомков. Именно в их сознании должна была сложиться модель прошлого, которую конструировали составители хроник. Однако хроники отличались от более ранних памятников существенными особенностями.

Если «Кодзики» и «Нихон сёки» оказали серьезное влияние на все жанры словесности (поэзию, прозу и историографию), то непосредственное влияние «Сёку нихонги» ограничивалось, по преимуществу, собственно исторической мыслью, которая окончательно выделилась в качестве самостоятельного жанра словесности. В «Сёку нихонги» уже не встречаются яркие («художественные») описания характеров и поступков — она целиком построена на сухом хронологическом изложении. Намного меньше в ней и прямых заимствований из китайских произведений.

В «Сёку нихонги» хронология (с точностью до дня) сделалась основным принципом построения текста. Если раньше отдельные сообщения тяготели к сюжетной законченности, и под одной да-

той редко сообщались разнохарактерные сведения, то теперь в отчете за день стала помещаться самая разнообразная информация. Событие в «Сёку нихонги» предстает не как законченная данность, а как процесс.

Таким образом, была окончательно осознана связь истории со временем, причем «плотность» наполнения хроники событиями значительно возросла. И это неудивительно, ибо, в отличие от более ранних памятников, записи «Сёку нихонги» велись одновременно с происходившими событиями, а не фиксировали давно прошедшее.

Совершенствовалась и «технология» летописания. Для составления «Нихон сёки» потребовалось 39 лет, а для «Сёку нихонги» — только 6. Первичные данные предоставлялись государственными учреждениями (т. е. чиновниками, за плечами которых было более или менее единообразное образование). Это минимизировало использование разнородных источников (что свойственно более ранней традиции) и вносило определенный вклад в формирование специфической чиновничьей культуры, контуры которой все более не совпадали с культурой народной.

Детализация описания сопровождалась сокращением пространства, охватываемого повествованием. Для того, чтобы попасть на страницы хроники, как правило, нужно было обладать рангом не ниже пятого (или же совершить что-нибудь действительно выходящее за рамки привычного).

Главными объектами описания хронистов по-прежнему остались правитель и его непосредственное окружение (в котором к концу периода на первый план выдвинулась северная ветвь рода Фудзивара). Последовательное применение получили девизы правления, в соответствии с которыми и осуществлялись датировки. У каждого отрезка времени мог быть только один «хозяин», и им считался сам государь. Если в его правление происходили какие-либо важные события, то именно он имел право на провозглашение нового девиза даже во время своего неоконченного правления. Такое понимание предполагало также, что после кончины императора новая эра правления могла начаться лишь с наступлением следующего после его смерти года.

При этом, если раньше императоры описывались в качестве активно действующих фигур, в связи с чем повествование охватывало обширную территорию, то теперь они (и их ближайшее окружение) изображались по преимуществу в сакральном центре — дворце, — где осуществляли свои властные функции путем провозглашения указов. Например, если в «Нихон сёки» описано, как

правительница VII в. Саймэй сама вместе с наследным принцем отправилась в Киби и Иё, чтобы готовить военную экспедицию на Корейский п-ов (для восстановления режима Пэкче), то в 60-х годах VIII в. аналогичный поход против Силла готовился с помощью чиновничьего аппарата, и ни о каких личных «инспекциях» императора Дзюннин не могло идти и речи.

Важнейшее значение в жизнеописаниях императоров занимали генеалогические записи, которые предшествовали изложению событий, случившихся в их правление, нарушая тем самым хронологический порядок изложения. Столь подчеркнутая роль генеалогической информации представляет собой характерную особенность японских хроник и не была свойственна их китайским прототипам.

Вообще, следует отметить, что, заимствовав многие формальные особенности ведения хроник, японцы сознательно отвергли важнейшие особенности китайского исторического мышления. Если китайские хроники в конце каждого правления обычно давали более или менее сбалансированную оценку деятельности каждого императора, то японские ограничивались перечислением его достоинств или вообще отказывались от такой оценки. Причина заключалась в том, что в китайские хронисты основывались на концепции «мандата Неба», предполагавшей возможность смены несправедливого правителя или династии — идее, отвергнутой на самых ранних этапах становления японской исторической и политической мысли. В Японии император (и вся династия) был выведен из сферы действий этических оценок, оставаясь сакральной фигурой.

Стимулы к составлению хроник в Китае и Японии также были различны. В Китае хроники составлялись при получении «мандата Неба» новой династией, Япония же смены династий не знала. Составление «Нихон сёки» имело своей целью доказать легитимность правящей династии, создать общегосударственную идеологию, а также было следствием желания выглядеть «цивилизованным» государством в глазах Китая и Кореи. Что касается «Сёку нихонги», то время ее создания отличалось относительной политической стабильностью. К тому времени уже сформировалась одна из доминант японского менталитета — установка на преемственность, в связи с чем основной идеологической задачей «Сёку нихонги» было формирование такого образа прошлого, который бы эту установку подтверждал. При этом достоверность сообщаемой «Сёку нихонги» исторической информации следует признать

весьма высокой. В ней отсутствуют систематические искажения, и она нередко подтверждается археологическими данными.

Законодательные своды

Объектом описания как законодательных, так и исторических текстов является государство. Совпадает и субъект описания — в обоих случаях им также является само государство (т. е. эти тексты возникают не спонтанно, а по прямому государеву указу). Тем не менее, законодательные и исторические тексты разнятся в своих подходах и задачах. Если законодательные тексты можно уподобить «автопортрету» государства, то исторические — его «автобиографии». Законодательство можно назвать элементом, объединявшим различные культуры Дальнего Востока (японское законодательство строилось в соответствии с китайским, а в Корее этого времени танские законы применялись в неизменном виде), а исторические сочинения, посвященные отечественной истории, в большей степени выражали специфику национального, становясь инструментом государственной самоидентификации.

В VIII в. деятельность государства и функционирование общества подчинялись двум законодательным сводам — сначала «Тайхё рицурё» (701 г.), потом — «Ёрё рицурё» (составлен в 718 г., введен в действие в 757 г.; «Тайхё» и «Ёрё» обозначают соответствующие годам обнародования сводов девизы правлений). Текст первого дошел до нас с существенными пробелами, сохранность второго — намного лучше. Как показывает текстологический анализ, их отличия друг от друга не особенно велики.

Каждый из сводов состоит из двух основных разделов — «рицу» и «рё». «Рицу» (кит. «люй») представляет собой «уголовный кодекс», а «рё» (кит. «лин») — установления относительно государственно-бюрократического устройства и системы землепользования («гражданский кодекс»). Такая структура повторяет строение китайских законодательств. Однако необходимо учитывать, что в Китае идеологический комплекс государственного управления обеспечивался двумя главными компонентами: законодательством сводами и «ли» (яп. «рёй») — распространенной на все общество системой конфуцианских ритуалов, составлявших нерасторжимое единство с законодательством. Более того, «ли» обладали более высоким культурным статусом. В Японии же ритуалы «ли» были частично инкорпорированы в тексты законодательных сводов и не имели самостоятельного значения.

Статьи уголовного права (*рицу*) почти полностью утеряны, а сохранившиеся однозначно свидетельствуют о том, что они были заимствованы из танского законодательства в почти неизменном

виде. Что касается «гражданских» статей (*рѣ*), то их сохранность намного выше. Это наводит на мысль о неравнозначной ценности *рицу* и *рѣ* в нарской Японии. Если функционирование бюрократического аппарата действительно строилось в значительной степени в соответствии с китайскими образцами (хотя и с многочисленными изменениями), то применение китайского уголовного законодательства столкнулось со значительными трудностями, ибо вступило в конфронтацию с некодифицированными нормами обычного права. Видимо, уже тогда японцы отдавали предпочтение социальным формам контроля — надзор за исполнением правил социального поведения осуществлялся прежде всего самим обществом, а не развитой пенитенциарной системой. Реальное применение *рицу* также имело ряд особенностей, смягчавших предписанные законом наказания: показательно, что начиная с 810 г. вплоть до установления военного сѣгунского режима двор заменял смертную казнь пожизненным заключением (отчасти это, возможно, объяснялось страхом перед местью духа покойного). Таким образом, законы *рицу* в нарской Японии были, скорее, неким эталоном, нежели реальным инструментом регулирования социальных отношений.

Что касается *рѣ*, то и здесь видны попытки японских законников приспособить китайские установления к местным условиям. Ревизия танского «гражданского кодекса» проходила по следующим основным направлениям:

1) Законом не определялся порядок престолонаследия; оно осуществлялось на основании обычного (некодифицированного) права.

2) Определяющая роль синтоизма в структуре официальной идеологии была закреплена созданием самостоятельного органа — палаты небесных и земных божеств (*дзингикан*), которая не имела над собой вышестоящего органа.

3) В отличие от Китая, в японском законодательстве присутствовал специальный раздел, посвященный правилам поведения буддийских монахов («Сѣнирѣ» — «Законы о монахах и монахинях»), что свидетельствует о большей роли буддизма в государственной жизни Японии (хотя в Китае имелись законы, регулировавшие деятельность буддийской церкви и даосских отшельников, они не входили в основное законодательство).

4) Возможности занятия высоких должностей лицами незнатного происхождения были в Японии намного ниже; конкурсные экзамены на занятие чиновничьей должности, идея которых была

заимствована из Китая, не имели сколько-нибудь существенного значения (определяющим было происхождение кандидата).

5) Контроль за делами на местах (на уровне уездов) в Японии фактически находился в руках местной знати: в отличие от Китая, где управители провинций и уездов назначались из центра, в Японии центр назначал только управителей провинций.

6) В отличие от танского Китая, земельные наделы в Японии выделялись не только мужчинам, но и женщинам (в Китае их получали только вдовы, в том числе наложницы). Японские женщины обладали также правом наследования. Вообще, в японском обществе положение женщины было выше, чем в китайском. Это подтверждается как значительным числом женщин на японском престоле в VIII в., так и часто практиковавшейся матриликальностью (муж поселялся в доме жены). В аристократических и чиновничьих кругах рождение в семье девочки зачастую приветствовалось, поскольку создавало потенциальную возможность удачно выдать ее замуж и таким образом поднять собственный социальный престиж.

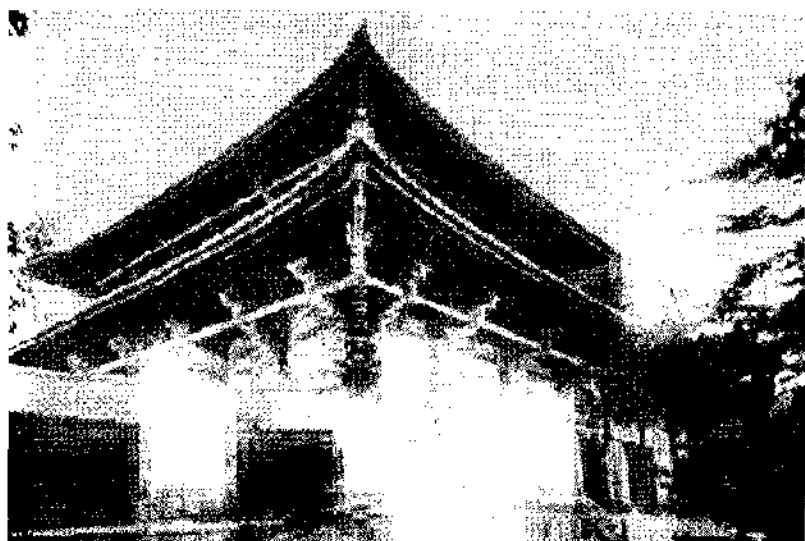
8) В отличие от единообразного (вне зависимости от места проживания) налогообложения в Китае ремесленными продуктами (каждый человек должен был платить налог тканями), в японском законодательстве для многих регионов были указаны специфические местные продукты (в основном — морского промысла), которые должны были доставляться непосредственно ко двору. При этом единицей налогообложения выступал не отдельный человек, а вся община.

В целом можно сказать, что модификация, которой подверглось в Японии танское законодательство, помимо того, что она отражала местные особенности, свидетельствовала о сохранении там элементов родовых отношений в устройстве общества и организации управления.

Для того, чтобы законодательные своды не вступали в острое противоречие с жизнью, их постоянно корректировали, не внося при этом исправлений в основной текст. Изменения производились в форме издания дополнений к законодательству (*кяку*) и руководств по его применению (*сики*), которые затем собирались в отдельные сборники. Кроме того, в IX в. появились систематизированные комментарии к законодательным сводам (вернее, только к «гражданскому кодексу» — «Рё-но гигэ», 833 г., и «Рё-но сёгэ», 859–877 гг.).

Летопись «Сёку нихонги» и законодательные своды являются наиболее важными письменными источниками по истории и культуре VIII в. Однако, помимо них существует немало других свидетельств, которые привлекаются историками для уточнения, реконструкций и сопоставительного анализа.

Документы Сёсёин Около 10 тыс. документов на бумаге из хранилища Сёсёин в крупнейшем буддийском храме Нара — Тодайдзи — представляют собой плод деятельности высокоорганизованного административного аппарата. Управление по переписке сутр (сякёсё) было организовано примерно в 736 г. при дворце Комё (супруги императора Сёму), но превратилось потом в одно из подразделений храма Тодайдзи. Вплоть до конца периода Нара в нем производилась не только копирование буддийских сутр, но и составление документов, имевших отношение к функционированию храмового комплекса в его взаимоотношениях с другими государственными учреждениями.

Сёсёин — сокровищница храмового комплекса Тодайдзи

Поскольку многие из этих текстов написаны на обороте документов, уже использованных в других ведомствах (что свидетельствует как о ценности бумаги в то время, так и о политически неаппагированном характере этого источника), то документы Сёсёин предоставляют дополнительную возможность для реконструкций в области исторической демографии (подворные списки),

системы налогообложения, устройства бюрократической машины и т.д.

«Фудоки» Основным объектом описания официальной хроники «Сёку нихонги» был император и его непосредственное окружение (двор). Однако для лучшего управления страной требовалась «инвентаризация» всего того, что находилось в ее пределах. Для решения этой задачи в 713 г. был провозглашен указ о составлении «Фудоки» («Описаний земель и обычаев»). Описание провинций Харима и Хитати было завершено в 715 г., Идзумо — в 733 г., Бунго и Бидзэн — еще позже. Данные по остальным провинциям до нас не дошли. Полностью сохранился только текст «Идзумо-фудоки».

В «Фудоки» характеризовались географические особенности провинций и входивших в них уездов, отмечалось наличие полезных ископаемых, животных, растений, пригодных для земледелия земель. В них широко представлены местные мифы и предания, дающие возможность судить о бытовании представлений и верований, отличных от тех, что были зарегистрированы придворной традицией («Кодзики», «Нихон сёки», «Сёку нихонги»). Данные «Фудоки» свидетельствуют о значительном культурном многообразии, свойственном древней Японии.

Моккан Важным источником, проливающим свет на особенности историко-культурного развития Японии в VII–VIII вв., являются эпиграфические материалы. С этой точки зрения большое значение имело открытие в 1961 г. не слишком известного ранее типа текстов (до тех пор его корпус ограничивался приблизительно 350 образцами, находящихся в хранилище Сёсёин в Нара), зафиксированных на деревянных табличках (букв. «деревянных письменах» — *моккан*). Такая табличка представляет собой дощечку 10–25 см в длину и 2–3 см в ширину. Размеры дощечки зависели от длины сообщения (сообщений, переходящих с одной таблички на другую, не зафиксировано).

Данный тип эпиграфики был известен в Китае и Корее. В древнем Китае подобные таблички изготавливали не из дерева, а из бамбука. В отличие от Японии, они имели стандартный размер в 30 или 45 см. и их было принято сшивать (т. е. они могли вмещать любой объем информации). В Корее количество находок *моккан* невелико, но считается, что этот вид эпиграфики был заимствован японцами именно оттуда.

К настоящему времени обнаружено приблизительно 200 тыс. табличек, причем количество мест находок составляет около 250. Только при раскопках усадьбы принца Нагая (влиятельного царя-

дворца в правление Сёму, 724–749) в Нара в 1988 г. их было найдено около 50 тыс. Самые ранние таблички датируются второй четвертью VII в. Наибольшее количество находок концентрируется в Фудзивара (служила резиденцией правителей Ямато в 694–710 годах) и Нара, но они встречаются и на периферии государства.

Широкое использование *моккан* определялось такими свойствами дерева, как его относительная легкость и прочность (что делало возможным транспортировку табличек на большие расстояния), а также возможностью их повторного использования (прежняя запись соскабливалась и наносилась новая).

Большинство из найденных *моккан* так или иначе связаны с функционированием государственного аппарата (переписка между центральными ведомствами, между центром и местными органами власти — управлениями провинций, уездов, почтовыми дворами). Интересно, что *моккан* пересылались только по государственной административной вертикали — обмена информацией между чиновниками на уровне уездов или провинций не зафиксировано. По-видимому, государство не регулировало непосредственно вопросы управления на уровне уезда.

К настоящему времени известны несколько типов сообщений на *моккан*. В наиболее общем виде их можно подразделить на 3 типа: сообщения, учебные тексты, товарные бирки. Последние были наиболее массовой разновидностью *моккан*. Эти бирки, на которых указывался вид продукции, ее количество, отправитель и получатель, прикреплялись к грузу, который отправлялся в вышестоящие инстанции (либо владельцу поместья) в качестве налога. Кроме того, ими маркировали уже полученные налоговые поступления при их сортировке и направлении на склады.

Моккан, которые принято квалифицировать как «сообщения», включают в себя:

- 1) Распоряжения вышестоящих ведомств (основной массив — вызовы чиновников к месту службы государственными органами, т.е. «повестки»; например, распоряжение писцам прибыть в определенное место для копирования сутры). После того, как *моккан* доходил до адресата и написанное в нем распоряжение выполнялось, эти *моккан* выбрасывали (оригинал сообщения мог изготавливаться на бумаге и храниться в архиве).

- 2) Донесения от нижестоящего ведомства (чиновника) вышестоящему (главным образом, о прибытии чиновника к месту службы или крестьянина — для несения трудовой повинности, а также о доставке груза).

3) Запросы одного ведомства другому о доставке какого-либо груза.

4) Послания, сопровождавшие отправку груза в ответ на запрос.

5) Послания, удостоверяющие получение груза.

6) Разрешения на провоз груза через ворота дворца Нара или через какой-либо другой пункт проверки (заставу).

7) Удостоверения о прохождении груза через ворота дворца Нара или же другой пункт проверки (заставу).

8) Выставлявшиеся на дорогах объявления о розыске вора или пропаже домашнего скота.

Таким образом, подавляющее большинство этого вида *моккан* также было связано с перемещением грузов или людей.

Кроме того, встречаются тексты, использовавшиеся в процессе обучения (выдержки из произведений китайских философов, «домашние задания» по иероглифике).

Моккан представляют собой особую ценность, поскольку они не предназначались для длительного публичного использования (наиболее типичные места их находок — древние помойки, водосточные каналы) и потому не подвергались целенаправленному редактированию, подчиненному определенным идеологическим задачам.

Массовые находки *моккан* заставили пересмотреть прежние оценки относительно степени зрелости японской культуры VII–VIII вв. Выяснилось, что она была в значительной мере письменной, а государственное управление уже в то время осуществлял относительно широкий слой грамотных чиновников. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что письменные памятники VIII в. возникли не на пустом месте, а представляли собой результат определенного развития письменной традиции.

* * *

Очевидно, что массовый обмен письменной информацией в делах управления мог быть обеспечен только при организации соответствующей системы обучения. И действительно, в Японии появились школы чиновников: столичная — в 670 г. (около 450 учеников), провинциальные — в 701 г. (с числом учеников от 24 до 60). Кроме того, существовали школы медицины и астрологии (общее число учеников — около 110). С учетом того, что какое-то количество буддийских монахов получало образование при монастырях, такая система образования была достаточна для нужд государственного аппарата и для приобщения японцев к достижениям континентальной цивилизации и культуры; последнее в зна-

чительной степени обеспечивалось (особенно, начиная с VIII в.) с помощью письменных каналов информации (ввоза книг, их переписывания и изучения).

Однако несмотря на довольно широкое распространение письменности и заимствованный из Китая этикет перед грамотностью, идея о том, что мудрость и знания сами по себе могут послужить основанием для занятия высокого общественного положения, в Японии широкого распространения не получила. Японское общество оказалось намного более иерархичным, чем китайское, и система конкурсных экзаменов на занятие чиновничьей должности никогда не имела там серьезного значения, ибо главным всегда оставалось происхождение человека.

Государственное устройство

К VIII в. стратегический выбор модели управления по китайскому образцу был совершен. Была достигнута и относительная эффективность работы государственного аппарата, о чем свидетельствует успешное претворение в жизнь ряда грандиозных проектов (строительство Нара, храма Тодайдзи, сети дорог и т.д.).

Высшие государственные органы

Согласно законодательным сводам, во главе государства стоял император, который обладал верховными правами в области административного управления, назначения и продвижения чиновников, ведения внешних сношений и управления войском. Непосредственно императору подчинялись 3 высших государственных учреждения — большой государственный совет (*дадзёкан*), совет по делам небесных и земных божеств (*дзингикан*) и палата цензоров (*дандзётэй*), основной функцией которых было проведение в жизнь указов императоров.

Главным административным органом был *дадзёкан* (не имел соответствия среди высших государственных учреждений в танском Китае). Он обладал огромными полномочиями, что серьезно ограничивало власть правящего рода.

Внутри *дадзёкан* существовал высший совет по решению государственных задач (*гисэйкан*), куда входили только представители старых аристократических родов, обосновавшихся в пяти центральных провинциях столичного района Кинай (Ямато, Ямасиро, Сэццу, Кавати и Идзуми).

Назначение в *дадзёкан* было фактической монополией 21 рода, происходивших из Кинай и известных еще с «дореформенного» времени. К их числу относились: Фудзивара (ветвь Накато-

ми), Тадзихи, Абэ, Ки, Исоноками (бывш. Мононобэ), Ётомо, Косэ, Исикава (бывш. Сога), Татибана, Накатоми, Фунъя, Авата, Такамуко, Симоцукэно, Оно, Агатаинукаи, Ёно, Хиками, Киби, Югэмикиё, Саэки.

Особое положение среди высших государственных учреждений было у *дзингикан*. Фактически это было учреждение, выведенное из подчинения *дадзёкан*. Формально во главе *дзингикан* стоял чиновник младшего 4-го ранга, а самом деле его возглавлял сам император, являвшийся первосвященником (именно в этом, видимо, кроется причина столь высокого положения *дзингикан* в системе высших государственных учреждений). Основными функциями *дзингикан* были: проведение храмовых (синтоистских) служб, религиозных празднеств и различных синтоистских (прежде всего общегосударственного масштаба) церемоний и т.д.

Еще одним высшим государственным учреждением являлась *дандзётэй* (палата цензоров). Основной ее функцией было следить за соблюдением законодательных норм в столице и на местах. Палата цензоров осуществляла инспекционные проверки провинциальных и уездных управ и расследовала различные нарушения закона. Глава палаты цензоров имел право прямого доклада императору, минуя *дадзёкан* (в реальности это право осуществлялось очень редко). Согласно закону, деятельность *дандзётэй* не была подотчетна *дадзёкан*, хотя фактически именно *дадзёкан* санкционировал деятельность палаты цензоров и получал всю итоговую документацию.

Вооруженные силы

Несмотря на значительное число политических кризисов, связанных, в основном, с порядком наследования, положение в стране в целом оставалось довольно устойчивым. Косвенным свидетельством этого может служить как отсутствие крепостных стен в Нара, так и устройство японской армии. Если в Китае она подчинялась непосредственно центральным властям и концентрировалась в районе столицы, то в Японии основные воинские части были распределены по всей стране и находились в подчинении у управителей провинций.

Японская армия состояла из *гундан* и *эфу* (провинциальных и столичных частей). Каждый крестьянский двор направлял в *гундан* одного вооруженного пехотинца и обеспечивал его пропитанием. Часть рекрутов отправлялась на службу в столицу (срок службы составлял 1 год), часть — на Кёсю для охраны границы (на 3 года). Остальные рекруты оставались в местах проживания, где проводилась их воинская подготовка, принимавшая форму

кратковременных сборов. В качестве офицеров назначались представители местной знати (в Китае все офицеры назначались из центра). Общее руководство *гундан* было возложено на управителей провинций, т. е. на провинциальном уровне гражданские и военные функции администрации не были разведены.

Что касается воинов, сосредоточенных в столице, то их общее число составляло 5290 чел. (2600 чел. состояли в охране различных ключевых объектов дворца и столицы, а остальные 2690 были телохранителями императора и его семьи). При этом в столичном войске многие должности были наследственными (например, охрана тех или иных ворот дворца). Такая военная организация сложилась еще во времена, предшествовавшие реформам Тайка.

В целом, японская армия периода Нара, создававшаяся прежде всего для борьбы с внешней опасностью, не прославилась громкими победами. Единственным серьезным испытанием для нее стала борьба с *эмиси* (обобщенное название племен, обитавших на северо-востоке Хонсю; в средневековье известны как *эдзо*, а в новое время — как *айны*), которая развивалась не особенно успешно. Во всяком случае, в начале IX в. продвижение японцев на север Хонсю прекратилось (здесь, безусловно, сказалось и отсутствие экономической мотивации для расширения территории).

Развитие системы коммуникаций Одной из основных задач «государства *рицурё*» было обеспечение надежного контроля центральной власти над всей территорией страны. В первую очередь это относилось к распоряжениям двора — они должны были непременно и в разумные сроки доходить до периферии государства и приниматься там к исполнению.

Для осуществления надежной связи между центром и периферией были предприняты гигантские усилия по созданию сети дорог. В VIII в. в стране было сооружено 7 «государственных дорог» (*кандо*), соединявших столицу Нара с основными регионами: Тёкайдё (проходила вдоль берега Тихого океана от столицы через провинцию Хитати до провинции Муцу, соединяясь с дорогой Тёсандё); Тёсандё (проходила по центру о-ва Хонсю от столицы до провинций Муцу и Дэва); Хокурикудё (проходила вдоль побережья Японского моря от столицы до провинции Этиго); Санъиндё (проходила вдоль побережья Японского моря от столицы до провинции Нагато); Санъёдё (проходила по побережью Хонсю, обращенному в сторону Внутреннего Японского моря, от столицы до провинции Нагато); Нанкайдё (проходила от столицы до Авадзи и затем по берегу о-ва Сикоку, обращенному в сторону Внутреннего

Японского моря с ответвлениями во все 4 расположенные там провинции); Сайкайдō (проходила по провинциям о-ва Кёсё).

Все дороги подразделялись на «большие», «средние» и «малые». Статус «большой» имела только Санъёдō — поскольку через о-в Кёсё пролегал путь на материк, а также по военно-стратегическим соображениям (в VIII в. Япония постоянно опасалась вторжения из Силла и Китая и сама тоже еще окончательно не отказалась от планов по «умиротворению» Силла). Статус «средних дорог» был присвоен Тōкайдō и Тōсандō (ввиду военной экспансии Японии на север Хонсё эти направления были признаны стратегически важными). Остальные дороги считались «малыми».

На государственных дорогах располагались управления провинций (около 60). От них были проложены дороги к управлениям уездов (около 600). На дорогах были устроены почтовые дворы, обеспечивавшие государевых гонцов ночлегом и лошадьми. В зависимости от статуса дороги на них содержалось от 5 до 20 лошадей. Как правило, почтовые дворы находились на расстоянии приблизительно 16 км друг от друга (их общее число составляло чуть более 400).

Аэрофотосъемки и археологические исследования недавнего времени показали, что дороги того времени были прямыми и широкими (дорога Нанива-Нара — 18 м, Фудзивара-Нара — 23 м, Нара-управления провинций-управления уездов — 6–13 м). Это свидетельствует о том, что они появились не стихийно, а в результате планомерной деятельности государства (частичное исключение составляли существовавшие издавна дороги внутри уездов, которые затем были спрямлены и соединены в единую сеть с вновь построенными).

Судя по всему, планомерное строительство дорожной сети было начато не из-за возникновения экономической потребности в ней, а именно для нужд государственного управления. Дороги использовались для доставки налогов, которые собирались в натуральной форме, для передачи на места распоряжений центральных властей и отчетов местных властей в столицу, для транспортировки людей и грузов при проведении общественных работ (строительства столицы, буддийских храмов, ирригационных сооружений), для перемещения войск. Землемерные работы, связанные с надельным землепользованием и проведением административных границ между провинциями, также имели точкой отсчета именно государственные дороги.

Созданная дорожно-транспортная система была весьма эффективной. В VIII в. расстояние между Нара и Кёсё покрывалось

гонцами за 4–5 дней, а между столицей и северо-восточными районами Хонсю — за 7–8 дней. Позднее, по мере эрозии государственных институтов в период Хэйан, в начале IX в. этот срок увеличился до 6–12 дней в первом случае и до 13 дней — во втором. Это произошло из-за сокращения числа почтовых дворов и ухудшения качества самих дорог.

* * *

При создании общегосударственной системы сообщения водные коммуникации были почти полностью проигнорированы (это касается как рек, так и моря). Хотя и существовали расположенные на реках лодочные станции, число их было крайне невелико. Таким образом, в этой сфере в Японии осуществлялась типичная стратегия чисто сухопутного земледельческого государства. Характерно, что и японская столица располагалась не на морском побережье, а в глубине материковой части страны.

Город Нара

В японской исторической литературе для обозначения столицы VIII в. используются два термина — Нара и Хэйдзё. Первый фиксируется в поэтической антологии «Манъёсю» (вторая половина VIII в.) и происходит от названия равнины, на которой был расположен город (Нара, видимо, означает «плоский, ровный, мирный, спокойный»). Однако в официальных документах того времени более употребительным был топоним Хэйдзё, который состоит из двух иероглифов: «плоский» и «замок, столица». Следует заметить, что сочетанием тех же самых иероглифов обозначалась и столица царства Северное Вэй в Китае.

Нара находилась в 18 км к северу от прежней столицы Фудзикара. Причины, по которым двор покинул свою прежнюю резиденцию, не вполне ясны. Наиболее распространенным объяснением является то, что новая столица лучше соответствовала традиционным китайским принципам расположения построек «среди ветров и потоков» (яп. *фусуй*, кит. фэншуй), согласно которым, как достоверно известно, выбиралось месторасположение более поздних императорских резиденций (Нагаока и Хэйан). В самом деле, в полном соответствии с китайскими требованиями к востоку от Нара протекала река, на юге находился пруд, а за ним простирались равнины; на западе город окаймляла широкая дорога, на севере возвышались горы, переходившие в холмы, непосредственно окружавшие столицу с трех сторон.

Существует также предположение, что перенос столицы мог быть обусловлен ритуальными мотивами, связанными с жестоким голодом и эпидемиями, поразившими страну в годы правления Момму: в связи с этим правителю, якобы, требовалось сменить место своего обитания для избавления от скверны. Выдвигаются и вполне рациональные объяснения: например, выгодное расположение Нара в точке пересечения транспортных путей, или недостаточные размеры Фудзивара для размещения быстро разраставшегося государственного аппарата. Последнее объяснение представляется малоубедительным, так как издержки по переносу столицы заведомо превосходили любые трудозатраты по ее расширению. Так или иначе, Нара стал единственным «настоящим» городом своего времени (после переезда двора в новую столицу прежняя — Фудзивара — пришла в запустение, многие постройки в ней были разобраны и использованы при возведении Нара).

Градостроительные особенности

Весь период Нара отмечен сильным китайским влиянием. Оно проявлялось и в архитектурном облике города. С самого начала столица застраивалась по плану, который имел много общего со столицей танского Китая — городом Чанъань. Нара представляла собой прямоугольник размерами 4,8 на 4,3 км. Более походившая на огромную площадь главная магистраль города шириной в 67,5 м — Судзаку («Красный сокол», «Феникс») — разделяла Нара на правую и левую половины (западную и восточную). По обе ее стороны были выкопаны каналы шириной 7 м. С севера на юг город пересекали 9 улиц (*бб*), а с запада на восток — 10 (*дзё*), образовывавших, таким образом, 72 квадратных квартала площадью 1800 *сяку* (553 кв. м) каждый. Несколько позже на северо-востоке были построены еще 12 кварталов («внешняя столица» — «гэкё»), а на северо-западе — 3 «полуквартала».

Между Нара и Чанъанью имелись, однако, и существенные отличия. Дворец государя и административные постройки, организованные в Нара в единый архитектурный комплекс, занимали 4 квартала в северной части столицы, а в Чанъани дворец и министерства располагались обособленно. Не в пример китайской столице Нара не имела крепостных стен. Только дворцовый комплекс (точно так же, как и в Фудзивара) был обнесен довольно толстой (210–270 см) глинобитной стеной высотой около 5 м.

Еще одним отличием от Чанъани был строительный материал: в Японии при возведении зданий камень и кирпич не использовались. Весь город, включая дворцовый комплекс и буддийские хра-

мы (в 720 г. их насчитывалось 46), строился из дерева, что делало его весьма уязвимым для огня (но более безопасным в случае землетрясения). Учитывая сравнительную недолговечность дерева как строительного материала, можно смело утверждать, что ни одно из зданий того времени не дошло до нас в неизменном виде, а бронзовые статуи, бережно сохраняемые в многочисленных буддийских храмах Нара, гораздо старше тех построек, внутри которых они находятся.

Статуя Большого Будды (Дайбуцу).
Храмовый комплекс
Тодайдзи в Нара.
VIII в.

В Нара не было синтоистских святилищ. Это было связано с тем, что синтоистские божества обладали магической силой только в месте своего первоначального обитания. Вместе с тем, в столице располагалось множество буддийских храмов, крупнейшими из которых были Сайдайдзи, Тосёдайдзи и Якусидзи (в западной части столицы) и Кёфукудзи, Гангёдзи и Дайандзи (в восточной части). Однако самым грандиозным храмовым комплексом (причем не только этого времени, но и во всей японской истории) был Тодайдзи, расположенный на самом северо-востоке столицы.

Строительство Тбдайди осуществлялось как на средства двора, так и на пожертвования. В храмовой хронике Тбдайди («Тбдайди ёроку», начало XII в.) указывается, что на возведение храма были собраны пожертвования от 51590 чел., а на отливку статуи Будды — от 372075 чел. Строительство храма, занимавшего площадь около 90 га, действительно потребовало гигантских усилий. Достаточно сказать, что размеры «золотого павильона» («кандо»), ныне самого большого в мире деревянного сооружения (сохранился в пропорции 2:3 по отношению к первоначальному строению), составляют: длина — 57 м, ширина — 50 м и высота — 49 м. На выплавку же 16-метровой статуи Будды пошло около 400 т меди. Работа по сооружению статуи началась в 747 г. и была окончательно завершена в 755 г.

Возведение в короткий срок грандиозного по тем временам города потребовало мобилизации огромных людских ресурсов. Если в V–VI вв. основным видом общественных работ было строительство курганов, то в начале VIII в. все силы страны были направлены на возведение столицы.

Перепад высот на территории Нара составлял в то время 14 м. В ходе строительства было срыто около 400 тыс. куб. м холмов и засыпано 800 тыс. куб. м низин. Расчеты показывают, что только для этого потребовалось около 1 млн. человеко-дней. Для возведения же дворцового комплекса, строительство которого заняло приблизительно 2 года, было необходимо использовать 3 тыс. работников ежедневно, а объем трудовых затрат во время строительных работ в остальной части столицы оценивается как в 20 раз больший. Так же, как и в Фудзивара, при строительстве Нара был прорыт специальный канал длиной в 3 км и шириной в 10 м, который использовался для доставки строительных материалов, а в дальнейшем для доставки товаров на рынки.

Всего в городе имелось 2 рынка. Они находились под непосредственным контролем правительства, устанавливавшего фиксированные цены, и торговали на них как купцы, так и само государство. Поступали товары и от управлений провинциями и крупных буддийских храмов. Кроме продовольствия (риса, рыбы, овощей, соли, водорослей, молока и др.), на рынках можно было приобрести письменные принадлежности, буддийские сутры, одежду, посуду, украшения и т.д.

Кроме того, в Нара стекались подати со всей страны. Из таличек-моккан, найденных в усадьбе принца Нагая, нам известно, что из дальней восточной провинции ему доставляли лиловый (цвет аристократии) краситель для его одеяний; морскую капусту

— из уезда Сима провинции Сима; рис — из Кудара в Сэццу; сушеное мясо — из Охара в Идзумо; одежду — с о-вов Оки, овощи — из соседней провинции Ямасиро. Документы показывают, что в усадьбу принца продукты и товары доставлялись по крайней мере из 19 провинций.

Население Нара

В столице и ее ближайших пригородах проживало по разным оценкам от 100 до 200 тыс. чел.: 7–10 тыс. чиновников с семьями (35–40 тыс. чел.), ремесленники, дворовые люди, монахи, крестьяне. Помимо них, город наводняли приезжие из провинции — чиновники, а также крестьяне, прибывшие сюда для работы на стройках (для этого каждые 50 дворов были обязаны предоставить в порядке трудовой повинности двух мужчин, менявшихся каждые 3 года) и для охраны столицы (сроком на 1 год). Кроме того, в столице находилось немало людей без определенного рода занятий — в основном, бывшие крестьяне, бежавшие от налогового гнета в столицу, где время от времени осуществлялись широкомасштабные благотворительные мероприятия (в 773 г., например, пособия были выданы почти 20 тыс. чел.).

На территории собственно дворца проживал сам император, его старшая жена, довольно многочисленные младшие жены и женский «обслуживающий персонал», поставляемый семьями управителей уездов, а также влиятельными родами (*удзи*) из района Кинай. Кроме того, в столице находились члены императорской фамилии (братья и сестры императора и их дети), а также около 150 семей высшей аристократии (5-го ранга и выше). Количество чиновников 6–8-го рангов оценивается приблизительно в 600 чел., чиновников без ранга — в 6 тыс. Все они являлись на службу в свои ведомства, расположенные на территории дворцового комплекса, занимавшего площадь 120 га.

Земля для возведения жилых построек выделялась в зависимости от ранга и занимаемой должности. Владения высшей аристократии находились в непосредственной близости от дворца и занимали площадь в 4 *тэ* (1 *тэ* равнялся приблизительно 16 тыс. кв. м). Обладателям 4–5-го рангов предоставлялись участки размером в 1 *тэ*, 6-го ранга — $1/2$ *тэ* и т.д. Простые же горожане получали участок в $1/16$ или $1/32$ *тэ*. Причем, чем меньше были участки, тем на большем удалении от дворца они располагались.

Средняя семья низкорангового чиновника насчитывала примерно 10 чел. На участках, где они проживали, обычно стояли 2–3 строения с соломенной крышей и земляным полом. Правительство призывало горожан покрывать крыши своих домов черепи-

цей, красить столбы киноварью, а стены — белить, однако это не имело видимых результатов. Даже в усадьбе принца Нагая подавляющее большинство строений черепицей крыто не было.

Особенности социальной структуры

В VIII в. все население Японии, составлявшее около 6 млн. чел., подразделялось на две главные категории: *рёмин* («добрый люд») и *сэммин* («подлый люд»). К *рёмин* относились: *ки* (чиновники 1–3-го рангов), *цүки* (чиновники 4-го и 5-го рангов), остальные чиновники (6–8-й ранги), *бякутё* (свободные общинники), *синабэ* и *дзакко* (ремесленники, находившиеся в непосредственной зависимости от двора). В категорию *сэммин* входили кладбищенские сторожа, преступники и их семьи, превращенные в государственных рабов, частнозависимые и частные рабы.

Структура чиновничества Чиновничество в Японии (*кяк* и в Китае) разделялось на столичное (*найкан*) и провинциальное (*гайкан*). Внутренняя структура столичного служилого сословия в Японии VIII в. оформлялась при помощи рангов. Ранговая шкала состояла из 30 градаций, сведенных в 9 ранговых категорий (*ви*, совр. и). Все 9 рангов дробились на старший и младший; ранги с 4-го по 9-й подразделялись еще на верхнюю и нижнюю ступени: например, 3-й старший ранг; 4-й старший ранг верхней ступени; 4-й младший ранг нижней ступени.

Для провинциального чиновничества существовала своя собственная система рангов (*гэи*) из 20 ступеней, сведенных в 5 ранговых категорий. Кроме того, была предусмотрена отдельная система градаций для принцев. Для них имелись 4 класса (*хон*), принадлежность к которым непосредственно зависела от степени родства с императорским родом. Придворное же чиновничество подразделялось следующим образом:

Ки («благородные»). К этой категории относились высшие чиновники 1–3-го рангов. В основном это были представители самых могущественных кланов, а доступ в эту категорию переселенцам из Китая и государств Корейского полуострова был практически невозможен (единственным исключением в VIII в. был Кудара-но Коникиси Кэйфуку, дослужившийся до 3-го младшего ранга).

Чиновники 4-го ранга занимали промежуточное положение между *ки* и *цүки*. Они не имели привилегий чинов 3-го ранга и выше, но могли занимать высшие государственные должности и входить в состав *гисэйкан*, что было недоступно чинам 5-го ранга.

Цзюки (чиновники 5-го ранга) занимали большую часть придворных должностей. 5-й ранг был минимальным для получения должности при дворе и был своеобразным «стартовым рангом» для успешной придворной карьеры чиновника.

Чиновники 6–8-го рангов составляли низшее звено служилого сословия. Именно эта категория чиновничества более всего соответствовала китайским представлениям о государственной бюрократии, так как значительная их часть добивалась своего положения за счет способностей и профессиональных знаний, а не по причине родства с могущественными кланами.

Обладатели 9-го (начального) ранга, по всей видимости, еще не считались полноправными чиновниками. Время пребывания в 9-м ранге расценивалось как своеобразный испытательный срок для лица, начинавшего служебное продвижение.

Привилегии чиновников

В соответствии с их рангами, чиновники получали экономические льготы и правовые преимущества. Они сводились к правам на получение определенного количества «ранговых полей» (*идэн*), дворов в кормление (*джикифу*), рангового жалования (*ироку*), сезонного жалования (*кироку*), которое выдавалось дважды в год во 2-ю и 8-ю луну, и к праву иметь определенное количество личных слуг (*сидзин*).

Экономические льготы, дифференцированные по рангам

Ранг или класс царевича	Размер <i>идэн</i> , <i>тэ</i>	Размер <i>джикифу</i> , <i>ко</i>	Количество <i>сидзин</i> , чел.
1-й класс	80	800	100
2-й класс	60	600	80
3-й класс	50	400	60
4-й класс	40	300	40
1-й старший ранг	80	300 (600)	100
1-й младший ранг	71	260 (500)	100
2-й старший ранг	60	200 (350)	80
2-й младший ранг	54	170 (300)	80
3-й старший ранг	40	130 (250)	60
3-й младший ранг	34	100 (200)	60
4-й старший ранг	24	(100)	40
4-й младший ранг	20	(80)	40
5-й старший ранг	12		25
5-й старший ранг	8		20

(В скобках дан размер кормовых пожалований по указу 706 г.)

Размер сезонного жалования (кироку)

Ранг или класс царевича	Шёлковая материя, хики	Вата, дзюн	Холст, тан	Мотыги, штук
1-й класс	30	30	100	140
2-й класс	20	20	60	100
3-й класс	14	14	42	80
4-й класс	8	8	22	30
1-й ранг	30	30	100	140
2-й ранг	20	20	60	100
3-й старший ранг	14	14	42	80
3-й младший ранг	12	12	36	60
4-й старший ранг	8	8	22	30
4-й младший ранг	7	7	18	30
5-й старший ранг	5	5	12	20
5-й младший ранг	4	4	12	20
6-й старший ранг	3	3	5	15
6-й младший ранг	3	3	4	15
7-й ранг	2	2	4	15
8-й старший ранг	1	1	3	15
8-й младший ранг	1	1	3	10
9-й старший ранг	1	1	3	10
9-й младший ранг	1	1	3	5

Размер рангового жалования (ироку)

Ранг	Шёлковая ма- терия, хики	Вата, дзюн	Тонкий холст, тан	Грубый холст, дзё
4-й старший	10	10	50	360
4-й младший	8	8	43	300
5-й старший	6	6	36	240
5-й младший	4	4	29	180

(В таблицах использованы следующие меры площади, длины и веса: 1 *те* — около 0,992 га; хики = 5 *дзё* 2 сяку (около 19,7 м); *дзюн* = 2 *кин* (около 1,2 кг); тан 0,5 хики; ко — «двор»).

Кроме экономических льгот, дифференцированных по рангам существовали и экономические привилегии на получение опреде

ленного количества полей (*сикибундэн*), дворов в кормление и количества слуг в зависимости от должности.

Должностные экономические привилегии

Должность	Размер <i>сикибундэн</i> , т ^е	Размер кормового пожалования, ко	Кол-во слуг
Главный государственный министр (<i>дадзэ дайджин</i>)	40	3000	300
Левый государственный министр (<i>садай-джин</i>)	30	2000	200
Правый государственный министр (<i>удайджин</i>)	30	2000	200
Старший государственный советник (<i>дайнагон</i>)	20	800	100
Средний государственный советник (<i>тюдэнагон</i>)		200	30
Государственный советник (<i>санги</i>)		80	

(Должность *тюдэнагон* была учреждена в 705 г., а *санги* — в 731 г.)

Правовые привилегии, дифференцированные по рангам, заключались, во-первых, в праве на соискание должности соответствующего ранга в административном аппарате, во-вторых, в праве на постройку гробниц определенного размера, в-третьих, в праве на пользование привилегиями в случае совершения конкретным чиновником уголовного преступления и, наконец, в праве предоставления чиновникам (обычно 1–5-го рангов) рангов своим сыновьям и внукам.

Последняя разновидность рангов называлась «теневыми рангами» (*онги*). Сущность системы «теневых рангов» заключалась в следующем. Чиновники 1–5-го рангов, в зависимости от высоты своего собственного ранга и заслуг перед государством, могли «отбрасывать тень своего положения» на своих сыновей и внуков и предоставлять им ранги без всякой аттестации и «проверки заслуг». Такая система способствовала аристократизации придвор-

ного чиновничества и заметно ограничивала проникновение в среду придворного чиновничества представителей провинциальных и неяпонских родов.

«Теневые ранги»

Ранг отца	Ранг сына от жены (<i>тякуси</i>)	Ранг сына от налож- ницы (<i>сё- си</i>)	Ранг внука от жены (<i>тякусон</i>)	Ранг вну- ка от на- ложницы (<i>сёсон</i>)
1-й ранг	5-й младш. нижней ступени	6-й старш. верхней ступени	6-й старш. верхней ступени	6-й старш. нижней ступени
2-й ранг	6-й старш. нижней ступени	6-й младш. верхней ступени	6-й младш. верхней ступени	6-й младш. нижней ступени
3-й ранг	6-й младш. верхней ступени	6-й младш. нижней ступени	6-й младш. нижней ступени	7-й старш. верхней ступени
4-й стар- ший ранг	7-й старш. нижней ступени	7-й младш. верхней ступени		
4-й млад- ший ранг	7-й младш. верхней ступени	7-й младш. нижней ступени		
5-й стар- ший ранг	8-й старш. нижней ступени	8-й младш. верхней ступени		
5-й млад- ший ранг	8-й младш. верхней ступени	8-й младш. нижней ступени		

Наконец, еще одной специфической привилегией представителей аристократии столичного района, обладавших чиновными рангами, было владение родовыми буддийскими храмами (*удзи-дэра*).

Провинциальное чиновничество

Почти все представители столичной знати несколько раз в течение жизни команди-
ровались на несколько лет на должности
управителей провинций, помощников управителей провинций,
провинциальных инспекторов и т.д. Служба в провинции (извест-

ны случаи, когда назначенный в провинцию чиновник оставался в столице и был лишь номинальным главой провинциальной управы) давала столичной знати дополнительные возможности для обогащения за счет обработки пустовавших земель и отчуждения большей части прибавочного продукта крестьян.

К местной знати (т. е. знати тех местностей, которые находились за пределами столичного района) относились управители уездов и другие уездные чиновники и их родственники.

В отличие от управителей провинций, сроки службы которых были фиксированы законом (6 лет, хотя фактически срок мог составлять 2–3 года), управители уездов в большинстве случаев назначались пожизненно из числа потомков бывших *куни-но мияцук* (представителей местной уездной знати, управлявших до реформ VII в. теми же территориями).

Хотя социальное положение уездных чиновников было значительно ниже, чем провинциальных, они тоже получали соответствующие их положению экономические льготы и различные привилегии. В отличие от провинциальных чиновников, их уездные коллеги не получали сезонное жалование (*кироку*), зато размер должностных наделов уездной администрации был больше, чем у провинциальной. Кроме того управители уездов и их помощники владели рабами, на которых также выдавался надел.

Должностные наделы местной администрации (в *тэ*)

Должность	Провинция	Уезд
Управитель	1,6 – 2,6	6
Помощник управителя	2 – 2,2	4
Остальные чиновники	1 – 1,6	2

Как и столичное чиновничество, местная знать получала ряд правовых привилегий:

1) Право на уменьшение наказания за совершенное преступление (хотя и не столь значительное, как это было бы в аналогичном случае с чиновниками столичного района).

2) Право на обучение сыновей и других родственников управителей уездов в провинциальных школах (*кокугаку*), что давало впоследствии теоретическую возможность для поступления в столичную школу чиновников (*дайгаку*), а после ее окончания получить столичный чиновничий ранг.

3) Право родственников управителей уездов служить в дворцовой охране (первоначально эта служба была повинностью, но со временем, благодаря выгоды положения охранников, получавших сезонное жалование и ранги, она стала привилегией).

4) Право поставлять во дворец придворных дам (*унэмэ*), обязанностью которых было прислуживать императору во время обеда во дворце императрицы. Так как *унэмэ* обычно становились женами столичных аристократов, то это давало возможность управителям уездов и их помощникам породниться с наиболее знатными родами.

Положение уездных чиновников во многом зависело от управителей провинций. В их компетенцию входило:

- назначение управителей уездов и их помощников;
- проведение ежегодных инспекционных поездок с целью определения результатов деятельности уездной администрации и «исправления недочетов», которые возникли вследствие «нарушения законов»;

- оценка деятельности уездных чиновников в соответствии с результатами инспекционной поездки. Низкая оценка их деятельности могла повлечь за собой отстранение от службы, однако в большинстве случаев уездные чиновники имели хорошие отношения с провинциальными властями и сохраняли свое положение даже после отрицательной аттестации;

- рекомендация родственников уездных чиновников в провинциальные школы, их аттестация в конце учебного года по результатам экзаменов, рекомендация их в дворцовую охрану, а также отбор претендентов в *унэмэ*.

Согласно законодательному своду «Тайхорё», существовало два способа назначения уездной администрации: назначение из центра на основании личных способностей и профессиональная пригодности и назначение из среды прежних *куни-но мияцукэ*. Позднее именно эта, последняя, система получила наибольшее распространение, и назначение на должности управителей уездов стало носить наследственный характер (система *фудай*).

Правда, система *фудай* не могла полностью гарантировать сыну, что он унаследует пост своего отца. Очень часто в число претендентов на весьма выгодную должность управителя уезда включались и представители боковых ветвей, а также дальние родственники.

С 712 г. провинциальная администрация с санкции центральной власти стала активно вмешиваться в процесс назначения уездной администрации, получив право как назначения, так и

смещения уездных чинов. В итоге начало складываться положение, когда связь провинция–уезд оказывалась гораздо прочнее, чем связь центр–уезд, что делало власть на местах плохо управляемой из центра.

По мере усиления внутренних противоречий в структуре управления, государство пыталось найти выход из сложившейся ситуации. В 749 г. был издан указ, согласно которому устанавливалась система наследственного назначения на должность управителя уезда потомков только одной или двух семей кланов-*фудай*. Однако этот указ не всегда выполнялся, и борьба разных семей внутри *фудай* за пост управителя уезда продолжалась.

* * *

Уже в конце VIII в. стало очевидно, что рекомендации китайской политической науки по созданию высокоцентрализованного государства были в Японии практически неосуществимы — слишком глубоко укоренились там традиционные формы управления. Государственное устройство Японии в VIII в. не стало полной копией китайского. Новое централизованное государство базировалось не на профессионально пригодном чиновничестве, а на родовой аристократии, сохранившей за собой большинство ключевых постов в центральном аппарате управления, и местной знати, состоявшей из потомков бывших глав общин, которые получали должности в местной администрации.

Положение крестьян Самой многочисленной группой населения (около 90%) было крестьянство. Согласно бытовавшим представлениям, оно считалось «основой государства»:

«Народ — это основа государства. Если основа прочна, то вся страна пребывает в спокойствии. Что до основы жизни народа, то самое важное — это земледелие и шелководство» («Сёку нихонги»).

Кодекс «Тайхёрё» определял правовой и экономический статус крестьян. Однако, сопоставляя данные кодекса с материалами других источников (например, «Сёку нихонги»), можно увидеть, что некоторые относившиеся к крестьянам положения закона реально не действовали, и действительные условия жизни подавляющего большинства населения Японии были хуже тех, которые фиксировались в законодательных памятниках.

Согласно «Тайхёрё», крестьянину в среднем полагалось 2 *тан* земли, но в тех районах, где земли было мало, размеры наделов уменьшались. Положение закона о предоставлении земли как можно ближе к месту жительства и сплошным массивом тоже со-

блюдалось далеко не всегда (часто землю давали в соседнем уезде или провинции, причем раздробленными участками).

Выдача надела производилась не сразу по наступлении права на надел, а в наделный год (один раз в 6 лет). При этом формальности, предшествовавшие выдаче надела, растягивались на 2–3 года. Поэтому в лучшем случае крестьянин получал землю в 9–10-летнем возрасте, а в худшем — в 15–16-летнем.

Достаточно обременительными были налоговые обязанности крестьян. Существовало 3 вида налогов. Зерновой (*со*) взимался с единицы земельной площади и составлял около 3% урожая. Другой вид натурального налога (*тэ*) взимался тканями и другими изделиями домашнего ремесла, а также морепродуктами, металлами, продуктами горнодобычи и т. д. в объеме, строго установленном сначала для каждого двора, а позднее — для взрослых мужчин. Заменительная натуроплата (*э*) взималась со взрослых мужчин, которые не отработывали трудовую повинность. Эти средства расходовались на строительные работы и оплату принудительных отработок на строительстве. Налог *э* уплачивался тканями, однако его размер (в отличие от размера зернового налога, который в течении VIII в. был изменен всего один раз — в 706 г.) постоянно менялся. Так, по данным «Тайхрё», он составлял 2,6 *дзэ* холста, указом 706 г. его размер был установлен в 1,3 *дзэ*, а в 717 г. он увеличился до 1,4 *дзэ*. Кроме этого, налог *э* можно было уплачивать рисом, солью и другими продуктами.

Отработочная повинность (*буяку*) выполнялась в пользу правительства как в столице, так и в провинциях. Она применялась на строительстве ирригационных систем, дорог, столицы и т. п. В столицу крестьяне отправлялись пешком, под охраной солдат, имея с собой запас продуктов на дорогу. Отработка длилась до 70 дней в году, в течении которых выдавались продукты питания (на каждого работающего в день приходилось 0,144 л неочищенного риса). В дождливые дни, когда работа не велась, а также в случае болезни, паек уменьшался вдвое. Крестьяне работали от зари до захода солнца, без выходных дней, только в 2 летних месяца в жаркое время дня предоставлялся 2-часовой перерыв.

Воинская повинность была связана с охраной границ и выполнением полицейских функций (настоящие полицейские управы появились только в 816 г.). По «Тайхрё», на военную службу одновременно призывалась 1/4 всех взрослых крестьян, по «Ёррё» — 1/3. Учения проводились в 10 смен по 10 дней, поэтому каждый воин был занят на них 36 дней в году. Кроме того, воинов могли использовать на строительных работах.

Одной из причин тяжелого положения крестьян были так называемые рисовые займы (*суйко*). Зерно выдавалось со складов при провинциальных управах под 50% годовых, если это была государственная ссуда, или под 100% — в случае частной ссуды. В 737 г. частная ссуда была официально упразднена. Основной причиной такого решения стал экономический кризис, наступивший вследствие эпидемии черной оспы в 735–737 гг. Условия жизни крестьян в то время были настолько тяжелыми, что правительство было вынуждено пойти на отмену частной рисовой ссуды, вылавлившейся под грабительский процент.

Тяжесть положения крестьян приводила к нарастанию социального протеста среди основной массы населения страны. Основными формами такого протеста в VIII в. стало бегство.

Синабэ и дзакко Незначительную долю населения (около 1%) составляли две группы ремесленников: *синабэ* и *дзакко* (последних иногда называли *томобо*).

Формально ремесленники относились к категории «добротворца» (*рёмин*), но фактически были полусвободными, стоявшими между категориями *рёмин* и *сэммин*. Ремесло считалось менее достойным занятием, чем земледелие, и это понижало их социальный статус, который, впрочем, был, несомненно, выше, чем статус рабов (*нухи*). Так, ремесленникам *дзакко* разрешалось заключать браки с представителями категории *рёмин*, а *синабэ* по своему статусу были приравнены к *кёмин* (букв. «люди императора»).

Профессиональные занятия *синабэ* и *дзакко*

<i>Синабэ</i>	<i>Дзакко</i>
музыканты	кузнецы
гончары	изготовители нагрудных панцирей
красильщики	изготовители колчанов
производители бумаги	изготовители луков
поставщики продуктов	изготовители конских уздечек
поставщики соколов для охоты	изготовители шатров для полководцев
аптекари	изготовители кожаных щитов
виноделы	изготовители оперения для стрел
сидоводы	мастера-шлифовальщики щитов
водоносы	изготовители музыкальных инструментов

Из таблицы видно, что *синабэ* в основном были заняты в сфере «мирных» ремесел, тогда как *дзакко* имели непосредственное отношение к «военному производству». Кроме того, *синабэ* и *дзакко* входили в персонал государственных учреждений в качестве мелких служащих. Поэтому некоторые японские исследователи относят *синабэ* и *дзакко* вместе с дворцовыми слугами — *тонзэри* и мелкими чиновниками к низшему звену бюрократического аппарата VIII в.

Ремесленники обеих групп не были оторваны от сельского хозяйства. В соответствии с наделной системой *синабэ* и *дзакко* получали землю — главный источник своего существования. Как государственные служащие, они освобождались от налогов, податей и трудовой повинности, а в качестве государственной повинности они должны были участвовать в работах (в основном это было производство ремесленных изделий), предписанных соответствующим государственным хозяйственным управлением.

Синабэ были официально упразднены в 759 г., а ремесленники, входившие в эту социальную группу, обрели статус податного населения.

Сэммин Эта социальная группа (от 3 до 10% населения) включала в себя рабов различных категорий. Кодекс «Тайхёрё» предусматривал две основные категории рабов — государственных и частных, — причем каждая из них, в свою очередь, делилась на группы (всего их было 5):

Рёко — рабы, находившиеся в подчинении управления усыпальниц (*сёрёси*) ведомства церемоний (*сикибусё*). Их основной повинностью было сооружение императорских усыпальниц и уход за ними. Из всех пяти групп *сэммин* их социальный статус был самым высоким.

Канко — государственные слуги. По своему положению эта группа *сэммин* также была близка к *рёмин*. Основные занятия — сельское хозяйство и различные работы по обслуживанию нужд императорского двора.

Каннухи (*куннухи*) — государственные рабы. Обслуживали чиновников различных управлений и широко использовались на сельскохозяйственных работах и в ремесленном производстве.

Кэнин — домашние рабы, принадлежавшие представителям центральной и местной аристократии, а также храмам.

Синнухи — личные рабы, которые находились в полном подчинении своему хозяину. По социальному статусу *синнухи* приравнивались к личному имуществу и скоту. Ими можно было торговать, а также разрешалось дарить их и передавать по наследству.

Эволюция падельной системы землепользования

В подражание тому, как это было сделано в Китае, вся земля в Японии была объявлена государственной собственностью. Правда, при использовании китайских (северовэйских, суйских и танских) законов о наделном землепользовании в них были внесены заметные изменения, учитывавшие японские социальные и экономические условия. В целом, отличия сводились к следующему:

- японские крестьяне получали наделы лишь во временное пользование, тогда как в Китае часть надела давалась в вечное владение;

- в Японии чиновники получали ранговые земли, что не предусматривалось танским кодексом;

- в Японии существовали привилегированные земли, даваемые за заслуги аристократам и чиновникам: право пользования ими было наследственным — от одного поколения до вечного пользования, — тогда как в Китае они все представляли собой печную частную собственность;

- в Японии передел наделов происходил раз в 6 лет, а в Китае (по крайней мере закон предписывал это) — ежегодно.

- в Японии наравне со свободными одинаковые с ними наделы получали государственные дворы и государственные рабы, а также частные рабы всех категорий — в размере $1/3$ от надела свободных, в то время как в Китае наделяли лишь казенных крестьян и монахов;

- в Японии свободным мужчинам предоставлялось по 2 тана (около 0,24 га) пахотной земли, а женщинам — $2/3$ этого количества (около 0,16 га), тогда как в Китае мужчина получал 1 цин (около 6,14 га) земли, а овдовевшие жены и наложницы — по 30 му (около 1,85 га). Надел в Китае исчислялся с учетом сословия, инятия, возраста (с 18 лет) и здоровья наделяемого, а в Японии — в зависимости от пола и возраста (с 6 лет).

Категории земель Согласно кодексу «Тайхōрё», все земли делились на пахотные, огородные и усадьбы, горы и леса. Пахотные земли представляли собой, главным образом, ранее разработанные заливные рисовые поля — бывшие общинные, царские и частные. Теперь все эти земли были включены в государственный фонд наделного землепользования.

Все поля государственного земельного фонда подразделялись на находившиеся в государственной собственности (*кодэн*) и закрепленные в частное пользование (*сидэн*). В частности, все земли, передававшиеся в пользование различным категориям насе-

ления, относились к частным, государственные же поля находились, например, в ведении управителей провинций и могли сдаваться в аренду, или, по мере необходимости, переходить в разряд личных.

Категории земель в Японии в VIII—начале IX вв.

Поля, находившиеся в личном пользовании (<i>сидэн</i>)	«Государственные поля» (<i>кодэн</i>)
Ранговые поля	Поля буддийских храмов
Наградные поля	Поля синтоистских святилищ
Жалованные императором поля (<i>сидэн</i>)	Поля, предоставленные государственным рабам
Поля, предоставленные крестьянам в качестве подушного надела	Казенные поля
Поля центральной администрации	Поля, предоставленные почтовым станциям
Поля уездной администрации	Земли, предоставленные <i>унэмэ</i>
Земли, используемые для содержания дворцовой охраны	
Поднятая новь	

Административное деление

Введение надельной системы означало формальное отрицание старой родовой общины, как основной экономической единицы. Согласно кодексу «Тайхōрё», теперь такой единицей должен был стать крестьянский двор (*ко*).

В соответствии с потребностями надельной системы были проведены новые административные границы. 50 крестьянских дворов образовывали село (*ри* или *сато*), возглавляемое старостой. Село должно было стать как новой экономической, так и административно-территориальной единицей. В связи с этим функции старосты сводились к следующему: «поощрять» земледелие и шелководство; «побуждать» всех членов села к уплате налогов и выполнению повинностей; «предотвращать» нарушение законов; «наблюдать» за жителями дворов, входивших в состав данного села.

В результате целенаправленной государственной политики, крестьянские дворы, являвшиеся коллективами родственников, оказались в составе новых административных образований (село, уезд, провинция). Кроме них, в документах VIII в. упоминаются

щие и регионы (дō), учрежденные, по всей видимости, по образцу китайских «дао» (в Китае их было первоначально 10). Японские дō включали в себя от 6 до 16 провинций. Всего в Японии их имелось 7: Тōкай (16 провинций), Тōсан (8 провинций), Хокурику (7 провинций), Санъё (8 провинций), Санъин (8 провинций), Нанкай (6 провинций) и Сайкай (9 провинций).

Со временем самый нижний (ниже уезда) уровень местного управления подвергся изменениям. Еще кодекс «Тайхōрē» допускал, что крестьянские дворы могли быть различного размера (например, вследствие выделения из состава двора людей, которые создавали новый двор, из-за миграции и т.д.). Это приводило к образованию «малых дворов» (бōко) и «больших дворов» (гōко) (2–3 «малых двора» составляли один «большой двор»).

Кроме того, имелось еще одно не упоминавшееся в законодательных сводах территориальное объединение — гō («крупное село»), объединяющее в своем составе 2–3 села. Так, согласно подворному реестру уезда Какусика провинции Симофуса, «крупное село» Ōсима (Ōсима гō) состояло из 3 сел (ри), 50 «больших дворов» (гōко), 130 «малых дворов» (бōко). Общее количество населения Ōсима гō составляло 1191 чел.

Изменения на нижнем уровне административной структуры повлекли за собой и изменения в системе контроля над надельной землей. Если раньше (по кодексу «Тайхōрē») надельной землей распоряжался глава двора, то теперь ей стал распоряжаться глава «большого двора», распределявший затем надельные земли между «малыми дворами».

Таким образом, в результате сознательной государственной политики система местного управления все более уподоблялась той, которая существовала в Танском Китае.

Местное управление в VIII в. (Китай и Япония)

Территориальная единица	Китай	Япония
Регион	Дао	Дō
Провинция	Чжоу	Коку
Уезд	Сянь	Коори (гуи)
Крупное село	Сян	Гō
Село	Ли	Ри (сато)
Пятидворка	Бао	Хо
Двор	Ху	Гōко, бōко

Формы эксплуатации

Создание централизованного государства, естественно, требовало определенных расходов в различных областях. Главными из них были расходы на содержание императорского двора, войска (в том числе «полиции»), государственных храмов (буддийских и синтоистских), административного аппарата. Значительных средств требовали также отправка и прием посольств, сооружение и содержание сети «государственных дорог» (*камдō*), почтовых и лодочных станций и т.д.

Разумеется, по мере строительства централизованного государства, подобные расходы постепенно увеличивались, что требовало дополнительных ассигнований и, как следствие, увеличения источников доходов.

Основными источниками государственных доходов в VIII в. были налоговые поступления от трех видов основных налогов (*со-тё-ё*), доходы по процентам от рисовых ссуд, арендная плата за сдачу в аренду государственных земель.

Порядок взимания земельного налога принципиально отличался от принятого в Китае, где налог исчислялся подушно, а не с выделенной каждому двору земельной площади. Размер этого налога в Японии был весьма невелик (около 3% урожая), что косвенно свидетельствует о том, что значительная часть населения по-прежнему оставалась связана с непродовольственным типом хозяйства (рыболовство, охота и собирательство).

С предоставленных крестьянам усадебных участков, на которых они были обязаны разводить тутовые и лаковые деревья, взималась подать (*тё*), которая первоначально исчислялась в соответствии с общим количеством податного населения в данном дворе, а в последствии бралась только с мужчин. Основным ее видом были продукты ткачества: шелк, шелковая пряжа, шелковая вата, полотно. В отличие от земельного налога, который почти полностью поступал в распоряжение местных властей, основная часть этого вида подати доставлялась в столицу (причем силами самих крестьян).

При разработке системы налогообложения учитывалось многообразие природно-хозяйственных условий в различных частях страны: подать разрешалось вносить солью, железом, продуктами морского промысла и собирательства. Эти же продукты разрешалось вносить вместо несения трудовой повинности.

Провинции северо-востока Японии вообще не подлежали налогообложению, т. е. входили в состав Японии чисто номинально

(обитатели этих провинций в отношениях с центром ограничивались в лучшем случае данническими отношениями).

Следует также отметить, что среди населения пяти центральных провинций (Кинай) далеко не все население облагалось налогом (в связи с предоставляемыми обитателям этого региона привилегиями). Так, по оценке японского историка Савада Гоити, в первой половине VIII в. налоги платило только 23,5% населения провинций Кинай, а во второй половине VIII в. — несколько более 22%.

По-видимому, основной формой эксплуатации являлась трудовая повинность. Ее содержание определялось нуждами государства в строительстве дорог, административных учреждений (в столице и вне ее), буддийских храмов, а также потребностью всего общества в ремонте и строительстве оросительных сооружений.

Сроки трудовой повинности, точнее сказать их верхний предел, в Китае и Японии различались. Так, в Китае общий срок трудовой повинности не должен был превышать 50 дней в году, причем исключения не допускались; в Японии же различные ее виды обычно не должны были превышать 70 дней в году, однако, как показывает опыт строительства Нара, в случае необходимости государство проводило мобилизацию населения и на более длительный период.

Увеличение срока повинности практиковались и в других случаях. Максимальный срок службы в домах аристократов был установлен законом в 200 дней в году, однако не единичны случаи, когда в он достигал 300 и более дней.

Таким образом, целенаправленная деятельность по строительству централизованного государства в период Нара привела к тому, что в Японии значение трудовой повинности в ряду форм эксплуатации населения было значительно большим, чем в Китае. Только за счет широчайшего применения внеэкономического принуждения можно было обеспечить выполнение грандиозных государственных проектов, таких как строительство столицы, буддийских храмов, разветвленной сети дорог. Поскольку все эти проекты не были связаны с непосредственными потребностями населения и не обеспечивались достаточным количеством прибавочного продукта, то с ослаблением административного давления в эпоху Хэйан поддерживать их оказалось невозможным.

Введение денежного обращения То, что основной формой эксплуатации населения была трудовая повинность, косвенно подтверждается и в целом неудачным опытом введения денежного обращения в парской Японии.

Первые серебряные и медные японские монеты достоинством в 1 мон были отчеканены в 708 г. Поскольку Япония в то время обладала одним-единственным месторождением серебра на о-ве Цусима, выпуск серебряных монет вскоре был прекращен, и основной денежной единицей стали медные монеты.

В 711 г. 1 мон был приравнен к 6 сё риса (1 сё соответствовал в то время 0,72 л), 5 мон — к одной штуке полотна размером приблизительно 4 м на 70 см. Если учесть, что мобилизованным для несения трудовой повинности выдавали 2 сё риса в день (многим же, не занятым на тяжелых работах — по 1 сё), то можно сказать, что 0,5 мон приблизительно соответствовал ежедневному прожиточному минимуму того времени.

Стоимость 1 мон в продуктовом эквиваленте

Продукт	739 г.	758 г.	762 г.	770 г.
Баклажан, гō	6			0,1–0,5
Горчичное семя, гō	1		0,3	
Красная водоросль, гō	5	5–2,6	2,5–3,3	0,2
Фасоль, гō	2,5	2	1,2	
Соя, гō		1,7	1,6	0,1
Пшеница, гō		2,5	1	

Стоимость 1 сё риса в деньгах

Продукт	758 г.	762 г.	763 г.	764 г.
Неочищенный рис		6 –9,2 мон	10 мон	
Очищенный рис		6,5–11,1 мон		
Клейкий рис	7 мон	8,8–12,3 мон	14 мон	20 мон

Из таблиц видно, что реальная стоимость денег постепенно уменьшалась. Большую роль в этом сыграла и бесконтрольно осуществлявшаяся эмиссия. В 708–958 гг. было проведено 12 выпусков монет, при этом временами им устанавливалась цена в 10 раз выше старых при ухудшавшемся качестве (при эмиссии 958 г. только новые деньги были признаны «правильными», а старыми накоплениями пользоваться запретили, т.е. фактически была проведена денежная конфискация).

Политика государства по введению денежного обращения вылилась в целый ряд конкретных решений:

1) Начиная с 711 г. сезонное жалование (*кироку*) чиновникам, наряду с материей, мотыгами и рисом, частично выплачивалось деньгами.

2) В случае накопления определенных денежных сумм и предоставления их государству данному лицу давалось повышение в ранге. Правда, это положение касалось только лиц младшего 6-го ранга и ниже. Относительно же более высокопоставленных лиц (старшего 6-го ранга и выше) требовался специальный указ императора, разрешавший такое повышение.

3) Некоторые виды натурального налога (*тё* и *ё*) разрешалось именовать деньгами.

4) Разрешалась сдача внаем за деньги земельных участков.

5) Допускалась выплата денежного довольствия работникам, которые были заняты на строительстве объектов государственного значения — буддийских храмов, административных зданий, дорог и т.д.

6) Начиная с 713 г. местным властям предписывалось разрешать богатым крестьянам торговлю рисом на дорогах.

7) Были установлены «твердые цены» на основные продукты, что должно было стимулировать денежный оборот, а главное, поставить торговлю под жесткий государственный контроль. С этой же целью допускалось предоставление рангов торговцам.

Однако все меры по стимулированию денежного обращения в целом окончились безрезультатно. Основная часть населения архипелага осталась вне сферы распространения товарно-денежных отношений — господствующим был натуральный продуктообмен.

Исходя из основных мероприятий в рамках осуществления денежной политики, можно сделать вывод, что японское государство того времени было заинтересовано прежде всего в «вертикальной» циркуляции денег: оно осуществляло ими выплаты чиновникам или работникам, а потом получало их обратно в виде налогов и вновь использовало их в тех же целях. Иными словами, идея, что деньги могут применяться в отношениях между независимыми производителями (агентами рынка), в то время еще не получила распространения. Это, разумеется, было не случайно, ибо само государство являлось основным заказчиком работ и услуг, за которые оно же и расплачивалось.

Распространение частного землевладения

Стремясь увеличить доходы от налоговых поступлений и арендной платы, государство начало поощрять обработку новых, ранее не разрабатывавшихся или заброшенных земель.

В 715 г. появился указ о поощрении подъема нови, а в 722 г. было принято решение поднять 1 млн. *тё* пустошей с целью «поощрения земледелия и увеличения сбора урожая».

Разработка новых земель требовала больших затрат труда и немалых средств, что было под силу лишь состоятельным лицам и храмам. Поэтому для активизации процесса государство в 723 г. в законодательном порядке объявило поднятую новь владением лица, ее разработавшего. В самом указе говорилось, что лица, которые «создадут новую ирригационную систему», получают такие земли во «владение в течение трех поколений» (сам освоитель, его сын и внук); те же, кто обработал новые земли, «используя старую ирригационную систему», получают их во «владение в течение всей своей жизни».

Знать прекрасно понимала, что освоение целинных земель открывало дорогу к оформлению частного владения (сначала на протяжении 1–3 поколений, а потом и наследственного), и потому изыскивала любые возможности для участия в нем. Для этого использовали безземельных или беглых (чаще всего, от непосильного бремени *отработок*) крестьян, а разработанные поля сдавали затем в аренду. Отдельная же крестьянская семья была не в состоянии поднимать целину без содействия общины, а последняя, в свою очередь, не располагала возможностью оказать такую помощь.

Чтобы еще больше стимулировать подъем пустошей, в 743 г. вышел указ, упразднявший закон «три поколения — одна жизнь» и вводивший принцип «вечного частного владения освоенной целиной». Важное значение имело то, что разрешение на освоение земли стали выдавать не правительственные учреждения, а управители провинций. Это ускорило формирование частного землевладения, поскольку позволило столичной знати и крупным храмам создавать земельные владения в провинции.

Кроме того, указ устанавливал пределы допустимых владений для простого народа и знати (в чем видится явная попытка ограничить захват целинных земель знатью).

В итоге реализация земельного законодательства способствовала углублению пропасти между знатью и крестьянами. На практике японская знать в VIII в., опираясь на гарантии закона (либо обходя его), существенно укрепила свою экономическую базу и в полной мере смогла использовать возможности увеличения своей земельной собственности.

Разрешенный размер частных земельных владений (по указу 743 г.)

Класс царевича, ранг или должность чиновника, другое состояние	Максимальный размер частного владения, тэ
1-й класс, 1-й ранг	500
2-й класс, 2-й ранг	400
3-й и 4-й класс, 3-й ранг	300
4-й ранг	200
5-й ранг	100
6-й — 8-й ранг	50
начальный (т.е. 9-й) ранг	10
Управитель большого уезда (<i>тайрё</i>)	30
Управители среднего и малого уездов, а также помощник управителя большого уезда (<i>сёрё</i>)	30
(старший инспектор уездного управления (<i>сюсё</i>))	10
(старший счетовод уездного управления (<i>сютё</i>))	10
Крестьянин	10

Понимая опасность для наделной системы, которую таил в себе рост частной собственности на землю, государство пыталось или не упразднить практику создания частных наследственных владений (это, по-видимому, было уже невозможно), то хотя бы ее ограничить. В 765 г. был издан указ, в котором знати запрещалось использовать в своих частных владениях принудительный крестьянский труд, так как это отвлекало крестьян от обработки собственных наделов и, следовательно, затрудняло уплату ими налогов, что приводило к сокращению государственных доходов.

Однако, несмотря на все попытки ограничения частных владений, процесс их образования, а также создания на их основе ютчи (*сёэн*), было уже невозможно остановить. Так, запрет на использование крестьянского труда в частных владениях был отменен уже в 772 г., а последующие указы (784, 797 и 801 гг.), изданные с целью пресечь захват неосвоенных земель и превращение их в частную собственность, не дали заметных результатов.

Формирование государственной идеологии

Формирование японской государственности сопровождалось процессом создания официальной идеологии. Основными источниками, питавшими идеологические построения японского государства в период Нара, были традиционная японская религия *син-то* (синтоизм) и импортированные с континента буддизм, конфуцианство и связанные с последним китайские общественно-политические концепции. В результате японская официальная идеология представляла собой сложный конгломерат идей и представлений как местного, так и иноземного происхождения.

Синтоизм В период Нара в основном была достигнута стабилизация японской политической системы. Несмотря на многочисленные придворные интриги, эффективность работы государственного и репрессивного аппаратов в VIII в. не вызывает сомнений.

Процесс упрочения позиций правящего рода в его ритуально-магической функции привел к повышению статуса его прародительницы — богини солнца Аматэрасу («светящая с неба» или «освещающая небо»), в связи с чем вся солярная семантика приобрела особое значение. Достаточно сказать, что престолонаследник именовался «сыном солнца, сияющего высоко» (*такатэрасу хи-но мико*), а сам акт восшествия на престол описывался как «наследование небесному солнцу» (*амацу хицугу*).

Храм Исе

К тому времени место синтоизма в системе государственной идеологии было кодифицировано. В законодательных сводах и в

мифологическо-летописных памятниках «Кодзики» и «Нихон сё-ки» был зафиксирован список общегосударственных синтоистских ритуалов и правила их проведения. Аматаэрасу прочно заняла место главного божества синтоистского пантеона, существенно повысилась и статус ее святилища в Исэ.

В частности, была выработана система, при которой в качестве жрицы (*сайгу*) в Исэ назначалась незамужняя принцесса из правящего рода, и раз в 20 лет проводилась перестройка самого храма (благодаря этому архитектура этого сооружения дошла до нас в практически неизменном виде). Окончательно были кодифицированы и ритуалы, связанные с восхождением государя на престол. Следует, однако, иметь в виду, что роль императора как первосвященника государственного синтоизма во многом определялась силой неписаных обычаев, ибо в японском законодательстве отсутствовало систематизированное изложение статуса императора, его прав и обязанностей.

Буддизм Если до Тэмму правители Японии обращались к буддизму лишь эпизодически, то начиная с его правления можно говорить о постоянно возрастающей роли буддизма в жизни двора. Учащаются сообщения о пожаловании буддийским храмам земельных наделов и крестьянских дворов, при дворе неоднократно проводятся буддийские церемонии. Тэмму даже издал указ, согласно которому «во всех домах всех провинций» надлежало иметь буддийский алтарь и сутры. Буддийский ритуал кремации постепенно стал вытеснять синтоистский обычай предания земле. Государыня Дзитё (690–697) была первой из японских монархов, чье тело было кремировано.

Государственное покровительство буддизму продолжилось и в период Нара. В Фудзивара имелось 4 «государственных храма» (квалифицировались как «большие») — Дайандзи, Якусидзи, Хёкёдзи (ранее был известен как Асука-дэра или же Гангёдзи) и Канара-дэра (Гуфукудзи). Первые три из них были перенесены в новую столицу Нара, а место Кавара-дэра занял также перенесенный из прежней столицы родовой буддийский храм (*удзидэра*) рода Фудзивара — Кёфукудзи, который занимал огромную территорию и которому, как и трем другим, была пожалована тысяча крестьянских дворов. Кроме того, несколько других влиятельных родов также решили переехать в Нара вместе со своими храмами. Точно известно, что среди них были род Ки (храм Кинодэра или Рэндзёдзи) и Кадаураки (храм Кадзураки-дэра). Были и кланы, которые строили свои родовые буддийские храмы в Нара впервые в своей истории (например, Сугавара и Саэки). О количестве буд-

дийских храмов в Нара всего через 10 лет после переезда туда двора можно судить по тому, что за день до смерти Фудзивара-но Фухито (720 г.) был издан указ, предписывавший провести службу в 48 столичных храмах во избавление его от недуга.

В официальном летописании VIII в. подчеркивалась функция буддизма как охранителя государства. В «Сёку нихонги» приводится более двух десятков государевых указов, превозносивших магические свойства буддийской молитвы, которая способна устранить угрозы государю в случае заговоров и мятежей. Принятие монашества отрেকшимися от престола (Сёму) и даже действующими государями (Кёкэн) и погребальный ритуал трупосожжения уже ни кого не вызывали удивления.

Правители VIII в. уделяли повышенное внимание строительству буддийских храмов не только в столице, но и в провинции. Особенно активно занимался этим Сёму, который называл себя «рабом Трех Сокровищ» (т. е. Будды, дхармы и общины; часто под последним термином понимается буддийское вероучение). Именно в его правление началось строительство «провинциальных храмов» (*кокубундзи*) в каждой из приблизительно 60 провинций. Молитвы в этих храмах были призваны обеспечить безопасность государства. Идея создания такой религиозной структуры была подсказана китайским опытом — в каждой провинции там имелся буддийский «государственный храм».

Особой популярностью среди правящей элиты и духовенства, вовлеченного в орбиту государственной жизни, пользовались сутры, обещающие процветание и благоденствие тем странам, в которых монарх почитает Будду. Таким образом, мифологическое (синтоистское) обоснование легитимности правящей династии подкреплялось буддийской доктриной. «Три сутры, оберегающие страну» считались «Сутра золотого блеска», (яп. «Конкёмёкё»), «Сутра праведных правителей» («Ниннёкё») и «Сутра лотоса» («Хоккёкё»).

Наряду с поощрением буддизма государство стремилось установить над ним тотальный контроль. Всеми делами буддийской общины в масштабе страны ведал ее глава *сёдзу*, или *дайсёдзу* (некто вроде «патриарха») — монах, назначавшийся двором и ответственный перед ним.

Согласно одному из разделов законодательных сводов, посвященному монахам («Сёнирё»), им запрещалось проповедовать вне пределов храмов, они должны были проходить церемонию посвящения только в храмах, утвержденных для этой цели властями, и т. д. Наказания, предусмотренные за эти нарушения, были внесе-

ны в сам текст «Сѡнирѣ», т. е. этот раздел законодательства обладал полной законченностью, сочетая в себе функции «гражданского» и «уголовного» кодексов — *рѣ* и *рицу*.

Для духовенства была также введена специальная 13-ступенчатая шкала рангов. Таким образом, государство делало все, чтобы превратить его в некоторое подобие чиновничьего аппарата и не допустить превращения в социальную группу с самостоятельными интересами — в какой бы области они не проявлялись.

Кульминацией усилий Сѣму и его наследников по приданию буддизму статуса государственной религии стало строительство гигантского храма Тѡдайдзи («Великий храм Востока»). Со второй половины VIII в. Тѡдайдзи стал не только центром религиозной жизни, но и местом проведения важнейших государственных церемоний, не имевших непосредственного отношения к религии. Так, именно там неоднократно проходила церемония присвоения рангов чиновникам.

Обращаясь к буддизму, как к защитнику государя и государства, японские правители окружали себя монахами, которые приобретали на них все большее влияние. Не случайно поэтому, что сделанная в VIII в. (и последняя в японской истории) попытка свержения правящего рода была предпринята именно монахом — Дѡкѣ. Правда, после падения последнего буддийские монахи в определенной степени утратили свои позиции при дворе. Наметилась даже повторная «синтоистская волна», сопровождавшаяся серьезным переосмыслением всего комплекса официальной идеологии. Однако политические перипетии уже не могли оказать на развитие японского буддизма решающего влияния.

Относительно VIII в. (в особенности его конца) можно говорить о начале складывания самостоятельной буддийской традиции, в некоторой степени независимой от функционирования государственного аппарата. Крупные храмы, получившие в собственность землю, теперь уже могли вести самостоятельное существование. В этих храмах (например, Тѡдайдзи, Дайтокудзи, Гангѡдзи) начали вести храмовые хроники, т. е. буддизм как бы приобрел самостоятельную, отдельную от государства (хотя, конечно, связанную с ним) историю. В нерасчлещенном на религиозные течения буддизме VII в. стали складываться зачатки будущих религиозных школ, которыми была столь богат средневековая японская буддизм.

В доктринальном отношении японский буддизм VIII в. еще очень сильно зависел от Китая. Большинство знаменитых японских монахов того времени либо родились в Китае, либо обуча-

лись там. Так, прошли в Китае курс обучения Додзи, который после 17 лет (701–718), проведенных в Китае, основал в Нара крупнейший храм Дайандзи и занимал должность *рисси*, т.е. ответственного за соблюдение монахами заповедей, и Гэмбō, прошедший в Китае 20 лет (716–736). Последний привез в Японию 5 тыс. свитков сутр и шастр, занимал должность патриарха (*содзэ*), вылечил тяжелобольную мать императора Сёму и сыграл ключевую роль в строительстве провинциальных храмов *кокубундзи*. Среди китайских монахов наибольшей известностью пользовался Гандзин, прибывший в Японию в 754 г. на посольском корабле вместе с японскими монахами, возвращавшимися из Китая. Его целью было передать японцам «ортодоксальные» правила посвящения в монашеский сан. Ему удалось неоднократно провести этот ритуал в крупнейших храмах (в том числе именно он постриг в монахи императоров Сёму, Кōмё и Кōкэн), что, кстати, вызвало негодование местного монашества, недовольного его вмешательством в уже сложившуюся практику.

На рубеже периодов Нара и Хэйан появились и первые литературные памятники, объектом описания которых были буддийские ценности и святыне.

Первым из них был сборник буддийских преданий, легенд и житий «Нихон рёнки» (полное название «Нихонкоку гэмпо дзэнъаку рёнки» — «Записи о чудесах дивных воздаяния прижизненного за добрые и злые дела, случившиеся в стране Японии»), составленный монахом храма Якусидзи по имени Кёкай. Истории «Нихон рёнки» были призваны убедить в истинности и всеобщности кармического воздаяния, возбудить универсальную и активную сострадательность. Этот сборник приобрел довольно широкую читательскую аудиторию, использовался в качестве материала для подготовки проповедей и внес большой вклад в формировании того типа личности, который мы можем назвать «буддийским».

Конфуцианство Конфуцианство представляет собой мощный идеологический комплекс, в котором высшей ценностью предстает государство как таковое. Основой государства в конфуцианском понимании являются семейные отношения — обязанности/права иерархического порядка, которые исполняют и которыми наделены члены семьи. При этом упорядоченность внутрисемейных отношений мыслится как гарантия стабильности внутригосударственного порядка. Составной частью государственного конфуцианства является религиозный культ самого Конфуция и отправление ритуалов в его честь. Тем не менее,

идеология конфуцианства является продуктом весьма развитого рационалистического сознания.

В нарской Японии усвоение конфуцианских ценностей шло через школы чиновников. Стандартными текстами, которыми пользовались в них, были «Луньей» и «Сяоцзы» — записи последователей Конфуция о нем самом и его учениках. Кроме того, в школьном обучении широко использовался сборник образцов классической китайской прозы и поэзии «Вэньсюань» Сяо Туна (составлен при южной династии Лян), материалы которого использовались в экзаменационных работах, и, конечно, «Сэндзимон» («Сочинение в тысячу иероглифов») — мнемонический текст из тысячи ни разу не повторяющихся знаков, использовавшийся в процессе обучения во всех странах с иероглифической письменностью.

Что касается богатейшей китайской философской традиции (даже канонической — скажем, «Пятикнижия»), то она явно не пользовалась особым успехом. Поскольку в деле обеспечения текстами роль государства, закупавшего книги во время посольств в Китай, была очень значительна, можно предположить, что в определенной мере это было следствием целенаправленного отбора источников письменной информации.

В целом же, японское общество и государство мало походили на китайские, а картина мира, выработанная ими, отличалась большим своеобразием. Это не могло не накладывать глубокого отпечатка на степень овладения конфуцианскими текстами и характер их интерпретации.

Китайская общественно-политическая мысль

Несмотря на потенциальную возможность комплексного усвоения японцами китайской картины мира, этого не произошло. В японской мысли того времени практически не представлены такие основополагающие китайские концепции как дуализм небо-земля или дао. В социологических построениях отсутствовал акцент на наказаниях, характерный для Китая (неравнозначность *рицз* и *рѣ* в японском законодательстве), целиком была проигнорирована идея «мандата Неба», а связанные с системой конкурсных экзаменов на чиновничью должность возможности вертикальной мобильности были практически полностью заблокированы кровнородственной структурой японского общества.

К основным отличиям, определившим особенности японской государственности в сопоставлении с китайской, можно отнести меньшую территорию и население, островное положение, относи-

тельную безопасность от внешних угроз (нашествия кочевников всегда оставались для Китая одной из основных проблем), родоплеменной характер японского общества, особенности традиционной японской картины мира, основанной на синтоизме.

Поскольку сам Китай не прилагал серьезных усилий для вовлечения Японии в орбиту своего идеологического (да и политического) влияния, проникновение китайского миропонимания происходило либо случайным образом, либо за счет осознанного отбора из богатейшего китайского опыта государственного строительства того, что более всего вписывалось в привычные представления и социальные структуры.

Избирательный характер японских идейных заимствований проявился, в частности, в том, как была воспринята нарсским двором система ритуала «ли» — существеннейший для Китая компонент политического, идеологического и культурного устройства.

Пронизывавшая все общественное устройство система «ли» включала в себя 5 основных элементов: 1) «цзили» (яп. «*кити-рэй*», букв. «ритуалы счастья») — ритуалы и церемонии, связанные с поклонением предкам; 2) «сюнли» (яп. «*кёрэй*», букв. «ритуалы несчастья») — похороны; 3) «цзяли» (яп. «*карэй*», букв. «обряды радости») — ритуалы совершеннолетия и бракосочетания, т.е. обряды жизненного цикла; 4) «биньли» (яп. «*хинрэй*», букв. «гостевые ритуалы») — дипломатические отношения; 5) «цзюньли» (яп. «*гунрэй*») — военные и связанные с войной церемонии, а также практические руководства (вооружение, подготовка войска, маневры).

Считалось, что отправлением вышеуказанных ритуалов и церемоний способно обеспечить гармоничное состояние как самого государства, так и всех его элементов. Законы при этом играли подчиненную роль средства для поддержания ритуала (а значит и общества в целом) в должном и дееспособном состоянии.

Получается, что именно «ли» (а отнюдь не законодательство) было основным элементом китайской государственной идеологии, дававшим теоретические обоснования природы государства, целей его существования, легитимности правителя. И если императору было дано право фактического пересмотра законодательства в форме указов, то в отношении «ли» он был обязан точно так же, как и все его подданные, следовать правилам отправления домашнего и государственного ритуала, которые в своей письменной форме существовали отдельно от законодательных сводов и не вносились в их текст. Китайский император обладал не только огромными правами, но и обязанностями. Считаясь «сыном Неба».

он был обязан поклоняться Небу в силу своих родственных связей с ним, предстательствуя перед ним от имени всего населения Поднебесной — единой семьи. Если же он по каким-то причинам не справлялся со своими обязанностями, то он (или же вся династия в целом) терял «мандат Неба» и подлежал устранению — идея, которая в Японии принята никогда не была.

Что касается общего соотношения «законов» и «ритуала» в Японии, то там отсутствовали независимые и обладавшие самостоятельным значением установления относительно «ли», а отдельные положения, попадавшие в Китае в сферу компетенции «ли», в Японии были включены в тексты самих законодательных сводов. Таким образом, правила ритуалов «ли» считались в Японии лишь одной из частей законодательства.

Хотя первое упоминание о ритуале (в китайском понимании этого термина) как основе государственности встречается еще в начале VII в. в «Уложении» Сётоку-тайси (что, видимо, было прямым следствием приглашения знатоков «Пятикнижия» из Пэкче в правления Кэйтай и Дзёмэй), и японский придворный церемониал содержал многие легко узнаваемые внешние детали китайского придворного обихода (одежда, китайские названия построек дворцового комплекса и т.п.), вряд ли можно утверждать, что китайский ритуал был воспринят как системообразующее начало.

Из всех пяти разделов «ли» японцев, судя по всему, раньше всего заинтересовали похоронные ритуалы, т. е. именно та часть обрядовой практики, которая уже была значимым элементом деятельности раннеяпонского государства (строительство курганов). Но, несмотря на определенное влияние китайского погребального ритуала, нашедшего, в частности, свое выражение в регламентированном похоронные процедуры указе 646 г., в исторической перспективе утвердилась все-таки буддийская обрядовая практика трупосожжения.

Чрезвычайно показательны различия между Японией и Китаем в подходах и к определению такого фундаментального вопроса, как статус правителя. Скажем, законы (*рё*) в Китае регламентировали одежду правителя и точно определяли местонахождение китайского императора при проведении придворных церемоний. Ничего этого в Японии не наблюдалось. Фигура японского императора вообще была фактически выведена за пределы любых письменных законодательных установлений. Не был определен даже такой важнейший для функционирования государства вопрос, как порядок престолонаследия (он был законодательно установлен только в XIX в.).

Разумеется, жизнь японского *тэнно* была строго регламентирована. Однако эти регламентации существовали в устной форме: все, что относилось к статусу сакрального правителя, определению его ритуальных и церемониальных действий, не подпадало под компетенцию письменной культуры и существовало в форме обычного права.

В письменной же форме, т. е. в мифологическо-летописных сводах «Кодзики» и «Нихон сёки», обосновывалась сакральность всей династии, несменяемость ее (но не отдельного правителя). Таким образом, точно так же, как ритуалы «ли» были выведены в Китае за пределы законодательства, основной «программный документ» японского государственного устройства — синтоистский миф — обладал совершенно отдельным и особым статусом.

Прецедентный характер мифа определял многие особенности функционирования не только правящего дома, но и всех других влиятельных родов, японского государства и общества вообще. Яркий пример тому представляют собой генеалогические списки «Синсэн сёдзироку» («Вновь составленные родовые списки», 815 г.), при составлении которых основным первичным источником служил мифологический рассказ. Все влиятельные роды (числом 1182), обитавшие в Кинай, были классифицированы в зависимости от типа предка, к которому они возводили свое происхождение (потомки императоров, потомки небесных божеств, потомки детей и внуков небесных божеств, потомки земных божеств, потомки иммигрантов). Одной из главных целей «Синсэн сёдзироку» было желание ограничить влияние в придворной жизни потомков иммигрантов, служилой знати вообще и периферийной аристократии. В исторической перспективе это привело к полной замкнутости правящего класса (родоплеменной аристократии).

Таким образом, заимствование китайских общественных установлений было в значительной степени формальным, не носило системообразующего характера и не подрывало основ традиционного социального порядка.

Политическая история периода Нара

Борьба вокруг престолонаследия

В самом верхнем эшелоне власти в VIII веке происходили постоянные попытки передела властных полномочий. Борьба шла не столько непосредственно за материальные ресурсы (главными из которых в то время были земли с приданными крестьянами и налоговые поступления), сколько за место в политической

иерархии, которое обеспечивало к ним доступ. Из-за отсутствия определенного законом порядка престолонаследия (что, разумеется, не было простой случайностью) попытки утвердить свое влияние обычно принимали форму борьбы за то, чтобы утвердить на престоле своего ставленника.

При реально существовавшей полигамии круг претендентов на трон был весьма широк. Согласно законодательству VIII в. в него попадало несколько десятков человек с формально одинаковыми правами, что создавало неограниченные возможности для возникновения конфликтных ситуаций. К тому же после оттеснения Сога с политической арены и ликвидации их монополии на «поставку» невест для правящего дома на эту роль стали претендовать сразу несколько родов. Наконец, реформы Тэмму, направленные на укрепление центральной власти, временно разбалансировали привычные социальные механизмы, что проявилось и в борьбе за японский трон. Может быть, наиболее курьезным примером было занятие трона Гэммэй после смерти ее сына Момму, что было вопиющим нарушением любых прецедентов престолонаследия.

В указе (*сэммё*), провозглашенном при вступлении Гэммэй на трон, в частности, говорилось:

«Изрек государь [Момму], сын наш: „Тело наше ныне устало, и желаем мы отдыха получить, и болезнь побороть. На посту же нашем, унаследованном от солнца небесного, должно владыке пребывать и править. Посему мы его уступаем“».

Для того, чтобы решение Гэммэй о принятии титула императрицы не выглядело беспочвенным, она ссылалась на волю императора Тэнти:

«И вот законы те, что установлены и назначены государем, сыном Ямато, о коем молят с трепетом, правившим Поднебесной из дворца Афуми-но Оцу [Тэнти]. — законы, что вместе с Солнцем-Луной далеко длятся, законы вечные, неизменные, кои принять и исполнять надлежит, все мы приняли и с трепетом службу несли» (*пер. Л. М. Ермаковой*).

Судя по всему, Тэнти, к которому апеллировала Гэммэй (и о поле которого нам на самом деле ничего не известно), провозгласил (или якобы провозгласил) такой порядок престолонаследия, при котором сам государь (или же императорский дом в целом) выбирал себе преемника без участия каких-либо других лиц. В дальнейшем это установление Тэнти неоднократно упоминалось при вступлении новых правителей на престол. Интересно, что

очень часто выбор падал на женщин — по-видимому, в качестве компромиссного решения в условиях относительного баланса сил внутри правящего рода.

Одновременно в качестве меры защиты от внутривидиначеских коллизий был выработан механизм отречения от престола в пользу предварительно назначенного преемника. Так, Дзйтё отрелась в пользу Момму, внука Тэмму; Гэммэй — в пользу Гэнсё, своей незамужней дочери (такая передача властных полномочий не имела прецедента); Гэнсё — в пользу Сёму (сына Момму); Сёму — в пользу своей дочери Кёкэн; Кёкэн — в пользу Дзюннин.

Возвышение рода Фудзивара

В начале VIII в. начала складываться система политического доминирования рода Фудзивара, который постепенно стал в решающей степени определять динамику придворной политической жизни. Представители этого рода почти постоянно играли ведущую роль и в практических делах управления, и при составлении важнейших документов «программного» свойства (законодательные своды, хроника «Сёку нихонги»).

Социальные механизмы контроля Фудзивара над государственным аппаратом и действиями императора не вполне понятны. Похоже, однако, что в своей основе они были теми же, что и при Сога во второй половине VI–первой половине VII вв.: этот род стал новым «поставщиком» невест для правящего дома, т. е. привел в действие традиционную систему родства, при которой дядя по материнской линии обладал значительным влиянием на своего внука.

Сам род Фудзивара был далеко не един: внутри него самого также существовали группировки, каждая из которых отстаивала свои интересы.

Фамилия Фудзивара была пожалована Накатоми-но Каматару в 669 г. императором Тэнти, вместе с которым (в то время — принц Нака-но Оэ) он осуществил ранее переворот, направленный на устранение рода Сога из политической жизни.

Сын Каматару — Фухито, правый министр, участвовал в составлении обоих законодательных сводов и выдал замуж за императоров Момму и Сёму двух своих дочерей. Четверо сыновей Фухито также заняли высокие должности при дворе (все они обладали рангами выше четвертого), разрушив, таким образом, сложившийся там баланс сил. Сыновья Фухито основали четыре основных «дома» рода Фудзивара: «южный», «северный», «церемониальный» («сикикэ») и «столичный», что в дальнейшем стало основой для внутривидовой конкуренции.

Поначалу потомки Фухито действовали согласно: они обвинили в подготовке заговора принца Нагая (сына Момму и дочери Фухито), занимавшего пост левого министра, и вынудили его и всю его семью совершить самоубийство (в 729 г.), избавившись таким образом от его детей в качестве конкурентов в борьбе за престол. Но в 737 г. все четверо братьев (все они были членами высшего государственного совета — *дадзёкан*) умерли во время эпидемии оспы, и тогда ведущее положение при дворе занял представитель другого рода — Татибана-но Мороз (при нем членом *дадзёкан* был только один представитель рода Фудзивара).

В результате придворных интриг, предпринятых Татибана-но Мороз, Киби-но Макиби и монахом Гэмбё, внук Фухито по имени Хироцугу в 738 г. был отправлен служить на Кёсю, где в 740 г. поднял мятеж. Через 2 месяца Хироцугу был разбит мобилизованной со всех провинций 17-тысячной армией, попал в плен и был казнен. После этого возглавлявшийся им один из домов Фудзивара («*сикикэ*») пришел в упадок, и на некоторое время позиции рода Фудзивара при дворе ослабли.

Затем на первый план выдвинулся «южный дом» («*нанкэ*»). Его представитель, Фудзивара-но Накамаро, внук Фухито, приобрел определенное влияние в последние годы правления Сёму, но особенно усилился в правление Кёкэн (которую фактически контролировала ее мать и его тетка Кёмё, бывшая супругой Сёму) и при Дзюннин (был его зятем). После раскрытия направленного непосредственно против него заговора 757 г., возглавляемого Татибана-но Нарамаро (сыном Мороз и дочери Фудзивара-но Фухито) и его ближайшими сподвижниками принцем Фунадо и Отомо-но Комаро, Накамаро фактически стал диктатором, чеканил собственную монету, собирал налоги от собственного имени, занял обычно остававшийся вакантным пост главного министра (*дайдзё дайдин*). В соответствии с китайской традицией табуирования прижизненных имен императоров он даже принял имя Эми-но Осикацу, присвоив себе, таким образом, привилегии монарха. Однако затем он вошел в конфликт с монахом Дёкё.

История Дёкё Будучи выходцем из захудалого провинциального рода Югэ, Дёкё прошел путь от простого монаха до всемогущего властителя страны. Выдвижение Дёкё было тем более удивительным, что социальная структура японского общества VIII в. жестко детерминировала судьбу человека. При присвоении придворных рангов и распределении государственных должностей принадлежность к тому или иному роду играла определяющую роль.

Дōкё оказался исключением. Свою роль в этом сыграли как его личные качества (согласно утверждениям современных графологов, Дōкё обладал «сильным и самоуверенным характером»), так и то, что он избрал для себя путь монаха. Буддийское духовенство представляло собой, пожалуй, единственную социальную группу, дававшую в Японии того времени простор для вертикальной социальной мобильности.

Дōкё появился в штате придворных монахов в начале 50-х годов, когда престол занимал император Дзюннин — ставленник Фудзивара-но Накамаро. Монахи того времени не только обучались китайской грамоте, что было необходимо для чтения священных буддийских текстов, переведенных в Китай с санскрита, но и владели многими другими полезными навыками, в частности врачеванием. За Дōкё утвердилось слава умелого целителя. Видимо, поэтому его направили в 761 г. к занемогшей экс-императрице Кōкэн.

Ныне уже трудно судить, чем именно Дōкё завоевал расположение императрицы. Может быть, она выбрала его своим духовным пастырем? Или, как утверждает сборник буддийских легенд «Нихон рёики», «Дōкё из рода Югэ делил с императрицей одну подушку и управлял Поднебесной»?

Так или иначе, после встречи с Дōкё намерения Кōкэн резко изменились. «Сёку нихонги» лапидарно отмечает, что «между экс-императрицей Кōкэн и императором Дзюннин обнаружились разногласия, после чего Кōкэн удалилась в храм Хокодзи». Спустя какое-то время она публично объявила, что принимает монашество, оставляя малые дела управления Дзюннин, а крупными отныне станет заниматься сама. Политическая борьба, продолжавшаяся в течение двух лет, окончилась сражением, победу в котором одержали войска Кōкэн. Накамаро был убит, а Дзюннин — сослан и вскоре скончался при таинственных обстоятельствах.

После этого Кōкэн вторично взошла на трон (на сей раз под именем Сётоку). Императрица-монахиня пожелала иметь министра-монаха и даровала Дōкё не предусмотренный никакими законами титулы *дайдзё дайджин-дзэндзи* («великий министр-монах») и *хоо* («повелитель дхармы»).

В правление Сётоку-Дōкё было проведено множество мероприятий, направленных на дальнейшее распространение буддизма в стране. Назовем лишь одно из них, наиболее впечатляющее по своему размаху. Для ритуального очищения от скверны, вызванной мятежом Фудзивара Накамаро, был вырезан 1 млн. (!) деревянных моделей пагод.

А в 766 г. произошло чудо: в храме Сумидэра были обнаружены мощи Будды. Сётоку признала это за знак одобрения деятельности Дōккэ и пожаловала ему новый титул — «император Закона Будды».

Однако тщеславие Дōккэ все еще не было удовлетворено — он посчитал, что должен стать настоящим императором. Для этого им была использована глубоко укоренившаяся вера в предсказания.

В 769 г. в столице Нара стало известно, что синтоистский бог Хатиман из храма Уса на Кёсё пожелал, чтобы Дōккэ стал императором, обещая стране в этом случае мир и спокойствие. Единственный раз за все правление Сётоку чары Дōккэ оказались бесцельны, ибо императрице было явлено «встречное» видение: она должна отправить некоего Вакэ-но Киёмаро на Кёсё, чтобы он узнал истинную волю бога. Киёмаро вернулся от оракула с таким ответом:

«Со времени начала нашего государства и до дней наших определено, кому быть государем, а кому — подданным. И не случалось еще, чтобы подданный стал государем. Трон солнца небесного должен наследовать ся императорским домом. Неправедный же да будет изгнан».

За такой ответ Дōккэ сослал Киёмаро, однако уже не возобновлял своих претензий на престол.

Влияние Дōккэ на императрицу было столь прочным, что и после случившегося он сохранил свои позиции. Однако после смерти Кōкэн, последовавшей в 770 г., новый император Кōнин изгнал Дōккэ из столицы в храм Симоцукэ, где он и скончался 2 года спустя. Возмущение, вызванное Дōккэ, было столь велико, что Кōнин счел за благо изменить прежний девиз правления, не дожидаясь конца года, что считалось совершенно недопустимым с точки зрения «нормальной» императорской этики.

Действия Дōккэ навлекли гонения не только на него самого и его партию — при дворе вообще усилились антибуддийские (а вместе с ними и антииностранные) настроения. Прекратилась государственная помощь буддийским храмам, был ужесточен контроль над пострижением в монахи. Так потерпела крах попытка построения буддийской теократии. Правящая элита Японии осознала, что наилучшим гарантом ее наследственных привилегий был синтоизм с его развитым культом предков, из которого логически проистекало подчеркнуто уважительное отношение к истории и традиции вообще.

Что касается рода Фудзивара, то даже смерть Накамаро уже не могла остановить их все возрастающее влияние.

Правление Камму Последние годы периода Нара и начало Хэйан падают на правление Камму (781–806), старшего сына императора Кōнин и Такано-но Ниигаса, происходившей из корейского иммигрантского рода потомков королевской семьи Пэкче. Вероятно, если бы не поддержка его тестя Фудзивара-но Момокава и удачно сложившиеся обстоятельства, Камму вряд ли стал бы наследным принцем и императором.

Камму был деятельным правителем, осуществившим целый ряд преобразований, направленных на укрепление императорской власти. В отличие от предшествующих государей ему удалось достичь определенной независимости в проводимой им политике. Посты главного и левого министров он оставил вакантными и пытался по возможности самостоятельно решать стоящие перед страной (двором) проблемы.

Деятельность Камму затронула все сферы государственной жизни и была посвящена корректировке системы «государства *рицурё*» в надежде остановить ее эрозию.

Во-первых, он провел реформу провинциальной администрации. Была введена должность *кагэюси* — специальных провинциальных инспекторов, которые должны были наладить сбор и обеспечить сохранность натурального налога и его доставку в столицу. Это было непростой задачей, поскольку в то время связи между центром и провинциями были уже заметно ослаблены.

Во-вторых, срок перераспределения земельных наделов был увеличен до 12 лет. Согласно закону «Тайхōрё», это следовало делать каждые 6 лет, но в реальной жизни осуществлять это было сложно. Кроме того, Камму реформировал военную организацию, введя систему *кондэй*, упразднившую рекрутский набор. Теперь армия стала формироваться избирательно из сыновей знатных домов (такой порядок службы в армии просуществовал до 1873 г.) При введении новой системы в 792 г. каждая провинция могла представить не более 60 *кондэй*; таким образом, вся армия государства составляла, видимо, около 3 тыс. чел.

В сфере религии Камму предпринял меры для отделения буддийской церкви от государственной политики, поддерживал формирование новых буддийских направлений в противовес «*нанто рокусю*» («шести буддийским школам Нара»), покровительствовал религиозным деятелям Сайтё и Кукай.

Среди дел Камму наиболее известны перенос столицы (сначала в Нагаока, потом — в Хэйан) и походы против *эмиси*. Перенос

столицы из Нара был, вероятно, вызван осознанием общего кризиса всего государства, обострившегося в последние годы. Это и развал наделной системы землепользования, и непрерывные придворные интриги, и чрезмерное вмешательство буддийских монастырей и монахов в светские дела. Кроме того, все японские правители в эпоху Нара были прямыми потомками Тэмму и Дзита. Камму же был по отцовской линии потомком Тэнти, сын которого потерпел поражение во время «смуты года *дзинсин*» (672 г.). Поэтому, возможно, здесь сработала китайская политико-историческая логика, согласно которой новая династия (хотя в строгом смысле слова говорить о «новой» династии было бы неправомерным) непременно перебиралась в новую столицу.

Перенос дворца в Нагаока (к северо-западу от Нара) был осуществлен в 784 г., однако из-за убийства в следующем году Фузивара-но Танэцугу и неожиданной смерти сосланного из-за причастности к этому заговору принца Савара полномасштабные строительные работы были приостановлены. В 794 г. двор был перенесен в провинцию Ямасиро, где и началось строительство новой столицы — Хэйанкё («столица мира и спокойствия»). Одной из центральных фигур, осуществлявших этот проект, был Вакэ-но Киёмаро, сыгравший выдающуюся роль в устранении монаха Дёккё из придворно-политической жизни. Хэйан (позднее переименованный в Киото) оставался официальной резиденцией японских императоров вплоть до 1868 г., когда двор переехал в Токио. Таким образом, период «кочевого двора» был окончательно завершён: новое строительство для разбухавших государственных структур требовало слишком много времени и средств.

Что касается серии походов против *эмиси*, то здесь Камму продолжил деятельность своего отца по расширению границ государства на северо-восток. В 789, 794 и 801 гг. он осуществил 3 военных похода. Поначалу его ждал полный провал. Известно, что в сражениях с военачальником *эмиси* Атэруи в 789 г. было потеряно более тысячи человек. Однако в 801 г. правительственным войскам все-таки удалось продвинуться довольно далеко вглубь провинции Муцу. Саканоуэ-но Тамурамаро, который возглавлял эту экспедицию, довел свое войско до реки Китаками и установил там новые пограничные посты. За это Камму пожаловал ему титул *сэйи тайсёгун* — «главный военачальник по усмирению варваров». Но это был последний успех как для Камму, так и для следующих правителей, на долгое время оставивших идею покорения северных племен.

В отличие от столицы Фудзивара, территория которой после переезда двора в Нара была практически сразу занята рисовыми полями, в Нара этот процесс занял несколько больше времени. Уже после перемещения в Нагаока (784 г.) в 792 г. для охраны «старого дворца» в Нара были посланы стражники. В 809 г., в правление Сага, там была построена резиденция для бывшего императора Хэйдзэй. А в 810 г. был даже издан указ о возвращении столицы в Нара, который, правда, не был претворен в жизнь. И только после смерти Хэйдзэй в 824 г. Нара окончательно потеряла всякое государственное значение, и в IX–X вв. почти вся ее территория превратилась в обрабатываемые поля.

Глава 2

НАРСКАЯ ЯПОНИЯ И ВНЕШНИЙ МИР

Специфика исторического пути Японии не может быть понята без учета ее отношений с внешним миром. При этом внешнее по отношению к японскому государству пространство следует подразделить по крайней мере на две основных зоны: заморские государства и неподвластные японскому императору племена, обитавшие на самом архипелаге.

Взаимоотношения с материковыми государствами

Все связи Японии с материком осуществлялись по морю. Поэтому возникает естественный вопрос: чем было море для японской культуры и цивилизации?

С одной стороны, море отъединяет одну культуру от другой, а с другой — предоставляет широкие возможности для коммуникации. Применительно к Японии исторический парадокс заключается в том, что морские коммуникации полноценно использовались только в одном направлении: с материка — в Японию.

Это тем более удивительно, что значительная часть населения Японии была образована выходцами с материка, которые сумели в свое время преодолеть водный барьер. Тем не менее, остается фактом неумение (а скорее — нежелание) японцев строить корабли, приспособленные для плавания в открытом море. Вплоть до начала массовых контактов с европейцами в XIX в. японцы не научились (не хотели выучиться!) серьезному мореплаванию, а их «суда» представляли собой, как правило, долбленки, сделанные из одного бревна, размером которого и диктовался размер судна, предназначенного, по преимуществу, для плавания лишь в прибрежных водах.

Предпосылки перехода к самонзоляции

Очевидно, что до середины VII в. путешествие по морю не представляло особой проблемы: очень тесные связи внешне-политического свойства с государствами Корейского полуострова, где Ямато имело свои интересы, обуславливали посылку туда многочисленных эмиссаров и крупных контингентов войск. Так, японский экспедиционный корпус 663 г. составлял 27 тыс. чел.

Однако в результате серии поражений японская армия была вынуждена вернуться на архипелаг, после чего Ямато отказалось от проведения активной внешней политики и сосредоточилось на

обустройстве внутренней жизни. От моря стали ждать неприятностей: японские правители боялись вторжения со стороны Силла и танского Китая и строили крепости на юго-западе страны. Японское государство как бы начало отгораживаться от моря, воспринимая его как свою государственную границу. Пожалуй, именно в тогда был сделан окончательный выбор в пользу интенсивного пути хозяйствования, который сопровождался постепенным нарастанием интровертности японской культуры. И хотя расширение территории Ямато в северо-восточном направлении продолжалось вплоть до IX в., пролив, отделяющий Хонсю от Хоккайдō, фактически не был преодолен.

По-видимому, сложившийся в Японии хозяйственно-культурный комплекс способствовал угасанию заинтересованности во внешнем мире: цикл воспроизводства носил замкнутый и самодостаточный характер, и территория архипелага располагала всем необходимым для его поддержания. Главную роль здесь, по-видимому, сыграло почти полное отсутствие в Японии скотоводства и почти неизбежно сопутствовавшего ему комплекса территориальной экспансии, вызванного потребностью в пастбищах. Напротив, богатейшие, неисчерпаемые для того времени морские ресурсы и основанное на интенсивных методах хозяйствования заливное рисоводство располагали к тщательному освоению прежде всего ближнего пространства.

Объективные предпосылки изоляционизма дополнились и чисто историческими факторами. Нараставшая в VII–VIII вв. мирная экспансия иноземной культуры подтачивала идеологическую основу существования японского общества — культ предков, освященный синтоизмом. Может быть, наиболее зримое выражение этот процесс нашел в неудавшейся попытке смены правящей династии, предпринятой буддийским монахом Дōккē.

К тому же выходцы из Кореи и Китая попытались ревизовать синтоистский миф, составляя генеалогические списки, согласно которым иммигранты возводили свое происхождение к синтоистским божествам. Увидев в этом угрозу собственному положению, японская родоплеменная аристократия во главе с родом Фудзивара предприняла усилия, чтобы не допустить посторонних в свою «касту». В итоге, ее социальная политика оказалась ориентирована на предотвращение социальной мобильности, что теоретически могло полностью заблокировать дальнейшее развитие общества.

Однако этого не произошло, ибо образование, наука и техника фактически не вошли в формировавшуюся концепцию национальной культуры. Поэтому особых препятствий для заимствования

континентальных достижений в этих областях в Японии не возникало.

Отношения с Китаем Отказавшись от решения военно-политических задач на Корейском п-ове, японское государство не потеряло интереса к культурному взаимодействию с материком. Правда, если раньше наибольший интерес вызывали государства Корейского п-ова (в особенности Пэкче), то теперь взоры японцев обратились непосредственно к Китаю, который сделался основным источником культурной информации — как в области науки и техники, так и в сфере государственного строительства.

После распада Пэкче и Когурё беженцы из этих стран составили наибольшую часть иммигрантов с материка. Однако японское государство использовало их как носителей знаний не столько о Корее, сколько о Китае. Конечно, этому способствовало осознание неоспоримого факта военного превосходства Китая — так, государство Силла, объединившее Корейский п-ов, находилось в очень сильной зависимости от Танской империи (его правитель — ван — получал инвеституру при дворе китайского «сына Неба», а престолонаследник должен был находиться в Китае в качестве заложника).

Япония, находясь в зависимости от Китая, как источника культурной информации, не приняла практики инвеституры (получения от танского императора печати, удостоверявшей легитимность японского правителя) и оставалась, таким образом, независимым государством. Танской империи пришлось смириться с этим, но отношение к Японии в Китае было намного более прохладным, чем к другим близлежащим странам. Известно, что во время новогодней церемонии 753 г., когда в Чанъани оказались посольства сразу четырех стран, японское посольство было поставлено на последнее место (Силла — на первое). Это вызвало сильное недовольство японского посла, заявившего:

«Несмотря на то, что Силла издавна приносит дань Японии, его поставили выше. Это не соотнобразует с естественным порядком вещей».

В 600–614 гг., в правление Суйко, Ямато успело отправить 4 миссии к суйскому двору. Помимо решения чисто дипломатических проблем, целью посольств было углубленное знакомство японцев с буддизмом. Хроника «Суй-шу» сообщает относительно второго посольства 607 г.:

«Прознав о том, что бодхисаттва-сын Неба страны западного моря [т.е. китайский император — *Ред.*] покровительствует Закону Будды, [посольство Ямато] явилось ко Двору вместе с несколькими десятками послушников, чтобы они изучали Закон Будды».

Таким образом, одной из основных целей контактов с Китаем уже в то время было получение знаний.

Япония продолжала посылать посольства в Китай и в период династии Тан. В 630–894 гг. было назначено 19 посольств, однако в силу различных обстоятельств реально были осуществлены не все из них. Были отменены миссии 746 (10-я), 761 (13-я), 762 (14-я) и 894 гг. (19-я). Кроме того, 12-е посольство 759 г. предназначалось для встречи и сопровождения предыдущего (отмененного) 14-го посольства, целью которого были проводы танского посла; 5-е (665 г.) и 16-е посольства были отправлены с теми же чисто церемониальными целями.

Таким образом, всего в танский Китай было направлено 12 полноценных посольств. Обычно их возглавляли чиновники 4-го ранга (т.е. более высокого, чем послы в Силла и Бохай, имевшие 5–6-й ранги). Тем не менее, высшая японская аристократия в состав посольств не включалась, что свидетельствует об ограниченности ставившихся перед миссиями политических и дипломатических задач.

Время пребывания посольств в Китае было довольно продолжительным (обычно около 3–4 лет), поскольку в их задачу входило не только церемониальное посещение «сына Неба» и принесение дани, но и сбор различной информации, необходимой для государственного строительства в самой Японии. Первое в VIII в. посольство 702 г., отправленное после 33-летнего перерыва, вызванного кризисом на Корейском п-ове, задержалось в Китае на целых 7 лет, а буддийские монахи проводили в Китае от 10 до 20 лет.

Первые посольства к танскому двору в VII в. состояли из одного или двух кораблей (по 120–160 чел. на каждом). В VIII в. отправлялось уже обычно 4 корабля. Наиболее многочисленное посольство было послано в 838 г. — более 600 чел. Обычно в состав посольств входили собственно дипломаты, специалисты (врачи, астрологи, фармацевты, ремесленники), знатоки китайской письменной традиции и монахи, а также экипажи кораблей, составлявшие до 40% общей численности миссии.

Не слишком большое число японцев, посещавших Китай по официальным каналам (в среднем 30–40 чел. за год), позволяет сделать заключение, что основным средством приобретения необходимых знаний и навыков были книги, на приобретение которых

посольствам выделялись специальные средства, и которые после возвращения на родину изучались, переписывались и распространялись под прямым патронажем (и, одновременно, контролем) государственных структур.

Необходимо заметить, что укоренившееся мнение об открытости Танской империи верно лишь с определенными оговорками. Без особого разрешения танские власти не позволяли иностранцам ни ввозить товары, ни вести свободную торговлю. Эти ограничения распространялись и на книги. Так что далеко не всегда японцы могли приобрести именно те книги, которые хотели. В случае же направления в Китай посольств для этого предоставлялись намного более благоприятные возможности.

Китайские книги воспринимались в Японии в качестве «продукта стратегического назначения». Они хранились в «библиотечном управлении» (*мосёрё*) и без специального распоряжения императора не могли быть выданы даже принцам крови.

По интенсивности контактов с Китаем Япония заметно уступала Силла. Последнее обменивалось посольствами с Китаем до 3–4 раз в год, а Япония — приблизительно один раз в 20 лет. Многие силланцы делали успешную чиновничью карьеру в Китае, в то время среди японцев таким опытом обладал только Абэ-но Накамаро. Тем не менее, информированность японцев относительно всех аспектов китайской государственной жизни не уступала знаниям силланцев.

Почти полное отсутствие у Китая интереса к Японии создавало условия для избирательного отношения к получаемой информации. С 632 по 778 г. в Японию из Китая было направлено 8 миссий, причем 5 из них пришлось на 664–671 гг., что было связано с проблемами передела сфер влияния, возникшими после объединения Кореи. После того, как на Корейском п-ове установилась определенная стабильность, следующее посольство прибыло в Японию только через 90 лет — в 761 г. При этом следует иметь в виду, что большинство посольств было отправлено не от имени танского императора, а от военной администрации Китая в Корею. Только о миссиях 632 и 778 гг. достоверно известно, что они возглавлялись императорскими послами, да и то это были чиновники всего-навсего 7-го ранга, что, впрочем, соответствовало правилам назначения посольств к «варварам».

Дипломатические связи с Силла

Кроме посольств в танский Китай, значительную роль в приобщении японцев к дальневосточной цивилизации играли посольства государства Силла (всего в Японию их было отправлено

31). Непосредственно после того, как Силла объединило под своей властью Корейский п-ов, его отношения с Японией складывались благоприятно. При этом Япония рассматривала Силла в качестве вассального государства.

В начале обмена посольствами Силла, заинтересованное в поддержке Ямато в противостоянии с Китаем, присылало посольства ко двору Тэмму почти каждый год. Однако после возникновения государства Бохай у их северных границ силланские правители сочли за благо замирииться с Танской империей, и их недовольство гегемонистскими претензиями Ямато стало возрастать. В правление Дзитё силланские посольства приезжали уже приблизительно раз в 2 года, а при Момму — раз в 3 года. В связи с известием о приеме японским двором бохайских послов в 727 г., Силла не отправляло свои миссии уже 5 лет (с 726 до 732 г.).

Во время посольства 732 г. силланский посол просил о сокращении количества посольств в Японию, но та потребовала регулярного принесения дани раз в 3 года. Вероятно, согласие на это не было получено, и после отъезда силланского посла Япония стала готовиться к войне.

Следующее силланское посольство все-таки прибыло в Японию ровно через 3 года — в 735 г. Но силланский посол неожиданно объявил, что целью его миссии было уведомление японцев о переименовании его страны, что было равносильно провозглашению суверенитета. После этого японо-силланские отношения оказались окончательно подорваны: японский двор не признал переименования и отправил посла обратно. Японское посольство в Силла, отправленное в следующем году, также было выслано. В связи с этим в высших придворных кругах Японии даже высказывалось мнение о необходимости направить в Силла карательный корпус.

Следующее посольство Силла в Японию датируется 752 г. Оно возглавлялось принцем и было чрезвычайно представительным (более 700 чел.). В послании правителя говорилось, что нынешний ван Силла глубоко сожалеет о действиях и словах прежнего. Однако обида на Силла была столь глубока, что, воспользовавшись внутренними беспорядками в Китае в конце 50-х годов VIII века, подорвавшими баланс сил на Дальнем Востоке, Япония вновь подготовила план покорения Силла. Предполагалось отправить экспедиционный корпус на 394 кораблях в составе 47 тыс. пехотинцев и 17360 матросов. Осуществлению этого плана мешало отстранение от власти главного его архитектора Фудзиварано Накамаро.

После признания Силла Китаем силланско-японские официальные отношения стали постепенно сходить на нет и после 779 г. фактически прекратились.

Отношения с государством Бохай

Еще одной страной, с которой на протяжении VIII в. Япония поддерживала достаточно регулярные связи, было государство Бохай, возникшее в конце VII в. (прекратило свое существование после завоевания киданями в 926 г.). Бохайская царствующая династия была основана выходцем из Когурё Тэ Чоёном. Подавляющую часть населения составляли мохэ (общее название группы тунгусских племен). В состав Бохай входили Ляодун, северная часть Корейского п-ова и юг Приморья.

Поскольку территория Бохай занимала, в частности, большую часть Когурё и граничила с Силла и Тан, это государство имело постоянные конфликты с ними. Япония также рассматривала Бохай как свое вассальное государство. Первое бохайское посольство в Японию прибыло в 727 г. и было принято государем Сёму. Никого же за все время существования этого государства в Японию было направлено 34 миссии (они особенно участились с начала IX века).

Поначалу Бохай пыталось превратить Японию в своего военно-дипломатического союзника, однако со второй половины VIII в. в контактах двух стран стали превалировать церемониальные и торгово-обменные цели. Бохайские посольства преподносили японскому двору меха, женьшень, мед, а японские — продукты качества и лаковые изделия.

Из Японии, начиная с 728 г., в Бохай было отправлено 13 миссий (т. е. приблизительно столько же, сколько и в Китай), последние из которых датируется 811 г. Япония использовала бохайские посольства и свои посольства в Бохай для получения информации о событиях на Корейском п-ове и в Китае, а также для отработки маршрута в Китай через территорию этого государства (не было осуществлено) в связи с враждебными отношениями с Силла.

* * *

Бохай оставалось единственным государством, с которым Япония продолжала поддерживать посольские контакты вплоть до его крушения в 922 г. При этом следует отметить, что эти контакты были односторонними — посольства посылало только Бохайское государство. Последний официальный контакт с Силла датируется 779 г., с Танской империей — в 838 г. После смерти Сётоку, когда после череды императоров-потомков Тэмму воцарилась линия, ведущая свое происхождение от Тэнти, Япония умерила свои

«имперские амбиции» на международной арене и все больше стала придерживаться «изоляционистского» курса, обусловленного как ее географическим положением и типом хозяйственной адаптации, так и конкретными историческими обстоятельствами, которые обусловили быстрое выпадение Японии из системы международных отношений на Дальнем Востоке.

Прежде всего, исчезло ощущение угрозы, исходящей с материка. И Танская империя, и Силла были озабочены прежде всего своими внутриполитическими проблемами. Показательно, что в 792 г., т. е. в самый разгар военных кампаний против *эмиси*, Япония резко сократила свою армию. Военная повинность была отменена повсюду за исключением районов непосредственного контакта с *эмиси* (провинции Муцу, Дэва, о-в Садо) и региона Сайкайдō.

Представление Японии о себе, как о местном гегемоне, также утратило свою актуальность. Когда в 918 г. было воссоздано государство Корё (Когурё), покорившее Силла в 935 г. и объединившее таким образом Корейский п-ов, то оно пожелало восстановить официальные контакты с Японией и даже обязалось приносить дань. Однако осознавшая свою самодостаточность Япония это предложение отвергла. Не обменивалась Япония посольствами и с наследницей Тан — Сунской империей. Это, однако, не означало прекращения морской торговли, которая перешла в руки прежде всего китайских и корейских (но не японских) купцов.

Роль личных контактов Наиболее многочисленные личные контакты японцев с носителями континентальной культуры были связаны не с посольствами, а с мощным потоком переселенцев с Корейского п-ова, вызванным крушением государств Пэкче (663) и Когурё (668), когда Силла удалось объединить Корею. Как свидетельствуют генеалогические списки «Синсэн сёдзироку» (815), около 1/3 высшей элиты японского общества были недавними выходцами с Корейского п-ова.

Прибывшие из более высокоразвитых государств иммигранты, естественно, представляли собой незаменимые кадры для государственно-культурного строительства. Кроме того, японцы предпринимали активные усилия по привлечению специалистов, в услугах которых они были заинтересованы. Хорошим примером подобных усилий может послужить история переселения китайского монаха по имени Гандзин, которому в сопровождении японских посланцев удалось достичь Японии лишь после пяти попыток, предпринятых в 742–754 гг. (предыдущие были неудачны из-за нападений пиратов и неблагоприятных погодных условий).

Гандэин.

Портретная статуя в храме Кэйдзандо монастыря Тосёдайдзи в Нара. VIII в.

Проявляя неоспоримый интерес к материковому опыту (в первую очередь — китайскому), заимствуя в очень значительной степени китайские образцы государственного строительства, японцы делали это прежде всего с помощью письменной информации и — поначалу — в значительной степени руками уже готовых кадров из Китая и Кореи.

* * *

Оценивая в целом характер связей Японии с внешним миром, следует отметить, что обмен между Японией и материком осуществлялся прежде всего в информационной, а не торговой сфере (товарный обмен ограничивался предметами роскоши). Японцев значительно больше интересовали идеи, know-how, а не готовые к употреблению продукты. При этом их интерес практически исчерпывался Китаем, Кореей и Бохай. Так, первая попытка непосредственно проникнуть на родину буддизма — в Индию — была предпринята лишь во второй половине IX в. сыном императора Кэйдзэй принцем Такаока, который умер в пути.

Ассимиляция народов Японского архипелага

«Внешний мир», о котором говорилось выше, лежал за морем. Но существовал и сухопутный внешний мир. Это были, во-первых, племена юга о-ва Кюсю (*хаято*) и, во-вторых, племена *эмиси* на севере о-ва Хонсю.

Хотя *хаято* и *эмиси* номинально и проживали на территории, находившейся под «цивилизующим» влиянием японского правителя, приносили ему дань и формально входили в состав податного населения, они (в противоречии с китайской геополитической моделью) считались «варварами». *Хаято* относились к «южным варварам», а *эмиси* — к «восточным» (обитатели той части северного Хонсю, которая обращена к Тихому океану) и «северным» (побережье Японского моря). Поэтому по отношению к ним и были возможны меры силового воздействия (посылка войск). Особенно настойчиво эта силовая политика проводилась на севере Хонсю.

Политика в отношении *эмиси*

Хотя имперские амбиции правящей элиты нарской Японии подталкивали ее к военной экспансии на северо-восток, с рациональной точки зрения *эмиси* не представляли для японцев какого-либо интереса. Они не обладали сколько-нибудь важной для японцев культурной информацией, ибо находились на значительно более низкой стадии общественного развития. Земли *эмиси* также были малопривлекательны для японцев, поскольку не представляли ценности с точки зрения развития на них рисоводства. Тем не менее, в VII–VIII вв. Япония, находившаяся под влиянием китайской геополитической модели, пыталась проводить на севере Хонсю политику ассимиляции местных племен.

Покорение и интеграция *эмиси* протекали со значительными осложнениями: *эмиси* не восприняли рисоводство и весь связанный с ним культурный комплекс. Кроме того, *эмиси* были решительно настроены на защиту своей независимости и весьма неплохо экипированы в военном отношении. Они обладали конницей и даже собственным железоделательным производством.

Ассимиляторская политика Японии по отношению к *эмиси* сводилась к трем основным направлениям:

1) Масштабное насильственное переселение на север обитателей центральной Японии. Документированное количество таких переселенцев составляет: для первой половины VIII в. — более 1800 дворов, для второй половины — более 19 тыс. дворов. Пере-

селенцы были освобождены от несения трудовой повинности (в связи с невозможностью или малой продуктивностью рисоводства прирпационные сооружения в областях обитания *эмиси* не возводились), но несли воинскую повинность, поскольку этот регион рассматривался как северная граница Ямато.

2) Дифференцированная политика по отношению к самим *эмиси*, а именно поощрение тех, кто признавал суверенитет государства Ямато и вооруженное подавление непокорных. «Политика прищипки» включала в себя устройство пиров, раздачу подарков, пожалование рангов и государственных наград *кунги* вождям. Кроме того, *эмиси*, признававшие верховенство двора Ямато, были освобождены от налогообложения, но привлекались для строительства крепостей и в качестве пограничных стражей. Вместо принятых в собственно Ямато налогов *эмиси* доставляли дань (морскую капусту, лошадей, шкуры) в Нара или же местным чиновникам. Эта дань имела скорее не экономическое, а символическое значения и служила выражением покорности.

3) Переселение части *эмиси* с севера в другие регионы Ямато (исключая внутренние провинции). Пожалуй, эта мера наиболее ясно указывала на планы власти по культурной и экономической ассимиляции *эмиси*.

Ассимиляция хаято Политика Ямато по отношению к *хаято* на юге Кёсю характеризовалась в целом тем же комплексом мероприятий, но с одним существенным дополнением: интеграция *хаято* в общепонскую культуру (культуру Ямато) была более полной, что, вероятно, было связано в первую очередь с полноформатным развитием заливного рисоводства в этом регионе. Жестоко подавленные восстания *хаято* 613 и 720 гг. были фактически последними их выступлениями против японского господства, после чего отношения японцев с обитателями южного Кёсю перешли в политическую и экономическую плоскость.

Весьма показательно, что если племена *хаято* оказались окончательно покоренными уже в начале VIII в., то на севере Хонсю только сёгунат Токугава (XVII–XIX вв.) окончательно «замирил» местное население. До этого на протяжении всего средневековья граница между Японией и не-Японией фактически проходила по реке Коромогава (совр. префектура Иватэ).

* * *

Восстания на севере Японии, связанные, как правило, с нежеланием участвовать в трудовых мобилизациях и строительных работах, периодически вспыхивали на протяжении всего VIII в., и

японцы неоднократно снаряжали против *эмиси* военные экспедиции. По сообщению источников, наиболее многочисленный экспедиционный корпус насчитывал не много не мало 100 тыс. чел. (!) (что, впрочем, вряд ли следует понимать буквально).

Постепенно активная военная деятельность по покорению севера Хонсё пошла на убыль, что отчетливо проявилось после отмены в 805 г. очередной экспедиции. Двор Ямато фактически оставил попытки насильственной интеграции севера, и объектом его «цивилизаторской» деятельности стали менее удаленные районы. Изменение политики в отношении *эмиси* вполне вписывалось в общую тенденцию культурной эволюции, характеризовавшуюся нарастанием интровертности. Более полное развитие эта тенденция получила в период Хэйан, характеризовавшийся в целом мирными процессами освоения внутреннего пространства и значительной потерей интереса к внешнему миру.

Ямато и Япония

Крепнувшее государственное самосознание Ямато проявлялось во многих областях. Перед правителями Ямато стояла трудная задача: создание «цивилизованного» (по китайским и корейским меркам) государства, т. е. включение Ямато в сложившийся дальневосточный мир на равноправных (как минимум) основаниях при сохранении собственного «лица».

Весьма символичным с этой точки зрения было изменение титула правителя. Если ранее правитель Ямато именовался *окими* (японское чтение китайских иероглифов «великий ван», что предполагало вассальные отношения с Китаем), то в конце VII в. (вероятно, в правление Тэмму) стал последовательно употребляться китайский астрологический термин *тянь хуан* (яп. *тэннō*), обозначающий небесного императора или же Полярную звезду. В Японии в соответствии с местными культурными традициями, актуализировавшими в первую очередь генеалогическую семантику, данный термин понимался прежде всего как «сын Неба».

Согласно даосским представлениям, *тянь хуан-тэннō* пребывал в небесном «фиолетовом дворце» (фиолетовый — цвет, обозначающий наибольшую сакральность), откуда он управлял даосскими мудрецами (*ичжэньжэнь*; яп. чтение *махито*). Понятие «мудрец» вошло в употребление во второй половине VII в. Так, посмертное японское имя императора Тэмму было Ама-но Нунахара Оки-но Махито, где «Оки» (кит. Инчжоу) — одна из священных даосских островов-гор, где обитали бессмертные. Первый по зна-

чимости ранг-кабанэ после реформы Тэмму также назывался «*мачито*», а неотъемлемыми атрибутами верховного правителя считались зеркало и меч — важные предметы даосского ритуала. Таким образом, при формировании японской модели государственности даосским представлениям принадлежала очень значительная роль: двор Ямато представлял как зеркальное отражение идеального даосского «небесного» миропорядка. Следует, однако, заметить, что заимствования из Китая были избирательными и не носили систематического характера.

Вместе с давно вошедшим в практику обозначением подвормственной государю территории как «Поднебесная» (что также считалось прерогативой китайского императора) терминологическая пара *тэнно*–Поднебесная должна была указывать на одинаковый статус правителей Ямато и Китая.

Отчетливо отдавая себе отчет в том, что она создает государство, основанное на новых принципах, правящая элита решила также сменить его название. Если до VIII в. японцы называли свою страну Ямато, то в 702 г. мы впервые встречаемся с топонимом «Япония» («*Нихон*» или «*Ниппон*», что буквально означает «Присолнечная страна»). Именно так назвал свою страну Авата-но Махито, отправленный послом в танский Китай и произведший там большое впечатление своей образованностью («Махито любит читать канонические книги и исторические сочинения, пишет и толкует, манеры — превосходны»). Танская хроника также отмечала: «Япония — другое название Ямато. Эта страна находится там, где восходит солнце, и потому ей дали название Япония». При этом отмечалось, что топоним Ямато японцам «не нравится».

Меняя название государства, двор Ямато желал подчеркнуть, что отныне Китай имеет дело с обновленной страной, жизнь в которой устроена на «цивилизованный» манер (напомним, что непосредственно перед отправкой японского посольства был введен в действие законодательный свод «Тайхō рицурё»). Само новое название — «Присолнечная (т. е. лежащая на востоке) страна» — много корреспондировало (как своим двухсоставным иероглифическим обозначением, так и принципом названия, исходящим из положения в пространстве) с самоназванием Китая — «Срединная страна» (яп. «*Тёгоку*»), т. е. в акте переименования содержался «интернационализирующий» элемент.

Для китайских пространственных представлений наиболее характерна ориентация по оси север–юг, связанная с северным расположением обиталища обожествленной илостаси первобытной единой субстанции, расположенной в виде звезды на северном

небосклоне (кит. Тай и. яп. *Тайицу*), откуда и происходит управление Поднебесной. Сам же китайский император должен был повелевать Поднебесной, обратившись лицом к югу.

Что касается древней Японии, то в «Кодзики» и «Нихон сёки» наиболее часто указывалось направление на восток или на запад, т. е. основная горизонтальная ось мира проводилась именно по этой линии, причем восток считался «счастливым» направлением, а запад — «несчастливым» (именно на западе располагалась «страна мертвых» — «ёми-но кuni»). В синтоистском ритуале противопоставление восток–запад также имеет первостепенное значение.

Ни в буддизме, ни в китайской религиозно-философской традиции восток не имел того значения, которое он приобрел в Японии. Китайская хроника «Суй-шу» сообщает, что китайский император пришел в страшное негодование, получив послание Суйко, в котором Ямато ассоциировало себя с востоком («Сын Неба страны, где восходит солнце, обращается с посланием к Сыну Неба страны, где солнце заходит»). Обычно в этом эпизоде видят только недовольство уравниванием статуса правителей Китая и Японии, но, возможно, гнев китайского императора был вызван и тем, что данная формулировка игнорировала «срединное» положение Китая в геополитической модели мира, характерной чертой которой было помещение собственной страны (которой в лице государя приписывалась роль носителя абсолютной благодати) в центре Поднебесной.

Кроме того, Япония попыталась «примерить» на себя китайскую геополитическую модель. Поэтому японские хронисты не слишком часто, но все-таки использовали термин «срединная страна» по отношению к Японии. Согласно китайской геополитической модели, «срединная страна», должна была быть окружена «варварскими» странами и народами. Среди них существовало несколько градаций. Сам Китай при этом именовался «великой страной Тан» и попадал в категорию «соседней страны», в то время как Силла и Бохай относились к «дальним соседям», обязанным приносить дань. И те, и другие не находились под благотворным влиянием государя, но имели возможность «вернуться» к нему. Поэтому переселенцев в Японию именовали «кикадзин», т.е. «вернувшиеся к культурности».

Такая модель вела к возникновению определенных противоречий в японской внешней политике. Так, хотя Танская империя попадала в разряд стран, не подверженных «цивилизующему» влиянию *тэнно*, Япония приносила ей дань. Поэтому акт переименования государства был призван прежде всего подчеркнуть са-

мостоятельность страны и ее независимость от Китая, поскольку те страны, правители которых получали инвеституру при дворе китайского императора, не имели права ни на введение собственного законодательства (скажем, Силла такого законодательства не имело), ни на использование собственных девизов правления (в Японии регулярное применение девизов правления началось с 101 г. — «Тайхō» — «Великое сокровище»), ни на несанкционированное изменение названия страны.

Танский двор был вынужден согласиться с переименованием, и, таким образом, Японии удалось закрепить достигнутый еще в VII в. особый статус в отношениях с Китаем — ее послы являлись во дворе китайского императора, но не каждый год, как то были обязаны делать государства Корейского полуострова. Правда, Япония, вероятно, обязалась приносить дань, но не ежегодно, как Силла, а на нерегулярной основе.

Таким образом, вместе с приобретением страной другого названия в начале VIII в. Японией был сделан важный шаг к государственной самоидентификации, что создавало в дальнейшем предпосылки и для самоидентификации этнической.

На практике оба названия — Ямато и Япония (*Нихон*) — длительное время сосуществовали, и двум иероглифам «ни» и «хон» зачастую приписывалось чтение «Ямато».

* * *

Японское государство второй половины VII—VIII вв. в современной историографии принято называть «государством, основанном на законах» (*рицурё кокка*). Для этого имеются серьезные основания. Провозгласив одной из своих основных целей создание высокоцентрализованного государства, японская правящая элита обратилась к китайскому опыту государственного строительства. Начало этого процесса, как уже говорилось, можно датировать приблизительно серединой VII в., когда были провозглашены указы, нацеленные на создание государственности, отменяющей китайским представлениям (надельное землепользование, строительство постоянной столицы, повсеместное создание сети почтовых дворов и т.д.). При этом основными «программными» документами были законодательные своды («Тайхō рицурё», 645 г.; «Трō рицурё», 757 г.), в соответствии с которыми должна была быть выстроена вся совокупность внутри- и внешнегосударственных отношений, и которые, с определенными модификациями, были смоделированы по китайскому образцу.

Выполнение заложенной в сводах программы политической централизации сопровождалось осуществлением крупномасштаб-

ных проектов, что потребовало колоссального напряжения сил, аккумулировавшихся с помощью внеэкономических средств принуждения (трудовая повинность). Синдром гигантомании, начало которого лежало в «курганном периоде», не был еще изжит. На этом пути поначалу были достигнуты впечатляющие успехи. Так, была воздвигнута столица Нара — колоссальный для того времени город. В Нара был выстроен громадный буддийский храмовый комплекс Тōдайдзи. В каждой из провинций согласно специальному указу был возведен буддийский храм. Страна покрылась сетью дорог с расположенными на них почтовыми дворами. В школах чиновников осуществлялось планомерное и достаточно массовое обучение на основе классических китайских памятников философской, государственной, исторической, литературной мысли. Сама организация чиновничества представляла собой стройную иерархическую систему, скопированную с китайских образцов. Создавались исторические хроники и стихотворные антологии на китайском языке, призванные подчеркнуть высокую степень овладения японцами континентальной культурой. В столичном быту доминировала китайская одежда.

Главным инициатором всех этих проектов было государство и казалось, что центр достиг очень высокой степени управляемости страной. Однако весьма скоро выяснилось, что реальный уровень экономического, политического и культурного состояния общества не соответствовало ни тем образцам, которые описывались в законодательных сводах, ни конкретным планам по их проведению в жизнь. Поэтому «канонический автопортрет государства» (законодательные своды) довольно быстро стал дополняться чертами, отражавшими реальные особенности взаимоотношений в японском обществе.

Первый пересмотр законодательного свода относится уже к 706 г. Хроника «Сёку нихонги» сообщает, что «только один или два закона проводятся в жизнь; полное же осуществление невозможно», довольно наивно возлагая при этом вину на нерадивых чиновников.

Хорошо прослеживаемые по источникам изменения в законотворческой и текущей политике свидетельствуют о достаточно реалистичной оценке ситуации японскими правителями и об отказе от осуществления тех проектов, которые требовали чрезмерных усилий (строительство Тōдайдзи оказалось одним из последних проявлений «синдрома гигантомании»). Вместе с тем, отказ от реализации некоторых планов, возможно, был вызван давлением местных культурно-социальных условий и обстоятельств. Так,

можно считать доказанным, что состоявшие из двух основных частей (*риццу* — «уголовный кодекс» и *рё* — «гражданский») законодательные своды, реально «работали» только во второй своей, «гражданской», части. Что касается уголовных законов *риццу*, то они так и не были введены в действие, и общество продолжало жить согласно нормам обычного права. Причина заключалась в изначальной утопичности *риццу*, т. е. их несоответствии местным японским реалиям.

Дрейф японского государства в сторону более адекватной местным условиям общественной модели проходил по следующим основным направлениям.

Земельные отношения. Основной экономической идеей законодательных сводов была система наделного землепользования с сохранением государственной собственности на землю. Однако с течением времени все большее количество земель переходило в частные руки с правом передачи по наследству: «жалованные» земли (давались за особые заслуги), земли синтоистских храмов и буддийский монастырей, целинные земли (с 743 г.). Начиная с 1002 г. передел земель стал осуществляться раз в 12 лет (согласно сводам, время между переделами должно было составлять 6 лет). Все это вело к концентрации пахотной земли в частных руках и к подрыву экономической основы «государства *риццурё*» — государственной собственности на землю. На смену ей приходила система частного поместного землевладения — *сёэн*.

Отношения между центром и периферией. Территориальное деление страны включало в себя около 60 провинций и 600 уездов. В отличие от Китая, чиновники из центра присылались только на должности управителей провинций. Что касается уездов и сел, то на должности управителей и старост всегда назначались только представители местной знати. В дальнейшем, в период Хэйан, вместе с развитием поместного землевладения уезды фактически превратились в вотчины и утратили свое значение в качестве административных единиц. Таким образом, центр практически не был в состоянии осуществлять контрольные функции на местах. Поскольку основная тяжесть сбора первичных сведений о податном населении, налогообложении и т. д. лежала именно на уездах, исторические данные о состоянии государственности после периода Нара (вплоть до сёгуната Токугава) сильно уступают по своей точности, подробности и конкретности тем, которые относятся к VIII в.

Армия. Японским правителям пришлось распрощаться с мечтами о сильной армии. В начале VIII в. одна «часть» (*гундан*)

формировалась 3–4 уездами. В результате растущего осознания того, что реальная внешняя угроза отсутствует, рекрутская система была пересмотрена в сторону облегчения, а в 792 г. вообще была почти полностью ликвидирована. В то же самое время личные дружины поместных владельцев имели явную тенденцию к увеличению, что привело в дальнейшем к кровавым междоусобным столкновениям.

Статус правителя. Серьезные изменения произошли и в статусе самого государя («императора», «сына Неба»). Если для VIII в. характерна концепция «сильного» и деятельного правителя (другой вопрос, в какой мере эта концепция была реализована), то в период Хэйан окончательно сложилась политическая система доминирования рода Фудзивара, когда государь продолжал оставаться верховным синтоистским жрецом, но его властные полномочия проявляли постоянную тенденцию к сокращению. При этом подтвердила свою жизнеспособность более ранняя система управления, когда один из влиятельных родов являлся «поставщиком» жен для правителя. Сыновья от этих браков становились императорами, но их действия в значительной степени контролировались их дядьями по материнской линии (так называемый авункулат; в VI–VII вв. такую роль играл род Сога).

Геополитическое положение. После ряда поражений японской экспедиционной армии на Корейском п-ове в середине VII в. Япония постепенно стала отказываться от проведения активной внешней политики, ставившей своей целью вмешательство в дела стран континента. Однако в то время она еще сохраняла живой интерес к поддержанию внешних связей, обусловленный как потребностью в новой информации (приобретении различных знаний, умений, навыков), так и стремлением к «международному признанию».

Продолжался регулярный обмен посольствами с Китаем и Силла, который, однако, по мере нарастания самодостаточности и интровертности культуры был довольно быстро прекращен (в 838 и 779 годах соответственно). Единственным внешнеполитическим партнером Японии на время осталось государство Бохай.

Система образования и конкурсных экзаменов. Формально в Японии была воспринята китайская идея конкурсных экзаменов на занятие чиновничьих должностей. Однако на практике заложенные в ней возможности вертикальной социальной мобильности оказались выхолащенными. Для детей чиновника 6-го ранга и ниже было практически невозможно достичь 5-го ранга — минимального для занятия должности при дворе. Продвижение по слу-

жебной лестнице в гораздо большей степени определялось происхождением, чем служебными заслугами. Во многом именно по этой причине в период Хэйан государственные школы чиновников сменило домашнее образование. Таким образом, вся система чиновничьих рангов, целиком заимствованная из Китая, утратила свой первоначальный смысл.

Дорожная инфраструктура. В VIII в. была создана сеть так называемых государственных дорог (*кандо*), которая соединяла столицу со всеми основными регионами. По сравнению с будущими временами эффективность системы сообщений была очень высокой. Распад дорожной инфраструктуры явился одним из проявлений утери центром значительной части своих полномочий и ослабления его контроля над периферией.

Денежное обращение. Желание походить на Китай выразилось, в частности, в чеканке монеты, впервые выпущенной в обращение в 708 г. Следующий выпуск был осуществлен только в 760 году. До 958 г. зафиксировано еще 10 эмиссий. Несмотря на настоячивые меры государства по активизации денежного оборота (повышение в ранге тех, кто аккумулировал определенные денежные средства; выплата жалованья чиновникам деньгами), в стране продолжал господствовать натуральный обмен. В X в. чеканка собственной монеты в Японии полностью прекратилась.

Буддизм. Первая половина периода Нара прошла под знаком включения буддизма в систему официальной идеологии. Однако с течением времени стало понятно, что только синтоизм с его системой сакральных генеалогий, уходящих своими корнями в традиционную мифологию, способен обеспечить аристократии сохранение привилегированного положения. Поэтому государственная поддержка буддизма сделалась намного слабее, и параллельно произошла повторная актуализация всего синтоистского мифологическо-ритуального комплекса. В начале IX в. произошло окончательное оформление синтоистского пантеона, что способствовало созданию абсолютно закрытых для посторонних элементов властных структур.

Пространство. В начале VIII в. японское государство и культура стремились к расширению своих границ. Это нашло свое выражение и в попытках продвижения на север о-ва Хонсю, и в сельскохозяйственном освоении новых земель.

С началом периода Хэйан планы по интеграции этого региона явно отошли на второй план, колонизация была приостановлена, а отношения с обитателями тех мест — племенами *эмиси* — в основном свелись к принесению теми символической дани. Истори-

ческие источники стали описывать по преимуществу пространство столицы и двора, литературные — ограничили свое видение тем пространством, которое физически доступно взгляду. Активное развитие получило моделирование природы, максимально приближенное к дому (садово-парковое искусство).

Время. «Государство *рицурё*» начиналось с письменного оформления политически ангажированной концепции прошлого, имевшей своим формальным прототипом китайское летописание. Однако после того, как осознание непрерываемой легитимности правящего рода прочно вошло в качестве основного элемента в модель государственного устройства, потребность в ведении хроник отпала, и прошлое перестало быть объектом активной государственной политики.

Язык. Если VIII в. можно считать временем почти безраздельного господства китайского письменного языка, то впоследствии сфера его использования стала сокращаться. Весьма симптоматичным было появление в период Хэйан новых классов поэтических и прозаических текстов на японском языке, полностью игнорировавших «государственную» тематику в ее китайском понимании. Подобная японизация общего строя жизни видна и в других областях культуры — живописи, скульптуре, архитектуре, costume и т.д.

* * *

Описанные выше тенденции показывают, что японское государство периода Нара (со всеми его атрибутами, включая летописание и законодательство) было в значительной степени продуктом волевой деятельности ограниченного круга социальных реформаторов, а не следствием естественной эволюции японского общества. В связи с этим «оболочка» этого государства и его «содержимое» отличались разительным образом. И на первый взгляд нарская Япония имела все внешние признаки высокочентрализованного государства «современного» (т. е. китайского) типа, то реальные процессы адаптации и «переваривания» новых для японского общества идей, установлений и институтов привели совсем не к тем результатам, на которые рассчитывали творцы законодательных сводов в VIII в. Они стремились построить империю, напоминающую Китай по своей мощи, размаху и степени централизации. Однако их не слишком далекие потомки оказались в стране, где периферия вела жизнь, вполне независимую от центра, где власть императора была скорее номинальной, чем реальной, и где большинство начинаний VIII в. приобрело не вполне узнаваемый вид.

Глава 1

ПЕРИОД ХЭЙАН (794–1185)

794 г. ознаменовался переносом на новое место императорской резиденции. Строительство новой столицы Хэйанкё, по имени которой был назван целый исторический период, ознаменовало собой начало одной из самых ярких эпох японской истории, отмеченной небывалым расцветом культуры и наложившей отпечаток на все дальнейшее развитие страны. Одновременно период Хэйан стал временем эрозии, а затем и полного распада заимствованной из Китая наделной системы землепользования (*хандэн*) и «государства *рицурё*», несмотря на все попытки центральных властей остановить этот процесс. Именно в период Хэйан в Японии получили распространение частные земельные владения *сёэн* и сложилась основанная на коммendaциях система вассальных отношений, весьма напоминавшая существовавшую в Западной Европе. Таким образом, можно сказать, что основным историческим содержанием периода Хэйан было становление в Японии феодального общества.

* * *

Усиление буддийской церкви не только в культурной и духовной, но и в политической и экономической сферах, и, особенно, события, связанные с монахом Дёкё, создавали вполне реальную опасность для императорской власти. Скорее всего, именно этим и было продиктовано решение построить новую столицу, чтобы «физически» уйти из-под влияния буддийских монастырей и провести ряд реформ, укреплявших центральную власть.

Первоначально строительство нового города началось в Нагаока в провинции Ямасиро. Но его неожиданно прекратили и перенесли на несколько километров в сторону, где и заложили город, которому суждено было оставаться императорской резиденцией вплоть до 1869 г. Прекращение строительства города Нагаока, видимо, было вызвано несчастьями, обрушившимися на императорский род и на его ближайших приближенных. Сегодня трудно выяснить все причины принятия решения о возведении новой столицы, но вполне правдоподобно выглядит предположение о том, что это, в частности, было своего рода демонстрацией силы центральной власти.

Город Хэйанкё

Строительство новой столицы и императорского дворца шло трудно. Император Камму начал его в 794 г., однако в 805 г. вынужден был его приостановить из-за оскудения казны. К тому же умерла супруга Камму, что было истолковано как следствие проклятия неуспокоенного духа Савара, и занемог наследный принц Ато (будущий император Хэйдзэй). Чтобы умиротворить дух Савара, в 800 г. ему даже был посмертно пожалован титул императора. И все же, несмотря на финансовые проблемы и скверные предзнаменования, город был возведен.

Хэйанкё, как и города Фудзивара, Хэйдзё (Нара) и Нагаока, строился по строгим архитектурным канонам эпохи китайской династии Тан. В плане город представлял собой правильный прямоугольник со сторонами 1508 *дзё*, или 4569 м, с востока на запад и 1753 *дзё*, или 5312 м, с севера на юг. Его общая площадь составляла более 24 кв. км. Подобно Нара, город был разделен на две части — восточную и западную — центральным проспектом Судзаку-бдзи шириной около 85 м. Каждая половина имела свою систему управления. Южный въезд в город в начале Судзаку-бдзи обозначали монументальные ворота — Расёмон.

Город никогда не был полностью обнесен стеной. Каждая половина города была разделена проспектами шириной 25–35 м, расположенных под прямым углом. С севера на юг было 9 проспектов, называвшихся Итидзё, Нидзё (т. е. 1-й, 2-й) и так до Кудзё (9-й), а с востока на запад шли *кёгоку бдзи* (продольные проспекты) — Хигаси-но тоин бдзи — проспект Восточный тоин, Ниси-но тоин бдзи — проспект Западный тоин, Омия бдзи — Дворцовый проспект и Судзаку бдзи — проспект Красной птицы (Феникса). Проспекты образовывали районы (*бё*), каждый из которых имел свой номер. В каждой половине города — восточной и западной — было по 34 района. Районы делились на кварталы (*тё*) улицами, которые были уже проспектов (шириной около 12 метров). В каждом районе было 16 кварталов, соответственно имевших номера от 1 до 16.

Квартал-*тё*, площадью 450 кв. м, в свою очередь делился на 32 части, которые назывались *хэнуси* и также имели собственную нумерацию. Однако идеальная симметрия плана так и не была полностью воплощена в жизнь — возможно, потому, что не нашлось достаточного числа жителей, чтобы заселить такой огромный город. Кроме того, особенности рельефа долины, где расположился Хэйанкё, делали западную часть города неудобной и ма-

допривлекательной для обитания, и она развивалась медленнее восточной, которая протянулась до берегов реки Камо уже к концу IX в. В городе было 2 рынка, и первоначально предполагалось иметь лишь 2 буддийских храма. Буддийским храмам из Нара было запрещено перемещаться в новую столицу.

Императорский дворец был расположен в северной части города и занимал площадь 4-х районов, по два с восточной и западной сторон.

Резиденции аристократов располагались в северо-восточной части города недалеко от императорского дворца, площадь их составляла несколько *тэ* (кварталов). Усадьбы включали в себя как жилые постройки, так парки и пруды.

Постепенно город рос, и к концу IX в. его население составляло, вероятно, уже около 100 тыс. чел., из которых примерно 10 тыс. были аристократами, имевшими официальные должности.

Структура хэйанской аристократии

IX век был временем оформления социальной структуры японского государства. Основой социальных отношений являлись генеалогии, которые создавались в рамках императорского мифа.

На рубеже VIII–IX вв. были написаны обращения к императорам Камму и Хэйдзэй «Такахаси-удзи буми» (789 г.), «Когосюи» (807 г.), в которых представители знатных родов, опираясь на хранившиеся у них материалы, доказывали древность и знатность своего происхождения и права на исполнение определенных функций: род Такахаси — на подготовку и принесение различных жертвоприношений богам и на обслуживание императорского стола, род Имибэ — на исполнение религиозных ритуалов. Вероятно, таких жалоб-объяснений было много, и вызваны они были, скорее всего, обращением Камму к знатым родам района Кинай с требованием представить документы относительно истории и происхождения их родов.

В 815 г. были созданы «Синсэн сёдзироку» («Вновь составленные родовые списки») — замечательный документ, в котором кодифицировалась иерархия всех знатных родов, представлявшая собой проскрипцию мифологического пантеона, на вершине которого находилась богиня Аматэрасу — прародительница императорского рода. Всего было зафиксировано 1182 рода. Высшую ступень иерархии занимали потомки царей, потомки богини Аматэрасу. Налицо было создание государственной идеологии, в основе которой лежал «императорский миф» с его сакральной генеалогией.

Роды *удзи* сохраняли церемониальные и политические функции, но на первый выдвинулись связи отдельных групп рядовых членов *удзи* с его главой, которые можно расценить как одну из ранних форм вассальных отношений. Кроме того, обозначились горизонтальные связи между группами равного социального положения. Например, в весьма разветвленном роде Фудзивара к власти допускались представители только определенных ветвей, причем приближенные к дому *сэккан* (*сэкканкэ*). Все остальные постепенно отдалялись от основного дома и политически, и генеалогически и в конце концов основывали самостоятельные дома, такие как Кандзюдзи, Канъин, Накамикадо и др. И тем не менее, Фудзивара относятся к тем 12 домам, сохранившим в эпоху Хэйан структуру *удзи*. Другими такими домами были Ё. Минамото, Томо, Такакина, Татибана, Накатоми, Имибэ, Урабэ, Косидзи, Сугавара и Вакэ.

Определить численность японской аристократии этого периода довольно трудно. Согласно «Энгисики» («Собрание правил, законов эпохи Энги», 927 г.), число людей, получавших официальные должности, составляло примерно 6 тыс. чел. Если к этой цифре добавить членов их семей, то число достигнет нескольких десятков тысяч.

Общая численность населения Японии в начале эпохи Хэйан была немногим более 5,5 млн. чел.

Земельная собственность и земельные отношения

Появление частных земельных владений

Частные земельные владения (*сё*) появились в Японии на рубеже VIII–IX веков.

Термин *сё* относился только к признаваемым государством частновладельческим правам императорского дома, высшей аристократии и крупных буддистских монастырей и синтоистских храмов. Частные владения низшей аристократии, провинциальной знати назывались *сирё*. Их владельцы должны были платить налоги провинциальным управлениям. Но в конце XI в., налоговые и территориальные иммунитеты были введены и для них.

Судя по всему, надельная система, составлявшая основу «государства *рицурё*», реально функционировала только в районе Кинай. В отдаленных от центра областях ее либо не было совсем, либо местная знать трактовала ее по-своему.

В конце VIII в. усилилось их бегство крестьян с наделов, а губернаторы провинций, монастыри и знатные землевладельцы

предлагали им землю и убежище. Налоги и трудовые повинности на государственных землях были так велики, что даже увеличенный до 12 лет срок пересмотра наделов (известно, что в IX в. пересмотр наделов осуществлялся лишь дважды — в 828 и 878–880 годах — и только в районе Кинай) не мог удержать крестьян.

В то время в провинциях появились *догō* (*до* — «земля», *гō* — «обладающий властью»), которые, хотя и не могли соперничать ни с монастырями, ни с аристократами размерами земельных владений, были единственной реальной силой в провинции. Они из года в год снабжали крестьян всем необходимым для сельскохозяйственного труда и ирригационных работ. В некоторых местностях они были единственными, кто поддерживал порядок. Некоторые *догō* впоследствии сделались начальниками уездов и сотрудничали с губернаторами — часто ради того, чтобы те закрывали глаза на рост их владений за счет освоения нови. Известны факты, что, когда *догō* не ладили с губернаторами провинций, они были вынуждены отправляться в столицу и искать патрона в лице какого-нибудь аристократа для того, чтобы обеспечить юридическое признание своих земель. По сути, это были первые факты коммendaции, оформления отношений по типу вассальной зависимости.

Надельная система, предполагавшая государственную (в лице императора) собственность на землю, в то же время давала возможность существования *кондэн зэйнэн сидзай хō* — «частного владения вновь освоенными землями». Таким образом, в государстве предполагалось фактическое сосуществование двух форм земельной собственности.

Возникновение «ранних сёэн»

В первой половине периода Хэйан возникли крупные владения буддистских монастырей и аристократии — *сёки сёэн* («ранние сёэн»; *сёэн* — система частного поместного землевладения). Среди них можно выделить два основных вида.

Государство часто жаловало монастырям и храмам лесные массивы. Предполагалось, что лес необходим для строительства и других хозяйственных нужд, однако проследить характер использования подобных земельных участков государство было не в состоянии. Предположительно, именно такой тип *сёэн* и был самым первым, к которому владелец присоединял вновь осваиваемые близлежащие земли.

Второй вид *сёэн* образовался на вновь освоенных землях, которые обрабатывались жителями соседних деревень на условиях их дополнительного наделения землей или арендных отношений,

когда рента выплачивалась раз в год либо весной, либо осенью в зависимости от размера полученного урожая.

Земельные владения крупных буддийских храмов были освобождены от налогов, в то время, как с *сёэн*, принадлежавших аристократам, должны были выплачиваться все положенные налоги. Крестьяне, поднимавшие новь, также должны были платить налог государству (во всяком случае, в районах, прочно контролировавшихся центральной властью).

Со временем разница между государственными (*кубундэн*) и частными (*дзёдэн*) землями исчезла. Обработкой и тех и других руководили «сильные крестьяне» (*тато*), и они получили общее название *фумё*. Размеры *фумё* колебались от нескольких *тё* до нескольких десятков; поэтому *тато*, обрабатывавших большие участки, называли *даймё тато*, а маленькие — *сёмё тато* (т. е. «большие» и «малые» *тато*).

Таким образом, в формах собственности на землю и в земельных отношениях произошли большие изменения. В конце VIII — начале IX вв. появились частные земельные владения и стала оформляться социальная иерархия непосредственных производителей и юридических собственников земли, связанных определенным типом отношений:

1) *Тато* — крестьянин обрабатывающий землю. *Даймё тато* могли «нанимать» бедных *тато*, иметь рабов.

2) *Мёсю* — богатый «уважаемый крестьянин», часто бывший *тато*, под контролем которого находилось несколько *тато*, как правило, обрабатывавших то или иное владение, расположенное компактно. *Мёсю* следили за обработкой полей, за сбором урожая и собирали налог.

3) *Догё* — местный землевладелец, иногда уездный начальник, который, как правило, вынужден был искать покровителя, чтобы обеспечить свои права на владение землей.

4) На верхней ступени — владелец земли, монастырь, столичный аристократ, бывший губернатор, провинциальный управляющий, *догё*.

Примером «раннего *сёэн*» может служить *сёэн* монастыря Т-дайдзи, расположенный на северо-востоке страны, в провинции Этидзэн, Эттю, Этиго. В VIII–IX вв. монастырь был самым крупным земельным собственником, площадь его владения составляла 3460 *тё* (1 *тё* = 1,2 га). Этими владениями управляло *дзотёдай дзиси* — «главное государственное ведомство строительства и поддержания монастыря». Основу владения составляли земли впервые освоенные членами монастырской общины. Для обработ

ки земель привлекались крестьяне близлежащих деревень. Иногда, как в провинции Этидзэн, на это нужно было получить разрешение уездного начальника.

Как видно из этого примера, «ранние сёэн», хотя и были частными владениями, но в определенной степени продолжали зависеть от центральной и местной властей (Тодайдзи получил полную самостоятельность по управлению владением только в XII веке). Вероятно, это было одной из причин, почему значительная их часть была заброшена в конце IX–начале X вв. Впрочем, заброшенность многих обрабатываемых земель во второй половине IX–начале X вв. могла быть и результатом тяжелых эпидемий, обрушившихся на страну в 822 и 830 гг.

В целом, можно выделить следующие характерные черты «раннего сёэн»:

1) Основным предметом собственности владельца был не получаемый в той или иной форме доход, а непосредственно земля.

2) Как правило, земля в «раннем сёэн» располагалась относительно компактно, единым массивом, или участки находились рядом, разделенные лишь межами.

3) Управлял «ранним сёэн» его непосредственный владелец, который, как правило, сам жил во владении и участвовал в каждодневных хлопотах. Таким образом, в «раннем сёэн» только начинала складываться иерархия отношений. В сёэн, являвшихся собственностью монастырей и храмов, для управления существовала специальная администрация.

4) «Ранний сёэн» не имел полного налогового иммунитета.

Появление *кисин тикэй* Структура сёэн динамично развивалась. В начале X в. образовался второй тип сёэн, так называемый *кисин тикэй* — земельное владение, образовавшееся по типу коммендации.

Непосредственными собственниками в таких сёэн были представители провинциальных управлений. Это могли быть выходцы из местной знати, получившие должности и соответствующие им земли после реформ Тайка, или люди из столицы, назначенные на те или иные административные должности. В своих владениях они имели всю полноту административной и фискальной власти. Такой мелкий землевладелец назывался *рёсю* (*рё* — частная земельная собственность).

В результате в провинциях возникли противостоящие силы — с одной стороны, местная знать, занимавшая высокие посты в провинциальных управлениях, а с другой — мелкие собственники земли, не имевшие столь прочных позиций в провинциальной ад-

министрации. Поэтому *рёсю* были вынуждены искать покровителей, способных обеспечить защиту их собственности. *Рёсю* коммендировали права собственности знатному аристократу или религиозному учреждению в столице, сохраняя за собой права непосредственного управления владением. Таким образом, в позднем *сёэн* образовалась сложная система иерархии прав.

Наверху пирамиды находились *хонкэ* — «опекуны, покровители». Как правило, в роли *хонкэ* выступали в первую очередь представители императорского дома, дома Фудзивара, еще нескольких знатных родов, а также крупные буддийские монастыри и синтоистские храмы. *Хонкэ* получали часть дохода с коммендированных им *сёэн*.

Вторую ступень занимали *рёсю* — «владельцы», сохранявшие права управления владением, за что также получали определенную часть дохода.

На нижней ступени находились *сёмин* — «земледельцы», которые не были однородны по своему составу. Среди них все более набирали силу *мёсю* — «крепкие хозяева», которые были ответственны за сбор налога с определенной группы крестьян.

Поскольку многие мелкие землевладельцы коммендировали права собственности *хонкэ*, особенность *сёэн* данного типа состояла в том, что он не представлял собой компактного владения и часто располагался в разных районах страны. Так, например, из 402 владений, принадлежавших правящей ветви дома Фудзивара, только 116 находились в центральном районе Кинай, причем значительная их часть появилась на исконных землях дома, видимо, еще как *сёэн* первого типа — в результате поднятия *пови*. Управление подобным хозяйством представляло большие сложности, поэтому был создан *мандокоро* — своего рода административный совет, в который входили старшие управляющие всех *сёэн* данного знатного дома. За свою деятельность они получали часть дохода с *сёэн*, который собирался именно *мандокоро*.

Старшие управляющие производственной деятельностью не занимались. Непосредственно управляли хозяйством, видимо, *рёсю*, в подчинении которых находились *мёсю*, отвечавшие за сбор налога, поддержание в порядке ирригационных систем, обеспечение крестьян семенным зерном, если в том возникала необходимость.

* * *

Вторая половина периода Хэйан ознаменовалась развитием земледелия и расширением посевных площадей. В японской историографии долгое время господствовала точка зрения о «средне-

вековой аграрной революции», происходившей в стране в XI–XII вв. Однако эта концепция не подтверждается объективными данными: агротехнические приемы не обнаруживали в то время сколько-нибудь заметного прогресса.

По-видимому, оживление сельскохозяйственного производства было связано с тем, что развитию земледелия в Японии тех лет была присуща цикличность, когда чередовались периоды сокращения посевных площадей в результате засух, эпидемий, а потом расширения, причем, главным образом, за счет восстановления ранее заброшенных участков. В X–XI вв. многие поля были заброшены из-за часто повторявшихся засух (например, в провинции Мино — в 1063, 1065–67, 1077, 1082 гг.), а также войн и эпидемий. Конец XI–XII вв. характеризовались обратным движением, когда началась повторное освоение ранее заброшенных земель.

Политическая история периода Хэйан

Начало нового этапа в развитии страны ознаменовалось не только строительством новой столицы, но и изменениями во всех областях жизни государства.

Борьба рода Фудзивара за политическое господство

Еще в начале VIII в. дом Фудзивара породнился с императорской династией. Так, Фухито, дочь сына первого Фудзивара-но Каматари, стала женой императора Сёму и императрицей. Таким образом, сохранился принцип, установленный еще родом Сога, когда в системе дуального правления (императорский+другой знатный род) соправители были связаны между собой родственными узами по материнской линии.

Однако Фудзивара заняли высшие посты в управлении государством не сразу, что было связано с рядом объективных причин. Прежде всего, они должны были выдержать острое соперничество с другими знатными родами (Киёхара, Татибана, Ки и Миёси), которые имели не только прочные позиции при дворе, но и родственные связи с императорским домом. Кроме того, существовали проблемы и внутри дома Фудзивара, в котором было 4 основные ветви, ведущие свое начало от четырех сыновей Фухито. К середине IX в. наиболее сильной и политически и экономически стала северная ветвь (*хокке*). Члены других ветвей либо служили в провинции (как, например, ветвь Фудзивара в провинции Муцу, которая, породнившись со знатными родами *эмиси*, стала одним

из самых сильных родов на северо-востоке страны), либо занимали небольшие должности в столице.

Фудзивара-но Ёсифуса был первым представителем дома, занимавшим высокое место в системе государственного управления. Он был женат на дочери императора Сага. В 859 г. Ёсифуса сделался *сэссё* — регентом при императоре Сэйва, возведенном на трон в возрасте 9 лет. Необходимо отметить, что Ёсифуса стал первым регентом не из императорского дома.

С этого времени власть дома Фудзивара достигла высшей точки. Система дуального правления получила дальнейшее развитие. Теперь соправителем императора всегда был представитель дома Фудзивара, дед или дядя императора по материнской линии. Несмотря на сопротивление дома Татибана, утвердилась система *сэссё* и *кампаку* — регентов при, соответственно, несовершеннолетних и взрослых правителях. Был установлен институт *сэккан сэйдзи*, сохранившийся и после того, как Фудзивара утратили высшую политическую власть — вплоть до середины XIX в. Интересно, что традиция императорского дома брать в жены женщин из дома Фудзивара прервалась только на последнем, нынешнем императоре Акихито.

Апологетический по отношению к Фудзивара литературный памятник «Окагами» («Великое зеркало»), написанный в конце XI—начале XII вв., отмечает, что «от основания государства в доме Фудзивара было 30 левых министров, 57 правых министров, 12 министров двора и ... 7 *кампаку*» — красноречивое свидетельство роли Фудзивара в государственном управлении.

Мотоцунэ, племянник Ёсифуса, сменивший его на посту регента при императоре Ёдзэй, впервые получил должность *кампаку* в 885 г. и, как свидетельствует «Окагами», «был старшим придворным в течение 27 лет, министром государства — 20 лет и управлял страной около 10 лет». Система укреплялась, однако в ней бывали и сбои, особенно в начале ее существования.

В 887 г. на трон был возведен император Уда, не имевший прямых родственных уз с Фудзивара. Мать Уда была дочерью принца Макано, одного из сыновей императора Камму. Уда, видимо, стремился к большей политической самостоятельности, чем допускал Мотоцунэ, и всячески противостоял ему. Однако Мотоцунэ был талантливым политиком и опытным царедворцем и сумел сохранить свое положение до самой смерти в 891 г.

После этого указа о назначении нового *кампаку* не последовало. Молодой император правил сам, с помощью таких советников, как Миёси и Сугавара. Противостояние между императором и

домом Фудзивара проявилось и в выборе наследника, не связанного прямыми кровными узами с северной ветвью Фудзивара, а также в том что в государственном совете (*дайдзёкан*) представители главной ветви Фудзивара занимали менее половины мест.

В 897 г. Уда отрекся от престола в пользу сына. Новый император Дайго, который вступил на престол в возрасте 13 лет и царствовал 34 года, был человеком очень одаренным, уделявшим большое внимание государственным делам. Он стремился управлять, опираясь на государственную систему *рицурё*, пытался всячески ее укреплять, хотя, как стало ясно в дальнейшем, не смог остановить процесс необратимых изменений, приведших ее распаду. Тем не менее, его правление считалось в японской исторической традиции одним из эталонных. По свидетельству «Окагами», «когда люди говорят о выдающихся императорах, то в Китае — это Яо и Шунь, а в этой стране (Японии — *Ред.*) — Энги (т. е. Дайго — *Ред.*) и Тэнряку (т. е. император Мураками — *Ред.*)».

Одной из причин, почему правление Дайго считалось «золотым веком», было строгое следование конфуцианским идеалам и соответствующий подбор высших государственных чиновников. Примером такого «достойного» должностного лица считался Миёси Киёюки, который проделал путь от преподавателя литературы в *даингаку* до должности *кампаку*. В 914 г. он представил императору Дайго «Меморандум из 12 пунктов», в котором настаивал на распространении образования по всей стране и доказывал, что именно такой подход обеспечит процветание и даст императору замечательных государственных мужей.

Все долгое время своего правления Дайго сумел обходиться без регентов из дома Фудзивара. Впрочем, это не означало, что Фудзивара утратили свои позиции. Так, в первые годы правления Дайго одной из главных фигур в государстве являлся Фудзивара-но Токихира, хотя он и не был *сэссё* и *кампаку*. При этом император и его советники часто оказывались не в состоянии противостоять силе и влиянию дома Фудзивара.

О сохранении влияния Фудзивара свидетельствует судьба Сугавара-но Митидзанэ — одной из самых замечательных личностей эпохи Хэйан. Известно, что его род первоначально занимался изготовлением *ханава*, а потом стал «сведущ в книжной премудрости». Прадед Митидзанэ был наставником императора Камму, дед — видным ученым-конфуцианцем, организовавшим частную конфуцианскую школу, а отец возглавлял *дайгакурё* — ведомство образования.

К 32 годам Митидзанэ был уже известным ученым и каллиграфом. Император-поэт Уда, чрезвычайно чтивший ученость, назначил Митидзанэ начальником дворцовых покоев, а вскоре — воспитателем наследника. Одновременно дочь Митидзанэ стала одной из жен императора. В 894 г. Митидзанэ был назначен главой посольства в Китай, но через несколько недель посольство было отменено, поскольку Митидзанэ доказал его нецелесообразность. В 898 г. Митидзанэ занял пост правого министра; до него только один ученый, Киби-но Макиби, занимал подобную должность. В 901 г. Митидзанэ получил 2-й придворный ранг.

Столь быстрая карьера была чревата опасностями, хотя Митидзанэ имел поддержку со стороны императорского дома, а также среди столичных чиновников, многие из которых были выпускниками конфуцианской школы, основанной его дедом Сугавара-но Корэёси. Давнее недовольство слишком быстрой карьерой Митидзанэ, его чрезвычайной близостью к императору привело к тому, что Фудзивара-но Токихира, в то время левый министр, обвинил его в заговоре с целью сместить императора и возвести на трон своего внука. Митидзанэ был лишен высших придворных рангов и назначен *дадзайгон-но соти* — «главным управителем» Цукуси, — что по сути означало ссылку. Там он и умер через 2 года.

Однако на этом история Митидзанэ не закончилась. На род Фудзивара обрушились различные беды, у императора в 923 г. умер наследник, и при дворе решили, что это гневается дух несправедливо обиженного Сугавара-но Митидзанэ. Ему посмертно вернули 2-й ранг. Но несчастья не прекратились, и тогда Митидзанэ был присвоен 1-й ранг и предоставлена должность *дадзэ дайджин* (главного министра). В 947 г. в Китано, к северу от Хэйан, было построено синтоистское святилище, куда поместили его труды. В 988 г. он был канонизирован под именем Тэмман-тэндзин — покровителя наук и каллиграфии. Сугавара-но Митидзанэ был первым человеком, удостоенным официального обожествления. В «Окагами» по этому поводу говорится:

«Митидзанэ умер живя на Цукуси, но его дух отправился обитать в Китано, где в одну ночь вырос сосновый лес. Это место и есть современный храм Китано, где он является божеством. Храм посещают даже императоры и почитают его. На Цукуси он пребывает в храме Анракудзи, где настоятель и служащие назначаются императорским указом».

И сегодня культ Тэмман-тэндзин — один из популярнейших в Японии.

Из-за истории с Митидзанэ Фудзивара-но Токихира вошел в историю как «жестокый» правитель. Однако при этом он был человеком, достаточно трезво оценивавшим состояние дел в государстве, видевшим причины разрушения финансовой основы центральной власти. Своими указами 897–909 гг. он пытался остановить процесс превращения государственных земель в частные владения. Но он не смог добиться прочных результатов, поскольку даже его родственники всякими способами расширяли собственные владения и добивались иммунитетов.

После смерти Токихира в 909 г. на авансцену японской политики выдвинулся его брат Фудзивара-но Тадахира. В 930 г. он получил должность *сэсэ* при императоре Судзаку. Тем временем государственная система *рицурё* продолжала разрушаться, в провинциях вспыхивали восстания. Так, в 30–40-х годах X в. произошло несколько выступлений «покоренных *эмиси*» в провинции Дэва, которые нанесли большой ущерб поселениям Ямато в этом районе. Однако самым крупным было восстание Тайра-но Масакадо, владевшего обширными землями на северо-востоке страны в провинциях Симоса и Хитати.

Тайра-но Масакадо добивался получения должности главы *кабииситё* («полицейского управления»), но Тадахира отказал ему. Масакадо, обиженный, ушел в отставку и уехал в свои владения в Кантё. В течение нескольких лет он постепенно укреплял свои позиции, и к 940 г. под его контролем находились уже 8 восточных провинций. Тогда Тайра-но Масакадо объявил себя «новым императором» и учредил свой «двор» в местечке Исии в провинции Симоса. Правительственным войскам под руководством Тайра-но Садамори и Фудзивара-но Хидэсада удалось разбить мятежников в 940 г., но тут же на западе страны против центральной власти выступил Фудзивара-но Сумитомо, которому Масакадо обещал пост *кампаку* в новом правительстве. Сумитомо удалось взять под свой контроль побережье Внутреннего Японского моря и север о-ва Кёсю. Это восстание было подавлено в следующем, 941 г., после чего император Судзаку лично отправился в храмы Камо для вознесения благодарственных молитв. Кроме того, в храме Энрякудзи были проведены службы в память павших как со стороны правительственных войск, так и со стороны воевавших.

**Пик политического
могущества Фудзивара**

Дом Фудзивара достиг расцвета к концу X в., когда во главе его оказался Митинага. Фудзивара стали тогда фактическими правителями страны.

В системе правления сохранялась та же дуальность, при которой соправители были связаны родственными отношениями по материнской линии, но она настолько окрепла, что после императора Уда на трон не был допущен ни один император, чья мать не происходила бы из правящей ветви дома Фудзивара. Поэтому для сохранения своего политического влияния Фудзивара было необходимо, во-первых, иметь дочерей, во-вторых, выдавать их замуж за императоров или наследников и, в-третьих, чтобы эти женщины производили на свет мальчиков — будущих императоров.

Обстоятельства складывались в пользу Митинага. К началу XI века он после серии интриг сделался не только самой влиятельной фигурой при дворе, но и главой дома Фудзивара. Теперь его цель заключалась в получении должности *сэссё* или *кампаку*. В 999 г. его старшая дочь Сёси стала женой императора Итидзё, и в 1008 г. у нее родился сын — принц Ацухира. Радость Митинага не имела пределов. Придворная дама и писательница Мурасаки Сикибу записала в своем дневнике:

«Митинага навещал ее [государыню] и ночью, и на рассвете... Ребенок еще ничего не понимал, но Митинага это не смущало, он поднимал его на вытянутых руках и забавлялся с ним, улаживая свое сердце. А однажды мальчик вконец забился, и Митинага пришлось распустить пояс, чтобы высушить одежду на огне за помостом. „Глядите! — радостно восклицал он. — Мальчишка меня обрызгал. Один брызгает, другой сушится — все идет как надо!“»

В 1011 г. после смерти императора Итидзё, на трон взошел Сандзё, так же, как и предыдущий император, племянник Митинага. Сандзё стал императором уже взрослым человеком, и его отношения с дядей были довольно сложными. Митинага, будучи опытным политиком и царедворцем, избегал конфронтации. Внезапно Сандзё заболел и ослеп. Это дало повод Митинага потребовать его отречения. Трон занял принц Ацухира под именем Гоитидзё. И вот, наконец, в 1016 г. Митинага, дед императора, стал *сэссё*. Ему в то время был 51 год.

Теперь Митинага беспокоил вопрос о наследном принце. По договоренности, достигнутой с императором Сандзё при отречении, наследным принцем должен был стать принц Ацуакира, но уже в 1017 г., через несколько месяцев после смерти Сандзё, регент вынудил юношу отказаться от прав на престол. По свидетельству «Окагами», вокруг Ацуакира была создана «атмосфера одиночества», а потом «Митинага сделал так, что принц соизволил отречься», а наследником стал Ацуёси, внук Митинага. Таким

образом, Митинага контролировал главный вопрос средневековой государственной политики — вопрос о престолонаследии.

В 1019 г. Митинага постригся в монахи, что, впрочем, не помешало ему продолжить государственную деятельность. В последние годы жизни он уделял большое внимание строительству храма Ходзёдзи, о котором известно, что в нем была «воссоздана вся красота и великолепие Чистой Земли». Источники свидетельствуют, что в мире не было равных по красоте изображений будды Амида.

* * *

Несмотря на то, что Митинага был *сэссё* немногим более года, а *кампаку* не был вовсе, именно при нем Фудзивара имели почти абсолютную власть, хотя формально государство продолжало жить по законам *рицурё*, когда абсолютным правителем был император. Уходя из жизни, Митинага оставлял своим наследникам власть в казалась бы стабильном государстве.

Ёримити, сын Митинага, связанный по материнской линии с императорами Гоитидзё, Госудзаку и Горэйдзэй, правил страной как *сэссё* и *кампаку* в течение 50 лет. Однако, если обстоятельства благоволили к Митинага, то от его сыновей fortuna отвернулась — ни одна из внучек Митинага не смогла родить мальчика. В результате в 1068 г. на престол взошел Госандзё — император, напрямую не связанный по материнской линии с Фудзивара, что в значительной степени подорвало их политические позиции.

Формирование системы *инсэй* Император Госандзё стал создателем новой системы правления, которая получила название *инсэй* — правление отрекшихся императоров, принявших буддистское посвящение. Этот термин был придуман историками только в XIX в. для объяснения этой формы правления.

Само по себе отречение не было новым явлением. Обычай *индзё* («удаление на покой, уход от дел») был распространен в период Хэйан не только среди императоров, но и среди глав знатных домов. Любопытны такие цифры: в течение всего периода Хэйан на троне было 33 императора, из которых 13 умерли во время правления, 1 был свергнут и 19 отреклись. Большинство из них после отречения приняли буддийское посвящение и получили титул *хоб* — «священный правитель».

Принятие буддийского посвящения получило распространение среди людей высоких рангов, поскольку обеспечивало им определенную свободу действий и одновременно некоторую защиту от «превратностей жизни». Так, императоры Сага, Уда и Энью и

после отречения сохраняли политическое влияние, постепенно брали на себя функции главы императорского дома и создавали собственный административный аппарат для ведения дел.

В самом начале IX в. появился так называемый *гоин* — «дворец для отрекшегося императора». Еще во время своего правления император выбирал один из дворцов, где он собирался пребывать после отречения, выделялись определенные земельные владения для содержания и назначались люди для ведения дел. Это было знаменательным явлением. Дело в том, что императорский дом, в отличие от других знатных домов, в IX–X вв. не имел собственных земельных владений, поскольку, согласно системе *рицурё*, он являлся верховным собственником всей земли. Появление земель, отводившихся отрекшемуся императору, было первым шагом к формированию земельных владений императорского дома.

Окончательному оформлению экономической самостоятельности императорского дома мешало то, что всеми его делами заведовали представители рода Фудзивара. После отречения в 984 году императора Энью его административный аппарат стал называться *ин-но тэ*, а служащие — *инси*; ближайшие же к отрекшемуся императору лица носили название *кинсин*.

Ин-но тэ представлял собой слаженный коллектив, состоявший из лиц, долгие годы служивших императору (часто с того времени, когда он был наследным принцем) и, как правило, не имевших родственных связей с правящей ветвью дома Фудзивара. Обычно это были высокообразованные люди, знавшие толк в составлении государственных бумаг и конфуцианской учености.

Госандзё, не имевший непосредственных родственных связей с Фудзивара, поскольку его матерью была дочь императора Сандзё, имел возможность проявить большую самостоятельность в управлении государством. Это проявилось, в частности, в уменьшении количества представителей правящей ветви Фудзивара в системе управления и в увеличении влияния дома Минамото, а также Фудзивара, не принадлежавших к правящей ветви (*сэкканкэ*).

Еще более важным было то, что Госандзё создал *кироку сёэн кэнкэйсё* (сокращенно *кирокудзё*) — «ведомство по исследованию прав на земельные владения». Владельцев *сёэн* обязали заявить о фактах обмена полей, захвата государственных земель и крестьян, о размерах полей, а также о *сёэн*, создание которых не было оформлено документами. Все владельцы должны были представить документы, удостоверявшие их права владения и права на

иммунитеты. Владения, созданные после 1045 г., предполагалось ликвидировать.

Мероприятие касалось всех частных владений — и церковных и светских, — причем земли правящей ветви Фудзивара не составляли исключения. В результате многие земли, не подтвержденные документами, были конфискованы в пользу императорского дома. К XII в. собственные владения императорского дома составили более 100 сёэн и располагались в 60 провинциях, что делало его крупнейшим землевладельцем. Госандзё увеличил штат *ин-но тё*, и это ведомство стало заниматься делами не только отрекшегося императора, но и других членов императорского дома. По характеру деятельности *ин-но тё* напоминало *мандзюкэ* других знатных домов и первоначально было сосредоточено исключительно на вопросах, связанных с земельными владениями императорского дома.

Необходимо обратить внимание на *ин-но кинсин* — группу наиболее близких к отрекшемуся императору людей. Она по-прежнему формировалась не по принципу личной преданности — ее состав определялся родственными отношениями по материнской линии. Все *кинсин* имели собственные сёэн, т. е. обладали определенной экономической независимостью. Все *кинсин* служили провинциальными губернаторами, тем самым обеспечивали интересы отрекшихся императоров в провинции. Последние же стремились продвигать *кинсин* и назначать их и на столичные должности.

Система *инсэй* означала новый этап в развитии японского государства. Во-первых произошло оформление самостоятельного императорского дома, подобного по своей структуре другим крупным домам *кузэ*, с собственной экономической базой и механизмом управления. Во-вторых, ветвь *сэкканкэ* дома Фудзивара с того времени утратила положение соправителя, хотя и сохранила привилегию выдавать своих женщин за наследников трона и императоров. В-третьих, хотя дуальность верховной власти сохранилась, ее содержание заметно изменилось: главными сделались отношения отец—сын, произошел переход от родственных связей по материнской линии к связям по отцовской.

В 1072 г. император Госандзё отрекся в пользу своего сына Сиракава, который правил страной 57 лет — до 1086 г. как император, а потом — как отрекшийся император. При этом в 1073–1086 гг. он был единовластным правителем страны.

Правление Сиракава Поначалу отец и сын были соправителями. По-видимому, решение Госандзё

править совместно с сыном было вызвано стремлением не допустить восстановления власти Фудзивара. Такая опасность существовала, поскольку мать Сиракава была дочерью Фудзивара-но Ёсинобу, младшего брата Ёримити.

Госандзё пробыл соправителем Сиракава меньше года и умер. Но и после смерти отца Сиракава не дал возможности Фудзивара восстановить их власть: наоборот, он смог существенно усилить политическое влияние и экономическое могущество императорского дома. И хотя Фудзивара продолжали оставаться самым влиятельным и богатым домом среди придворной аристократии и занимать ответственные государственные посты, все активнее стали выдвигаться и другие дома — например, Минамото Мураками. Если в 1027 г. из 24 высших государственных должностей 22 были заняты представителями правящей ветви Фудзивара, то к 1100 году более половины из них находились уже в руках Минамото Мураками, в том числе и такие важные, как *кампаку* и *садайдин* (левый министр).

В 1085 г. умер наследный принц, сын Госандзё от дочери Минамото-но Мотохира. Теперь Сиракава мог передать власть собственному сыну, который в 1086 г. был возведен на трон под именем императора Хорикава; сам же Сиракава стал его соправителем.

Первые 15 лет после отречения Сиракава не был политически активен. В то время *кампаку* был Фудзивара-но Мородзанэ, который вполне успешно сотрудничал с императором Хорикава. Однако после смерти Мородзанэ, с 1101 г., Сиракава начал открыто вмешиваться в политические дела.

В 1107 г. под именем император Тоба на трон был возведен Мунэхито, сын Хорикава. В 1123 г. Сиракава вынудил Тоба отречься в пользу сына (своего правнука), императора Сутоку. Создалась ситуация, чреватая династическими конфликтами, поскольку власть стали делить между собой сразу 3 человека — Сиракава, Тоба и Сутоку. Положение усугублялось запутанными личными взаимоотношениями. Сутоку, сын императрицы Сёси, родился вскоре после того, как она стала женой Тоба. Она, родная дочь Фудзивара-но Канэдзанэ, была удочерена императором Сиракава, который боготворил ее. Первоначально она должна была стать женой Фудзивара-но Тадамити, но Сиракава неожиданно изменил решение и выдал ее за своего сына Тоба. Некоторые источники (например, «Хёгэн моногатари» — «Сказание о годах Хёгэн», конец XII–начало XIII в.) свидетельствуют, что Сутоку был сыном Сиракава, и слухом этим полнился двор. Поэтому Тоба был

чрезвычайно недоволен, когда Сиракава вынудил его отречься в пользу Сутоку.

Сиракава умер в 1129 г., и императорский дом на 27 лет возглавил Тоба. Так же, как при его деде Сиракава, на троне за это время сменилось 3 императора: Сутоку, Коноэ и Госиракава. Сложные личные отношения, соперничество Тоба и Сутоку, обострившееся после отречения последнего, привели к событиям *Хбэн-но ран* (смуты годов Хбэн), в которых императорский дом утратил политическую власть, перехваченную новым сословием — *буси* (воинами).

Смута годов Хбэн События *Хбэн-но ран* произошли в 1156 году, сразу после смерти отрекшегося императора Тоба. Причиной их стала, во-первых, вражда между Тоба и Сутоку и, во-вторых, противостояние, возникшее внутри правящей ветви дома Фудзивара (*сэкканкэ*).

Отрекшийся император Тоба, в целом, продолжал политику своего деда по укреплению позиций императорского дома, особенно его экономического положения. В *ин-но тё* он назначал людей из тех же домов, но гораздо больше внимания уделял императорского дома. Если после правления Сиракава осталось очень мало документов, свидетельствующих об образовании императорских *сёэн*, то Тоба, напротив, уделял увеличению земельной собственности императорского дома большое внимание. Так, Хатидзёин — одно из самых крупных императорских владений, созданных в то время, — состояло из 20 отдельных *сёэн*.

Пока императорский дом укреплялся, правящая ветвь рода Фудзивара пребывала в определенном кризисе. Судя по всему, ее глава Фудзивара-но Тададзанэ не принял факта политического усиления императорского дома при Сиракава, но его попытки восстановить былые позиции своего рода потерпели неудачу, и он покинул столицу и более чем на 10 лет удалился во владение Удзи.

В дальнейшем Тоба помирился с Тададзанэ, и вернул его в Хэйанкё. Пока Тададзанэ был не у дел, дом Фудзивара возглавлял его сын Тадамити, но после своего возвращения Тададзанэ стал готовить себе в преемники не Тадамити, а младшего сына Ёринага. Это посеяло семена вражды между братьями.

Одновременно обострился и вопрос о престолонаследии внутри императорского дома. Тоба мечтал передать власть по линии своего младшего сына Коноэ, но тот умер, не оставив наследника. По старшинству наследным принцем должен был стать сын отрекшегося императора Сутоку, внук Тоба, но Тоба и Бифуку Монъин (любимая жена Тоба и мать Коноэ) стремились передать трон

приемному сыну принцу Морихито. Однако у Морихито был жив отец, Масахито, и по правилам именно он имел преимущественные права на престол.

В 1155 г. Масахито вступил на трон под именем императора Госиракава, а Морихито был провозглашен наследным принцем. По решению нового императора должность *кампаку* занял Фудзивара-но Тадамити. Предполагалось, что его младший брат Ёринага станет наставником наследного принца, но он отказался от этого. Таким образом, отрекшийся император Сутоку оказался вторично отставленным от власти своим отцом Тоба, а Тададзанэ и Ёринага также не получили желаемых постов. Их объединило недовольство политикой Тоба, и они задумали «добиться справедливости» силой.

Через несколько дней после смерти отрекшегося императора Тоба в 1156 г. императору Госиракава стало известно, что Тададзанэ и Ёринага собирают войска в своих владениях в Удзи. Тогда император отдал приказ Минамото-но Ёситомо захватить усадьбу Ёринага в столице. На улицах Хэйанкё произошло сражение. В императорском войске отличился Тайра-но Киёмори, получивший за это 4-й придворный ранг и провинцию Харима в управление. Во время сражения Ёринага был ранен и вскоре умер, а Тададзанэ бежал в Нара, уступив таким образом все свои полномочия Тадамити. После победы правительство конфисковало все владения Ёринага. Отрекшийся император Сутоку был сослан в провинцию Сануки, где и умер в 1167 г.

Этими событиями завершился период непосредственного правления императорского дома, после чего началась борьба за власть между Минамото и Тайра.

Формирование военного сословия

Долгое время считалось, что японское государство периода Хэйан не имело сколько-нибудь определенной военной организации. Однако исследования последних лет показывают, что формирование новой социальной группы — военного служилого дворянства, или самураев — началось задолго до второй половины XI века, когда они выдвинулись на общественную авансцену.

Появление «военных» родов

Роды, «специальностью» которых стало военное дело, обозначились довольно рано. В VIII в. потомственными воинами были Отомо, Саэки, Саканоуэ, а в IX в. — Оно, Окура.

К началу IX в. северо-восточная часть о-ва Хонсю оставалась вне контроля государства Ямато. Население этого района в хрониках носило общее название *эмиси* вне зависимости от этнической принадлежности. В результате военных походов 801 и 811 годов в состав японского государства были включены провинции Муцу и Дава, где были установлены пограничные посты.

Те *эмиси*, которые выказали лояльность по отношению к новой власти, получили должности в провинциальной администрации и были привлечены к охране территории. Войска *эмиси* представляли собой хорошо организованные боевые кавалерийские отряды, превосходившие дружины Ямато по выездке и боеспособности. В X–XII вв., вплоть до северного похода Минамото-но Ёритомо в 1189 г., наиболее крупные роды, происходившие из *эмиси* (Абэ, Киёхара), и породнившаяся с ними северная ветвь рода Фудзивара создали практически самостоятельные владения в этих провинциях. И, вероятно, истоки воинского, самурайского искусства, во многом следует искать на северо-востоке.

Вторая половина IX и начало X вв. отмечены постоянными восстаниями на северо-востоке (в 848, 875, 883 и 90-х годах). В целом, конец IX в. был беспокойным временем. Провинциальные чиновники в сообщениях в столицу часто жаловались на бесчинства *сюба-но тб* («конных банд»), которые грабили и убивали население. Известны факты, что они нападали на усадьбы управителей провинций (в 901 г. — в провинции Этидзэн, в 905 г. — в провинция Хида), грабили провинциальные склады, убивали чиновников.

Правительство принимало ответные меры. В IX в. в центральной и северной Японии были созданы посты *кэбииси* — своего рода военизированной полиции. В период между 889 и 898 гг. в наиболее беспокойный район, провинцию Кодзуса, управителем был назначен принц Такамоти, которому было даровано имя Тайра, записываемое иероглифом «усмирять, успокаивать». В 901 г. был издан закон, расширивший права управителей провинций, согласно которому они могли самостоятельно, не дожидаясь императорского указа, поднять войска для поимки преступников. Были также сняты ограничения на размеры военных отрядов, находившихся в подчинении провинциальных властей. Можно сказать, что на востоке страны региональные особенности получили и некоторое юридическое оформление.

С конца X в. среди «военных» домов на первый план выдвинулись Тайра и Минамото. В период *инсэй* у отрекшихся императоров служили *хокумэн-но буси* — дворцовые стражники, которых

возглавляли *тёрё*. Последние выбирались либо из Гэндзи (Минамото), либо из Хэйси (Тайра) — родов, имевших в то время самые крупные и боеспособные военные отряды. И хотя *тёрё* не занимали никаких «военных» государственных должностей, они фактически были командующими «официальной» армией, в которую в случае необходимости преобразовывались их отряды.

Кроме того Тайра и Минамото «выказывали почтение» по отношению к таким государственным людям как Фудзивара-но Митинага, за что получали официальные государственные посты и ранги. Многие представители этих домов становились управителями провинций, что способствовало их обогащению и росту их политического влияния.

Организация вооруженных сил

В IX–X вв. в Японии сложилась двуступенчатая система организации вооруженных сил. На постоянной основе существовали два вида военных формирований: столичная гвардия и провинциальные отряды, подчинявшиеся непосредственно управителям-*дзурё*. Таким образом, военная система была как бы «столичной» и «провинциальной».

Поначалу столичные силы состояли из стражи императорского дворца и городских ворот и столичной гвардии. Согласно «Тайхрё», последняя должна была формироваться рекрутскими наборами в провинциях, а стража дворца и ворот — из представителей столичной и провинциальной знати. Вероятно, данная система изначально функционировала плохо, и в 792 г. столичную гвардию ликвидировали. Главным военным ведомством в столице стало «полицейское управление» (*кэбииситё*), созданное в начале IX в., а к X в. превратившееся в крупное учреждение, организованное по типу других государственных ведомств и имевшее в своем штате как чиновников, так и воинов. Однако собственно военные отряды «полицейского управления» в X–XI вв. были небольшими, вероятно менее 500 чел.

Кроме «официальных» сил имелись еще и военные отряды аристократических домов (*сёка-но хэйси*). Их существование не было предусмотрено законодательством, но, видимо, именно они были наиболее боеспособны. В дневниках аристократов того времени встречается много упоминаний о схватках между такими отрядами, происходивших на улицах столицы. Императорский двор время от времени издавал малоэффективные указы, запрещавшие частным лицам пользоваться оружием. Вообще же, в X–XI вв. просматриваются тесные связи между «официальными» и «част

ными» военными отрядами; предположительно, в них даже могли служить одни и те же люди.

Среди столичных жителей — как аристократии, так и ее окружения — было много первоклассных стрелков из лука и людей, искусно владевших мечом. Популярным развлечением тех лет были состязания в стрельбе из лука на скаку — *ябусамэ*. Аристократы-обладатели высоких рангов сами, как правило, не принимали участия в подобных состязаниях, но охотно обеспечивали своих лучших стрелков «конем и луком».

Провинциальные военные отряды были двух типов: отряды управителей и отряды местных знатных домов. Первые, в свою очередь, состояли из частей непосредственного подчинения и «воинов провинции», так называемых *кунни-но цувамокодомо*. В непосредственном подчинении находились приближенные к управителю представители провинциальной знати, которых, наверное, можно уже назвать вассалами. Кроме них, в отряды включались чиновники провинциальных управлений (*дзай-тё-но каннин*), в обязанности которых входил контроль над изготовлением оружия в данной провинции. Самыми крупными отрядами обладали главы приграничных провинций севера и юга страны, а также побережья Внутреннего Японского моря.

«Воины провинции», видимо, были связаны с провинциальным управлением длительными отношениями: либо службой в пограничной страже, либо организацией охоты, либо участием в храмовых церемониях.

Что касается военных отрядов местных знатных домов, то их «частный» характер (как и в столице) проявлялся только в источнике содержания их воинов. Для государственных и «частных» военных формирований существовало строгое общее правило: они могли выступить только после получения письменного указа-разрешения императорского двора. Если это правило не выполня-

Воинские доспехи периода
Хэйан

лось, то нарушитель объявлялся бунтовщиком, и государство направляло своего представителя для наведения порядка.

Отряды *кабииситё* и отряды управителей провинций содержались на налоги, собираемые центральной властью. По мере того как сумма поступающих в столицу налогов уменьшалась, воины переходили служить в отряды *тобрё* или служили в двух отрядах одновременно, поскольку *тобрё* стабильно обеспечивал своих воинов, а государственное ведомство давало им должность и ранг, определявшие их социальный статус.

Междоусобные войны XI–XII вв.

Военные конфликты периода Хэйан были затяжными и кровопролитными. Оружие, которое использовали японские воины, оставалось практически неизменным: лук, стрелы, меч и копье. Во второй половине XI в. меняется техника ведения боя — все чаще упоминаются факты единоборств, т. е. форма присущая самурайским боям последующих эпох.

Период доминирования Минамото

Вскоре после смерти Фудзивара-но Митинага произошло восстание Тайра-но Тадацунэ. Оно началось в 1028 г. в провинциях Кадзуса и Симоса и по характеру было борьбой между Тадацунэ и Наоката за главенство в кантосской ветви дома Тайра.

Для наведения порядка в Кантё двор направил Минамото-но Ёринобу. В 1031 г. Ёринобу вернулся в столицу «с головой Тадацунэ» и его плененными сыновьями. Последним было даровано прощение: вероятно, центральная власть опасалась новых осложнений в Кантё. Восстание нанесло огромный ущерб району, погибло много мирных жителей, было уничтожено множество полей, и на экономическое восстановление потребовалось долгое время. Одновременно, восстание продемонстрировало политическое и экономическое значение военной силы Тайра и Минамото, хотя пока еще регулируемой центральной властью.

Во второй половине XI в. японское государство потрясли войны на северо-востоке о-ва Хонсю.

Война 1051–1062 гг., вошедшая в историю под названием 9-летней, началась в провинции Муцу и так же, как предыдущие конфликты, происходившие в северо-восточной части страны, официально интерпретировалась как противостояние «варваров» *эмиси* и культурного центра.

Поводом к началу военных действий был отказ Абэ-но Ёритоки, главы знатного местного рода, от уплаты налогов центральной

власти. Род Абэ управлял несколькими областями в провинции Муцу по меньшей мере на протяжении 100 лет. В его владения входили бассейн р. Китаками и крепость Идзава — территории, покоренные Саканоуэ-но Тамурамаро в IX в. Представители рода Абэ занимали наследственные должности в провинциальном управлении, собирали налоги, поддерживали мир и порядок от имени центральной власти.

Деревянная статуя
сивгонского бо-
жества Хатиман.
Храм Тōдзи в
Киото. IX в.

Губернатор провинции Муцу поднял отряды против бунтовщика, однако был разбит. Военные действия продолжались с 1051 по 1062 г. с переменным успехом. Окончательную победу правительственным войскам удалось одержать под руководством Минамото-но Ёриёси, сына Ёринобу, подавившего в 1031 г. восстание Гайра-но Тадацуна. Ему были предоставлены широкие полномочия непосредственно привлекать провинциальные власти и различные военные отряды провинций без предварительного обращения к императорскому двору. Численность сил Ёриёси была не-

большой (1–3 тыс. чел.), но, в отличие от военных действий IX в., столичные войны по мастерству владения луком и стрелами сравнялись с *эмиси* провинций Муцу и Дэва. На этой войне прославился Ёсиизэ, старший сын Ёриёси, которого «варвары» прозвали «сыном Хатиман», бога войны.

Назначение Минамото-но Ёриёси управителем провинции Муцу и военным командующим, показывает, что правительство по-прежнему использовало военные отряды аристократических домов для выполнения государственных задач. Новым, однако, было то, что, в отличие от прежних командующих, ни Ёриёси, ни кто-либо из его ближайшего окружения никогда не служили в дворцовой страже, так что Ёриёси получил высокое назначение в значительной степени благодаря тому, что был известным воином. Новым было и то, что когда Ёриёси за свой успех был награжден должностью управителя провинции Иё (о-в Сикоку), он отказался отправиться к месту нового назначения до тех пор, пока не будут награждены 10 его ближайших сподвижников. Такое поведение было не чем иным, как проявлением нового типа социальных отношений, сложившегося к тому времени в доме Минамото — Ёриёси уже имел определенные обязанности как сюзерен. Это сыграло огромную роль в последующем возвышении рода Минамото.

В 1083–1087 гг. Ёсиизэ, сын Ёриёси стал главным действующим лицом следующей, т. н. 3-летней войны, завершившей спор за главенство на северо-востоке. Его противником был тогда род Киёхара. В отличие от всех предыдущих конфликтов Киёхара не нарушили никаких законов центральной власти, продолжали исправно собирать и выплачивать налоги и выражать почтение двору. Поэтому, когда Минамото-но Ёсиизэ доложил о победе, двор не только не наградил его, но определил этот конфликт как «личную месть Ёсиизэ», лишил его губернаторства в Муцу и заставил выплачивать долги по налогам провинции за все годы войны. Ёсиизэ выплатил весь долг только к 1096 г. Борьба между Киёхара и Минамото-но Ёсиизэ, как часто бывает в истории, закончилась поражением обеих сторон. В результате спорную местность получила в управление одна из ветвей дома Фудзивара.

Впрочем, несмотря на непризнание двора, Ёсиизэ стал знаменитым, уважаемым воином в районе Кантё. Войны, сражавшиеся под его началом в 3-летней войне, продолжили служить ему и его потомкам. Выросло число его вассалов, увеличились земельные владения, поскольку многие мелкие землевладельцы коммендировали ему свои участки.

Отрекшийся император Сиракава, опасаясь дальнейшего усиления влияния Ёсиэ, в 1091 г. издал специальный указ, запрещавший землевладельцам коммендировать ему земли. Однако в конце концов Ёсиэ получил прощение и даже дозволение входить в личные покои императора. В целом же, история 3-летней войны и последовавших событий показывает, что сила центральной власти в конце XI в. была еще очень значительной.

Возвышение дома Тайра Положение дома Тайра в XI в. при дворе было не таким прочным, как положение дома Минамото. Однако политическому возвышению Тайра способствовали как политические ошибки Минамото (старший сын Ёсиэ за грубость, допущенную по отношению к императорскому двору, был сослан в провинцию Сануки, откуда через некоторое время бежал в Идзумо, где поднял восстание, подавленное в 1108 г. Тайра-но Масамори), так и услуги, которые Тайра оказывали отрекшимся императорам Сиракава и Тоба. Тайра-но Корэхира еще в X в. получил земли в провинции Исэ, и с тех пор Тайра сделались самым сильным домом в Западной Японии.

Издавна действовавшие во Внутреннем Японском море пираты доставляли большие неприятности не только населению прибрежных районов, но и столице. Морские разбойники грабили суда, нападали на путешественников. В 1129 г. двор издал указ о назначении Тайра-но Тадамори командующим по усмирению пиратов. По-видимому, он действовал не вполне успешно, поскольку в 1135 г. последовал новый указ — обращение ко всем губернаторам прибрежных провинций начать активные боевые действия. На этот раз Тадамори успешно справился с поставленной задачей, и через несколько месяцев в столицу стали поступать сообщения о победах над пиратами. В 1139 г. Тадамори вновь сумел отличиться при усмирении монахов монастыря Кёфукудзи, когда они, разгневанные нападением неизвестных на дом настоятеля, отправились походом из Нара в столицу. Однако наибольшую славу дому Тайра принес Тайра-но Киёмори, сын Тадамори.

Происхождение Киёмори окутано тайнами и легендами. Одна из них утверждает, что он был реинкарнацией Дзиэ, патриарха школы Тэндай, умершего в 985 г. Другая, рассказанная в «Хэйкё моногатари» («Повесть о доме Тайра», начало XIII в.), свидетельствует, что отрекшийся император Сиракава в знак благодарности за оказанную ему услугу пожаловал Тадамори свою наложницу, которая уже носила ребенка. Если бы родилась девочка, Сиракава сам обеспечил бы ее воспитание, но родился мальчик, и отрекшийся император решил, что Тадамори следует усыновить его.

Смута годов Хэйдзи. Фрагмент свитка XIII в.

То ли по причине кровного родства с императорским домом, то ли благодаря высокому положению отца при дворе, Киёмори сделал очень быструю карьеру. В 1146 г. он стал управителем провинции Аки. В должности он показал себя умным и рачительным правителем, построил гавань в Хёго, способствовал развитию мореходства и торговли во Внутреннем Японском море, построил дороги на территории провинции.

В 1159 г., когда Тайра-но Киёмори с семьей совершал паломничество, по-видимому, в храмы Кумано, Минамото-но Ёситомо и Фудзивара-но Нобуёри захватили в столице императора Нидзё и отрекшегося императора Госиракава и заставили подать в отставку Фудзивара-но Митинори, который после событий 1156 г. стал главной политической фигурой страны.

Митинори не только был доверенным лицом отрекшихся императоров Тоба и Госиракава, но и имел тесные связи с Киёмори, женив своего сына на его дочери. Таким образом, на одной сторо-

не конфликта, вошедшего в историю под названием *Хэйдзи-но ран* (смута годов Хэйдзи, 1159–1160 гг.), оказался императорский дом, часть дома Фудзивара и Тайра-но Киёмори, а на другой — Фудзивара-но Нобуёри, потерявший свой пост после возвышения Митинори, и Минамото-но Ёситомо. Последний командовал армией Госиракава во время событий годов Хōгэн, однако был награжден только 5-м рангом, в то время как Киёмори — 4-м, да еще и провинцией Харима в управление. Кроме того, Ёситомо потерпел неудачу, пытаясь женить своего сына на одной из дочерей Митинори. Обида объединила Нобуёри и Ёситомо.

Столкновения в столице продолжались около двух месяцев и завершились поражением восставших. Ёситомо и его старшие сыновья погибли. Эти события дали возможность Тайра Киёмори сосредоточить в своих руках огромную власть: как говорилось в «Повести о доме Тайра», «Киёмори сжимал в деснице всю Поднебесную среди четырех морей». В 1167 г. Киёмори занял пост главного министра (*дэдзэ дайдзин*), а три его ближайших родственника, в их числе Сигэмори — старший сын и наследник, — получили высшие должности при дворе.

Сигэмори был доверенным лицом отрекшегося императора Госиракава и знаменитым воином. Именно ему было поручено наказывать разбойников на востоке о-ва Хонсю и пиратов с о-ва Кюсю, прибывших суда, перевозивших налоги. Для этого ему были предоставлены политические и военные права в масштабах всего государства.

Назначение Сигэмори дало возможность Киёмори удалиться от дел и принять буддийское посвящение. Вероятно, к этому его подвела внезапно постигшая его болезнь. Киёмори переселился вединенное горное владение дома Тайра в Фукухара близ побережья Внутреннего Японского моря.

Сигэмори попытался использовать полученные военные полномочия, в частности, во время вооруженных походов буддийских монахов на столицу. Так, в 1169 г., когда монахи монастыря Энрякудзи потребовали наказания одного из чиновников провинциального управления Овари, Сигэмори собрал отряд и готов был выступить покарать восставших. Однако двор не допустил применения силы и выполнил требования монастыря. Тогда авторитет буддийской церкви взял верх над военной властью.

Тайра-но Сигэмори

В конце 60-х-начале 70-х годов XI в. дом Тайра сделался одним из самых богатых в государстве. Их экономическое процветание зиждилось на доходах, получаемых с пожалованных провинций и от торговли с Китаем. В то время двор широко использовал практику передачи отдельным аристократам и монастырям провинций в кормление (т. е. передачи права на получение доходов с провинции). Так, в 1170 г. роду Тайра были дарованы 4 провинции; таким образом, он получил право сбора налогов уже с 7 провинций, поскольку ранее уже имел в кормлении 3. Одновременно Киёмори фактически контролировал торговлю с Китаем, доходы от которой делил с отрекшимся императором Госиракава. Известно, что сунские купцы посещали Фукухара, привозили

шелк, фарфор и другие товары. Чтобы сохранить благоприятные условия для торговли, Киёмори уделял большое внимание состоянию портов и гаваней во Внутреннем Японском море, особенно в заливе Хаката и на побережье провинций Аки и Бинго.

Дом Тайра использовал политическую власть и экономическое могущество для создания особой системы отношений со своими сторонниками. К сожалению, в источниках сохранилось мало информации о вассалах Тайра в конце периода Хэйан. По некоторым подсчетам, их было 612. Вассалы дома Тайра имелись в 49 провинциях из 69; таким образом, влияние Тайра распространялось почти на все государство.

Вероятно, дом Тайра уже имел какую-то систему управления своими вассалами, большая часть которых была сосредоточена в центральном районе и в Кантō. В основе отношений лежало обеспечение службой в столице, что для воинов из отдаленного Кантō было важно, поскольку давало возможность установить отношения со столичными аристократами, главным образом, с помощью браков, а благодаря этому приобрести должности при дворе, найти патрона, которому можно было бы коммендировать свои земли, а также получить земли в кормление. Конечно, эти социальные связи еще не были такими устойчивыми и разносторонними, как впоследствии у дома Минамото, когда среди воинов сложится строгая иерархия, и каждый будет награждаться за службу должностями, землей и т.п. соответственно своему уровню.

Тайра-но Киёмори «возвысился до самого почетного сана», став главным министром (*дадзэ дайджин*). При этом его сыновья были министрами, 16 его ближайших родственников получили высшие ранги, 30 — стали придворными, многие — губернаторами провинций или служили в императорской гвардии. Однако главной мечтой Киёмори было сделать свою дочь императрицей и самому стать *сэссэ*. Свою политическую власть в государстве Киёмори по-прежнему строил по принципам придворной аристократии: добиваться высших постов в системе управления, выдавая своих дочерей замуж за членов императорского дома и дома Фудзивара.

Чтобы соблюсти сложные правила брачных отношений внутри императорского дома, Киёмори вынудил Госиракава удочерить свою дочь: только после этого становился возможен ее брак с наследником трона. В 1171 г. дочь Киёмори стала императрицей, а в 1178 г. родила сына, будущего императора Антоку. Таким образом, чаяния Киёмори наконец исполнились: он совершенно за-

конно стал самым влиятельным человеком в государстве, сделавшись *сэссё*.

Война между Минамото и Тайра

В 1177 г. отрекшийся императора Госиракава и Фудзивара-но Наритика возглавили заговор против власти Тайра. Заговорщики собирались в местечке Сисигатани, недалеко от столицы. Киёмори стало известно о заговоре. Во время одного из собраний заговорщики были арестованы, многие казнены или сосланы. В конце 1179 г. вооруженный отряд вошел в Хэйан, арестовал отрекшегося императора и препроводил его в резиденцию в Тоба. Киёмори освободил от государственных постов многих доверенных людей Госиракава, присоединив их земельные владения к своим.

Тем временем недовольство властью Тайра Киёмори росло. «Повесть о доме Тайра» свидетельствует:

«Правитель-ипок, не внимая людской хуле, зная творил дела, одно чуднее другого, ... вносил смуту в управление страной, раздавал должности и чины по своему единоличному усмотрению, ... причинял страдания и горе людям, ... помышлял государственным чиновниками как своими рабами, ... не заботился о народе, ... казнил... сосылал... поступал своевольно».

Осенью 1180 г. Минамото-но Ёритомо во главе небольшого вооруженного отряда покинул Идзу и направился к столице. Войско Тайра разбило отряд Ёритомо в местечке Исибаси, но Ёритомо удалось спастись. В государственном указе Ёритомо был объявлен мятежником, сам же он заявлял, что призван принцем Мотихито (сыном Госиракава) наказать Тайра.

За несколько месяцев Ёритомо сумел собрать большую армию, и в битве при Фудзикава нанести поражение Тайра, которые после этого навсегда потеряли контроль над Кантō. Эти события послужили началом *дзисёдзюэй-но ран* — смуту годов Дзисё-Дзюэй (1177–1185 гг.), или *гэмпэй гассэн* — междоусобную войну Тайра и Минамото.

Примерно тогда же разгорелся конфликт между Киёмори и монастырями Нара, недовольными тем, что Киёмори поддержал их вечных противников — монахов монастыря Энрякудзи — во время очередного выступления против чиновников отрекшегося императора. В результате был сожжен монастырь Кёфукудзи в Нара, более 3 тыс. чел. сгорели заживо, а Киёмори приобрел смертельных врагов среди буддийского духовенства.

В 1181–1183 гг. наступил перерыв в боевых действиях между Тайра и Минамото. Весной 1181 г. умер Тайра-но Киёмори. На

совете у отрекшегося императора Госиракава, в присутствии нового главы дома Тайра-но Мунэтори, Ёритомо был объявлен мятежником. Во главе армии, которая должна наказать бунтовщика, был поставлен Тайра-но Сигэхира, 5-й сын Киёмори. В свою очередь, Ёритомо также продолжал усиливать свою армию.

В 1181–1182 гг. на страну одновременно обрушились страшный голод и эпидемия чумы. В «Хёдзёки» (Камо-но Тёмэй, «Записки из келы», XIII в.) есть упоминание, что погибло по меньшей мере 42300 чел. Особенно сильно пострадали столица и задние районы, где влияние дома Тайра было наибольшим.

К началу 1185 г. Ёритомо вынудил Тайра покинуть столицу. Император Антоку, его мать, и сохранившие ему верность придворные переехали было во дворец Дадзайфу на о-ве Кёсю, но восстания в этом районе вынудили их перебраться в Ясима на о-ве Сикоку.

Тем временем командующим флотом был назначен Минамото Ёсицунэ, сумевший обеспечить быструю и полную победу Гэндзи. На пяти кораблях с отрядом в 1500 чел. он разгромил оборону Ясима. Император Антоку и его окружение бежали. Через месяц после этих событий, усилив свой флот, Ёсицунэ был готов к сражению. Оно состоялось весной 1185 г. у Данноура и закончилось полной победой Минамото. Большинство командующих Тайра либо погибли, либо были взяты в плен; лишь единицам удалось спастись. Тайра-но Токуко с сыном, 7-летним императором Антоку, предпочла броситься в море, чем сдаться в плен.

Битва при Данноура как бы поставила точку в политической истории периода Хэйан или, если смотреть шире, в истории «государства *рицурё*». Начался новый этап развития японского государства, сопровождавшийся изменением структуры японского общества, формированием сословия воинов (*буси*), созданием новой системы управления и новых социальных отношений.

Развитие японского буддизма

Рост влияния буддизма, его стремление полностью охватить духовную сферу, вошли в определенное противоречие с традиционной идеологией японского государства, где местные культы имели глубокие корни, а буддизм пока еще не вошел в комплекс верований основной массы народа. В то же время буддизм осознавался правящими кругами как сила, несущая более высокую культуру. Кроме того, значительная часть высшей части японско-

го общества была выходцами с материка, и буддизм был органичной частью ее мировоззрения. Все это требовало трансформации буддизма, его приспособления к японским условиям. Поэтому появление именно в то время двух выдающихся буддийских проповедников, основателей школ Тэндай и Сингон, вряд ли можно считать случайным.

Появление школы Тэндай

Сайтё (посмертное имя Дэнгё-дайси) родился в провинции Оми, в доме Мицу, который традиция связывает с потомками китайской династии Поздняя Хань. Свое религиозное образование он начинал в монастыре Дайандзи, где приобрел интерес к церемониям в горных скитах и медитации. В 783 г. Сайтё принял монашество и в 785 г. поселился в хижине у горы Хиэй — поступок, который демонстрировал решимость отойти от «официальной» церкви и следовать путем отшельничества и самосовершенствования.

В дальнейшем Сайтё получил покровительство императора Камму и в 797 г. стал одним из высших иерархов при хэйанском дворе. В 804–805 гг. он посетил Китай, где встречался с патриархами школы Тяньтай, основой религиозной практики которой была медитация. После возвращения Сайтё в Японию император Камму заинтересовался его рассказами о «тайном учении» и приказал переписать привезенные им из Китая сутры и тяньтайские трактаты и разослать их в 7 главных нарсских монастырей.

В 805 г. Сайтё обратился к императору с просьбой разрешить основать школу Тэндай и получил на это «высочайшее соизволение». В основе учения школы лежало центральное положение махаяны о всеобщем спасении, о том, что природа Будды присутствует в каждом человеке, и цель жизни состоит в том, чтобы развивать ее до тех пор, пока не наступит полное освобождение от цикла перерождений. Главной в учении стала «Сутра лотоса благого Закона» (санскр. *Saddharma-puṇḍa-rika-sūtra*, яп. «Мёхё рэнгё», ее общепринятое сокращенное название — «Хоккэкё», т. е. «Сутра лотоса»).

Монастырь на горе Хиэй стал большим религиозным комплексом, где монахи совершенствовали свои знания и практику. В лучших традициях дальневосточного буддизма Тэндай не отвергала учений других школ. Поклонение Шакья-Муни не исключало обращения к буддам Вайрочана и Амида, к богине Каннон, к другим буддам, бодхисатвам и синтоистским божествам, с которыми они ассоциировались. Видимо, не будет преувеличением сказать,

что именно школа Тэндай способствовала широкому проникновению буддизма в народное сознание в конце периода Хэйан.

Однако основателю одной из самых крупных школ японского буддизма не суждено было увидеть полного воплощения своей мечты. Сайтё не дожил до официального принятия его проектов двором. Только через год после его смерти монастырский комплекс, названный Энрякудзи, получил полную самостоятельность.

Дальнейшее развитие школы Тэндай было связано с именем Эннин, возглавившим ее в 854 г., после чего в ней произошел поворот к «тайному учению», к ритуальной стороне. Помимо заметного вклада в развитие японского буддизма, Эннин получил известность своими дневниками, которые он вел во время своего почти 10-летнего пребывания в Китае, где он учился у монахов храмов горы Утайшань и столичных храмов. Они содержат интереснейшие факты из жизни Китая 30–40 гг. IX в., увиденные глазами японца.

Школа Сингон и *рёбу синтё*

Основатель второй, не менее известной буддийской школы эпохи Хэйан — школы Сингон — Күкай (посмертное имя — Кобб-дай-си), родился в 774 г. на о-ве Сикоку в семье провинциального чиновника, принадлежавшего к роду Саэки. В отличие от Сайтё он получил классическое конфуцианское образование в семье своего дяди, который был наставником принца. Күкай отправился в столицу Хэйдзёкё (Нара), где учился в *даинзаку*, видимо, готовясь сделать карьеру чиновника, но в дальнейшем решил посвятить себя служению буддизму. Его привлекла Махавайрочана-сутра («Сутра Большого Света», санскр. Mahavairochana sutra, яп. «Дайнитикё») — позднее, но важное дополнение к буддийскому канону, которую трудно постичь, а тем более практиковать без наставника. В Японии не было проповедника, способного ввести в учение нового последователя. Поэтому в 804 году вместе с официальным посольством Күкай отправился в Китай. Существует не подтвержденное предположение, что он плыл туда на одном корабле с Сайтё. Так или иначе, в Китае пути их разошлись, и Күкай отправился в Чанъань.

Вероятно, Чанъань, лежавший на Великом шелковом пути, в то время был крупнейшим городом мира, с населением около миллиона человек, с красивейшими храмами различных конфессий — от зороастризма до несторианства. В этом городе Күкай стал учеником Хуэйго — 7-го патриарха буддизма. Он не только изучал буддизм, китайскую поэзию, каллиграфию, санскрит, но и интересовался всякими техническими достижениями, которые

ему впоследствии удалось внедрить в Японии. На родину Кūkай привез коллекции свитков по буддизму, литературе, поэзии, живописи, а кроме того, кисти для каллиграфии, чай и семена апельсина. Даже Сайтё скопировал списки привезенных им коллекций.

Кūkай был удивительной фигурой, по масштабу личности и таланту сопоставимой с гениями итальянского Возрождения. Он писал стихи и литературоведческие трактаты о системе китайского стихосложения, а также лингвистические работы, в которых сопоставлялись китайский язык и санскрит. Кūkай считается одним из создателей японской азбуки. Известно также и о его участии в руководстве строительством дамб на о-ве Сикоку и в провинции Ямато.

Религиозное наследие Кūkай включает в себя более 50 трактатов и комментариев к сутрам. Главное место во всех его работах занимало достижение «состояния будды» в земной жизни. Кūkай не был первым, кто выдвинул это положение: новым было то, что он предлагал практический путь к достижению этого при помощи магических ритуалов.

В 816 г. Кūkай обратился с прошением о строительстве монастыря на горе Коя, который впоследствии стал центром школы Сингон, а в 823 г. он был назначен настоятелем столичного храма Тодзи. В 828 г. рядом с храмом Кūkай открыл школу искусств и наук, в которой должны были обучаться дети всех сословий. Школа просуществовала недолго: в 847 г. после смерти Кūkай ее продали государству, чтобы на вырученные средства содержать больше монахов.

Кūkай сыграл исключительную роль в сложном процессе соотношения синтоистских богов с буддийским пантеоном и приведения к общему знаменателю представлений буддизма и *синтё* относительно института императорской власти. Он нашел возможность соединить обе на первый взгляд несовместимые системы. Теория *рёбу синтё* («двойкий путь богов»), утверждающая, что синтоистские божества есть не что иное, как японская ипостась будд и бодхисатв, основывалась на положении «два учения — явное и скрытое», изложенном в одном из трактатов Кūkай. Подобная трактовка позволила сохранить традиционную идеологическую основу японского государства и одновременно использовать культурные достижения, которые нес буддизм.

* * *

В конце IX в. на материке происходили бурные события: распад великой Танской империи, наступление смутного времени в Китае. Это, а также постоянные нападения пиратов из Силла, вы-

сокие цены фрахта китайских кораблей (собственных крупных морских судов у японцев не было), вероятно, стали немаловажными причинами прекращения официальных контактов японского государства с Китаем. Последнее официальное посольство состоялось в 898 г. Япония на несколько столетий как бы «закрылась», что дало ей возможность «переварить» ту массу культурной информации, которую она уже получила. Конечно, это не означало полного прекращения отношений на «частном уровне». Буддийские монахи по-прежнему совершали паломничества в Китай, но теперь снаряжение сложных, с точки зрения морского перехода, экспедиций полностью ложилось на их плечи, что тоже не способствовало частоте этих путешествий.

Хэйанская культура

Образование Одним из мероприятий императора Камму было расширение системы образования. Студентам были увеличены «стипендии» — *кангакудэн*. Камму стремился изменить практику поступления в *даингаку* исключительно сыновей чиновников высоких рангов, предоставить равные права всем желающим, т. е. заставить работать систему экзаменов, подобную китайской. Подобная реформа была заведомо обречена, поскольку в японском обществе определяющим фактором при поступлении на службу и получении ранга было происхождение, а не знания и способности. Однако именно IX век был отмечен некоторыми исключениями из этого правила.

В основе хэйанского образования лежало изучение конфуцианской классики и китайских исторических сочинений: «Шицзи» («Исторические записки») Сыма Цяня, «Хань Шу» («Летопись династии Хань»), «Вэньсюань» («Литературный сборник»). В результате конфуцианство стало частью официальной идеологии.

Появление японской письменности Создание в IX в. собственной японской письменности было событием огромного культурного значения. Ранее письменным языком был китайский, однако почти изначально для записи топографических названий, имен богов и правителей, сакральных слов, поэтических произведений китайская иероглифика использовалась фонетически, для выражения звуков японского языка.

Собственная японская письменность была фонетической и слоговой, т. е. совершенно иной, чем идеографическая китайская. Хотя до появления азбуки японские слова записывались китай-

скими иероглифами, но наличие множества омонимичных чтений разных иероглифических знаков открывало возможности использования нескольких иероглифов для записи одного и того же слова. Было необходимо за каждым слогом закрепить определенный иероглиф, не имеющий при этом смысловой нагрузки, т. е. превратить иероглиф в букву. Для этого использовалась либо сокращенная форма иероглифа, либо его часть. Была составлена слоговая азбука *годзёон* («50 знаков»); букв в ней было 48, однако два знака (и, у) повторили. Полученное письмо было названо *кана* («заимствованные знаки»). Одним из ее создателей традиционно считается Кукай. Появление собственной японской письменности способствовало развитию национальной литературы.

Хэйанская литература

Самой яркой особенностью хэйанского общества X–XI вв. была культура придворных аристократов-*кугэ*, культура императорского двора, являвшаяся, во многом, плодом влияния китайской цивилизации.

Танский двор был наиболее образованным и блестящим из когда-либо существовавших на Дальнем Востоке. Особенно процветали искусство и поэзия, с которыми был спаян весь быт, обиход и уклад существования. Достаточно назвать такие имена китайских поэтов как Ли Бо, Ду Фу и Бо Цзюйи, творивших при этом дворе. Сюань Цзун, танский император VIII в., считался образцом утонченного эстета. Японцы, познакомившись с этой стороной китайской цивилизации, с жадностью стали усваивать ее и стремились культивировать те же начала у себя на островах. При этом единый литературный язык обеспечивал многостороннее воздействие китайской культуры на Японию.

Однако это не было слепым копированием. К тому времени японская художественная культура сумела создать своеобразный механизм заимствования, при котором иноземная культура как бы заполняла пустующие ниши в собственной. В условиях господства китайских литературных моделей возникали новые формы, своя палитра красок, и развивались эстетические категории, оставшиеся у китайцев на втором плане.

Этапы развития литературы далеко не всегда совпадают с развитием политической истории народа, но в истории Японии оформление национального государства совпало с созданием собственного письменного языка и, как следствие этого, с бурным расцветом литературы.

Если в IX в. японская литература создавалась, в основном, на китайском языке, то в X–XI вв. изобретение собственной пис

менности способствовало расцвету литературы на родном языке. За первые 100–150 лет на нем было записано несколько сот рассказов, повестей, легенд и дневников, тысячи стихотворений.

Видимо, именно литература этого периода, как ни одно другое искусство, демонстрирует процесс трансформации континентальной культуры. Творцами лучших литературных произведений эпохи стали женщины, наименее связанные с иноземной культурой по образованию и роду службы. Вероятно, этому способствовало и то место, которое занимала женщина в японском обществе. Главной чертой времени был эстетизм — опозитизированный поступок и претворенное в поэзию действие. Всякое чувство было введено в его рамки, подчинено его законам и требованиям. И именно в женщине концентрировались эстетизм и эмоциональность, ставшие основой духовной жизни.

По крайней мере две японские писательницы X–XI вв. с полным основанием могут быть отнесены к классикам мировой литературы. Это Мурасаки Сикибу и Сэй Сёнагон.

Мурасаки, написав «Гэндзи моногатари» («Повесть о Гэндзи», начало XI в.), создала образец японского куртуазного романа, один из самых ранних образцов повествовательного жанра в мировой литературе. По словам русского востоковеда Н.И. Конрада,

«образ Гэндзи, созданный на несколько столетий раньше образа Дон Жуана и в других условиях является по своему столь же обобщенным; в нем целиком воплотилась характерная черта хэйанской аристократии — стремление к наслаждению жизнью, доведенная до крайних пределов».

Жизнь придворной аристократии была, по выражению Мурасаки, жизнью людей, «имеющих досуг». В этой среде возник культ любования природой, наслаждения «очарованием вещей» (*мононо аварэ*). Личность с ее желаниями, мечтами, страстями, со всем ее внутренним миром оказалась в центре внимания хэйанской литературы.

«Макура-но сбси» («Записки у изголовья», 996 г.) Сэй Сёнагон открыли в японской литературе новый жанр — *дзуйхицу* («следуя за кистью»), своего рода эссе. Произведение представляет собой собрание более трехсот прозаических отрывков. Об их содержании лучше всего сказала сама писательница:

«Но больше всего я повествую в моей книге о том любопытном и удивительном, чем богат наш мир, и о людях, которых считаю замечательными. Говорю я здесь и о стихах, веду рассказ о деревьях и травах, птицах и нассках, свободно, как хочу...».

Никки — «мемуарно-дневниковый жанр», в котором также были созданы замечательные произведения. Автор «Кагэрō никки» («Дневника эфемерной жизни», 974 г.), одна из лучших поэтесс эпохи Хэйан Митицуна-но хаха считалась одной из самых красивых женщин своего времени. Собственное имя писательницы не сохранилось, в литературу она вошла как «мать Митицуна», — одного из сыновей Фудзивара-но Канэиэ. Дневник состоит из прозы и более 250 стихотворений. Произведение отличается реалистичностью и глубоким психологизмом.

Расцвет поэзии на японском языке в период Хэйан демонстрировал укрепление национального самосознания японцев в условиях относительной культурной автономии, сложившейся в конце IX в. В повседневную жизнь высшего общества прочно вошли разного рода литературные игры и поэтические состязания, которые устраивались по случаю любования природой (цветением сакуры, полной луной на безоблачном небе, хризантемами или ирисами и т.д.), загородных выездов императора, паломничеств, разных увеселений. Стихи записывали в семейные антологии, на веерах, ширмах.

В 905 г. император Дайго повелел представить ему «старинные, не вошедшие в „Манъёсю“ песни». Так началось составление второй в истории японской поэзии величайшей антологии «Кокин вакасю» («Собрание старых и новых японских песен», 905 год). Антология состояла из 20 книг и включала в себя 1100 стихотворений. Большинство авторов принадлежали к средней и низшей аристократии, 8 поэтов были членами императорской семьи. Почти сразу после выхода антология была причислена к разряду классики.

Составителем «Кокин вакасю» был Ки-но Цураюки, поэт и филолог. В своем предисловии к антологии он писал об эпохе «шести гениев» (*роккасэн*) японской поэзии: ими были буддийский священник Хэндзё, Аривару-но Нарихира, Фунъя-но Ясухидэ, монах Кисэн, Опо-но Комати, Отомо-но Куронуси. Говоря об их творчестве, Ки-но Цураюки характеризовал его по трем критериям: *котоба* (слово), *сама* (форма), *кокоро, макото, аварэ* («истина, душа»). Задачей поэта он считал достижение единства всех трех элементов. Кроме того, были важны не только образы, вызываемые определенными словами, но и звучание этих слов. Таким образом, хэйанское стихотворение-*танка* стало важным этапом становления формальных средств японской поэзии.

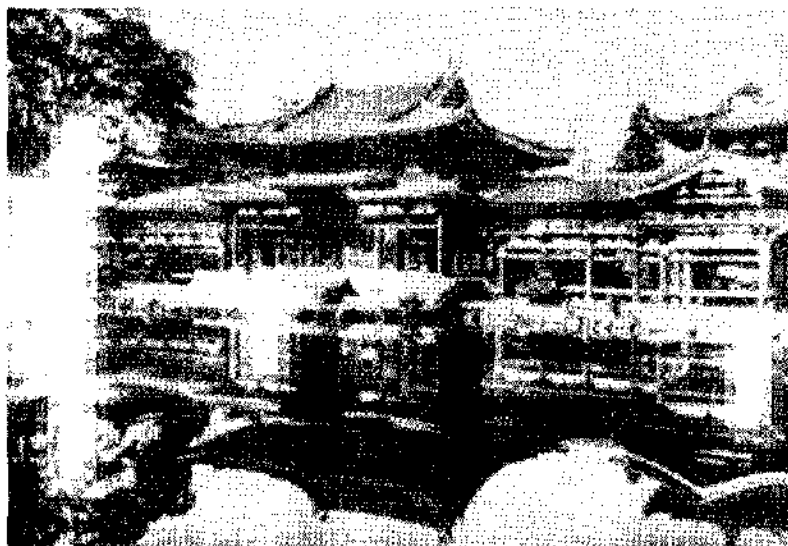
В X в. буддийское, пессимистичное мировоззрение, основой которого было положение, что «жизнь есть страдание», стало тес-

нить синтоистское, оптимистичное по своей сути. Видимо, частичная переориентация на него изменила представления о времени и пространстве в японской культуре, и, в частности, вызвала к жизни жанр историко-литературных произведений *рэкиси моногатари* («исторических повествований»). В них изображалась жизнь исторических персонажей из поколения в поколение, причем отправной точкой было изображение частной жизни исторических личностей, а не хронология событий. «Окагами» («Великое зеркало», XI в.) и «Эйга моногатари» («Повесть о процветании», XI в.) — первые произведения этого жанра. Они повествовали о событиях эпохи через призму истории дома Фудзивара и жизни Фудзивара-но Митинага, одного из наиболее влиятельных государственных деятелей того времени.

Печаль, грусть, которыми проникнуты основные произведения эпохи — это ответ общего настроения того времени. С конца X века среди буддийского духовенства, а потом и среди аристократии стала распространяться идея о скором наступлении века «конца Закона». Общая нестабильность в стране способствовала этому. Эсхатологические настроения обусловили и характер набравшего силу течения японского буддизма — амидаизма. Главным становится мотив «чистой земли», далекого рая. Наиболее яркое воплощение эти идеи получили в архитектуре, в строительстве богато украшенных храмов-мавзолеев, таких, как храм Ходзёдзи, построенный Фудзивара-но Митинага, и Бёдбин — Фудзивара-но Ёримити.

Архитектура Строительство новой столицы способствовало развитию светской архитектуры. В то время возник стиль *синдэн дзукури* (букв. «спальный павильон»), определивший светский архитектурный канон на несколько столетий.

Классическим примером данного стиля был императорский дворец Дайри в Хэйанкё. Центральное здание комплекса представляло собой прямоугольное в плане помещение, высоко поднятое на прямоугольных столбах. Внутреннее пространство было разделено столбами на основное помещение (*моя*) и окружающие его по периметру галереи (*хисаси*) и веранды (*сунюки*). Стационарных перегородок внутри помещения не было. От внешнего мира его отделяли решетчатые двойные съемные панели (*ситомидо*), а функции внутренних стен выполняли занавеси (*судара*), б-створчатые ширмы (*бёбу*) и переносные занавеси (*ситё*).

Часть храмового ансамбля Бёдоин

Зданий такого типа в комплексе было несколько, не меньше трех. Основное здание соединялось крытыми переходами (*ватадоно*) с дополнительными флигелями (*тайноя*), а они — длинными крытыми коридорами (*тёмонро*) с павильонами Цуридоно («павильон для рыбной ловли») и Идзумидоно («павильон над источником»). Перед фасадом главного здания (*синдэн*), всегда обращенного к югу, находился парадный двор (*нантэй*), а за ним — сад с прудом и островами. Территория дворцового комплекса с расположенными в северной части служебными помещениями была обнесена глинобитной стеной с несколькими воротами.

Следствием развития религиозного синкретизма стало нарушение материкового архитектурного канона буддийского храмового строительства. На смену открытому простору архитектурных ансамблей периода Нара пришли постройки в уединенных местах, в горах, как например, Энрякудзи, главный монастырь школы Тэндай. Монументальность нарсских строений исчезла, и архитектура стала следовать рельефу местности. Используемые материалы, в частности покрытие кровли корой дерева *хиноки*, сделали буддийские строения похожими на традиционные синтоистские храмы.

Изобразительное искусство

Распространение эзотерического буддизма повлекло за собой изменения в изобразитель-

ном искусстве. Можно сказать, что оно стимулировало появление синтонистских скульптурных изображений. Это бог Хатиман, богиня Накацу-химэ, императрица Дзингё в храме Якусидзи в Нара, божество Мацуо в Хэйан и др. Хотя мастера продолжали руководствоваться буддийским каноном, но в их произведениях уже были ярко выражены местные черты.

В горных районах островов Кёсю и Хонсю появились первые высеченные скальные рельефы — буддистские божества и охранители местности: например, рогатые демоны близ Усуки (современная префектура Оита). Изменились и алтарные композиции: теперь в центре стали размещать не безмятежные фигуры будд, а многоголовые, многорукие устрашающие божества.

Вместо глины и лака скульпторы начали использовать местные породы дерева (камфарное и кипарисовое). Таким образом, от копирования фактуры бронзовых статуй мастера перешли к работе с местными материалами. Многие статуи этого периода вырезались из цельного ствола вместе с пьедесталом, потом тщательно обрабатывались и окрашивались. Живописное начало проявлялось не только в окраске, но и в обилии атрибутов, характеризующих каждое божество, в сложном сопоставлении объемов, вызывающем игру светотени. Примерами могут служить и многофигурный алтарь Тёдзи, главного храма Сингон в Хэйан, и фигуры патриархов, синтонистских божеств, образы «великих гневных царей всеочищающего огня» и многое другое. Особый эмоциональный эффект достигался всеми составляющими. Шедевром скульптуры этого направления считается статуя Нёирин Каннон из монастыря Кансиндэн (Осака, IX в.).

Однако, пожалуй, самым значительным в буддистском изображении искусстве раннехэйанского периода было развитие живописи. Во-первых, это мандалы, живописные символические композиции, в центре которых располагалось главное божество Дайнити Нёрай, а вокруг него в кругах и квадратах — множество других божеств. Чаще всего это были выполненные на шелке свитки, но известны и мандалы, написанные и на стенах монастырей. Часто встречаются иконографические изображения защитников буддизма, предстающие в облике устрашающих демонов.

* * *

Период Хэйан — чрезвычайно важный этап в развитии японского общества. Это время, когда практически во всех областях жизни были созданы собственные модели на основе достижений китайской культуры. В системе власти — это окончательное оформление (а затем разрушение) дуальной системы правления

император-Фудзивара, в которой соправители были связаны родственными отношениями по материнской линии, в религии — появление новых, японских форм буддизма, которые органично соединились с местными верованиями. Вероятно, период Хэйан можно назвать временем, когда народ Ямато обрел свое национальное самосознание.

Наконец, период Хэйан — это время национального культурного строительства, эпоха «блестящей столицы», «золотой век» японской культуры. Именно тогда получили развитие самобытные направления в архитектуре и живописи, была создана собственная письменность и выдающаяся значения художественная литература.

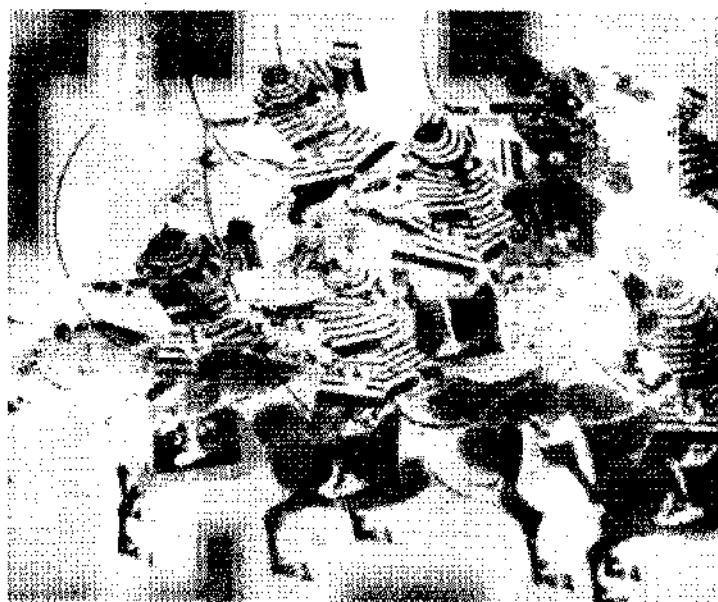
Вместе с тем, в периоде Хэйан отсутствовала внутренняя цельность, присущая предыдущей, нарской эпохе. Созидательные тенденции сосуществовали с деструктивными, проявившимися, прежде всего, в разрушении принципов «государства *рицурё*». Противоречия между заимствованной из Китая надельной системой и местными особенностями земельных отношений привели к образованию новой, частновладельческой формы земельной собственности (*сёэн*) и к кардинальным переменам в обществе. Целиком импортированная из Китая общественная система не прижилась на японской почве, столкнувшись с традициями родовой организации общества и всем комплексом его хозяйственных и культурных особенностей.

Яркую характеристику периоду Хэйан — блестящей и противоречивой эпохе японской истории — дал русский востоковед Н.И.Конрад:

«Нет ничего более парадоксального в Японии, чем картина культуры этой эпохи: с одной стороны, блестящее развитие цивилизации, высокий уровень просвещения и образованности, роскошь и утонченность быта и обихода, необычайное развитие общественных взаимоотношений, сложный и многообразный политический аппарат, процветание искусства и ни с чем не сравнимый блеск литературы, а с другой — упадок технический и экономический, огрубение нравов, иногда граничащее с одичанием, невежество и воистину бедственное положение народных масс. В эпоху Хэйан рядом стоят: варварство и утонченность, роскошь и убожество, высокая образованность и невежество, прекраснейшие произведения прикладного искусства и примитивнейший предмет обихода, изящный экипаж и непроходимые дороги, блистательный дворец и утлая хижина, один цветущий город распланированный по последнему слову строительной техники, и почти первобытные поселения...».

РАЗДЕЛ II

ФЕОДАЛЬНАЯ ЯПОНИЯ

РАЗДЕЛ II	
ФЕОДАЛЬНАЯ ЯПОНИЯ.....	219
ЧАСТЬ 1. ЯПОНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	221
Глава 1. Камакурский сёгунат (1185–1333).....	222
Глава 2. Раскол императорского дома (1334–1392)	254
Глава 3. Период феодальной раздробленности (1393–1551)...	274
ЧАСТЬ 2. СОЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА	289
Глава 1. Начало объединения Японии (1551–1582).....	290
Глава 2. Деятельность Тоётоми Хидэеси (1582–1598)	320
Глава 3. Первые европейцы в Японию (1542–1790).....	338
ЧАСТЬ 3. КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ.....	365
Глава 1. Культура периода Камакура	366
Глава 2. Культура периода Намбокутё.....	370
Глава 3. Культура XV–XVI вв.	377

Часть I

ЯПОНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Употребление термина «средневековье» применительно к японской истории носит условный характер. Это понятие было введено в XV–XVI вв. итальянскими гуманистами для обозначения «темных», по их мнению, веков между «золотым веком» европейской античности и современной им эпохой Возрождения (духа все той же античности). Оно было неразрывно связано с кризисом христианской духовности и начавшимся разрушением римско-католической теократии.

Япония не знала ни античности, ни Возрождения в том смысле, в котором они присутствовали в европейской истории. Вместе с тем, термин «средние века» и там не лишен смысла. Разрушение государства *рицурё* сопровождалось упадком сформировавшегося в его рамках культурного комплекса, блестящей «хэйанской цивилизации». Конечно, он не был столь драматичен как тот, что последовал за разрушением центров европейской античной культуры в результате нашествий варваров. Тем не менее, перемены были достаточно глубоки для того, чтобы можно было говорить о прерывании культурной традиции.

Исторический перелом, случившийся в XII в., осознавался как современниками, так и последующими поколениями. Это, с одной стороны, порождало попытки воссоздать «правильное» государственное устройство (реставрация Кэмму в XIV в.), а с другой — вызывало стремление сохранить или восстановить единство культурной традиции. В этом смысле мотив «возрождения» не был чужд японскому сознанию, хотя и стоял для него в гораздо более конкретной и практической плоскости, чем для европейского.

Средневековье обычно соотносят с эпохой феодализма. Это вполне применимо и к Японии, но с одним уточнением. Поскольку средневековая Европа не столько наследовала античным империям, сколько возникла на их обломках, период становления там феодальных отношений с полным правом причисляется к раннему средневековью. В Японии же раннефеодальный период, во всяком случае, охватывает эпоху Хэйан. Однако, называть последнюю «средневековьем» было бы нелогично с культурно-исторической точки зрения, поскольку в то время в стране еще не произошло смены правящей и культурной элиты, и общественное развитие носило эволюционный и преемственный характер. Это несовпа-

дение фаз социально-экономического, политического и культурного развития следует иметь в виду, говоря о японском средневековье.

Глава 1

КАМАКУРСКИЙ СЁГУНАТ (1185–1333)

Образование нового политического центра

Одной из определяющих черт нового этапа истории Японии было образование нового политико-административного центра на востоке страны, в районе Кантō. В конце периода Хэйан Минамото-но Ёриёси, в тогда еще мало кому известной деревушке, построил храм бога войны Хатиман, которого почитали как божество-охранителя рода Минамото. Минамото-но Ёситомо, отец Ёритомо, неподалеку от родового храма, в Камакура, построил свой дворец. Минамото-но Ёритомо в 1180 г. решил там же учредить свою военную ставку (*бакуфу*). Ёритомо построил новый храм Цуругаока Хатимангū, дворец Окура и проложил улицы. Его ближайшие соратники также построили свои дворцы неподалеку. Таким образом, в конце XII в. в Японии образовалось сразу 2 политических центра в разных районах страны, что стало определяющей чертой всего исторического периода.

Борьба Минамото-но Ёритомо за власть

Создателем первого в истории Японии сёгуната (*бакуфу*) считается Минамото-но Ёритомо, но в историографии он называется Минамото-Ходзё *бакуфу*. Именно Ходзё заложили основы вассальных отношений и основанной на них административной системы. Кроме того, собственно сёгунский род Минамото прервался после смерти 3-го сёгуна Санэтомо (младшего сына Ёритомо), и последующие 6 сёгунов происходили из высших аристократических домов Хэйан.

Судьба Минамото-но Ёритомо весьма типична для своего времени. Отец Ёритомо был женат на дочери Фудзивара-но Суэнори, что приблизило его к императорскому дому, особенно к отреченному императору Тоба. Будущий *сёгун* жил и воспитывался в столице. После гибели отца и братьев в *Хэйдзи-но ран* в 1160 г. Ёритомо вынужден был бежать, но был пойман и сослан на п-ов Идзу, традиционное место ссылки. В 13 лет мальчик не просто лишился отца, семьи, привычного окружения, но и стал главой дома Минамото, что накладывало большие обязательства. Окружение

Ёритомо в Идзу составляли Итō Сукэтика и Хōдзэ Токимаса, выполнявшие обязанности его телохранителей, его кормилица, прибывшая из столицы и поселившаяся неподалеку в своей родной деревне Хики в Мусаси, и родственники кормилицы Адати-но Моринага и Миёси Ясунобу, ставшие верными спутниками Ёритомо. Кроме того, Ёритомо постоянно получал помощь от родственников своей матери из Ацута.

Минамото-но Ёритомо

Близость к району Кантō, т. е. к местности, где дом Минамото имел давнюю и прочную поддержку, определила его дальнейшую судьбу Ёритомо. Вероятно, еще одним немаловажным фактором стала его женитьба в 1177 г. на Хōдзэ Масако, дочери Токимаса. В 1180 г. принц Мотихито обратился к воинам Минамото высту-

пить против Тайра. При поддержке Хōдзэ Токимаса Ёритомо начал войну, завершившуюся полным разгромом Тайра.

Двойственность, принадлежность к хэйанской аристократии по происхождению и воспитанию, с одной стороны, семейные военные традиции, брачные отношения, с другой, определяли деятельность Минамото-но Ёритомо и весь характер первого *бакуфу*.

Конфликт внутри дома Минамото

Напряженность в государстве усугублялась конфликтом в доме Минамото. Минамото-но Ёсицунэ был 9-м сыном Ёситомо и единокровным братом Ёритомо. До 15 лет он рос и воспитывался в Курама-дэра, недалеко от Хэйан. Потом так же, как и старший брат, он был вынужден бежать и нашел пристанище на севере страны в провинции Муцу в Хираидзуми у Фудзивара-но Хидэхира (род северных Фудзивара или *бсё* Фудзивара, не был связан родственными узами с Фудзивара *сэкканкэ*, а имел тесные кровные связи с местными северными родами Абэ и Киёхара).

Ёсицунэ выступил на стороне брата в 1180 г. в его борьбе против Тайра-но Киёмори, и сразу продемонстрировал недюжинный полководческий талант. Именно тактические решения Ёсицунэ позволили разбить бōльшую по численности армию Тайра, и вынудили последних покинуть столицу. После этой блестящей победы Ёсицунэ стал командующим армии Минамото, и его политическое значение в государстве заметно выросло. Он имел успех при дворе: отрекшийся император Госиракава не скрывал своего к нему расположения и назначил его главой *кэбииситэ* («полицейского управления»), не поставив предварительно в известность *бакуфу*.

Неосторожное согласие Ёсицунэ вызвало недовольство Ёритомо и привело к его замене на должности командующего войсками Минамото другим из братьев, Нориёри. Однако после ряда неудач нового командующего Ёсицунэ вновь получил приказ возглавить войска и блестяще провел сражение при Данноура.

Как ни парадоксально, успех Ёсицунэ разгневал Ёритомо до такой степени, что он даже не допустил брата в Камакура, когда тот собирался доставить туда плененного Тайра-но Мунэмори. Ёсицунэ еще как-то пытался восстановить отношения и направил брату письмо, в котором заверял его в своей преданности и верной службе. Но, как часто бывает, в конфликт вмешалась третья сила, отрекшийся император Госиракава, преследовавший собственные политические интересы. Он приказал Ёсицунэ выступить против «бунтовщика» Ёритомо, спровоцировав, таким образом, открытый конфликт между братьями. В результате, Ёсицунэ был

вынужден бежать, скрываться сначала в горах Ёсино, а потом на севере, в провинции Муцу, у своего давнего покровителя. Любопытно, что во время «войны *гэмпэй*» (между Минамото и Тайра) Фудзивара-но Хидэхира в Муцу удалось сохранить нейтралитет. Однако, вскоре Хидэхира умер, и дом возглавил его сын Ясухира, который под давлением Ёритомо выступил против Ёсицунэ. В 1189 г. в возрасте 30 лет Минамото-но Ёсицунэ покончил с собой.

Блестящий талант и трагическая судьба сделали Ёсицунэ одним из самых популярных героев средневековой Японии. Его жизнь еще долгое время продолжала оставаться источником разнообразных легенд. Так, например, считалось, что Ёсицунэ после смерти Хидэхира нашел убежище на «северном острове» (Хоккайдō), потом переправился на континент и появился в Монголии под именем Чингисхана. В XV в. легенды о Ёсицунэ приняли завершенную форму в «Гикэйки» («Сказаниях о Ёсицунэ»).

После того, как Фудзивара-но Ясухира привез голову Ёсицунэ, Ёритомо попытался найти повод для начала военных действий против *осю* Фудзивара и обратился ко двору за получением приказа о наказании «бунтовщиков», укрывавших от розыска Ёсицунэ. Двор такого разрешения не дал. Отрекшийся император Госиракава, тщетно пытавшийся ослабить Ёритомо, воспользовавшись конфликтом между братьями, все еще надеялся достичь своей цели.

В 1189 г. Ёритомо, так и не получив распоряжения двора, выступил против Фудзивара во главе отряда в 1 тыс. всадников. Ёритомо понадобилось меньше месяца, чтобы подавить сопротивление; его отряд вошел в Хираидзуми — столицу владений Фудзивара — и взял в плен Ясухира. Тогда двору ничего не оставалось, как признать правильность действий Ёритомо. Двор издал указ о наказании Фудзивара. Прекрасный город, созданный тремя поколениями северных Фудзивара, был разрушен, а провинции Муцу и Дэва вошли во владения Минамото-но Ёритомо.

Политико-административное устройство сёгуната

Одним из главных требований Минамото-но Ёритомо к отрекшемуся императору Госиракава было предоставление ему права самому назначать *дзитō* — «управляющих земельным владением», и *сюго* — «военных губернаторов провинции». Учреждение этих двух административных должностей было необходимо, главным образом, для урегулирования связанных с земельными владениями противоречий между хэйанской аристократией и воинами, использовавшими «право сильного» в период «войны

гэмпэй». В районах Кантō и части Кинай новая должностная система начала работать в 1190–1199 гг.

Установление контроля над земельными владениями

Термин *дзитō* впервые появился в IX веке, но означал вид земельного владения, а не должность человека. Однако уже в XI в. в ряде документов, связан-

ных с *сээн*, рекомендовалось обращаться к *дзитō*, чтобы разрешить ту или иную спорную ситуацию. В 60–80 годах XII в. дом Тайра назначал в свои владения *дзитō* из числа преданных васалов, чтобы поддерживать порядок и следить за сбором налога. Тогда это нововведение касалось исключительно земельных владений Тайра, но с 1185 г. власти *бакуфу* получили право назначать *дзитō* во все владения как аристократии, так и церкви.

Владельцы *сээн* вынуждены были согласиться с появлением в их владениях посторонних «контролеров», большей частью воннов Кантō. В *сээн дзитō*:

- собирал налог для владельца *сээн*;
- имел право судить и наказывать за нетяжкие преступления;
- возглавлял администрацию владения и имел право назначать ее чиновников данной;
- был ответственным за все работы в *сээн*, строительство и поддержание ирригационных сооружений, дорог и пр.

За это *дзитō* получал наследственное право на владение участком земли в подведомственном ему *сээн*.

Для *бакуфу*, обладавшему военной силой, было важно не столько юридическое право на владение землей, сколько установление своего реального контроля в том или ином *сээн* и, разумеется, на провинциальном уровне. Для этого и понадобилось введение должности *сюго*, хотя она тоже не была новой. В эпоху Хэйан существовали временные должности *брёси* и *цуйбуси* – специальных контролеров или управляющих, которые назначались императором в особых случаях (военных конфликтов, земельных споров и пр.). Как правило, на эти должности выбирались представители местной знати.

Сюго имели следующие обязанности:

- набор воинов провинции для сторожевой службы, и для службы на время военных действий;
- поддержание порядка в провинции и, в случаях необходимости, арест преступников.

На эти должности, в большинстве случаев становившиеся наследственными, назначались наиболее преданные военачальники сёгуна, часто уже занимавшие какие-либо должности в провинциальных управлениях. Такими были главы домов Миура, Тиба, Ояма. *Сюго*, обладая военной силой, под предлогом преследования преступника вторгались в *сёэн*, присваивали себе земли арестованного, или просто захватывали те или иные участки.

Судя по всему, введение административных должностей *дзито* и *сюго* давало возможность *бакуфу* установить некоторый контроль над землями и людьми, хотя на всем протяжении существования первого сёгуната управление как земельными владениями, так и провинциями сохранялось, по большей части, в руках прежних владельцев.

Формирование вассальных отношений

Гокэнин (вассалы сёгуна) — еще одно введение Ёритомо. В эпоху Хэйан «*кэнин*» назывались воины (*буси*, или *самурай*), служившие аристократическому (*кугэ*) или военному (*букэ*) дому. Они подчинялись приказам главы воинского формирования (*рёддэ* или *рёдзю*). Слово *гокэнин* образовано добавлением уважительной частицы «го» к прежнему названию. Это были воины-*буси*, находившиеся на службе у Минамото-но Ёритомо и его сыновей. *Гокэнин*, или, как их еще называли, *Камакура-дono гокэнин* («*гокэнин* камакурского господина») или *Канто гокэнин*, имели как бы более высокий статус, чем остальные *буси*. В их обязанности на службе сёгуна входило:

- нести сторожевую службу у императорского дворца;
- осуществлять охрану дворца сёгуна в Камакура;
- охранять границы страны от вторжения чужеземцев;
- исполнять военную службу в случае возникновения войны.

За это *сёгун*, в свою очередь, должен был обеспечить им *гоон* — охрану незыблемости земельного владения, к которому могли присоединяться дополнительные участки в качестве вознаграждения за службу.

Двойственная структура власти

Хотя Минамото-но Ёритомо стремился утвердить свою власть в рамках политической системы *Камакура бакуфу*, он не намеревался при этом ликвидировать власть императорского дома. Такая двойственность властных структур была отражением сложных процессов, происходивших в то время в японском обществе.

Успешная кампания против северных Фудзивара (*осю сэйбацу*) была настолько убедительным доказательством военной мощи Минамото-но Ёритомо, что в 1192 г. последовал императорский указ, даровавший ему титул *сэйи тайсёгун*. Забегая вперед, необходимо отметить, что Ёритомо уходит в отставку с поста сёгуна в 1195 г. с тем, чтобы получить более высокий пост в общегосударственной иерархии — *утайсё* (главы внутренней дворцовой стражи). Это показывает, что для Ёритомо было по-прежнему важно вписаться в существовавшую иерархическую систему императорского двора. Так же, как Тайра-но Киёмори, Ёритомо мечтал стать дедушкой императора, и, таким образом, легитимным соправителем в государстве. В 1195 г. ему удалось выдать дочь замуж за императора Готоба. Но мечтам не суждено было сбыться из-за скорой смерти дочери. В 1196 г. Ёритомо вернулся в Камакура. Фоном этих событий стал его конфликт с его старейшим соратником, представителем столичной аристократии Кудзё Канэдзанэ, дочь которого также была одной из жен императора. Кудзё Канэдзанэ стал *сэссё* в 1186 г. Он был сторонником сотрудничества императорского двора и *бакуфу*, и есть свидетельства, что будто бы именно он способствовал выходу императорского указа о присвоении титула *сэйи тайсёгун* Ёритомо в 1192 г. Однако в 1196 г. политическая карьера Кудзё Канэдзанэ завершилась, он лишился всех титулов и поста главы дома-клана.

Административная система *бакуфу*

Подобно большей части аристократических семей, дом Минамото имел свою систему управления людьми и землями. Ее элементами были, во-первых, образованное в 1180 г. *самурай докоро*, помимо исполнения военных и полицейских функций, ведавшее делами вассалов Минамото — *гокэмми*; во-вторых, юридическое ведомство *монтюдзё*, созданное в 1184 г. и занимавшееся судебными делами; и, в-третьих, *мандокоро* (или *кумондзё*), созданное в 1190 г. для решения как политических, так и общеадминистративных вопросов. Постепенно эти ведомства одного дома-клана начали работать в более широких, общегосударственных масштабах. Таким образом к концу XII в. были фактически созданы все главные институты управления *бакуфу*.

Кроме того, были созданы ведомства в районах, которые необходимо было держать под постоянным контролем. В императорской столице была учреждена должность *Кёто сюго* (своего рода военный губернатор Киото), в зону деятельности которого входила не только столица, но и западная часть страны. На Кёсю был

назначен *тиндзэй бугё*. Район, присоединенный после военного похода на север 1189 г. начал управляться с 1195 г. *бсю сёбугё*. На эти должности назначались наиболее верные вассалы Минамото-но Ёритомо. На уровне провинций исполнение распоряжений *бакуфу* было в руках *сюго*, в *сёэн* — *дзитё*.

Однако при этом общегосударственная система управления *рицурё*, отягощенная институтами эпохи *инсей*, также сохранилась. Таким образом, власть двора (*кугэ сэйкэн*) и власть военного сословия (*букэ сэйкэн*) продолжали существовать параллельно. Обе сложные разветвленные властные структуры поневоле взаимодействовали, поскольку ни одна из них не была в состоянии полностью взять верх. Это вынужденное взаимодействие было одной из характернейших черт первого сёгуната.

Появление института *сиккэн* После смерти Минамото-но Ёритомо в 1199 году Хёдзё Токимаса стал регентом (*сиккэн*, букв. «держатель власти») при Ёриэ, втором сёгуне. Таким образом, внутри высшей власти *бакуфу* возник диалог дуальной системы императорского правления. В ней также возникли два соправителя, связанных родственными узами по материнской линии; при этом реальное управление осуществлял *сиккэн* из дома Хёдзё, а *сёгун* из дома Минамото обладал лишь представительскими функциями.

То, что в государстве на первый план выдвинулся незнатный провинциальный род военных, было, видимо, второй знаменательной чертой первого сёгуната. С 1200 г. до последних дней Камакурского *бакуфу* представители дома Хёдзё были главной правящей силой. Можно считать, что основателем дома Хёдзё был сам Токимаса: хотя «Адзума кагами» («Восточное зеркало», вторая половина XIII в.) возводил начало рода к Тайра-но Садамори, другие источники этого не подтверждают.

Возвышению рода Хёдзё в первую очередь способствовала женитьба Минамото-но Ёритомо на дочери Хёдзё Токимаса. После смерти Ёритомо сёгуном стал Ёриэ, он попытался править так же, как его отец, но натолкнулся на сопротивление матери и деда. Дело в том, что Ёриэ был женат на девушке из дома Хики, второго дома верных соратников Ёритомо, и давнее соперничество родов Хёдзё и Хики вышло на поверхность.

Дело закончилось уничтожением дома Хики и отстранением и убийством Ёриэ в 1204 г. Однако борьба на этом не закончилась. Хёдзё Токимаса попытался сделать новым сёгуном сына второй жены Ёритомо, но этому воспрепятствовали Масако, вдова Ёритомо и ее брат Ёситоки. В результате Токимаса был сослан

в Идзу, а сёгуном стал Минамото-но Санэтомо — младший сын Ёритомото. Ёситоки сделался *сиккэн*. Именно ему удалось укрепить власть *бакуфу* и покончить на какое-то время с внутренними противоречиями.

Отрекшийся император Готоба был сторонником сотрудничества двух политических центров. Официальной реакции двора на то, что сёгуном стал Санэтомо, не последовало, но его женитьба была воспринята с воодушевлением. Жена Санэтомо была дочерью ближайшего к Готоба придворного, что сразу сделало отношения между сёгуном и отрекшимся императором очень тесными. Готоба даже приглашал *буси* обучать его боевым искусствам, получил возможность лично (а не через *бакуфу*) командовать собственными военными отрядами.

Санэтомо тоже вполне удовлетворяло такое тесное единение с императорским двором. В нем гораздо сильнее, чем в отце и брате, проявлялись черты хэйанского аристократа. Он посвятил себя искусствам, особенно поэзии. Кроме того, он придавал значение и получению придворных должностей. В 1218 г. он стал *удайдзин* — правым министром. Однако радость его была недолгой: в 1219 году во время празднования по этому случаю Санэтомо посетил храм Цуругаока Хатимангү, где и был убит. Он не оставил наследников, и поэтому со смертью третьего сёгуна линия Минамото-но Ёритомото прервалась.

За год до гибели Санэтомо, Ходзё Масako и *сиккэн* Ёситоки были озабочены вопросом выбора сёгунского преемника. Масako, отправившись в паломничество в храмы Кумано, посетила столицу, где заручилась обещанием двора, что следующим сёгуном станет сын Готоба. Сам Готоба в то время усматривал в этом большие перспективы, поскольку он мог бы выступать старшим в императорском доме и по отношению к императору, и по отношению к сёгуну, поскольку все они происходили бы из одного императорского рода. Но со смертью Санэтомо обстоятельства резко изменились, и Готоба взял обратно свое обещание. Тогда сёгуном сделали мальчика из дома Фудзивара, сына Кудзё Митиэ молодого Митора, ставшего 4-м сёгуном под именем Ёрицунэ.

Между двумя системами власти возникли родственные связи, сохранившиеся до конца первого сёгуната. Из последующих пяти сёгунов один был из дома Фудзивара, а остальные — из императорского дома. Все они становились сёгунами в детском возрасте, и их меняли, отсылая обратно в Хэйан, как только они достигали 25–30 лет.

Попытка свержения власти *бакуфу*

К сожалению, в исторических источниках нет никакой информации о том, что происходило с середины 1219 г. до весны 1221 года, когда Готоба в императорском указе

обратился к *буси* поднять оружие против *бакуфу*. Можно только предположить, что одной из причин конфликта стал отказ Готоба от своего обещания относительно передачи его сыну поста сёгуна.

«Смута годов Дзёкё» (*Дзёкё-но ран*) оказалась недолгой. На призыв Готоба откликнулась лишь небольшая часть воинов. Войско Камакура было более многочисленным и организованным. Военные действия не продлились и месяца, отряды отрекшегося императора были полностью разбиты. *Бакуфу* наказало трех отрекшихся императоров, принявших участие в заговоре. Готоба был отправлен в ссылку на о-в Оки, Цутимикадо — в Ава, Дзюнтoku — на о-в Садо. Император Тёкё, не успевший пробыть на троне и года (1221), должен был отречься. 3 тыс. сёэн, принадлежавших участникам заговора, были конфискованы *бакуфу*.

Поражение имело огромное значение для императорской власти. Система *инсэй* утратила политическое влияние, отрекшиеся императоры потеряли свои земельные владения, составлявшие значительную часть общей экономической базы императорского дома. Власти Камакура заменили ведомство *Кёто сюго* на представителя *бакуфу* в столице (*рокухара тандай*) с правом вмешательства во все решения императорского двора, включая престолонаследие. Правда, власти *бакуфу* формально сохранили многополюсную систему власти, но политический вес ее частей заметно изменился, сделался неравномерным.

Правление Ходзё Ясутоки

В 1224 г. скончался 2-й *сиккэн* Ходзё, через год умерла Масако, и дом Ходзё возглавил Ясутоки, сын Ёситоки, величайший из регентов Ходзё. Китабатакэ Тикафуса, принадлежавший к противникам Ходзё, писал в «Дзиннё сётоки» («История правильной преемственности божественных монархов», 1339):

«Ясутоки управлял государством виртуозно и принял строгие законы... Не только он сам знал свое место, но и все члены его дома, да и все *буси* в целом, так что не было ни одного среди них, кто занимал бы высокую должность и имел высокий ранг. ... Благодаря деятельности Ясутоки их власть продолжалась 7 поколений».

Ясутоки создал структуру управления *бакуфу*, просуществовавшую до конца периода. Именно его правление считалось образцом «правильного». Ясутоки:

- ввел должность *рансё*; этот пост, до того существовавший в его собственном доме, теперь стал частью аппарата управления *бакуфу*. Так же как и *сиккэн*, он имел административную, политическую и судебную власть, право подписи всех документов *бакуфу*. На эту должность всегда назначались представители дома Ходзё. Так, первым был дядя Ясутоки Ходзё Токифуса. Однако эта должность периодически бывала вакантна;
- создал в 1125 г. *хёдзёсю* — государственный совет для коллегиального решения политических и судебных дел. Первоначально в него входили 11 чел.: сам *сиккэн*, *рансё* и те, кого *сиккэн* выбирал из числа высокопоставленных чиновников и крупных вассалов *бакуфу*.
Впоследствии, количественный состав *хёдзёсю* мог изменяться. Он стал совещательным органом при *сиккэн* и играл роль высшего суда при решении дел, в которых участвовали *гокэнин*.
- решил проблему верховной власти в *бакуфу*; в 1226 г. 8-летний Ёрицунэ стал 4-м сёгуном.

На первый взгляд, может показаться, что *хёдзёсю*, созданный Ясутоки, функционально повторял *мандокоро*. Но если последнее было напрямую связано с титулом «сёгун», пусть даже формально присваивавшимся двором, то новое ведомство было исключительно творением *бакуфу* и инструментом управления *сиккэн*.

Одной из главных областей деятельности Ясутоки была законодательная. С конца периода Хэйан в государстве существовало как бы 3 юридических системы: *кугэхё* — законы, использовавшиеся двором для регулирования внутренних отношений и для управления во владениях аристократии; *хондзёхё* — законы владельцев сёэн, действовавшие внутри владения; *букэхё* — законы, определявшие юридическое положение воинов.

Для незнатного дома Ходзё создание свода законов, основанных на принципе *дзёри* («разумности»), позволяло обосновать свое главенствующее положение. Поэтому в 1232 г. был создан судебный кодекс *бакуфу* «Госэйбай сикимоку» («Список законов определяющих, что хорошо, а что дурно», или, как его еще называют, «Дзёэй сикимоку», т. е. «Список законов года Дзёэй»).

Автором кодекса был Миёси Ёсицура. Текст был написан по-китайски, предполагалось, что он будет использоваться только высшим судом *бакуфу* и провинциальными управлениями. Законодательство состояло из 51 статьи и отличалось от предыдущего свода тем, что регулировало отношения только новой социальной группы — воинов, — а также введением более суровых наказаний, расширением прав женщин и усилением отцовской власти.

Преступлениями считались заговор, убийство, пиратство, бандитизм, подлог, оскорбление словом. За любое из перечисленных преступлений *буси* мог лишиться земельного владения. Женщина по законодательству имела равное с мужчиной право наследования. В случае смерти главы дома-клана его место занимала жена, в случае развода, если супруга вела добродетельный образ жизни, муж был обязан вернуть ей владения, которые она имела до замужества. Родительская власть усиливалась: родители имели право выбора наследника (правда, получив согласие *бакуфу*, но если старший сын умер, то такое согласие не требовалось).

Все эти правила уже бытовали в военной среде, но теперь они получили законодательное оформление. Впоследствии в «Дзёэй-икимоку» вносились многочисленные дополнения, но на протяжении всех трех сёгунатов (вплоть до XIX в.) он оставался основой законодательного регулирования жизни воинов-*буси*.

* * *

После смерти Ясutoки в 1242 г. его место занял его внук Ходзё Цунэтоки, находившийся под большим влиянием сёгуна Кудзё Прицунэ. И даже когда сёгуна заменили его малолетним сыном Прицугу, политические осложнения в *бакуфу* не закончились: для сёгуната наступил период нестабильности.

В 1246 г. власти *бакуфу* настояли на отречении императора Госага. В том же году *сиккэн* Цунэтоки умер, и его место занял его младший брат Токиёри. В следующем, 1247 г. произошли события, получившие название «*Миура-но ран*» — «смута дома Миура», — когда за власть схватились Миура и Адати, два дома *гокэнин*, старейших вассалов Минамото. В результате Миура были разбиты, а ветвь Ходзё, к которой принадлежал Токиёри, окрепла, поскольку Адати продолжительное время были связаны с Ходзё брачными узами. Лишь затем, наконец, наступило спокойное время, продолжавшееся до 60-х годов. В 1252 г. Мунэтака, сын отреченного императора Госага, стал сёгуном — через 30 лет то, о чем мечтала Ходзё Масакэ, наконец произошло.

Дальнейшая эволюция системы власти Даже во время политической нестабильности *бакуфу* продолжало заниматься законодательной и судебной деятельностью. В 1249 г. был учреждено *хикицукэсё* — ведомство по расследованию дел с участием *гокэнин*. В судебных органах *бакуфу* скопилось множество нерешенных споров по вопросам земельного владения. Новое ведомство ускорило процедуру, причем, как правило, решения принимались в интересах *гокэнин*. Возглавляли новое ведомство представители дома Ходзё. Любо-

пытно, что в 1246 году императорский двор создал свой судебный орган *Кёто хёдзёсю* для разрешения земельных споров, но, естественно, в интересах аристократии.

Параллельное существование этих судебных органов свидетельствовало о дальнейшем развитии в Японии многополюсной системы власти, ставшей характерной чертой первого *бакуфу*. Японские историки называют ее «*кобу сэйдзи*» — «политика аристократии и военных». Основные институты управления фактически дублировались, однако объем власти каждого полюса был разным, и к 60-м годам XIII в. заметно сместился в пользу военных — *букэ сэйкэн*.

Можно сказать, что расцвет первого сёгуната закончился со смертью в 1263 г. 5-го *сиккэн* Хёдзё Токиёри. Тогда же, в 60-е годы начался новый этап в истории *Камакура бакуфу*. Главные изменения коснулись экономической основы государства — *сёэн*.

Развитие феодальной экономики

В течение всего периода существования *Камакура бакуфу* экономической основой обоих полюсов власти — *кугэ сэйкэн* и *букэ сэйкэн* — оставался *сёэн*. При этом в первой половине XII века внутри *сёэн*, как и в японском государстве, взаимодействовали две системы управления.

Земельная собственность и земельные отношения

После конфискации земельных владений у участников *Дзёкю-но ран* произошел передел земли. Не во всех случаях он был открытым, поскольку *бакуфу* через короткое время возвратило часть земель бывшим владельцам (как буддийским монастырям, так и аристократам) при условии новой конфискации при малейшем «непослушании».

Как уже упоминалось, в первые годы существования *бакуфу* в *сёэн* были назначены представители сёгуна — *дзитё*. Естественно, между управляющими *сёэн* (*рёсю*, или *рёкэ*) и вновь назначенными *дзитё* были неизбежны острые противоречия, и истории того времени наполнена конфликтами между *дзитё* и *рёсю*. Вместе с тем, их мирное сосуществование в каком-либо отдельно взятом *сёэн* тоже не было исключением. И *рёсю*, и *дзитё* были заинтересованы в получении максимальных доходов, поскольку тогда их собственная доля тоже возрастала. Имея в значительной степени одинаковые интересы, они должны были строить отношения с крестьянами, собирая ежегодные налоги и каким-то образом делить их между собой. К концу XIII в. основными сборщиками на-

логов стали *дзитō*. Они собирали фиксированный налог (в каждом *сёэн* разный) и потом делили его с владельцами *сёэн*.

Ответственными за сбор налога и выполнение повинностей группами крестьянских хозяйств оставались крепкие хозяева-*мёсю*. Поэтому и *рёсю*, и *дзитō* имели дело, в основном, с *мёсю*, позиции которых в деревенской иерархии все более упрочивались.

В 20–30-х годах XIII в. в государстве 5 раз изменяли название эр правления в надежде выйти из бесконечного цикла засух, голода и эпидемий. Вторая же половина XIII в. ознаменовалась подъемом в земледелии. В Японии начали снимать по 2 урожая в год. В источниках того времени встречаются упоминания о ранней и «межсезонной» посадке риса, т. е., видимо, уже было известно несколько сортов. Шла распашка новых полей, расширилось применение тяглового скота и удобрений, почти повсеместным стало использование железных земледельческих орудий. Землепользование стало более интенсивным, доход с земли увеличился. Рост сельскохозяйственного производства стимулировал развитие торговли, единицей обмена в которой был рис и медная монета.

Интенсификация земледелия, появление и развитие рынков вызвали изменения в структуре *сёэн*. В то время практически во всех владениях выросло количество *мёсю*, увеличилось их благополучие, что изменило положение сельской общины в целом: она стала более экономически защищенной. *Дзитō* и другие представители провинциальной власти были заинтересованы в поддержке со стороны *мёсю*, а те в свою очередь — в военной и политической защите.

Развитие ремесла и торговли

Как в *сёэн*, так и на государственных землях, находившихся под контролем губернаторов провинций, жили ремесленники, занимавшиеся производством различных товаров. Они строили дома, делали земледельческие орудия, посуду, красили ткани, изготавливали бумагу, зонты и т. д. За это они получали земельные участки (сейчас достоверно не известно, обрабатывали ли они их сами, или получали с этих земель часть урожая).

Размер участков зависел от размеров владения, в котором жил ремесленник, и от его специальности. Сохранился документ 1255 г., согласно которому губернатор провинции Иё (о-в Сикоку) наделил земель ткачей, плотников, красильщика тканей, мастеров по изготовлению зонтов, бумаги, седел, изделий из меди, горшечника. Всего было выделено 52 *тё* земли. 25 *тё* из них получили ткачи, 5 *тё* — плотники, все остальные от 3 до 4,5 *тё*.

Потребности буддийских монастырей и столичной аристократии удовлетворялись поставками из принадлежавших им *сёэн*. Летопись монастыря Тōдайдзи в Нара свидетельствует, что в 1250 г. только из одного своего *сёэн* в провинции Тамба монастырь получил, кроме риса и ячменя, несколько сортов бумаги, ткани, фрукты, овощи, конопляное масло, грибы, сухие специи, лак, ямс, циновки, дрова и еще около десяти видов продуктов и изделий. Можно предположить, что из других своих владений Тōдайдзи получал не менее широкий ассортимент.

В XII в. возникли *дза*, первые объединения ремесленников. Этим словом (букв. «сидеть») сначала называли место на рынке, где ремесленники одной специальности продавали свои изделия, затем — корпорации, объединявшие ремесленников одной профессии, обладавших монопольным правом на производство и сбыт своей продукции. В то время ремесленник и торговец еще были объединены в одном человеке.

Первые рынки появились рядом с крупными монастырями, и потому получили название *мондзэнмати* — «квартал перед монастырскими воротами». Рынки существовали и в Хэйанкё, самым крупным из них был восточный рынок Сакё.

Перевозка риса и других продуктов и изделий велась, главным образом, по водным путям. В местах выгрузки риса, рисовых складов развивались *минатомати* («портовые города»). Нам известно о существовании портов Ёдо и Кидзу на реке Ёдо; Оцу, Имадзу и Сакамото — на оз. Бива; и Хёго — на побережье Внутреннего Японского моря. Все они были ориентированы на обслуживание огромного, по тем временам, столичного города.

В *минатомати* базировались *тоимару* — «перевозчики груза с лодкой», своего рода торговцы, транспортные агенты и доверенные лица владельцев *сёэн* или управителей провинций в одном лице. Первоначально их функция заключалась в доставке в столицу натурального налога, собранного на землях, с владельцем которых они находились в вассальных отношениях. Однако со временем образовался своеобразный рынок услуг *тоимару*, и они стали обслуживать и владельцев *сёэн* или управителей провинций, чьи владения находились на пути их следования. Постепенно *тоимару* аккумулировали в своих руках значительный капитал и составили наиболее активную часть торгового населения растущих японских городов.

Кроме торгово-ремесленных корпораций *дза* существовали объединения поставщиков продуктов. Они были разделены на несколько категорий в зависимости от того, какую часть японской

«истеблишмента» тех лет они обслуживали, и от кого получили монопольное право на поставку того или иного продукта. Среди них были поставщики императорского двора (*кугонин*), синтоистских храмов (*синдзин*), буддийских монастырей (*ббдзин*), самурайских семей (*кодзин*). *Кугонин* были одними из первых, кто начал продавать товар на рынке. Сначала они продавали только излишек, после того как выполняли свою повинность, однако постепенно они становились все более независимыми в своей деятельности.

Ранние японские города (Фудзивара, Нара, Киото, Камакура) создавались как политические и религиозные центры. В XIV в. в большинстве владений и монастырей на перекрестках дорог и водных путей возникли небольшие, до 1000 жителей, поселения нового типа, т. н. *фуцука ити*. В них 2, 12 и 22 числа каждого месяца места торговали рынки, что и составляло экономическую основу жизни их обитателей.

В период *Камакура бакуфу* возникло также около 30 *сюкубамати* — городков, создававшихся вокруг постоянных дворов на дороге Тёкайдо, соединявшей Хэйан и Камакура. Еще одной популярной трассой была Санъёдо, соединявшая Хэйан и Хакато, где также выросло около 15 *сюкубамати*.

Распространение денежного обращения Новой чертой экономической жизни страны в рассматриваемый период было развитие денежных отношений. Изначаль, и власти *бакуфу* признали, что монеты были более удобным эквивалентом обмена, чем рис или ткани. После неудачных попыток периода Нара ввести денежное обращение «сверху», оно стало развиваться само по себе, несмотря на чинимые ему препятствия.

Дело в том, что с установлением торговых отношений с сунским Китаем оттуда, наряду с редкими, изысканными товарами для «высшего» общества, в Японию стала ввозиться медная монета. Китайцы пытались бороться с этим, и в 1199 г. в Китае был издан указ, запрещающий экспорт монет в Японию, а в 1254 г. количество японских кораблей, которым разрешалось заходить в китайские порты, было ограничено до пяти в год. Однако все было тщетно. Количество вывозившихся в Японию монет только росло.

В результате развития денежного обращения в Японии появилась новая категория населения — ростовщик (*касиагэ*, или *кариагэ*). Активно ссужали деньги под процент богатые торговцы, *тоимару* портовых городов, а также *сансё* — монахи монастыря Энрякудзи и некоторых других монастырей. Монахи становились

ростовщиками, поскольку получали большие доходы от сёэн, а также приношения прихожан в денежном выражении.

Монгольское нашествие

Появление монгольской опасности

В 60-х гг. XIII в. к Японии проявил интерес Хубилай, внук Чингисхана и один из наследников созданной им гигантской евразийской империи. В 1268 г. на о-в Кёсю прибыло монгольское посольство с посланием от Хубилая. Тон его был примирительным, а в сопроводительном письме правитель Корё (одного из государств на Корейском п-ове) заверял, что целью монголов было установление мирных отношений с Японией, а не ее покорение. Только несколько месяцев послание Хубилая доставили в Камакура, но, поскольку оно было адресовано «королю Японии», правительство *бакуфу* переправило его императорскому двору в Киото, где его оставили без ответа. В 1269 и 1271 гг. монголы повторно направляли посольства в Японию, но ответа так и не добились.

Такое поведение японской стороны, по-видимому, было вызвано тем, что японцы были в достаточной степени осведомлены о событиях на материке. Их информаторами были как южносунские купцы, так и многочисленные буддийские монахи, прибывавшие из Китая. На основании имевшихся сведений японцы сочли, что монголы представляли для них угрозу.

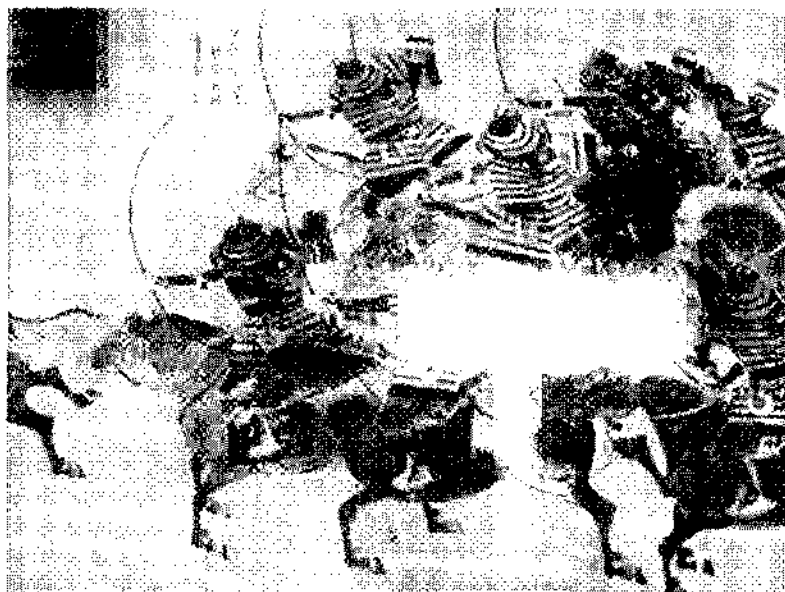
Сохранилось распоряжение *бакуфу*, направленное *сюго* провинции Сануки на о-ве Сикоку. В нем сообщалось, что монголы задумали злое дело, собираются напасть на Японию, и давалось указание немедленно оповестить об этом всех *гокэнин* провинции и организовать оборону. Вероятно, подобные распоряжения были разосланы всем *сюго* на юго-западе страны.

Попытки монгольского вторжения

В 1271 г. в Китае воцарилась новая династия Юань, основателем которой был Хубилай. В 1273 г. под властью Юань оказалось и Корё, которому в 1274 г. было дано распоряжение построить и оснастить флот в 900 кораблей и собрать армию в 5 тыс. чел. Через несколько месяцев совместная монголо-корейская армада вышла в море и двинулась в направлении Японских о-вов. Она атаковала острова Цусима и Ики, которые, несмотря на отчаянное сопротивление, были захвачены и разграблены. Через несколько дней иноземный флот вошел в залив Хаката.

На о-ве Кёсю им противостояла сравнительно небольшая по численности армия (по подсчетам современных японских ученых не более 3,5–6 тыс. чел.). Кроме того, японцы впервые столкнулись с регулярной, хорошо вооруженной армией, владевшей различными тактическими приемами. От поражения японцев тогда спас шторм.

Японцы понесли большие потери, но и нападавшие потеряли около 2/3 армии, погибшей не столько в сражениях, сколько во время сильного шторма, уничтожившего большую часть монголо-корейского флота. Тайфун получил название *ками кадзэ* — «божественный ветер», ниспосланный богами для спасения государства.

Японская кавалерия атакует монголов

Предполагая возможность повторного монгольского нападения, *бакуфу* предприняло ряд мер для обеспечения безопасности. В 1275 г. всем *буси* на о-ве Кёсю было приказано организоваться в отряды, объединявшие воинов 2–3-х провинций, и нести сторожевую службу по 3 месяца. *Бакуфу* также отдало приказ *гокэнин* Канто, имевшим владения в юго-западной части государства, отправиться в эти владения. По юго-западному побережью были возведены фортификационные сооружения. Каменные стены протяженностью 20 км к востоку и западу от Хаката имели высоту 1,5–

2,8 м и ширину основания 1,5–3,4 м и располагались в 50 км от моря. Остатки этих укреплений сохранились и сегодня.

Кроме того, в наиболее стратегически важные провинции были назначены новые *сюго* — представители дома Хōдзэ. *Бакуфу* укрепило оборону столицы, направив туда Хōдзэ Токимори и других известных *гокэнин*. Всем воинам столичной провинции Ямасиро — *гокэнин* и не-*гокэнин* — вменили в обязанность нести сторожевую службу по охране города. План обороны включал в себя также атаку Корё, являвшегося опорной базой империи Юань для нападения на Японию. Наконец, был отдан приказ всем *сюго* организовать в буддийских и синтоистских храмах провинций специальные службы о защите Японии и поражении ее врагов. Все эти меры усилили власть *бакуфу*, во главе которого в то время стояли Хōдзэ Токимунэ и Адати Ясумори.

В 1275 г. в Японию прибыло посольство от императора Юань. Ответ *бакуфу* на этот раз не заставил себя ждать — все посольство было казнено. Немедленного возмездия за это со стороны монголов не последовало: в то время империя Юань была занята войной с Южной Сун.

К 1279 г. сунская империя пала, ее император был пленен. Теперь для нападения на Японию Юань могли использовать сунский флот. В том же году Хубилай приказал построить 600 кораблей, и совместно с командующими сунской армией разработал план похода на Японию. Согласно ему нападение на Японские о-ва должны были осуществить две флотилии: Восточная, дислоцировавшаяся в Корё, и Южная — в юго-восточном Китае. Восточная располагала 900 кораблями с 10 тыс. корейских и 30 тыс. монгольских воинов. Южная флотилия состояла из 3,5 тыс. боевых кораблей со 100-тысячным сунским войском. Эти цифры, приводящиеся в исторических источниках, вероятнее всего, сильно преувеличены, но даже, если их уменьшить в 10 раз, на Японские о-ва направлялась огромная, сокрушительная сила. По плану флотилии должны были встретиться у о-ва Ики, и совместно начать атаку Японских о-вов.

В 1279 г. Хубилай направил в Японию еще одно посольство с посланием, в котором говорилось, что если японское государство не подчинится его власти, то его ждет судьба Южных Сун. Это посольство было также казнено японцами.

В 1281 г. Восточная флотилия вышла из Корё и направилась к японскому побережью. Она вновь разрушила острова Цусима и Ики и двинулась к Хаката, но воздвигнутые каменные укрепления не позволили армии высадиться, и они захватили о-в Сига. Япон-

ния яростно сопротивлялись, используя небольшие суда. Монголо-корейская флотилия вынуждена была отступить на о-в Ики. Южная флотилия задержалась из-за смерти командующего, поэтому первоначальный план был несколько изменен, теперь встретившись в Хирадо, обе флотилии направились в залив Хаката. Когда они подошли к побережью и готовы были высадиться, разыгрался сильный шторм, который фактически уничтожил юаньский флот. Уцелевшие корабли ушли в Корё, оставив на произвол судьбы частично высадившуюся юаньскую армию. Во втором походе противник потерял около 100 тыс. чел., от 70 до 90% своих сил. Вновь природа оказалась на стороне Японии.

Монголы еще долгое время держали Японию в напряжении. На юго-западе страны, особенно на Кёсю, все *буси* продолжали нести обязательную службу, которая заключалась не только в охране границы по 3–4 мес. в год, но и в участии в сооружении и ремонте прибрежных каменных укреплений и в обязательных поставках вооружения (стрел, копий, знамен). Некоторые владельцы *сёэн* отказывались выполнять эти решения *бакуфу*, и в 1286 г. последовал указ о назначении *дзитё* во все сопротивлявшиеся владения.

Консолидация власти *бакуфу*

В 1284 г. умер Хбдзё Токимунэ, главный организатор отпора монгольским нашествиям. Одним из главных советников нового, 14-летнего *сиккэн* Садатоки стал Адати Ясумори, его дед с материнской стороны и верный сподвижник Токимунэ.

В условиях сохранения опасности вторжения монголов важной задачей *бакуфу* было укрепление своей власти на Кёсю. Поэтому был осуществлен ряд мероприятий:

- чиновникам *сёэн* и *мёсю*, участвовавшим в обороне страны, были пожалованы земли;
- были безвозмездно возвращены земли всем тем, кто продал или заложил свои земельные участки в период активных оборонных мероприятий. Это касалось как светских землевладельцев, так и буддийских и синтоистских храмов;
- для того, чтобы *гокэнин* не отправлялись решать свои вопросы в Камакура или Киото, на Кёсю для решения всех возникавших проблем были назначены специальные представители *бакуфу* — *токусэй-но оннукаи*. Вместе с представителями родов Отомо и Муромати, а также Адати Моримунэ, они составили самостоятельное судебное ведомство на Кёсю.

Кроме того, изданный в 1284 г. закон «Токусэй рэй», аннулировавший сделки по закладу и продаже земли, распространили не

только на воинов с Кёсё, но и на *гокэнин* по всей территории страны.

Все эти мероприятия, включая и целый ряд новых законов, были инициированы Адати Ясумори, стремившимся укрепить власть *бакуфу*. Его влияние было значительным, о чем свидетельствует то, что к его роду принадлежали 5 из 16 членов *хёдзёсё* и 7 из 13 *хикицукэ*. Адати, имея тесные связи с Хёдзё, всегда подчеркивали и свою близость к сёгуну.

Это вызывало раздражение у *миутибито* — вассалов главной ветви (*токусё*) дома Хёдзё во главе с Тайра Ёрицуна. Если *сиккэн* Токимунэ умело гасил возникавшие противоречия, то после его смерти они разыгрались в полную силу, и в 1285 г. вылились в «восстание морозного месяца» (*симоцуки содô*). Тайра Ёрицуна неожиданно напал на Адати Ясумори и его сторонников, заявив, что делает это по распоряжению *сиккэн*. Существует предположение, что поводом для этого конфликта было то, что будто бы Адати Мунэкагэ, наследник Ясумори, претендовал на место сёгуна, утверждая, что является потомком Минамото-но Ёритомо.

Во время «восстания морозного месяца» погиб сам Ясумори, многие члены его рода и его сторонники; более 50 чел. совершили самоубийства. Многие, сохранив жизнь, потеряли должности, звания, политическое влияние. Отголоски смуты прокатились по всей стране. Так, на Кёсё был убит Адати Моримунэ. Но главным следствием конфликта был приход *миутибито* к власти в *бакуфу*.

Миутибито отличались от *гокэнин*, главным образом, тем, что были не только воинами, но и занимались хозяйственной и торговой деятельностью, организуя перевозку и доставку различных товаров. Возглавлял их Тайра Ёрицуна, который был близким вассалом Хёдзё Токимунэ, и жена которого была кормилицей Садатоки. Со времен Хёдзё Ясутоки к числу *миутибито* относились такие вассалы Хёдзё, как Битô, Сува, Андô, Сэки, Нандзё. Позже к ним присоединились Сога, Сибуя, Удзи, Кудô и др., которые управляли землями Хёдзё, а также владениями, где представители Хёдзё выполняли функции *сюго*.

Придя к власти, Тайра Ёрицуна продолжал решать те же задачи, что и Адати Ясумори: укрепление власти *бакуфу* после отращения монгольской опасности. Однако Ёрицуна удержался на вершине менее 10 лет. В 1293 г., пытаясь сделать своего сына Сукимунэ сёгуном, он был убит вместе с сотней своих сторонников по распоряжению *сиккэн* Хёдзё Садатоки.

Сиккэн стремился концентрировать власть *бакуфу* в доме Хōдзэ, назначая на посты *сюго* и *дзитō*, представителей своего рода. Сосредоточив в своих руках власть, Садатоки в 1293 г. издал новый закон «Токусэй рэй», аннулировавший все сделки *гокэнин* по продаже и закладу земель, а в 1294 г. выпустил указ, отменивший все награждения и наказания для участников «восстания морозного месяца».

Экономические последствия монгольского нашествия

Мероприятия по обороне Японских овов 70–80-х годов XIII в. способствовали развитию экономики страны. Содержание изданных Хōдзэ «Токусэй рэй» 1284 и 1293 гг., косвенно указывает на значительную экономическую роль торговцев и ростовщиков, покупавших и принимавших в заклад землю у *гокэнин*, поскольку главным содержанием этих законов была защита экономического положения воинского сословия.

Еще одним следствием монгольской опасности была активизация японских пиратов (*вакō*), что было косвенно связано с привлечением *буси* прибрежных районов к морской службе. Оказавшись не у дел после отражения монгольского нашествия, японские мореходы не вернулись к сухопутной жизни. Двухпалубные, устойчивые, снабженные компасом японские корабли, изготовленные специально для борьбы с монголами, стали появляться у восточного побережья Китая, у берегов Филиппин и Индонезии.

Японские пираты не ограничивались грабежом, но, фактически, осуществляли значительный объем внешнеторговой деятельности. Именно с их помощью Япония в то время вывозила рис в страны Юго-Восточной Азии, и ввозила из Китая медную монету, ткани, фарфор.

Важным следствием борьбы с монголами было нарушение экономического равновесия между двумя частями страны — юго-западом и северо-востоком. Средства, вложенные в оборону южных районов, экономически усилили местные военные дома, а оказавшиеся в их распоряжении военные силы увеличили их могущество. Кроме того, рост пиратской торговли способствовал усилению и обогащению торгово-ремесленного сословия и местных *сюго*.

* * *

Период Хэйан был ознаменован «закрытием» (хотя и неполным) Японии от внешнего мира. Тогда в японском обществе шел процесс переосмысления культурных заимствований и создания основ национальной культуры. В противоположность ему период

первого *бакуфу* — время не только более открытого для внешних воздействий общества, но и первой в японской истории общегосударственной опасности иноземного нашествия. В результате японское государство снова стало активным субъектом военно-политических и экономических отношений на Дальнем Востоке.

Углубление религиозного синкретизма

К концу эпохи Хэйан буддизм занял ведущие позиции в религиозной жизни Японии. Хэйанские школы Сингон и Тэндай с их разработанным сложным ритуалом отвечали вкусам и религиозным запросам аристократии. Другим уровнем распространения буддизма была магическая практика, которая была понятна простому народу, поскольку ассоциировалась с анимистическими представлениями национальных религиозных верований. По стране бродили многочисленные *хидзири* — святые, не похожие ни на монахов, ни на мирян, в повседневной жизни не соблюдавшие буддийских заповедей, выступавшие в роли прорицателей, заклинателей, колдунов.

В той или иной форме к концу XII в. буддизм укоренился в самых широких слоях японского общества. Анализ светской литературы эпохи показывает, что она насыщена буддийскими идеями. И если теологическая аргументация буддийских доктрин была доступна исключительно ученым монахам, то концепция кармы — совокупности добрых и злых деяний, накопление которых обуславливает характер следующего рождения, — была хорошо известна и понятна значительной части японского общества.

Предопределенность, обусловленная кармой, неизбежность страданий в следующей жизни создавали чувство безысходности. Именно это настроение было одним из определяющих условий возникновения новых школ японского буддизма. В начале эпохи Камакура наиболее плодотворными казались две идеи: представление о том, что мир вступил в эпоху «конца Закона» (*манпо*) и теория «изначального просветления» (*хонгаку*).

В буддизме есть учение о «трех эрах», по которому потечет жизнь «Закона», т. е. учения Шакьямуни, после его «вхождения» в нирвану. Первая эра, продолжающаяся 500 лет, время «истинного Закона» (*сёбб*) есть время торжества истинной веры. Вторая эпоха продолжительностью в 1000 лет — время «подобия Закона» (*дзёбб*), когда вера еще сохраняется в людях, но уже только внешне, формально, не одушевляя их дела и поступки. Последняя эра — «конца Закона» (*манпо*), когда в мире не остается даже

подобия истинного учения, наступала по некоторым подсчетам в 1052 г., в 7-м году Эйсё. Подтверждением того, что мир вступил именно в эту последнюю эпоху, посчитали катастрофический пожар в монастыре Хасэдэра школы Сингон. Однако в этом пожаре усмотрели еще одно знамение: сгорели все священные изображения, кроме маленькой фигурки будды Амитабха (яп. Амида). Это чудо возвещало людям, что с ними остается Амитабха — Светоносный властитель Чистой земли, рая; будда, давший великий обет ввести в свою обитель всех людей (*хонган*).

Распространение амидаизма

В Японии об этом учении было известно еще в X в.; знали, что для того, чтобы открыть себе путь в рай, достаточно многократно повторять имя будды Амида. Но с 1052 г. учение начало набирать силу и достигло наибольшего влияния в XIII в. благодаря двум выдающимся проповедникам: Хōнэн и Синран.

Около 1175 г. Хōнэн основал школу Чистой земли (*дзёдо сё*), базировавшуюся на вере «возглашения имени», отказе от монашества, отшельничества, подвижничества, обрядов. Японские исследователи считают, что именно проповедь Хōнэн вывела буддийское учение из сферы магии и превратило его в массовую религию. Среди приверженцев Хōнэн называли членов императорской фамилии, представителей знатных семей, прославленных воинов, предводителя разбойничьих шайк, «гулящих девок» из портовых притонов. Если в раннем японском буддизме на первом плане были идеи охраны страны, государства, то сейчас главной целью стало личное духовное спасение.

Укреплением своего положения школа Дзёдо обязана Синран, ученику Хōнэн, который адресовал свою проповедь прежде всего «порочным» (с точки зрения традиционного буддизма) людям с «замутненным сознанием» — самураям, крестьянам. Синран назвал свое учение Истинной школой Чистой земли (*дзёдо синсё*). В отличие от Хōнэн, он утверждал, что для вхождения в Чистую землю не требуется многократного возглашения имени будды — достаточно произнести его один раз. Кроме того, Синран отказался от возведения храмов, разрешил своим последователям есть мясо, вступать в брак.

Школа Нитирэн

Еще одним выдающимся деятелем японского буддизма XII–XIII вв. был Нитирэн. Школа, созданная им, стала известна по имени основателя (*Нитирэнсё*) или по названию символа веры — «Сутре Лотоса» (*хоккэсё*). Нитирэн считал, что именно в ней заключена суть

учения Шакьямуни, а молитва «*Наму мёхё рэнгё кё*» («О, Сутра Цветка Лотоса Дивного Закона!») лучше всего отвечает воле Шакьямуни. Главная мысль своего учения Нитирэн выразил в следующих словах:

«Будда явился в этот мир не ради людей своего времени, а ради людей всех трех эр — «правильного Закона», «подобия Закона», «конца Закона»; не ради людей «правильного Закона» и «подобия Закона», а ради людей начала «конца Закона». — таких как я».

Нитирэн как бы вернул буддизму заботу об обществе, государстве и переводил его из мира человечества вообще в мир конкретного народа. Он писал политические трактаты и письма о том, что государство должно перейти на службу буддийской церкви, стать центром буддийского мира, что все бедствия которые переживает страна, включая и угрозу иноземного нашествия, происходят от того, что Будда отвернулся от Японии. За политические высказывания власти *бакуфу* несколько раз отправляли строптивого проповедника в ссылку.

Распространение дзэн-буддизма

Дзэн (кит. Чань) — единственная школа японского буддизма, возникшая в то время

не на японской почве, а привнесенная из Китая. Учение возникло на рубеже V–VI вв. Его основателем считается индийский монах Бодхидхарма, живший в Китае.

Чань — это интуитивистская школа буддийской медитации. После того, как в XII в. были возобновлены контакты с Китаем, вновь участились поездки туда буддийских монахов, прежде всего школы Тэндай. В то время Чань-буддизм был одним из наиболее популярных направлений, привлекавших к себе многих художников и литераторов. В конце XII в. тэндайский монах Эйсай привез новое духовное учение в Японию и с помощью китайских монахов-миссионеров начал широко пропагандировать его среди аристократии и буддийского духовенства.

В Японии дзэн-буддизм разделился на несколько направлений. Самыми популярными стали Риндзай и Сётё, основоположниками которых были Эйсай и Догэн. Школа Сётё нашла для себя благодатную почву в сельской местности, среди небогатых самураев и крестьян, а направление Риндзай получило широкое распространение среди высших слоев воинского сословия. Так, оно нашло себе покровителей в лице Хёдзё, которые всячески способствовали его распространению. В Камакура было сооружено несколько дзэнских монастырей, самыми известными из которых считаются Энгакудзи и Кэнтёдзи.

Поддержка дзэн со стороны Хōдзэ во многом объяснялась тем, что прежние монастыри Киото были теснейшим образом связаны со столичной аристократией и императорским домом. Сиккэн были не в состоянии контролировать монастыри Киннай, а они (Энрякудзи, Кōфукудзи, Нэгоро, Коясан и др.) имели хорошо обученные военные отряды и всегда готовы были выступить на стороне императорского двора.

Впрочем, оказывая поддержку дзэн-буддизму, Хōдзэ отличался взвешенным отношением к разным буддийским школам, старались не противопоставлять их. Эта веротерпимость наиболее ярко проявилась в период монгольских нашествий и в первые десятилетия после них. Так, Хōдзэ Садатоки издал законы о поддержании и ремонте храмов (как буддийских, так и синтоистских), находившихся в ведении провинциальных управлений.

Различные направления дзэн-буддизма при всей своей специфике придерживались некоторых общих основных принципов: отрицания книги, письменных источников; передачи истины не через сочинения, а непосредственно от учителя к ученику («от сердца к сердцу»); внеинтеллектуальное прозрение и достижение совершенства Будды. Дзэн не приемлет пессимистического взгляда на мир, как на юдоль страданий, и утверждает позитивное отношение к жизни. Согласно ему, человеческие желания должны не подавляться, а направляться по духовному руслу. Возможно, это также способствовало его популярности в Японии, поскольку соответствовало оптимистической природе тамошних исконных верований.

Согласно учению дзэн самым важным считался духовный труд, выражавшийся не во внешних действиях, а во внутренней работе над собой, которая бы приводила к обретению «пустого сердца», т. е. к достижению такого состояния духа, которое свободно от всего житейского, суетного, что обычно заполняет собой сознание человека. Это не было отрицанием материального бытия: наоборот, бытие — материальное и духовное — считалось реальностью; отрицалось только отождествление жизненного с житейским. Освобождение духа из-под власти житейского приводило к тому, что последователи учения называли «пустотой», т. е. к абсолютной духовной свободе. Именно такая свобода открывала путь к самому главному: к познанию высшей сущности бытия. Сущность эта мыслилась как «природа Будды», но Будды как состояния, как бытия высшего порядка. Она познавалась человеком не где-то вовне, а в самом себе, самоуглублением. Это называлось

сатори (просветлением, истинным познанием) и составляло суть буддийского понятия «дхьяна».

Русский исследователь дальневосточного буддизма О.О. Розенберг отмечал, что если школа Сингон дала Японии искусство, то направление дзэн в значительной степени способствовало развитию всех его жанров. В последующую эпоху жестоких междоусобных войн именно дзэнские монастыри стали теми тихими островами, где могла развиваться японская культура.

Развитие синтō Распространение разных направлений буддизма не могло не вызвать поиски теоретических основ синтō. В повседневной жизни противопоставления этих двух религий не было. Какого бы направления буддизма человек ни придерживался, он продолжал почитать свое родовое божество *удзигами*. Синтō оставался основой мировоззрения японца. Без синтоистских обрядов и церемоний невозможно было представить себе функционирование японской государственности, земледельческого цикла, да и просто обыденной жизни людей. Однако в постоянном сосуществовании с хорошо структурированными буддийскими учениями синтō была вынуждена искать новые формы выражения. В то время наиболее логичным направлением таких поисков было включение в буддийскую систему миропонимания.

В эпоху Камакура сформировалось одно из направлений синтō, так называемое *Ватараи синтō* (или *Исэ синтō*). Служителем внешнего святилища Гэку комплекса Исэ (вероятно, Ватараи Юкитада) была написана «Синтō гобусё» («Книга в пяти частях о синтō»). В ней автор, взяв за основу мифы «Кодзики», «Нихон сёки» и «Кудзи хонги», объяснял происхождение святилища и культа Исэ. Опираясь на положения китайских концепций Инь-Ян и Пяти элементов, он выявлял (в рамках) «истинную суть» синтоистских божеств и, применяя конфуцианские положения, определял в качестве главной добродетели правдивость и чистоту, что хорошо соответствовало важной роли обрядов очищения в синтоистском культе. В противоположность буддийской концепции *хондзи суйдзюку*, согласно которой синтоистские божества-ками являлись аватарами, воплощениями будд, синтоистские служители выдвинули положение, что *ками* суть «истинные существа», а будды — их «проявленный след». Фактически, это был перевернутый вариант буддийской концепции *рёбу синтō* — «двойного пути богов».

В эпоху Камакура религиозный мир японцев сделался еще более многообразным. Однако при этом взаимодействие составляв-

ших его основу синтоистских и буддийских представлений, стало только более устойчивым.

Падение Камакурского сёгуната

Образование двух ветвей императорского дома

Вопрос о порядке престолонаследия обострился в 1272 г., после смерти отрекшегося императора Госага. Прямое правление Госага было кратковременным (1242–1246), но как отрекшийся император он стоял во главе императорского рода и оказывал влияние на политическую ситуацию в государстве на протяжении почти 30 лет. Отношения двора и *бакуфу* в то время были спокойными, а после того, как в 1252 г. сын Госага Мунэтака стал сёгуном — почти родственными.

Госага больше всего любил 4-го сына, будущего императора Камэяма, которого сделал наследником старшего сына Гофукакуса. Он также попытался закрепить передачу трона по его линии, определив, что следующим наследным принцем будет сын Камэяма. Однако он так и не принял решения, кто из его сыновей возглавит императорский дом.

После смерти Госага власти *бакуфу*, желая сохранить хорошие отношения с императорским двором, обратились к овдовевшей императрице с вопросом о последнем желании Госага. Затем на основании ее слов главой императорского дома был объявлен сам молодой император Камэяма.

Впервые с XI в. правящий император оказался более значимой фигурой, чем отрекшийся. Это положение изменяло установившееся правило, что возглавлять императорский дом мог только отрекшийся император, и означало не что иное, как передачу политической власти правящему императору.

В 1274 г. Камэяма отрекся в пользу своего сына Гоуда, что вызвало крайнее неудовольствие Гофукакуса. *Бакуфу* на этот раз вмешалось, предложив Камэяма усыновить племянника и сделать его наследным принцем. Камэяма вынужден был согласиться.

В 1285 г. Камэяма издал несколько указов, в которых, в частности, регулировались правила поведения внутри и вне императорского дворца. Одновременно появился указ, разрешавший передачу земель буддийских и синтоистских храмов другим храмам или частным лицам, что означало юридическое признание процессов купли-продажи земли, происходивших в реальной жизни. Кроме того, Камэяма реформировал судебную систему *кугэ*, максимально приблизив ее к системе *бакуфу*.

В 1287 г. *бакуфу* потребовало отречения императора Гоуда и возведения на трон сына отрекшегося императора Гофукакуса. Причиной такого решения было обвинение в адрес Камэяма в подготовке заговора против *бакуфу*. Вероятно, слухи были инспирированы сторонниками Гофукакуса в императорском дворе. Гоуда был вынужден отречься, и на трон был возведен Фусими, сын Гофукакуса; последний же возглавил императорский дом. В 1290 году по инициативе *бакуфу* сын Фусими был провозглашен наследным принцем, а сын Гофукакуса — Хисаакира — сёгуном.

Император Фусими продолжил реформировать систему управления двора. Однако его деятельность была прервана вынужденным отречением в 1298 г., вызванным интригами, сходными с теми, что заставили отречься Камэяма. На трон был возведен Гофусими, а наследным принцем провозглашен сын Гоуда, внук Камэяма. С этого момента *бакуфу* как будто решило следить за последовательностью наследования двух императорских ветвей по линиям Гофукакуса и Камэяма. Так, в 1301 г. Гофусими вынужден был отречься, и в порядке установленной очередности на трон был возведен Гонидзё, а наследным принцем был провозглашен младший брат Гофусими — Ханадзono.

Ветвь, ведущая начало от Камэяма, получила название Дайкакудзи (по названию резиденции Гоуда), а ветвь, ведущая начало от Гофукакуса, стала называться Дзимёин (по названию резиденции Фусими). Каждая из ветвей имела более 100 сёэн. Впоследствии *бакуфу* разделило все сёэн императорского дома поровну между обеими ветвями.

Антагонизм внутри императорского дома нашел выражение и в их религиозной принадлежности. Так, Дайкакудзи были сторонниками сунского конфуцианства, дзэн-буддизма и китайского стиля в каллиграфии, в то время как Дзимёин предпочитали хэйанскую культурную традицию и в литературе, и в каллиграфии, и в буддизме. Внутри придворной аристократии, кроме двух больших лагерей, постоянно возникали соперничающие между собой группы, поддерживавшие разных возможных претендентов на трон.

Вопарение Годайго В этой атмосфере непрерывных интриг *бакуфу* в 1317 г. потребовало отречения императора Ханадзono, возведения на престол Годайго и провозглашения наследным принцем Куниёси. Таким образом, представители Дайкакудзи заняли все высшие ступени иерархии императорского дома, во главе которого стал отрекшийся император Гоуда, отец Годайго. После смерти отрекшегося императора Фу-

сими второстепенное положение Дзимёин усугубилось отсутствием главы ветви.

Тогда же *бакуфу* издало указ, регулировавший порядок престолонаследия. Согласно ему, после вступления принца Кунйёси на трон наследным принцем должен был быть провозглашен сын Гофусими принц Кадзухито (будущий император Кёгон). Кроме того, правление каждого императора не должно было превышать 10 лет, а Годайго не должен был пытаться сохранить трон дольше положенного.

Годайго вззошел на трон в 1318 г. Ему был тогда 31 год, он был энергичен и имел четкие политические цели. Годайго стремился покончить с системой раннего отречения императоров, ликвидировать систему *инсэй* со всеми ее институтами, сосредоточить власть в руках императорского дома. Ограничения, введенные *бакуфу*, только утвердили его в правильности выбранного пути — возродить лучшее время японской государственности, которое, по его мнению, приходилось на годы правления императора Дайго (897–930).

В 1321 г. отрекшийся император Гоуда удалился от дел, передав свои права Годайго. В том же году поменяли название эры правления — Гэнкё, — что подчеркивало серьезность намерения императора установить новый тип власти. Годайго окружил себя высокообразованными людьми: Ёсида Садафуса и Китабатакэ Тикафуса, принадлежавшими к Дайкакудзи, а также менее знатными, но не менее знающими и образованными Хино Сукэтомо и Хино Тосимото. Параллельно Годайго стремился упрочить экономическую основу императорского дома, впервые введя в 1322 г. налог с изготовителей *сакэ* в Киото. Однако основные усилия императора были направлены на борьбу с *бакуфу*.

В 1311 г. после смерти Садатоки во главе дома Хёдзё стал его 9-летний сын Такатоки, *сиккэн* с 1316 г. В исторической традиции о нем сохранилось мнение как о бесхарактерном, даже слабом человеке, что, видимо, и объясняет тот факт, что главной фигурой в *бакуфу* стал Нагасаки Такасукэ, представитель *миути-бито*. Внутри *бакуфу* разгорелась борьба за власть, усилившаяся после отставки Такатоки в 1326 г. и освобождения поста *сиккэн*.

Усугубляли внутреннее положение *акутё* — «плохие отряды». Это понятие существовало на протяжении всего первого *бакуфу* и включало в себя как разбойников, воров, бродяг, так и группы мелких и средних землевладельцев, выступавших против местной власти в *сёэн*. Если первые, бродившие по городам и деревням небольшими группами, занимавшиеся воровством и азарт-

ными играми, выделявшиеся в толпе странными одеждами, деревянными мечами и длинными бамбуковыми шестами, доставляли *бакуфу* сравнительно небольшие неприятности, то вторые, хорошо организованные и вооруженные, с конца XIII в. стали представлять реальную опасность. Вероятно, это было одним из проявлений противоречия двойственной структуры управления, когда на провинциальном уровне власть была в руках представителей *бакуфу*, а на уровне земельных владений — аристократии, монастырей и храмов и в меньшей степени самураев.

Свержение власти *бакуфу*

Последний всплеск активной внутренней политики *бакуфу* относился к 1318 г., когда оно пыталось навести порядок в западных провинциях областей Санъё и Нанкай, отдав распоряжения местным *сюго* и *гокэнин* разрушить укрепления *акутё* в их провинциях. Было разрушено более 20 укреплений, многие *акутё* убиты. Однако спокойствие было кратковременным. В то же время *бакуфу* обязало *гокэнин*, имевших владения по побережью Внутреннего Японского моря, охранять наиболее важные порты от пиратов. Однако слабость власти *бакуфу* проявилась, когда на севере Хонсю вспыхнула междоусобная война в доме Андё, а армия оказалась не в состоянии справиться с этими трудностями.

Годайго же собирал силы. Во главе буддийской школы Тэндай стал сын Годайго Моринага, тем самым обеспечив отцу поддержку этой сильнейшей религиозной организации, обладавшей вооруженными отрядами монахов. Хино Сукэмото и Хино Тосимото вели переговоры с главами формирований *акутё* в районе Кинай. Все-таки в 1324 г. заговор, который готовили противники Хёдзё, был раскрыт. Направлявшиеся в Киото отряды военных домов Токи и Тадзики из провинции Мино были атакованы отрядом *рокухара тандай*, мятежные командующие убиты, а ближайшие сподвижники Годайго Хино Сукэмото и Хино Тосимото арестованы и препровождены для разбирательства в Камакура. Эти события вошли в историю под названием *Сётю-но хэн* — «беспорядки годов Сётю».

Императорский двор сделал все возможное, чтобы отвести подозрения от Годайго, но все равно он лишился одного из своих ближайших сподвижников Хино Сукэмото, которого обвинили в руководстве заговором против *бакуфу* и сослали на о-в Садо.

В 1331 г. был раскрыт второй заговор против *бакуфу*. Император был вынужден покинуть Киото и укрыться на горе Касаги, а в провинции Кавати против *бакуфу* выступил Кусуноки Масасигэ,

который укрепился в крепости Акасака. Годайго был арестован и отправлен в ссылку на о-в Оки. Однако, несмотря на давление *бакуфу*, он отказался отречься. Тем не менее, *бакуфу* все же организовало церемонию возведения на трон принца Кадзухито из Дзиммэин под именем императора Кōгон.

Моринага, сын Годайго, рассылал по всей стране указы от имени сосланного императора, в которых призывал военные дома выступить против власти Хōдзэ. Кусуноки Масасигэ, будучи талантливым военачальником, постоянно доставлял большие неприятности *бакуфу* партизанскими действиями. На Кюсю против Хōдзэ выступил Кикиути Такэтоки, а в Харима — Акамацу Норимура. Все больше самурайских домов вставало на сторону Годайго, что обеспечило ему возможность в 1333 г. покинуть место ссылки и укрыться у Нава Нагатоси в провинции Хэки.

В то время сторонники Годайго уже контролировали западные провинции. Во главе армии *бакуфу*, выступившей против мятежников, был поставлен Асикага Такаудзи. Род Асикага происходил от Минамото, и традиционно имел прочное положение при Хōдзэ, но Такаудзи очень давно был не доволен политикой Хōдзэ, в частности, выдвижением на первый план в структурах власти *бакуфу миутибито*. Поэтому он перешел на сторону Годайго.

Рокухара тандай вместе с императором Кōгон и его двором бежали в Камакура, однако по пути попали в окружение *акутō*. Многие сторонники *бакуфу* покончили с собой, а императора вернули в столицу. Тогда же Нитта Ёсисада из провинции Кōдзукэ атаковал Камакура. Город был сожжен. Множество представителей дома Хōдзэ и *миутибито* покончили с собой. На Кюсю войска родов Мурō и Отомо провели успешную операцию против *тиндзэй тандай*. Годайго вернулся в Киото. Император Кōгон отречения. Годайго вновь стал императором.

Так завершилось существование первого сёгуната, а с ним и период Камакура.

Глава 2

РАСКОЛ ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА (1318–1392)

Время с 1336 по 1392 гг. в истории Японии носят название *Намбокутё дзидай* — «период южного и северного дворов». Contemporaries называли южный двор *мия гата* («партия принцев»), а северный — *бука гата* («партия воинов»).

Раскол императорского дома сопровождался почти непрерывными кровопролитными войнами. Однако события того времени не сводились к династическому соперничеству в чистом виде, типичному для средневековой европейской истории. В них присутствовал довольно необычный для столь ранней исторической эпохи нерелигиозный идеологический конфликт, придававший происходящему характер гражданской войны.

Причиной этого было необычное положение императорского дома в системе японского государства. После распада «государства *рицурё*» и фактической утраты власти императорским домом, прежняя правящая элита не была уничтожена и не растворилась в победившем военном сословии. Она группировалась вокруг императорского дома, сохранившего роль сакрального центра японской государственности. Это создавало предпосылки для ее возвращения к власти, что и случилось в условиях острого политического кризиса, связанного с развалом камакурского сёгуната. При этом был использован лозунг восстановления, реставрации «правильного правления», положивший начало идейной традиции, проявившейся много веков спустя, в ходе реставрации Мэйдзи во второй половине XIX в.

Реставрация Кэмму

Реформы Годайго

Вернувшись на трон, Годайго стремился установить «правильное правление», сконцентрировать в своих руках власть. Он хотел поставить под контроль императора все действия государства. Свою деятельность после возвращения на трон он начал с возрождения *курёдо докоро* — «ведомства приказов», впервые созданного императором Сага (809–823) для издания прямых императорских указов. Любопытно, что Годайго настаивал, чтобы указы были написаны предпочитаемым им каллиграфическим стилем. Он также создал «наградную комиссию» — *онсё ката*.

Используя эти два ведомства, император начал раздавать назначения на должности как в столице, так и в провинциях, а также титулы, которые согласно кодексу «Тайхорё» сопровождались земельными пожалованиями. Кроме того, он издал целый ряд указов о конфискации земель у «врагов государства», о возвращении земель, «несправедливо захваченных» в период войн, о пересмотре «неверных юридических решений», принятых судебными органами *бакуфу*.

Императорский герб

Расплывчатость императорских указов, неспособность новых ведомств справиться с потоком петиций *буси* вызывали недовольство среди самураев. После разгрома Ходзё освободилось много должностей как в центральных, так и провинциальных органах управления, много земельных владений также оказались свободными. Естественно, что *букэ*, сражавшиеся на стороне Годайго против Ходзё, ожидали вознаграждения. Однако даже не все ближайшие к императору участники событий были отмечены, в то время как придворные Годайго, например, госпожа Рэнси, монах Монкан получили большие земельные пожалования. Среди несправедливых решений Годайго получил известность случай Акамацу Норимура, который внес значительный вклад в разгром Ходзё, приведя отряд из провинции Харима. Он сначала получил пост *сюго* в Харима, а потом был лишен его. Вероятно, были и другие подобные случаи, но чаще всего рядовые участники войны Ходзё просто-напросто не получали ничего.

Кроме того, многие военачальники Годайго, покончив с Ходзё, ожидали решений, отвечающих не только интересам двора, но и их собственным стремлениям. И хотя, например, Асикага Такаудзи был вознагражден более других, но и он не получил того, чего хотел. Такаудзи получил младшую степень 4-го придворного ранга, провинцию Мусаси в управление, пост *сюго* в нескольких других провинциях, множество земельных владений, и право использовать иероглиф «*така*» из личного имени императора (Такахару) в его собственном. Однако на просьбу о пожаловании титула *сэйи тайсёгун* он получил отказ. Император пожаловал этот титул принцам Моринага и Норинага, тем самым как бы продемонстрировав концентрацию власти в руках императорского дома.

С той же целью были созданы ведомство под названием *мусядокуро*. К сожалению, о его деятельности известно не много. Главной задачей *мусядокуро*, как и в эпоху господства системы *инсэй*, была охрана дворца — только теперь уже не отрешенного

императора, а действующего. По сравнению с прежними временами, *мусядокоро* заметно выросло. Теперь оно состояло из 6-ти отрядов и фактически выполняло функции столичного полицейского управления.

Возглавлял это ведомство Нитта Ёсисада, один из главных военачальников, обеспечивших разгром Хōдзё, а теперь политический соперник Асикага Такаудзи. Его род так же, как и Асикага, происходил от Сэйва Гэндзи, имел владения в провинции Кодзукэ, но в период первого *бакуфу* его члены не занимали таких высоких постов в аппарате Хōдзё, как Асикага. Ёсисада был воинами награжден Годайго младшей степенью 4-го придворного ранга провинцией Этиго в управление, должностями заместителя управителя в провинциях Кодзукэ и Харима и начальника левой императорской стражи, а, главное, — постом главы *мусядокоро*.

Представляется, что своей земельной политикой Годайго хотел ликвидировать систему *сёэн* и вернуться к старинной наделенной системе. Только в этом ключе можно понять действия императора в отношении части земельных владений Дайкакудзи, его политики отторжения владений, не соответствовавших рангу и должности владельца. Этими мероприятиями он подорвал экономическую основу южной ветви императорского дома, после чего она так никогда и не была восстановлена.

В 1334 г. Годайго начал капитальный ремонт, а, фактически, строительство заново императорского дворца. В этом была объективная необходимость, поскольку дворец был разрушен несколькими пожарами, последний из которых в 1227 г. полностью уничтожил внутренние покои. Более 100 лет императоры жили или во дворцах знати или во временных дворцах (*сато дайри*). На реконструкцию требовался налог двух провинций — Аки и Суд, а также 5% годового дохода всех землевладельцев.

Обострение борьбы за власть

Годайго, вероятно не представлял или не хотел представить себе то место в обществе, которое занимали *букэ*. Он не выполнял чаяний поддерживавших его в борьбе с Хōдзё военных, и тем самым не просто лишил себя сторонников, но создал благоприятные условия для претендентов на власть, главным среди которых был Асикага Такаудзи.

В 1333 г. Такаудзи создал в столице *бугёсё* — «секретариат для управления городом, фактически взявший на себя функции уничтоженного *рокухара тандай*. Как победитель, Такаудзи сложившейся традиции должен был вознаградить своих вассалов земельными пожалованиями и должностями *сюго* и *дзито*, но он

не получил такого права от императора. Тем не менее, на протяжении 1334 г. еще продолжалось мирное сосуществование Годайго и Асикага Такаудзи. Император, объявив о своей новой политике, создавал ведомства для управления государством, а Такаудзи, не принимая участия в этой деятельности, сохранял созданное им *бугёсё*. Когда Годайго направил принца Норинага своим предшественником в Камакура, укрепляя тем самым свою власть на востоке страны, Такаудзи послал с ним своего брата Тадаёси для обеспечения военной охраны принца.

Такаудзи не был одинок в своем стремлении к власти. Его соперниками были Нитта Ёсисада, глава *мусядокоро*, и принц Моринага, который оставил пост главы школы Тэндай, получил титул *сэйи тайсёгун*. Принц Моринага был основным соперником Такаудзи, он был героем реставрации императорской власти, его поддерживали *кугё*, и он мог опереться на военную силу Нитта и Наия. Такаудзи не нашел другого способа расправы со своим основным соперником, кроме навета. Он пожаловался императору, что Моринага готовит заговор против него, и император отправил своего старшего сына под арест к Тадаёси в Камакура.

Мясэж Асикага Такаудзи В 1335 г. Ходзё попытались вернуться к власти. Силы Ходзё Токиюки захватили Камакура, вынудив Асикага Тадаёси и принца Норинага бежать. Во время этих событий Тадаёси отдал приказ убить принца Моринага. Такаудзи, не получив императорского указа, отнял свою армию в Кантё и отбил Камакура. Ходзё Токиюки покинул с собой.

После этих событий Асикага Такаудзи не захотел возвращаться в столицу под предлогом опасений за свою жизнь и начал строительство дворца в Камакура. Город быстро возродился и вновь стал процветать. Тем временем Такаудзи стал распределять земли и должности в Кантё, ведя себя как *сёгун*. Когда он конфисковал земли Нитта Ёсисада и начал раздавать их своим вассалам, Годайго объявил Такаудзи «врагом трона», лишил его всех титулов и пожалований и приказал Нитта Ёсисада и Китабатакэ Ёшию восстановить императорскую власть в Кантё. Однако для этого у него было явно недостаточно сил.

В начале 1336 г. Асикага двинулся на столицу и даже захватил ее, но, столкнувшись с сильным сопротивлением сторонников Годайго, через 4 дня оставил город, отступив на запад. Там он имел мало сторонников, но, умело используя недовольство самураев, а также то, что он выступал от имени отрекшегося императора Кёгон, сумел привлечь на свою сторону большое число *буси*.

За поддержку он обещал им огромные пожалования: например, Хосокава — о-в Сикоку, Имагава — провинцию Биттё, Акамацу — Харима, Шики — Тамба и т.д.

Герб Асикага

В 1336 г., обеспечив себе поддержку юго-запада, Асикага Такаудзи вновь двинулся на столицу. Он разбил армию Нитта в битве при Минатогава в провинции Сэццу, после чего Нитта отступил в столицу. Выступавший на стороне Годайго знаменитый воин того времени Кусуноки Масасигэ покончил с собой на поле боя, а сам Годайго укрылся у монахов на горе Хиэй.

Такаудзи вошел в столицу вместе с принцем Ютахито, братом отрекшегося императора Кōгон. Ютахито был возведен на трон под именем императора Кōмё. Годайго объявил, что только он как обладатель истинных императорских регалий является законным императором, а Кōмё был возведен на трон с использованием фальшивых регалий. Сопровождаемый большим числом представителей аристократии и чиновников высоких рангов Годайго удалился в Ёсино. С того времени в государстве появились два двора — южный в Ёсино и северный в Киото.

Хроника военного противоборства

Выбор Ёсино в качестве столицы южного двора определялся чрезвычайно удобными географическими особенностями этого места. Расположенное в горах, оно представляло собой естественную, природой созданную крепость, что во многом предопределило существование южного двора на протяжении около 50 лет. За это время был создан второй в истории страны сёгунат-*бакуфу*, в котором сменились 3 сёгуна, в Ёсино успели побывать на троне 4 императора, а в столице — 5.

Создание второго сёгуната Первоначально южный двор поддерживали 25 провинций из 66, причем география их была разнообразной. Например, в то время, когда в 1335 г. Асикага искал союзников на юго-западе страны, Китабатакэ Акиэ собрал немало сторонников на северо-востоке в провинциях Хитати и Муцу.

После поражения при Минатогава Нитта Ёсисада с принцами Цунэнага и Таканага удалился в провинцию Этидзэн, принц Мунаэнага, покинув гору Хиэй, присоединился к Китабатакэ Тикафуса в Исэ, многие сторонники южного двора отправились в провин

нии Ки и Кавати собирать силы и готовиться к новым выступлениям.

В конце 1337 г. армия южного двора под командованием Кита-сикаки Акиэ разбила армию Асикага Ёсиакира, сына Такаудзи, и заняла Камакура. Однако уже весной 1338 г. в битве при Сэкига-ме Акиэ потерпел поражение от армии Асикага, возглавляемой Тадаёси и Кё-но Морофую, и бежал в Кавати. Тем не менее, через месяц с небольшим он собрал силы и вновь двинулся к столице. Однако этот поход закончился гибелью Акиэ в сражении у мостика Исудзу в провинции Идзуми.

К 1338 г. окрестности столицы находились под контролем Асикага. Такаудзи получил титул *сэйи тайсёгун* от императора Комэй. Таким образом, с того времени начал свое существование период в истории Японии сёгунат — *Муромати бакуфу*.

Оставалась еще армия Питта Ёсисада в провинции Этидзэн. Против нее Асикага выставили армию под командованием Кё-но Моронао и Кё-но Мороясу. Питта вынужден был укрыться в Камакураки. Осада его замка продолжалась несколько месяцев, но в конце концов он был взят. Ёсисада был смертельно ранен, принц Ёсинага покончил с собой, а принц Цунэнага был отправлен в столицу, где тоже погиб.

Успехи южного двора В 1339 г. умер император Годайго, и «южным» императором стал принц Нориэнага под именем Гомураками. Последующее десятилетие не было отмечено сколько-нибудь значительными событиями, но с 1347 г. успех стал сопутствовать южному двору. В то время в провинциях Ки, Идзуми и Сэццу его сторонников возглавлял Кусуноки Масацура. Он уже был известен своими удачными партизанскими вылазками. Обеспокоенные власти *бакуфу* направили в Идзуми армию во главе с Хосокава Акиудзи, которая была разбита. На помощь Хосокава была отправлена еще одна армия, которая тоже потерпела поражение. Это демонстрировало реальную опасность для существования *бакуфу*.

В 1348 г. большая армия под руководством братьев Кё — Моронао и Мороясу — атаковала Кусуноки Масацура в Кавати. Масацура погиб в сражении, что явилось тяжелым ударом не только для семьи Кусуноки, но и для армии южного двора. Путь на Ёсино открыт. Император Гомураками успел скрыться. Кё-но Мороясу все дворцовые постройки и уже торжествовал победу, но внезапно неожиданно был разбит войском Кусуноки Масанобу — младшим братом погибшего Масацура. Кё-но Мороясу также потерпел поражение в Кавати. После 13 лет противостояния юж-

ный двор стал одерживать победы. В 1349 г. начались переговоры о воссоединении императорского дома.

Борьба в стане Асикага

Победы южного двора во многом объяснялись обострившимися противоречиями внутри *бакуфу*. Конфликт разгорелся между Асикага Тадаёси и братьями Кё. В 1348 г., окружив резиденцию Тадаёси в столице, братья Кё потребовали его отставки с поста представителя сёгуна в столице. Такаудзи оказался в сложном положении, поскольку его армия была в несколько раз меньше армии братьев Кё, и вынужден был искать компромисс. По соглашению, Тадаёси был отстранен от власти, и его место в столице занял Ёсиакира, сын Такаудзи, который пребывал в Камакура в качестве представителя сёгуна в Кантё. В Камакура же был отправлен младший сын Такаудзи в сопровождении Кё-но Морофую и Уэсуги Нориаки.

Казалось, что Тадаёси совсем ушел с политической сцены, тем более, что в 1350 г. он принял буддийское посвящение. Однако в 1351 г., когда Такаудзи и Кё-но Моронао отправились походом на Кёсё, Тадаёси попытался вступить в переговоры с южным двором. После их неудачи он начал собирать войско, чтобы захватить столицу и покончить с властью ненавистных ему братьев Кё. В 1351 г. после тяжелейшего сражения за столицу Ёсиакира вынужден был покинуть город. Такаудзи, который к тому времени также потерпел неудачу в наведении порядка на юге страны, вернулся в столицу, где полновластным правителем сделался Тадаёси; братья Кё при возвращении были убиты, попав в засаду.

Теперь конфликт был перенесен в рамки семьи Асикага — отношения стали выяснять братья. Такаудзи хотел обеспечить передачу власти своим сыновьям, а не брату, и поэтому добивался того, чтобы следующим сёгуном стал Ёсиакира, а младший сын Мотоудзи — представителем сёгуна в Кантё (*Кантё канрёй*). Люди были в растерянности, казалось, что страна разделена на 3 части, и борьба между ними будет вечной.

Осенью 1351 г. между братьями, казалось, наступило примирение, но их вассалы и сторонники продолжали сражаться в разных частях страны. Подобное положение объективно играло на руку южному двору. Сознавая это, Такаудзи принес извинения южному двору, чтобы выиграть время. В ответ в столицу был направлен документ, в котором говорилось, что государство должно вернуться к положению годов Гэнкё (1331–1333), когда власть была у единого императора.

Отречением императора Сукё (1348–1351) завершилось существование северного двора, и началось единое правление Сёхэй

(1351–1352). В конце года произошла передача императорских регалий. Южный двор принял их, хотя и с оговоркой, что они не настоящие. Возглавлявший «южан» Китабатакэ Тикафуса понял смысл политической игры Асикага Такаудзи, но пошел ему навстречу, поскольку соглашение между дворами могло привести к образованию единого фронта противодействия *бакуфу*.

В начале 1352 г. в первом же сражении в Суруга между братьями Асикага армия Тадаёси была разбита, а сам он был вынужден укрыться в горах Идзу. Такаудзи отправил ему мирные предложения, и Тадаёси сдался и отправился в монастырь Дзёмёдзи в Камакура, где весной того же года был отравлен и скончался.

Внушенная

борьба за столицу

После краха Тадаёси южный двор разработал план нападения на Такаудзи на востоке страны и на Ёсиакира в столице.

На севере Кантō войско во главе с Нитта Ёсимунэ, к которому примкнули многие вассалы и сторонники Тадаёси, атаковали Камакура и вынудили Такаудзи покинуть город. До 1353 г. сражения в Кантō не прекращались, тем самым отвлекая силы *бакуфу* от столицы.

Весной 1352 г. армия южного двора вошла в столицу. Ёсиакирин опять оставил город. 3 отрекшихся императора ветви Дзиммёин (Кōгон, Кōмё, Сукō) и наследный принц Тадахито были отправлены во дворец Рокудзё под стражей.

Взятие столицы было блестящей победой южного двора, однако противник был очень силен. Через 20 дней Такаудзи отбил столицу, преодолев отчаянное сопротивление армии «южан».

Казалось, что после смерти Тадаёси внутри *бакуфу* должна наступить хотя бы временная стабильность, однако многие сторонники отвернулись от сёгуна и стали поддерживать Асикага Тадафую, старшего сына Такаудзи и племянника Тадаёси, которого отец не признавал, а воспитывал дядя. Тадафую был *тандай* в провинции Нагато (южная оконечность Хонсё). К концу 1351 г. он контролировал также и северную часть о-ва Кёусё, а в союзе с силами Мори (провинция Аки) и Ивами (провинция Идзумо) — всю западную часть государства. Лишившись покровительства Тадаёси, Тадафую перешел на сторону южного двора.

В 1353–1355 гг. столица 5 раз переходила из рук в руки. Только в апреле 1355 г. после тяжелых сражений Такаудзи смог окончательно в ней закрепиться. Некогда блестящая столица представляла собой тогда жалкое зрелище, город был почти полностью уничтожен пожарами.

Любопытно, что победа той или иной стороны зачастую зависела от того, какие части армий «меняли знамена». Известен пример Ёмана, который из-за того, что не получил земельное владение от Такаудзи, перешел вместе со своим отрядом на сторону южного двора, что обеспечило захват столицы в 1353 г. Этот случай не был единственным, и подобные ситуации возникали в войсках на всех уровнях. Принципы японской воинской этики (*бусидо* — «путь воина») тогда еще не сложились, и время гражданских войн периода Намбокутё выглядело отнюдь не героически. Оно было наполнено примерами бегства полководцев, трусости, подлости и предательства. По остроумному замечанию японского исследователя Катō Сёити, «сущность *бусидо* проявилась во время правления военной диктатуры Токугава — уже после того, как воины перестали сражаться».

После возвращения Такаудзи в столицу сопротивление сил южного двора практически прекратилось. Имели место только отдельные столкновения на Кёсё и в провинции Синано. Асикага Тадафую ушел с политической сцены и скрылся где-то на западе страны. Еще в 1354 г. умер Китабатакэ Тикафуса, верный сторонник и продолжатель дела Годайго. Это была, вероятно, самая большая, после смерти Годайго, потеря для южного двора. Двор покинул Ёсино и переместился в провинцию Кавати, в монастырь Конгёдзи.

* * *

В июне 1358 г. Асикага Такаудзи умер, и сёгуном стал Ёсиакира, который в следующем году совместно с Хатакэяма выступил против южного двора. Хатакэяма во главе армии двинулся в Кавати. Южный двор переживал тяжелые времена, многие его прежние сторонники перешли на сторону сёгуна. Военная кампания складывалась неблагоприятно для «южан», но по неясным причинам Ёсиакира прекратил боевые действия и вернулся в столицу. Более того, он предложил южному двору заключить соглашение.

Хатакэяма был крайне недоволен нерешительностью сёгуна и вернулся со своей армией в Камакура. Вновь происходила перегруппировка сил. Никки Ёсианага со своим отрядом присоединился к южному двору, также поступил и Хосокава Киёдзи.

В начале 1362 г. силы южного двора двинулись к столице. Ёсиакира покинул столицу вместе с императором. В 4-й раз армия южного двора вошла в столицу и, как уже неоднократно бывало, вновь была вытеснена оттуда войсками сёгуна менее, чем через 20 дней. После этих событий единственным очагом сопротивле-

ния оставался о-в Кёсё, находившийся под контролем принца Канэнага. Многие, даже самые верные, сторонники покинули южный двор. После смерти Гомураками в 1368 г. на сторону северного двора перешел Кусуноки Масанори. Новым императором ветви Дайкакудзи стал Тёкэй.

Завершение периода Намбокутё В 1371 г. на Кёсё на должность *миндзэй тандай* был назначен Имагава Садаё, один из самых блестящих людей своего времени. Он был знаменитым поэтом, талантливым военачальником. Помня о предыдущих попытках наведения порядка на Кёсё, Имагава действовал продуманно и постепенно. Сначала он добился соглашения с главой дома Оути (провинция Сүб), потом, с помощью Хосокава, — соглашений с военными домами на о-ве Сикоку, и только затем предпринял наступление на Кёсё. В 1372 г. Имагава захватил *дадзайфу*, вытеснил Канэнага и вступил в должность. Однако полностью остров перешел под контроль *бакуфу* только после 1383 г., со смертью Канэнага.

Воссоединение императорского дома произошло в 1392 г. по инициативе сёгуна Ёсимицу, когда император Гокамэяма согласился прибыть в столицу, где и произошло объединение дворов.

Политико-административное устройство сёгуната Асикага

История противостояния двух императорских дворов — лишь внешняя сторона глубокого процесса перемен, происходившего в японском обществе на протяжении всего XIV в. То было время практически полного ухода с политической сцены аристократического сословия, завершения *кёбу сайдзи* — политики сосуществования аристократии и военных, характерной для первого *бакуфу*. На авансцене государственной жизни прочно утвердились воины-бука, которые, впрочем, стремились вписаться в иерархию императорского двора и создать единую систему власти.

Политическая идеология сёгуната В 1336 г. в преамбуле «Кэмму сикимоку» — документа, который был, скорее, политическим манифестом, чем законодательством, — отмечалось что новая власть должна установить мир, закон и порядок, при которых улучшится жизнь людей. Чтобы достичь «правильного» управления считалось необходимым провести в жизнь следующие меры:

- 1) строжайшая экономия во всем;
- 2) запрет пьянства и азартных игр;

- 3) наказание за разбой, убийство и иные жестокие преступления;
- 4) прекращение вторжений в жилища людей и вмешательства в частные дела;
- 5) возвращение земли прежним владельцам и разрешение восстановления их жилых построек (в столице);
- 6) создание отрядов для борьбы с огнем (т.е. пожарных дружин) и проведение противопожарных мер;
- 7) подбор людей на должности *сюго* в соответствии с их качествами и способностями, поскольку с давних времен именно они обеспечивали мир и порядок в провинциях;
- 8) прекращение подачи советов государю со стороны придворных, женщин и буддийских монахов;
- 9) усиление дисциплины среди чиновников и тщательный подбор кандидатов на должности;
- 10) запрещение взяток;
- 11) запрещение принимать подарки как служащим дворца, так и служащим всех недворцовых ведомств;
- 12) подбор личных служащих правителей (императора и сёгуна) по благосклонности правителей;
- 13) точное исполнение церемоний и scrupulous соблюдение различий в рангах;
- 14) специальное награждение за хорошую службу;
- 15) принятие и разбор петиций и жалоб бедных и обиженных;
- 16) тщательное изучение петиций буддийских и синтоистских храмов, отклонение несправедливых;
- 17) принятие скорых и справедливых судебных решений, недопущение отсрочек и несправедливых решений.

В заключении говорилось, что примером будущего государственного устройства должны быть годы Энги (901–923) и Тэнряку (947–957) правлений императоров Дайго и Мураками, а также примеры деятельности отца и сына Хōдзэ Ёситоки и Ясүтоки. Таким образом, подчеркивались разделение и равнозначность властей *букэ* и *кугэ* в государстве.

Не только содержание, но и формальные особенности «Кэмму сикимоку» демонстрировали важность этого документа для Такаудзи, да и для всего последующего правления Асикага. Слово «*сикимоку*» в названии демонстрировало преемственность по отношению к законодательству Хōдзэ «Госэйбай сикимоку», а количество статей (17) явно перекликалось с 17 статьями Сётоку-тайси. Таким образом подчеркивались непрерывность существования государства, незыблемость власти, несмотря на все потрясения.

По-прежнему, как и в первом *бакуфу*, титул «*сёгун*» присваивался указом императора, хотя сам император оказывался на троне благодаря помощи и усилиям *букэ*. Так было, в частности, с Асикага Такаудзи, получившим титул «*сёгун*» от императора Кō-

ми. Кроме того, В структуре управления нового *бакуфу* сохранялись все институты предыдущего (*самурай докоро*, *мандокоро*, *минтёудзэ*, *хёдзёсё*, *хикицукэсё*). Однако главной действующей политической фигурой стал сам *сёгун*, а не *сиккэн*, институт которых перестал существовать после разгрома дома Хёдзё.

Столицей нового *бакуфу* стал Киото, что было связано с необходимостью контроля над южным двором в Ёсино. Кроме того, перенос политического центра в бурно развивавшийся в XIII в. район Кинай, возможно был подиктован экономическими интересами сёгунов.

Хотя жизнь придворной аристократии становилась все более зависимой от *бука*, последние соревновались в получении придворных рангов и титулов, что свидетельствовало об их стремлении сделать свою власть легитимной посредством традиционных государственных структур. Примером такого рода является судьба 3-го сёгуна Асикага Ёсимицу. Он получил первый придворный ранг в возрасте 22 лет, а в 1394 г. покинул пост сёгуна, получив новую придворную должность главного министра (*дадзё дай-ини*), что, вероятно, было связано с его высокой репутацией среди *кугэ* после того, как он сумел добиться воссоединения императорского дома.

Административная система сёгуната

Если первый *бакуфу* рассматривал себя как отдельный самостоятельный элемент *кобу сэйдзи* и строил систему

управления по модели императорского двора, вплоть до повторения системы двух соправителей, то во втором *бакуфу* наблюдалось стремление к созданию единой с императорским двором системы управления государством.

Это хорошо видно на примере эволюции *сюго*. В период Камакура *сюго* составляли опору власти *бакуфу* в провинциях. Хёдзё, понимая важность этого института, сохраняли за собой prerogative назначения на эти должности. К концу периода они сумели назначить *сюго* в 28 провинций из 57. В остальных провинциях, расположенных в центральной и западной частях страны, административная и судебная власть по-прежнему оставалась в руках исполнителей управителей провинций. Сами же управители (*кокуи*), как правило, жили в столице.

По мере ослабления *кугэ сэйкэн* (власти придворных) возникла необходимость заполнить пустоты в системе управления. Главные изменения произошли в период в 1333–1346 гг. В 7-й статье Кэмму сикимоку» Асикага Такаудзи особо подчеркивал роль и значение *сюго*. Император Годайго назначал на посты *сюго* пред-

ставителей придворной аристократии или военачальников, которые совмещали должности *сюго* и *кокуси*, что привело к слиянию двух должностей, а, следовательно, и их функций на провинциальном уровне. В 1346 г. это было подкреплено юридически специальным указом сёгуна, расширившим полномочия *сюго*. К существовавшим с первого *бакуфу* обязанностям было добавлено еще две:

- право устанавливать и разрывать отношения с *акутё*;
- исполнять указания *бакуфу* по конфискации и перераспределению владений.

Таким образом, *сюго* теперь исполняли как судебные, так и фискальные функции, полностью заменив *кокуси*. В период правления первых двух сёгунов Асикага в центральные и западные провинции назначались люди не местного происхождения, т. е. менялся принцип назначения власти на местах по принципу преданности *бакуфу*.

Видимо, одной из главных трудностей с которой столкнулся новый сёгунат после того, как отгремели сражения, и произошло воссоединение императорского двора, был сепаратизм отдельных районов. Кантё, О (север Хонсю), Кёсё не просто были расположены далеко от столицы, от центральной власти, но и имели свои культурные и экономические отличия, к которым добавилась сила местных военных домов.

С правлением 3-го сёгуна Асикага Ёсимицу были связаны мероприятия по оформлению структуры государственного управления. Необходимо было найти некий баланс власти между сёгуном двором и *сюго*, создать централизованную систему управления, которая позволила бы держать под контролем эти территории. Это была одна из первых попыток в японской истории создать систему государственного управления, реально действовавшую на большей части японского архипелага, а не только в районе Киная. До XIV в. владения на севере и юге страны были практически самостоятельными, да и отношения Киная–Кантё тоже были, скорее, «равноправными», нежели построенными на принципах административного подчинения.

Вероятно, перенесение столицы *бакуфу* в Киото было связано со стремлением создать действительно централизованное управление, а не просто «союз» с районом Кантё, центром власти *буко*. Создать подобную систему управления пытался еще император Годайго, который так же, как за тысячу лет до него полулегендарный император Кэйкё, разослал 8 своих сыновей в разные районы

страны, включая Кёсё и север Хонсё, в качестве управляющих районами. Асикага Такаудзи действовал в том же направлении, отмеченном Годайго, однако, поскольку он не имел возможности опираться на авторитет императорской власти, он попытался найти разные, особые формы управления для ранее самостоятельных районов страны.

Несмотря на то, что дом Асикага имел глубокие корни в Кантё, этот район тяготел к самостоятельности как центр власти военного сословия. Решив сделать ставку на родственные связи, Асикага Такаудзи в 1349 г. направил в Кантё своего сына Мотоудзи, присвоив ему титул *Кантё канрэй* — правитель Кантё. Главным советником-помощником при нем был назначен Уэсуги Ёриакиси.

В дополнение к прежним восьми провинциям, в *Кантё фу* (район Кантё) были включены еще Идзу и Каи. *Кантё канрэй* получил очень широкие полномочия: он имел административную и судебную власть, право самостоятельно начинать военные действия, назначать чиновников на должности в местных управлениях, а также право наблюдать за деятельностью буддийских и синтоистских храмов. За собой правительство *бакуфу* оставило только право регулировать порядок наследования в доме Уэсуги.

Все же тенденции к самостоятельности в Кантё были очень сильны. При этом оппозиционные настроения по отношению к Асикага Такаудзи подогревались тем, что многие из военных дэи ранее были сторонниками его брата Тадаёси. После смерти Такаудзи в 1367 г. эти настроения усилились. Во второй половине XIV в. в Камакура были созданы органы управления, аналогичные столичным. Глава дома Асикага в Кантё стал носить титул *кантё канрэй*, означавший, что его обладатель исполнял государственные, но не частные (*си*) функции; ранее такой титул могли носить только сёгуны. Обязанности *канрэй* были переданы главе дома Уэсуги, что также демонстрировало независимость Кантё от центральной власти.

Провинции Муцу и Дэва на севере Хонсё были окончательно включены в ареал японской государственности в период первого *бакуфу*. Положение района в тылу Кантё, делало его стратегически важным. Император Годайго назначил управителем Муцу своего ближайшего соратника Китабатакэ Тикафуса. Асикага Такаудзи также назначал в этот район верных ему военачальников. В 1392 г. *Кантё кубё* Асикага Удзимицу взял Муцу и Дэва под свою юрисдикцию и назначил туда в качестве *канрэй* своего сына.

Кёсё и юго-западная оконечность Хонсё были районами, в которых до 80-х годов XIV в. сохранялось сильное влияние южного двора. Правда, военные походы Имагава Садаё подавили там прямое сопротивление сторонников «южан», но местные военные дома оставались сильны, самостоятельны и к тому же, как правило, не имели связей с военными домами Кантё. Учитывая эти обстоятельства, власти *Муромати бакуфу* были вынуждены в провинциях Сацума и Осуми назначить *сюго* из дома Симадзу, в Хиго, Будзэн и Тикудзэн — из дома Сёни, в Бунго — из дома Отомо, в Сусо — из дома Оути. Таким образом, правительство *бакуфу* фактически признало их власть.

Позиции *бакуфу* были наиболее сильны в 44 провинциях, расположенных между Кантё и северным Кёсё. Назначенные туда *сюго* были выходцами из 22 домов, связанных с Асикага родственными или вассальными узами. Однако, даже эти *сюго* всячески стремились получить максимальную самостоятельность. Поэтому было введено правило, обязывавшее *сюго* центральных провинций проживать в столице, что обеспечивало постоянный контроль над ними центральной власти. И хотя эта система не была законодательно оформленной, подобно сложившаяся позднее, при Токугава, системе заложничества *санкин котаи*, тем не менее, к концу правления 3-го сёгуна Асикага она сделалась фактически обязательной. Если *сюго* самовольно без разрешения покидал столичную резиденцию и направлялся в свою провинцию, это расценивалось как бунт.

Сюго провинций Кантё должны были проживать в Камакура. Что касается *тандай* провинций Кёсё (фактически, тех же *сюго*), то, хотя их не обязывали проживать в каком-то определенном месте, большинство из них построили свои резиденции в столице. Вероятно, их привлекала культурная жизнь столицы, да и желание быть в центре политических событий.

В провинциях на время отсутствия *сюго* назначались один или несколько «исполняющих обязанности» (*сюгодай*) из числа ближайших вассалов. Поскольку сообщение между столицей и провинциями зачастую было затруднено, *сюго* постепенно теряли контроль над своими провинциями, в то время как *сюгодай* укрепляли свое положение. Это ситуация наиболее часто встречалась в тех провинциях, куда *сюго* были назначены «со стороны». В этом случае они с момента своего назначения вынуждены были опираться на наиболее влиятельные местные дома, *кохудзи*, которые в его отсутствии постепенно концентрировали в своих руках военную силу и власть.

Сёгун фактически был главой государства, легитимность его деятельности обеспечивал император, сам находившийся под контролем сёгуна. В период *Муромати бакуфу* сёгуны обладали почти той же широтой власти, как впоследствии сёгуны Токугава. Они наказывали и награждали, собирали налог с различных видов деятельности (ремесленной, торговой), контролировали последовательность престолонаследия в императорском доме, разбирали конфликты, возникавшие между военными домами, под их контролем находились все внешние связи.

Ключевой фигурой в системе власти *Муромати бакуфу* стал *канрэй*. Именно он обеспечивал отношения между *сюго* и сёгуном. Как глава *ёриай* (совета *сюго*) он посвящал *сюго* в дела *бакуфу*, сёгуну же сообщал мнения *сюго* по разным проблемам и предупреждал о возможном недовольстве. Должность *канрэй* занимали попеременно представители трех семей: Хосокава, Сиба и Хатакэяма. Эти три дома получили название *санкан* — «три *канрэй*». Именно они и составляли действительную опору власти второго *бакуфу*.

Первый *канрэй* — Хосокава Ёриюки — был назначен в 1367 г., когда сёгуном стал Асикага Ёсимицу. Тогда под его контролем находилось 17 провинций. Сёгуну было всего 13 лет, поэтому первые годы его правления напоминали регентство, однако никогда в *Муромати бакуфу* не повторилась ситуации *Камакура бакуфу*, когда сёгуны утратили реальную власть. Возможно, этого не случилось потому, что пост *канрэй* не удалось монополизировать какому-либо одному дому. Хосокава Ёриюки занимал этот пост в 1368–1379 гг., его сменил Сиба Ёсимаса (1379–1398), а затем Хатакэяма Мотокуни. Впоследствии, хотя очередность иногда нарушалась, система работала еще более столетия.

Укрепление административного единства сёгуната

Для усиления центральной власти Асикага Ёсимицу необходимо было взять под контроль всех *сюго*. Асикага Ёсимицу начал с подчинения самого сильного, могущественного военного дома Ямана, контролировавшего 1/6 часть страны (11 из 66 провинций). Дом Ямана, во главе с Удзикайё, имел посты *сюго* в 11 провинциях области Санъиндо, включая Идзуми и Кию. В 1392 г. произошли события *Мэйтоку-но ран*. Ёсимицу собрал армию из враждебных Ямана домов, таких как Хатакэяма, Хосокава, Оути. Произошло сражение, в котором Ямана Удзикайё был разбит и погиб. Эти события привели почти к полувековому подчинению дома Ямана центральной власти; толь-

ко в 1441 г. он вновь окреп настолько, что поднял голову против *бакуфу*.

В 1399 г. сёгун переключился на следующего сильного и опасного для центральной власти *сюго* — Оути Ёсихиро. Ёсихиро всегда выступал на стороне сёгуна: и во время воссоединения императорских дворов в 1392 г., и в военном походе на Кёсю под руководством Имагава Садаё, и во время кампании против Ямана. После победы над последним он получил посты *сюго* еще в 6 провинциях в дополнение к уже имевшимся Суб, Нагато, Ивами и Будзэн. Это способствовало укреплению его положения и усилению его влияния при дворе. Благодаря тому, что его владения были расположены в западной части страны, дом Оути играл важную роль в отношениях с материком — как торговых, так и политических.

В 1399 г. Оути Ёсихиро был обвинен в заговоре против *бакуфу*: будто бы он вместе с *Кантё канрёй* Асикага Мицуканэ намеревался выступить против Киото. Не вполне ясно, насколько обоснованным было это обвинение. Произошли события, которые вошли в историю под названием *Оэй-но ран*. Между войсками сёгуна и дома Оути состоялось сражение, в котором Оути Ёсихиро был убит, после чего Асикага Мицуканэ признался в том, что они готовили заговор. Однако дом Оути не был уничтожен: часть владений перешла к Морими, младшему брату Ёсихиро, который сумел сохранить власть и владения дома на западе страны.

Кроме того, путем переговоров и устрашения были «призваны к порядку» дома Нитта и Датэ на севере. Китабатакэ в Исэ и др. Таким образом, к 10-м годам XV в. 3-й сёгун Асикага сумел взять под контроль практически всю страну, хотя эта власть и оказалась недолговечной.

Общественная роль дзэн-буддизма

Самой сильной, процветающей буддийской школой XIV–начала XV вв. была *Риндзай дзэн* и, особенно, направление *госан* («пять гор» или «пять монастырей»). Последнее начало оформляться в конце XIII в. В свое время Хōдзэ заимствовали из Китая практику иерархической организации дзэнских монастырей. Выделялись 3 уровня: высший — *госан*, — к которому относились монастыри в Камакура и Киото, *дзиссацу* («десять монастырей») — небольшие монастыри, расположенные в тех же городах, и провинциальные *сёдзан* — «храмы всех провинций».

Количество монастырей, включенных в *госан* менялось, но всегда преобладающую часть составляли монастыри Риндзай дзэн, в то время как школа Сѳѳ дзэн была представлена единицами. Независимо от того, к какому иерархическому уровню относился монастырь, все они имели единую организационную структуру, единый монастырский устав и были подконтрольны законам *бакуфу*.

Как уже говорилось, монастыри старых буддийских школ были тесно связаны с императорским двором и аристократией, в то время как дзэнские монастыри под покровительством Хѳдзѳ отращивали интересы, в первую очередь, *буси*. Однако, нельзя сказать, что императорский двор и аристократия остались вне растущего влияния этого направления буддизма. В 1291 г. отрекшийся монашествующий император Камэяма пожертвовал один из своих дворцов в Киото дзэнскому монастырю. Так был учрежден Нандзэндзи, ставший в скором времени главным среди *госан*. Император Годайго после разгрома *Камакура бакуфу* в 1333 г. сделал столичные монастыри высшими в системе *госан*.

Дом Асикага традиционно был покровителем монастырей Риндзай дзэн. Став сѳгунами, они продолжили политику Хѳдзѳ в отношении монастырей *госан*. Поскольку столицей нового *бакуфу* стал Киото, то, естественно, главное внимание сѳгунов было сосредоточено на столичных монастырях, во главе которых стояли Мусѳ Сосэки и Сѳйти.

Мусѳ Сосэки был одним из крупнейших наставников дзэн. Он всю жизнь отшельника, однако после приглашения императора Годайго в 1325 г. стать настоятелем монастыря Нандзэндзи, жизнь его резко изменилась. Он занимал высшие посты в крупнейших дзэнских монастырях Японии, был духовным наставником Годайго, а после того, как императора удалили в Ёсино, пользовался покровительством Асикага Такаудзи и, особенно, Тадаѳи, который был большим поклонником китайской культуры и хранил знатоком дзэн. По рекомендации Мусѳ Сосэки в каждой провинции было возведено по храму *анкокудзи* («спокойствия страны») и пагоде *риссѳто* («милосердия») в память павших в войнах 30-х годов XIV в., а после смерти Годайго в 1339 г. при покровительстве Асикага был построен монастырь Тэнрѳдзи, посвященный памяти императора. В период противостояния братьев Асикага Мусѳ Сосэки предлагал пути примирения. Он также много сделал для поисков пути воссоединения двух императорских дворов.

Велика была заслуга Мусё Сосэки и в определении эстетических принципов садово-паркового искусства. Считается, что он был автором садов храмов Тэнрёдзи, Эйхёдзи, Гюкёдзи, Эриндзи, но высшим его творением был сад Сайхёдзи.

Статуя Мусё Сосэки. Раскрашенное дерево. XIV в. Монастырь Дзуйсэдан, Камакура

Можно сказать, что в эпоху *Муромати бакуфу* центром знания и образованности стали дзэнские монастыри. Особенно эта тенденция получила развитие, когда они соединили практику медитации с глубоким изучением произведений сунского конфуцианства. Сёгун Ёсимицу часто предпочитал использовать в переговорах образованных монахов, а не чиновников.

Вероятно, XIV в. сопоставим с IX в. по важности процессов, происходивших практически во всех областях жизни японского общества.

В IX в. «самоизоляция» страны от непосредственного материального влияния создала условия для переработки уже полученной культурной информации. В XIV в. наблюдается новый этап обращения к ценностям китайской цивилизации, выразившийся не только в интенсификации внешних связей, но и в активном процессе поиска новых идей в религии и культуре (дзэн).

В структуре верховной власти исчезла двойственность, характерная для *Камакура бакуфу*. На первый план в политической жизни страны окончательно вышло сословие *буси*, а *кугэ* во главе с императором сохранили за собой сакральные функции. Тогда же главной фигурой в системе государственной власти стал *сёгун*. К XV в. внутри властных структур почти исчезли связи по материнской линии, игравшие столь важную роль во всем предыдущем периоде. На смену им пришли другие формы связей — вассальных или брачных.

Глава 3

ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (1393–1551)

Формирование феодальных княжеств

Период Намбокутё (эпоха северной и южной династий) фактически закончился в 1393 г., когда 3-му сёгуну династии Асикага — Асикага Ёсимицу — удалось завершить 56-летнее противостояние феодальных домов Севера и Юга. Фактически все участвовавшие в нем крупные феодальные семьи признали власть Ёсимицу, а южный император отрекся от престола, подтвердив тем самым единоличные права на него северного императора.

Были восстановлены прежние, действовавшие ранее административные органы: *самурай докоро*, ведавший делами самураев и осуществлявший военно-полицейские функции и охрану столицы, *мандокоро* (общее управление, финансы), *монтёйдзё* (суд, законодательство, земельные отношения) и др. Тем не менее, возрождение этих прежних управленческих структур камакурского сёгуната, не привело к восстановлению централизованного управления страной.

Рост сепаратистских тенденций

Земли, раздававшиеся сёгунатом своим союзникам по военным коалициям, усиливали их экономическое, а, следовательно, и политическое влияние. Они все меньше считались с центральной властью, тем более, что собственные земельные угодья дома Асикага в первой половине XV в. состояли всего из 35 владений, и концентрировались, в основном, в нескольких провинциях в районах Кантё (совр. префектуры Тотиги, Тиба, Канагава) и Кинай (совр. префектуры Айти, Киото и Окаяма).

Большое значение имело и то, что весь район Кантё с его десятью богатейшими провинциями фактически составлял совершенно сепаратную зону. Здесь власть фактически принадлежала феодальным домам одной из ветвей дома Асикага.

Представители правящей здесь элиты сёгуната Муромати получали от династии Асикага титул *канрёй*, «управляющих» сёгуна, как бы представлявших и осуществлявших его власть на местах. В действительности, весь этот огромный район представлял

собой, по существу, независимую от центральной власти территорию.

Экономическая мощь позволяла *канрэй* все шире вмешиваться и в дела сёгунов. Из ближайшего окружения Асикага выдвинулись три феодальных семьи (Сиба, Хосокава, Хатакэяма), наиболее активно претендовавшие на высшие должности в аппарате сёгунского правления. Они выполняли разнообразные функции: главного координатора сёгунской администрации, непосредственно секретаря сёгуна (*сиццудзи*), главы судебного органа (*хикиццукэ тōнин*), главного политического советника для урегулирования отношений среди сёгунских вассалов.

6-й сёгун Ёсинори (1428–1441) попытался несколько ограничить влияния *канрэй*. Для этого он стремился оживить деятельность совещательного совета при сёгуне из главных вассалов (*хёдзёсё*). Однако ему не удалось добиться этого из-за сопротивления *канрэй*. Все же, в конце 30-х годов XV в. Ёсинори смог вновь подчинить центральной власти наиболее независимый и экономически сильный район Кантō.

Реальная власть сёгуна в тот период опиралась на объединение двух наследственных структур — личную охрану, своеобразную лейб-гвардию (*хёккёгата*) и *бугёнинсё* — чиновников-администраторов, представлявших *мандокоро*.

Хёккёгата как личная охрана подчинялись непосредственно сёгуну. Сохранились списки стражников (*гобансё*) за 40-е и 50-е годы XV в. Они были организованы в 5 групп (*гобан*), и структура некоторых из них полностью сохраняла иерархию в системе феодальных домов, из которых они набирались.

Деятельность чиновников *бугёнинсё* распространялась далеко за пределы *мандокоро*, и охватывала *самурай докоро* и *монтёдзё*.

В середине XV в. наследственные администраторы были выходцами из нескольких феодальных семей — Ипō, служившие еще в камакурской администрации, Сэй, Дзибу, Мацуда, Сува, Накадзава, Фусэ.

В сборнике документов того периода «Бугёнин хёсё» («Административные директивы») перечислены должности, которые занимали администраторы. Это — секретари сёгунского правительства (*йохисусё*), советники (*сикихёдзёсё*), судьи (*хикиццукэсё*).

Представители административной службы сёгуната, монополизировавшие эти должности, на фоне основной массы самураев были весьма грамотным слоем общества, обладали опытом административной практики и серьезной юридической подготовкой.

Они традиционно пользовались уважением в правящей элите и в обществе в целом.

То, что даже низшие звенья административного аппарата обладали монополией на наследственное замещение должностей, давало сёгунам определенную возможность бороться за ограничение влияния *канрэй*. Сёгун, опираясь на группу семей, наследственно связанных с его администрацией, и на свою личную систему охраны, стремился единолично контролировать политическую и судебную области деятельности правительства.

Впрочем, наследственный принцип формирования административного аппарата приводил и к некоторым отрицательным последствиям. Среди наследственных чиновничьих групп был силен дух родственной и корпоративной солидарности, которая к концу XV в. сделалась так сильна, что сложилась ситуация, когда нередко горизонтальные связи оказывались значительно сильнее чем вертикальные. Таким образом, нарушалось взаимодействие между высшими и низшими уровнями в администрации.

Кроме того, это провоцировало конфликты между различными органами сёгунской администрации. Так, в 1485 г. возникло острое противостояние между *бугёнин* и стражей. Внешне повод выглядел не особенно серьезно — вопрос был в том, где им располагаться во дворце сёгуна, в частности, на разнообразных приемах. На самом же деле речь шла об определении статуса каждой из этих структур в системе власти.

Распад системы *сёэн*

Несмотря на прекращение противостояния двух династий, междоусобная борьба в стране продолжалась как в столице, так и в провинциях. В частности, полем самой интенсивной борьбы сделалась аграрная сфера. Междоусобные распри сопровождались переделом земель. Это отражало важные социально-экономические процессы, характерные для этого периода японской истории, и прежде всего — разложение и распад сформировавшейся в X в. системы *сёэн*.

К XV веку *сёэн* претерпел серьезную трансформацию. Бывшие чиновники — назначенные в провинцию еще при камакурском сёгунате военные управители *сюго* и сборщики налогов *дзайто* — сделались самыми крупными землевладельцами. Имея огромную власть в провинции, жалованные *сёэн*, они постепенно превратились в феодальных владетелей — *сюго даймё*. В то же время они сохраняли чиновничий аппарат *сёэн* и, передавая должности своим вассалам, усиливали таким образом свое влияние.

Соответственно, сам *сёэн* превратился в крупное феодальное княжеское владение вотчинного типа. Именно переход от сист

мы среднего феодального владения к крупной феодальной собственности, к созданию княжеств, определил направленность всех социально-экономических и политических процессов Японии XV–XVI вв.

В отличие от *сёэн*, княжество, как правило, имело компактный земельный массив. В *сёэн* была более распространена отработочная рента, а в княжестве же была обязательна рента продуктами, во многом ориентированная на рынок.

Создавая свои владения, *сюго даймё* должны были прилагать усилия для сохранения и укрепления своего положения в столице, где они обязаны были иметь свои резиденции. Хотя официально они не должны были постоянно присутствовать в столице, но с начала XV в. фактически сложились и действовали основы системы заложничества. Сёгун требовал присутствия губернаторов в столице, а когда они уезжали, то должны были оставлять там родственников (как правило, сыновей).

Впрочем, *сюго даймё* зачастую были сами заинтересованы в длительном пребывании в Киото. Это позволяло им вместе с наиболее значительными феодальными домами участвовать в обсуждении неотложных проблем и в выработке политических и экономических решений, поддерживать контакты с бюрократией из окружения сёгунов, с богатыми торговыми домами — особенно, связанными с внешнеторговыми операциями.

В то же время, это «вынужденно-добровольное» отсутствие *сюго даймё* в провинциях имело для них серьезные последствия. Там активно начали укрепляться их вассалы *дзитё*, а также разбогатевшие и осевшие на землю самураи. Все они стали называться *кокудзин* («провинциалы») и постепенно утвердились как сильная местная власть. В японских исторических исследованиях эта социально-политическая и социально-экономическая ситуация получила название «*гакокудзё*» («низы побеждают верхи»).

Сюго даймё в стремлении захватить землю, получить неоспариваемые права землевладельца-*рёсю* (*рёсюкэн*) вступали в ожесточенные конфликты с *кокудзин*. Последние для борьбы за свои интересы создавали объединения, лиги — *кокудзин икки*. При этом они опирались на сёгунские власти, которые любыми способами старались не допустить прочного объединения *сюго даймё* в их борьбе с сёгунатом.

Жестокую борьбу с *сюго даймё* вел сёгун Ёсинори. Он начал, в частности, открыто вмешиваться в традицию наследования в семьях *сюго*, и, прерывая законный процесс получения наследственных прав, на основании собственных жалованных грамот пе-

редавал земельные владения другим феодальным семьям. Его репрессии даже доходили до казни сюго.

Такая политика привела сёгуна к трагическому концу. Конфискация им земель семьи Акамацу стало причиной убийства Ёсинори сюго и его сыном.

Гибель Ёсинори стала сигналом к новому обострению феодальных распрей, борьбы сюго даймё с кокудзим и друг с другом. Одновременно новый разворот приняла борьба внутри ближайшего окружения бывшего сёгуна, среди представителей могущественных феодальных семей, которые выдвигали своих претендентов на должность канрёй. К ним, кроме «трех главных фамилий» (санкан — Сиба, Хосокава, Хатакэяма) и «четырех министров» (сисёку — Ямана, Акамацу, Кёгоку и Иссики), принадлежали также Ёути и Имагава.

«Королевство» Ёути

Яркую картину как политико-экономической обстановки в стране, так и процесса формирования крупных феодальных владений дает история дома Ёути. Сюго Ёути Норихиро сумел создать владение в Ямагути, к которому постепенно присоединял все новые и новые территории. Его деятельность была всецело посвящена как расширению собственных земель, так и совершенствованию управления ими. Он и его потомки настолько преуспели в этом, что первые европейцы, появившиеся в Японии в 40-х годах XVI в., почитали владения Ёути «королевством».

Это не было ошибкой от незнания. Дом Ёути вел широкую внешнюю торговлю с Китаем, и действия его представителей на этом поприще были настолько успешны, что Ёути, так же, как и сёгуну Асикага Ёсимицу, в Китае был присвоен титул «ван (правитель) Японии». Разнозначность титула позволяла дому Ёути вести торговлю с Китаем самостоятельно, не обращаясь к сёгунским властям за официальным разрешением.

Во внутренних делах потомки Норихиро действовали столь же активно и решительно. При земельных спорах вассалов Ёути Масахиро просто отбирал ленные земли и ставил их под свой жесткий контроль. Кроме того, Масахиро обязал наиболее близких вассалов жить в Ямагути, т. е. фактически осуществлял в миниатюре выработанную сёгунатом систему заложничества *санкин кобай*. В 1485 г. он ввел штраф за каждый день самовольной отлучки из города. Если вассал возвращался в свое поместье без разрешения, его лишали статуса вассала.

Ёути Масахиро, как и многие другие даймё, издавал законы и распоряжения для территорий, находившихся под их контролем.

Это были своеобразные кодексы (*кахō*), касающиеся самых различных сторон жизни. Хотя они считались кодексами семейного права, но сфера их действия была весьма широка — поддержание общественного порядка, контроль за торговлей, укрепление денежного обращения и пр. Помимо Ōuti, в XVI в. *кахō* были изданы феодальными домами Датō, Имагава, Такэда и др.

Другой представитель дома Ōuti — Ёсиоки — активно участвовал в делах сёгунской семьи и помог вернуть власть свергнутому во внутренних распри сёгуну Асикага Ёситанэ. Будучи *канрай*, Ōuti Ёсиоки в течение 11 лет оставался одной из центральных фигур в Киото. Но долгое пребывание в столице, как и следовало ожидать, ослабило его власть в провинции, где начались восстания, пошатнувшие его влияние.

Еще более показательна в этом смысле судьба Ōuti Ёситака. Пока Ёситака находился в Киото или в Ямагути, в его владениях усиливались вассалы и шла борьба между коалициями *кокудзин*. В 1551 г. под руководством Суэ Харуката произошло выступление против дома Ōuti, и Ёситака был убит.

«Эпоха воюющих провинций» Борьба *сюго даймё* и *кокудзин* на фоне ослабления власти сёгуната открыла последний этап эпохи Муромати — более чем столетний период феодальных войн (1467–1573), названный в японской историографии *сэнгоку дзидай* («эпоха воюющих провинций»; иногда переводится как «эпоха воюющих государств»). Начало ему положила так называемая смута годов Ōnin — *Ōnin no ran* (1467–1477).

Войны годов Ōnin были вызваны ожесточенным соперничеством претендентов на власть внутри правящего сёгунского дома. При этом ситуация не ограничилась, как обычно, столичными заговорами и интригами, а вылилась в грандиозные по тому времени военные столкновения.

Претенденты на власть и поддерживавшие их коалиции феодальных домов создали два противоборствующих лагеря — западный, армии которого насчитывали 116 тыс. чел., и восточный, численностью 161,5 тыс. чел.

Западную армию возглавлял Ямана Сбдзэн, богатый и обладавший огромной военной силой феодал юго-западной Японии. Он владел 11 провинциями (из 66), т. е. 1/6 частью страны. После 1441 г. в начавшихся междоусобицах он присоединил к своим землям владения *даймё* Акамацу — провинции Харима (совр. префектура Хёго), Мимасака и Бидзэн (обе — совр. префектура Окаяма).

В 1473 г. после смерти Ямана западную коалицию возглавил Ёути Масахиро, уже упоминавшийся крупный и весьма независимый феодал из Ямагучи.

Восточная армия возглавлялась Хосокава Кацумото. Он неожиданно умер в 40-летнем возрасте в разгар военной кампании.

В течение двух первых лет смуты сражения между армиями происходили почти непрерывно. Затем они сменились длительной позиционной борьбой. За это время умерли претенденты на власть, и с 1477 г. военные действия фактически прекратились.

Поскольку ожесточенные военные столкновения шли в районе Киото, столица была почти полностью разрушена. Большая часть населения в панике бежала. В городе царили разбой и мародерство. Даже на первых порах рассчитывавшие отсидеться в своих дворцах феодальные семьи вынуждены были покинуть столицу.

В результате Киото утратил позицию политического центра, откуда Асикага осуществляли свой контроль над страной. Власть в нем фактически перешла к городским организациям самоуправления — контролировавшим городские кварталы *матигуми* и их объединениям *матисё*. По прошествии длительного времени им удалось наладить жизнь в городе и постепенно восстановить его социальное и культурное значение. Однако центральная власть окончательно потеряла какое-либо влияние на провинциальную Японию. Начался длительный период феодальной раздробленности, когда районы, провинции и отдельные феодальные владения вели независимое существование.

Крестьянские движения XV–XVI вв.

XV–XVI вв. в истории Японии стали временем самых широких, длительных и рекордных по количеству участников и охвату территорий крестьянских и народных движений. За два века произошло 164 (зафиксированных) крупных выступлений, большая часть которых (120) пришлось на XV в.

И по составу участников, и по своим целям и задачам эта мощная волна социального возмущения не была чем-то единым. Хронологически она распадается, по крайней мере, на 3 периода.

Первый из них приходится на XV век, недаром называемый веком крестьянских восстаний. Восстания, мятежи, предъявление петиций следовали буквально одно за другим. В конце 20-х годов XV в. имели место широчайшие выступления в центральном районе о-ва Хонсю. Вторая половина века характеризуется так называемыми земельными восстаниями, превращавшимися в настоя-

щие войны. Кульминацией этого периода стало создание «республики Ямасиро».

Второй период — с начала XVI в. и до последней его четверти характеризовался определенным спадом в развитии крестьянского движения. На первый план тогда вышли междоусобные войны.

Третий период охватывал последнюю четверть XVI столетия и фактически представлял собой реакцию крестьянства на реформаторскую деятельность «объединителей страны» и создание новых стабильных систем социального контроля.

Становление сельской общины нового типа С точки зрения социального состава и задач для первого периода (XV в.) было характерно заметное отличие крестьянского движения в центральной части Хонсю от подобных движений в других районах страны.

Провинции, расположенные недалеко от столицы, постоянно оказывались объектом притязаний многих феодальных домов, старавшихся захватить эти не только стратегически важные, но и экономически более развитые земли. Кроме того, там активно развивались связи, строились дороги, шел вывоз на рынок разнообразной сельскохозяйственной и ремесленной продукции. В сельском хозяйстве района Кинай стали культивироваться новые культуры (батат, хлопчатник, сладкий тростник и т. д.), провинция Ямасиро получила известность как производитель и поставщик чая.

Распад системы *сёэн* и формирование княжеств привело к изменению в расстановке сил в деревне. В ней стала складываться новая сельская община — инициативная, с коллективной ответственностью за все, что связано с сельскохозяйственным производством, использованием общественных земель и т. д.

Требования, выполнения которых добивались восставшие крестьяне этого района, были гораздо серьезнее и конкретнее, чем в других частях страны. Новая община выдвигала претензии к торговцам и ростовщикам, требуя отмены кабальных долговых обязательств, добивалась списания всевозможных долгов, отмены чрезвычайных налогов *тансэн* (взимавшихся, например, для проведения коронации, на сооружение дворца, создание рисового фонда для главного синтоистского святилища страны Исэ и т. д.; *тансэн* включался в ежегодную земельную ренту *нэнгу*) и барщины.

Впрочем, имеются исторические документы, свидетельствующие о деятельности новой общины и в других районах Японии. Это — разнообразные правила и решения, принятые новыми

сельскими общинами. Немало документов посвящено защите земельной собственности общины (*санъя*). Так, в 1448 г. был принят кодекс сельской общины Имабари в Оми (совр. префектура Сига). Один из его пунктов определял наказания за нарушение правил поведения в общине, за попытку нарушить *санъя*. За самовольную рубку молодых деревьев на общественных землях накладывался штраф в 500 *мон*, а за срезание ветвей шелковичных деревьев был установлен штраф в 100 *мон*.

Существуют и документы, свидетельствующие об укреплении позиций простых членов общины (*хякусэ*).

В XV в. ситуация с землепользованием в деревне существенно изменилась. В 40–50-е годы исчезло различие между *мёдон* (владениями «крепких хозяев» *мёсю*) и *сикидэн* (землей, принадлежавшей непосредственно владельцу *сёэн*). Раньше эти земли не могли передаваться *мёсю*, а в тех случаях, когда это происходило, лица, обрабатывавшие эти участки, платили повышенный налог. Теперь же крестьянин мог получить эти земли на тех же условиях, что и *мёдон*.

Образование княжеств не привело полной ликвидации *сёэн*, принадлежавших придворной аристократии и храмовым хозяйствам. Именно поэтому в центральном Кинай, где их количество было особенно велико, в 20-х годах XV в. имели место ожесточенные «земельные восстания», направленные против администрации *сёэн*.

В 40-х годах XV в. были совершены походы на столицу, где в 1447 г. вооруженные повстанцы даже напали на императорский дворец. В последующее десятилетие крестьянские восстания в центральном районе страны становились все мощнее. Росло число выступлений против храмовых монастырских хозяйств, в ходе которых повстанцы захватывали рисовые склады и оружие. Особенно много выступлений («восстаний за списание долгов») было направлено против ростовщиков. Важной особенностью этого периода было выдвижение требований предоставления самоуправления как деревенским общинам, так и в городах.

«Республика Ямасиро» Самым значительным выступлением в районе Кинай было восстание, в результате которого появилась «республика Ямасиро» (по названию провинции).

Непрерывные крестьянские восстания и феодальные распри в провинциях Сэццу (совр. Осака) и в соседних с ней Кавати, Идзуми, и Ямасиро на длительный период лишили политической стабильности всю центральную часть о-ва Хонсю. В 1467 г. в Ямасиро

ро (район совр. Киото) во время междоусобной борьбы между представителями феодального дома Хатакэяма население, измотанное бесконечными распрями, подняло восстание. Восставшие разбили войска обоих соперников-феодалов и установили народное управление — учредили специальный орган, который соби-рался для решения всех дел общины, в том числе и снижения на-логообложения.

В течение 8 лет народное ополчение охраняло границы про-винции и оберегало ее как от попыток Хатакэяма восстановить свою власть, так и от посягательств чиновников правительства *бакуфу*.

Восстание было подавлено вследствие роста противоречий и развития конфликта между его организаторами, в число которых входили, в том числе, феодалы, торговцы и ростовщики, имевшие свои собственные интересы, и основной массой крестьянства.

* * *

Второй период (с начала XVI в.), когда на первый план вышли междоусобные войны, отличался тем, что крестьянские восста-ния, продолжая развиваться в центральных провинциях, одновре-менно распространились и на окраинные районы страны. Это со-ответствовало картине стремительного включения в орбиту меж-доусобных войн все новых территорий.

Третий период развития крестьянского протеста не случайно совпал по времени с объединительной и реформаторской деятель-ностью Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Крестьянские выступ-лений этих последних десятилетий XVI в. были, по сути дела, не-посредственной и быстрой реакцией крестьянства на аграрные реформы «объединителей».

Кровопролитные, с большим числом участников, среди кото-рых были и самураи, эти восстания сливались с междоусобной борьбой многочисленных коалиций феодальных домов. Жесткие действия «объединителей», особенно Хидэёси, полностью изы-мавшего оружие в деревнях и неуклонно проводившего аграрные преобразования, опираясь при этом на регулярные карательные экспедиции, смогли подавить крестьянское движение. В послед-нее десятилетие XVI в. крестьянские восстания прекратились.

Массовые религиозные движения

Крестьянские движения были знаковой характеристикой ис-торического развития Японии в XV в. При этом социальная по- своей сути борьба крестьянства в феодальном обществе неизбеж-

но принимала религиозную окраску. Проходя под религиозными лозунгами и сливаясь с религиозными движениями того времени, крестьянские восстания становились основой более широких народных движений.

Движение Иккō икки С конца XV в. в Японии получило развитие сложное по своему составу религиозное движение, состоявшее из самых разнообразных элементов — так называемое Иккō икки. Руководящую роль в нем играла буддийская секта Иккō (или Монто). В основе ее деятельности лежало учение школы Дзёдо синсю, созданной монахом Сиран еще в XII в. и постепенно добившейся исключительного влияния и охватившей около половины последователей буддизма в Японии.

Среди крестьян секта пользовалась огромной популярностью. Их привлекала в ней простота и доступность как учения, так и религиозной практики. Учение Иккō не требовало обязательной отрешенности от мирских дел: важнейшей ценностью объявлялся труд, в том числе и самый простой — вроде уборки жилья и прочих помещений. Но все же на первом месте стоял духовный труд, открывавший путь к самому главному — к познанию высшей сущности бытия, т. е. природы Будды.

Для простого труженика — крестьянина или горожанина — привлекательным казалось и то, что, в отличие от других школ, Иккō в XV в. не имела крупных земельных владений с приписными деревнями, где крестьяне фактически подвергались эксплуатации со стороны монахов. И, наконец, принадлежность к религиозной секте весьма ощутимо снижала налогообложение.

В 1487 г. школа Иккō возглавила восстание крестьян в провинции Кага (совр. префектура Исикава), в участвовало около 200 тыс. чел. Духовные лидеры школы использовали обстоятельство для того, чтобы добиться своего участия в управлении провинцией наряду с местными феодалами. В результате в течение почти 100 лет Кага считалась «крестьянской провинцией», хотя, безусловно, это было не больше, чем название — руководство всей ее жизнью осуществлялось блоком духовенства и феодалов.

Высшее духовенство Иккō активно проводило политику расширения влияния секты, в том числе, и в чисто территориальном смысле. Армия «крестьянской провинции» несколько раз входила на территорию Этидзэн (совр. префектура Фукуи), где располагались владения *даймё* Асакура, но закрепиться там не сумела.

Зато в других провинциях действия Иккō сопровождалось несомненным успехом. Так, используя феодальное соперничество,

секта более чем на полтора столетия (до конца XVI в.) заняла прочные позиции в Микава. Эта провинция, особенно ее западная часть, стала ареной активной деятельности монахов храма Хонгандзи, главного храма Иккō, которые вели борьбу с приверженцами других религиозных течений.

В восстаниях, которые инициировались Иккō, участвовали не только крестьяне: последние были их главной действующей силой только в начальный период событий. С течением времени социальный состав их участников становился все более разнообразным. Постепенно в движение Иккō в массовом порядке включились самураи, которые установили тесные связи с высшими слоями духовенства, а потом и заняли в нем руководящие посты.

Следствием этого стала определенная милитаризация секты, наращивание ее военной мощи и, фактически, превращение ее в сильное феодальное войско. Идеи социального равенства, когда-то заложившие основу популярности школы Иккō, отошли на второй план и вместо появился дух религиозной нетерпимости.

В 1532 г. армия Иккō начала осаду города Сакаи. Поводом к нападению послужило то, что там преобладало влияние школы Нитирэн. После длительной осады и боев в районе Сакаи огромная армия религиозных повстанцев пошла на Нара, сожгла одну из главных святынь — храм Кōфукудзи — и объявила о намерении захватить столицу.

С 1294 г. преобладающим влиянием в Киото пользовалась школа Нитирэн. В 30-х годах XVI в. там действовало основанное на ее учении религиозное движение Хоккэ икки, выступавшее против секты Иккō. Построенные в Киото 21 храм школы Нитирэн были укреплены как крепости.

В июне 1532 г. против господства Нитирэн в столице выступила также секта Тэндай монастыря Энрякудзи. Ее сторонники развернули наступление на столицу, разгромили штаб Хокэ — храм Хонкокудзи — и сожгли все до единого храмы Нитирэн в Киото. Столичный район Симогэ, где было 13 таких храмов, был разрушен полностью.

Однако уже в 1533 г. движение Хокэ перешло в наступление: на этот раз объединенные силы с его участием под руководством Хосокава Харумото даже двинулись на Исияма Гобб Хонгандзи (территория совр. Ōсака) — штаб Иккō. В 1534 г. война между религиозными армиями, состоявшими большей частью из крестьян, завершилась перемирием.

Уязвимость крестьянства в условиях ширившихся феодальных междоусобиц, необходимость противостоять притязаниям феода-

ла, чиновникам местной администрации, заставляла крестьян искать защиту у представителей мощной, разветвленной религиозной организации и, соответственно, участвовать в религиозных войнах. В результате, к середине XVI в. в провинции Микава вспыхнули междоусобные войны, в которых участвовали не только феодалы, но и монахи враждовавших между собой храмов и монастырей, возглавлявшие многочисленные отряды своих приверженцев из самураев, *мёсю* и крестьян.

Превращение секты Иккё в воюющий феодальный клан стало еще более очевидным в 60–70-х годах XVI в., когда ее деятельность пришла в столкновение с планами «первого объединителя» Японии Ода Нобунага.

Во время войны за подчинение провинции Микава союзник Нобунага Токугава Иэясу пришлось столкнуться с сопротивлением монахов, когда он попытался установить контроль над их землями. В 1563 г. Иэясу увеличил налоги, поскольку ему потребовались средства на строительство замка в Сасаки. По этой причине крестьяне подняли восстание, руководителем которого выступили храмы Хонсё, Цутимия и другие, относившиеся к храму Хонгандзи. Иэясу попытался начать с ними переговоры, но его послы были убиты.

Тогда Токугава Иэясу прибег к силе. Положение осложнялось тем, что на стороне восставших выступали крупные и мелкие феодалы, которые стремились использовать выступления крестьян для борьбы с Иэясу. Поэтому в 1564 г. Иэясу пришлось обратиться с просьбой о помощи к настоятелю храма Мёгэн. Военственные монахи этого храма выступили на стороне Иэясу. В сражении при Вада отряды секты Иккё были разбиты, а воевавшие на стороне феодалы сдались в плен.

Иэясу сумел извлечь для себя уроки из этого инцидента. В ходе подавления восстания он распустил все организации приверженцев секты Иккё в провинции и разрушил все их культовые постройки. Спокойствие в восточной части провинции было восстановлено в июле 1564 г., и постепенно Иэясу подчинил своей власти всю провинцию.

В XV–XVI вв. буддийская церковь владела не только значительными земельными угодьями, но и активно участвовала во всех сферах политической и хозяйственной деятельности. В владениях вводились более прогрессивные формы ведения сельского хозяйства, строились каналы, дамбы, мосты и другие сооружения. Помимо огромных материальных ресурсов, церковь располагала также большими людскими резервами. Среди посл

дователей различных сект было не только множество крестьян, но и мелких феодалов и горожан. Духовенство мощных монастырей, независимых экономически и политически, настоящих торговых городов-государств, вступало в союзы с феодальными домами, противостоявшими Ода Нобунага. После длительной борьбы несколько буддийских монастырских центров были жестоко разгромлены войсками Нобунага.

Тем не менее религиозные выступления, объединявшие разные слои японского общества, и в дальнейшем продолжали оставаться важной составной частью народных движений.

Традиционные формы социального протеста На форму крестьянских выступлений оказывали большое влияние характер религиозной практики, особенности культурных и бытовых традиций средневековой Японии.

Так, синтоистское положение о том, что каждый японец находится под защитой своего местного божества, стало основой весьма своеобразной, но действенной крестьянской практики сопротивления политике сюго даймё. Места обитания местных богов-покровителей — леса, горы, излучины рек, пещеры, морское побережье — считались для недовольных крестьян надежным убежищем, территорией, защищенной духами-охранителями, куда не могли вступить ни вооруженные отряды князей, ни представлявшие административную власть чиновники.

Такая форма сопротивления называлась «коллективный побег». В «бега» отправлялась полностью вся деревня. Перед этим владельцу поместья отправлялись петиция с требованиями и специальный, по особой форме составленный документ — «присяга», в которой всеми членами общины подтверждались истинность сведений, приведенных в петиции.

Этот документ как бы легализовал действия общины, придавал им законность. Поэтому крестьяне нередко прибегали к символическому изображению защищенной божеством территории — например, леса. Тогда в деревне высаживали бамбук и «священные деревья» (*сакаки*), как бы «уводя» таким образом всю деревню в лес — в зону действия защиты духов-охранителей.

Такая практика «коллективных побегов» была довольно сильной мерой воздействия, и требования крестьян, как правило, если не полностью, то в большей их части удовлетворялись.

* * *

Причинами очевидного сокращения числа крестьянских выступлений в конце XVI в. были два существенных обстоятельства.

Первое — жесточайшая политика контроля и наказаний, проводившаяся Тоётоми Хидэёси при осуществлении им аграрных преобразований. Малейшее не только сопротивление, но даже недовольство получало немедленный крайне жестокий ответ. В карательных кампаниях, следовавших одна за другой, принимал участие и сам диктатор.

Второе — определенные положительные последствия объединительной и реформаторской деятельности Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Объединение страны, прекращение междоусобиц дали крестьянам относительную гарантию стабильного существования их хозяйств. Кроме того, аграрные преобразования Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, упорядочивших землевание и землепользование, содействовали укреплению мелкого крестьянского хозяйства в новой сельской общине. Ликвидация посреднических звеньев между крестьянином и феодалом содействовала формированию широкого слоя мелких собственников, способных выплачивать ренту и поддерживать и даже развивать хозяйственную инициативу, получая сверх налоговых выплат определенную долю прибавочного продукта. Хотя рента была высокой ($2/3$ урожая), произошло расширение посевных площадей, рост сельскохозяйственного производства и, как следствие, развитие базы товарно-денежных отношений.

Часть 2

СОЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

В XV–XVI вв. страна переживала период, получивший в японской историографии красноречивое название *сэнгоку дзидай* — «эпоха воюющих провинций». Непрерывные междоусобные войны охватили по существу всю Японию.

Если проанализировать положение каждого из крупных социальных слоев японского общества того времени — феодальных семей и самураев, торгово-ростовщического капитала и крестьянства, то выяснится, что исторический опыт предшествующих столетий привел к образованию на территории страны нескольких центров политического и экономического притяжения, сформировавших систему общественных связей.

Так, в центральной части Хонсю сложилось два подобных центра — крупные феодальные дома концентрировались вокруг сёгунской фамилии или императорской династии. В тех же зонах действовали купеческие гильдии, богатые торговые семьи, обслуживавшие сёгунское и императорское окружение. Нередко кошелек купца оплачивал ведение междоусобных войн.

Еще одним районом сложившихся связей и контактов был о-в Кюсю и юг о-ва Хонсю. Здесь главенствовали сепаратистские тенденции. И коалиции феодальных князей, и купеческий капитал преследовали одну и ту же цель — укрепить независимость от центральной сёгунской власти или даже добиться полного отделения.

Но ни XIV, ни XV века не принесли успеха сепаратистскому движению в южных провинциях. Не принесли они и окончания междоусобных распри на всей остальной территории страны. Единственные феодальные дома-победители и их коалиции рушились в бесконечной кровавой борьбе, становились жертвами новых победителей и новых коалиций.

Наличие внутренних таможенных границ, непрерывные кровопролитные столкновения между феодальными князьями и крестьянские восстания стали препятствием к развитию экономики Японии. Наступил период, когда многие феодалы, еще недавно побивавшиеся независимости от центра или пытавшиеся подчинить мечом более слабых соседей, почувствовали себя игрушкой

обстоятельств. Ни одно феодальное княжество, будь то крупное или мелкое, не имело гарантий безопасного существования. В таком же положении оказались и купцы, еще совсем недавно наживавшиеся на честолюбивых устремлениях феодальных князей.

В критической ситуации, когда многие районы страны в результате войн, голода и эпидемий оказались опустошены, все социальные слои феодальной Японии оказались поставленными перед необходимостью установления твердой центральной власти. Нужно было пресечь центробежные устремления отдельных феодалов, добиться от них беспрекословного подчинения правительству и, наконец, противопоставить незатихающим крестьянским выступлениям собранную воедино силу феодального класса. Требовалась власть, которая смогла бы объединить раздираемые многолетними войнами провинции и даровать стране долгожданный мир.

Даже крестьянство оказалось заинтересовано в установлении единой прочной власти: оно переживало непрерывное хозяйственное разорение из-за войн и страдало от все возрастающих притязаний феодалов, не ограниченных никакими законодательными установлениями.

В такой обстановке три полководца-феодала, которыми двигало стремление подчинить своей власти соседние княжества, активно выступили в роли объединителей страны. Они присоединяли к своим владениям в центральной Японии провинцию за провинцией и таким образом шаг за шагом продвигались к созданию централизованного государства. Это были Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу, вошедшие в историю как «три объединителя Японии».

Глава I

НАЧАЛО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЯПОНИИ (1551–1582)

Начало объединительного процесса было связано с именем Ода Нобунага, небогатого феодала из провинции Овари в центральной части о-ва Хонсё.

История сохранила для нас свидетельство человека, много раз встречавшегося с Ода Нобунага. Португальский миссионер Луиш Фроиш, проживший в Японии 34 года, так описывал его:

«Это был человек среднего роста, хрупкого телосложения, с редкими усами и высоким, приятно звучащим голосом. Он был честолюбив и вы-

сокомерсен, но любил справедливость, не оставлял без наказания оскорбления, кем бы они не наносились. В то же время он был общителен и проявлял милосердие. Спал мало. Рано вставал. Ему было чуждо корыстолюбие. Он действовал всегда скрытно. Был очень ловок и искусен в военных делах, резок и несдержан в гневе, но отходчив. Он почти никогда не следовал советам подчиненных. Все относились к нему с уважением и почтением, хотя и очень боялись. Вина не пил, был умерен в еде, необыкновенно прост в поведении. Презирал японских императоров и князей, ни во что не ставил богов и идолов, не верил ни в какие пророчества и суеверия. И хотя сам принадлежал к буддийской секте Нитирэн, тем не менее твердо считал, нет ни бога, ни бессмертия души, ни потусторонней жизни».

О первых годах жизни Нобунага известно немного. Он родился в 1534 г. Место его рождения точно не установлено; называют замок Нагоя или замок Сёбата.

Воспные походы Ода Нобунага

Борьбу за объединение провинции Овари начал еще отец Нобунага — Нобухидэ. Он был способным человеком и умел привлечь на свою сторону самураев. В 1551 г. он скоропостижно скончался, и его сын Нобунага сделался главой дома Ода.

Положение провинции Овари Овари была большой провинцией, и политическая ситуация в ней оставалась сложной. Ее удобное расположение, хорошие дороги привлекали внимание могущественных соседей, которые стремились прибрать ее к рукам. Опасность захвата особенно реально угрожала с востока и севера.

На востоке это был могущественный *даймё* Имагава Ёсимото, принадлежавший к дому сёгунов Асикага. Он сумел распространить свое влияние на соседнюю провинцию Микава и фактически захватил ее после смерти ее владельца Мацудайра Хиротада. В то же время Имагава долгое время находился в качестве заложника сына Хиротада — Такэтиё, позднее вошедший в историю под именем Гокугава Иёясу.

Судьба его сложилась так, что в течение двух лет он был заложником и у Ода Нобухидэ. В августе 1547 г., когда 5-летний Такэтиё был направлен отцом «в залог» в ставку Имагава в Сумпу (совр. город Сидзуока), он был захвачен войсками Ода и переправлен в замок Нагоя. Ода Нобухидэ написал тогда Хиротада короткое письмо, в котором без всяких дипломатических уверток говорилось:

«Для вас гораздо лучше порвать союз с Имагава и объединиться со мной. Если вы этого не сделаете — я убью Такотие».

Хиротада отказался выполнить это требование. Но Ода Нобухидэ все-таки рассудил, что убийство мальчика не пойдет ему на пользу и оставил его в живых. Позднее Имагава Ёсимото захватил одного из сыновей Нобухидэ. Произошел обмен, и в 1549 г. Такэтиё все-таки прибыл в Сумпу, где прожил 11 лет.

На севере независимости провинции Овари угрожал Сайтё Дёсан. Насаждая свою власть с помощью грубой силы, он подчинил себе провинцию Мино и стремился распространить свое влияние и на провинцию Овари. Для этого он вступил в союз с *даймё* Доки Ёриёси, принадлежавшим к династии сёгунов Минамото. В 1544 г. Сайтё вел борьбу с отцом Нобунага, которая закончилась своеобразным миром — он выдал свою дочь замуж за Нобунага.

Первые завоевательные походы

С самого начала действия молодого Ода Нобунага были отмечены твердостью и не обычной жестокостью в реализации планов быстрого захвата всей провинции, где дому Ода принадлежала лишь западная часть. Утверждать свое лидерство как в провинции, так и в семье, приходилось с помощью силы и изворотливой дипломатии, заключения разного рода союзов, распадавшихся как карточные домики, когда надобность в них отпадала.

Ода Нобунага обладал настоящей разбойничьей хваткой, что, впрочем, ничуть не выделяло его из числа других крупных и мелких феодалов эпохи «воюющих провинций». Первыми жертвами его безудержного честолюбия стали его родственники. Стремление Нобунага к единоличной власти привело к жестокой войне почти полностью уничтожившей феодальный дом Ода. Эта участь миновала даже его младшего брата Нобуюки, обвиненного старшим в «связях с врагами».

Замок Киёсу, в котором обосновывался Ода Нобунага, стал местом, где разрабатывались планы новых завоевательных походов. Успешные военные действия, приведшие к подчинению Нобунага всей провинции Овари стали важнейшим стимулом к подготовке захвата теперь уже соседних провинций.

Первой на этом пути стала военная кампания против *даймё* Сайтё Дёсан, прозванного за свое вероломство «гадюкой» (*мamu си*). Это был самый отъявленный негодяй даже среди *сэнгоку даймё*. Его хорошо укрепленный замок Инабазэ был расположен в западной части провинции Мино.

Незадолго до этого произошла встреча Ода Нобунага с Тоётоми Хидэёси, будущим вторым «объединителем» Японии. Хидэёси, уроженец той же провинции Овари, по происхождению был крестьянином и начал службу у Ода простым слугой. Однако довольно скоро он оказался в войсках и принял активное участие в военных операциях. Его необычайная храбрость, находчивость и твердость в достижении цели, а также несомненные проявления военного таланта, были замечены, и он начал стремительное продвижение вверх по лестнице должностных назначений, которое завершилось присвоением ему звания самурая и, следовательно, введением его в состав военно-феодалов дворянства. Совместная деятельность и взаимная преданность Нобунага и Хидэёси связала их на долгие годы. Пока же кампания по захвату провинции Мино стала знаменательным событием для обоих из них — она впервые наглядно показала их чрезвычайно успешное взаимодействие.

На военном совете Ода Нобунага предложил разработанный им план штурма замка Инабадаё. План был настолько неординарен, что даже, в известной мере, противоречил здравому смыслу. Ни один из приближенных к Нобунага военачальников не согласился участвовать в реализации столь рискованного проекта. Хидэёси был единственным, кто принял и блестяще осуществил план Ода Нобунага.

Следующая, еще более значительная кампания была проведена Ода Нобунага против одного из крупнейших феодальных домов Имагава, владевшего провинциями Микава, Тотоми и Суруга. Имагава Ёсимото, в недавнем прошлом захвативший провинцию Микава, сам вынашивал план присоединения к своей территории земель Овари. Возможно, он давно бы осуществил его, если бы его собственные владения неожиданно не оказались объектом притязаний северо-восточного соседа — мощного феодального дома Ходзё.

Объединившись со своим родственником, крупным феодалом и известным полководцем Такэда Сингэн (выходцем из дома Миэмото), Имагава быстро ликвидировал опасность на своих границах и тут же двинул 25-тысячную армию на владения Ода — западную часть провинции Овари. Однако в тяжелейшей битве при Окэхадзама в мае 1560 г. Ода Нобунага, командуя значительно меньшими силами, нанес армии Имагава Ёсимото сокрушительное поражение. Сам Ёсимото погиб, были убиты 600 его самураев и 2500 пехотинцев-асигару.

Военное искусство Ода Нобунага

Следовавшие один за другим успешные военные успехи Ода Нобунага, чей возраст едва достиг 25 лет, производили ошеломляющее впечатление на феодальные семейства соседних провинций центральной части Хонсю.

Необычайная активность и стремительность в подготовке и осуществлении все новых походов привела Ода и его сподвижников на поля сражений с крупнейшими феодалами — Такэда, Асаи, Китабатакэ, Асакура и др.

Ода Нобунага одержал победы и над ними, причем не за счет каких-то случайных факторов, счастливого для него стечения обстоятельств (хотя случалось и это). Непрерывные войны, которые он вел буквально с первых дней получения власти над родовым имением, раскрыли в нем несомненные черты незаурядного полководца. Его войско, созданное из мелких самураев — собственников небольших земельных наделов — и из крестьян, отличалось дисциплиной, высокой профессиональной подготовкой и разнообразными нововведениями, повышавшими его боевую мощь.

Прежде всего, войска Ода Нобунага, в отличие от других феодалов, были оснащены огнестрельным оружием. Оно стало поступать в Японию начиная с середины XVI в., после появления там португальцев, и Нобунага регулярно получал его через торговцев, покупавших его на юге Кюсю у европейцев (португальцев и испанцев).

Это был совершенно новый для японцев вид вооружения, который в период смутного времени нашел широкое применение и произвел определенный переворот в военной технике. Каждый *даймё* при его использовании применял свою тактику. Нобунага удалось добиться его максимально эффективного использования применительно к японским условиям ведения боя.

Поначалу огнестрельное оружие применялось лишь как вспомогательное средство, поскольку как само оно, так и боеприпасы стоили очень дорого. Позднее Нобунага удалось наладить его производство в Японии. Однако даже тогда свинец, необходимый для изготовления пуль, и сырье для пороха приходилось ввозить.

Основу армии Нобунага составляли самураи, которые жили на подвластных ему территориях. Их отношения строились по принципу хозяин—слуга. В армии была жесткая дисциплина, что проявилось, когда в 1564 г. Нобунага вступил в столицу. С давних пор повелось, что войска, вступив в город, начинали бесчинствовать и грабить. Моральный дух воинов падал, и было много случаев, когда неожиданная контратака врага приводила к разгрому

недавнего победителя. Нобунага хорошо осознавал такую опасность, поэтому мародеров убивали без промедления.

Определенным нововведением было и создание отрядов пехоты (*асигару*). Подобная пехота уже имелась в армиях некоторых феодалов, но Ода Нобунага изменил способ ее боевого применения. В его войсках отряды *асигару*, созданные из крестьян, ставших, по существу, профессиональными воинами, дополняли самурайские отряды, и тем самым расширяли основную боевую часть войска, тогда как в военной практике других феодальных домов *асигару* применялись лишь в качестве вспомогательных частей.

Одновременно Ода Нобунага разработал для *асигару* подробную тактику боя с использованием традиционного вооружения — больших, но легких кожаных щитов и несколько модифицированных, удлинненных до 5–6 м копий. Снаряженные таким образом *асигару* могли занимать оборону, прикрывшись щитами и оплечившись «ежом» копий, и в то же время могли принимать участие в наступательных операциях, действуя согласованно с другими видами войск. Это, в частности, помогло Ода Нобунага разгромить *дзиммэ* Такеда Кацуёри, и его тактика борьбы вошла в анналы военного искусства.

Излюбленными действиями Ода Нобунага были стремительные кавалерийские атаки и неожиданные и, как правило, весьма рискованные рейды в глубокий тыл противника, которые нередко определяли успех всей кампании. Нобунага отлично владел искусством маневрирования на местности, неожиданно атакуя противника в самый неподходящий для него момент. Он наносил удары под покровом ночи, когда противник меньше всего ожидал атаки и не был готов отразить ее. Кроме того, одной из особенностей его военной тактики было максимальное использование в боевых действиях неожиданных природных явлений, таких как ливни и грозы, и даже природных катаклизмов — тайфунов, землетрясений, наводнений.

Следует отметить, что с юношеских лет Нобунага занимался спортом и изучал военное дело, что было естественным в тех условиях — в то время война была образом жизни людей его круга. Он дважды в день упражнялся в верховой езде, овладевал всеми видами оружия, старательно осваивал приемы и методы ведения боевых действий. К тому же его поведение отличалось огромным мужеством и мгновенной реакцией на изменение ситуации. Необыкновенная изобретательность и фантазия не раз спасали его армию от казалось бы неминуемого разгрома и приносили победу.

**Союз Ода Нобунага
с Токугава Иэясу**

Вскоре после битвы при Окэхадзама в замке Киёсу произошла встреча Ода Нобунага с Токугава Иэясу, ставшая знаменательной не только для них, но и для судьбы страны.

В ходе войны Имагава Ёсимото с Ода Нобунага молодой Токугава Иэясу (тогда он носил имя Мацудайра Мотонобу) воевал на стороне Ёсимото. Однако после гибели последнего в мае 1560 г. Мотонобу вернулся в свой семейный замок Окадзаки и начал переговоры с Нобунага через своих верных вассалов, таких как Исигава Кадзумаса, и через родственников своей матери из рода Мидзуно. Это позволило ему порвать все связи с домом Имагава и весной 1561 г. заключить союз с Нобунага. Чтобы закрепить свои отношения с ним, он даже договорился женить своего сына на дочери Нобунага, хотя детям тогда было по 4 года от роду.

Ода Нобунага

Этот брак состоялся в 1567 г. К тому времени, семья Мацудайра подчинила себе большую часть провинции Микава. Тогда же Мотонобу в последний раз поменял свое имя — он стал зваться Токугава Иэясу. Смена фамилии, вероятно, была вызвана тем, что в свое время выходец из рода Токугава из провинции Микава был усыновлен бездетной семьей Мацудайра, и Иэясу полагал, что смена фамилии даст ему возможность стать законным правителем провинции.

Принятие фамилии Токугава оказалось очень удачным шагом. Спустя несколько лет были найдены свидетельства родственных связей Токугава с прославленной фамилией Минамото, что позволило Иэясу на законных основаниях провозгласить себя сёгуном, чего не сделали ни Нобунага, ни Хидэёси. Таким образом, оказалось, что смена фамилии обозначила начало пути Иэясу к высшей власти в стране.

Пока же Иэясу стал играть роль младшего партнера Нобунага. Он сумел договориться с Ода Нобунага о разграничении сфер влияния. Было решено, что Токугава Иэясу будет вести боевые действия на севере — в провинциях Тотоми и Суруга, а Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси обратят свои силы на расширение территориальных захватов в центре страны.

Таким образом возник прочный и действенный союз трех феодалов, который сделал возможной реализацию идеи объединения страны и воссоздания в Японии централизованного государства.

Свержение сёгуната Асикага Между тем кризис сёгуната Асикага становился все явственнее. В 1564 г. в столице неожиданно умер канрёй Миёси Нагаёси. Он был крупнейшей политической фигурой, сменившей на этом важнейшем посту представителей дома Хосокава, в течение многих лет контролировавших деятельность сёгунов Асикага. Вскоре погиб и правивший в то время сёгун Асикага Ёситэру. Попытавшийся укрепить свое положение вопреки планам его ближайшего окружения, он был осажден в своей резиденции войсками провинника и вынужден был покончить с собой.

Сведения о заговоре и расправе с сёгуном стремительно распространились по всей стране, став для многих феодальных домов сигналом к вступлению в борьбу за обладание центральной властью. Но ранее других оценил обстановку и начал решительно действовать Ода Нобунага. С 50-тысячной армией он вступил в столицу, и, расправившись с виновными в смерти Ёситэру, провозгласил новым сёгуном его младшего брата Асикага Ёсиаки.

Однако, несмотря на успех молниеносной кампании, Ода Нобунага, видимо, все же не чувствовал себя достаточно сильным для прямого захвата власти. Начался период, внешне абсолютно не характерный для обычной системы его действий и манеры поведения. Ода Нобунага осыпал благодеяниями призванного им же к власти сёгуна и на время отложил реализацию своего главного плана. Он начал строительство двух грандиозных дворцов для сёгуна и императора. Завоеванные им княжества были обязаны поставлять на строительство камень, дерево и другие строительные материалы, а также предоставлять рабочую силу.

Тысячи крестьян были согнаны в столицу на постройку дворцов, шедшую в необычайно быстром темпе — два огромных комплекса были возведены за всего лишь за 3 месяца. Скученность, изнурительный, почти непрерывный тяжелый труд привели к болезням среди строителей и, как следствие, к высокой смертности среди них. Уникальность архитектуры и необыкновенная изысканность декора сооружений, украсивших столицу и ставших гордостью национальной культуры, были оплачены множеством человеческих жизней.

Однако столь необычная демонстрация преданности сёгуну со стороны Ода Нобунага была только маской. Все кончилось внезапно, при малейшей попытке сёгуна Ёснаки проявить самостоятельность. Он сразу же был низложен (в 1573 г.), и одновременно Ода Нобунага ликвидировал сёгунат как систему правления. Тем самым завершилось более чем 200-летнее существование *Муромати бакуфу*.

Несмотря на упразднение сёгуната, все остальные структуры политической власти были сохранены. Ода Нобунага почти без изменений. Тем не менее, он не провозгласил себя сёгуном, хотя этот титул наиболее точно отражал бы существо и характер единоличной власти — военной диктатуры.

Нобунага решил построить для себя резиденцию и приступил к строительству замка в Адзути, которое завершилось в 1576 г. Замок Адзути стал не просто резиденцией Нобунага. Это был опорный пункт, откуда он управлял покоренными провинциями и проводил свою политику.

Светская жизнь в замке Адзути была весьма оживленной. Ода Нобунага был человеком, имевшим много увлечений. Он любил толк в лошадях. Около замка Адзути бывали базары, где продавали лошадей, и где можно было выбрать коня на любой вкус. Другим его увлечением была соколиная охота, и у него было много соколов, полученных в подарок из разных мест. Был он и поклон-

ником борьбы *сумо* и, устраивая состязания, собирал у себя в замке иногда до 1500 борцов.

Военные действия к северо-востоку от Киото

Тем временем Токугава Иэясу продолжал действовать в рамках договоренности с Ода Нобунага, достигнутой в 1561 г. Все эти годы Иэясу как бы находился под защитой Нобунага, извлекая из этого союза огромную выгоду. При этом он относился к Нобунага с чувством искреннего почтения и оставался ему верным другом.

Иэясу расширял свои владения теми же средствами, что и остальные *даймё* — в основном силой оружия и путем заключения временных союзов. В декабре 1568 г. Иэясу вторгся во владения Имагава, а в 1570 г. присоединил к своим владениям провинцию Тотоми. Действуя вместе с Нобунага, они разгромили два сильных феодальных дома — Асаи и Асакура — в битве при Анэгава недалеко от оз. Бива. Важную роль в этой победе сыграло применение огнестрельного оружия, что было тогда новшеством для Японии.

Чтобы закрепить свою власть над провинцией Тотоми, Иэясу переместил свою ставку из фамильного замка Окадзаки в город Хамамацу. После этого он принимал участие в битвах, которые успешно вел Нобунага со своими соперниками на северо-востоке от Киото.

В 1572–1582 гг. Иэясу значительно увеличил свои владения и военные силы. У него оставался грозный соперник на востоке — *даймё* Такэда Сингэн из провинции Каи, который был родственником Имагава Ёсимото. Дома Токугава и Такэда постоянно враждовали, тем более, что Сингэн стремился захватить провинцию Микава. Своим союзом с Нобунага Иэясу сковывал действия этого феодала. Он также заключил союз с восточным противником Такэда — Уэсуги Кэнсин.

Войска дома Такэда считались одними из наиболее сильных. Они выиграли не одно сражение, демонстрируя хорошую выучку и высокие боевые качества. Одолеть такого противника было не легко.

Иэясу гордился своим военным мастерством, часто называя себя «лучшим лучником юга Тōкайдо». Но в борьбе с домом Такэда его самонадеянность однажды чуть не стоила ему головы. В декабре 1572 г. в битве при Микатагахара Иэясу потерпел поражение от Такэда Сингэн. В ходе этого сражения Сингэн потерял более 400 чел., а Иэясу — около 1200.

Иэясу пришлось отступить под покровом темноты в свой замок. Спасла его следующая хитрость. Он приказал развести огромные костры перед воротами замка, надеясь, что они послужат ориентиром для его разбежавшихся после разгрома вассалов, одновременно поставят в тупик противника. Когда войска Такэда Сингэн окружили замок, один из военачальников Иэясу широко распахнул ворота, а затем поднялся на сторожевую башню и стал бить в большой барабан, как бы давая сигнал к атаке силам, спрятавшимся в замке. Хитрость сработала — военачальники противника после небольшой ночной стычки отвели свои войска от стен замка, чтобы не попасть, как им казалось, в ловушку.

Такэда Сингэн

В 1573 г. Такэда Сингэн умер, но его сын Кацуёри продолжал строить захватнические планы в отношении провинции Микава. Иэясу и Нобунага пришлось вести с ним упорную борьбу. Одно из решающих сражений произошло около замка Нагасино, приграничной крепости Иэясу. Она была расположена на спорной территории в долине двух рек и блокировала путь в провинцию Ми

кава. В 1575 г. войска Кацуёри обложили крепость, рассчитывая расчистить себе путь к югу. Иэясу и Нобунага объединили свои силы, чтобы воспрепятствовать этому. Была устроена засада в том месте, где Кацуёри должен был переправиться через реку. 21 мая произошло кровавое сражение, продемонстрировавшее превосходство огнестрельного оружия — вассалы Нобунага были вооружены португальскими ружьями. Но борьба Иэясу и Нобунага с Кацуёри продолжалась до 1582 г., когда Иэясу удалось распространить свою власть на провинцию Суруга.

* * *

Кратковременность пребывания у власти Ода Нобунага не позволяет достоверно оценить его масштаб как государственного деятеля. Однако многое свидетельствует о том, что он обладал большими способностями и в этой сфере. Так, до поры до времени он проводил весьма осторожную политику в отношении буддийских монастырей — крупнейших религиозных, политических и экономических центров феодальной Японии, хотя, по свидетельству современников, не верил ни буддийским, ни синтоистским богам и впоследствии продемонстрировал это, разорив немало буддийских святынь.

В этой связи нужно отметить взаимоотношения Нобунага с императорским домом и придворной аристократией. Несмотря на полную утрату императором реальной власти, формально он оставался верховным правителем страны, религиозный престиж которого как потомка богини Аматаэрасу использовали все правители Японии. Стремясь создать власть, свободную от влияния прежних структур, и отказавшись от титула *сэйи тайсёгун*, Нобунага, тем не менее, использовал императора для укрепления своего положения и авторитета. Он согласился стать *кугэ* (придворным), и таким образом вошел в политическую структуру двора. Он также вернул *кугэ* ранее принадлежавшие им земли, рассчитывая на их помощь в деле утверждения своего влияния на императора и двор.

В 1579 г. Нобунага усыновил принца, сына императора Огимати. В замке Адзути имелись специальные апартаменты на случай визитов императора; этим давалось понять, что будущий император будет часто его посещать.

Признаком государственной мудрости следует считать и то, что Нобунага не рассчитывал удерживать захваченные территории исключительно силой оружия. На первый план выступали широкие экономические выгоды, которые открывало создаваемое Ода Нобунага на месте перегороженных таможенными заставами княжеств единое экономическое пространство. Торговля получа-

ла возможность широко и беспрепятственно развиваться, что само по себе закрепляло территориальное объединение, а крестьянское хозяйство, разоряемое войнами в течение многих десятилетий, получало долгожданную стабильность существования.

Несомненно также, что Ода Нобунага обладал обостренным чувством нового, чутьем на полезные нововведения, не гнушаясь учиться и у врагов. Так, он учел и использовал практически все из реформ, которые провел в своих владениях Такэда Сингэн, один из его наиболее опасных соперников. Среди них были аграрные преобразования, подготовка земельного кадастра, организация добычи полезных ископаемых, в том числе золота, развитие сети дорог, торговли, различных видов производства, упорядочение налоговой системы и многие другие административные мероприятия.

Своими политическими успехами Ода Нобунага был обязан редкому соединению талантов полководца и реформатора с трезвым видением социальных проблем и способностью жестко и одновременно гибко действовать в кризисной ситуации.

На его долю выпал начальный, самый тяжелый этап процесса объединения страны. Его последователи получили серьезное наследие. Можно сказать, что все созданное ими было, фактически, развитием начинаний Ода Нобунага. Преобразования, проведенные им, не затронули в основе ни политическую, ни экономическую систему страны, они лишь создали предпосылки для будущих коренных перемен. Но это был первый шаг в новое общество. Можно сказать, что Нобунага затворил ворота эпохи средневековья (*тёсэй*) и заложил первые кирпичи в фундамент здания нового времени (*кинсэй*), строительство которого завершили сёгуны Токугава. Своей борьбой за объединение Японии, хотя такой конкретной цели он себе не ставил, он проложил японскому обществу дорогу к периоду длительного мира.

Аграрные преобразования Ода Нобунага

Аграрные преобразования рассматривались Ода как одно из первейших по важности мероприятий. Борьба, которую вел Нобунага, требовала не только больших людских сил, но и огромных материальных расходов. И главными источниками их пополнения было сельское хозяйство.

Сельское хозяйство, где было занято более 80% населения, составляло основу жизни страны, и в силу этого именно его коснулись самые первые нововведения Ода Нобунага. При этом обширная система разнообразных мер на территории захваченных

им княжеств была направлена по существу на создание единого экономического пространства и на комплексное решение социально-экономических проблем.

Так, политика, содействовавшая развитию торгового капитала — снятие таможенных барьеров между княжествами, отмена поборов, ранее взимавшихся за право провоза товара, — одновременно была выгодна и крестьянскому хозяйству. Нанося удар по феодальной замкнутости, она гарантировала крестьянской экономике защиту и стабильность, и, одновременно, открытость — возможность работать на расширявшийся рынок.

Изменения состава землевладельцев В XIV в. началось разложение системы *сёэн*, и к середине XVI века она окончательно пришла в упадок. Владельцы *сёэн* теряли свои земли, которые переходили к новому феодальному сословию. Из среды *мёсю* и *дзитё* появились мелкие и средние феодалы, а крупные князья (*даймё*) в основном происходили из среды *сюго*. В условиях постоянной междоусобной борьбы *даймё* стремились разными путями укреплять свою власть. В целях безопасности они отрывали от земли своих воинов (*буси*) и переселяли их в приамовые города.

Параллельно происходило формирование деревни как административно-хозяйственной единицы. Для управления деревней *даймё* назначали чиновников, как правило, из среды *мёсю*, главными обязанностями которых были сбор налогов, перепись земли и т. д. Одновременно укрепилось местное деревенское самоуправление, ведавшее орошением, использованием угодий, уплатой налога и другими вопросами, касавшимися хозяйственной деятельности деревни.

В таких условиях политика Ода Нобунага в отношении деревни имела четко выраженную направленность. По существу, речь шла о воссоздании *сюго* с той разницей, что раньше эти чиновники, представлявшие центральную власть на местах, сами захватывали себе земельные владения, а теперь их место заняла военная элита, получавшая при назначении лично от Ода Нобунага огромные земельные пожалования. Щедрой рукой он раздавал управление завоеванными землями своему ближайшему окружению. По замыслу реформатора, поставленные во главе княжеств военачальники должны были силой оружия гарантировать строгий порядок в княжестве, социальную стабильность и беспрекословное подчинение, выполнение крестьянами их повинностей.

Сама по себе смена целого социального слоя, связанного с владением земель, происходила не впервые. После своего прихо-

да к власти Асикага так же щедро награждали самураев, оказавших им действенную помощь в борьбе за власть. Но довольно скоро экономическое могущество этих домов стало основой их политических претензий, что, в конечном счете, и привело к падению второго сёгуната.

Все же, Ода Нобунага, видимо, полагал, что благодетельствованный им слой «новых» *даймё* будет надежной опорой его режима. Однако даже недолгий срок его диктатуры показал, что развитие социальной ситуации не всегда подчиняется однолинейной стратегии. Сам факт гибели Ода Нобунага от руки ближайшего сподвижника стал свидетельством того, что прежние благодеяния не имеют большой цены в борьбе за власть. Для преемников Ода Нобунага — Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу — понимание этого подвигло на создание порядка, основанного на гласном и негласном контроле за военным сословием и открытым, разветвленным и жестким — за крестьянством.

Составление земельного кадастра

Проведению реформ в сельскохозяйственной сфере предшествовало создание земельного кадастра (*кэнти*). Кадастр предполагал полный сбор сведений обо всех земельных угодьях с учетом их региональной специфики и о реальном состоянии системы землевладения и землепользования.

Кэнти проводились в Японии и до Нобунага. *Даймё* Имагава, Такэда и Ходзё, основные противники Нобунага, еще раньше осуществляли их в своих владениях. В результате *кэнти* точно определялись размеры земельных налогов. Учитывались и земли *буси*, полученные от *даймё* в качестве феодалов. Во многих владениях существовала система *кандака* — денежное измерение урожая, основной единицей которой был *кан* (3,75 кг) меди.

Кэнти, начатое Нобунага в 1568 г., преследовало чисто практические цели — выявить экономический потенциал *даймё*. Кроме того, это мероприятие было направлено против могущества буддийских монастырей, многие из которых владели обширными землями. Монастыри имели значительные вооруженные силы, активно участвовали в междоусобных войнах. Это была реальная оппозиционная сила, которая заставляла с собой считаться.

Предстояло проделать скрупулезную работу — выяснить и зафиксировать наличие разнообразных форм земельной собственности. По планам Нобунага, в дальнейшем предстояло унифицировать их на основе пользовавшейся его поддержкой княжеско-феодалов собственности и, следовательно, упразднить такие

виды, как собственность аристократических семей, храмов, мелких и средних феодалов и т. д.

Составление земельного кадастра шло под непосредственным контролем самого Ода Нобунага. Только самым ближайшим своим сподвижникам, таким как Сибата Кацуиэ, он разрешил самостоятельно осуществить в их княжествах эту сложную и ответственную операцию. Недовольство крестьян, их выступления против явно утяжеляющегося налогового бремени, прикрепления к земле и пр., подавлялись властями Ода Нобунага самым жестоким образом.

Ода Нобунага, как правило, ограничивался получением *сасидэки*, т. е. сведений от владельцев земли о проведении переписи. При подозрении в утаивании земель представители Нобунага проводили обследования, и если подозрения подтверждались, все владения провинившегося феодала конфисковывались. Таким путем от крупных *даймё* отрывался слой мелких феодалов-*буси*, которые лишались источника своего существования — и земли, и хозяина, — а крупные *даймё* теряли свою военную и экономическую силу. Политика конфискаций касалась и монастырей. Так, во время переписи земель в провинции Ямато были конфискованы все земли храма Кёфукудзи.

Изменение налоговой системы Реформы коснулись и налогов. Вся система налоговых отношений в аграрной сфере при Ода Нобунага была значительно упрощена. Устранение многоперсональной коммендационной лестницы с ее многоступенчатостью подчинения существенно сократила и локализовала путь налогового взимания. Теперь он шел от крестьянина непосредственно к феодалу. Но это одновременно означало утяжеление налогового гнета для крестьян.

Налог с крестьянского хозяйства стал складываться из налога деньгами и оброка, исчислявшегося исходя из урожая, снятого с общей земельной площади — как с суходольных (*хатака*), так и поливных полей (*суйдэн*). Норма введенного Ода Нобунага налога составляла 2:1 (две доли крестьянину, одна — феодалу).

Одновременно было предписано использовать золото и серебро в качестве платежного средства при ввозе пряжи, лекарств, шелка, чайной посуды. Этим стимулировался импорт разнообразных товаров и, соответственно, обращение золота и серебра.

Одновременно наметилось движение к продуктовой ренте. Рисуный налог (*кокудака*) был введен позднее, уже при Тоётоми Хидэёси, политика которого в отношении крестьянства отлича-

лась еще большим ужесточением социального контроля и степеней эксплуатации.

Политика в отношении ремесла и торговли

Как и вся реформаторская деятельность Ода Нобунага, его политика в отношении торговли и ремесел вела к формированию развитию единого национального рынка страны.

Основные экономические мероприятия стали осуществляться после прибытия Нобунага в Киото, а в Овари, Мино и других по властных ему провинциях они начались раньше. Они касались положения торговцев и ремесленников в городе и деревне. Важнейшими из них были указы о свободных рынках (*ракуити*) свободных цехах (*ракудза*).

Политику открытых рынков и открытых цехов Нобунага начал проводить в своих владениях. Первые свободные цехи появились в приамковом городе Адзути, принадлежавшем Нобунага. При этом он не ликвидировал остальные цеховые объединения, проводя политику поощрения торговой и предпринимательской деятельности. Он сохранил старую структуру цехового ремесла еще и потому, что такие города как Киото и Сакаи, которые широко славились своими искусными и удивительными изделиями, нуждались в сырье, а ликвидация старых цехов нарушила бы систему производственных и снабженческих связей. Следует отметить, что такая политика особенно способствовала расцвету городского городского самоуправлением, стимулируя их экономическую активность.

По мере исчезновения прежних политических осуществлялась и ликвидация таможенных застав (*сэкисё*). Застав было великое множество, их сооружали не только владельцы земель, но и монастыри и деревни. Сбор пошлины негативно отражался на цене товара. Убрать эти заставы пытались еще *сэнгоку даймё*, поскольку они мешали развитию рынков в их владениях и продовольственному снабжению.

Уничтожая заставы, Ода Нобунага лишал высоких доходов с таможенных сборов и феодалов, и обширную когорту придворной аристократов, и монахов богатых буддийских монастырей. Известна его борьба со столичной придворной аристократией, когда ему на время даже пришлось отступить, восстановив после многочисленных петиций прежние привилегии *кугэ* на семи киотских заставах. Окончательно заставы были ликвидированы уже при Тоётоми Хидэёси.

С многими купеческими фамилиями Ода Нобунага имел давние связи с тех пор, когда он закупал на Кюсю привезенное европейцами огнестрельное оружие. Позднее Имаи Сбкю, купец из города Сакаи, организовал для Нобунага его местное производство. За это ему было предоставлено право собирать налоги с нескольких ремесленных корпораций (*дза*).

Такая практика вознаграждения была обычной. В 1573 г. Ода Нобунага признал специальные права торгового дома Татибанага на контроль над двумя *дза* в провинции Этидзэн (совр. префектура Фукуи), производившими лекарства и шелк, а в 1576 г. — на контроль над *дза* в провинции Оми (совр. префектура Сига), производившим масло.

Наибольшие усилия Ода Нобунага были направлены на то, чтобы изъять корпорации ремесленников из под контроля придворной аристократии и буддийского монашества. В определенной степени ему удалось добиться этого. В этих случаях часть доходов от *дза* использовались Ода для вознаграждения своих вассалов.

Используя *дза* как постоянный источник дохода, Ода Нобунага осуществлял в отношении них не вполне последовательную политику: с одной стороны, ликвидировал на захваченных территориях препятствия для широкого развития торговли и ремесла, с другой — вводил различные ограничения на их деятельность, осуществлял скрупулезный надзор за выпускаемой продукцией и ее выходом на рынок. Предоставляя *дза* определенные привилегии, Нобунага выступал против монополии крупных объединений.

Развитию торговли и ремесла в городе и деревне содействовали указы Ода Нобунага о строительстве новых и ремонте старых дорог. Конечно, дороги для Нобунага имели прежде всего стратегическое значение, служили быстрому передвижению его армии во время наступательных операциях против феодалов соседних провинций. Но одновременно развитие дорожной сети объединяло созданное им единое экономическое пространство.

Налаживание денежного обращения Ода Нобунага прилагал немалые усилия к тому, чтобы наладить систему денежного обращения. В средневековой Японии центральное правительство не занималось чеканкой монет. В ходу были китайские (сунские и минские) монеты, хотя в Японии добывалось достаточное количество меди, чтобы чеканить собственную монету. Однако существовала внешнеторговая практика, когда японцы в обмен на медь получали китайскую медную монету (*эйракусэн*).

Поскольку не существовало строгого денежного стандарта, широко практиковалась порча монет. Против этого и были направлены основные указы Нобунага. Правда, несмотря на введение строгих мер наказания, исправить положение ему не удалось. Упорядочение денежной системы было проведено позднее, при сёгунах династии Токугава.

Для ведения новых войн, содержания армии и закупок оружия Ода Нобунага требовалось много средств. Отсюда происходил его повышенный интерес к добыче драгоценных металлов. Ода Нобунага активно содействовал реконструкции старых рудников, открытию новых и имел план массовой чеканки монет. Но, несмотря на захват серсеребряных рудников в Икуно (провинция Тадзима, совр. префектура Хёго) и на о-ве Садо после победы над феодальным домом Ямана (потомками Минамото), золота и серебра все же было недостаточно.

Тем не менее, по приказу Ода Нобунага была произведена чеканка золотых монет. По свидетельству купца Цуда Сёккю из Сакакай, в принадлежавшем Нобунага замке Адзуты он видел более 10 тыс. золотых монет.

Развитие городов

В период второго сёгуната на процесс образования городов, наряду с экономическими, стали оказывать активное влияние и политические факторы. Формирование двух императорских столиц династии — северной, в Киото, и южной, в Ёсино, — содействовало активному развитию средних и мелких городов в этом районе. Большое значение в тот период приобрели города-порты. В центральном районе это были Сакай, Хёго, Ёдо, Цу, на Кёсю — Карацу, Хаката, Нагасаки, Кагосима, на севере страны — Сэндай. Через них шло снабжение столиц как всевозможными товарами, так и оружием.

Конеч правления Асикага (конец XV—XVI вв.) характеризовался дальнейшим развитием городов, причем, наряду с быстрым ростом городских поселений (темпы строительства приамурских городов в Японии в конце XV—XVI вв. не имеют прецедента в мировой истории), происходило и их качественное изменение. Началась функциональная и структурная перестройка приамурских городов (*дзёкамати*). Если раньше они возникали при резиденциях *сюго даймё*, которые были всего лишь укрепленными жилищами, то XV век стал периодом начала строительства настоящих замков со сложной системой укреплений, которые теперь

становились центрами призамковых образований. Но главное — это то, что появилась тенденция сосредоточения в одном месте (городе) резиденции *даймё*, замкового укрепления и рынка.

Наиболее бурный рост японских городов наблюдался в XVI столетии. Он был вызван развитием производительных сил страны и общественного разделения труда, расширением внешней (прежде всего, с Китаем) и внутренней торговли, а также образованием крупных княжеств и призамковых городов, которые стали их политическими, экономическими и военными центрами. Наиболее крупными *дзёкаматами* середины XVI в. были Одавара, Футё и Ямагути, население каждого из которых достигало 10 тыс. чел. Росли и города-порты. Порты Сакаи в центральной части Хонсю и Хаката на Кюсю, выросшие на внешней торговле, в середине XVI века имели население свыше 20 тыс. чел.

Но все же наиболее важным этапом формирования японских городов был, не XVI, а XV век. Активный рост городов в XVI в. был естественным и закономерным продолжением процессов формирования города и городской культуры в XV в. Именно к XV веку относятся качественные изменения *дзёкаматами*, процесс формирования их как политических, экономических и военных центров княжеств и, что особенно важно, складывания городской культуры.

Эволюция городской структуры

При возникновении крупных феодальных княжеств произошла полная смена типа и структуры городских поселений. Замковые города как центры власти сперва *сюго даймё*, затем *даймё* «эпохи поющих провинций» и, наконец, *даймё* периода Токугава — все при типа *дзёкаматами*, как правило, не были преемственны по отношению друг к другу. Чаще они строились заново. Владелец *дэн*, состоявшего из разбросанных земельных наделов, строил свою резиденцию в окружении крестьянских участков. Она мало чем отличалась по типу от остальной застройки. Что касается *дзёкаматами* периода междоусобных войн, то они создавались прежде всего как военное укрепление с обязательным замковым сооружением, которое не только символизировало власть и мощь *даймё*, но и обеспечивало ему необходимую защиту.

Структура *дзёкаматами* XV–XVI вв. отражала особенности социальной иерархии, сложившейся в феодальном клане. Для нее была характерна упорядоченность всех социальных звеньев городской территории, ее тщательная распланированность. В известной мере, *дзёкаматами* XV–XVI вв. восстановили утерянную за предшествующие столетия практику выделения сакрального про-

странства в качестве городского центра: его роль стала играть замковая структура. Вблизи стены замка селились воины-буси в соответствии с их рангами и экономической значимостью.

Характерной чертой, свойственной любому средневековому японскому городу, были замкнутые, изолированные улицы (каждая улица замыкалась воротами). Город не имел стен, отделявших его от окружающей местности, и в то же время наглухо отгораживал свои улицы одну от другой.

Главной причиной этого явления были регламентации, которые стали вводить власти при Ода Нобунага. Они распространялись на купечество и на богатых представителей ремесленных корпораций-дза, и положили начало ставшим впоследствии обычными кампаниям по «борьбе с роскошью». Но надо признать, что Ода Нобунага, получая от купечества кредиты, в очень редких случаях пытался реально препятствовать концентрации богатств в его руках, рассчитывая использовать их в собственных целях.

Обходя регламентации в отношении жилых помещений, Osaka купечество создало даже особый тип построек, в котором строго соблюдалась регламентированная ширина фасада (9 м), зато в глубину квартала дом имел протяженность в 4 раза больше. тому же, чтобы не платить налог за окна, делали полностью глухой фасад с одной дверью, закрытой, как окно, деревянной решеткой и пропускавшей свет в помещение. Скромность фасада во полнялась богатством и роскошью интерьера.

Положение ремесленников отличалось еще более строгим, чем для купечества, регламентациями и контролем. Занятие ремеслом было наследственным. Ремесленники были организованы в цехи-дза, которые обладали монополией на производство определенных товаров и имели четкую внутреннюю иерархию.

Регламентации способствовали социальному обособлению отдельных районов, кварталов, улиц. Социальное расслоение демонстрировала каждая городская улица, разбитая на пятидворки, во главе каждой из которых стояло наиболее богатое семейство. Наряду с остальными четырьмя семействами, к пятидворке примикали квартирнаниматели, подчинявшиеся общине, но не имевшие в ней права голоса. Таких семей в пятидворке насчитывалось иногда 10–15.

Улицы японского города не были правильно распланированы, и на них иногда было по несколько ворот, отделявших различные участки одной и той же улицы. Сложное переплетение переулков и улиц-щелей породило сохранившуюся до наших дней форму

указания адреса, включавшего не улицу, а район, квартал и номер дома.

Одной из черт средневекового японского города, отличавших его от города раннего периода, было уменьшение количества храмов в городской черте. Это было связано с возросшим влиянием учения *дзэн*, придававшего большое значение самосозерцанию и, следовательно, уединенности, что наложило отпечаток на развитие интерьера, на садовое искусство, на структуру и облик города в целом. Это четко видно при сравнении застройки древнего Киото и городов, возникших в более поздний период. Если в Киото насчитывалось несколько тысяч храмов, то в средневековом Нагасаки их было всего 62, большая часть которых была расположена за городом.

* * *

Средневековый японский город формировался как многофункциональный социальный организм. Поэтому он как бы отражал в себе особенности развития всей страны, и можно сказать, что именно тогда сложился его общенациональный тип. Типологические характеристики японского города (храмовый, транспортный и призамковый), сложившиеся в ту эпоху, стали основой, на которой вплоть до новейшего времени шло развитие городских образований в Японии.

Появление крупных экономических центров

Феодальные княжества все больше теряли свой замкнутый характер. Усилившийся процесс общественного разделения труда активизировал формирование внутреннего общенационального рынка, несмотря на то, что страна еще не была окончательно объединена (южные княжества фактически сохраняли независимость).

Рост внутренней торговли, развитие сети коммуникаций содействовали появлению крупных городов — центров политической и экономической жизни. Главными из них были Осака, Киото, Сакаи, Нагасаки.

Крупные купеческие дома, как правило, были зависимы в своей деятельности от интересов представителей верховной власти. В Киото они ориентировались на потребности императорской столицы, и лишь в Осака купечество занимало более независимую позицию, добившись различных привилегий. Мощные купеческие гильдии (*кабунакама*) и корпорации ремесленников (*дза*) постепенно превратили Осака в главный центр коммерческой деятельности, в город, где сформировался рисовый товарный рынок. В Осака уже при Ода Нобунага *даймё* свозили со всех кня-

жеств производимую там товарную продукцию (рис, шелк, хлопчатобумажные ткани, лаковые изделия, фарфор, бумагу, воск др.). Позднее, при правлении Токугава, в Осака возникла рисовая биржа, скупавшая рис и дававшая кредиты под залог будущего урожая, а также биржи по оптовой торговле рыбой и овощами. Хотя главным мерилom ценности оставался рис, все более широкое распространение получали деньги.

Торговый капитал завоевывал все более прочные позиции жизни города. Наибольшим влиянием пользовались гильдии оптовых торговцев каким-либо одним видом товаров или монополизировавших торговые операции в определенной части страны.

Торговый капитал, содействуя укреплению связей между отдельными районами, постепенно начал вмешиваться в ремесленное производство. Купцы снабжали ремесленников сырьем и скупали готовые изделия. Выступая в качестве посредников между ремесленниками и рынком, они диктовали вид, качество и количество продукции. Скупая, например, хлопок на Кёсю, они снабжали им прядильщиков в Осака, готовую пряжу передавали красильщикам, ткачам и т. д. Ремесленники, таким образом, специализировались на отдельных этапах процесса производства того или иного продукта, все больше подчиняясь купцам, превращавшимся в капиталистических предпринимателей.

По-видимому, в конце XVI в. в Японии в отдельных отраслях уже возникли первые немногочисленные мануфактуры (в основном, текстильные и производившие продукты питания). Преобладающей формой производства была подчиненная скупщику торговцу работа на дому, другими словами — рассеянная мануфактура.

Возникновение «вольных» городов

Параллельно с укреплением экономической мощи городов шла многовековая, кровопролитная борьба за правовой статус города как социального организма. По правовому положению города Японии делились на 3 категории: принадлежавшие государственным властным структурам, владельческие (княжеские) и «вольные». Однако фактически правовой статус любого из них не был сколько-нибудь стабилен.

Прямое государственное управление в городах с его жесткой и мелочной административной опекой ставило городское развитие в более тесные рамки по сравнению с «вольными» городами или даже с *дзёкамати*. Для последних было характерно более свободное и динамичное устройство, стимулировавшее развитие р

месла и торговли, а в дальнейшем — нового образа жизни городского сословия, городской культуры.

В Японии было всего несколько независимых от феодальных властей, самоуправляющихся городов. К ним относились Сакаи и Хаката, выросшие и разбогатевшие на внешней торговле в конце XV–XVI вв., Нагасаки — центр торговли с иностранцами, и Осака — центр торговли рисом. Полицейское и судебное право в них принадлежало городским властям. Имели они и свои войска самообороны, что в условиях непрерывных войн позволяло обеспечить безопасность горожан и сохранять условия для развития производства и торговли.

Наиболее известными из самоуправляющихся городов того периода были Сакаи на побережье Внутреннего Японского моря и Хаката на о-ве Кюсю.

Хаката был известен как центр традиционного ремесла Южной Японии — таких специфических производств, как «ткани Хаката», «куклы Хаката», керамика и фарфор Хаката и пр. Кроме того, в город свозилась разнообразная продукция традиционных ремесел из других районов Японии, предназначенная для продажи на внешних рынках Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии.

Сакаи еще в XIV в. получил «вольную» от дома Оути, на земле которого он располагался. Уровень городского самоуправления, его статус позволял сравнивать Сакаи с вольными городами Европы. Это был богатый, независимый город с широкими внешне-торговыми связями с Юго-Восточной Азией, имевший собственную наемную армию (*эхэй*). Сакаи выкупил землю, на которой стоял, и теперь вся она принадлежала городу, который опоясывал ров — символ независимости.

Состав городского населения Городское население в XV–XVI вв. составляли крупные феодалы, самураи-землевладельцы, проживавшие в городе, служилые самураи, торговцы, ремесленники, монахи многочисленных буддийских монастырей и синтоистских храмов, крестьяне, поселившиеся на городских окраинах, различные деклассированные элементы. Это свидетельствовало об открытости города и высоком уровне мобильности населения, чему, в известной мере, способствовала политика *даймё*. Переселение самураев из всех *дэкамати* в один, главный в провинции, влекло за собой целую полну переселенцев — ремесленников, купцов и пр.

Городское население, не принадлежавшее к феодальному классу, занимало последние ступени сословной лестницы. Юридически горожане имели меньше прав, чем остальные сословия,

но экономическая сила торговцев и богатых ремесленников обеспечивала им возрастающее политическое влияние в стране. Оба социальных слоя были связаны с обслуживанием феодалов-даймё, которые, используя капиталы богатого городского населения, стремились опереться на него для укрепления своего положения.

Нестабильность правового положения касалась фактически всех городских слоев. Даже юридические и фактические привилегии самураев не спасали их от репрессивных мер властей. Общее кризисное состояние высшего сословия привело к активному размыванию его нижнего слоя — служилых самураев, пополнявший теперь ряды деклассированных элементов и нового слоя лиц «свободных профессий» — учителей, художников, врачей.

Помимо самураев, они рекрутировались и из других сословий купечества, ремесленников. Эта «протоинтеллигенция» испытывала постоянное давление режима, стремившегося ограничить возможности развития этого слоя. Поэтому очень часто его представители становились выразителями недовольства горожан, даже нередко руководили выступлениями городского люда, отражавшими рост социальных противоречий в городе.

Борьба Ода Нобунага за контроль над городами

В период, когда еще существовала власть сёгунов Асикага, Ода Нобунага отказался от предлагавшихся ему почетных титулов в пользу получения права на размещение своих представителей в нескольких городах. Эти города были важнейшими транспортно-экономическими и политическими центрами в центральной части Хонсю — Оцу (на южном побережье оз. Бива), Кусацу (к востоку от Оцу), Сакаи. Но главное было в том, что за время *сэнгоку дзидай* (1467–1573) они получили самоуправление, и Нобунага хотел добиться установления контроля над ними.

Хотя политика Ода Нобунага, в целом, содействовала развитию городов, это совсем не означало, что не могло быть мгновенного и резкого изменения курса. Малейшего несогласия с волей диктатора было достаточно для того, чтобы на город обрушились репрессии. Особенно настороженно Нобунага относился к так называемым вольным городам.

В провинциях, подчиненных Ода Нобунага, тоже были города с городским самоуправлением, и он уважительно относился к этому статусу. Причины этого были, главным образом, экономическими, но и поддержка горожанами политики, проводимой Нобунага, имела для него большое значение. Многие экономические

мероприятия Ода Нобунага начал проводить в своем приамковом городе Адзути.

Однако по мере расширения и укрепления его власти отношение Ода Нобунага к городскому самоуправлению менялось. Ведение постоянных войн заставляло Ода Нобунага изыскивать все новые резервы. В 1568 г. он обложил Сакаи тяжелым военным налогом (*ясэн*) в размере 20 тыс. *кан* (1 *кан*=3,75 кг) серебра, от уплаты которого город отказался. Одновременно от уплаты военного налога рисом отказались еще два города — Камигэ (севернее Киото) и Амагасаки. С последними Нобунага поступил в своем излюбленном стиле: оба они были окружены войсками, атакованы и сожжены.

Не менее решительно действовал Ода Нобунага и против купцов Сакаи. Он увеличил сумму налога до 25 тыс. *кан* и двинул войска к Сакаи, пригрозив сжечь город дотла. Зная, что этот ультиматум — не пустые угрозы, горожане сдались и уплатили требуемую сумму. Однако дело этим не кончилось. Нобунага обложил город новым огромным налогом и потребовал его ежегодной выплаты. Тогда старейшие, убежденные седидами представители главных купеческих домов отправились в личный замок Нобунага в Адзути, чтобы выразить свой протест. Нобунага жестоко расправился с «парламентерами» — он бросил их в тюрьму, а затем, после неудачной попытки вырваться из заключения, казнил.

Ода Нобунага полностью поставил Сакаи под свой контроль. Ров вокруг города — символ независимости — был засыпан. В замке, при Тоётоми Хидэёси, в Сакаи был назначен *бугё* (специальное должностное лицо), но самоуправление города было сохранено.

В период правления Ода Нобунага, а затем Тоётоми Хидэёси часть городов, которые переходили под контроль военных диктаторов, составляли категорию «непосредственно контролируемых владений». Для управления городами, представлявшими особую важность для режима, назначались специальные чиновники.

Помимо прочего, Ода Нобунага рассматривал введение такого управления как род репрессий. Так, в наказание за союз, заключенный с находящимся в опале Сакаи, к категории «непосредственно контролируемых владений» был отнесен город Хирано.

Как правило «непосредственно контролируемые владения» были весьма прибыльными для государственной казны. В конечном итоге, в их список попали Киото, Осака, Нара, Ёминато (совр. префектура Аомори на севере Хонсю), Хаката, Нагасаки и Сакаи.

Политика Ода Нобунага в отношении буддизма

В XIV–XVI вв. непрерывные феодальные междоусобицы и крестьянские восстания лишили политической стабильности всю центральную часть Хонсё. В тот период значительную общественную роль начали играть буддийские школы. Среди них наиболее популярными стали Тэндай (Опора небес), Сингон (Истинное слово), Хонган (Великий обет).

Монастыри этих школ были не только религиозными, но и крупными экономическими и военными центрами. Создавали буддийские экономически самостоятельные общины, вовлекавшие в себя самые широкие слои населения — крестьян и горожан, ремесленников и торговцев и даже значительное число самураев. Непреступной крепостью на горе Хиэй, в окрестностях Киото, возвышался монастырь Энрякудзи секты Тэндай. Крупнейшим религиозным и культурным центром провинции Сэццу и района Нанива (совр. Осака) был храм Хонгандзи секты Синсё.

В 1497 г. Рэннэ, 8-й настоятель храма Хонгандзи, завершил строительство укрепленного монастыря Исияма Гобб. Он был расположен в возвышенной части Нанива. Определить точное положение Исияма Гобб сейчас довольно трудно. Археологи выдвинули два предположения. Согласно одному из них, монастырь располагался на территории современного осакского квартала Хондзакэ-мати; согласно другому, он находился в районе Осакского замка. Вторая версия, пожалуй, более убедительна, ибо имеется документальное подтверждение строительства замка на месте храма Исияма Хонгандзи.

Храмовое хозяйство Исияма Гобб укреплялось с каждым десятилетием. Месторасположение монастыря оказалось на редкость удачным. Водные артерии Нанива — рукава рек, старые каналы и новые, сооруженные монахами, пересекались со множеством сухопутных и речных маршрутов района Кинай. Монастырь поддерживал связи и с иностранными купцами. Суда из Китая и стран Юго-Восточной Азии по каналам и руслам рек подходили к самым стенам храмовых зданий и швартовались у монастырских пристани. Китайские суда доставляли в Японию шелк-сырец, разнообразные ткани (некоторые из них по качеству были гораздо лучше японских и ценились примерно вдвое дороже). Выгодной статьей обмена считались и медные деньги, которые привозили в Японию китайские купцы.

Среди японских товаров немалую долю составляли изделия монастырских ремесленников, в том числе оружейников Исияма

Гобб, которые высоко ценились в Китае и других странах. Оружие (пики, мечи), изделия из серебра и золота, медные курительницы и драгоценные веера японского производства имели большой спрос благодаря их высокому качеству и красоте художественного оформления.

Торговля, которую успешно вели монахи Исияма Гобб, приносила им немалые прибыли. В результате храмовые территории во второй половине XVI в. значительно расширились. Множество крестьян бежало из соседних княжеских владений под защиту неприступных стен монастыря, спасаясь от феодальных распрей.

Однако дни существования мощного буддийского центра были уже сочтены. Ода Нобунага с недоверием относился к буддийскому духовенству и к монастырям, не без оснований считая их оплотом сепаратизма, обладавшим к тому же немалой военной силой. Наиболее значительными противниками Нобунага считал монастыри Исияма Хонгандзи и Энрякудзи. В 1570 г. он предъявил ультиматум главному настоятелю Исияма Хонгандзи — Кэннэ, потребовав безоговорочной капитуляции, полного подчинения себе всего населения Исияма Гобб, а также передачи ему огромных богатств монастырского города. Кэннэ ответил отказом.

Началась жестокая 11-летняя борьба монастыря с войсками Ода Нобунага. С первых же дней осады монахи обнаружили подготовку профессиональных воинов, а Кэннэ — талантливого военачальника. Они великолепно ориентировались в военной обстановке, делали правильные стратегические и тактические расчеты. Много раз защитники осажденного города не только отбивали ожесточенные атаки, но и сами переходили в наступление.

В известной мере положение осажденных облегчалось тем, что Ода Нобунага вел борьбу на нескольких фронтах. Он отвлекал значительные силы на осаду монастыря Энрякудзи и на наступление на соседний с Нанива портовый город Сакаи. Осажденные в Энрякудзи не только оказывали сопротивление, но и наносили серьезный урон войскам Нобунага — оборону возглавлял совет при настоятеле монастыря, в котором действовали, как и в Исияма Гобб, решительные и опытные воины-монахи.

Многочисленные попытки Ода Нобунага взять Энрякудзи всякий раз заканчивались провалом. Так продолжалось до тех пор, пока в 1571 г. он не пришел к выводу, что расположенный на вершине горы монастырь можно взять, опоясав все склоны и укрепления войсками. Таким образом, многомесячная осада полностью изолировала гору Хиэй от окружающего мира. Медленно сжимая кольцо осады, воины обстреливали крепость зажигательными

стрелами. Монастырь был сожжен, в огне погибли и все его обитатели. Энрякудзи — один из крупных центров буддийской культуры, богатейшее хранилище древних рукописей, книг и многих уникальных ценностей — перестал существовать.

Завершив кампанию в центральном районе, Ода Нобунага, наряду с подготовкой к новым походам против феодалов юга страны, приступил к решительным действиям против ненавистных монахов Исияма Гобб. Честолюбивому диктатору не давал покоя тот факт, что в течение 11 лет его армия так и не смогла справиться с противником. Особенно его раздражало то, что монастырский город продолжал активно торговать с противниками Ода Нобунага. Возрастал и политический авторитет Исияма Хонгандзи. Дальнейшая политика Кэннё, нашедшего возможность давать приют тысячам паломников к святым местам, способствовала славе и легендарной известности храма Хонгандзи в стране.

В 1581 г. Ода Нобунага приступил к штурму ненавистного монастыря. На этот раз его усилия увенчались успехом. Его армия повторила то же, что и при взятии Энрякудзи. Огромный монастырский город был сожжен дотла. Три дня горели торговые склады и пристани, храмы, жилые здания и обширные ремесленные кварталы. От мощной каменной крепости не осталось и следа. После пожара на огромном пространстве остались лишь горы пепла

* * *

После разгрома монастыря Исияма Гобб Хонгандзи и победы над домом Такэда, Ода Нобунага намеревался двинуться на юг. Покорение оставшейся части юго-западных территорий Хонсё, о-ва Сикоку и о-ва Кёсё неминуемо вело к кровопролитной борьбе с феодальными домами этих районов. Это были, прежде всего, могущественный клан Мёри, поддерживавший тесные связи с Симадзу, крупнейшим феодальным домом о-ва Кёсё, и дом Тёсока, фактически контролирующей всю территорию о-ва Сикоку.

Возглавить армию, перед которой стояли столь серьезные задачи, Ода Нобунага доверил Тоётоми Хидэёси, своему ближайшему и верному сподвижнику, неоднократно блестяще проявлявшему себя в военных кампаниях.

Войска Хидэёси ушли на юго-запад, двигаясь навстречу армии Мёри Тэрумото. Ода Нобунага с небольшой дружиной возвращался в столицу. На окраине он остановился в храме Хоннбдзи на ночлег. Ночью храм был окружен значительно превосходящими силами, и начался неравный бой. Осознав безнадежность сопротивления, Ода Нобунага покончил с собой. Его примеру последовал и его старший сын Нобутада.

Нападение на Нобунага совершил его близкий соратник, обязанный диктатору своим возвышением и привилегиями. Это был Акэти Мицухидэ, составивший разветвленный заговор, целью которого было убийство не только Ода Нобунага, но и Тоётоми Хидэёси, Токугава Иэясу и др. После гибели Нобунага он провозгласил себя сёгуном, но пробыл им только несколько дней.

Между тем войска Хидэёси приблизились к расположению армии Мёри. Случайно Хидэёси узнал о трагедии в Хоннōдзи раньше, чем эти сведения получил Мёри. Реакция Хидэёси была мгновенной. Используя свой дипломатический талант, он заключил с Мёри перемирие и повернул войска в сторону столицы. Через день Мёри узнал, что обманут, но изменить уже ничего не мог.

12 июня 1582 г. произошла битва при Ямадзаки, в которой Тоётоми Хидэёси разгромил армию Акэти Мицухидэ. Последний попытался спастись бегством, но был убит, и голова его была выставлена для устрашения врагов на развалинах храма Хоннōдзи.

Акэти
Мицухидэ

Глава 2

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОЁТОМИ ХИДЭЭСИ (1582–1598)

Победа Тоётоми Хидэеси в борьбе за власть

Гибель Ода Нобунага вызвала большое волнение в стране и привела к борьбе за лидерство среди его сподвижников. Главными соперниками в борьбе за власть были Тоётоми Хидэеси, Токугава Иэясу и Сибата Кацуиэ, ближайший друг семьи Ода Нобунага.

По инициативе Сибата Кацуиэ в конце июня 1582 г. было созвано совещание нескольких самых близких сподвижников Ода Нобунага в замке Киёсу (провинция Овари). С самого начала вопрос о наследовании власти вызвал острые разногласия среди прежних соратников. Сибата Кацуиэ выступил за передачу всей полноты власти младшему сыну Ода Нобунага — Нобутака, отличившемуся в битве при Ямадзаки. Но это предложение совсем не понравилось среднему брату — Ода Нобукацу.

Используя эту ситуацию, Тоётоми Хидэеси провозгласил наследником Ода Нобунага его 3-летнего внука от старшего сына Нобутада, погибшего вместе с отцом. В историю он вошел под именем Ода Хидэнобу.

Спустя некоторое время Тоётоми Хидэеси приказал выдворить Ода Нобутака из отцовского замка Гифу и поместить его в один из монастырей в провинции Овари. Нобутака не вынес такого позора и покончил с собой. После этого малолетний «наследник» был отправлен в замок Гифу. Хидэеси установил ему годовой доход в 300 тыс. коку и больше о нем ни разу не вспомнил.

На совещании в Киёсу по существу был произведен раздел личных владений Ода Нобунага, часть которых перешла к его сыновьям, но основная часть была передана участникам встречи. Больше всех получил Тоётоми Хидэеси. До тех пор, несмотря на то, что значительная часть владений Ода Нобунага была завоевана при непосредственном участии Тоётоми Хидэеси, в своем непосредственном владении он имел одну провинцию Харима (совр. префектура Хёго). Теперь же он стал обладать пятью провинциями — Харима, Кавати, Ямасиро, Авадзи и Тамба.

Решение Хидэеси добиваться власти любой ценой было вполне очевидно, и его столкновение с Сибата Кацуиэ на этом пути было неизбежно. Вовлекшая в свою орбиту множество феодалов жестокая борьба за власть между Тоётоми Хидэеси и

Сибата завершилась в апреле 1583 г. кровопролитным сражением при Сидзугадакэ и взятием замка Китаносё, где покончили жизнь самоубийством Сибата Кацуиэ, его жена Оити, сестра Ода Нобунага, и свыше 80 вассалов и фрейлин.

Оити

Взаимоотношения Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу

Эта кровавая победа не была последним этапом борьбы Тоётоми Хидэёси за власть. Когда погиб Ода Нобунага, Иэясу находился в городе Сакаи. Узнав о гибели Нобунага, он поспешил в столицу, но его опередил Хидэёси, и Иэясу ничего не оставалось, как вернуться назад. Однако, воспользовавшись атмосферой смятения и растерянности, вызванной внезапной гибелью Нобунага, он сумел утвердить свое лидерство еще в двух провинциях — Каи и Синано. Между тем, окружение Токугава Иэясу вело активную кампанию против «узурпатора» и «предателя», как они называли Хидэёси. На свою сторону они привлекли целый ряд *даймё*.

Уже к 1583 г. Иэясу достиг такого положения, что заставил считаться с собой. Это был вынужден признать и сам Хидэёси. Отношения между ними зловеще ухудшились в 1583 г., когда Иэясу несколько раз воздержался от проведения переговоров с Хидэёси. За это Хидэёси в 1584 г. напал на крепость Иэясу у горы Комаки. В апреле произошли сражения близ Нагакутэ, где с каждой стороны участвовало по 3 тыс. чел. Уверенный в своих войсках и военачальниках, Хидэёси не стал присутствовать на поле битвы. Однако Иэясу одержал уверенную победу. После битвы Иэясу снова уклонился от личной встречи с Хидэёси, узнав о чем, последний воскликнул:

«Вот человек, которого невозможно поймать ни сетью, ни веревкой. Он ловок, находчив и у него трезвый ум. Другого такого вы не найдете во всей стране, сколько бы не искали! Но рано или поздно я заставлю его прибыть в Киото».

Соперники заключили перемирие, не переставая при этом интриговать друг против друга. Это была временная передышка, во время которой обе стороны готовились к новым сражениям.

Хидэёси постарался «приручить» Иэясу, установив с ним родственные отношения. У него была сводная сестра Асахихимэ, дочь его отчима. Он развел ее с мужем, предложил тому 50 тыс. *коку* в качестве утешения, но муж отказался от вознаграждения и ушел в монахи. Затем он заставил сестру выйти замуж за Иэясу. Сам Хидэёси на церемонии бракосочетания не присутствовал.

Вторым шагом для укрепления союза было желание Хидэёси усыновить 7-летнего сына Иэясу — Хидэтада (при рождении ему было дано имя Наганару), которого отец собирался сделать своим наследником. Поскольку Иэясу был уверен, что Хидэёси хочет использовать его сына как заложника (он хорошо помнил свое детство), он поставил 3 условия:

- 1) Хидэтада будет его преемником, даже если от брака с сестрой Хидэёси появятся дети;
- 2) Хидэтада не должен иметь статус заложника;
- 3) Хидэтада должен будет унаследовать целиком 4 провинции.

Хидэёси отдал должное предусмотрительности своего соперника и довольно быстро уведомил его о своем согласии.

Установление родственных связей ничего не изменило в отношениях между Иэясу и Хидэёси. Асахихимэ умерла спустя 1 года. Детей в этом браке не было. Асахихимэ похоронили при храме Тёфукулзи, и вскоре все о ней забыли. Иэясу больше не

женился, все его помыслы были устремлены в будущее, где главное место отводилось борьбе с Хидэёси.

Все же в последующие несколько лет напряженные отношения между Иэясу и Хидэёси внешне ни в чем не проявлялись. Хидэёси был занят военной кампанией на островах Сикоку и Кёсю, а то время, как Иэясу налаживал управление своими пятью провинциями.

Дальнейшие события показали, что выжидательная тактика Токугава Иэясу оправдала себя. Иэясу дождался своего часа, в то время как открытые соперники Хидэёси были сурово наказаны. Впрочем, Хидэёси расправился и с теми, кто так или иначе помогал Иэясу в противостоянии с ним. Два буддийских монастыря — Нагоро и Сайга — были сожжены дотла, были разорены провинции Идзуми и Каи. С необычайной жестокостью было подавлено и вспыхнувшее в ходе этой расправы крестьянское восстание.

Завершение объединения Японии

Покорение юга страны Весной 1585 г. Тоётоми Хидэёси начал подготовку к военному походу на о-в Сикоку. Там богатый *даймё* Тёсокабэ Мототика фактически полностью контролировал все четыре провинции острова. Дом Тёсокабэ имел свой семейный законодательный кодекс (*кахё*), охватывавший все стороны политической, экономической и социальной жизни островного сообщества.

В июне 1585 г. почти 100-тысячная армия Тоётоми Хидэёси, с участием войск Мёри Тэрумото, недавнего противника, осуществила высадку на Сикоку. Дом Тёсокабэ капитулировал. Впоследствии наследник Тёсокабэ Мототика стал верным вассалом семейства Тоётоми Хидэёси и погиб вместе с членами семьи Хидэёри (сына Хидэёси) во время штурма Осацкого замка войсками Токугава Иэясу.

После длительной подготовки в марте 1587 г. Хидэёси начал поход, целью которого было покорение Кёсю. После нескольких сражений мощный феодальный дом Симадзу, влияние которого было сильно на всем Кёсю и на юге Хонсю, признал себя побежденным. Хидэёси не проявил милосердия: он приказал убить всех лиц мужского пола из дома Симадзу, включая маленьких детей.

Военная кампания на Кёсю продолжалась недолго — всего около двух месяцев. Свою роль в этом сыграло не только объединение под началом Тоётоми Хидэёси войск из разных регионов страны, но широкая финансовая помощь торгово-коммерческих

кругов городов Сакаи и Хаката. Хаката, сильно пострадавший от военных действий на острове, даже получил за это от Хидзёси значительные привилегии — купцам из этого города предоставлялась полная свобода коммерческой деятельности не только во внутренних районах страны, но и право независимого ведения внешней торговли.

Меры против христиан

Военная кампания на Кёсю обнажила и поставила перед Хидзёси новую проблему — рост иностранного влияния и расширение миссионерской деятельности на японской земле.

Как и Ода Нобунага, Тоётоми Хидзёси длительное время относился к пребыванию европейцев в Японии чисто утилитарно, используя их для получения огнестрельного оружия из Европы. Он встречался с европейцами, вел беседы, даже устраивал диспуты между буддийскими и христианскими монахами. В его окружении было немало принявших христианство. Полководец Кониси Юкинага, возглавлявший армию во время корейского похода, также был христианином.

Однако, прибыв на Кёсю, Тоётоми Хидзёси увидел, что эта часть Японии была в значительной степени христианизирована. Он столкнулся с чрезвычайной активностью миссионеров, поддерживаемую многими феодальными домами, заинтересованными в расширении торговли и получении огромных прибылей. Но больше всего Хидзёси был недоволен тем, что христиане притесняли и преследовали синтоистских священников, разрушали святилища, буддийские храмы и насильственно навязывали свою веру. Хидзёси обнаружил такую сторону их деятельности, как работорговля — японцев продавали в рабство в Португальскую Индию и другие страны. Налицо было попрание законов и традиционных норм жизни японцев — такое же, как и многих других народов, ставших жертвами колониальной политики европейцев.

18 и 19 июня 1587 г. Хидзёси издал два указа, направленные на то, чтобы изменить ситуацию. Один из них запрещал *даймё*, размер владений которых превышал 200 *тё*, принимать христианскую веру. Второй указ под страхом смертной казни предписывал миссионерам прекратить их деятельность и покинуть страну в течение 20 дней. Вместе с тем, указ не запрещал европейцам продолжать коммерческую деятельность в Японии при условии, что они будут торговать напрямую, а не через посредников, в качестве которых, как правило, выступали местные *даймё*.

Таким образом, эти указы Тоётоми Хидэёси еще не означали начала политики *сакоку* (закрытия страны), которую в дальнейшем стал проводить сёгунат Токугава. Скорее, они были направлены на подрыв основанной на торговле с европейцами экономической мощи *даймё* южных провинций, которая могла составить основу их политической независимости.

Занятый в последние годы жизни корейским походом и подготовкой завоевания Филиппин Хидэёси больше не возвращался к рестрикциям первых антихристианских указов. Политика *сакоку* в самом широком и полном развитии (в отношении иностранцев и самих японцев) была детищем сёгунов династии Токугава.

Военные действия на северо-востоке

После успешного завершения похода Тоётоми Хидэёси на Кёсё на пути завершения процесса объединения страны остались только два независимых феодальных дома — могущественные феодальные семьи Гохёдзё и Датэ. *Даймё* Гохёдзё имел огромные владения на востоке страны, в центре которых находился хорошо укрепленный замок Одавара с приамковым городом, ставшим, по существу, политическим, экономическим и культурным центром обширного плодородного района Кантё, рисовой житницы страны.

Глава клана Гохёдзё, Хёдзё Удзимаса, держал себя независимо и дерзко. В частности, он грубо отклонил приглашение Тоётоми Хидэёси посетить его дворец в Киото, при помощи которого Хидэёси, вероятно, рассчитывал уладить отношения с ним, не прибегая к военным действиям.

Вторым оплотом сепаратизма был феодальный дом Датэ, занимавший большие территории на северо-востоке Японии. Значительная удаленность от центра и надежда на помощь обладавшего мощными финансовыми и военными ресурсами дома Гохёдзё культивировали у главы дома Датэ Масамунэ чувство независимости и пренебрежения к центральной власти.

Почувствовав явную враждебность со стороны Удзимаса, Хидэёси решил действовать быстро и жестко. 1 марта 1590 г. 200-тысячная армия Тоётоми Хидэёси двинулась на северо-восток страны на штурм замка Одавара. В ее составе были войска безуспешных союзников Хидэёси — Маэда Тосиэ, Уэсуги Кагэкацу, подвижников, оказавшихся конкурентами — Токугава Иэясу и Ида Нобукацу, и недавних противников — Тёсокабэ Мототика, Мори Тэрумото.

В этой кампании Токугава Иэясу оказал Тоётоми Хидэёси максимально возможную поддержку. Сам Иэясу командовал аван-

гардом из 30 тыс. всадников. Кроме того, Иэясу потратил много сил, чтобы перетянуть на свою сторону мелких *даймё* в Кантō и таким образом не дать возможность Хōдзё вырваться из замка.

К концу марта войска Хидзёси подошли к замку Одавара в провинции Сагами, где укрывались основные силы Хōдзё, и окружили его. Силы были неравны. Противники Хōдзё располагали 210 тыс. хорошо вооруженных воинов, тогда как у Хōдзё было всего 44 тыс. чел., большинство из которых составляли наемные крестьяне. После 100-дневной осады в июле 1590 г. Хōдзё Удзимаса принял решение о сдаче замка и покончил жизнь самоубийством.

Вслед за этим, осенью 1590 г. войска Хидзёси нанесли сокрушительный удар по силам Датэ Масамунэ, тем самым окончательно присоединив к завоеванным территориям северо-восточные провинции о-ва Хонсё. Этим был завершен начатый 40 годами ранее процесс территориального, политического и экономического объединения страны.

Переезд Токугава Иэясу в Эдо

Победа над Хōдзё дала возможность Хидзёси контролировать большой район Кантō, и после этого он довольно легко подчинил себе северо-восточную часть страны. Иэясу также достались новые земли, но совсем не на тех условиях, на которые он рассчитывал: он должен был отказаться от пяти завоеванных им ранее провинций, включая и провинцию Микава. Причем он должен был покинуть их вместе со своими вассалами и их семьями и переехать на совершенно новое место, никак не связанное с его родом. В его новое владение входили провинции Мусаси, Идзу, Сагами, Кадзуса и Симоса, расположенные на равнине Кантō. Кроме того, к Иэясу перешла часть земли в провинциях Ōми и Исэ, дававшая 110 тыс. *коку*.

Это было глубоко продуманным шагом диктатора. Хидзёси опасался, что после победы над Хōдзё, в которой Иэясу сыграл большую роль, его авторитет возрастет. Отправив Иэясу в Кантō, Хидзёси рассчитывал ослабить его влияние и посадить на его место более покладистого *даймё*. К тому же он надеялся, что Иэясу будет способен сохранить мир в Кантō, где 5 поколений непокорных Хōдзё успели пустить глубокие корни.

Таким образом, 1590 год ознаменовался резким зигзагом в судьбе Иэясу. Его вассалы пришли в уныние от этой новости, но у их сюзерена не было шансов уклониться от этого предложения. Вместе с тем, новое владение сулило и определенную выгоду. Оно было плодороднее, давало больше урожая —

до 2,5 млн. коку в год. Сложность была в том, что Иэясу предстояло завоевать доверие бывших сторонников Ходзэ и склонить их на свою сторону. Иэясу благоразумно объявил, что никто из них не будет наказан и каждому вольно выбрать себе местожи-тельство.

Когда Иэясу прибыл в Эдо (совр. Токио), то глазам его предстала картина, от которой можно было прийти в отчаяние. Вокруг замка было разбросано несколько небольших деревушек и лачуги рыбаков. Часть территории занимало болото. Вокруг замка не было каменного ограждения, сохранилась лишь полуразрушенная защитная дамба, поросшая травой. Было ясно, что предстоит про-делать огромную работу, чтобы превратить эти развалины в бое-вой бастион.

Иэясу провел ряд мероприятий, которые сразу повысили его авторитет. Он раздал рис местным жителям, назначил нескольких торговцев управляющими в деревнях, приступил к строительству мостов и каналов, чтобы облегчить движение вокруг Эдо. Он рас-селил несколько своих вассалов по разным частям Кантё, чтобы они поддерживали мир в этом районе. Это были самые верные и преданные Иэясу люди — Сакакибара Ясумаса, Окубо Тадатика, Тории Мототада, Хонда Тадакацу и Ии Наомаса.

Иэясу решил сделать Эдо центром своего нового владения, а для этого было необходимо возвести новый замок. Для строитель-ства выбрали заброшенный участок земли (*йраку*), где обычно развлекались жители из окрестных деревень, обнесли его рвом с водой, построили высокую дамбу, обложили ее камнем, сооруди-ли крепкие ворота и постройки. Это была центральная часть зам-ка, получившая название Нисимару — западная ограда. Сейчас на этой территории находится резиденция императора.

Переезд на восток оказался счастливым для Иэясу. За тол-стыми стенами нового замка он чувствовал себя в полной безо-пасности. У него были налажены хорошие отношения с соседями. Поэтому 1 августа, когда он прибыл в Эдо, стал ежегодным днем благодарения в семье Токугава в память об этом событии.

Реформаторская деятельность Тоётоми Хидэёси

Реформы в аг- рарной сфере

Характерной чертой правления Тоётоми Хи-дэёси было широкое развитие реформатор-ской деятельности. Сам Хидэёси придавал

одно из главных мест реформам японской деревни, формированию аграрной политики, направленной на создание экономической базы властных структур.

Начальным этапом аграрной реформы стало создание нового земельного кадастра. В японской историографии эти мероприятия получили название *тайкō-но кэнти*. Они включали в себя целый комплекс мер, касавшихся землевладения и землепользования, обмера земель и, соответственно, установления податных выплат.

Тайкō-но кэнти весьма отличался как от кадастра Ода Нобунага, так и от подобных мероприятий на территориях крупных феодальных домов (Такэда, Сибата, Имагава, Хōдзэ и др.). Это было первое в истории Японии подробнейшее обследование аграрной сферы в масштабах всей территории страны. Оно давало возможность составить общую картину земельного фонда с учетом природных и социально-демографических особенностей каждого региона.

Тōтоми Хидэёси

Проведение *кэнти* поручалось особым чиновникам, которым вменялось в обязанность пресекать малейшие попытки утаить информацию. Такие попытки, как и простое недовольство действиями властей, жестоко наказывались. В неблагонадежные районы направлялись карательные войска, которые жестоко распоряжались с населением: устраивали массовые казни, уничтожали целые деревни.

Стремление Тоётоми Хидэёси любой ценой провести максимально точный обмер земель был вызван тем, что государственная казна, опустошаемая военными расходами, требовала постоянного пополнения для закупки оружия, выплаты жалования воинам и т. д. За обмером земель следовало выяснение их доходности, начиная с малого крестьянского участка и кончая территорией крупных феодальных владений, монастырских и храмовых хозяйств. Учитывались урожаи разных лет для того, чтобы вывести средние показатели.

С древних времен, еще при введении надельной системы *хан-дан* в VIII в., земли подразделялись на орошаемые, суходольные и приусадебные. Теперь же для более точного определения доходности они были разделены еще и по категориям — на лучшие, средние, плохие и худшие. Для каждой категории были установлены свои нормы налоговой выплаты. Основной налог (*кокудака*) устанавливался в рисе, который теперь становился главным мериллом ценности в стране.

Конечно, деньги так же, как и при Ода Нобунага, начавшем введение *кокудака*, продолжали играть важную роль в экономике, но теперь богатство *даймё* формально определялось уже не количеством у него слитков золота и серебра, а количеством *коку* риса, собиравшегося на территории его княжества.

Следующий этап проведения реформы включал в себя введение новых мер измерения площади и новой единицы измерения урожая. До реформы Хидэёси единицей измерения земельных площадей был *тан*. *Тан* состоял из 360 *бу*, но размер *бу* не был одинаков в разных районах страны. Хидэёси ввел единый стандарт для всей страны: новый *тан* состоял из 300 *бу* и стал равен примерно 0,1 га. Соответственно, *тё*, состоявший из 10 *тан*, равнялся современному гектару.

Новая единица измерения площади была привязана к мере урожая: с одного *тан* можно было собрать примерно 1 *коку* риса. Это существенно упростило расчет и сбор налогов в натуральной форме.

Проведение *кэнти* привело к серьезному (до 10%) увеличению документированного земельного фонда страны. Естественно, что «упорядочение земельного фонда» вызывало недовольство не только у крестьян. Огромные монастырские и храмовые владения обладали несметными неучтенными землями.

Уменьшение *тан* автоматически привело к увеличению размера налога с крестьянского хозяйства, поскольку налог начислялся пропорционально размеру земельной площади в новых *тан* без

какой-либо корректировки. За счет этого налогообложение крестьян возросло на 20–30%. В дальнейшем этот «открытый» Хидэёси метод повышения доходов был в начале XVII в. использован сёгуном Токугава.

Система контроля над крестьянами

В налоговый реестр *тайкё-но кэнти* было внесено не все крестьянское население. Оно разделено было на две категории.

Первую категорию составляли податные крестьяне *комбикусё*, которые были прикреплены к земле и не имели права покинуть свои участки. Они должны были уплачивать налог, установленный в размере $\frac{2}{3}$ от урожая.

Во вторую категорию были включены деревенские жители, не имевшие земельных владений. Безземельные крестьяне (*хадзурэ*, *косакунин*, *наго*, *хёкбнин*) оказались вне переписи. Они не прикреплялись к земле и имели разрешение на свободное передвижение. Право передвижения имели также *бунцукэ* — младшие сыновья в крестьянских семьях, которые не обладали наследственным правом на землю.

В 1568 г. вышел указ Хидэёси о норме подати и прикреплении крестьян к земле. Указ гласил, что если даже в случае стихийного бедствия от крестьян поступит прошение о снижении подати, то все равно ее следует установить в размере не менее $\frac{2}{3}$ урожая. Если крестьяне будут настаивать на снижении подати, то их следует подвергнуть наказанию. В случае же удовлетворения просьб сеньором последний также будет рассматриваться как совершивший наказуемое деяние.

Крестьяне, прекратившие обработку своих засеянных полей или оставившие свои наделы, подлежали строгому наказанию.

Важным инструментом прикрепления к земле податного населения и основной административно-территориальной единицей стала деревня (*мура*) с ее общиной. За деревней закреплялась определенная территория. К ней добавлялись земли общественного пользования — луга, леса, пустоши.

Для обеспечения точного поступления налоговых плат была введена коллективная ответственность. *Мура* делилась на пятнадцатидворки (*куми*), которые отвечали как за выплату налогов, так и за поведение и дисциплину каждого их члена. Насаждалась не только круговая порука, но и слежка друг за другом. Невыплата одним из членов пятнадцатидворки налог раскладывался на всех остальных. Произошло превращение общины в аппарат взимания налогов и закрепощения крестьян.

Над пятидворками стояла сельская администрация, которая контролировалась чиновниками аппарата Хидэёси. Феодалы фактически не вмешивались в ее дела.

Контроль за распределением и уплатой налогов осуществляла деревенская администрация, в которую входили староста, его помощник и *ёхякусёдай* — выборный из наиболее состоятельных крестьян. Для управления и контроля над несколькими деревнями назначался аппарат из 3-х чиновников — *одаэй*, *варимото* и *гото*.

Система пятидворок и круговой поруки была окончательно оформлена указом Хидэёси 1597 г. Там же было сказано о наказаниях для лиц, исключаемых из общины.

Политика в области торговли и финансов

Несмотря на жесткое выполнение программы перестройки аграрной сферы и экономических нововведений в целом, Тоётоми Хидэёси считал налоговые поступления с земельных угодий по стране недостаточными.

Исходя из этого, Хидэёси активизировал добычу драгоценных металлов. Он установил контроль над серебряными рудниками Икуно в Тадзима (совр. префектура Хёго), Тада в Сяццу (совр. Осака), неоднократно проводил конфискации золота и серебра в княжествах.

В начале 90-х годов Хидэёси назначил официальных лиц для наблюдения за добычей золота и серебра на основных рудниках. В 1593–1594 гг. такой контроль был установлен в Осю на севере страны, на золотых рудниках в Кэсон (совр. префектура Иватэ) и Мотоёси (совр. префектура Мияги). Был установлен также прямой контроль над деятельностью рудокопов, для чего им выдавались специальные «карты добычи». Все возрастающая интенсификация труда привела к восстанию, в котором участвовало около 3 тыс. рудокопов.

Хотя Тоётоми Хидэёси установил в качестве главного мерила ценности в стране рис, он начал широкий выпуск золотых, серебряных и медных монет, используя не только металл, добытый на японских рудниках, но и привозное золото.

В 1587–1588 гг. чеканщику Готё Токудзё было поручено начать выпуск больших золотых монет *обан*. Они использовались при крупных торговых сделках и в качестве подарков высокопоставленным лицам. В 1595 г. в провинции Суруга (совр. префектура Сидзуока) началась чеканка малых золотых монет *кобан*. Ее осуществлял Токугава. Ответственным за чеканку серебряных монет был назначен Юаса Дзёдзэ из Симан.

В 1587 г. Тоётоми Хидэёси установил прямой контроль над внешней торговлей в Нагасаки. Это давало ему возможность скупать все золото, привезенное португальскими кораблями.

Продолжая политику Ода Нобунага, в целом направленную на поддержку развития городов, Тоётоми Хидэёси пресекал монопольную деятельность ремесленных корпораций *дза*, стараясь способствовать свободному деловому сотрудничеству городов и торговых компаний. В 1587 г. он активно поддержал купеческие компании, выходившие на внешние рынки. Более широкие возможности, чем прежде, получили купцы Сакаи, Хаката, Нагасаки. Активную коммерческую деятельность развивали и *даймё* южной части страны — Мацуура, Арима, Симадзу. Японские купцы ездили на Тайвань, в Китай, на Филиппины, в Индокитай, на Суматру, Яву, Калимантан, где создавали торговые фактории.

С середины XVI в. велась активная торговля с европейцами — испанцами и португальцами. Крупные японские купцы, осуществлявшие широкие коммерческие операции на Тайване, вели свою деятельность на всей территории Восточной Азии. Так, Симата Сёсицу имел обширные торговые связи с Кореей, Сиамом, Лусоном, держал большую часть торговых операций о-ва Кёсю и принимал участие в подготовке походов Хидэёси в Корею и Китай.

Особое место при Тоётоми Хидэёси занимал его банкир Камигага Сёдзан. Человек огромной энергии, он торговал с Кореей, Китаем, Сиамом, Филиппинами, организовал на Кёсю добычу драгоценных веществ, расширил производство «ткани Хаката», разрабатывал серебряные рудники на юге Хонсю, следил за введением повсеместно унифицированной меры (*кёмасу*). Другой богатый и энергичный купец Харада настаивал на необходимости похода на Корею. Он всячески содействовал организации корейского похода и во многом финансировал его.

Укрепление сословной системы

Тоётоми Хидэёси придавал важное значение закреплению сословной дифференциации в японском обществе. Эту цель преследовал, в частности, изданный в 1588 г. указ, который назывался «Катанагари-но рэй» (указ об изъятии оружия, прозванный «охотой за мечами»). Он гласил:

«Крестьянам всех провинций категорически запрещается иметь мечи, кинжалы, луки, ружья и другое оружие. Будут подвергнуты наказанию все те злоумышленники, которые хранят недозволенное оружие, препятствуют своевременной уплате подати и сборов, замышляют бунты и проявляют нелояльность в отношении своих сеньоров... Отобранные мечи и кинжалы не пропадут напрасно, а будут использованы на гвозди,

клепки и пр. для создаваемой статуи Великого Будды. Это окажется полезным для крестьян не только в этом мире, но и в потустороннем».

Смысл указа «Катанагари-но рэй» не сводился только к изъятию оружия у крестьян. Широко распространенным явлением в то время был уход молодых крестьян в дружину *даймё*, а иногда и неоднократно чередовавшиеся уходы на службу и возвращения к земле. В результате низшие самураи на протяжении всего периода *сэнгоку дзидай* были слабо дифференцированы от крестьянской массы, и нередко в различных социальных выступлениях отражали интересы крестьян. «Охота за мечами» ознаменовала собой проведение сословной границы, четкое и жесткое обозначение социальной черты, которую отныне крестьянам не разрешалось перешагнуть — они больше не могли пополнять ряды нижнего слоя служилых самураев.

Еще ранее, в 1585 г., был издан указ, запрещавший ношение оружия духовенству.

Другим указом Тоётоми Хидэёси, направленным на ужесточение сословной структуры, был «Мибун-но тэйрэй» («Указ о закреплении социальных различий»), вышедший в 1591 г. и имевший целью окончательно отделить самураев от остальных слоев населения.

Тоётоми Хидэёси принадлежит введение сословной системы, которая с небольшими модификациями сохранилась до второй половины XIX в. Население Японии, в конце XVI в. составлявшее 16,6 млн. чел., было разделено на 3 сословия: *си* (самураев, воинов), *но* (крестьян) и *симин* (горожан). В состав последних входили *кё* (ремесленники) и *сё* (торговцы), которые позднее, в период Токугава, образовали самостоятельные сословия, увеличив их общее число до четырех. Хидэёси определил и государственную политику в отношении каждого из сословий. Она была основана на жесточайшем контроле, распространявшемся и на самураев, несмотря на их явно привилегированное положение.

Организация государственного управления При Тоётоми Хидэёси был восстановлен и укреплен центральный государственный аппарат, фактически сохранивший право самостоятельного управления княжествами, но официально не посягавший на доходы феодальных владельцев.

Высшим исполнительным органом управления стал *гобугё* (совет пяти управляющих). Представленный высшими чиновниками, в введении которых было экономическое и политическое

управление отдельными районами, в том числе аспектами, этот правительственный орган осуществлял политику в отношении княжеств, и через систему подчиненных ему чиновников-дайкан осуществлял полицейский надзор за населением.

Несмотря на огромные привилегии, разнообразные пожалования, наградные земли, которыми Тоётоми Хидэеси отблагодарил своих сподвижников и в какой-то мере ублажил недавних врагов, он не без основания мало доверял *даймё*. Поэтому он издал указ о введении системы *иккодзё*, суть которой заключалась в сохранении в каждом княжестве только одного замка; остальные вместе с их системой укреплений предписывалось уничтожить.

Той же цели служило и возобновление системы заложничества *санкин кôтай*, когда феодальные семьи на длительное время поселяли своих членов на территории замка Хидэеси. Новое начало этой практике положил один из ближайших военачальников Хидэеси, богатый *даймё* Маэда Тосииз, который добровольно привез в апартаменты Осацкого замка сначала свою мать, а потом и молоденькую дочь, которая стала наложницей Хидэеси.

Последние годы правления Тоётоми Хидэеси

Обладая всей полнотой власти в государстве, Тоётоми Хидэеси, тем не менее, не принял титула сёгуна. По-видимому, он не решился сделать это из-за своего «низкого» происхождения. Вместо этого Хидэеси объявил себя *кампаку* (канцлером), а в последние годы правления — *тайкô* (регентом).

Подчинив себе всю Японию, могущественный и жестокий диктатор Хидэеси в последние годы жизни обнаружил страстный интерес к буддизму. После длительной кровавой борьбы за власть и десятилетий, проведенных в военных походах, Хидэеси, жизненный путь которого отнюдь не был отмечен проявлениями человеколюбия, обратился к активным заботам о спасении собственной души. Религиозная концепция буддизма, философские постулаты *дзэн* — лишенная умозрительности *дзэнская* «философия жизни» с ее обещанием (в отличие от христианства) спасения души в миру — оказалась для него наиболее привлекательными.

Это было типичным для Японии того времени. Во времена непрерывного насилия и войн философские конструкции *дзэн* были удачным средством примирить человека с его окружением. Они позволяли ему выжить в абсурдном, наполненном жестокостью и страхом мире. В этом заключалась одна из важнейших причин притягательности *дзэн* в средневековой Японии.

* * *

Казалось бы, всесильный диктатор мог чувствовать себя в безопасности в своем неприступном Осацком замке. Однако Тоётоми Хидэёси хорошо знал повадки всегда готовых к битвам самураев. Он был уверен, что затишье, наступившее в стране, молчаливое признание сильной руки *кампаку*, не были гарантией его безмятежного существования. Он внимательно и с недоверием наблюдал за действиями крупных *даймё*, особенно, на юге Японии, где сепаратистские тенденции имели вековую традицию.

Корейский поход Чтобы уберечь себя от возникновения новых враждебных коалиций и отвлечь князей от борьбы за власть, Хидэёси выдвинул идею завоевательного похода в Корею, в котором активное участие должны были принимать все феодальные дома, и который был призван направить энергию воинственных *даймё* на материк.

С этой точки зрения план Хидэёси оказался удачным. Надежда завоевать обширные земли в Корее, действительно, вскружила головы многим *даймё* и самураям и отвлекла их от властных амбиций внутри страны. Вместе с тем, идея корейского похода находилась в русле грандиозных завоевательных планов самого Хидэёси, который мечтал о покорении Китая, захвате Филиппин и т. п. В этом смысле корейский поход мыслился им как первый шаг на пути к достижению мирового господства.

В 1591 г. на переговоры в Корею была направлена миссия князя Сё (о-в Цусима). Она потребовала от корейского короля признать себя японским вассалом. Получив отказ, Хидэёси отдал приказ к разворачиванию военных действий. В мае 1592 г. почти 140-тысячная японская армия переправилась на Корейский п-ов и за короткий срок подошла к корейской столице.

Однако надежды Хидэёси на поход в Корею как на успешное начало грандиозной завоевательной эпопеи не оправдались. Постепенно война стала принимать затяжной и все более неблагоприятный для японцев характер. Бежавший корейский король обратился за помощью к своему китайскому сюзерену. В тылу японских войск, на захваченных ими территориях поднялось широкое движение сопротивления. Кроме того, японский флот потерпел поражение от корейского адмирала Ли Сунсина.

Ли Сунсин

Тем не менее, в конце 1597 г. японская армия вновь предприняла наступление на Сеул. Но корейская армия совместно с ки-

тайским подкреплением, прежде всего усилившим ее флот, нанесла ей серьезное поражение. Японский флот был фактически разгромлен, началась паническая эвакуация японских войск.

В самый разгар этих событий из Японии пришло сообщение о смерти Хидэёси (он умер 18 августа 1598 г.). После этого обе стороны постарались поскорее завершить тяжелую войну, длившуюся 6 лет.

Проблема наследования власти

Одной из сложнейших задач, стоявших перед Тоётоми Хидэёси, было обеспечить передачу власти его малолетнему сыну

Хидэёри.

Еще во время корейского похода Хидэёси назначил Хидэёри своим преемником. Но кампаку помнил, каким образом он сам добился власти. Она досталась ему ценой жестокой расправы с сыновьями и законными наследниками Ода Нобунага, сюзерена и сподвижника Хидэёси. Поэтому он попытался обеспечить иную судьбу своему наследнику.

5 июля 1598 г., за полтора месяца до смерти, Тоётоми Хидэёси сделал попытку ввести в приемлемое для него русло возможную борьбу за власть. До достижения Хидэёри совершеннолетия он назначил совет регентов в составе пяти крупнейших *даймё*: Токугава Иэясу, Маэда Тосиэ, Мори Тэрумото, Уэсуги Кагэкацу и Укита Хидэиэ. Этот совет, а также считавшийся неприступным замок в Осака, должны были сохранить жизнь Хидэёри и его близким.

Однако после смерти Тоётоми Хидэёси борьба за власть между *даймё* очень скоро привела к образованию двух враждебных коалиций крупнейших феодальных домов Японии. Осенью 1600 г. Токугава Иэясу разбил своих противников в битве при Сэкигахара, и через 3 года, отбросив всякую видимость опеки над Хидэёри, провозгласил себя сёгуном.

Другие богатые *даймё* были чрезвычайно недовольны таким ходом событий, тем более что, едва придя к власти, Токугава Иэясу начал урезать владения соперников и округлять за их счет собственные. Все дальнейшие надежды этих семейств были связаны с молодым Хидэёри, который, как они думали, повзрослев, станет оспаривать власть у нового сёгуна. Хидэёри в 1600 г. исполнилось всего 6 лет, и после откровенного захвата власти его опекуном мальчик по-прежнему жил с матерью (вдовой Хидэёси) в Осака, надежно укрытый за стенами неприступного замка. Так продолжалось до «зимней» и «весенней» кампаний 1614–1615 годов, ко-

гда Токугава Иэясу окончательно расправился с семейством Тоётоми Хидэёси.

* * *

Объединительная деятельность двух исторических личностей — Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси — была одним из переломных этапов японской истории. Ее следствием стало прекращение междоусобных войн и создание единого централизованного государства с четко определенной сословной структурой.

Реформы «объединителей» закрепили переход к новой форме феодальных отношений. Главной характеристикой социально-экономических и политических изменений в Японии XVI в. было окончательное разрушение системы *сёэн* и укрупнение феодальной собственности. Наряду с фактическим закрепощением крестьянства (при отсутствии личной зависимости крестьянина от феодала) произошло образование новой сельской общины и укрепление мелких и средних хозяйств, обладавших хозяйственной инициативой.

На основе роста производительных сил и развития общественного разделения труда углубилась специализация отдельных районов страны и ускорилось формирование единого национального рынка. Параллельно происходило становление и развитие городов, которые стали центрами экономической, культурной и политической жизни.

Глава 3

ПЕРВЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ В ЯПОНИИ (1542–1631)

Первые сведения о Японии в Европе

Первые сведения о Японии сообщил европейцам Марко Поло, который в 1275–1292 гг. находился на службе у тогдашнего правителя Китая — монгольского хана Хубилая. В книге, написанной венецианцем, есть такие строки:

«Остров Чипингу (Япония. — *Ред.*) на востоке, в открытом море; до него от материка 1500 миль. Остров очень велик; жители белы, красивы и учтивы: они идолопоклонники, независимы и никому не подчиняются. Золота, скажу вам, у них великое обилие; чрезвычайно много его тут и не вывозят его отсюда: с материка ни купцы, да и никто не приходит сюда, оттого-то золота у них, как я вам говорил, очень много».

Далее Марко Поло описал дворец «местного государя», стены и полы покрыты чистым золотом, пальца два в толщину».

Современники посчитали книгу венецианского путешественника собранием небылиц и не обратили на нее особого внимания. Но прошло два века, и на эти сообщения взглянули по-новому. Развитие товарно-денежных отношений властно требовало золота. Золота же в Европе не было.

Описание сказочных богатств Чипингу (или Сипанго) привлекло к себе внимание географов и завладело воображением авантюристов. Достаточно сказать, что, по сведениям сына Колумба Фернандо, великий мореплаватель 3 августа 1492 г. отправился именно на поиски «золотых островов» — Бразилии, Антилии и Сипанго.

После открытия морского пути в Индию европейская экспансия начала быстро распространяться на восток. Португальцы достигли побережья Китая и в 1537 г. укрепились в Макао. Вскоре дошла очередь и до Японии.

На право называться «первооткрывателем» этой страны претендовал некто Фернао Мендеш Пинто, португалец, один из авантюристов, порожденных эпохой великих географических открытий. Он оставил после себя записки, в которых рассказывал о своем пребывании в Японии в 1542–1543 гг. Если верить Пинто, дело было так. Путешествуя по восточным владениям португальской

короны и пытаясь добраться до Малакки, Пинто вместе с двумя другими искателями приключений нанялся на судно китайского пирата. Корабль попал в бурю и был отнесен к японскому острову Танэгасима (Пинто называет его Танукима). Местные жители встретили португальцев радушно и оказали им различные почести. Внешний вид и снаряжение иноземцев вызвали у японцев изумление. Особенно заинтересовала их аркебуза, принадлежавшая одному из путешественников. Познакомившись с ее конструкцией, японцы немедленно наладили производство и за полгода произвели 600 таких же ружей.

Слух об удивительных пришельцах дошел до князя провинции Бунго, и тот пожелал видеть кого-нибудь из них. Товарищи выбрали Пинто. Во время аудиенции Пинто сумел добиться расположения князя тем, что научил его, как вылечить от подагры, мучившей японца много лет. За это португальца наградили золотом.

«Христианское столетие» Японии

Деятельность Франциска Ксавье

То, что португальцы побывали в Японии около 1542 г., подтверждает и иезуитский миссионер Франциск Ксавье. Именно он считается первым христианским проповедником, посетившим Японию. Он сыграл значительную роль в укреплении португальских позиций в этой стране, поэтому на рассказе о нем стоит остановиться подробнее.

Оказавшись как-то по делам в Малакке, Ксавье встретился с японцем по имени Анжеро (видимо, Ядзирō или Андзирō), самураем, вынужденным покинуть родину из-за совершенного им убийства. Иезуит убедил японца принять христианство и поменять «языческое» имя Андзирō на христианское Павел. Тогда же Ксавье решил совершить поездку в Японию с целью пропаганды христианского учения. Свое намерение он осуществил в 1549 г.

Поскольку корабля, направлявшегося в Японию, не нашлось, Ксавье воспользовался услугами некоего Неседы, промышлявшего морским разбоем. Человек этот пользовался дурной славой, и, чтобы уберечь миссионеров от продажи в рабство или каких-нибудь других неприятностей, губернатор Малакки задержал в качестве заложницы жену пирата. Эта мера возымела действие и 15 августа 1549 г. Ксавье с тремя спутниками — Торресом, Фернандесом и новообращенным Павлом — благополучно сошел на берег в Кагосима.

Поначалу Ксавье проповедовал в провинции Сацума. Там ему удалось обратить в христианство около 150 чел. Однако летом 1550 г. судьба нанесла ему удар. Местный феодальный правитель, ранее познакомившийся с европейскими купцами, долгое время безуспешно пытался добиться у миссионера согласия на то, чтобы все европейские товары попадали в Японию через его владения. Ксавье, при всем своем желании, такой гарантии дать не мог. Тогда раздосадованный князь объявил принятие христианства государственным преступлением, и Ксавье со своими спутниками был вынужден перебраться в княжество Хидзэн, где и обосновался в городе Хирадо. После того, как проповедники достигли там определенного успеха, они решили совершить путешествие по стране и посетили Симоносэки, Ямагути, Сакаи, а также тогдашнюю столицу Японии Киото, подробное описание которой Ксавье оставил в своих письмах.

Ксавье начал подумывать о путешествии в Китай, чтобы обратить его население в христианство. Если во всем Китае восторжествует христианство, полагал он, то и японцы, привыкшие многое заимствовать из Китая, не останутся к нему равнодушными. Для реализации этого плана Ксавье решил вернуться в Малакку и заняться там организацией новой экспедиции.

Пока же после недолгого пребывания в Киото португальцы возвратились в Ямагути. Незадолго до своего отбытия из Японии Ксавье написал:

«В течение двух месяцев мы крестили 500 человек в Ямагути. Новообращенные оказались очень ревностными последователями, нам они оказывают различные почести. Они полагают, что со стороны Бога хорошо, что он так поздно велел познакомиться их с Евангелием и лишил своей милости всех их предков. Это воззрение служит наибольшим препятствием для распространения христианства».

Франциск Ксавье

Оставив Торреса, Фернандеса и Андзирё-Павла в Ямагути, Ксавье 20 ноября 1551 г. покинул Японию. С собой он взял двух слуг-японцев, которые сопровождали его в поездках по стране. Ксавье начал готовить задуманное путешествие в Китай, но совершить его не успел; 2 декабря 1552 г. он скончался. Сопровождавшие его японцы были отправлены в Европу. Один из них умер в Гоа, другой же благополучно добрался

до Лиссабона. Он посетил Рим, затем вернулся в Португалию, вступил в «Общество Иисуса» и окончил свои дни в монастыре. Вероятно, это был первый японец, попавший в Европу.

**Роль христианства
во внутриполити-
ческой борьбе**

К 1553 г. в Японии насчитывалось несколько тысяч христиан. А в 1580 г., через 30 лет после прибытия Ксавье (который был канонизирован Римом) в

Кагосима, число их, по утверждениям иезуитов, достигло 150 тыс. Успехи христианства были несомненны: в стране было построено 200 церквей, в провинции Бунго миссионеры открыли детский приют и лепрозорий, в городе Фунаи иезуиты основали колледж, где 20 патеров преподавали богословие и другие науки.

Причина столь быстрого распространения совершенно чужеродной для Японии религии заключалась в особенностях ситуации в стране. XVI век относится к числу самых бурных в истории Японии. Междоусобные войны и мощные крестьянские восстания, мятежи феодалов и религиозные бунты — все это Япония XVI века видела в избытке. В то же время происходил значительный рост городов и быстрое расширение внутренней и особенно внешней торговли. Наконец, XVI век — это время объединения раздробленной на практически независимые княжества страны в единое, централизованное государство.

Понятно, что в это смутное и противоречивое время различные противоборствующие силы в японском обществе старались использовать в своих целях как мощное огнестрельное оружие «южных варваров» (так тогда называли европейцев в Японии), так и их религиозную доктрину. Христианство стало в Японии идеологическим обоснованием сепаратизма южных *даймё*, которые как раз наиболее активно контактировали с европейцами, и, отчасти, средством борьбы с экономическим могуществом буддийских монастырей.

Надо сказать, что сами пришельцы делали все, чтобы извлечь выгоды из сложившейся обстановки. С самого начала своей деятельности в Японии миссионеры, прежде всего, пытались обратить в христианство *даймё* и представителей высшей знати. Для достижения этой цели иезуиты использовали не только священное писание. Главным их аргументом были заманчивые торговые сделки, в первую очередь связанные с огнестрельным оружием: в нем особенно нуждались враждовавшие между собой феодалы.

Выступая в роли торговых агентов, проповедники добивались немалых успехов. Так, чтобы достичь выгодных условий торговли с европейцами, правитель Нагасаки по имени Омуро не только

сам принял христианство, но и издал указ об обращении в новую веру всех своих подданных. А завидовавший Омура князь из провинции Арима пошел еще дальше — он отказался от своего имени и велел называть себя князем Андреем.

Деятельность миссионеров опиралась не только на заинтересованных в развитии торговли феодалов юга страны. Неожиданно она получила поддержку у первого «объединителя Японии» Ода Нобунага.

Поначалу Нобунага относился к христианству безразлично. «Невелика важность — появление еще одной секты в стране, где их и так насчитывается более тридцати», — заметил он однажды.

Такое отношение к религии «южных варваров» в первое время вообще было очень характерно. Японцы не видели особой разницы между католичеством и различными буддийскими сектами. Сохранился документ, дарующий христианским проповедникам право воздвигнуть монастырь и храм, чтобы... «развивать учение Будды». Лишь после того, как принявшие христианство феодалы под влиянием своих духовных наставников начали издавать указы, повелевавшие всем буддийским священникам покинуть их владения, первоначальное мнение о христианстве было поколеблено. И как раз в это время честолюбивые замыслы объединителя Японии натолкнулись на сильное сопротивление могущественных буддийских монастырей, не желавших расставаться со своими привилегиями.

Нобунага принял вызов. В 1571 г. он штурмом взял монастырь Энрякудзи, расположенный на горе Хиэй, близ Киото, и сжег его вместе со всеми обитателями. Вступив в борьбу с влиятельным буддийским духовенством, Нобунага нуждался в союзниках. Поэтому он благосклонно отнесся к миссионерам и к новообращенным в христианство, рассчитывая использовать их против буддийского духовенства. И надо сказать, союзник оказался усердным. Например, князь провинции Бунго — христианин — разгромил около 300 буддийских храмов. «Пламенное усердие этого принца, — писал по этому поводу один иезуитский патер, — явно доказывает силу его христианской веры и любви».

В 1582 г. Ода Нобунага был убит. К власти пришел один из его военачальников, Тоётоми Хидэёси, который продолжил политику направленную на подчинение всех феодальных князей — *дайми* — воле единого властителя.

На первых порах Хидэёси относился к христианским миссионерам благожелательно и не чинил им никаких препятствий. В 1583 г. по инициативе иезуита Валиньяни к римскому папе Гри

горню XIII было отправлено японское посольство в составе четырех знатных молодых людей, выходцев из семей влиятельных *даймё* с о-ва Кюсю. Путешествие в Рим длилось 2 года — лишь в 1585 г. послы достигли берегов Европы. Они были приняты королем Испании и Португалии Филиппом II и совершили путешествие по католическим странам, во время которого были окружены большим почетом. Но к тому времени в Японии над головами христиан уже начали сгущаться тучи.

Начало гонений на христиан

Завершая объединение страны, Хидэёси совершил поход против сацумского князя Симадзу, союзника феодального дома Мбри, враждебного Хидэёси. Во время этого похода он впервые столкнулся с компактным христианским населением, слепо верившим иезуитам и отказывавшимся повиноваться «языческим» властям. Это открытие заставило Хидэёси задуматься. К тому же он узнал, что миссионеры промышляют работоторговлей и продают японцев на невольничьи рынки в Индию. А поскольку сопротивление буддийского духовенства было уже сломлено и надобность в союзе с христианами отпала, в июне 1587 г. Хидэёси издал два указа. Один из них запрещал *даймё*, размер владений которых превышал 200 *тё*, принимать христианскую веру, а второй предписывал всем миссионерам покинуть Японию в 20-дневный срок под страхом смертной казни. Указ этот фактически не был приведен в исполнение. В то время не нашлось подходящего судна, и всех пойманных священников свезли в Хирадо. Никакой охраны к ним не приставили, и поэтому они вновь рассеялись по стране и вернулись к своей пастве.

На первый взгляд все осталось по-прежнему. Но с того времени в отношении Хидэёси к христианству произошел перелом. В 1590 г. вернулись посланцы из Рима. В их честь был устроен великолепный пир. Прибывшие из Европы японцы были одеты в богатые одежды, которые им подарил сам папа, и играли на европейских музыкальных инструментах. Войдя в зал, Хидэёси направился к патеру Валиньяни, который сопровождал депутацию в Рим, и в знак особого уважения сел с ним рядом. Он внимательно слушал рассказ священника, но, как только речь зашла о христианстве, тотчас закончил аудиенцию.

В 1593 г. в Японию прибыла группа испанских монахов-францисканцев под предводительством священника Педро Баптите. Немедленно началась борьба за влияния между иезуитами и францисканским орденом. Последовали интриги, взаимные отлучения от церкви, жалобы Риму. Соперники, пытаясь очернить

друг друга, старались доказать нелояльность противника по отношению к японским властям. Дело решилось неожиданно.

Как-то раз Хидэёси принял капитана одного испанского корабля, и тот показал ему карту владений Филиппа II. Хидэёси любопытствовал, каким образом королю Испании удалось так расширить территорию своего королевства, на что капитан наивно ответил:

«Король сначала посылает в чужие страны миссионеров для проповедей и обращения народа, а затем солдат для завоевания этих стран».

Хидэёси пришел в ярость и повелел немедленно искоренить христианство как вредную и опасную секту. Повинуясь его приказу, солдаты вторглись в монастырь францисканцев в Осака и схватили четырех человек, в том числе настоятеля монастыря Педро Баписте. Кроме того, в Киото было схвачено 15 японцев-христиан и пятеро испанцев. Все 24 человека были заключены в тюрьму в Киото, где у каждого из них был отрезан кусок левого уха. 4 февраля 1597 г. их повезли на телегах в Нагасаки. Впереди процессии красовалась надпись: «Эти люди будут распяты в Нагасаки за ослушание правителя». Всего в Японии было тогда казненно более 80 христианских проповедников. Хидэёси вторично приказал выслать из страны всех миссионеров, но этот приказ опять не был исполнен, так как проповедники нашли защиту у феодалов-христиан.

После смерти Хидэёси в 1598 г. отношения между японским правительством и христианами продолжали ухудшаться. Правда, захвативший власть Токугава Иэясу поначалу отказался от крутых мер своего предшественника, так как не хотел нанести ущерб торговле. Однако при этом он относился к испанцам и португальцам очень подозрительно и всячески пытался ограничить их контакты с населением. Вскоре же судьба послала ему новых торговых партнеров.

Появление в Японии голландцев и англичан

В 1600 г. к берегам Японии подошло голландское судно «Лифде». Узнав об этом, Токугава Иэясу выразил желание лично допросить кого-либо из команды. К нему был доставлен некто Уильям Адамс, англичанин, служивший на «Лифде» штурманом. Этот человек произвел на Иэясу столь сильное впечатление, что он предложил Адамсу сделаться своим советником. Тот согласился. Он принял японское имя Миура Андзин, получил звание самурая высокого ранга и поместье, приносящее ему не-

малый доход. Адамс занимал очень высокое положение в окружении Иэясу и был одним из его самых доверенных сотрудников. Понятно, что он оказал большую помощь английским купцам и не менее сильно навредил испанцам и португальцам, которых ненавидел: ведь в то время память об угрозе вторжения «Непобедимой армады» Филиппа II на Британские о-ва была еще совсем свежей.

Между тем, испанцы и португальцы безуспешно пытались восстановить свое бывшее влияние в Японии. Католические миссии продолжали прибывать в порты о-ва Кюсю. При этом, несмотря на угрожающее положение, ссоры и интриги между иезуитами и другими монашескими орденами не прекращались. Но главный удар и те и другие, конечно, направляли против Адамса и голландцев и, пытаясь представить их в невыгодном свете, зачастую совершенно теряли чувство меры.

Слухи о высоком положении Адамса достигли Европы, и в 1609 г. в Японию прибыла целая голландская флотилия. После переговоров, во время которых голландцы щедро раздавали обещания не вести никакой религиозной пропаганды, им было позволено открыть факторию в Хирадо. В 1613 г. такое же разрешение получили англичане.

В то же время травля католиков все усиливалась. В 1612 г. Иэясу нанеся христианству страшный удар. Он объявил миссионеров врагами государства и Будды, посадил их на суда и выслал из страны. Кроме того, многие христиане-японцы были переселены в малоосвоенные тогда северные районы о-ва Хонсю.

В довершение всего Англия и Голландия в 1619 г. подписали так называемый договор о защите, а попросту — соглашение о захвате испанских и португальских судов в водах Дальнего Востока. Если на борту захваченных судов оказывались монахи, то англичане и голландцы передавали их в руки японских властей, которые их незамедлительно казнили. Однажды в Нагасаки было сожжено сразу 30 испанских монахов. Оказывая подобные услуги японцам, англичанам и голландцам удавалось сохранять свои фактории в Хирадо.

Симабарское восстание

Казалось, что с японским христианством покончено. Но вскоре в его историю была вписана еще одна трагическая страница.

За 80 лет, прошедших со дня прибытия первых миссионеров в Японию, христианство пустило глубокие корни на юге страны. Новая религия довольно широко распространилась среди народных масс. Именно последняя категория христиан представляла наибольшую опасность для правительства — с феодалами-христи-

анами справиться было гораздо легче. Кроме того, «народное христианство» угрожало и господствующему классу в целом. В средневековые антифеодалные настроения, как правило, облекались в форму ересей. На определенном этапе в Японии такой ересью стало католичество. Поэтому в 30-х годах XVII в. сёгунское правительство преследовало христиан с редкой жестокостью. Схваченных католиков подвергали чудовищным пыткам.

В 1637 г., доведенные до отчаяния непрерывными гонениями, христиане подняли восстание, принявшее огромные масштабы. Основные события произошли на п-ове Симабара, поэтому само восстание вошло в историю под именем Симабарского.

Строго говоря, восстание началось из-за недовольства налоговой политикой властей. Однако очень быстро оно приобрело религиозную окраску. Во главе восстания стал молодой человек по имени Масуда Токисада, назвавшийся Амакусом Сирё и объявивший себя воплощением Иисуса Христа.

Христиане сражались мужественно и поначалу одержали несколько побед. Лишь после того как сёгун выставил против них армию в 125 тыс. чел., они укрылись в замке, где в течение нескольких месяцев выдерживали жестокую осаду. Так как попытки овладеть замком штурмом всякий раз оканчивались неудачей, сёгун Токугава Иэмицу обратился за помощью к голландцам. Голландский резидент Н.Кукебакер приказал голландскому кораблю в течение 15 суток бомбардировать укрепления мятежных христиан с моря. После этого голландцы удалились, но предварительно передали все корабельные пушки армии сёгуна. Не имея другого выхода, восставшие попытались пробиться из замка и сделали вылазку, которая закончилась для них катастрофой.

Победители учинили страшную резню и перебили почти всех, для пленных же приготовили испытание. Были собраны все захваченные иконы, распятия и прочие предметы культа, и христианам предлагали плевать на них и топтать их ногами. Тех, кто отказывался, распинали на крестах, установленных вдоль дорог. Когда сёгуну надоела эта забава, остальных пленных просто сбросили в море с высокой скалы.

За участие в истреблении христиан голландцы подверглись жестокой критике в Европе. Однако резидент Кукебакер, оказавший поддержку сёгуну, не прогадал. В течение 200 лет после этого голландцы оставались единственными европейцами, которым было разрешено прибывать в Японию и вести торговые операции на крошечном острове Дэдзима у входа в гавань Нагасаки.

От португальских и испанских миссионеров осталось интересное наследие — письма, являющиеся свидетельствами очевидцев бурных событий японской истории XVI–начала XVII вв. Наиболее интересные воспоминания о своем пребывании в Японии оставили Луиш Фроиш, Алессандро Валиньяни, Жоао Родригес. Последний, отлично владея японским языком, в течение многих лет был переводчиком при Хидэёси и Иэясу. Он составил первую систематическую грамматику японского языка, подробный японо-португальский словарь. Десятки страниц его 2-томной истории деятельности ордена иезуитов в Японии посвящены описанию произведений живописи, ландшафтных садов и, особенно, чайной церемонии, в которой Родригес видел одно из высших проявлений духовной культуры японского народа.

Уильям Адамс, первый англичанин в Японии

В старинном районе Токио Нихомбаси есть квартал, который носит название Андзин-тё — «квартал штурмана». Он назван так в честь англичанина У.Адамса, который попал в Японию в 1600 г. и прожил там 20 лет. Его имя широко известно в современной Японии, и следы пребывания У.Адамса можно обнаружить в разных частях страны. Японцы умеют хранить память о людях, оставивших заметный след в их истории.

У.Адамс родился в городке Джиллинге графства Кент. Точная дата его рождения неизвестна, но, согласно записи в приходской книге, мальчика крестили 24 сентября 1564 г. В 12 лет Уильям уехал в г. Лаймхаус на берегу реки Темзы учиться корабельному делу, но ему больше нравилось плавать на судах, нежели их строить. Он добился своего — стал хорошим моряком, и ему уже в 1588 г. доверили первое самостоятельное плавание в должности шкипера на судне «Ричард Даффилд» с командой в 25 чел. Это было время соперничества на море между Англией и Испанией, и свой скромный вклад в разгром «Непобедимой армады» внес и У.Адамс — его корабль подвозил боеприпасы и продовольствие английским кораблям, участвовавшим в битве с испанцами.

20 августа 1589 г. У.Адамс обвенчался с девушкой по имени Мэри Хин, но она редко видела своего молодого мужа, поскольку он почти все время находился в море. Адамс много плавал на голландских торговых судах, а в 1598 г. принял предложение принять участие в экспедиции на Дальний Восток через Атлантический и Тихий океан. На одном из пяти судов — «Лифде» («Мило-

сердце») — штурман Адамс отправился в далекое путешествие, не предполагая, что он уже никогда не вернется в Англию.

Плавание проходило очень тяжело — моряков все время преследовали разнообразные несчастья. Часть команды требовала вернуться в Голландию, но после жарких споров было решено продолжить путешествие через Тихий океан к берегам Японии — трюмы были набиты тканями, а по сведениям голландцев этот товар пользовался в Японии наибольшим спросом. Дальнейшее плавание стало еще более суровым испытанием — продовольствие кончилось, люди слабели и умирали, в живых осталось 24 чел., которые находились в такой степени истощения, что с трудом передвигались по палубе. Но все же 19 апреля 1600 г. на горизонте замаячил японский берег. Из 5 судов, отправившихся в плавание, уцелело лишь «Лифде».

«Лифде» подошло к берегам Японии в районе городка Оита, расположенного на северо-восточном побережье о-ва Кёсю. Местные жители, увидев судно, подплыли к нему на лодках. Адамс и его товарищи были настолько слабы, что с полным безразличием созерцали, как любопытные японцы сновали по всем уголкам корабля. Местные власти, узнав о прибытии корабля, перевезли членов экипажа на берег и поселили в доме, обеспечив всем необходимым, а губернатор послал гонца к Токугава Иэясу, чтобы узнать, как следует поступить с иноземцами дальше.

Прибытие голландского судна очень обеспокоило португальцев, которым вовсе не хотелось утратить свое монопольное право на торговлю и распространение христианства в Японии. Поэтому они всячески старались очернить прибывшую команду, отзывались о голландцах как о разбойниках и пиратах и подстрекали власти убить чужеземцев. А поскольку на борту «Лифде» было и оружие, и боеприпасы, то это, по мнению португальцев, служило доказательством того, что торговля — вовсе не главная цель голландцев.

Иэясу приказал доставить к нему старшего по команде, но капитан корабля голландец Якоб Квакернак был еще слишком слаб, и выбор пал на Адамса; к тому же последний владел португальским языком, который в то время был основным средством общения между японцами и европейцами. Моряки понимали, что их дальнейшая судьба зависит от того впечатления, которое произведет их товарищ на правителя. 12 мая 1600 г. Адамс был доставлен к Иэясу.

Вот как спустя 11 лет Адамс описывал эту встречу:

«12 мая 1600 г. я прибыл в город, где проживал великий король, который приказал доставить меня ко двору. Его дворец — прекрасное здание, богато украшенное позолотой. Он встретил меня очень приветливо, даже, я бы сказал, благосклонно, подавая мне различные знаки, часть которых я понял. Наконец, появился человек, говоривший по-португальски. Через него король задал мне ряд вопросов: откуда мы родом, что побудило нас отправиться в столь далекое путешествие и прибыть в его страну».

Адамс называл Иэясу «королем» ошибочно: в 1600 г. тот еще не был сёгуном, верховным военным правителем страны, но стал им в 1603 г.

Адамс объяснил, что он англичанин и рассказал, где находится Англия. Он предусмотрительно захватил с собой карты, поэтому смог показать Иэясу весь путь судна от берегов Голландии через Атлантический океан, Магелланов пролив и через Тихий океан к берегам Японии. Он сообщил, что англичане хотели бы торговать с Японией, поскольку англичане производят товары, которых нет в Японии, а восточных странах есть товары, которые пользуются большим спросом у англичан. Но у Иэясу оставались сомнения — почему в трюмах корабля так много оружия, если прибывших интересует лишь торговля? Поэтому он задал Адамсу вопрос, участвует ли Англия в каких-либо войнах, на что последовал ответ, понравившийся Иэясу своей правдивостью. «Да, — сказал Адамс, — Англия воюет, но не со всеми странами, а только с испанцами и португальцами. С остальными народами англичане живут в мире». Иэясу спросил у Адамса поклоняется ли он каким-нибудь богам, на что моряк ответил, что верит лишь в одного бога — создателя небес и земли.

Хотя ответы Адамса удовлетворили Иэясу, и сам англичанин произвел на него весьма благоприятное впечатление, подозрения относительно большого количества оружия на борту у него окончательно не рассеялись. Прежде чем отпустить Адамса, он попросил его подробно перечислить те товары, что находились в трюмах корабля, а поскольку Адамс предусмотрительно захватил список товаров, дело заняло считанные минуты. Перед уходом Адамс еще раз повторил свою просьбу — разрешить англичанам и голландцам торговать с Японией, как это делали испанцы и португальцы, на что Иэясу что-то быстро ответил. Адамс ничего не понял, его без дальнейших объяснений вывели и поместили в ту же тюрьму, где он находился до беседы с Иэясу.

Спустя 2 дня Иэясу снова приказал доставить к нему англичанина и долго и подробно расспрашивал его о войнах, которые вела Англия, о причинах вражды между Англией, с одной стороны, и

испанцами и португальцами, с другой. И опять казалось, что ответы англичанина удовлетворили Иэясу, но Адамса снова поместили в тюрьму, наказав обращаться с ним вежливо.

Адамс провел в тюрьме долгих 6 недель, с ужасом ожидая каждый день смертного приговора — он был наслышан каким страшным пыткам подвергали в Японии приговоренных к смерти. Но его в третий раз вызвал к себе Иэясу и опять вел с ним длительную беседу. Казалось, на этот раз он окончательно поверил в искренность и правдивость ответов англичанина и ему разрешили вернуться к команде, которая и не чаяла увидеть его живым.

Целый месяц голландцы и Адамс пребывали в полном неведении относительно своей дальнейшей судьбы, пока не получили приказ прибыть в Эдо, где находился замок Иэясу. Команде очень хотелось вернуться на родину, но все их попытки успехом не увенчались: японцы официально объявили, что никто из членов команды не имеет права покидать страну. Моряки поделили оставшиеся деньги и разбрелись кто куда. Иэясу проявил неожиданную щедрость — каждому была назначена небольшая годовая пенсия и ежедневный рисовый паек. Как сложилась их судьба, неизвестно, сведения сохранились лишь о Квакернаке, Адамсе и еще об одном матросе.

Судьба милостиво обошлась с Адамсом, он стал советником Иэясу, который все больше и больше доверял англичанину, ценя его разносторонние знания. Адамс, по просьбе Иэясу, стал преподавать ему основы математики, а позже стал переводчиком сёгуна, вытеснив с этой должности иезуита Родригеса. Во время одной из бесед Иэясу высказал пожелание, чтобы Адамс построил судно по образцу «Лифде». И сколько Адамс не объяснял, что он штурман, а не корабел, ему пришлось приступить к работе. С помощью старательных японских мастеров было построено судно водоизмещением 80 т, которое очень понравилось Иэясу.

Адамс был осыпан многими милостями. Иэясу подарил ему большое поместье в Хэми на юго-востоке о-ва Хонсё, но жизнь на природе его не привлекала. Поскольку он стал заниматься торговлей, то купил себе дом в Эдо, городе, куда устремлялись представители многих купеческих домов, и где заниматься торговлей было очень выгодно.

Адамс стал в Японии богатым и влиятельным человеком, однако он не мог вернуться в Англию, где его ждали жена и дочь, которым ему изредка удавалось отправлять письма. И он решил жениться на японке. Брак оказался счастливым, у него родились сын Джозеф и дочь Сюзанна.

К концу 1605 г. дела Адамса процветали, и даже португальские иезуиты считали за лучшее поддерживать хорошие отношения с человеком, который пользовался уважением самого Иэясу.

А Адамса одолевала тоска по родине, и он решил еще раз обратиться к сёгуну с просьбой разрешить ему вернуться в Англию. Но Иэясу остался непреклонен, и можно предположить, что ностальгия стала вечной спутницей англичанина.

Адамс выполнил важную роль в налаживании японо-голландских торговых отношений. Он сопровождал к Иэясу прибывших в 1609 г. в Японию голландцев, и, благодаря его содействию, они получили право торговать во всех портовых и даже отдаленных от моря городах, а также открыть торговую факторию на о-ве Хирадо.

Несколько позже, 12 июня 1613 г., к берегам Японии приплыл английский корабль. Наконец-то Адамс встретился с соотечественниками! Он приложил много сил, чтобы наладить выгодную для Англии торговлю с Японией. Однако у него не сложились отношения с капитаном корабля Д.Сэрисом, которого возмущало, что Адамс стал «настоящим японцем». Поэтому он часто не прислушивался к советам Адамса и тем самым обрек английскую торговлю на провал: Адамс советовал Д.Сэрису основать английскую торговую факторию в Урага, а не на Хирадо, где уже вели торговлю голландцы. Но к разочарованию Адамса капитан выбрал именно этот остров, получив в лице голландцев серьезных конкурентов. И спустя некоторое время англичанам пришлось покинуть Японию.

Воспользовавшись прибытием в Японию англичан, Адамс в 1613 г. еще раз обратился к Иэясу с просьбой разрешить ему вернуться на родину. Сёгун поинтересовался, серьезно ли его намерение, и, услышав утвердительный ответ, к удивлению Адамса, дал наконец свое согласие. Но вернуться в Англию ему было не суждено, и можно только гадать, что повлияло на его решение остаться в Японии — любовь к жене-японке и детям или неуверенность в своем будущем в Англии: ведь в Японии он стал влиятельным и богатым человеком.

Положение Адамса пошатнулось после смерти Иэясу. Новый сёгун, Хидэтада, не оказывал ему такого покровительства, как отец. Ему приходилось часами ожидать ответ на какие-либо

Уильям Адамс

просьбы или обращения. Было ясно, что Адамс впал в немилость, и время его огромного влияния безвозвратно ушло.

16 марта 1619 г. Адамс ушел в плавание, во время которого тяжело заболел. Он вернулся в Японию в августе и 16 мая 1620 г. умер на о-ве Хирадо. У него хватило сил продиктовать и подписать завещание, где он распорядился, чтобы деньги, которые останутся после оплаты долгов и обязательств, и все то, чем он владел,

«были поделены на две равные части, из коих одну завещаю мой любимой жене и дочери в Англии, а другую — моим двум любимым детям Джозефу и Сюзанне, проживающим в Японии».

Он оставил также подарки своим друзьям и знакомым, как в Японии, так и в Англии, не забыв и о своих слугах.

Сын Адамса пошел по стопам отца — стал штурманом. Маго мэ, японская жена Адамса, умерла в августе 1634 г. В 1636 г. сын поставил в Хэми надгробный памятник. Есть предположение, что Адамса перезахоронили в Хэми. В 1905 г. там разбили мемориальный парк, а в 1918 г. там воздвигли мемориальную колонну, на которой высечена длинная надпись на японском языке, повествующая о жизни У. Адамса. Перед смертью он, якобы, оставил следующий наказ:

«Причавив в своих скитаниях к этой земле, я до последней минуты жил здесь в покое и достатке, всецело благодаря милости сёгуна Токугава. Прошу похоронить меня на вершине холма в Хэми, чтобы моя могила была обращена на восток и я мог взирать на Эдо. Мой дух из загробного мира будет защищать этот прекрасный город».

Никаких доказательств достоверности этих слов не обнаружено, но на одной из сторон мемориальной колонны можно прочитать следующие строки, которые японский поэт адресовал Уильяму Адамсу как стражу города:

«О штурман, избородивший немало морей, чтобы прибыть к нам.

Ты достойно служил государству и за это был щедро вознагражден.

Не забывая о милостях, ты в смерти, как и в жизни, остался таким же преданным;

И в своей могиле, обращенной на восток, вечно охраняешь Эдо».

В 1965 г. жители Хирадо перевезли несколько камней с могилы Мэри Хин, английской жены Адамса, на его могилу, чтобы их души могли воссоединиться. Так японцы воздали дань уважения человеку с удивительной судьбой.

Политика изоляции страны

Развитие политики изоляции

К числу главных политических мероприятий в XVII в. относилось решение о «закрытии» страны от внешнего мира. Оно не было одномоментным. Мероприятия по изоляции страны проводились с перерывами в течение 50 лет, что позволяет сделать вывод о том, что *бакуфу* решилось на этот шаг под давлением серьезных обстоятельств.

Главной причиной изгнания из Японии иностранцев была активная деятельность католических миссионеров на юге страны. С одной стороны, распространение христианства создавало угрозу религии *синто* и подрывало традиционные механизмы идеологического контроля властей над японским обществом. С другой — манипулируя новообращенной паствой, миссионеры активно вмешивались во внутривластную жизнь Японии, объективно способствовали развитию сепаратистских тенденций на юге страны, что, естественно, было неприемлемо для власти *бакуфу*.

Первую попытку изгнать из Японии католических миссионеров предпринял еще Тоётоми Хидэёси, однако его указы на этот счет фактически не были исполнены. С образованием сёгуната Токугава такая политика стала проводиться в жизнь более настойчиво. Своим указом от 1612 г. Токугава Иэясу поставил христианскую религию вне закона. В 1624–1636 гг. за этим последовал ряд указов, ограничивавших связи Японии с европейцами и, в частности, запрещавших въезд в страну испанцам.

В 1639 г. пребывание в Японии и торговля с ней были запрещены португальцам. Одной из причин этого шага было Симабарское восстание 1637–1638 гг., в котором активное участие принимали японские христиане. С 1641 г. только голландцам и китайцам было разрешено торговать в порту Нагасаки, который находился под непосредственным контролем *бакуфу*. Давая разрешение голландцам, *бакуфу* учло их помощь при подавлении Симабарского восстания.

Когда речь идет об изоляции Японии в период сёгуната Токугава, в исторической литературе широко используется термин «*сакоку*» («страна на цепи»). Однако следует иметь в виду, что этот эмоциональный термин возник не тогда, когда издавались указы *бакуфу*, касавшиеся изгнания иностранцев и ужесточения контроля над внешней торговлей, а в начале XIX в., когда сёгунат вступил в полосу все обострявшегося системного кризиса.

В политике изоляции страны имелись как негативные, так и положительные стороны. Отсутствие возможности широко и свободно торговать с другими государствами сковывало предпринимательскую активность японского купечества, но, с другой стороны, привело к тому, что направив всю инициативу, изобретательность и смекалку на развитие торговли внутренней, они выработали особый японский стиль управления и ведения дел, собственную этику деловых отношений, оказавшиеся весьма эффективными даже на новейшем этапе японской истории. Японское общество периода Токугава получило возможность развиваться за счет внутренних импульсов.

Кроме того, изоляция не была абсолютной. Япония поддерживала связь с внешним миром не только через порт Нагасаки, но через Корею и о-ва Рёккё. За право торговать голландцы должны были раз в год составлять доклад обо всем значительном, что происходило за пределами Японии. Поэтому нельзя утверждать, что целая нация полностью изолировала себя от мира: скорее, она заняла активную оборонительную позицию против назойливых иностранцев, когда возникла реальная угроза вмешательства с их стороны во внутренние дела Японии. Со стороны *бакуфу* это был продуманный шаг, и в первой половине XVII в. изгнание иностранцев было одной из мер, которая способствовала наступлению стабильности в стране.

Влияние политики изоляции на внешнюю торговлю

При проведении политики изоляции японские власти должны были считаться с одним весьма важным для себя обстоятельством: поступления от внешней

торговли составляли существенную статью дохода в бюджете *бакуфу*. Поэтому заинтересованность сёгуната в сохранении внешней торговли была вполне очевидна.

К концу XVI—началу XVII в. внешняя торговля Японии приобрела некоторые новые черты. Тогда во внешней торговле Японии уменьшилось значение португальцев, которые ранее фактически держали в своих руках монополию на ввоз в Японию китайского шелка и шелковых тканей. В Японию после длительного перерыва вновь стали приходить китайские суда, количество которых постепенно увеличивалось, хотя дипломатические отношения между Японией и Китаем так и не были восстановлены (это произошло только во второй половине XIX в., в период Мэйдзи). Отношения были прерваны из-за действий японских пиратов (*вакё*) на китайском побережье, а затем из-за похода японцев на Корею (1592–1598).

Вместе с тем, изменения в японской внешней торговле были связаны с приходом к власти в Японии нового правителя. Португальцы имели тесные связи с семьей Тоётоми Хидэёси, а Токугава Иэясу главную ставку сделал на голландцев и англичан, которые стали вести торговлю с Японией с начала XVII в. В развитии японо-голландской и японо-английской торговли значительную роль сыграл англичанин У. Адамс, попавший в Японию в апреле 1600 г. и ставший затем советником Иэясу.

Голландцы прибыли в Японию в 1609 г., а англичане основали свою факторию на о-ве Хирано у западного побережья Кёсю в 1613 г. После смерти У. Адамса в 1620 г. английская фактория продолжала некоторое время существовать, но дела ее шли довольно плохо, торговля стала убыточной, и в декабре 1623 г. она была закрыта. Главной причиной неудач англичан в торговле была острая конкуренция со стороны голландцев. К тому же в начале XVII в. англичане еще недостаточно прочно укрепились в Ост-Индии, и, в отличие от голландцев, не имели возможности регулярно получать товары. Голландцы были гораздо сильнее в этом районе мира, и поэтому англичанам пришлось удалиться не только из Японии, но на долгое время вообще уйти из Ост-Индии.

Формой контроля и участия японских властей во внешней торговле была практика выдачи специальных разрешений — т. н. красных печатей (*сюиндзё*), — которую ввел еще Тоётоми Хидэёси. Правом их выдачи обладали и крупные *даймё* на о-ве Кёсю — Симадзу, Мацуура, Арима, Набэсима. Торговля с иностранцами велась во многих местах, и среди лиц, получивших разрешение, были не только торговцы, но и *даймё* и чиновники *бакуфу*. В дальнейшем, пытаясь укрепить контроль над внешней торговлей, Иэясу стал выдавать такие разрешения только тем торговцам, которые были связаны с домом Токугава.

Большинство торговцев нажило весьма крупное состояние на торговле со странами Южной Азии и с европейцами, многие из них пользовались покровительством Иэясу и выплачивали ему немалые суммы. Позднее, после полного развития политики изоляции страны, они занимались контрабандной торговлей вплоть до начала XVIII в., за что подвергались всяческому преследованию, вплоть до конфискации имущества.

Согласно указу, опубликованному в феврале 1633 г., строго запрещалось направлять суда за границу, за исключением тех случаев, когда разрешение на это было получено у *рёдзё*. Японцы могли отправляться за границу только на этих судах. Судовладельцам под страхом смертной казни запрещалось брать на борт

лиц, не имевших разрешения на выезд, на них же возлагалась ответственность за въезд в страну христианских проповедников. Тем же указом определялся порядок покупки товаров у иностранцев. Последующие указы ужесточали правила и еще более регламентировали отношения с иностранными торговцами.

Таким образом, власти *бакуфу* полностью монополизировали внешнюю торговлю, что называется, прибрали ее к рукам. Поэтому доходы *бакуфу* от внешней торговли после начала политики изоляции только возросли.

Голландская торговля в Японии

На протяжении более чем двух столетий голландцы были единственными европейцами, которым было дозволено жить в Японии и вести торговлю. Правда, такое же разрешение было дано в начале XVII в. и англичанам, но торговля у них не заладилась, и они довольно быстро покинули страну в 1623 г.

Первые впечатления японцев о голландцах Жизнь голландцев в Японии была строго регламентирована, круг японцев, с которыми они общались, был ограниченным. Даже в Нагасаки, где они вели торговлю, их видел далеко не каждый житель. Об их внешнем облике ходили всевозможные слухи. Так, один японский автор писал:

«Говорят, будто у голландцев нет пяток, что глаза у них, как у зверей, и что они великаны. Но все дело в том, что жители разных стран всегда несколько отличаются друг от друга. Из того, что голландцы не похожи на нас, вовсе не следует, будто они похожи на животных. Все мы порождение одного творца».

А вот впечатления японца, однажды посетившего голландский корабль:

«Лица у них темные, болезненно-желтоватые, волосы желтые, а глаза зеленые. Кто при виде их не обратился бы в бегство от страха».

Вызывало у японцев удивление и незнакомство голландцев с китайской наукой и письменностью, что служило явно не в их пользу. Но в XVII в. мнение о них начинало меняться в лучшую сторону. Уже другой автор отмечал, что, хотя у голландцев всего 24 буквы, но они могут записать все, что нужно:

«Они самые лучшие в мире мореходы, сведущие в астрономии, географии и предсказаниях. Они также первоклассные медики».

Впервые голландцы появились у берегов Японии 19 апреля 1600 г. Это было судно «Лифде», единственное уцелевшее из пяти кораблей, которые в июне 1598 г. покинули Роттердам. Задачей этой экспедиции было наладить торговые отношения с Ост-Индией и Японией.

Прокладывать новые торговые пути в восточные страны голландцев заставила жизненная необходимость. После того как Голландия освободилась от испанского владычества в 1600 г., испанский король Филипп II приказал закрыть лиссабонский порт для голландских судов (в 1581–1640 гг. Португалия была подвластна Испании). Это было серьезным ударом для голландцев, поскольку они закупали там пряности и шелк, которые португальцы привозили с Дальнего Востока. Эти товары они с большой выгодой для себя перепродавали в странах Северной Европы.

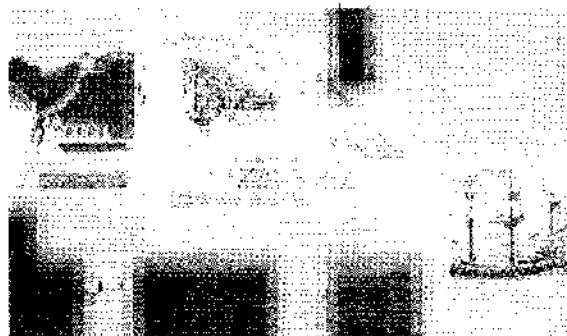
Находившийся на борту «Лифде» англичанин У.Адамс, которого Токугава Иэясу сделал своим советником, сыграл большую роль в развитии торговых японо-голландских отношений. Однако потребовалось несколько лет, чтобы голландцы смогли наладить торговлю с Японией. Большую роль в этом сыграла Ост-Индская торговая компания (1602–1798), где заправилами выступали амстердамские купцы. Компания имела монопольное право торговли, мореплавания, размещения факторий и т. д. Амстердам стал европейским центром торговли и кредита.

Открытие фактории на о-ве Хирадо

Для развития торговли необходимо было наладить контакты с голландцами, проживавшими в других восточных странах. Но Токугава Иэясу не разрешил ни Адамсу, ни кому-либо из голландцев выехать из Японии. Но все-таки позже Адамсу удалось уговорить Иэясу разрешить двоим голландцам отбыть в Ост-Индию, чтобы найти там своих соотечественников. Это были капитан «Лифде» Якоб Квакернак и Мелькиор ван Сантворт. В 1605 году, имея письмо Иэясу, в котором он приглашал голландцев торговать с Японией, они отплыли в Сиам, где у голландцев был основан один из торговых постов.

Но прошло еще 4 долгих года, пока первые голландские торговые суда под командой капитана Якоба Спекса в июле 1609 г. прибыли на о-в Хирадо, где и была открыта голландская торговая фактория. Хотя им предлагали город Урага близ Эдо, голландцы выбрали о-в Хирадо по одной веской причине — там не было португальцев, их главных соперников в торговле. Кроме того, голландцы нашли поддержку и покровительство со стороны местного *даймё* Машура Сигэнобу.

С разрешения Токугава Иэясу голландцам было предоставлено право торговать во всех портовых городах. Но по мере того, как *бакуфу* стало все более последовательно проводить политику изгнания из страны миссионеров, торговля с иностранцами также подверглась ограничениям. *Бакуфу* стремилось установить над ней правительственный контроль, и после 1613 г. европейцам было разрешено торговать только в Нагасаки и Хирадо. А с 1639 г. голландцы стали единственной европейской нацией, с которой Япония поддерживала торговые отношения.

Голландская фактория на о-ве Хирадо

В период 1631–1636 гг. голландцы столкнулись с большими трудностями в своей торговой деятельности на о-ве Хирадо. Резко поменялось отношение к иностранцам со стороны нового сёгуна Иэмицу, внука Иэясу, от которого голландцы получили большие привилегии в торговле. Теперь же они должны были подчиниться жестким правилам. В 1633 г. их обязали продавать шелк-сырец только по фиксированным ценам; им было также сказано, что другие товары можно выставлять на продажу лишь после того, как будут определены цены на шелк-сырец. Когда же глава фактории Николаес Кукебакер попытался проигнорировать это требование, его строго предупредили. Когда новый глава фактории Ф.Карон (он жил на о-ве Хирадо в 1639–1641 гг.; его книгу «Описание о Японии» перевели в России в 1734 г., и она стала первой книгой о Японии на русском языке) прибыл в Эдо, чтобы засвидетельствовать свое почтение сёгуну, он был принят с пренебрежением. По-видимому, власти *бакуфу* в то время раздумывали над тем, не применить ли указ об изгнании и к голландцам. Негативную позицию по отношению к ним занимал киотосский *сёсидай*, который считал, что все христиане, несмотря на различия в догматах, представляли угрозу Японии. Кроме того, правительство

опасалось возможных контактов между голландцами и *тодзими даймё*.

Перевод фактории на о-в Дэдзима

В августе 1640 г. голландцы закончили сооружение большого каменного товарного склада, но на свою беду на его фронтоне поместили дату постройки согласно христианскому календарю. Последовал незамедлительный указ разрушить не только этот склад, но и все другие постройки, где есть такого рода надписи.

Но на этом неприятности голландцев не закончились — последовал еще ряд неприятных для них распоряжений. 24 июля 1641 г голландцам пришлось перебраться на небольшой, искусственно насыпанный о-в Дэдзима в гавани Нагасаки, где ранее обитали португальцы. В период Токугава Нагасаки находился под непосредственным контролем *бакуфу*, его *бугё* назначался из Эдо. Город попеременно охраняли военные силы княжества Фукуюки и Сага.

О-в Дэдзима был крошечным, его общая площадь составляла 3969 *цубо* (*цубо*=3,31 кв. м). По очертаниям он напоминал раскрытый японский веер. Остров был обнесен высоким забором, по верхней части которого шел двойной ряд железных шипов. В западной части ограды находились ворота, но они открывались лишь тогда, когда прибывали голландские суда — чтобы разгрузить судно и затем загрузить японскими товарами. Вокруг острова в воде были размещены столбы с табличками, надписи на которых оповещали о запрещении причаливать к острову. Дэдзима соприкасался с берегом небольшим каменным мостом, и стража строго следила за тем, чтобы никто без разрешения не мог войти или покинуть остров. Голландцы могли совершать прогулки по узким улочкам на самом острове, а для выхода в город требовалось специальное разрешение властей. Раз в год глава фактории с несколькими подчиненными совершали поездки в Эдо, чтобы преподнести подарки сёгуну и засвидетельствовать свою лояльность.

Быт голландской колонии

Шведский врач К.П.Тунберг, служивший в голландской фактории в 1775–1776 гг., писал, что европеец, которому пришлось бы окончить свои дни на о-ве Дэдзима, мог считать себя заживо погребенным. Здесь не было ни малейшего намека на какую-либо интеллектуальную деятельность, которая скрашивала бы монотонно текущие дни:

«Так же как в Батавии, мы каждый день после прогулки, которая состоит в том, что мы несколько раз пройдемся вверх и вниз по двум улицам, наносим визит директору. Обычно эти вечерние визиты начинаются в шесть и заканчиваются в десять, иногда в одиннадцать или двенадцать часов ночи; образ жизни весьма неприятный, годный только для тех, кто не умеет иначе проводить свой досуг, чем пыхтеть трубкой».

На острове размещались жилые дома, товарные склады, а также помещения для официальных лиц, переводчиков и охраны. В доме было 4 комнаты, кухня и туалет. Обстановка во всех постройках оплачивалась голландцами. Голландцы разбили на острове цветник, у них было и небольшое подсобное хозяйство — коровы, овцы, свиньи, куры. Питьевая вода привозилась из Нагасаки, за нее было необходимо платить отдельно. А аренда острова обходилась голландцам в 55 *каммэ* серебром.

Число голландцев, проживавших на острове, не было постоянным, но редко превышало цифру 20 чел. Факторию возглавлял резидент. После 1640 г. власти *бакуфу* распорядились, чтобы его меняли ежегодно, дабы он не успел наладить слишком дружественные отношения с японцами. За весь период существования фактории ее глава менялся 162 раза, но довольно часто случалось, что ее вновь занимал человек, уже бывший в этой должности. У главы фактории был помощник, обычно один. Были один или два секретаря, сторож на товарном складе, врач (один или два), помощник врача, библиотекарь (один или два), помощник библиотекаря. В состав служащих фактории также входили канониры, корабельные плотники, столяры и негритянские слуги.

Число чиновников и различного обслуживающего персонала с японской стороны значительно превышало число проживающих на о-ве Дэдзима иностранцев. Одних переводчиков было около 150 чел., что должно было предупредить какие-либо попытки голландцев изучать японский язык. Никому из японцев не позволялось жить в доме у голландцев. Мало того, не разрешалось хоронить голландцев в Японии. Не дозволялось совершать и религиозные обряды ни на о-ве Дэдзима, ни на кораблях. Местные власти строго следили, чтобы никакая религиозная литература не достигала прилавков японских лавок. Прибывшие корабли находились под жестким контролем местных властей, и морякам не разрешалось посещать другие корабли.

Кроме подарков, подносившихся сёгуну во время визитов в Эдо, голландцы должны были одаривать и власти в Нагасаки.

Японцы поставляли на о-в Дэдзима не только воду, продукты повседневные товары, но и проституток. На мосту была надпись

«Только для проституток, вход для других женщин воспрещен». Такое маленькое послабление было сделано, чтобы скрасить голландцам одиночество — им не разрешалось приезжать в Японию с женами. Проституток поставляли те же торговцы, что снабжали остров продовольствием. Они приходили в сопровождении молодых служанок. Содержать девушку можно было долго — год или несколько лет, — но не менее трех дней. Кроме платы за услуги, в это время голландец должен был полностью ее содержать, дарить ей шелковые платья, шляпы, пояса и т. д.

В XVIII в. голландцам разрешили посещать веселые кварталы в Нагасаки в районе Маруяма. Но и здесь их подвергли дискриминации: они платили 65 *моммэ* серебром, тогда как китайские торговцы — только 5 *моммэ*.

Если рождался ребенок, то японке разрешалось жить в доме его отца в качестве кормилицы, но ребенок считался японцем. Уже с самого раннего возраста он подвергался таким же ограничениям, как и другие японцы, имевшие сношения с иностранцами. Детям предоставлялась одна маленькая поправка — их голландским отцам разрешалось встречаться с ними в строго установленное время. Кроме того, их отцы могли оказывать им материальную поддержку и заботиться об их образовании. Часто отцы помогали своим взрослым сыновьям занять какую-либо должность в Нагасаки или в другом месте.

Жизнь на острове, который был примерно в 120 м в длину, 75 м в ширину и возвышался над уровнем моря на 1–2 м, давала мало поводов для радостей: можно сказать, она была довольно суровой. Совершенно очевидно, что голландцев удерживали там только экономические интересы и удерживали их в Японии. Наибольшие доходы от торговли с Японией они получали в 1638–1641 гг. Но даже когда голландская торговля переживала периоды упадка, они не теряли надежду на улучшение и стойко переносили все ограничения и унижения, аккуратно подчиняясь условиям многочисленных указаний японской стороны.

Официальные визиты в Эдо Голландцы стойко выносили еще одну обязанность — ежегодные поездки к сёгуну в Эдо. Впрочем, для голландцев ежегодные поездки в Эдо были единственной возможностью узнать что-либо о Японии, увидеть страну вне пределов Нагасаки, а местным жителям предоставлялась возможность узнать об иностранцах, проживавших в их стране. Благодаря немцу Э.Кемпферу, который служил в фактории в качестве врача и в 1691 и 1692 годах сопровождал голландского резидента в Эдо, мы имеем интересные све-

дения о Японии тех лет и описание церемоний, которыми сопровождалось представление сёгуну.

К поездке готовились заранее. Бугё Нагасаки решал вопрос о подарках, и если, по его мнению, они не соответствовали этому торжественному случаю, их следовало заменить. Переводчики и официальные лица назначались властями Нагасаки. В состав миссии включались также полицейские чиновники-мэцукэ.

Нанимались лошади и носильщики. Необходимо было взять с собой все, что могло потребоваться в пути — столы, стулья, вино, сыр и другие западные продукты.

Путешествие обычно длилось 90 дней — сначала по воде на лодках, потом по основному тракту в Эдо. Каждую ночь путешественники останавливались на ночлег в гостинице или в доме местного чиновника. Во время пути голландцам не разрешалось осматривать достопримечательности и отклоняться от маршрута.

В Эдо голландцы проводили 2–3 недели. Они останавливались в доме, который *бакуфу* предоставило для официальных лиц, приезжавших из Нагасаки, поэтому он назывался Нагасакия; находился он на Нихомбаси, в центре города. Гулять свободно по Эдо голландцам не разрешалось. Но зато в Нагасакия приходили японцы, которые интересовались медициной и астрономией. Все посетители должны были иметь официальное разрешение от *бакуфу*, но на деле голландцы жаловались на большое число любопытных, которые приходили в дом в любое время дня и ночи. Голландцы часто были не в состоянии ответить на вопросы японцев, многие из которых ставили их в тупик. Кроме того, следует учитывать и уровень переводчиков, знания которых ограничивались торговой и бытовой лексикой.

В назначенный для посещения сёгуна день подарки отправлялись на проверку. Затем голландская миссия торжественно прибывала в сёгунский замок. Поскольку только *даймё* имели право быть допущенными к сёгуну, аудиенции удаивался лишь глава фактории, которому был пожалован статус *даймё*, что рассматривалось как величайшая милость по отношению к иностранцам.

Вот как описывает Э.Кемпфер визит в Эдо, участником которого он был:

«Мы ожидали, стоя, в течение часа, пока император (так Э.Кемпфер ошибочно называет сёгуна Токугава Цунаёси. — *Ред.*) займет свое место в зале для аудиенции. Затем вошел Сипо-гами с двумя своими помощниками и провел нашего начальника пред императорские очи, нас же оставили ждать. Как только начальник наш вошел в зал, раздался громкий крик „Голланд-капитан“, что было знаком подойти ближе и низайше

поклониться. В соответствии с указанием он пошел на колени, опираясь о пол руками, к отведенному для него месту, между подарками, разложенными в надлежащем порядке, и возвышением, на котором восседал император. Затем, не поднимаясь с колен, он поклонился так низко, что коснулся лбом пола, и в той же позе должен был пятиться назад, словно краб, так и не вымолвив ни единого слова».

Спустя несколько часов голландцы вновь были вызваны в замок. Сёгун и его ближайшее окружение сидели, скрытые решетками, сделанными из тростника. Они были накрыты шелком, однако между полотнищами были оставлены большие щели, что позволяло наблюдать за голландцами. С точки зрения иностранцев, им задавали «наглые и нелепые вопросы». Их спрашивали о возрасте, заставили каждого написать свое имя на листе бумаги. Потом главу фактории спрашивали, каково расстояние от Голландии до Батавии и от Батавии до Нагасаки, кто обладает большей властью — глава Ост-Индской компании или «государь» Голландии. Самого Э.Кемпфера спрашивали, какие болезни представляют наибольшую опасность — внутренние или наружные, и что труднее вылечить; как он лечит раковые опухоли и внутренние нарывы. А вот его записи о поездках в Эдо в следующем, 1692 г.:

«После выполнения всех положенных церемоний, император приказал нам сесть прямо, снять наши плащи, назвать имена и возраст, встать, походить, повернуться кругом, спеть песни, поприветствовать друг друга, рассердиться, пообщедовать любезно как будто отец с сыном, продемонстрировать как два друга или муж и жена здороваются или прощаются друг с другом, изобразить игру с детьми, поносить их на руках, словом показать множество других вещей... Затем нас заставили поцеловать друг друга, как это делают муж и жена».

Несмотря на унижительный характер визитов, возможность видеть сёгуна и вручать ему подарки следует рассматривать как большую привилегию, которой никогда не удостаивались японские купцы, занимавшие самую низшую ступень социальной лестницы. Кстати, тот же Э.Кемпфер признавал, что не лучший прием оказывался и знатным *даймё*. Кроме того, голландцы тоже получали подарки от сёгуна и чиновников. Так, в апреле 1692 г. сёгун подарил им 30 «платьев» (*кимоно*?), *рёдзю* и другие чиновники также подарили им одежду. Кроме того, восприятие голландцами церемонии аудиенций как «унижительной» во многом объяснялось коренным отличием японского этикета от европейского. Но всяком случае, их согласие подчиняться местным обычаям, вне всякого сомнения, и обеспечило им столь длительное сотрудничество с *бакуфи*.

Сворачивание внешней торговли

Подобные шутовские представления прекратились лишь в конце XVIII в., когда ежегодные миссии в Эдо приобрели более формальный характер. После 1790 г. миссия приезжала раз в 4 года, однако, следует отметить, что и объем торговли тогда резко сократился.

Количество голландских судов, доставлявших в Японию шелк, пряности и другие редкие для Японии товары, которые закупались в Китае и Юго-Восточной Азии, постепенно уменьшилось. По данным, собранным Ф.Зибольдом, в 1609–1709 гг. Нагасаки посетило 480 голландских судов, а за последующее столетие (1709–1809) — всего только 70.

Сокращался и объем торговли. Первоначально голландцы, как, в свое время, и португальцы, получали плату за товары серебром. Со второй половины XVI в. и на протяжении всего XVII в. в Японию добывалось больше серебра, чем в любой другой азиатской стране. Вывозилось из Японии и золото. Но постепенно на первое место вышла медь. В XVIII в. на амстердамском рынке японская медь выполняла важную роль в торговых сделках.

Если в начале XVII в. внешняя торговля осуществлялась в небывалых масштабах, то в XVIII в. наблюдалось ее резкое сокращение. Так, в 1622 г. голландцы завезли в Японию товаров на сумму в 4579878 кан серебром, то в 1729 г. — 1477757 кан, а в 1789 г. — 593859 кан. В привозных товарах преобладали шелк сырец и сахар, но постепенно японцы сами начали производить эти товары, что позволило сократить их импорт. В 30-е годы XIX века Япония полностью прекратила завоз сахара.

Политику закрытия внутреннего рынка для иностранных товаров можно рассматривать как дальнейшее развитие политики изоляции страны. Но она преследовала и цель сохранить природные ресурсы и создать условия для развития собственного производства. Поэтому политика ограничения масштабов внешней торговли проводилась *бакуфу* вполне осмысленно. Однако голландцы, несмотря на ухудшение дел, не ушли из Японии. Свою монополию на торговлю им удалось сохранить до 1854 г.

Часть 3

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ

Тенденции развития японской культуры

Культура средневековой Японии объединила в себе разнородные, трудно совместимые явления. Элементы культур придворной хэйанской аристократии и военно-феодалов дворянства, разнообразные китайские влияния и активное воздействие идей буддийской школы дзэн — все это оказало воздействие на формирование мировоззрения и эстетических взглядов японцев.

За время, прошедшее после выдвижения на государственную авансцену военного сословия, эстетические идеалы самураев претерпели существенные изменения. Культ силы и воинских подвигов, освященный моралью *бусидо*, продолжал существовать, но аскетизм и суровая простота быта, характерные для XII—XIII вв., уже не соответствовали представлениям добившегося безраздельного господства в стране военного сословия. Все отчетливее проявлялось его стремление подражать стилю жизни хэйанской знати. Появилась тяга к роскоши, к изощренной, утонченной эстетике жизни, бывшей раньше предметом осуждения и даже презрения.

Немалое влияние на формирование эстетических принципов той эпохи оказало дзэнское монашество, буддийские монастыри, многие из которых были тогда культурными, просветительскими центрами.

Эволюция китайского влияния, прежде всего утрата дзэн чистой религиозности, свойственной периоду Камакура, содействовала изменениям мировоззренческих основ культуры Японии. Попытки связать пантеистические идеи дзэн с мифологией и космогонией *синто* нашли отражение в практике разнообразных искусств (садовое искусство, ландшафтная архитектура, чайная церемония, составление букетов и т. д.), когда отвлеченные религиозно-философские идеи воплощались в конкретных формах мира природы. Каждое из этих искусств пережило на японской почве в XIV—XVI вв. серьезную трансформацию, достигнув необычайно разработанного и совершенного уровня.

Сутью эстетической концепции периода Муромати стало обращение к красоте (*би*), постижение и постоянный поиск ее,

главным образом, в природе, как воплощении совершенства и идеале для человека.

Эта концепция отражала новый этап в процессе познания окружающего его мира и была попыткой определить свое место в нем. Новое видение мира давало человеку конкретные, осязаемые, приближенные к каждодневной жизненной практике ориентиры. Стремлении отразить богатство, красоту и неисчерпаемое разнообразие природы находило выражение в созидательной, творческой деятельности человека — архитектуре жилища, сада, прикладном искусстве и т. д.

Глава I

КУЛЬТУРА ПЕРИОДА КАМАКУРА

В эпоху Хэйан средоточием блестящей культуры была столица, а ее творцом и главным потребителем — придворная аристократия. Если же возникали дополнительные культурные центры, то их было очень немного, и они создавались по подобию Хэйан (например, Хираидзуми на севере страны).

Возникновение новых литературных жанров

После того, как во времена первого *бакуфу* на авансцену общественной жизни выдвинулись люди незнатного происхождения (например, род Ходзё), воспитанные вне классических материковых и созданных на их основе национальных культурных традиций, на поверхность культурной жизни были вынесены стадияльно более ранние пласты культуры. На первый план снова вышла устная традиция, которая сохраняла в Японии глубокие корни (существовали корпорации рассказчиков — *катарибэ*; кроме того, в буддийских храмах сложилась традиция устных проповедей — поучительных легенд *сацува*), но была отодвинута на второй план бурно развивавшейся письменной культурой. В результате вышло так, что в истории японской литературы роман хронологически предшествовал эпосу (точнее, игравшей в Японии роль эпоса историко-героической повести), а не следовал за ним, как в романо-германских, персоязычной или санскритской литературах.

В период Камакура возник особый жанр устного рассказа — *катаримоно*. С конца XII в. по дорогам Японии бродили *бива хёси* (монахи с *бива* — струнным музыкальным инструментом). Они

рассказывали о недавно отшумевших сражениях, о ратных делах. При этом, в отличие от хэйанской литературы, бытовавшей лишь в столице, устные повествования исполнялись по всей территории страны и были доступны повсюду, куда доходил сказитель.

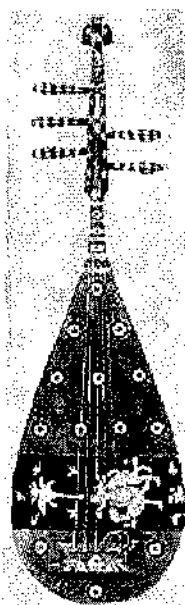
Постепенно эти поначалу разрозненные повествования оформились в письменный жанр историко-героической повести *гунки*. Видимо, первым произведением этого жанра была повесть «Хёгэн моногатари» («Сказание о годах Хёгэн», XII в.), посвященное междоусобной борьбе 1156 года.

Превратившись в произведения для чтения (*ёмимона*), *гунки* включали в себя дополнительные хроникальные и нравоучительные отрывки. Дело в том, что сказания записывали чаще всего буддийские монахи, но, вероятно, не те, что бродили с *бива*, а выходцы из *кугэ*, или, во всяком случае, люди образованные. Поэтому при записи сказы утрачивали свой первоначальный вид: записывавшие их люди стремились изложить услышанное как можно более грамотно и литературно. Что-то дополнялось, многие эпизоды уточнялись; при этом использовались старые хроники и дневниковые записи.

Менялся и язык, на котором записывались произведения. Если язык хэйанской прозы и поэзии по лексике был чисто японским, и примесь китайских слов в нем была количественно незначительной, то теперь в речь прочно вошел слой китайской лексики, связанный в первую очередь с буддизмом. Таким образом, язык воинских эпопей стал важнейшим этапом формирования японского национального языка, в котором оказались органично слиты воедино две разные по корневому составу и происхождению лексики — своя (японская) и чужая (китайская).

В XIII в. в жанре *гунки* родились две большие эпопеи — «Хэйкэ моногатари» («Повесть о доме Тайра») и «Гэмпэй дзёсуйки» («Записи о расцвете и упадке Минамото и Тайра»), посвященные событиям конца XII в. В последующие эпохи жанр продолжал развиваться и в нем были созданы еще многие произведения.

Другим заметным жанром в период первого сёгуната были исторические повествования (*рэкиси моногатари*). В XII–XIV вв. в нем было написано 3 произведения: «Имакагами» («Нынешнее

Бива

зерцало», первая половина XII в.), «Мидзу кагами» («Водное Зерцало», 90-е гг. XII в.), «Масу кагами» («Ясное зеркало», вторая половина XIV в.). Их авторами был использован жанровый прием «Кодзики»: события прошлого представлялись в изложении старца (следует учитывать, что по синтоистским представлениям облик старцев часто принимают божества).

Одновременно было написано первое собственно историческое сочинение — «Гукансё» («Мои личные выборки», 1220 г.). Это первое в средневековой Японии сочинение, посвященное философии истории. Автором его был Дзиэн, сын *камлаку* Фудзиварано Тадамити и брат Кудзё Канэдзанэ. Он был настоятелем монастыря Энрякудзи и главой школы Тэндай, знаменитым поэтом и мыслителем. 92 стихотворения-*танка* Дзиэн были включены в поэтическую антологию XIII в. «Син кокин накасё».

В «Гукансё» излагаются исторические события начиная от легендарного императора Дзимму до «нынешних годов Дзёккё», а последний свиток посвящен объяснению характера движения истории. Силой, приводящей в движение государство и влияющих на его судьбу синтоистских и буддийских божеств, автор считал *дори* (принцип, причинная связь). *Дори*, по представлению Дзиэн, пронизывает всю историю, придает ей смысл и сообщает направление развития.

Наряду с этим Дзиэн стремился определить на историческом материале циклы улучшения и ухудшения положения дел в государстве и найти меры, которые позволили бы смягчить эти процессы. Таким образом, Дзиэн как бы предлагал более оптимистическую альтернативу господствовавшей тогда буддийской концепции «трех этапов Закона» с ее эсхатологическими ожиданиями всеобщего разрушения и хаоса.

Изобразительные искусства и архитектура

В период Камакура темы и жанровые особенности японской живописи претерпели определенные изменения. Созвучным литературному жанру *гунки* оказался возникший в изобразительном искусстве жанр *эмакимоно* — живописи на длинных горизонтальных свитках. Это были драматические, полные динамики изображения, иллюстрировавшие события, о которых рассказывалось в историко-героических повествованиях. Они разительно отличались от статичной хэйанской живописи, в центре внимания которой находились настроения и эмоции персонажей.

Ярким явлением как в скульптуре, так и живописи периода Камакура был портрет. Впервые в истории японского искусства появились нерелигиозные изображения реальных людей. Это были портреты военачальников — Минамото Ёритомо, Ходзё Токиёри и др.

В области архитектуры воины-буси не смогли выдвинуть собственных эстетических концепций. Для периода Камакура было характерно обращение к монументальным формам прошлого — к эпохе Нара с ее памятниками, воплощавшими в себе мощь и стабильность государства. Именно в то время были построены в полном соответствии с классическими принципами нарского зодчества сохранившиеся до наших дней ворота Нандаймон монастыря Тодайдзи с колоссальными статуями охранителей Нио.

Особенность камакурской архитектуры заключалась в смешении стилей как в религиозных, так и в светских сооружениях. Новой, пожалуй, была архитектура дзэнских храмов — с высокой кровлей, с закругленными окнами; на первый взгляд, она выглядела вполне традиционно, но была более простой, суровой.

* * *

В эпоху Камакура в политической и общественной жизни существовали два мира — *кугэ* и *букэ*, и культура естественно отражала это положение.

Хэйан продолжал жить по своим законам. Продолжали выходить поэтические антологии, происходили поэтические турниры. В 1198 г. после того, как император Готоба отрекся от престола, он стал заниматься науками, сочинять стихи и покровительствовать поэзии. В 1201 г. он организовал *вакадокуро* — ведомство поэзии. В конце того же года 6 члнов *вакадокуро* приступили к составлению новой антологии, впоследствии получившей названия «Син кокин вакасё» («Новое собрание старых и новых японских песен» — по названию поэтической антологии 905 г. «Кокин накасё»). В этом собрании представлены и новые стихотворения, и те, что вошли в более ранние антологии, начиная с «Кокинсё». Больше всего включено стихотворений Сайрё (94), Дзэн, Фудзивара-но Ёсичунэ, Фудзивара-но Сюдзэй, принцессы Сикиси-найсиннō и Фудзивара-но Тэйка. Новым в антологии был принцип *онкадори*, когда в стихотворении цитировалась строка из произведения другого поэта — современника или предшественника. Возможно, таким образом составители антологии желали подчеркнуть непрерывность, сохранность традиции в условиях общественного кризиса.

Глава 2

КУЛЬТУРА ПЕРИОДА НАМБОКУТЁ

Литература XIV в.

Исторические и героические повести

Общественные перемены нашли свое отражение в литературе периода Намбокутё. События противостояния двух императорских дворов описаны в «Масу кагами» («Ясное зеркало», 1368–1374) в жанре *рэкиси моногатари*, в «Тайхэйки» («Повесть о великом мире», XIV в.) — одном из последних произведений жанра *гунки*, в «Байсё рон» («Размышление о сливе и сосне», около 1349 г.), «Дзиннё сётёки» («История правильной преемственности божественных монархов», 1339–1343). Авторы этих произведений описывали одни и те же события, свидетелями или участниками которых они были сами, но делали это с разных точек зрения.

Считается, что автором «Масу кагами» был Нидзё Ёсимото, известный поэт, сочинявший *рёнга* — стихотворные «цепочки». Это произведение написано по-японски, слоговым письмом, от лица старой буддийской монахини. Автор «зеркала» был сторонником южного двора. Рассказ начинается с правления императора Готоба и завершается возвращением в 1333 г. в столицу из ссылки императора Годайго. В тексте детально описана жизнь при дворе, а также включено множество заимствований из произведений хэйанской литературы («Повесть о Гэндзи», «Дневник Мурасаки Сикибу», «Непрощеная повесть»).

«Тайхэйки» — эпос, первоначально существовавший в устной традиции, записанный смешанным японо-китайским стилем. Кроме рассказа о событиях междоусобных войн XIV в., он включает себя многочисленные сюжеты и поучительные истории из китайской классики и буддийской литературы. Структурно повесть делится на три части: от планов Годайго свергнуть власть Ходзё, реставрации Кэмму 1333 г. — первые 12 свитков; разделение императорского двора на южный и северный, смерть Годайго — свитки 13–21; формирование сёгуната Асикага, правление северного двора — свитки 22–40. Симпатии авторов этой повести т

же находились на стороне южного двора, хотя они и стремились сохранить позицию объективных наблюдателей.

Авторами литературных произведений по-прежнему были выходцы из аристократических домов. Однако, появился и новый тип творца культуры — поэт-мыслитель-воин. В их числе можно назвать Имагава Садаё и Китабатакэ Тикафуса.

Китабатакэ Тикафуса — представитель знатного аристократического рода Мураками Гэндзи — был автором «Дзиннō сётōки». В сочинении основное внимание уделяется не историческим событиям как таковым, а проблеме наследования императорского трона. Преемственность императоров от Дзимму до Гомураками, сына Годайго, является стержнем всего повествования. Идея исключительности Японии как страны богов, впервые выдвинутая теоретиком синтō Ватараи Юкитада в «Синтō гобусё», является ключевой и в произведении Китабатакэ Тикафуса, который был активным сторонником южного двора, ближайшим советником Годайго.

«Байсё рон» — единственное из перечисленных произведений, написанное либо членом дома Асикага, либо его сторонником, и, соответственно, излагает события с точки зрения *бакуфу* и северного двора.

В тот же период появилась разновидность «героической повести» *гунки*, в которых повествовалось уже не о столкновениях военных кланов, а о личных взаимоотношениях героев. К ним относятся «Сога моногатари» («Повесть о братьях Сога») и «Гикэйки» («Сказание о Ёсидзунэ»).

Развитие других жанров Продолжали развиваться и другие литературные жанры — такие, как, например, *дзуйхицу*, величайшим произведением которого считается «Шурэдзурэгуса» («Записки от скуки»), написанные XIV в. Кэнкō-хōси. Это было буддийское монашеское имя известного в начале XIV в. поэта Урабэ-но Канэёси, принадлежавшего к одной из ветвей дома Накатоми. Канэёси занимал должности при дворе императора Гонидзё. Затем он постригся в монахи, долго странствовал, а потом поселился в провинции Синано. «Записки от скуки» стали известны после смерти автора и стали одним из самых популярных произведений японской литературы.

Жанр *рэнга* («стихотворные цепочки») произошел от *танка* и повторял его размер (5-7-5 слогов в первом куплете и 7-7 слогов во втором). Считается, что первые стихотворения этого жанра принадлежат легендарному Ямато такэру-но микото и включены в «Кодзики» и «Нихон сёки». В конце периода Хэйан и в эпоху Ка-

макура при дворе во время состязаний сочинялись длинные цпочки от 50 до 100 куплетов.

Новый расцвет жанра пришелся на конец XIII в. Тогда же стали популярными состязания мастеров *ранга* «под цветами», в период цветения вишни-сакура. Существовали особые правила при сочинении *ранга*: размеры стихотворения, заданные состязанием (2, 50, 100) куплетов, определенное время года в качестве темы.

Крупными мастерами *ранга* считались Нидзё Ёсимото и Кюсэй. Оба поэта были известны как сочинители *танка*. Нидзё Ёсимото был также автором трактатов по поэтике. В 1357 г. они составили первый сборник *ранга* «Цукуба сб». Он включал в себя 2170 стихотворений 468 поэтов. Больше всего стихов принадлежало Кюсэй (118), монашествующему принцу Кадзии-но мия (9), Нидзё Ёсимото (87), Фудзивара-но Тамэиэ (37), Фудзивара-Тэйка (25). Впервые в антологию были включены стихотворения воинов и поэтов низших сословий.

Особо необходимо отметить *госан бунгаку* — «литературу пяти монастырей», возникшую еще в XIII в. и бурно расцветшую в XIV в. Литература создавалась на китайском языке, была разнообразна с точки зрения жанров. Примерно половину ее текстов составляли «записи речей» (*гороку*), т. е. проповеди наставников дзэн, и их беседы с учениками; включались в них и поэтические сочинения покойных монахов. Кроме того имелись жизнеописания, истории храмов и монастырей, хроники, дневники, эссе, поэтические заметки, комментарии к буддийским сутрам, философские трактаты, уставы монастырей, учебные пособия по китайскому стихосложению и словари дзэнских терминов. Вторая половина XIV в. считается периодом расцвета этой литературы, связанным с творчеством Гидё Сёсин и Дзэкай Тёсин.

Гидё Сёсин происходил из семьи потомственных знатоков конфуцианской классики и дзэн-буддизма. Он был одним из ведущих ученых своего времени и признанным поэтом. Ему приписывают авторство 1739 стихотворений и 476 разных прозаических произведений — комментариев, поучений и др. После 1380 г. он читал Асикага Ёсимицу лекции по конфуцианской классике и дзэн-буддизму, а с 1386 г. стал настоятелем главного храма в системе *госан*.

Стихи Дзэкай Тёсин были собраны в антологию «Сёкэн ко» («Рукопись Сёкэн»; Сёкэн — поэтический псевдоним), которая считается одной из вершин поэзии *госан бунгаку*. В антологию включены как стихотворения, так и прозаические отрывки.

Развитие театрального искусства

К концу XIV в. в японской культуре оформились новые направления, новые жанры, изменившие ее лик. Хотя религия оставалась основой мировоззрения средневекового японца, но произошло как бы «обмирщение» культуры, что во многом было следствием возросшего влияния дзэн-буддизма на весь комплекс религиозных представлений.

Сцена из спектакля театра Нё

Синтезом всего дзэнского искусства является *нёгаку* — театральное искусство, возникшее в XIII в. на основе *саругаку*, комплексных представлений, включавших в себя песни, танцы, акробатику, фокусы. Пьесы для театра Нё первоначально существовали в устной традиции и были записаны не ранее второй половины XIV в., после чего получили название *ёкёку*.

Основателями жанра считаются Канъами (Сабурё Киёцугу) и Дзэами Мотокиё. Они были и драматургами-авторами пьес, и ак-

терами-исполнителями главных ролей, и режиссерами, и преподавателями своего искусства.

Представления театра Нё разыгрывались на специально оборудованных подмостках, приподнятых над землей, окруженных балюстрадой и закрытых высокой черепичной крышей, закрепленной на четырех столбах. В представлениях Нё важны музыка, движения, танец, слово, маски, костюмы. Речь актеров на сцене отличается манерой и тембром. В перерывах между постановками пьес, иногда между актами, исполнялись короткие одноактные фарсы *кёгэн* («безумные слова»). Речь актеров *кёгэн* была приближена к повседневной, даже простонародной речи, в текстах юмор ситуаций сочетался с игрой слов.

Одна из масок
театра Нё

Спектакли Нё собирали большие аудитории самого разного социального состава и культурного уровня. В 1374 г. представление Нё посетил Асикага Ёсимицу, и оно произвело на него настолько сильное впечатление, что сёгун стал покровителем сценического искусства.

Тенденции в архитектуре

Буси, во всяком случае их верхушка во главе с сёгунами Асикага, испытывали желание соответствовать представлениям о величии и великолепии, сложившимся при императорском дворе. Это проявилось, в первую очередь, в архитектуре и декоративном искусстве. Дворец Асикага Ёсимицу, построенный в Киото в квартале Муромати и давший название всему периоду существования второго *бакуфу*, был построен в 1381 г. в стиле хэйанских дворцов (*синдэн дзукури*), что символизировало высокий ранг его хозяина.

Золотой павильон (Кинкакудзи)

Видимо, высшим проявлением этого стиля был дворцовый комплекс Китаяма, который дал название целому периоду японской культуры (с середины XIV в. по первую четверть XV в.). Он состоял из нескольких зданий и множества павильонов, расположенных в парке. Главное здание было построено в стиле *синдэн дзукури* и соединялось с другими помещениями двойной галереей. При жизни Ёсимицу в этом дворце происходили различные увеселения, а в конце жизни сёгуна, после того, как он удалился на покой, он стал его резиденцией. До наших дней от всего комплекса сохранился только Кинкакудзи («Золотой павильон»), построенный в 1398 г.

Золотой павильон относится к числу наиболее известных построек XIV в., сохранившихся до нашего времени. Своим названием павильон обязан тому, что его стены снаружи и внутри покрыты позолотой и лаковой росписью. Он входил в комплекс загородного дворца, построенного в 1398 г. сёгуном Асикага Ёсимицу. Квадратное в плане здание, увенчанное двумя крышами, крытыми корой дерева *хиноки* (японский кипарисовик), напоминает китайские дворцовые павильоны того времени. Однако подчеркнутая обнаженность конструкции — тонкие опоры и кронштейны, простые ограждения террас и обходных балконов, раздвижные двери, отражение павильона в водах пруда, создающее впечатление легкости всего сооружения, — все это были черты, характерные для национальной японской архитектуры. Композиция первого этажа еще сохраняла дворцовый стиль периода Хэйан (*синдэн*) с единым внутренним пространством, разделенным лишь колоннами тонких деревянных опор; второй, закрытый этаж использовался как салон музыки и поэзии; третий представлял из себя часовню.

После смерти Ёсимицу в 1408 г. комплекс дворцовых построек, в который входил Кинкакудзи, был превращен в буддийский храм Рокуондзи. В настоящее время Золотой павильон и многочисленные беседки в окружающем его обширном парке полностью восстановлены.

Глава 3

КУЛЬТУРА XV—XVI вв.

Важной чертой нового эстетического идеала, основанного на принципах учения дзэн, стало умение видеть прекрасное в малом, самом обыденном и повседневном, ценить не внешнюю броскую яркость, а приглушенную красоту простоты, составляющую, согласно этим представлениям, внутреннюю сущность предметов.

Наиболее ярко свидетельства нового мировоззрения проявились в архитектуре и искусстве конструирования садов.

Архитектура и садовое искусство

Подлинных сооружений периода Муромати до наших дней не дошло, однако представление об архитектуре того времени можно составить по сохранившимся в Киото (хотя и со значительными перестройками) монастырям Нандзэндзи, Дайтокудзи, Тёфукудзи, а также по резиденциям сёгунов Асикага — Кинкакудзи и Гинкакудзи (Золотому и Серебряному павильонам).

Дворцовое строительство Серебряный павильон (Гинкакудзи), построенный в 1468 г. в восточной части Хэйан для сёгуна Асикага Ёсимаса, представлял собой важный этап в эволюции жилой архитектуры. Его интересной особенностью было не имевшее прецедента соединение культового и жилого помещений в одном здании: первый этаж Серебряного павильона занимали жилые помещения, на втором размещался буддийский храм.

Такое решение было, в значительной мере, связано с влиянием идей буддийской школы дзэн и формированием к тому времени ансамбля дзэнского монастыря.

Быстрое распространение дзэнского вероучения объяснялось прагматизмом и земным характером ее проповедей, отрицавших такие способы постижения истины, как обрядность, чтение священных текстов, поклонение иконам и т. д. Истина таким образом становилась общедоступной, она открывалась любому как просветление, озарение (*сатори*), достижимое с помощью концентрации воли, либо внутренней сосредоточенности, либо достижения совершенства в выполнении любого из обыденных житейских дел.

В соответствии с этой доктриной изменилось и отношение к храму, произошло его приближение к жизни японца. Характер-

ными чертами культового зодчества стали крайняя строгость и скромность, полностью исключавшие пышность и яркость декоративного убранства, торжественную помпезность храма-дворца раннего периода распространения буддизма в Японии. Перестало быть обязательным строительство пагоды, которую заменило скромное хранилище реликвий (*сяридэн*), почти полностью был упразднен алтарь, украшенный разнообразной скульптурой.

Серебряный павильон (Гинкакудэн)

В то же время, поскольку постижение истины стало возможным в обыденной жизненной практике человека, повысилась эстетическая значимость самых обычных жилых и подсобных сооружений, входящих в комплекс буддийского монастыря — жилья монахов и настоятеля, бани, кухни и т. д. Они были столь же важны по своей эстетике, как и храмовые павильоны.

Эта равноценность с точки зрения дзэнской доктрины и нового эстетического идеала и сделала возможным соединение жилого и храмового помещения в Серебряном павильоне.

**Архитектурный
стиль сёин**

Важная роль, которую сыграл Серебряный павильон в эволюции жилой архитектуры, заключалась также в том, что он выявил и

сконцентрировал основные архитектурные принципы японского национального жилища, окончательно сложившегося к концу XVI века и во многом сохраненного современным традиционным жилым строительством Японии. Он объединял в себе черты дворцового стиля *синдэн* с элементами новых жилых сооружений, так называемых *сэин*, или *сэин дзукури*.

Название стилю, элементы которого впервые появились в Серебряном павильоне, дало помещение для занятий типа кабинета — *сэин*. Он выделялся из главной комнаты поднятием уровня небольшой части пола. На задней стене его встраивалась широкая ниша (*токонома*), в которой была полка (*тана*, *тигайдана*) для книг и письменных принадлежностей, а широкий подоконник прорезанного в боковой стене в ниши окна служил письменным столом. Там же находилось место для *мэйбуцу* — декоративного украшения, роль которого мог выполнять свиток живописи, образец каллиграфии или ваза с букетом цветов. Составление букета для *токонома* требовало высокого мастерства и точного знания тщательно разработанной символики. Каноны этого искусства были заимствованы из Китая, но японские мастера, прежде всего Икэнобб из Киото, ставший родоначальником национальной школы *икэбана*, внесли в систему аранжировки цветов свое понимание.

Позднее в домах богатых феодальных семей *сэин* превратился в зал торжественных церемоний, оформленный символами и эмблемами власти. В постройках в стиле *сэин* помещения имели разные уровни пола: чем важнее по назначению было помещение, тем выше в нем поднимался пол. В дворцовых сооружениях со сложной планировкой нередко было 3, 4 уровня или больше. Например, в *сэин* дворца сёгуна пол имел постепенно поднимающиеся уровни к залу церемоний, где пребывал сёгун.

Дворцы в стиле *синдэн*, которые строились для аристократов периода Хэйан, представляли собой, по словам японского архитектора Тангэ Кэндзё, «немногим более, чем большое пустое пространство, покрытое кровлей». Все внутреннее пространство в них оставалось единым и разделялось на отдельные части по мере подобности ширмами и занавесами. Здания *сэин дзукури* обладали большей замкнутостью. Их интерьер расчленялся *фусума* (раздвижными дверями с деревянным каркасом, покрытым тканью или бумагой). Они могли разделять весь внутренний объем на ряд помещений, функциональное назначение и размеры которых варьировались в зависимости от потребностей. Раздвигая *фусума*, обитатель такого жилища по своему усмотрению менял интерьер. Помещение то делилось на мелкие части, то расширялось.

Пространство в таком интерьере было гибко, динамично. Отсутствие стационарных перегородок делало его «живым», давало возможность трансформировать его во всех направлениях.

Начиная с Серебряного павильона в зданиях *сёин* стали использоваться скользящие деревянные двери (*амадо*) и раздвижные стены (*сёдзи*). *Сёдзи*, так же как и внутренние раздвижные перегородки (*фусума*), представляли собой деревянную решетку. При этом *сёдзи* оклеивались с наружной стороны рисовой бумагой, пропускающей свет, а *фусума* — непрозрачной бумагой с обеих сторон.

Подвижность интерьера определяла минимальную заполненность его предметами быта. Очаг с деревянной решеткой (*котацу*) или жаровня с углями, которую ставили в углубление в полу в холодное время, небольшой столик *цукцэ* и несколько подушек для сидения обычно составляли все убранство. Предметы ежедневного обихода, включая спальные принадлежности, хранились в стенных шкафах (*кура*) и доставались оттуда по мере надобности.

Результатом было лаконичное — на взгляд иностранца совершенно пустое — помещение. Однако при этом интерьер не выглядел скудным. Тщательность отделки потолка, стен, раздвижных перегородок вела к тому, что они сами по себе казались украшением. Той же задаче создания утонченного интерьера служила искусная игра света и тени. Дневной свет, проникавший сквозь *сёдзи* и *фусума*, создавал мягкое рассеянное освещение, которое выгодно подчеркивало чистоту форм и конфигурацию не заполненных предметами объемов.

Для стиля *сёин*, достигшего расцвета к концу XVI в., было характерно соединение нескольких зданий под разными крышами. В отличие от дворцовых павильонов *сикдэн*, поднятых на высоких столбах, сооружения *сёин* были лишь незначительно приподняты над землей. Они имели также боковое крыльцо (*гэнкан*), где обычно оставлялось оружие, а впоследствии — обувь, которую снимали при входе в дом.

Пол был покрыт (тоже нововведение) *татами* — матами из рисовой соломы, плотно уложенной в тростниковую раму. Размер *татами* был стандартным (0,9×1,8 м) и стал служить модулем для определения площади помещения.

Садовое искусство Японский интерьер отличался еще одним качеством — его внутренний объем был рассчитан на гармоничное слияние с внешним пространством. Традиционный дом — это, по существу, единое пространственное решение и внутреннего помещения, и внешнего пространства,

рассматривающегося как закономерное его продолжение. Когда раскрываются стены, гибкое, динамичное пространство интерьера свободно «выливается» в сад. Естественный переход от одного объема к другому — открытая терраса-энгава. Она дает возможность саду, сконструированному с той же предельной лаконичностью, зрительно «войти» в дом и соединиться с интерьером.

Если человеку, сидящему на энгава, сад открывается до деталей продуманной картиной, то и дом со стороны сада также выполнен так, чтобы выглядеть гармоничной деталью ландшафта. Чтобы строение смотрелось составной частью окружающего, дом ставили не на землю, а на сваи, часто опирающиеся на замшелые камни. Это создавало впечатление естественного соединения здания с землей. Строители, стремясь активно ввести жилье в природное окружение, строили приподнятый на сваях дом возле маленького водоема, в воде которого он отражался. Через распахнутые сёдзи в жилье проникал запах трав, шум сосен и зов цикад.

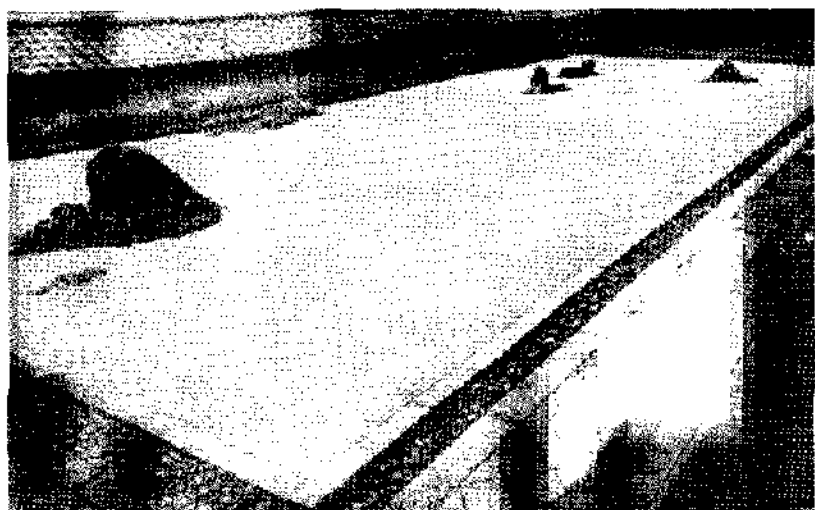
В связи с этим искусство создания садов претерпело значительные изменения. Сады, ранее рассчитанные на праздничные гуляния, уменьшились в размерах. Теперь они были предназначены для уединенных прогулок или созерцания с террасы дома (энгава), которая соединяла интерьер с садом.

Сложились новые каноны построения сада, его символика. Вокруг монастырских зданий или резиденций высших самураев разбивались пейзажные сады, задачей которых было не воспроизведение конкретных естественных пейзажей или случайных природных сочетаний, а создание гармонического целого, несущего определенный философский смысл.

Проектировали такие сады художники, дзэнские монахи, умело вводившие в асимметричную планировку камни, песок и гравий, причудливые скалы, деревья, кустарники, ручьи и водопады, искусственные холмы и водоемы.

Первоначальный сад вокруг Серебряного павильона (сейчас его окружает другой) проектировал художник-монах Сбами. Он использовал принципы организации садового ансамбля с меняющимися пейзажами, установленные известным мастером садового искусства XIV в. монахом Мусō Сосэки.

Наиболее известными шедеврами садового искусства являются сады киотоских монастырей Тэнрюдзи, Дайтокудзи, Дайгодзи и Сайхōдзи (Храм мхов). В последнем в 1339 г. Мусō Сосэки разбил сад, главным украшением которого стало более 50 видов мхов, поражающих необыкновенной цветовой гаммой, переходом оттенков от золотистого до густо-черного.

Сад камней в храме Рёандзи

В XV в. в Японии получили распространение так называемые сухие сады из камня и песка. Из растительности в таком саду могли быть использованы различные виды мхов, покрывающих камни. Сухие сады обычно разбивались на небольшой территории и были предназначены не для прогулок, а для созерцания, для философских размышлений. Наиболее известным является Сад камней при монастыре Рёандзи (XVI в.), сооруженный выдающимся художником монахом Сёами. На огражденной с трех сторон небольшой площадке (218 кв. м), засыпанной белым гравием, асимметрично расположены 15 камней различной формы. Сложная композиция из глыб, поросших мхом, и камней задумана так, что, какую бы позицию ни занимал человек, сидящий на террасе монастыря, 15-й камень все время ускользает из его поля зрения, «прячется» за другими. Сад-символ наглядно демонстрирует положения дзэнской доктрины — непознаваемость мира, ускользающую истину познания, что-то всегда еще остающееся неоткрытым для человека.

**Замковая культура
Адзуты-Момояма**

Период правления Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси отличался широко развернувшимся строительством замков.

Так, у Ода Нобунага, кроме родового замка в Нагоя, было несколько других — в Киёсу, Гифу и, наконец, специально постро-

енный им замок в Адзути, который положил начало новому строительно-архитектурному и художественному стилю, получившему название «культура Адзути-Момояма».

Место для замка было выбрано в провинции Оми, правитель которой Асаи Нагэмаса был убит, сражаясь с Нобунага. Расположенный неподалеку от столицы, вблизи огромного озера Бива, он занимал выгодную стратегическую позицию — мимо него проходила дорога в северо-восточную часть страны.

Строительство замка Адзути было окончено в январе 1576 г. Бремя расходов несли самураи пяти провинций в районе Киная, а также провинций Овари, Мино, Исэ, Микава, Этсидзэн, Вакаса. Плотников и мастеровых других специальностей набрали в Киото, Нара, Сакаи, в провинции Оми; это были настоящие мастера своего дела. Крышу крыли на китайский манер под руководством иноземца — китайца. Замок отличался мощнейшими укреплениями. Его стены поднимались на 22-метровую высоту, а башня (*тэнсюокаку*) была сложена из огромных камней.

Канбō Эйтоку. *Сиси* (мифологические львы). Конiec XVI в.

Отделка внутренних покоев Адзути отличалась высокой художественной культурой. Замок был украшен прекрасными произведениями прикладного искусства из металла — результатом труда множества талантливых живописцев, скульпторов, резчиков по дереву и камню. Более трех лет стены в башне замка расписывал знаменитый художник Канбō Эйтоку. Эти его произведения, к сожалению, до наших дней не дошли. Сохранилась только складная ширма «В столице и вне ее», написанная в 1574 г. по

приказу Нобунага, который подарил ее *даймё* Уэсуги Кэнсин. На ней изображены улицы и окрестности Киото, бытовые сценки.

Замок Адзуты был разграблен и сожжен в 1582 г. войском Акэти Мицухидэ, от него сохранились лишь развалины стен и остатки фундамента.

* * *

Строительство замков с высокими каменными сторожевыми башнями (*тэнсюкаку*), с лабиринтом каменных проходов, рассчитанных на то, чтобы задержать противника, с огромным каменным цоколем — стеной, обрывавшейся в глубокий заполненный водой ров шириной 7–10 м, обычно относят к периоду после появления в Японии европейцев (1542 г.) и, как правило, связывают с заимствованием западной строительной техники, прежде всего знакомству с каменной кладкой.

Однако исследования последних десятилетий, в ходе которых были проанализированы строительно-архитектурные особенности 100 дошедших до наших дней японских замков, позволяют с уверенностью сказать, что практика подобного строительства была знакома японцам задолго до появления в стране португальских инженеров.

Каменная кладка использовалась японскими строителями еще в период Хэйан при сооружении буддийских храмов, которые, в отличие от синтоистских святилищ, обычно возводились на высоких каменных фундаментах. Что касается сооружения укрепленных городов с использованием камня в качестве строительного материала началось вместе с возникновением феодальных княжеств — раньше, чем на Японских островах появились европейцы.

Одним из самых ранних замков, сохранившихся до наших дней, является Инуямадзё в префектуре Айти, построенный в 1530 г. Сооруженный за 12 лет до появления португальцев на юге Японии, он имеет ту же конструкцию, что и его более поздние собратья — башня *тэнсюкаку* на мощном каменном цоколе, что раньше рассматривалось как прямое свидетельство влияния иноземной строительной техники.

Впрочем, это не означает, что европейское влияние было незначительным. Появление в Японии европейцев в середине XVI века привело к тому, что камень стал широко используемым строительным материалом. При участии португальских инженеров в разных пунктах Японии стали возводиться неприступные каменные крепости с использованием последних достижений фортификационной техники Запада, и в то же время несущие на толстых стенах изогнутые крыши старых феодальных дворцов.

На первых порах замки выглядели весьма необычно в низком, одно-двухэтажном деревянном городе. Мощные башни *тэнсюкаку* имели до 7 этажей, и уходящие ввысь чередующиеся изогнутые крыши и треугольные фронтоны создавали постепенно сужающийся кверху силуэт. Однако вскоре белые стены замков стали неотъемлемой частью городского пейзажа средневековой Японии. Ослепительно белые массивные сооружения с черепичными загнутыми крышами и позолоченными коньками перестали смотреться чем-то чужеродным и заняли свое место в городской застройке.

Такие замки были построены в Нагоя, Ōсака, Хёго, Эдо. Но самым известным стал замок в Ōсака, сооружение которого началось в 1583 г. по приказу Тоётоми Хидэёси.

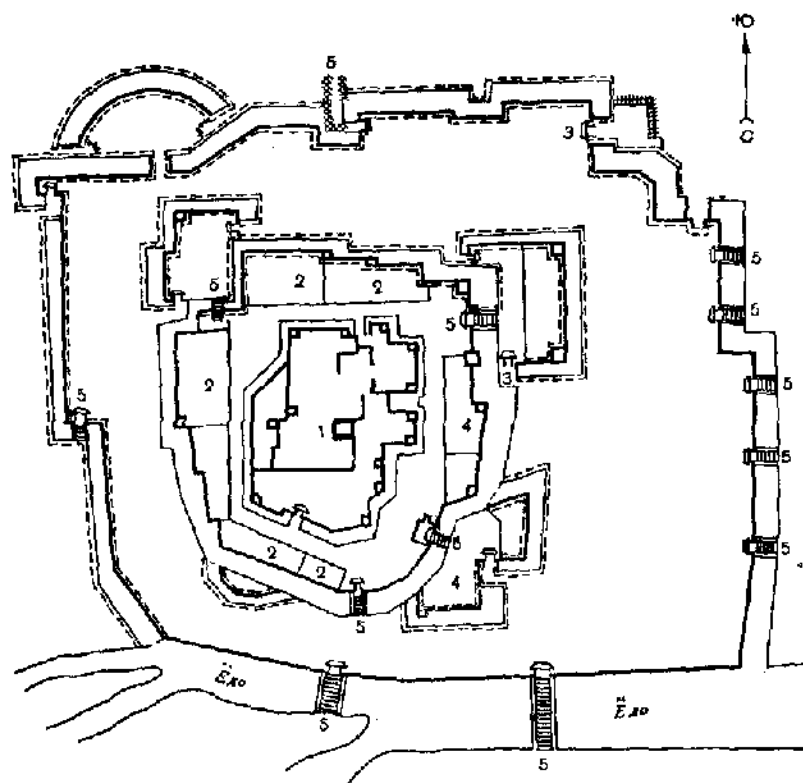
Тоётоми Хидэёси начал строить Осацкий замок после того, как полностью подчинил себе всю Японию — после своих завоевательных походов на острова Сикоку и Кёсю, в центральный и северный районы о-ва Хонсю. Замок должен был символизировать его могущество (он был хорошо виден даже с Авадзи, большого острова во Внутреннем Японском море) и одновременно стать неприступной крепостью — Хидэёси не исключал возможности неожиданных мятежей.

Немалую долю материальных затрат по строительству замка Хидэёси возложил на своих вассалов. Тридцати самым крупным феодальным владениям была вменена в обязанность поставка камня на строительство.

Основной объем строительных материалов перевозили на кораблях. Каждый день 200 груженных камнем кораблей отправлялись в Сакаи, а оттуда их груз перевозили по суше в Ōсака. Как свидетельствуют документы, в конце лета 1583 г. дорога Кавати была буквально забита повозками с камнем и людьми, переносившими мешки со щебнем на своих плечах.

Один из *даймё* — Катё Киёмаса — проявил свое особое усердие тем, что доставил большое количество огромных камней для массивного цоколя замка. На транспортировку с п-ова Сэдо одного такого камня высотой 6 м, длиной 14,5 м, и площадью 87 кв. м ушло несколько месяцев.

Замок строился 3 года. Он считался самой неприступной крепостью в стране после замка в Хёго (совр. Кōбэ). Под руководством португальских инженеров и под непосредственным наблюдением Хидэёси несколько тысяч строителей создали тройную систему укреплений.

----- Уничтожение укреплений замка после зимней Осакской кампании	2 Жилые строения и дворцовые комплексы семьи Хидэеси и их приближенных
1 Тэнсёнаку — главная башня Осакского замка	3 Храмовой комплекс
	4 Оружейные склады
	5 Мосты

Карта-схема Осакского замка

Внешняя их полоса представляла собой опоясывающий всю территорию крепости глубокий 12-метровой ширины ров с высоким земляным валом, за которым шли каменные стены с многочисленными бойницами. Мощные бастионы, площадки для сбрасывания камней, перекидные, подъемные мосты и земляные валы трижды были повторены в каждой из полос укреплений. На самой высокой точке холма за мощной стеной из огромных, плотно при-

гнанных друг к другу глыб возвышался главный замок. Стена, круто обрывавшаяся в воду крепостного рва, достигала 31 м в высоту, а часть ее на крутом склоне холма была высотой 21 м.

Цокольный этаж замка по распоряжению Хидэёси клался в 2–3 мощных камня. Такую стену не могло пробить даже самое большое ядро. Однако внешне замок казался легким и светлым. Над мощным, сурового вида каменным цоколем на 14-метровую высоту поднималось 5-ярусное здание. Золотые украшения на фронтонах ярусов и голубая черепица чуть изогнутых крыш сочетались с традиционными для национального зодчества белыми и темными тонами — белое поле стен геометрически четко членилось графически безупречной, легкой линией крыш, перечеркивающих корпус замка.

В замок вели 3 входа, через которые проходили войска. Кроме того, было еще трое ворот, служивших для торжественного выезда и хозяйственных нужд. Верхнюю часть главных из них — *Отэмон* — завершала массивная черепичная крыша, имеющая четкий изогнутый профиль.

Тэнсюкаку Осакского замка

Каменные стены, поднимавшиеся над рвами, имели *ягура* (замковые башни). По всем трем линиям обороны было более 20 *ягура* одинаковой архитектурной формы. Это были 2- или 3-этажные сооружения с толстыми белыми стенами, с небольшими квадратными окнами, закрываемыми медными ставнями. Повторяя силуэт главной башни *тэнсюкаку*, каждая из *ягура* завершалась

двумя ярусами голубых черепичных крыш с приподнятыми концами, что подчеркивало единство архитектурного стиля всей крепости. В мирное время *ягура* использовались под склад, где хранились ружья, арбалеты, стрелы и машины для метания камней и факелов, пропитанных зажигательными смесями. В период военных действий с *ягура*, стоящих у края отвесной крепостной стены, велся обстрел неприятеля.

В юго-восточной части крепости, вблизи *тэнсюкаку*, находилось одно из важнейших строений замка — сокровищница Киндзё. Низкое длинное здание под черепичной крышей было сложено из огромных стволов криптомерий. В противопожарных целях стены сооружения обмазывались глиной вперемешку с порошком из толченых белых морских и речных раковин. В Киндзё храни-

лись слитки золота и серебра, золотые, серебряные и медные монеты, ювелирные изделия, жемчуг и другие ценности семейства Тоётоми Хидэёси. В западной части замка находилось специальное сооружение для хранения пороха и огнеопасных материалов — Энсёисигура. Стены и потолок его были выложены массивными камнями.

Помимо фортификационных сооружений, на территории Осаки замка имелось много других строений. Все пространство от *тансюокаку* до стен, окружающих центральную часть цитадели, заполняли дворцы и бытовые постройки, принадлежавшие семье Тоётоми Хидэёси. В деревянных одноэтажных павильонах с длинными галереями, уходившими к садовым беседкам, располагалась резиденция Ёдогими, жены могущественного диктатора. Жилые павильоны ближайших вассалов могущественного диктатора располагались тремя рядами вокруг *тансюокаку*. Была сооружена также целая система великолепных садов.

Здания, расположенные внутри главного замкового комплекса, представляют собой образцы аристократического жилища конца XVI в. Для них, как и для японского искусства в целом, был характерен принцип *сйбуи* — сдержанности, утонченности.

Как правило, все дома на внутренней территории замка, как и в городской застройке Осаки, имели черепичное покрытие. Глубоко «надетая» на здание крыша, словно зонт, защищала интерьер и террасу-*энгава* от дождя и солнца. Крыша будто «плывет» вместе с идущим по саду человеком, поворачивая к нему в разных ракурсах свои массивные, вынесенные за пределы здания формы. Пространство, обтекающее заостренные углы крыш, создает фон, объединяющий дом и сад, окружающую природу с жильем человека. К тому же дробление стен на вертикальные и горизонтальные элементы, соседство разных фактур — бумажных *сёдзи* с оштукатуренными стенами, комбинация подвижных и неподвижных, полупрозрачных и непрозрачных частей интерьера дома создавали своеобразный нестатичный образ сооружения.

Храмовое строительство В период правления Хидэёси шло оживленное строительство храмов: возводились новые — маленькие, живописно укрытые в тени деревьев небольших парков, и грандиозные, занимающие значительные территории. Особенно обширное строительство велось в Осаке.

Старые храмовые строения активно реконструировались и укрощались. Так повелось еще с глубокой древности: наиболее ценные архитектурные сооружения реставрировались каждые 20 лет.

Обычай регулярной реконструкции нарушал подлинную материальную древность сооружений, но позволял сохранить оригинальность их архитектурной формы. Для японцев не имело значения, что дерево, из которого был сделан сруб святилища, обработано совсем недавно и не имело никакого отношения к древнему сооружению. Камни и гравий на церемониальном дворе, потерявшие прежний вид, также могли быть заменены на другие. Главное было сохранить на века целостность художественной концепции.

Широкое храмовое строительство в Ōсака в период правления Тоётоми Хидэёси предполагало также восстановительные и реставрационные работы во многих храмах, построенных в дохэйанский и хэйанский периоды. К сожалению, из огромного количества древних храмовых комплексов и святилищ на территории Ōсака уже к XVI в. сохранились лишь немногие.

Самым древним синтоистским святилищем было Сумиёси, создание которого устная традиция относила к 200–202 гг. Прекрасный комплекс стоял в огромном парке и был посвящен четырём богам. 3 из них были богами моря, 4-й — богом урожая. Достопримечательностью Сумиёси были разнообразие фонари. Там были высокие точеные фонари-цветы с резным основанием в виде раскрывающихся лепестков лотоса и фонарей традиционных форм с квадратной верхней частью и зарешеченными круглыми окошечками, сквозь которые лился свет горящей свечи. Обычай ставить фонари был завезен с материка.

В период правления Тоётоми Хидэёси было воссоздано в своем первоначальном виде одно из старейших в Японии синтоистских святилищ — Ивасимидзу Хатимангү, основанное в 859 г. Был также полностью восстановлен и Ситэннōдзи — храм, относящийся к самому начальному периоду распространения буддизма (его пагода была построена в 587 г. в ознаменование победы Сога над домом Мононобэ) и разрушенный во время междоусобных войн XIV–XV вв. Тогда же были проведены восстановительные работы в построенном 827 г. храме Кансиндзи в Киото. В конце XVI в. в Ōсака был также восстановлен буддийский храм Сикикудзи (824–834). В нем находится вырезанная из одного куска дерева статуя сидящего будды Якуси Нёрай.

В конце XVI–первой половине XVII в. в Ōсака и его окрестностях были восстановлены несколько буддийских храмов хэйанского и послехэйанского периодов. В пышно декорированных интерьерах много великолепных статуй будд и бодхисатв и храмовой утвари. Например, в храме Митимэйдзи стоят 11 позолочен-

ных статуй богини Каннон. Два храма — Кōдзэндзи и Кōнѣдзи — украшают статуи сидящего Дайнити Нѐрай.

Монохромная живопись *суйбоку*

Период феодальных междоусобиц, кровопролитные войны между князьями, начавшиеся со «смуты годов Ќнин» (1467–1477) и длившиеся больше столетия, оказали определенное разрушающее влияние на развитие общенациональной культуры. Центрами, сохранявшими культурные и художественные традиции в это время, продолжали оставаться дзэнские монастыри. Значительный вклад, в частности, внесло дзэнское монашество в развитие монохромной живописи *суйбоку*, ставшей к концу XIV века ведущим направлением японской живописной школы.

Широкому распространению монохромной живописи содействовала деятельность буддийской школы *дзэн*, заменившей религиозную иконографию изображением природы. Согласно дзэнскому мировоззрению, природа была высшим проявлением истины и гармонии. Пейзаж рассматривался как естественная возможность философски осмыслить действительность и выразить высокие идеи и чувства. Художественными средствами *суйбоку*, заимствованной из Китая еще в X–XIII вв., составляла лаконичная, гибкая линия тушью и тушевое пятно на белом, незаполненном фоне свитка. Они повторяли, как правило, основную схему и составные элементы классического китайского пейзажа.

Примером может служить произведение священника монастыря Тōфукудзи Минтѐ «Хижина отшельника у горного ручья», состоящее из двух частей: поэтической надписи и пейзажа. Тонкой градацией тонов туши от черного до серебристо-серого художник изображает деревья, пелену тумана, из которого выступает хижина с фигуркой сидящего в ней человека, белый поток, омывающий серые камни, едва проступающие контуры горных вершин. Легкий размыв туши создает впечатление воздушной среды, глубины и пространства изображения.

В таком же стиле создан и свиток художника Дзѐсэцу (XV в.) «Ловля рыбы тыквой»: на берегу горного потока изображен старик, пытающийся поймать рыбу тыквой горлянкой.

Непритязательные, на первый взгляд, сюжеты *суйбоку* несли в себе глубокий подтекст. Для дзэнских монахов была важна не декоративность, а символичность, которая придавалась как самой малой детали пейзажа, так и обыденным действиям человека. Например, усилия при попытке поймать рыбу воспринимались как

символ стремления и бесконечного труда, неизбежного на пути к познанию и постижению мира; старость — как длительность этого процесса; ветхость и бедность одежды — как пренебрежение к мирским, житейским благам и т. д.

Несмотря на то, что живопись *суйбоку* была областью, в которой в течение длительного времени китайское влияние проявлялось наиболее сильно, в творчестве учеников и последователей Дзэсэцу все активнее обнаруживалось стремление выразить свое восприятие традиционных китайских канонов.

Работы художника Сёбун (первая половина XV в.), ученика Дзэсэцу и священника монастыря Сёкокудзи, показывают глубокое проникновение в тайны сложной системы монохромной живописи и необыкновенную легкость и свободу письма. В его свитках «Пейзаж с озером и горами», «Дом, в котором можно слушать шум ветра в ветвях сосны», «Вечерняя заря на озере и в горах» создан обобщенный и величественный образ природы, исполненный внутренней гармонии и красоты.

Ко второй половине XV в. развитие *суйбоку* в Японии достигло наивысшего расцвета, что было связано с деятельностью знаменитого японского художника Сэссё. Его творчество относят к самым значительным явлениям искусства Дальнего Востока. Вместе с тем, оно представляет яркое национальное своеобразие и специфику японской живописи того времени.

Для работ Сэссё характерно привнесение в изображение природы собственного настроения, связанного в то же время с общим характером мироощущения эпохи. Этот творческий метод позволил художнику, не отступая полностью от традиционного канона, создавать в его рамках произведения необыкновенной эмоциональной насыщенности и национальной окрашенности. Сэссё достиг этого соединением в свитке двух планов: первого — с приближенным к зрителю выразительным изображением (сосны, камни) и второго — традиционного образа грандиозной Вселенной в виде величественных гор.

Известные работы Сэссё «Пейзаж» и «Зима» построены именно по этому принципу. Первый план «Пейзажа» изображает скалистый берег с двумя соснами, стаю птиц, в отдалении поднимающихся над водой, в туманной дымке уходящий ввысь косяк журавлей. На втором плане — традиционная для *суйбоку* невозмутимая застылость горных вершин. Сосны, написанные сильными резкими штрихами, привлекают сразу внимание зрителя. Вцепившиеся в расщелины скал, резко изогнутые и повисшие над водой, истлестанные ветром, они упрямо тянутся вверх. Вырази-

тельность и наглядность символа стойкости была очевидна и понятна зрителю.

Один из пейзажей
Сэссю. 1495 г.

Новое проявилось и в изобразительных средствах. Художник все реже использует тушевое пятно, главной становится гибкая, насыщенная линия. Так, композиция свитка «Зима» построена на ритме параллельных и пересекающихся линий. Виртуозное владение штрихом позволяло художнику выразительно представить угловатые очертания покрытых снегом холмов и маленького храма, замерзающий ручей с переходящим его вброд человеком. Но все же главным, что делало работы Сэссю необычными, было умение передать эмоциональный настрой — в свитке «Зима» это ощущение скованности всего вокруг зимним холодом.

Попытки дальнейшего изменения канона монохромной живописи относятся к XVI–началу XVII в. и связаны, прежде всего, с

так называемой школой Канō. Основателем ее считается Канō Масанобу, знаменитый, официально признанный художник второй половины XV–начала XVI вв.

Одним из наиболее значительных представителей школы Канō конца XV–первой половины XVI вв. был Канō Мотонобу. Он первым ввел в общую схему монохромного пейзажа яркие, красочные сочетания — детально и точно переданные изображения цветов, птиц и т. д. Наиболее известно собрание произведений художника «Цветы и птицы», состоящее из 49 свитков.

Усиление декоративности свитка лишило *суйбоку* прежнего содержания и фактически превратило художественную систему монохромной живописи в условность. Но тем не менее Канō Мотонобу и его последователи добились гармонического слияния трудно соединимых элементов: цветовой насыщенности и строгого, монохромного рисунка.

Чайная церемония

Большое влияние на развитие различных аспектов японской культуры (архитектуры, садового и прикладного искусства) оказало развитие так называемой чайной церемонии (*тя-но ю*).

Культура потребления чая пришла в Японию из Китая. Поначалу чай использовали в качестве тонизирующего напитка. Постепенно, по мере роста влияния буддийского учения *дзэн*, усилился религиозный аспект церемонии. Чаепитие все больше превращалось в сложную процедуру, во время которой, как считалось, можно было в уединении достичь состояния души, необходимого для постижения буддийских истин.

История чайной церемонии связана с появлением особого типа сооружений — чайных павильонов и составлявших с ними единое целое чайных садов (*тянива*). Первоначально чайная церемония осуществлялась в *тясицу* — больших торжественных комнатах жилых павильонов дворцовых помещений (*синдэн*). Усиление религиозной окраски церемонии привело к изменению места, где она проводилась. В XV в. стали строиться отдельные от жилых помещений маленькие чайные павильоны, напоминавшие крошечные бедные хижинки или рыбацкие домики.

Появление *тясицу* такого типа связывают с деятельностью нескольких дзэнских монахов, ставших известными мастерами чайного искусства. Так, Мурата Сюкō приписывается определение размеров чайной комнаты — площадь ее должна была составлять лишь 4,5 *татами* (менее 8 кв. м). Придавая основное значе-

ние ритуальному содержанию церемонии, Сюкō рассматривал изменение размеров *тясицу* не просто как возможность представить в ограниченном пространстве бесконечность.

Религиозный акцент *тя-но ю* сохранил и последователь Сюкō — Дзёб. В его интерпретации философский смысл церемонии выражался как ее аксессуарами, так и решением интерьера. Эстетические каноны, на которых строились и церемония, и *тясицу*, основывались на понятии *саби* — нового типа красоты — простой, обыденной, лишенной внешнего блеска и торжественности. Именно с *тясицу* Дзёб началось активное воздействие концепции *саби* на разнообразные жанры искусства и архитектуры.

Во второй половине XV в., при сёгуне Асикага Ёсимаса, церемонию стали возглавлять специальные мастера (*тядзин*), которые приобрели большое влияние в среде высших самураев, среди представителей сёгунской, а также придворной аристократии. Деятельность таких знаменитых мастеров чайной церемонии, как Нбамы (XV в.), Сэн-но Рикё (XVI в.), Сбамы (XVI век), а позднее Фурута Орибэ (XVII в.), оказала огромное воздействие не только на формирование канонов чайной церемонии, но и на всю художественную культуру Японии.

Первоначально чайная церемония проводилась в отгороженной ширмой части жилого помещения. В XV в. стали строить отдельные небольшие по размеру павильоны, напоминавшие крестьянскую хижину с 4-скатной соломенной крышей. Строгость и аскетическая простота были главным, что определяло внешний облик и интерьер чайного павильона (*тясицу*) — деревянный или бамбуковый каркас с земляной или глиняной штукатуркой, гладкие, без украшений оштукатуренные стены спокойных тонов, бамбуковый потолок, небольшие окна с решетчатыми раздвижными рамами, оклеенными плотной белой бумагой. Слабый рассеянный свет, проникающий в *тясицу*, должен был содействовать атмосфере спокойствия, сосредоточенности, настроя на созерцательность и эстетическое восприятие всего окружающего. Правда, строились и такие *тясицу*, в которых на уровне головы сидящего на *татами* человека было круглое окно, предназначенное для любования луной в период полнолуния.

Единственным украшением и художественным центром чайного дома были свиток монохромной живописи и букет цветов, обычно определявшие главную тему церемонии, ее философский настрой.

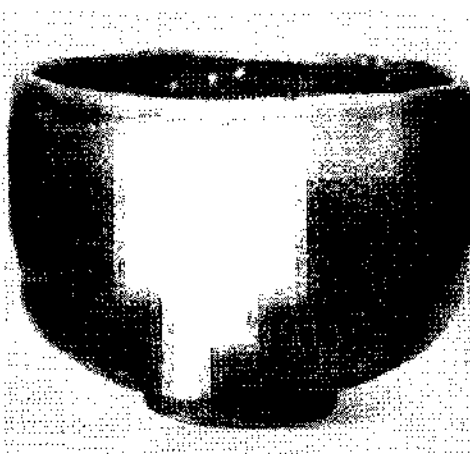
Помимо обычного входа с задней стороны домика, которым пользовался *тядзин*, устраивался вход для гостей (*мидзиригути*),

уменьшенный фактически до размеров лаза (90×90 см). Низкая притолока заставляла каждого склонять голову, и, следовательно, как бы «уравнивала» всех посетителей чайного павильона.

Символическое значение имел и *даймё басира* — один из опорных столбов *токонома* (специальной стеной ниши с приподнятым полом, куда помещалось единственное украшение в интерьере *тясицу*). Необработанный, сохранивший кору ствол дерева должен был символизировать неразрывную связь интерьера с природой.

Неотъемлемой частью чайного дома был маленький и тихий чайный сад (*тянива*), с густой растительностью, с тропишками из плоских камней, с каменным фонарем (*исидоро*) и каменными сосудами для воды (*цукубаи*).

Наиболее ранними из дошедших до наших дней чайных павильонов считаются *тясицу* Тогудо (1485) и Серебряного павильона (1489), расположенные в Киото. Однако наибольшую отшлифованность, завершенность чайной церемонии, включая формирование чайного павильона и чайного сада, связывают с именем знаменитого *тядзия* XVI в. Сэн-но Рикю. Созданный им в 1573 г. сад Тэйэн в храме Мёкиан в окрестностях Киото считается эталоном чайного павильона и сада.

Чашка для чайной церемонии. XVI в.

Важным нововведением Сэн-но Рикю было создание детально разработанных эстетических норм — строжайших канонов, определявших все, что касалось церемонии, начиная с внешнего вида павильона и интерьера и кончая мельчайшими деталями утвари. Это относилось и к предельно тщательно разработанной композиции сада. В своем труде «Намбороку» Сэн-но Рикю подробно опи-

сал все этапы своих поисков в оформлении интерьера чайного павильона.

Рикю жил в трудное время феодальных усобиц, жестоких распр между феодальными домами, то боровшихся друг против друга, то совместно оспаривавших власть у правящего дома Асикага. Вторая половина жизни Рикю совпала с периодом деятельности двух «объединителей» Японии — Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси.

Творчество Сэн-но Рикю было связано с конструированием *тясицу* и *тянива* в живописной местности между Осака и Киото. Он был создателем *тясицу* на территории Осацкого замка (непосредственно для Тоётоми Хидэёси и его окружения), в богатых купеческих и самурайских резиденциях и при загородных буддийских храмах. Большая часть произведений мастера до наших дней не дошла, но несколько сохранившихся считаются в Японии важнейшей культурной ценностью и тщательно оберегаются. Особое место занимает *тясицу* в Мёкиан — здесь при храме жил сам Рикю, сюда чаще всего приезжал Тоётоми Хидэёси.

Сэн-но Рикю

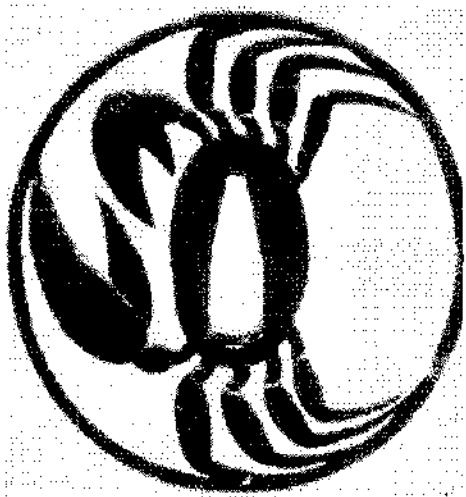
Чайные павильоны и сады Сэн-но Рикю строго подчинялись эстетическим нормам, опиравшимся на концепцию *саби*, культивирования естественной красоты и простоты. Они закрепили в японском искусстве отсутствие деления на сферы утилитарного и изящного. Культивируя простоту интерьера, лишенные тщательной отделки и орнамента, подчас даже грубые формы керамики, они воспитывали способность восхищаться расхожими, утилитарными предметами обихода, в которых категорией прекрасного выступала естественная красота материала — глины, дерева, камня. Канон чайной церемонии

утверждал: «избыточное — безобразно». Это предполагало новое философское осмысление понятия красоты, значение которого сохраняется и сегодня, во многом отражая эстетические идеалы современного японца.

Прикладные искусства

Еще с первых веков нашей эры на японских островах были известны приемы литья и художественной обработки металла. С распространением буддизма изделия из металла начали занимать все более значительное место в художественной культуре Японии. Создавались бронзовые статуи, отливались колокола и замысловатые форм бронзовые и медные фонари храмовую утварь для буддийских храмов.

Широкому производству разнообразного холодного оружия с начала XII в. способствовала борьба за власть между феодальными домами. Из поколения в поколение в семьях кузнецов-оружейников передавались секреты изготовления боевых клинков, искусствоковки и закаливания мечей. Высоко ценилось и художественное оформление оружия — коротких (полуметровых) мечей *вакидзаси* и длинных (полтораметровых), слегка искривленных двуручных *катана*. Клинки обычно украшались гравировкой по металлу, а рукоятки — драгоценными камнями. Наиболее декоративной частью боевого меча была гарда (*цуба*) — круглая или овальная пластина для защиты руки, державшей меч. Благодаря искусству оружейников на незначительной по размеру поверхности *цуба* создавались поэтические пейзажи и детально разработанные сюжетные композиции. Особенно этот тип декора был характерен для XV–XVI вв.

Цуба. Железо. XVI в.

Эстетическая концепция чайной церемонии предполагала строгие формы и скупой декор ее аксессуаров. Применявшиеся во время нее котлы и чайники напоминали обычную кухонную утварь. Однако нарочитая простота этих изделий в действительности была проявлением изысканной эстетики.

В XVI–XVII вв. стало изготавливаться много художественных изделий из металла для украшения интерьера — бронзовых ку-

рильниц для сжигания трав, декоративных скульптур, ваз, переносных и стационарных фонарей, декоративных скульптур, изображений божеств и т. д. На осацком рынке в изобилии были представлены работы знаменитых мастеров школы Готō из Киото и Кага, оружейников из Осака.

Искусство лаковой росписи в Японии достигло значительного развития уже в VI–XII вв. Оно было очень трудоемким — простая, без инкрустации или росписи лаковая поверхность требовала 60 операций. Каждый слой лака просыхал во влажном воздухе не менее 12 часов. Прибавлением солей железа к прозрачному лаку достигался изумительный глубокий черный цвет. Если на прозрачный, еще не высохший лак сыпали через шелковое сито мелкий золотой порошок, то получали гладкую или рельефную золотую поверхность. В период Хэйан, в эпоху господства аристократической культуры, лаковые изделия получили широкое распространение как в жилищах знати (лаковые экраны и ширмы, столики и шкапулки), так и в храмах (алтари, потолки, створки дверей).

С приходом к власти военной верхушки, а впоследствии с развитием городской культуры, когда большое влияние приобрело сословие торговцев, лаковые изделия вышли за пределы узкого круга аристократов и духовенства и сделались чрезвычайно популярными среди городского населения.

На осацкий рынок с начала XVII в. хлынул поток лаковых чаш, наборов для еды, больших и малых столиков для трапезы, бутылей, подносов, коробок для косметики, гребней и т. д. Широкую известность приобрели несколько семейств мастеров. Так, например, целая династия Кома из поколения в поколение создавала великолепные цветные лаковые изделия. Своими живописными композициями с разнообразной металлической инкрустацией был известен Хоями Козэцу. Как непревзойденный мастер лаковой росписи прославился Огата Кōрин. Дошедшие до наших дней изделия его работы считаются шедеврами японского искусства.

Керамическое производство в Японии имело многовековую историю. Уже изделия, созданные в период неолита, во II–I тысячелетиях до н. э., демонстрируют сравнительно высокий уровень мастерства. С V в. получила распространение гончарная техника, пришедшая на Японские о-ва вместе с переселенцами с материка (корейскими мастерами).

Однако истинный расцвет японской керамики наступил в XVI–XVII вв. Распространение ритуала чайной церемонии содействовало появлению ее новых форм. Эстетическим канонам цере-

монии соответствовала керамика с массивными формами, с глазурью густых и неярких тонов. Ценились чаши для чайной церемонии с небольшой неточностью овала, даже с отпечатками пальцев мастера на краях формы. Это как бы придавало дополнительную ценность изделиям.

С ростом городов и с появлением богатых горожан изменился и характер керамических изделий. На смену простому и строгому декору пришел изощренный. Создавались дорогие, отделанные золотом, яркие керамические изделия со сложным орнаментом.

Вместе с тем, мастера продолжали искать новые сочетания красок, совершенствовать технику росписи. Великолепная керамика Сацума (на юге Кёсю) с надглазурной росписью эмалевыми красками, с ярким четким орнаментом в виде цветов и листьев обладала неповторимым очарованием.

Огромную популярность в стране стал приобретать фарфор, впервые появившийся в XVI в. Фарфор *арита* (провинция Хидзэн, о-в Кёсю) пользовался заслуженной славой не только в Японии, но — с конца XVII в. — и в Европе. В нем ярко воплотились черты национальной эстетики, особенности художественного восприятия японцами окружающего мира.

Фарфоровое
блюдо типа
кутаньяки.
Вторая поло-
вина XVII в.

Специфику фарфора *арита* определяли подглазурная роспись кобальтом, цветной мелкий рисунок *увазукэ*, наносившийся на

белый фарфор, покрытый прозрачной глазурью, яркая роспись. Высококачественные изделия из провинции Хидзэн с орнаментом *нисики* («парча») были известны в Европе под названием «Старая Япония». Однако в Хидзэн производился и такой фарфор, который вывозить запрещалось — он шел только на внутренний рынок, преимущественно на осакский. Это был дорогой фарфор, и покупали его богатые люди. С конца XVII в. стал чрезвычайно популярен *кутаньяки* — фарфор из провинции Кага. Местные мастера, заимствовав из Хидзэн методы росписи, создали свой стиль — яркую цветовую палитру эмалевых красок, соединявшую сочный синий цвет с зеленым и желтым.

Как ни велик был ассортимент керамических изделий, часть его вообще никогда не попадала на полки лавок. Изделия старинных керамических мастерских в Орибэ, Киото и его предместьях — Аваита, Отоваия и др., работы известных мастеров, таких как Нинсэй, Киндзан, в основном, попадали непосредственно к главам феодальных домов. Фарфор с о-ва Хирадо (местечко Миковаси) — тончайшие белоснежные изделия с необычайно живописной кобальтовой росписью — предназначался только для семьи сёгуна и крупных *даймё*.

РАЗДЕЛ III
ЯПОНИЯ НА ПОРОГЕ
НОВОГО ВРЕМЕНИ

РАЗДЕЛ III	
ЯПОНИЯ НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ.....	401
ЧАСТЬ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЁГУНАТА ТОКУГАВА	404
Глава 1. Создание третьего сёгуната (1598–1616).....	404
Глава 2. Политико-административная система сёгуната Токугава	419
Глава 3. Пятнадцать сёгунов династии Токугава (1605–1867)	435
ЧАСТЬ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ПЕРИОД ТОКУГАВА	455
Глава 1. Экономика периода Токугава.....	455
Глава 2. Японское купечество.....	479
Глава 3. Демографические процессы в период Токугава.....	514
ЧАСТЬ 3. КУЛЬТУРА ПЕРИОДА ТОКУГАВА.....	527
Глава 1. Искусство периода Токугава.....	527
Глава 2. Развитие научной мысли и образования.....	550
Глава 3. Голландский след в истории Японии.....	564
ЧАСТЬ 4. ЗАКАТ ЭПОХИ ТОКУГАВА.....	574
Глава 1. Развитие социально-экономического кризиса	574
Глава 2. Движения социального протеста.....	581
Глава 3. «Открытие» Японии	601
Глава 4. Последние годы сёгуната Токугава	617

Понятие «новое время», как и понятие «средневековье», возникло в Европе около четырех с половиной веков назад. Его авторами были итальянские гуманисты эпохи Возрождения. «Новым» они называли свое время, связывая его с развитием светской культуры и науки и противопоставляя предшествовавшим ему «темным векам».

В таком культурно-историческом контексте понятие «новое время», по-видимому, не применимо к истории Японии. Тем не менее, оно достаточно широко используется как в этой стране, так и за ее пределами. Дело в том, что, получив дальнейшее развитие в трудах французских энциклопедистов, понятие «новое время» к началу XIX в. стало обязательным компонентом триады «древность—средневековье—новое время», сделавшейся основой периодизации всемирной истории. При этом сам термин в значительной степени утратил свое первоначальное культурно-историческое содержание и наполнился новым, в первую очередь, социально-экономическим. Теперь им стали обозначать эпоху становления и развития капиталистических отношений (или, в иной концептуальной системе, время перехода от традиционного общества к современному).

Применительно к японской истории определение рубежа начала «нового времени» вызывает определенные трудности, связанные со всемирно-историческим содержанием этого понятия. Начало «нового времени» как всемирно-исторической категории обычно относят к середине XVII в., связывая его с Английской революцией. Это довольно точно совпадает с годами утверждения в Японии сёгуната Токугава, что, в свое время, вызвало попытку совместить начало «нового времени» в Японии с его всемирно-историческим рубежом. Так, опубликованная в СССР коллективная работа «Очерки новой истории Японии» определяла хронологические рамки этого периода 1640–1917 годами (окончание его было привязано к Октябрьской революции в России).

Однако, если говорить о социально-экономическом содержании понятия «новое время», то развитие в Японии капитализма и всего связанного с ним комплекса общественных отношений логичнее связывать с периодом Мэйдзи, т. е. со второй половиной XIX в., хотя капиталистический уклад существовал там и раньше (торгово-промышленный капитал, немногочисленные мануфактуры). Таким образом, попытка непосредственно применить всемирно-историческую категорию в периодизации истории конкретной

страны приводит, как это обычно и бывает, к хронологическому конфликту.

Вместе с тем, период Токугава характеризовался рядом особенностей, существенно отличавшими его от предшествовавшей эпохи. Фактически, именно в то время были заложены предпосылки быстрого развития Японии в период Мэйдзи. Поэтому в японской историографии «новое время» состоит как бы из двух половинок — *кинсэй* («новых веков») и *киндай* («новой эпохи»). Первая из которых включает в себя период Токугава, а вторая — период Мэйдзи. Такой подход, хотя и не вполне согласуется с принятой на Западе системой периодизации, применительно к японской истории весьма удобен, поскольку позволяет подчеркнуть как своеобразие обоих периодов, так и их внутреннюю связь.

Раздел «Япония на пороге нового времени» посвящен именно эпохе *кинсэй*. В его названии заключен известный компромисс, призванный помочь отразить причудливое сочетание традиций феодального общества и ростков нового в социально-экономической сфере, которым характеризовался период Токугава, и которое сделало возможным ускоренное развитие страны после реставрации Мэйдзи в 1868 г.

Часть 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЁГУНАТА ТОКУГАВА

Глава 1

СОЗДАНИЕ ТРЕТЬЕГО СЁГУНАТА (1598–1616)

В 1592 г. началась японская военная экспедиция в Корею. Авантюрная война, длившаяся 6 лет, фактически, окончилась поражением Японии. Это было крупнейшей неудачей в жизни Хидэёси, который умер 18 августа 1598 г. незадолго до окончания войны.

За это время Токугава Иэясу укрепил свои владения и превратил Эдо в оживленный город. По своему влиянию, положению, могуществу он стал вторым человеком в Японии. Он удачно выдал замуж своих дочерей, укрепив родственными связями свой союз с влиятельными феодалами. Хорошо овладев техникой политического маневрирования, проявляя присущую ему осторожность и

осмотрительность, Иэясу тщательно готовил свои дальнейшие шаги в борьбе за власть, ожидая лишь счастливого случая. Его час настал вскоре после смерти Хидэёси.

Победа Токугава Иэясу в борьбе за власть

Токугава Иэясу никогда не мог смириться с тем, что после смерти Ода Нобунага власть перешла в руки Тоётоми Хидэёси, человека низкого социального происхождения. Но, строя свои отношения с Хидэёси, Иэясу трезво оценивал сложившуюся ситуацию и не давал своим эмоциям одерживать верх над рассудком. Со своей стороны, Хидэёси с тревогой наблюдал, как росла военная и экономическая мощь соперника. Примерно за месяц до своей кончины Хидэёси составил клятву-завещание, где призывал феодалов быть верными его наследнику Хидэёри и хранить единство. Но после его смерти в стране начались раздоры, все чаще перераставшие в открытую вражду.

Подготовка Токугава Иэясу к борьбе за власть

Смерть Хидэёси открыла для Иэясу реальную возможность осуществить честолюбивые планы и силой оружия проложить себе путь к власти. Правда, одновременно с ним в борьбу за власть включились почти все крупные *даймё* страны. Первое время Маэда Тосиизэ, одному из пяти *даймё*, которым Хидэёси вручил судьбу сына, удавалось поддерживать известное равновесие сил. Среди влиятельных феодалов он был тем человеком, кто мог реально претендовать на первые роли в армии и государстве, но 3 марта 1599 г. он умер.

Еще при жизни Маэда Тосиизэ один из любимцев Хидэёси — Исида Мицунари, исполнявший разные должности в военно-административном аппарате, пытался столкнуть его с Иэясу. Он же создал оппозицию, куда вошли Кониси Юкинага, Укита Хидэизэ, Тёсокабэ Моритика, Мёри Тэрумото, Симадзу Тадамори. В этой коалиции самой влиятельной и сильной личностью был Мёри Тэрумото. Он владел огромными землями на западе о-ва Хонсю (его ресурсы оценивались в 1 млн. *коку*) и командовал большой армией. Поэтому Иэясу очень тщательно и продуманно готовился к предстоящей борьбе.

Иэясу всегда отличало умение смотреть далеко вперед. Поэтому, став хозяином пяти провинций, он провел ряд мероприятий, которые усилили его как в экономическом, так и в военном отношении. В период с июля 1589 по февраль 1590 г. им был издан указ, состоявший из 7 пунктов, который надлежало распро-

странить по всем деревням провинции. Пункты первый и шестой касались налога (*нангу*) и устанавливали наказание за просрочку его уплаты. Если крестьяне проживали в пределах 5 *ри* от *дзитё*, то обязаны были привезти подать сами, если дальше — то за налогом приезжал *дзитё*. В годы, когда случались сильные тайфуны, наводнения, пожары сумма налога определялась, исходя из предполагаемого урожая. Своевременное поступление налога позволяло гарантировать уплату жалования вассалам.

Пункты 2, 4 и 5 касались военно-трудовой повинности (*буяку*). Вассалы, имевшие надел (*тигё*), с суммы налога в 200 соломенных мешков должны были поставить в армию 1 человека и 1 лошадь; если же лошадей не было, то тогда нужно было поставить двух человек. Определялось и ежедневное содержание — в день на человека 6 *гё* риса и 1 *сё* — на каждую лошадь. Крестьянам, выполнявшим *буяку*, ежегодная подать сокращалась.

Кроме того, Иэясу распорядился провести *кэнти* во всех подвластных ему провинциях, чтобы упорядочить налоги и повинности. Все эти мероприятия укрепили его экономическую и военную мощь.

Битва при Сэкигахара

Летом 1599 г. Иэясу отправил более 180 писем 108 *даймё*, из которых 99

вступили в союз с ним и оказали ему затем реальную помощь своими военными силами. Другие *даймё* приняли сторону Исида Мицунари. Иэясу гораздо лучше организовал и подготовил свои военные силы, составил план действий, что нельзя было сказать о его противниках. Мицунари не имел ясного представления о том, какое число *даймё* сможет выступить на стороне Иэясу. Его союзники вели себя как-то нерешительно и не спешили на помощь Мицунари, находившемуся в своем замке Огаки, к которому Иэясу стягивал войска. Многие откровенно выжидали, чья сторона возьмет верх.

Предательства и интриги были характерной чертой той эпохи. Иэясу, готовя нападение на Мицунари, сумел склонить на свою сторону нескольких основных его союзников. Но предательство имело и свою цену: так, *даймё* Кобаякава были обещаны две провинции.

Решающее сражение между двумя соперничающими группировками феодалов произошло в провинции Мино около деревни Сэкигахара 15 сентября 1600 г. Иэясу хорошо вооружил свое войско голландским оружием и буквально сокрушил противника. Сведений о потерях со стороны Иэясу нет, а его противники, по разным данным, потеряли убитыми от 4 до 8 тыс. чел. В после

дующие дни был захвачен замок Саваяма, принадлежавший семье Мицунари. Его отец, старший брат и племянник покончили жизнь самоубийством, приказав перед этим убить членов своих семей. Вскоре были пойманы сам Мицунари и Кониси Юкинага. Их казнили в Киото, а их головы были выставлены на мосту Сандзё в назидание всем. Иэясу жестоко расправился и с другими своими противниками, хотя с некоторыми обошелся мягче. Например, Укита Хидэиэ было приказано вернуться на о-в Кёсю. Позднее он был сослан на о-в Хатидзё, где он умер в 1655 г.

Более гибкая тактика была применена и в отношении Мёри Тэрумото, который, как и Иэясу, входил в совет пяти *даймё*, созданный Хидэёси для защиты интересов его сына. Иэясу пытался склонить его на свою сторону, обещав за это не трогать его владения, но потом наказал его за союз с Мицунари, отобрав 7 провинций с доходом свыше 1 млн. *коку*, находившиеся в западной части о-ва Хонсю. Взамен Тэрумото получил две провинции в экономически отсталой части страны с доходом в 369 тыс. *коку*. Это была удачная тактика — ослабить врага экономическими средствами. Хотя для Тэрумото, казалось бы, это было лучше, чем потерять голову или быть сосланным на о-в Хатидзё, он не вынес позора и ушел в монахи.

Первые меры Токугава Иэясу по утверждению своего господства

Несмотря на полную победу Токугава Иэясу в битве при Сэкигахара, ситуация в стране отнюдь не была спокойной для него. Ее стабиль-

ность зависела от дальнейшего поведения *даймё*, которые в любой момент могли переменить свою позицию в отношении Иэясу и изменить ему. Но Иэясу был большим мастером дипломатической игры. Ему удалось уладить конфликт с домом Симадзу и замирился с ним. Затем он оказал давление на другого могущественного *даймё* Уэсуги Кагэкацу, которому пришлось прибыть к Иэясу в Фусими в августе 1601 г. Иэясу отобрал у него владения в Айдзу с доходом в 1 млн. 200 тыс. *коку*, дал ему взамен владения на севере с доходом в 300 тыс. *коку*, а в Айдзу переселил своего верного союзника-зятя Гамбё Хидэюки. Он также переселил *даймё* Сатакэ на север, в Акита, где вместо владения в 500 тыс. *коку* предоставил ему гораздо менее доходное. Таким образом Токугава Иэясу ослабил своих потенциальных противников, и к осени 1601 г. в стране утвердился порядок.

Одновременно, за счет конфискованных земель Иэясу щедро наградил *даймё*, принимавших участие на его стороне в битве при Сэкигахара. Всего у 87 *даймё* было отобрано огромное количество

земель, доход с которых оценивался в 4,14 млн. коку. Феодалы, принимавшие участие в борьбе против Иэясу, до битвы при Сэкигахара по своему могуществу и богатству ничем не уступали Токугава. После 1600 г. они получили название *тодзама даймё* («посторонние даймё»), в отличие от *фудай даймё*, сражавшихся на стороне Иэясу (слово «*фудай*» в древности обозначало последовательность наследования в семье, и в дальнейшем его смысл не раз изменялся).

Термин *тодзама* известен со времен Камакурского сёгуната — тогда этим понятием выражали степень родства. В период Муромати это было общее название *даймё*, служивших в самурайских дружинах. Битва при Сэкигахара как бы провела линию раздела между *даймё*, определив их дальнейшую роль в политической жизни страны — *тодзама даймё* не могли занимать никакие государственные должности и, как правило, их деятельность ограничивалась рамками их княжеств. Но такая политика в отношении *тодзама даймё* привела к тому, что более, чем 200 лет спустя именно из их среды вышли деятели антисёгунской коалиции, свергнувшие в 1867–1868 гг. господство Токугава и в дальнейшем составившие костяк правительства Мэйдзи.

Учреждение сёгуната Токугава

Провозглашение Токугава Иэясу сёгуном

В новом 1603 году Токугава Иэясу получил привычные новогодние поздравления от императорского дома, придворных, настоятелей монастырей и храмов и *даймё*. Хотя формально он еще не обладал титулом сёгуна, дело шло к его получению. Еще в феврале 1602 г. императорский двор благоразумно выступил с предложением начать приготовления к провозглашению Иэясу «главой дома Минамото», что давало ему возможность стать сёгуном. Со стороны двора это была простая формальность, поскольку верховная военная власть уже фактически принадлежала Иэясу.

Ни Ода Нобунага, ни Тоётоми Хидэёси не имели титула сёгуна. Иэясу стал им в силу своей родословной. Он довел до сведения двора, что его предки были связаны с домом Минамото через семью Нитта. Относительно истинности этого утверждения у историков есть сомнения — доказательства принадлежности Токугава к дому Минамото могли быть результатом более поздних исправлений в документах. Но в январе 1603 г. эти деликатные вопросы остались «за кадром», и официальный представитель импе-

раторского двора информировал Иэясу, что император намерен назначить его сёгуном.

Токугава Иэясу

12 февраля произошла церемония провозглашения его сёгуном, но и присвоения ему придворного титула *удайдзин* (правый министр), более высокого по сравнению с прежним (*найдайдзин* — внутренний министр). Для этого официальная делегация двора прибыла к Иэясу, который находился в замке-дворце Фусими, построенном еще Тоётоми Хидэёси недалеко от Киото. День был дождливым и серым, но к моменту прибытия делегации двора небо прояснилось. Пройдя через сад и остановившись перед входом во дворец, уполномоченные двора дважды провозгласили «производим в ранг». Затем делегация была допущена на веранду, где разместилась в два ряда. Старейший в делегации преподнес Иэясу, сидевшему на возвышении, шкатулку, где находились императорские указы. Так состоялось провозглашение Иэясу сёгуном.

В течение последующих недель Иэясу отправил подарки императорскому двору, а 21 марта сам отправился в Киото, чтобы получить поздравления от императора в связи с присвоением титула

сёгуна. По соседству с императорским дворцом летом 1602 г. было закончено строительство замка Нидзё, ставшего резиденцией династии сёгунов Токугава в императорской столице. Вскоре принцы и придворные посетили Иэясу в знак признательности за полученные подарки. В апреле Иэясу пригласил придворных и *даймё* в замок Нидзё, где для них было устроено представление театра Нё, большим поклонником искусства которого он был.

Можно сказать, что 1603 год в целом ознаменовал для Японии окончание долгого периода междоусобных войн и наступление длительного периода относительного мира. Путь Токугава Иэясу к власти завершился. Причем новый сёгунат занимал более прочные позиции, чем предшествующие. В периоды *Камакура* и *Муромати бакуфу* войны-бунэ сохраняли сильные политические позиции и фактически делегировали сёгунам свою власть. Что касается Токугава Иэясу, то он добился абсолютной власти, узаконенной императорским указом.

Хотя император уже давно не обладал реальной властью, Иэясу проделал целенаправленную и кропотливую работу, в результате которой император был полностью изолирован от политической жизни. Его политический авторитет был больше не нужен сёгуну. Разницу в их положении отмечали и иностранцы, приезжавшие в то время в Японию: они называли императора *микадо*, а сёгуна — *кётэй* (оба слова означают по-японски «император», но *микадо* — более древнее титулование), чем подчеркивали разницу в их роли в жизни Японии. *Микадо* был главой религиозных церемоний, имел функцию верховного жреца и не «осквернял» себя земными делами, а сёгун олицетворял собой верховную власть в стране.

Перемещение политического центра страны в Эдо

Иэясу предпринял еще один шаг, чтобы как можно дальше отдалить императора от политических дел — он перенес место пребывания *бакуфу* в Эдо. До этого оно находилось в Киото в районе Муромати,

по имени которого получил название период второго сёгуната. Поэтому Киото для Нобунага и других *сэнсоку даймё* был своего рода Меккой власти. Иэясу, как когда-то Минамото, разместил *бакуфу* в районе Кантё, в своей резиденции в Эдо, куда он в свое время был фактически сослан Тоётоми Хидэёси. Поэтому период правления сёгунов из дома Токугава называют еще и периодом Эдо.

Город Эдо постепенно превращался и в культурный центр страны. Иэясу привлекал туда искусных ремесленников, ученых,

художников, писателей. Он также придавал большое значение сбору старинных рукописей, созданию библиотек. По его распоряжению из Канадзава в Эдо была перевезена и помещена в основанную им коллекцию рукописей и книг библиотека, собранная домом Хбдзэ за 300 с лишним лет. Иэясу был щедрым покровителем книгопечатания. Им был утвержден особый департамент, где целый штат монахов занимался переписыванием фамильных историй *даймё*.

Социально-экономическая политика Токугава Иэясу

Токугава Иэясу провел целый ряд мероприятий, которые, во-первых, продемонстрировали его реальную силу и власть, во-вторых, содействовали экономическому процветанию его семьи и, в-третьих, стали первыми шагами в становлении четкой сословно-политической и экономической системы, получившей свое дальнейшее развитие при следующих сёгунах.

Установление контроля над *даймё* В результате победы при Сэкигахара Иэясу стал богатейшим землевладельцем — конфискованные земли поступили в его непосредственное распоряжение. Иэясу мог лишать *даймё* их владений, мог уменьшать или увеличивать их размеры. Он перемещал *даймё* словно фигуры на шахматной доске. Переселяя их на новое место, Иэясу лишал их старых корней и зачастую оставлял без вассалов. Поскольку земли составляли основу богатства *даймё*, а вассалы — источник их влияния, такая практика позволяла держать феодалов под контролем. Кроме того, Токугава Иэясу широко использовал традиционный прием налаживания политических связей — к 1611 г. путем браков и усыновлений он породнился с большинством крупных *даймё* Японии.

Кроме того, воспользовавшись приездом *даймё* в Киото по случаю вступления на престол императора Гоминдзуно в 1611 г., Токугава Иэясу собрал их в замке Нидзэ и объявил, что они должны впредь регулярно появляться в Эдо, т. е. соблюдать традицию, установленную еще Минамото Ёритомо. Иэясу предупредил, что никто не имеет право скрывать и держать у себя на службе человека, замешанного в призыве к бунту или причастного к убийству, и что случаи неповиновения будут расследоваться и строго наказываться.

Иэясу, который за свою жизнь достаточно насмотрелся на предательства, интриги и заговоры, понимал, что для утверждения новой власти необходимы решительные действия. Поэтому,

помимо перераспределения земельных владений, он предпринял ряд мер, которые, по его мнению, должны были препятствовать возникновению заговоров и иной антисёгунской деятельности.

Тодзама даймё, хотя и вынужденные покориться военному превосходству Токугава Иэясу, оставались его потенциальными противниками, не говоря уже о сыне Тоётоми Хидэёси. Поэтому Иэясу переподчинил непосредственно *бакуфу* всех *тодзама даймё*, имевших родственные связи с домом Хидэёси. Одновременно он начал широко применять к ним разные репрессивные меры — лишал (*кайёки*) самурайских привилегий, уменьшал владения, заставлял оставлять в Эдо заложников, исполнять воинскую повинность. Но особенно обременительной обязанностью для *даймё* были строительные и ремонтные работы в Эдо, для проведения которых княжества должны были поставлять рабочую силу (т. е. отрывать крестьян от их непосредственного труда). При этом на княжества были возложены материальные расходы, доставка строительного материала, укрепление берегов рек, строительство дамб, ремонт замков. Это была хорошо продуманная политика: подрыв материальной базы княжеств заставлял *даймё* сосредоточивать все свои усилия в области экономики, а не заниматься интригами.

Система контроля распространялась не только на *даймё*. В столичном городе Киото была введена должность *сёсидай* (наместник сёгуна). В его обязанности входили защита императорского дворца, надзор за *кугэ*, судебные разбирательства. Первым на эту должность в 1601 г. был назначен Окудайра Нобумаса, который до этого верно служил дому Токугава.

В Фусими, Сакаи, Нагасаки, Амагасаки и других городах появились главы городской администрации и уездов (*бугё* и *гундай*). Даже в региональных центрах, таких как Нара и Ямада, были введены должности *бугё*.

Концентрация финансовых ресурсов

Токугава Иэясу подчинил своему непосредственному управлению главные города, расположенные в центральной части Японии, а также конфискованные рудники и лесные угодья. Еще Тоётоми Хидэёси установил контроль над деятельностью многих золотых, серебряных, и медных рудников. Иэясу этот контроль усилил. Он обложил налогом рудники, расположенные во владениях *даймё*. Иэясу придавал серьезное значение горным разработкам, поскольку хотел упорядочить денежное обращение в стране, что пытались сделать до него Ола Нобумаса и Тоётоми

позднее был переведен в Киото. Еще один монетный двор открылся в Сумпу, затем в Осака и Нагасаки — главных торговых городах страны. После смерти Токугава Иэясу монетный двор из Сумпу переехал в Эдо, где разместился недалеко от замка Тиёда, образовав квартал Гиндза (в переводе — цех серебряных дел мастеров).

Развитие денежного дела Токугава Иэясу поручил купцам. Купеческий дом Готō играл ключевую роль в этой сфере на всем протяжении периода Токугава. Иэясу водил дружбу с купцами, такими как Тяя Сирōдзирō, который оказал ему много услуг.

После смерти Иэясу в кладовых замка Сумпу было обнаружено огромное количество денег — 47 ящиков золотых монет, 4853 ящика с серебряными и 55 ящиков с медными. Наследство, оставленное Иэясу своим четырем сыновьям — Хидэтада, Ёсинао, Ёрифуса и Ёринобу, — оценивалось в 2 млн. рё.

Токугава Иэясу стремился расширить внешнюю торговлю. Накопленные им деньги предназначались на эти цели. В быту он был скромен, к чему призывал и своих вассалов. Подарки делал скромные, например, сезонные фрукты или предметы, которыми славилась данная местность. Часто подарок был просто знаком нежливости.

Токугава Иэясу внимательно следил за поступлением налогов. Он предпринял ряд мер, чтобы воспрепятствовать чрезмерному обложению на местах и не допускал, чтобы налог не соответствовал установленной норме. Сельское хозяйство Японии в начале XVII в. было малопродуктивным, на его общее состояние повлиял длительный период междоусобных войн, частое отвлечение крестьян на выполнение различных повинностей, военные налоги, сбор дополнительного продовольствия для снабжения армии и т. д. Поэтому были установлены довольно низкие налоги, что было вынужденной мерой.

Это дало основание современникам считать, что при Иэясу было «гуманное правление» (*дзинсэй*), хотя его ближайший советник Хонда Масанобу говорил, что крестьянину надо оставлять столько зерна, чтобы он только не умер. Тем не менее, если к Иэясу поступали сведения о беззакониях управляющих (*дайкан*) по отношению к крестьянам, то такому чиновнику не приходилось рассчитывать на снисхождение. Кроме того, сами *даймё* стремились избегать переобложения крестьян, чтобы не вызвать с их стороны бунта, который мог быть использован.

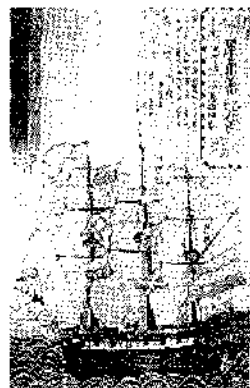
что сказалось на увеличении обрабатываемой площади и расширении сельскохозяйственных культур.

Токугава Иэясу стремился использовать экономические возможности районов, где процветало производство и торговля, для укрепления своих военных сил. Например, в Сакаи он намеревался наладить производство огнестрельного оружия, в преимуществах которого он убедился на практике.

Политика в отношении иностранцев

Ввоз в Японию огнестрельного оружия был одной из главных статей торговой деятельности европейцев. Кроме того, они ввозили в Японию китайский шелк, который японцы не могли сами покупать в Китае — из-за набегов японских пиратов на китайское побережье, а затем из-за похода японцев на Корею (1592–1598), отношения между Японией и Китаем были прерваны. Видимо, немалую роль в прекращении прямой японо-китайской торговли сыграли и португальцы, заинтересованные в том, чтобы взять на себя посредничество в торговле между этими странами. Из Японии португальцы в большом количестве вывозили золото и серебро, оплачивая ими покупку китайских товаров для Японии и получая при этом большие прибыли.

Японцам также была выгодна торговля с европейцами. Поэтому, когда Тоётоми Хидэёси в июле 1587 г. издал указ об изгнании из Японии христианских миссионеров, которые стали вмешиваться в междоусобную борьбу, он оговорил при этом право португальцев беспрепятственно продолжать торговлю.

Голландское судно

Став сёгуном, Токугава Иэясу первоначально не предпринимал никаких решительных мер против иноземцев. Наоборот, стремясь укрепить экономическую основу бакуфу, он проявлял большую заинтересованность в развитии внешней торговли, которая могла послужить дополнительным источником доходов.

Начало XVII в. было периодом наивысшего подъема японского мореплавания. На рубеже XVI–XVII вв. Япония поддерживала внешние связи с народами 16 стран. В те годы японские корабли не только совершали плавания в страны Восточной и Юго-Восточной Азии, но и дважды — в 1610 и 1613 годах — пересекали Тихий океан, доставляя посольства сёгуна в Новую Испанию, так тогда называли Мексику.

Японские мореходы совершали длительные и трудные морские переходы, но их небольшие и плоскодонные суденышки были мало пригодны для океанского плавания. Для Японии, островного государства, были необходимы иные суда.

Японское судно

Токугава Иэясу понимал, что дальнейшее развитие японского мореплавания невозможно без освоения практических знаний других народов, в частности, их опыта сооружения крупных кораблей, которые японцы строить не умели. Случай забросил в 1600 г. в Японию англичанина У.Адамса, который остался там до конца своих дней. Постепенно Адамсу удалось войти в доверие к сёгуну, который сделал его своим советником.

Адамс преподавал Иэясу основы математики. Кроме того, хотя Адамс был штурманом, а не корабелом, он, по настойчивой просьбе Иэясу, с помощью японских мастеров построил большой корабль по европейскому образцу.

Общение с иностранцами позволило Иэясу осознать, что Япония во многих областях отстала от европейских стран. Вероятно поэтому в «Завещании Иэясу», которое, по всей видимости, появилось в первой половине XVII в., в ст. 68 говорится:

«Япония, хотя и существует со времен императора Дзимму, но науки, сравнительно с другими странами, еще стоят в ней на низкой ступени. Устройством школ и распространением образования следует сделать Японию известною».

Тем не менее, в 1612 г. Токугава Иэясу запретил христианскую религию в Японии. Причин на это было несколько, но главная была той же, что двигала в свое время Тоётоми Хидэёси: сёгунат опасался подчинения страны европейцам, которые активно вмешивались во внутреннюю борьбу. Кроме того, к концу XVI в. наладилась торговля с Китаем и отпала надобность в португальском посредничестве.

Отход Иэясу от текущих дел

Токугава Иэясу был сёгуном недолго — в мае 1605 г. он отказался от титула в пользу своего сына Хидэтада. Тем самым пост сёгуна закрепился за домом Токугава. Сам Иэясу удалился в Сумпу, где жил уединенно, изучал историю, проводил время в беседах со знатоками древности. Однако, он устранился от власти лишь формально. По-прежнему ни одно

важное дело не решалось без его участия. Он просто хотел освободить себя от текущих дел, чтобы иметь возможность сосредоточиться на будущей политике.

Токугава Иэясу окружил себя советниками, которых выбрал себе лично. Это были Тэнкай, монах секты Тэндай, и Хаяси Радзан, конфуцианский ученый.

Официальной идеологией при Токугава стало неоконфуцианство (чжусианство — по имени Чжу Си, китайского философа XII века). Усиление его влияния относится к концу XVI в. Тогда Иэясу имел первую продолжительную беседу с крупным ученым того времени Фудзивара Сэйка, который и постарался внушить будущему сёгуну идею переустройства государства по примеру создателя Танской империи Тайцзуна (правил ок. 627–649). Придя к власти, Токугава Иэясу решил установить порядки в государстве в соответствии с неоконфуцианской моделью, взятой из китайской практики, но видоизмененной местными мыслителями с учетом японской специфики. Фудзивара Сэйка не согласился занять пост сёгунского советника и препарировать чжусианскую доктрину применительно к нуждам *бакуфу*. Неоконфуцианским советником сёгуна стал его ученик Хаяси Радзан, который, как и его последователи, содействовали укреплению в верхах сёгунского правительства ориентации на земледелие как на экономическую опору власти.

В число приближенных Иэясу входили также Ина Тадацуги, специалист по местной администрации, Готō Мицуцугу, его советник по финансовым делам, и У.Адамс. Предстояло сделать очень многое. Еще не была окончательно определена административная структура сёгунского правительства, не был подобран соответствующий штат. Существовала масса проблем, связанных с необходимостью политического контроля над императором и двором, буддийскими и синтоистскими храмами, крестьянами и горожанами, иностранцами из Европы и Китая.

Но больше всего не давала Токугава Иэясу покоя мысль о сыне Тоётоми Хидэёси — Хидэёри, который находился с матерью в Осацком замке. Эта проблема приобретала все большую остроту по мере того, как Хидэёри взрослел, поскольку многие *даймё* в разной форме оказывали сыну Хидэёси поддержку. В 1615 г. Иэясу захватил Осацкий замок и приказал казнить Хидэёри. Замок был разрушен и предан огню. На долгое время память о доме Тоётоми Хидэёси была уничтожена.

После успешно проведенной осакской кампании у Иэясу не осталось врагов внутри страны, которых следовало бы опасаться.

В последние годы жизни Иэясу издал целую серию указов, регламентирующих жизнь императорского двора, дворянства, духовенства, которые способствовали упрочению позиции сёгуната.

21 января 1616 г., вернувшись с соколиной охоты, Токугава Иэясу около 2-х часов ночи почувствовал боли в желудке. Весть о болезни Иэясу быстро достигла Эдо, где находился его сын, сёгун Хидэада, и тот сразу же приехал в Сумпу к больному отцу. Иэясу становилось все хуже, но он успел дать много полезных советов сыну относительно того, как сохранять в стране мир и стабильность и держать в узде недовольных *даймё*.

2 апреля Иэясу позвал к себе Хонда Масадазumi, своего ближайшего и верного сподвижника и отдал ему распоряжения как провести его похороны:

«Прелать мои останки земле на горе Кунё, заупокойную службу провести в храме Дэйдзюдзи в Эдо, табличку с посмертным именем (в Японии на деревянных табличках — *ихай* — пишется посмертное имя и дата смерти покойного, после чего их ставят в домашнем алтаре; посмертное имя Токугава Иэясу — Тоси Дайгонгэн. — *Ред.*) поместить в храме Дайдзюдзи в провинции Микава; спустя некоторое время воздвигнуть небольшой храм в горах Никкё, чтобы возносить молитвы о явлении божеств».

Токугава Иэясу умер 17 апреля 1616 г., оставив своим наследникам огромные владения. Дом Токугава был самым богатым в стране. Кроме земель, ему принадлежали золотые рудники на о-ве Садо и серебряные рудники в Икуно и Омори. Кроме того, торговля и производство в Эдо, Осака и других городах, находившихся в подчинении сёгуна, давала большие доходы.

«Завешание Иэясу» В первой половине XVII в. появилось «Завешание Иэясу», состоящее из 100 статей. По всей вероятности, оно в основном было написано еще при жизни Токугава Иэясу, но до нас дошло в позднейшем варианте, куда вносились изменения и дополнения. Вот некоторые выдержки из него:

«Брось то, что любишь, и служи тому, что хотя я не любишь, но чему должен служить».

Запрещается рубить деревья, служащие границами провинций, селений, владений, межами полей, земель усадебных и т.п.

Кто более всего клеветает на других, как не лстец! Без лести и прямой человек есть преданный слуга.

Сёгун должен остерегаться, чтобы его не вводили в заблуждение родственники жены и наложниц, заставляя пользоваться услугами близких им лиц, и пренебрегая услугами лиц заслуженных.

Меч — душа воина, терять его непозволительно.

Даймё и правители должны вести себя сообразно с доходами и не предаваться роскоши.

Япония, хотя и существует с времен императора Дзимму, но науки, сравнительно с другими странами, еще стоят на низкой ступени. Устройством школ и распространением образования следует сделать Японию известною.

Если государь не знает затруднений своего народа, а народ не знает забот своего государя, то беспорядки произойдут сами собой. Если государь человеколюбив, у государства нет забот.

Твердость характера человека выражается в одном слове «терпение». Терпение обозначает умение управлять чувствами: радостью, гневом, печалью, беспокойством, огорчением, страхом и трусостью. Умение управлять чувствами в свою очередь происходит из терпения. Не предающийся страстям терпелив. Я, хотя и не терпелив, не забываю о необходимости терпения. Моим потомкам, как и мне, ... необходимо соблюдать терпение.

Составленные мною статьи должны служить основанием управления и успокоения Японии, что составляет обязанность сёгуна. Если бы я захотел оставить подробные наставления моим потомкам, то имел я гору кистей и море, разведенное тушью, не был бы я в состоянии записать все, что нужно. Поэтому я изложил свои желания, для назидания потомства, только в одной книге. Спустя 100 лет после меня, читающий мои правила поймет мои намерения.

Если кто-нибудь из моих потомков изменит этим правилам, то тем самым обнаружит свою неспособность быть сёгуном. Это уже не будет мой достойный потомок.

Указанные выше статьи не дозволяется читать никому кроме моих потомков, вельмож и советников. Показать их другим, значит показать мои намерения и навлечь на меня, как на старую болтуницу, насмешки».

Токугава Иэясу был выдающейся политической фигурой. Его умение рассчитывать ходы и ориентироваться в обстановке позволяли ему возможность поставить точку в междоусобной борьбе и добиться успеха при восхождении к вершинам власти. Кроме того, он заложил основы исключительно стабильной политической системы: эпоха, когда правила сёгуны из дома Токугава, длилась 264 года.

Но главным в политическом наследии Иэясу было достижение длительного мира в стране. Это обеспечило возможность быстрого экономического развития Японии в XVII в. Кроме того, многие административные меры, например, введение системы заложенничества (*санкин котай*), способствовали строительству домов в Эдо, развитию транспорта, стимулировали развитие торговли и сельского хозяйства. Политика и экономика оказались тесно увязаны в тугой узел.

Глава 2

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА
СЁГУНАТА ТОКУГАВА

Порядок наследования титула сёгуна

Сёгуны из дома Токугава правили страной около 3-х столетий. В истории Японии это был самый длительный период политического правления представителей одной и той же династии. Причину такой стабильности режима следует искать в продуманности мероприятий, которые провел Токугава Иэясу, и, в частности, в определении порядка наследования титула сёгуна.

Следует напомнить о происхождении термина «сёгун». В древности так называли военачальников, воевавшими с племенами *эбису* (айну), коренными жителями Японских о-вов, которых японцы постепенно вытесняли на север. Так, в 720 г. для защиты уезда Тадзихи от *эбису* был направлен сэй сёгун, в 724 г. название этого чина было исправлено на сэйи тайсёгун («великий полководец, покоривший варваров»). Чаще всего первое упоминание этого звания связывают с именем Саканоуэ-но Тамурамаро.

Со временем значение термина «сёгун» постепенно менялось, пока в конце XII в. он не стал означать верховного военного правителя страны, в роли которого выступал глава наиболее могущественного феодального дома. С того времени в Японии сложилось военное правление — сёгунат, — установление которого связано с именем Минамото Ёритомо. Сёгунат Токугава был третьим в японской истории, но положение Токугава Иэясу как сёгуна качественно отличалось от прежних сёгунов из дома Минамото и Асикага, во время правления которых военное сословие *букэ* обидало большими правами, чем при Токугава.

В 1605 г. Токугава Иэясу передал титул «сёгун» своему сыну Хидэтада, продемонстрировав тем самым, что отныне эта должность стала для дома Токугава наследственной. При этом ему пришлось решить целый ряд проблем — кто из детей должен наследовать это звание, как выбрать наследника из нескольких сыновей, чем следует руководствоваться при этом.

У Иэясу было несколько сыновей. Старший сын — Нобуясу был женат на дочери Ода Нобунага. Спустя некоторое время Нобунага заподозрил его в тайном союзе со своим врагом Такэда и в 1579 г. принудил к самоубийству. Второй сын Иэясу — Хидэ-

ясу — был усыновлен Тоётоми Хидэёси и стал наследником в знатной семье Юки в районе Кантō. В 1600 г. он вернул себе прежнюю фамилию — Токугава — и сделался *даймё* в Фукуи в провинции Этидзэн с доходом 670 тыс. *коку*. Если бы он стал сёгуном, то не произошло бы никакого нарушения фамильной линии. Однако Иэясу предпочел ему третьего сына — Хидэтада.

Причина этого заключалась в том, что в то время в памяти еще были свежи воспоминания о жестоком времени «эпохи воюющих провинций» (*сэнгоку дзидай*). В связи с этим в вопросах семейного наследования преобладала практика, когда предпочтение отдавалось наиболее способному и подходящему для этой роли сыну.

Выбор Хидэтада на должность сёгуна был хорошо продуманным шагом со стороны Иэясу. Хидэтада был самым послушным и покорным и, одновременно, понятливым из его сыновей. По своим человеческим качествам он был в тот момент наиболее приемлемым наследником для Иэясу, поскольку последний удалился от дел лишь формально и продолжал контролировать положение в стране.

Однако в таком произвольном принципе выбора наследника таилась ловушка, которая со временем могла ввергнуть дом Токугава во внутреннюю борьбу за власть, что не раз имело место в японской истории. Последствия этого были бы непредсказуемыми и могли привести к утрате родовой монополии на титул сёгуна.

Токугава Иэясу учел такую возможную опасность, когда решался вопрос о наследовании титула сёгуна среди сыновей Хидэтада. У того было 3 сына — старший, Иэмицу, средний, Таданага, и младший, Масаюки. Старший и средний были рождены от Оэё, жены Хидэтада и младшей сестры красавицы Ёдогими, любимой наложницы Тоётоми Хидэёси, а Масаюки был сыном наложницы, его усыновила семья Хосина. Так что вопрос о наследовании решался между старшим и средним братьями. Иэмицу рос слабым ребенком, апатичным, даже туповатым. В отличие от него, Таданага был развитым мальчиком, поэтому и его отец, и официальные лица склонялись к тому, чтобы 3-м сёгуном стал Таданага.

Об этом решении сообщили Иэясу, который жил тогда в Сумпу. Но тот рассудил иначе. По его мнению, стабильность семьи Токугава мог обеспечить следующий принцип — при решении вопроса о наследовании титула сёгуна решающим фактором должно было стать не состояние умственного или физического здоровья претендента, а право старшего сына, который должен был обли-

дать абсолютной властью над младшими братьями. Решив этот вопрос в пользу Иэмицу, он написал его матери, Оэё письмо:

«*Даймё* смотрят на старшего сына с особым уважением. Младшие сыновья считаются родственными слугами... Корни семейных неурядиц там, где второй сын имеет большее влияние, нежели его старший брат».

Иэясу хорошо осознавал, что непродуманное решение о праве наследования в его семье может отразиться и на отношениях между братьями в семьях *даймё*, что в свою очередь, может привести к возобновлению вооруженной борьбы между ними, нарушив тем самым стабильность и мир в государстве.

Решая эту проблему, Иэясу исходил из опыта своей семьи, где было 11 сыновей (7-й и 8-й из них умерли в детском возрасте). И надо отдать ему должное — незыблемые правила, установленные им, помогли сохранить мир и порядок в государстве, хотя и предполагали применение жестких мер в отношении ближайших родственников. Так, Токугава Иэясу не спускал непокорности своим сыновьям. Его 6-й сын Тадатэру, отличавшийся буйным нравом, совершил много проступков, так разгневал отца, что тот сослал его в Исэ. И в дальнейшем, когда после смерти Иэясу произошло столкновение между Хидэтада и его племянником Таданао, последнего лишили владения и выслали в Бунго.

Но наиболее жестоко поступил 3-й сёгун Токугава Иэмицу со своим братом Таданага. Тот после провозглашения Иэмицу сёгуном стал *даймё* в Фути, что в провинции Суруга, с доходом в 500 тыс. *коку*. После смерти их отца Хидэтада в 1632 г. Иэмицу конфисковал владения брата и вынудил его совершить самоубийство. Видно, он не забыл, что именно Таданага прочили на должность сёгуна.

В доме Токугава существовал строгий порядок, как следовало поступать, если у правящего сёгуна не было прямых наследников. Кроме основной линии (*хонкэ*), имелись и боковые ветви (*симини*) рода Токугава. К ним относились *госанкэ* (феодалы дома И Овари, Ки и Мито, основанные тремя младшими сыновьями Иэясу), *госанкё* (дома Таясу и Хитоцубаси, которые основали два сына сёгуна Ёсимунэ) и дом Симидзу, основанный сыном сёгуна Исихэ. В случае отсутствия прямого наследника сёгуном мог стать только представитель этих домов. Таким образом, право наследования титула сёгуна закреплялось только за родом Токугава, и повторение истории с Ода Нобунага, после его гибели которого власть, в обход его сыновей, захватил его вассал Тоётоми Хидэёси, было практически исключено.

Социально-политическая структура

Система *бакухан*

Японию периода Токугава называют обществом системы *бакухан* (т. е. *бакуфу*+*хан*).

Термин «*хан*» обычно переводится как «княжество», «феодалное владение». Этот перевод условен, как и всякий перевод исторического термина, обозначающего реалии национальной истории, однако он достаточно точно раскрывает суть понятия.

Система *бакухан* отражала подчиненное положение княжеств по отношению к центральному правительству и была механизмом господства *бакуфу* в масштабах всей страны. *Бакуфу* выступало как политический орган, обладавший кроме административной, еще и военной функцией. Завершенный вид он принял при 3-м сёгуне Иэмицу. Его функциональными элементами были:

- 1) умелое манипулирование *даймё*;
- 2) надзор над императорским двором;
- 3) контроль над внешними сношениями;
- 4) сакрализация наследия Токугава Иэису.

В Японии насчитывалось около 270 княжеств-*хан*, среди которых были большие, с доходом в 1 млн. *коку*, средние и маленькие, с доходом всего в 10–20 тыс. *коку*. Владения дома Токугава давали от 3,5 до 4 млн. *коку* дохода.

Особенности управления княжествами

Как административно-хозяйственная единица *хан* включало в себя территорию с проживавшими на ней людьми. В каж-

дом княжестве была своя администрация и военные силы (2/3 самураев проживали в княжествах). После отмены института военных наместников (*сюго*) княжества сохраняли относительную самостоятельность по отношению к центральному правительству в своей хозяйственной деятельности.

Для всех проживавших на территории княжества крестьян, ремесленников, торговцев, слуг, поденных работников, рыбаков сёгун и император были не более чем абстракциями. Реальной властью для них был глава княжества, с администрацией которого они соприкасались в повседневной жизни. Именно власти княжеств строили дороги и мосты, укрепляли берега рек, оказывали продовольственную помощь в случае неурожаев; когда в деревне случались конфликты по поводу воды для полива или использования общинных земель, администрация княжества разрешала и эти проблемы.

В начале XVII в. различия между административными системами *бакуфу* и княжеств были значительными, поскольку *даймё* придерживались своих семейных кодексов. Однако центральное правительство стремилось ограничить власть *даймё* и унифицировать налоговую систему и административные функции. Постепенно различия стирались, и примерно к середине XVII в. административное устройство княжеств в основном повторяло в миниатюре структуру *бакуфу*.

В каждом княжестве имелось свое административное управление, которое возглавляли посменно главные вассалы *даймё* (*карё*). Они ведали всеми политическими, административными, военными и экономическими делами, поскольку глава княжества был обязан подолгу находиться в Эдо. Важную роль играл *дзёдай* — чиновник, который замещал *даймё* в его отсутствие. В штате была и еще одна должность — *русуи*. Этот чиновник замещал *даймё* в Эдо, когда тот возвращался в княжество.

Сословная система В начале периода Токугава *бакуфу* установило строгие социальные различия. Все население страны было разделено на 4 сословия: *си* — самураи, *но* — крестьяне, *ко* — ремесленники, *сё* — торговцы.

Сословие самураев подразделялось на несколько категорий *даймё* и собственно самураев — их вассалов, составлявших военное служилое дворянство. Высший слой в первом сословии составляла киотоская придворная аристократия, но она была очень бедной.

Крестьяне на социальной лестнице занимали вторую ступеньку. Этим была подчеркнута важность этого слоя, поскольку именно трудом крестьянина содержалось все общество. Труд земледельца в соответствии с конфуцианским учением считался уважаемым. Само крестьянство было бесправным, но постепенно училось бороться за свои права. Крестьянские восстания были формой социального протеста.

Торговцы, впервые выделенные в отдельное сословие, оказались внизу социальной лестницы не случайно. Согласно конфуцианским взглядам, они ничего не производили. Конфуцианский принцип гласил: «Земледелие надо поощрять, а торговлю подавлять».

Место синтоистского и буддийского духовенства внутри установленной Токугава сословной системы не было строго определено. Фактически, духовенство по своему статусу приближалось к первому, военному сословию.

Вне четырех сословий остались значительные социальные группы — *эта*, *хинин*, артисты, музыканты, фокусники, танцовщицы и др. *Эта* и *хинин* представляли собой презираемые, самые низшие, социальные группы. *Хинин* («нечеловек») называли людей, подвергшихся наказанию (главным образом, за преступления против властей), а также нищих и бродяг. Это слово всегда имело презрительный смысл. Совершившие преступление теряли свое общественное положение. Их профессией становилось обслуживание места казни, захоронение казненных. В восточной части Японии они жили в городах и имели своего лидера, называвшегося *дандзаэмон*, который выступал в роли посредника между *хинин* и властями. В западной части Японии *хинин* жили в деревнях. И все же *хинин* не были «навек пропавшими»: теоретически они могли восстановить свой прежний общественный статус.

Эта, каста париев, занимала самое низкое положение. Они занимались убоим скота, выделкой кож, крашением, уборкой мусора, т. е., согласно буддийским догмам, профессиями, которые «оскверняли человека грязью смерти и крови». С древних времен такие работы выполняли либо рабы, либо заключенные, так как с точки зрения религии они считались позорными. Постепенно «нечистые» профессии стали наследственными. Так образовалась каста отверженных-*эта*, которая была лишена каких-либо прав и жила в специальных поселениях.

Структура правящего класса

Самураи — княжеские вассалы (*ханси*) — в зависимости от знатности и близости к *даймё* были заняты на различных административных должностях и в войсках княжества. Большая их часть была переведена на натуральное жалование (*футимай*) — рисовый паек самураев, который являлся вознаграждением за службу в княжестве. Меньшая часть самураев имела земельные владения. Члены княжеской семьи обычно должностей не занимали, а лишь участвовали в обсуждении важнейших дел, касавшихся лично их или княжества в целом.

Даймё в период Токугава подразделялись на несколько категорий в зависимости от характера их политических отношений с домом Токугава.

К *фудай даймё* относились князья-союзники Токугава Иэясу и их потомки. Они были щедро награждены им за счет конфискованных земель противной стороны. Многие *фудай даймё* разбогатели, получив владения побежденных врагов.

Тодзама даймё («посторонние даймё») были потомками феодалов, выступивших против Токугава Иэясу в битве при Сэкига-

хара. По своему могуществу и богатству они нередко превосходили многих *фудай даймё*. Так, *даймё* Маэда владел тремя провинциями в западной части о-ва Хонсю, его доход составлял 1,2 млн. *коку*. Однако битва при Сэкигахара как бы провела линию раздела между *даймё*, определив их дальнейшую роль в политической жизни страны — *тодзама даймё* не могли занимать никаких государственных должностей, и, как правило, их деятельность ограничивалась пределами их собственных княжеств. Кроме того, в течение долгого времени власти принимали по отношению к ним различные меры, которые ослабляли их экономическое и военное могущество.

К *камон даймё* относились феодальные дома, чье положение определялось их родственными связями с домом Токугава или домом Мацудайра. Эта категория обладала одним большим преимуществом: *камон даймё* могли быть причислены к *фудай даймё*, но никогда — к *тодзама даймё*.

Со временем между *фудай даймё* и *тодзама даймё* установились более тесные отношения, и им приходилось вместе служить при дворе сёгуна. Дискриминационные меры со стороны *бакуфу* в отношении *тодзама даймё* также постепенно ослабли, хотя провозглашение знаков особого внимания к *фудай даймё* продолжалось.

Система заложничества (*санкин кōтай*) Несмотря на решительную победу в битве при Сэкигахара, ситуация в стране в период правления Токугава Иэясу отнюдь не была полностью устойчивой. Ее стабильность зависела от поведения *даймё*, которые в любой момент могли переменить свою позицию в отношении Иэясу. Еще был жив сын Тоётоми Хидэеси, которому *даймё* могли оказать поддержку, начать он борьбу за власть. Поэтому Иэясу предпринял ряд мер, чтобы окончательно ослабить своих противников. Одной из них было принятие в 1615 году «Княжеского кодекса» («Букэ сёхатто»). Спустя несколько недель после уничтожения сына Хидэеси — Хидэёри — Иэясу собрал *даймё* у себя в замке в Фусими, где им зачитали указ из 13 статей, которые и легли в основу «Княжеского кодекса». Вот некоторые выдержки из него:

«Даже о ремонте замка надлежит докладывать властям... Высокие стены и глубокие рвы — причина крупных переворотов.

Если замышляются какие-либо новшества или начинаются раздоры в соседнем княжестве, об этом надлежит немедленно доносить правительственным властям.

Самурай всех княжеств должен соблюдать экономию. Богатство всегда бывает наказным, а бедные стыдятся своего неравенства. Это обыч-

ное явление. Но ничто не достойно большего порицания, [чем расточительство], которое должно строго пресекаться.

Князья должны назначать на руководящие должности в своих княжествах людей способных и достойных.

Искусство управлять заключается в умении подбирать подходящих лиц. Должны быть проведены точная грань между заслугами и проступками и правильное распределение наград и взысканий. Если в княжестве есть способные люди, оно будет процветать; если их нет, оно будет разрушаться.

Такое ясное предостережение было сделано древним мудрецам.

Упомянутое выше должно строго соблюдаться».

Но самой главной и действенной мерой контроля над *даймё* была система заложничества (*санкин кōтай*). Ее начал практиковать еще Тоётоми Хидэёси, но окончательно она оформилась в 1634–1635 гг. при Токугава Иэмицу. Сначала эта система касалась лишь *тодзама даймё*, но в 1642 г. она была распространена на всех *даймё*. Суть этой системы состояла в том, что *даймё* были обязаны год жить в Эдо вместе с женой, детьми и вассалами. Для этого *даймё* строили усадьбы (*ясики*) поблизости от Эдоского замка. Как правило, *даймё* имел не одну усадьбу, поскольку в Эдо часто случались пожары. Когда *даймё* возвращался в свое владение, он оставлял свою семью в качестве заложников в Эдо; это был лучший способ удержать его от опрометчивых поступков. Проезд в Эдо и обратно, содержание семьи — все это приводило к огромным расходам. Только на транспортные расходы уходила 1/3 доходов *даймё*. Поэтому рис, получаемый в качестве налога, в больших количествах отправлялся на продажу, а на вырученные деньги покупались дорогие ткани и другие предметы роскоши. Кроме того, сёгуну полагалось подносить дорогие подарки.

Все это основательно подрывало финансовую базу княжества, чего и добивались Токугава, вводя систему заложничества. При этом повышать налоги, чтобы восполнить потери, было опасно. *Даймё* мог быть обвинен в «несправедливом» управлении, если крестьяне из его владений обращались с петицией или поднимали восстания, а это грозило потерей владения.

Сёгунат не разрешал *даймё* держать большие вооруженные силы, каждому из них была определена своя «норма» в зависимости от доходов. При поездке в Эдо не разрешалось брать с собой огнестрельное оружие, специальные чиновники проводили строгий досмотр. Правительство строго следило, чтобы заложники не бежали из Эдо.

Административная система сёгуната

Эволюция административной системы сёгуната

С точки зрения административной структуры в деятельности *бакуфу* можно выделить три периода:

- 1) с 1603 по 1632 гг.
- 2) с 1633 по 1854 гг.
- 3) с 1855 по 1867 гг.

Первый период охватывает годы правления Токугава Иэясу и его сына Хидэтада вплоть до кончины последнего. Это время характеризуется тем, что государственные дела велись талантливыми администраторами, которые выдвигались из непосредственного окружения Иэясу и Хидэтада, с которыми у них были доверительные отношения.

Начало второго периода было обозначено деятельностью 3-го сёгуна Иэмицу, который упорядочил административную структуру *бакуфу*. Все последующие сёгуны, фактически, продолжали действовать в рамках созданной им структуры управления.

Третий период связан с «открытием» страны, когда власти *бакуфу* реально столкнулись с внешней угрозой. В структуре сёгуната даже не было специального отдела, который занимался бы иностранными делами. Длительный период мира, без внутренних войн и внешних угроз, привел к утрате военного искусства. В стране не было ни единой регулярной армии, ни военных кораблей, ни производства современного по тем меркам оружия (этим, правда, занимались отдельные княжества). Правительство лихорадочно пыталось реагировать на быстро менявшиеся обстоятельства, создавая организации, которые занимались бы военными и иностранными делами, но время было безвозвратно утеряно. Реформы, которые помогли Японии справиться с кризисной ситуацией и обеспечили ей быстрое развитие в разных сферах, прошли уже в период Мэйдзи (1868–1911), после краха сёгуната.

Центральные органы власти

На протяжении всего периода Токугава в системе правительственных органов происходили изменения, но основная структура оставалась неизменной. С конца XVII в. правительственные дела все больше поворачиваются в гражданскую сферу, в числе чиновников появляются новые люди, предки которых не имели прямых связей с домом Токугава.

Когда Токугава Иэясу стал сёгуном, чиновничий аппарат еще находился в стадии формирования. Истоки сёгунской администрации вели свое начало от системы власти, существовавшей во владениях Токугава в районе Кантō: военные силы имели свое командование, где старшим был главный вассал (*карō*), а гражданскими делами ведали 3 департамента (*санбугэ*), главами которых Иэясу назначил трех своих верных вассалов: Ōсуги Ясутака, Уэмура Масакацу и Корики Киёяса. Под их управлением находились 3 главных чиновника (*дайкан гасира*), которые ведали сбором налогов, деньгами, документами, т.е. вели все текущие дела. В штате были предусмотрены священник и лекарь.

Такая административная структура сохранялась в течение нескольких лет после 1603 г. Но две группы *даймэ* — *тодзама даймэ* и боковые ветви дома Токугава (*симпан*) к власти не допускались. На государственные должности старались назначать людей, которые экономически зависели от сёгуна, были обязаны ему своим выдвижением и на лояльность которых можно было положиться. Такие люди, как правило, рекрутировались из числа *фудай даймэ*, *хатамото* и *гोकэнин* (непосредственных вассалов сёгуна).

Правительственный аппарат, созданный при Токугава, был довольно большим. В нем имелось четкое распределение должностей и обязанностей, в сферу его деятельности входили как государственные дела, так и обслуживание сёгунского двора.

Государственные дела вели высшие сановники: регент, старшие и младшие государственные советники, руководители ведомств. Немалое влияние на них оказывал и личный секретарь сёгуна (*собаёнин*), через которого сановники передавали свои доклады верховному правителю страны.

Высшая государственная должность — главный советник (*тайрō*) — не была постоянной, а учреждалась обычно при малолетнем сёгуне или в связи с чрезвычайными обстоятельствами. На этот пост выдвигались особо доверенные лица.

Старшие государственные советники (*рōдзю*), которых было 5 или 6, ведали делами управления страной и сёгунскими территориями, надзором за *даймэ* и др. Они назначались из числа богатых *фудай даймэ*, имевших доход не менее 25 тыс. *коку* риса. Если состояние вновь назначенного было ниже установленного ценза, то правительство жаловало ему дополнительные земли с соответствующим доходом. *Рōдзю* исполняли свои обязанности помесячно, по месяцу каждый. В определенные дни они принимали *даймэ*, чиновников и других просителей.

У *рёдзё* были помощники — младшие государственные советники (*вакадосиёри*), которые ведали охраной сёгуна и его дворца, полицейским аппаратом и всеми другими военными отрядами, сформировавшимися из самураев-вассалов сёгуна (*хатамото*, *гокэнин*). На эту должность назначались лица из числа менее состоятельных *фудай даймё*.

Для обсуждения государственных дел *рёдзё* и *вакадосиёри* периодически собирались в одном из залов сёгунского дворца — Гоёбэя. Это был высший административный орган — государственный совет, — который по месту проведения заседаний иногда называли Гоёбэя.

Административными, финансово-экономическими и хозяйственными делами *бакуфу* ведали 4 ведомства, деятельность которых осуществлялась под началом *рёдзё*.

3-й сёгун Иэмицу придал административной системе более четкую структуру. В 1634 г. *бакуфу* разграничило полномочия и должностные обязанности *рёдзё* и *вакадосиёри*. *Рёдзё* стали веждать делами *даймё*, чьи доходы превышали 10 тыс. *коку* риса, иностранными делами и финансовыми вопросами. А *вакадосиёри* получили в свое ведение дела, которые касались охраны сёгунского двора, а также всем, что было связано с *хатамото* и *гокэнин*; эти непосредственные вассалы сёгуна имели доход менее 10 тыс. *коку*.

Обязанности *тайрё* были более четко определены лишь в 1638 г., однако даже тогда обязанности этого формально второго после сёгуна лица в государстве были обрисованы весьма расплывчато, в результате чего политическая значимость *тайрё* осталась неясной. По-видимому, полномочия этой должности ограничивались консультативными функциями.

Финансовое ведомство (*кандзё бугё*) управляло всеми финансами *бакуфу*, ведало вопросами, связанными с налогами и повинностями, наблюдало за деятельностью правительственных наместников (*гундай* и *дайкан*), рассматривало жалобы населения послами провинций района Кантё. Ему были подчинены монетный двор, управление лесами и рисовыми складами. Это ведомство играло большую роль в жизни крестьян, проживавших на территориях сёгунских владений, так как все налоговые книги, списки и документы, касавшиеся обложения, представлялись провинциальными наместниками сёгуна именно в это ведомство. Жалобы крестьян, поданные в государственный совет, обычно направлялись в это ведомство на предварительное рассмотрение.

Ведомство по делам религии (*дзися бугё*) ведало делами буддийских и синтоистских храмов, и кроме того рассматривало жалобы населения всех других районов Японии, кроме восьми провинций района Кантō. Поэтому оно тоже имело большое значение для крестьян.

Было еще ведомство по делам города Эдо (*Эдо-мати бугё*) и ведомство по делам других больших городов (*энкоку бугё*), которое вдобавок ведало рудниками, принадлежавшими сёгуну. Существовал также большой аппарат полицейских инспекторов (*бмэцукэ*) с помощниками (*мэцукэ*).

Совещательным органом при сёгунате был *хёдзёсё*, в который входили представители *кандзё бугё*, *дзися бугё* и *Эдо-мати бугё* и *мэцукэ*. Там обсуждались текущие дела и готовились ответы на запросы *рёдзю*. Вместе с тем, *хёдзёсё* представлял собой своего рода верховный суд, где рассматривались конфликты между ведомствами, петиции от *даймё*, княжеские споры о наследстве, прошения крестьян, поданные, минуя местные власти, и другие важные дела. С 1721 г. для приема жалоб от населения перед воротами *хёдзёсё* 3 раза в месяц выставлялся специальный ящик (*мэясубако*).

Никакого свода законов тогда не существовало, при судебных разбирательствах обычно руководствовались отдельными правительственными указами и судебной практикой. Только в начале XVIII в. был издан первый судебник, а в 1742 г. — кодекс законов, но предназначались они лишь для чиновников и обнародованы не были.

Местные органы власти Во владениях *бакуфу* правили наместники (*гундай* и *дайкан*). В введении *гундай* находились территории с доходом более 100 тыс. *коку*, они контролировали важнейшие экономические и стратегические районы страны. *Дайкан* руководили владениями с доходом менее 100 тыс. *коку*.

На этих наместников возлагались следующие функции: политико-административные — управление подведомственной территорией; судебные — разбор жалоб от населения; финансовые — взимание налогов, изменение налоговых ставок и т. д.; хозяйственные — ремонт плотин, дорог, мостов, поддержание ирригационных систем и т. п.; чрезвычайные — снабжение сёгунских войск, если они находились на подведомственной им территории, и подавление восстаний. Этим наместникам разрешалось вступать в переговоры с соседними феодалами в случае необходимо-

сти посылки войск для подавления волнений, что свидетельствовало о большом доверии правительства к наместникам.

В городах, портах и на рудниках, принадлежавших правительству, находились полномочные сёгунские чиновники (*бугё*). В Киото при императорском дворе была введена новая должность специального наместника (*сёсидай*), в обязанности которого входила слежка за императорским двором и *кугэ*, чтобы пресечь любую попытку использовать императора в политической борьбе.

Сёгун и императорский дом

Положение императорского дома

Чтобы понять положение императорского дома в эпоху Токугава, его роль в политической жизни страны и характер взаимоотношений с сёгунами, необходимо совершить небольшой экскурс в историю японского императорского дома.

К концу III—середине IV в. в центре о-ва Хонсю образовался племенной союз Ямато. Японское государство постепенно складывалось на базе этого племенного союза, власть вождей которого постепенно приобретала характер царской. Они же являлись и верховными жрецами. То обстоятельство, что правитель одновременно был и главой религиозного культа, впоследствии нашло отражение в роли, которую стал играть в традиционной религии *синтё* глава объединенного государства.

С конца XII в. и до 1868 г. с некоторыми перерывами государственная власть находилась в руках сёгунов, которые отстранили императорский дом от «большой политики», чтобы он не «осквернял» себя заботами о государственных делах. Экономически окрепнув, военное дворянство (*букэ*), стало властвовать и политически. Эта власть фактически была узаконена императорским двором присвоением титула *сэйи тайсёгун*.

Правда, аристократия и двор неоднократно пытались восстановить императорскую власть и вернуть утраченные земли. Так, крупная вооруженная попытка реставрации была предпринята в 1221 г., но она окончилась полной неудачей — свыше 3 тыс. поместий были конфискованы в пользу сёгуна и его сторонников. В 1333 г. в результате реставрации Кэмму (*Кэмму-но тьюкё*) в стране на два с половиной года возродилась прямая императорская власть. Однако и эта попытка закончилась расколом императорского дома и созданием нового, второго сёгуната Асикага.

Падение политического значения императорской власти сопровождалось ухудшением материального положения император-

ского дома. Денег не хватало и на проведение синтоистских церемоний государственного масштаба, что негативно отражалось на отношении народа к императору.

Особенно плачевным было положение императоров во время второго сёгуната (1338–1573). Сёгуны из династии Асикага, чье правительство находилось в Киото, непочтительно относились к императорскому дому, хотя и получили титул сёгуна из рук императора. В период ожесточенных междоусобных войн, начавшихся в XV в., не собиралась установленная для императорского двора подать. Двор, давно уже не имевший власти, беднел и утрачивал свой авторитет. У придворной аристократии не хватало даже теплой одежды и еды.

Следующий этап в истории императорского дома наступил во второй половине XVI в. и был связан с процессом объединения страны, когда на политической сцене появились Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу.

Нобунага и Хидэёси принимали меры к возрождению религиозного престижа монархии. Это было в русле их политики в отношении буддизма, основанной на стремлении свести к минимуму влияние буддийского духовенства, претендовавшего на самостоятельную роль в делах страны. Были выделены специальные средства для нормального выполнения императором своих ритуальных функций, была возрождена почетная система придворных титулов.

Ода Нобунага вернул придворной аристократии принадлежавшие ей ранее земли, рассчитывая с помощью этого утвердить свое влияние на императора и двор. С этой же целью в 1579 г. он усыновил принца, сына императора Ёгимати. В результате Ода Нобунага получил высокий придворный ранг. Хидэёси также был удостоен высших титулов. Император пожаловал ему аристократическую фамилию Тоётоми, признавая его заслуги перед троном.

Токугава Иэясу, став сёгуном в 1603 г., тоже получил этот титул из рук императора Гоёдзэй, что не помешало сёгуну заставить его отречься от престола в 1611 г. Первое время Токугава оказывали двору некоторые внешние знаки почтения. Но по мере укрепления власти сёгуна усиливалась политика полного подчинения императорского двора сёгунату, который все меньше и меньше считался с Киото.

Токугава владели 1/4 всех земель страны, остальное принадлежало феодальным князьям и императорскому дому. Владения последнего были невелики, поэтому двор всегда нуждался в средствах и находился в экономической зависимости от бакуфу.

Бюджет императорского двора утверждал сёгун. Личное имущество императора оценивалось в 10–30 тыс. *коку*. Все придворные, включая и императорскую семью, получали на содержание 120–130 тыс. *коку*. Их материальное положение можно было сравнить с положением *даймё* средней руки. Причем сёгуны то уменьшали, то увеличивались размеры владений и средств, предназначенных на содержание императорского дома. Обычно для императора выделялись деревни, где собирали низкие урожаи риса.

О плачевном материальном положении придворной аристократии (*кугэ*) говорит тот факт, что многие из них были вынуждены заниматься изготовлением игральные карт, перепиской старых рукописей, рисованием и другими побочными занятиями, а также перепродажей секретов ремесла.

Несмотря на полную утрату императором реальных политических прав, императорский двор оставался важной составной частью государственного аппарата. Формально император являлся верховным правителем страны, получившим власть из рук богини Аматэрасу. В формуле *бансэй иккэй* («одна линия на вска») воплотился принцип непрерывного правления императорского дома. Все правители Японии использовали религиозный престиж императора. Сёгуны как бы получали из рук императора мандат на управление страной. За императором сохранялось право раздачи придворных должностей и рангов и наград. Но когда придворный титул присваивали *букэ*, пожалование производилось по представлению сёгуна. Самостоятельность императора касалась и отправления религиозных обрядов. Но сёгунат вмешивался и в эти дела. Так, в 1613 г. были приняты указы бакуфу из 17 статей, ставивших двор и придворную аристократию под контроль сёгуната. Эти указы регламентировали жизнь императорского двора, дворянства и духовенства.

Сыновья императоров, за исключением наследных принцев, обычно становились монахами и возглавляли тот или иной монастырь или храм. Это делалось по двум причинам — чтобы не разрасталась императорская семья, и чтобы ее члены не могли принимать какое-либо участие в политической жизни страны. Сёгунат вмешивался в вопросы престолонаследия, всячески стремился изолировать *даймё* от императорского двора, запретив им посещать Киото и т.д.

Токугава Иэясу последовал примеру дома Фудзивара, поставившему жен для императоров — он предложил на эту роль свою плучку Кадзуко. И хотя двор считал такое предложение нарушением всех традиций (императоры выбирали жен среди пяти при-

дворных фамилий), брак состоялся в 1620 г. Из-за нового конфликта с сёгуном император Гомидзуно отрекся от престола в пользу своей 6-летней дочери, которая приходилась Иэясу правнучкой. Она царствовала в 1629–1643 гг. под именем Мэйсё.

Переезд *бакуфу* из Киото в Эдо перевел отношения между сёгуном и императорским двором в чисто институциональную плоскость, лишив их какого-либо личного содержания. При Токугава Иэясу в Киото был построен замок Нидзё, где останавливались сёгуны, приезжавшие в Киото, но посещали императорскую столицу лишь первые три сёгуна. 3-й сёгун Иэмицу посетил Киото 3 раза — в 1623, 1626 и 1634 гг. Каждый раз его сопровождали крупные военные силы, в 1634 г. они насчитывали 307 тыс. чел. Безусловно, это была демонстрация силы, целью которой было запутать императорский двор.

После Иэмицу, лишь последний сёгун, Ёсинобу, побывал в Киото, а в промежутке замок Нидзё стал резиденцией *сёсидай*, обязанностью которых было наблюдение за императорским двором.

Обожествление Токугава Иэясу

Для упрочения власти и авторитета династии Токугава внук Иэясу, 3-й сёгун Иэмицу, провел ряд мероприятий для прославления своего деда, которому он был обязан тем, что стал сёгуном. В Никкё он построил святилище, где должен был быть помещен *синтай* («божественная субстанция») — предмет, воплощавший в себе божество и являвшийся объектом поклонения в синтоистском святилище. Это святилище в Никкё, строительство которого началось в 1616 г. и закончилось в марте 1617 г., стало мавзолеем Иэясу. Оно получило название Тёсёгү.

В 1645 г. императорский двор присвоил этому святилищу титул *мия*, подняв его тем самым до уровня синтоистских святилищ, таких как Исэ дзингү. С 1646 г. на ежегодные празднества в Тёсёгү приезжал специальный представитель императорского двора. Ежегодно в Никкё совершали паломничество сёгуны, их окружение, *даймё*, самураи и простолюдины со всех концов страны. Во всех провинциях по повелению сёгунов создавались своего рода филиалы Тёсёгү, к середине XIX в. их насчитывалось 200. Этими мерами сёгунат подчеркивал особое место Иэясу в истории Японии.

Глава 3

ПЯТНАДЦАТЬ СЁГУНОВ ДИНАСТИИ ТОКУГАВА (1605—1867)

В период Эдо последовательно правили 15 сёгунов из династии Токугава. Деятельность первого из них — Токугава Иэясу, родоначальника династии — подробно рассматривается в главах 1-й и 2-й. Что касается его преемников, то среди них были как его прямые потомки, так и представители боковых ветвей рода. Некоторые из них были людьми одаренными и отличались государственной мудростью, но встречались и безвольные неспособные правители.

Укрепление политической системы сёгуната

Токугава Хидэтада

2-й сёгун Хидэтада формально правил в 1605—1623 гг., но в течение первых 10

лет он был как бы соправителем отца, а затем фактически оставался у власти до 1632 г.

Как уже говорилось, решая вопрос о том, кому следует быть сёгуном после него, Иэясу остановил свой выбор на 3-м сыне, Хидэтада, который, по его мнению, совмещал в себе несколько качеств, необходимых для правителя страны. Помимо полной покорности отцу, среди этих качеств была и личная храбрость — Хидэтада принимал участие в битве при Сэкигахара, и у Иэясу была возможность наблюдать сына в деле. 7 апреля 1605 г. Иэясу покинул пост сёгуна, и Хидэтада занял его 6 октября того же года.

Иэясу, удалившись от дел в Сумпу, стал *богосё* — так называли человека, имевшего выдающиеся заслуги. Хидэтада же, сделавшись сёгуном, пока учился у своего отца. Как уже не раз бывало в истории Японии, образовалась двойная система власти — Хидэтада, главной сферой деятельности которого стали административные дела, и Иэясу, который оставил за собой такую важную сферу деятельности как сношения с внешним миром. Отличие от более ранних примеров дуальной системы власти заключалось в том, что на этот раз оба правителя были ближайшими родственниками. После смерти отца вся полнота власти перешла к сыну.

С именем Хидэтада связано становление и укрепление всех политико-административных институтов сёгуната — усиление контроля над *даймё*, над императорским домом, реорганизация всех административных органов. В отношении *даймё* был принят

«Княжеский кодекс» («Букэ сёхатто», 1615), согласно которому даже о ремонте замка надлежало докладывать властям. Наряду со строгими правилами, касавшимися всех сторон жизни *даймё*, в кодексе содержались и мудрые советы, например:

«Князья должны назначать на руководящие должности в своих княжествах людей способных и достойных. Искусство управлять заключается в умении подбирать подходящих лиц. Должны быть проведены точная грань между заслугами и проступками и правильное распределение награды и взысканий. Если в княжестве есть способные люди, оно будет процветать; если их нет, оно будет разрушаться. Такое ясное предостережение было сделано древними мудрецами. Упомянутое выше должно строго соблюдаться».

Подобные строгие правила были составлены и для императорского двора («Кинтё нараби-ни кутэ сёхатто»).

Хидэтада упорядочил систему военной службы не только в системе *бакуфу*, но и в княжествах. В области внешних сношений он ограничил торговлю с голландцами и англичанами портом Нагасаки и о-вом Хирадо и усилил контроль за внешней торговлей, подчинив ее непосредственно *бакуфу*. Кроме того, были приняты новые указы против европейских миссионеров. Так делались первые шаги к изоляции страны.

Хидэтада, как и его отец, при жизни отказался от поста сёгуна в пользу своего сына Иэмицу, но фактически правил до конца своих дней. Он умер 24 января 1632 г. и был похоронен на территории храма Дзёдзёдзи в Эдо.

Токугава Иэмицу 3-й сёгун Иэмицу правил в 1623–1651 гг., но фактически обрел полноту власти с 1632 г. после смерти отца.

Время его правления было отмечено политической стабильностью, однако это не означало, что в стране отсутствовали недобвольные. Иэмицу провел ряд административных реформ, которые позволили ему укрепить сёгунскую власть. Он ужесточил дисциплину в военных домах *букэ*, усилил контроль над *даймё*. При нем в 1634 г. окончательно оформилась система заложничества (*санкин котай*), при которой *даймё* попеременно несли службу при сёгунском замке в Эдо, а, возвращаясь в свое владение, оставляли в Эдо в качестве заложников членов своих семей.

При Иэмицу был принят «Дворянский кодекс» («Сёси хатто»), регламентировавший нормы поведения, правила наследования и т.д. Действенным рычагом его политики было перемещение *даймё* — это сдерживало их сепаратистские устремления и укрепляло

центральную власть. Кроме того, Иэмицу старался по возможности уменьшить владения *тодзама даймё*, особенно в тех районах Японии, где дом Токугава имел слабые позиции (север и запад о-ва Хонсё, острова Сикоку и Кёсю). За счет их земель он увеличивал владения самих Токугава и *фудай даймё*. После Иэмицу, во второй половине XVII в., конфискации владений *тодзама даймё* стали проводиться значительно реже, а в XVIII в. — лишь в единичных случаях.

После Симиябарского восстания (1637–1638) в Японии усилились гонения на христиан. Иэмицу последовательно издал серию указов, крайне ограничивших общение Японии с внешним миром, что в исторической перспективе имело как положительные, так и отрицательные последствия. В 1624 г. приезжать в Японию было запрещено испанцам, 1630 г. последовал запрет на ввоз в страну европейских книг, в 1639 г. из Японии были изгнаны португальцы. Вести торговля в Японии разрешалась лишь китайцам и голландцам.

В период правления Иэмицу могущество сёгуната достигло своего апогея — в стране окончательно утвердилась сильная центральная власть.

Иэмицу умер 12 апреля 1651 г.

Первые признаки кризиса *бакуфу*

Токугава Иэцуна 4-й сёгун Иэцуна, правил в 1651–1680 гг.

Токугава Иэмицу умер внезапно и в стране началось замешательство. Этим воспользовались *рёнин*, самураи, лишившиеся своих сюзеренов и, следовательно, средств к существованию. Они замыслили убить нового сёгуна, похитить императора и заставить его издать указ о наказании Токугава. Заговорщики надеялись, что власть в стране захватят *тодзама даймё*, начнется междоусобная война, где *рёнин* и найдут себе применение, поскольку война была их основной профессией. Но *бакуфу* удалось погасить заговор.

Старшему сыну Иэмицу — Иэцуна — к моменту смерти отца было 10 лет. Он был слабым и болезненным ребенком. Ему помогали люди из окружения его отца — Хосина Масаюки, Мацудайра Нобуцуна и Сакаи Тадакиё. Даже повзрослев, он во всем полагался на них, и поскольку часто болел, был лишь номинальным правителем. Всеми делами сёгунской администрации заправлял *рёдзю* (старший государственный советник) Сакаи Тадакиё.

Иэцуна оказывал покровительство конфуцианству, а в отношении буддийского и синтоистского духовенства издал специальные правила, которым необходимо было строго следовать.

Годы правления Иэцуна пришлись на переходный период, когда в положении сёгуната начали проявляться негативные тенденции — если при первых трех сёгунах финансовое положение страны было благополучным, то при Иэцуна нарушилось равновесие между доходами и расходами.

Токугава Иэцуна умер 8 мая 1680 г., не оставив после себя прямого наследника, и был похоронен на территории буддийского храма Канъэйдзи в Эдо.

«Собачий сёгун» 5-й сёгун Цунаёси, правил в 1680–1709 гг.

После смерти Иэцуна сёгуном стал его младший брат Цунаёси. За свой эксцентричный характер и ряд непопулярных мероприятий он заслужил весьма нелестные оценки современников. За свою чрезмерную любовь к животным он получил прозвище «собачий сёгун». По странному стечению обстоятельств Цунаёси родился в год «*хи-но э ину*» — год «огненной собаки».

В первые годы своего правления Цунаёси пользовался советами *тайрō* (регент, или главный министр) Хотта Масатоси, стараниями которого он и стал сёгуном. Это были благополучные годы правления. Но в 1684 г. Хотта был убит во дворце сёгуна младшими государственными советниками. После его смерти власть фактически сосредоточилась в руках личного секретаря сёгуна (*собаёнин*) Янагисава Ёсиясу, а Цунаёси все больше и больше устранился от дел, что отрицательно сказывалось на управлении страной. Можно сказать, что Цунаёси положил начало системе, когда страной правили не официальные правительственные органы, а личные фавориты сёгунов. Среди чиновников, высших и низших, процветало взяточничество.

В период его правления Цунаёси в Японии случилось много стихийных бедствий — пожары, землетрясения, голод, извержение вулкана Фудзи, на ликвидацию последствий которых требовались дополнительные расходы.

Сам Цунаёси тратил огромные средства на всякие придворные увеселения, постройку храмов, был безрассудно расточителен. В результате сёгунат стал постоянно испытывать денежные затруднения. Когда особенно были нужны деньги, производили конфискацию имущества какого-нибудь богатого купца, обвинив того, например, в расточительстве. Но чаще Цунаёси прибегал к порче монеты — в них уменьшалось содержание золота, что приводило

к увеличению количества денег в обращении, к падению их стоимости и к росту цен на все товары, что вызывало недовольство всех слоев населения. Прибыль получали лишь купцы и менялы.

Всеобщую ненависть вызывали указы Цунаёси о запрещении жестокого обращения с животными. Первый такой указ был издан в 1687 г. Действительных и мнимых нарушителей этих указов сажали в тюрьму, подвергали мучительным казням. Драматург Тикамашу Мондзаэмон написал сатирическую пьесу «Монах Сагами и тысяча собак», которая была впервые поставлена в 1714 г. Ему удалось избежать наказания, поскольку следующий, 6-й сёгун Иэнобу отменил указы, осмеянные драматургом.

Время его правления Цунаёси совпало с годами Гэнроку (1688–1704), периодом расцвета городской культуры. Сам сёгун считал себя покровителем искусства и литературы, любил выступать в качестве актера.

Конец XVII–начало XVIII в. был беспокойным периодом, отмеченным крестьянскими волнениями, стихийными бедствиями и разными происшествиями. Правда, войн в Японии не было. Шел активный процесс освоения новых полей, рост посевов хлопчатника, особенно в окрестностях Осака, развитие товарной экономики, что вело к социальному расслоению.

В политической жизни все больше утверждались конфуцианские морально-этические нормы. Страна преодолела столетний рубеж мирной жизни, и система управления все больше становилась гражданской (*бундзи*). Цунаёси привлекал способных людей из купцов в правительственный аппарат, жалую им при этом самурайское звание, что вызывало недовольство *даймё*.

Умер Цунаёси 10 января 1709 г. и был похоронен на территории буддийского храма Канъэйдзи — там же, где и сёгун Иэцуна.

Токугава Иэнобу 6-й сёгун Иэнобу, правил в 1709–1712 гг.

У Цунаёси не было детей, и сёгуном стал его племянник Иэнобу, которого он усыновил в 1704 г. Отец Иэнобу — Токугава Цунасигэ — приходился братом 4-му и 5-му сёгунам.

Правление сёгуна Иэнобу было коротким. Во время него большое влияние на государственные дела оказывали конфуцианский ученый Араи Хакусэки и личный секретарь сёгуна Манабэ Акифуса. Последний в прошлом был актером театра Нё и возвысился как личный фаворит сёгуна. При Иэнобу было уволено несколько *рёдзё* и *собаёния* за плохое управление государством, отменены указы Цунаёси о милосердии к животным, освобождены осужденные за их нарушение. Была прекращена порча моне-

ты, приняты меры к ограничению роскоши при сёгунском дворе, проведена чистка среди чиновников. Этими мерами стремились поправить финансовые дела *бакуфу*: еще при сёгуне Цунаёси налоговые поступления сократились на 28–29%, что было связано с беззаконием и взяточничеством наместников (*дайкан*). Принятые меры дали определенный положительный результат, но он проявился только при следующем, 7-м сёгуне — в 1713 г. сбор налогов увеличился на 433400 мешков.

С 1641 г. внешняя торговля Японии была ограничена лишь портом Нагасаки, куда была переведена голландская фактория с о-ва Хирано, что нарушило баланс между импортом и экспортом. Кроме того, были введены торговые ограничения: был сокращен вывоз золота и серебра, ограничено количество судов, которым разрешалось заходить в Нагасаки, что привело к росту контрабанды и нарушений служебной дисциплины в магистрате Нагасаки и к обеднению жителей города.

Умер Иэнобу 14 октября 1712 г.

**Приход к власти боковых
ветвей дома Токугава**

7-й сёгун Иэцугу правил в 1713–1716 гг.

Иэцугу был 3-м сыном сёгуна Иэнобу, ему было 4 года, когда умер отец. Но его провозгласили сёгуном, поскольку два его старших брата умерли молодыми. Во время его короткого пребывания на посту сёгуна правительством руководил Араи Хакусэки. Им были проведены некоторые реформы и урегулированы отношения с Кореей. Он упростил церемонию приезда и приема корейской миссии и настаивал на равном титуловании короля Кореи и сёгуна Японии — этим он добивался косвенного признания со стороны Кореи того, что сёгун являлся высшей властью в Японии.

Иэцугу умер ребенком, с его смертью прервалась прямая линия потомков Токугава Иэясу и к власти пришли представители боковых линий дома Токугава.

Первые реформы сёгуната

Кризисные явления в социально-экономической сфере стали проглядываться уже в начале XVIII в., а во второй его половине они обозначились вполне отчетливо. Финансовое положение страны было стабильным лишь при первых трех сёгунах, а потом расходы стали превышать доходы, что приводило к необходимости проводить такие непопулярные меры, как повышение налогов

и перечеканка монет, что вызывало рост цен и, как следствие, социальный протест.

Первым сёгуном, попытавшимся справиться с социально-экономическими трудностями, был Ёсимунэ. Он провел целый ряд мероприятий, получивших название реформ годов Кёхё.

Токугава Ёсимунэ 8-й сёгун Ёсимунэ правил в 1716–1745 годах.

После Иэясу Ёсимунэ был самой примечательной личностью в династии Токугава, оставившей заметный след в истории Японии. Он был энергичным и умелым правителем. Своим идеалом он считал Токугава Иэясу. Ёсимунэ провел первую серию реформ, одной из целей которых был возврат к политике Иэясу.

Ёсимунэ был 3-м сыном Токугава Мицусада, главы феодального дома Кии (*госанкэ*), основанного одним из младших сыновей Иэясу. В 1697 г. он стал *даймё* небольшого владения Сабаз (часть совр. префектуры Фукуи).

Путь Ёсимунэ к власти был открыт смертью его ближайших родственников. В мае 1705 г. умер его старший брат, в августе — отец, а в сентябре скоропостижно скончался средний брат. После этого Ёсимунэ стал главой княжества Кии (совр. префектура Вакаяма) с доходом в 550 тыс. *коку*.

Ёсимунэ возглавлял княжество Кии 12 лет — до мая 1716 г. За это время он успел провести множество успешных мероприятий — поправил финансовое положение княжества, которое до того было весьма плачевным, наладил систему управления, во всем навел строгий порядок. Ёсимунэ принял меры к исправлению дел в деревне и улучшению ирригационных систем, за что заслужил прозвание «просвещенного правителя» (*мэйкун*).

Поэтому, став сёгуном, Ёсимунэ уже обладал административным опытом, притом успешным. Он занял пост сёгуна в зрелом возрасте и формально правил почти 30 лет, но в действительности — больше (до 1751 г.).

В период правления Ёсимунэ произошло усиление властных структур сёгуната. Используя свой предыдущий опыт главы княжества, он старался приобрести как можно больше знаний в области управления. Он стремился знать, что происходит в разных владениях, чтобы владеть обстановкой в стране. С 1721 г. перед зданием, где размещался *хёдзёсё* — совещательный орган при сёгуне, — 3 раза в месяц выставлялся специальный ящик (*мэясубако*) для приема жалоб от населения.

У Ёсимунэ были и свои собственные источники информации, откуда он черпал сведения о действительном состоянии дел. Для

этого Ёсимунэ создал группу из 20 самураев, которые переехали вместе с ним в Эдо из княжества Кии. Им он и поручал разузнать как обстоят дела в княжествах, проверяя донесения официальных лиц. Собранный таким образом информация давала ему возможность решать вопросы назначения на ту или иную должность, назначать способных и заслуживающих доверия чиновников.

Ёсимунэ сумел поставить себя в независимое положение, что дало ему возможность ослабить соперничество между новыми слоями чиновников вокруг сёгуна и *фудай даймё*. Он сразу же «исправил» отношения с *фудай даймё* — выказал уважение главе их представителей, чем поднял их былой авторитет.

Реформы годов Кёхё Правление сёгуна Ёсимунэ ознаменовалось проведением реформ, которые в исторической литературе получили название «реформы годов Кёхё» (1716–1745). Эти реформы затронули многие стороны политической и социально-экономической жизни Японии и были направлены в первую очередь на улучшение финансового положения страны.

За прошедшие 100 лет правления дома Токугава в стране произошли большие изменения, в том числе и в политической структуре *бакуфу*, которую, по мнению Ёсимунэ, необходимо было реформировать. Главной частью реформ были административные, касавшиеся вопросов управления, финансовой политики, законодательства, аграрной сферы, где происходили большие изменения.

Административная структура сёгуната не оставалась неизменной, администрация становилась все более гражданской, ушли из жизни те *даймё* и самураи, которые участвовали в битве при Сэкигахара или служили 2-му и 3-му сёгунам. Им на смену пришли новые люди, которые больше соответствовали духу времени.

При 5-м сёгуне Цунаёси была учреждена должность, в ведении которой находились финансовые и гражданские дела. Став сёгуном, Ёсимунэ выделил финансовые дела в отдельную сферу, взял под свой жесткий контроль всю деятельность *бакуфу* и городских магистратов, связанную с финансовыми и гражданскими делами, уделяя при этом внимание укреплению общественного порядка и улучшению структуры управления. По этому поводу были изданы специальные указы.

О том, что финансовое положение в стране было напряженным, свидетельствовало жалкое существование *хатамото* и *гокэнин*, т. е. тех слоев, которые составлял социальную базу сёгуната. *Хатамото*, состоявшие на жалованье, получали его 3 раза в

год: весной, летом и зимой. Но в 1722 г. правительство выплатило им лишь четверть всей причитавшейся суммы.

Сёгун помогал тем из своих вассалов, кто оказался в неоплатном долгу у кредиторов. Но чтобы исправить материальное положение *хатамото* и *гोकэнин* коренным образом, необходимо было привести в порядок финансы, что напрямую было связано с поступлением налогов.

Чтобы увеличить денежные поступления в казну *бакуфу* и упорядочить бюджет, Ёсимунэ предпринял ряд мер. В июле 1721 года финансовое ведомство стали возглавлять два чиновника: *каттэката* (в его ведении находились финансовые дела) и *кудзиката*, который занимался разными административно-гражданскими делами — разбором жалоб, назначением наместников и т.д. Эти должности Ёсимунэ поручил *рёдзэ*, которым он доверял.

Ёсимунэ повел борьбу против разного рода излишеств при сёгунском дворе, роскоши в одежде, пище, жилищах *даймё*, самураев, торговцев, запретил азартные игры, весьма распространенные среди имущих слоев населения. Он боролся против взяточничества и других злоупотреблений среди чиновников. Проводя политику экономии государственных средств, он сократил число *хатамото* и *гोकэнин*, а оставшимся снизил рисовое жалование. Был издан специальный указ о принятии чрезвычайных мер жесткой экономии, причем сёгун подал личный пример.

В первые годы своего правления он временно обложил *даймё* общегосударственным налогом в размере 1% валового сбора риса в их княжествах, а те переложили всю тяжесть дополнительного налога на крестьян. Вместе с тем, Ёсимунэ несколько облегчил положение *даймё* в другом отношении — он уменьшил срок их обязательного пребывания в Эдо с 1 года до 6 месяцев, и тем самым фактически сократил их расходы. Это нововведение действовало в 1722–1731 гг. Когда Ёсимунэ счел, что бюджет сёгуната упорядочен, он отменил налог с *даймё* и восстановил годичный срок их пребывания в Эдо.

Ёсимунэ заслуженно прозвали «рисовым сёгуном» за его меры по увеличению посевов риса, за создание запасов риса как в сёгунских, так и в частных владениях. Именно при нем на о-ве Дōдзима (Осака) была открыта рисовая биржа, где определялись цены на рис. Правительство *бакуфу* следило, чтобы между ценами на рис и на товары повседневного спроса не существовало больших ножниц, проводило политику стабилизации цен, действуя через объединения торговцев (*кабунакама*), сдерживало повышение цен на товары со стороны торговцев. При Ёсимунэ принима-

лись меры по ограничению производства *сакэ* в годы обильных урожаев, когда цены на рис падали, с тем чтобы не сокращать запас риса. Проводились меры по ограничению подвоза риса в большие города, чтобы не сокращались его запасы на месте.

При Ёсимунэ было значительно облегчено участие городских торговцев в освоении целины. Лицам, поднимавшим пустоши, давались значительные налоговые льготы. Несмотря на запрет на продажу земли, фактически переход земельных участков из одних рук в другие все-таки происходил — например, в результате просроченного залога. Так появились «новые помещики» (*синдзину-си*), и в результате реформ Кёхё они получили гражданское право на владения землей. Такое послабление отвечало политике увеличения налоговых поступлений в казну.

В сельском хозяйстве наблюдалось развитие товарного производства, причем крестьяне старались выращивать те технические культуры, которые наилучшим образом соответствуют данным природным условиям.

При Ёсимунэ Эдо превратился в огромный город. Следует отметить, что за его санитарным состоянием строго следили. В городской жизни было много проблем — случались драки, процветала уличная проституция и азартные игры, но власти строго следили за соблюдением порядка. Пожары были сущим наказанием, в среднем один катастрофический пожар случался раз в 3 года. Поэтому с 1718 г. для тушения пожаров стали привлекать горожан, в августе 1720 г. в каждом квартале Эдо создали своего рода противопожарные отряды, которые отвечали за безопасность; владельцы домов тоже обязали принимать противопожарные меры.

Сёгун Ёсимунэ положил начало регулярным переписям населения. Первая такая перепись прошла в 1721 г., а затем они стали проводиться каждые 6 лет. Переписи были составной частью реформ годов Кёхё, их целью являлось, главным образом, определить размеры податного населения страны.

При Ёсимунэ в 1742 г. был составлен важный законодательный документ эпохи Токугава — кодекс законов из 100 статей. По распоряжению сёгуна один из его ближайших сподвижников Окутадасукэ собрал отдельные указы и свел их в единый кодекс. Пользоваться им имели право только судебные чиновники.

Ёсимунэ разрешил ввоз в Японию европейских книг по прикладным наукам, что также было составной частью реформ годов Кёхё. Сёгуна интересовало все, что происходило на Западе, особенно достижения в сельском хозяйстве. С его разрешения несколько японцев отправились в Нагасаки, чтобы изучать там гол-

ландский язык. С того времени знание голландского языка стало постепенно распространяться среди образованной части японского общества. Знания в области астрономии, математики, медицины имели практическое значение и находили применение в повседневной жизни. Ёсимунэ лично встречался с голландцами во время их ежегодных визитов в Эдо и задавал много вопросов, интересуясь, какую практическую выгоду можно извлечь из западных наук. Он также проявлял большой интерес к европейской пище, растениям, живописи.

Пробитая европейскими книгами брешь в изоляции страны положила начало школе *рангакуся* (голландоведов), представители которой выступали за расширение связей с Западом, за распространение европейских знаний в Японии.

Ёсимунэ был потомственным воином и поэтому стремился возродить военное мастерство самураев, был сторонником простых нравов и считал этикет и всякие церемонии вредными для государственных интересов.

* * *

Природа наградила Ёсимунэ отменным здоровьем, он был физически очень сильным человеком, ростом 182 см, т. е. по тому времени настоящим гигантом, поскольку из всех периодов японской истории в эпоху Эдо японцы в массе были самыми низкорослыми.

По обычаях своего времени он был окружен блестящими женщинами, но в особом увлечении ими замечен не был. В его жизни был странный эпизод. Когда, став сёгуном, он прибыл в Эдо, то попросил составить список фрейлин его жены. Получив его, он отправил всех красавиц по домам, а некрасивых оставил. Удивленному окружению он так объяснил свой поступок: красивым легче выйти замуж, а кто попросит руки дурнушки? Пусть они лучше прислуживают моей жене.

Умер Ёсимунэ 20 июня 1751 г. и был похоронен там же, где и сёгун Иэцуна — на территории буддийского храма Канъэйдзи в Эдо.

Вступление сёгуната в период системного кризиса

Начиная со второй половины XVIII в., в социально-экономическом положении страны происходили большие изменения — в деревне активно развивались товарно-денежные отношения, что способствовало расслоению среди крестьян и имущественному неравенству. Рынок рабочей силы был узким, поэтому даже в го-

роде не всегда было можно найти работу. Но в тот же период шло развитие ремесленного производства, многие княжества создавали у себя мануфактуры, энергично развивало свою деятельность купечество. Но это, в свою очередь, обостряло отношения между купцами и крестьянами, занятыми в сфере товарной экономики, поскольку купцы, объединенные в гильдии, имели возможность диктовать цены. Узость внутреннего рынка мешала дальнейшему развитию предпринимательской деятельности.

Кроме того, на страну обрушились стихийные бедствия: землетрясения, наводнения, тайфуны, что приводило к неурожаям, голоду и волнениям крестьянской и городской бедноты. В 1786 г. произошло 57 крестьянских выступлений, а в 1788 г. — 117. Мощные бунты сотрясали Эдо, Осака и другие крупные города.

Финансы были расстроены, государственная казна была пуста. Самураи, которым все чаще задерживали выдачу рисовых пайков, были в долгу у ростовщиков. Бегство крестьян из деревень и княжеств снижало доходы *даймё*. Оно приняло такие формы, что появились «пустующие деревни».

Для второй половины XVIII в. характерны произвол властей, взяточничество, казнокрадство, роскошь, разврат, господство фаворитов как при дворе сёгуна, так и в большинстве княжеств.

Токугава Иэсигэ 9-й сёгун Иэсигэ правил в 1745–1760 гг.

Иэсигэ, в отличие от отца, был хронически больным человеком. Он страдал дефектом речи, но был объявлен сёгуном, поскольку был старшим сыном, хотя два его младших брата — Мунэтаке и Мунэнобу — больше подходили для этой должности.

Токугава Иэсигэ

Иэсигэ не проявлял никакого интереса к государственным делам. В первую треть его номинального правления у власти продолжал оставаться Ёсимунэ, который правил как *огосэ*. После смерти отца Иэсигэ поручил все дела своему личному секретарю Ока Тадамицу, причем последний утверждал, что только он один и мог понимать мало-вразумительную речь Иэсигэ. В мае 1760 года Иэсигэ отказался от власти в пользу своего старшего сына Иэхару. Единственное, что хорошо умел делать Иэсигэ, так это играть в японские шахматы (*сёги*), он даже написал книгу об этой игре.

Умер Иэсигэ 12 июня 1761 г. и был похоронен на территории буддийского храма Дзёдзёдзи (Эдо).

Изменение политической роли сёгуна

10-й сёгун Иэхару правил в 1760–1786 годах.

Иэхару родился 22 мая 1737 г. в Эдоском замке, он был старшим сыном 9-го сёгуна.

Время его пребывания на посту сёгуна можно по праву назвать временем правления Танума Окицугу — человека, определенно обладавшего талантом политика.

Вторая половина XVIII в. в Японии была переломным периодом. В то время все отчетливее стали проявляться противоречия в социальной структуре системы *бакухан*, происходили большие структурные изменения в деревне и в городе, активизировались процессы социальной мобильности, подтачивавшие сословную систему токугавского общества. Все больше беднело японское военное дворянство; в деревне быстрыми темпами шло развитие товарного хозяйства, появился новый слой владельцев земли, а бедняки, потерявшие землю за долги, сделались или наемными работниками, или арендаторами. Дистанция между бедными и богатыми резко возросла.

В тот период в стране случились много разных стихийных бедствий — два года подряд, в 1770 и 1771 гг., по всей стране была засуха, что привело к голоду; в феврале 1772 г. в Эдо был большой пожар; в 1773–1774 гг. в стране началась эпидемия, в результате которой умерло много народу. Тайфуны, сильные дожди вызвали наводнения почти повсюду. В 1783 г. большой ущерб урожаю нанесла плохая погода, что опять привело к голоду. Бедственное положение вызвало крестьянские восстания и волнения городской бедноты. Политическая система *бакуфу* все больше и больше обнаруживала признаки своего распада.

Стихийные бедствия в стране привели к сокращению налоговых поступлений в казну, и правительство *бакуфу* крайне нуждалось в деньгах. Поэтому Танума Окицугу начал проводить политику меркантилизма. Одновременно были приняты меры по увеличению взимания налогов, введен контроль за расходами. Был издан указ об экономии, в результате которого резко были урезаны годовые расходы, что отразилось на материальном положении чиновников.

Другим источником пополнения казны была торговля. Здесь Танума Окицугу так-

Танума Окицугу

же проводил политику контроля. Еще при сёгуне Ёсимунэ объединения торговцев (*кабунакама*) получили официальное признание. Давая разрешение на создание *кабунакама*, правительство получало промысловый налог (*мёгикин*), что служило хорошим источником дохода. В 80-е годы XVII в. образовалось много новых объединений торговцев, которым правительство гарантировало монопольное право на ведение торговли, за что и было немало уплачено в казну. Но по мере того, как расширялась деятельность *кабунакама*, контроль за ними усиливался. Строгости в получении лицензий привели к взяточничеству среди чиновников, их выдававших. Так политика экономии обернулась расцветом взяточничества, о чем в то время слагалось немало сатирических стихов.

Танума Окицугу использовал для пополнения доходов *бакуфу* и внешнюю торговлю. Им было дано разрешение на увеличение вывоза меди.

В то время роль сёгуна в политической жизни страны стала меняться. Он все больше становится номинальным правителем, а реальная власть сконцентрировалась в руках бюрократов. После Иэсигэ власть сёгуна, независимо от того был ли он способным человеком или глупым, стала большей частью символической, а его роль в политических делах — чрезвычайно ограниченной. Всеми делами в стране вершили высшие государственные советники (*рёдзю*).

Отношения Танума Окицугу с *даймё* и с боковыми ветвями дома Токугава были натянутыми, и после смерти сёгуна Иэхару он был отстранен от власти.

Сёгун Иэхару был поистине невезучим сёгуном. Он еще в детстве лишился матери, умерли его дети — два сына и дочь, — скончался брат. Да и смерть самого Иэхару выглядела достаточно странной. Полагают, что его отравили представители одной из борющихся за власть группировок.

Похоронен Иэхару на территории буддийского храма Канъэйдзи в Эдо.

Реформы годов Кансэй 11-й сёгун Иэнари правил в 1787–1837 гг.

Иэнари носил титул сёгуна дольше всех остальных его обладателей; правда, надо помнить, что сёгуном его провозгласили, когда ему было всего 13 лет.

Иэнари был сыном Харусада, *даймё* из боковой ветви дома Токугава (*госанкё*). Регентом при малолетнем сёгуне был Мацудайра Саданобу, который и правил в 1787–1793 гг. Представите-

ли боковых ветвей дома Токугава выдвинули его на эту роль, поскольку Саданобу был внуком сёгуна Ёсимунэ и происходил из того же дома Мацудайра, что и первый сёгун Иэясу. Кроме того, учли и тот факт, что Саданобу, управляя княжеством Сиракава (северная часть о-ва Хонсю) в тяжелые 80-х годы, добился некоторого улучшения финансового положения, проводя политику бережливости.

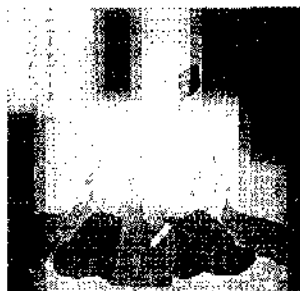
В период своего регентства Мацудайра Саданобу провел так называемые реформы годов Кансэй (1789–1801). При их проведении за образец были взяты реформы годов Кёхё, осуществленные сёгуном Ёсимунэ.

Мацудайра, как и Ёсимунэ, стал проводить политику экономии и сокращения государственных расходов. Он строго наказывал чиновников, виновных во взяточничестве и одновременно наказывал и тех, кто эти взятки давал. Он обязал купцов, кредитовавших самураев в счет рисовых пайков, снижать взимавшиеся при этом проценты. Он обложил *даймё* специальным налогом в пользу *бакуфу* и заставил их создавать рисовые запасы на случай неурожая.

Чтобы избежать новых крестьянских восстаний, Мацудайра Саданобу несколько улучшил положение крестьян. В частности, он облегчил и частью даже отменил трудовую повинность крестьян в отношении государства, улучшал ирригационные и дренажные системы, всячески старался развивать сельское хозяйство. В интересах *даймё* он в 1790 г. издал указ о возвращении в деревни крестьян — в частности, из Эдо.

Еще до этих реформ, в 1788 г., власти *бакуфу* пытались наладить более тесные связи с богатыми купцами Эдо. Они надеялись использовать их средства и отдать в их ведение рисовый и денежный рынок. В том же году *бакуфу* просило купечество выделить денежные средства на ремонт императорского дворца в Киото. Позже оно предоставило менялам выгодные условия, чтобы привлечь их в сёгунскую столицу и, расширив сеть меняльных контор, поднять финансовый статус Эдо.

Вряд ли реформы годов Кансэй можно назвать успешными. *Бакуфу* лишь временно отдалило свой конец. О развитии кризиса в японском обществе свидетельствовали многие признаки — поднимал голову императорский двор, *бакуфу* теряло былую силу и

Мацудайра Саданобу

авторитет, нарастали проблемы в области сельского хозяйства, постоянно лихорадило финансы, падали моральный дух и воинское искусство самураев. Появилось множество *рёмин* — самураев, потерявших по тем или иным причинам своего хозяина. Они составили своего рода паразитический слой, охотно принимавший участие в бунтах и восстаниях.

Мацудайра Саданобу удалось сбалансировать бюджет *бакуфу*, но его политика вызвала нарекания и недовольство со всех сторон: купцы были недовольны, что *бакуфу* препятствовало спекулятивным сделкам и принудительно списало долги *хатамото* и *гокэнин*; *даймё* были недовольны дополнительным налогом; наконец, у Мацудайра Саданобу было много недругов среди тех, кого он наказал за коррупцию и уволил с государственной службы. Все это привело к его отставке с поста правительства в 1794 г.

Правление самого Иэнари не было отмечено какими-либо примечательными действиями. Он в основном занимался своими личными делами. Тяжелым бременем на бюджет ложилось содержание его 55 детей, 40 наложниц, многочисленных придворных и других родственников. Он умело пристроил своих сыновей и дочерей в дома *даймё*, установил дружеские отношения со многими из них путем политических сделок. С неподражаемым мастерством он создавал родственные связи через браки, усыновления, обменивался наложницами и подарками.

Кумовство, коррупция, финансовые злоупотребления не способствовали политической стабильности. В 30-е годы XIX в. случился страшный голод («голод годов Тэмпо»), что резко сократило доходы *бакуфу*. Тогда правительство прибегло к испытанному средству — порче монеты, — что вызвало инфляцию и нанесло ущерб денежному обращению.

Обострение общественного кризиса

Последние годы правления Иэнари были отмечены политическим кризисом и социальными потрясениями, самым серьезным из которых был мятеж под руководством Ёсио Хэйхатирё в 1837 году. Невероятность произошедшего заключалась в том, что бывший чиновник сёгунской администрации в Ёсака поднял мятеж против властей, которые не принимали мер, чтобы оказать помощь голодающим. Это выступление против социальной несправедливости нанесло ощутимый удар по системе сёгуната, вызвало смутнение и беспокойство властей.

В период правления сёгуна Иэнари продолжилось распространение западных знаний, особенно голландской медицины. В 1823 году в голландское торговое представительство на о-ве Дэдзима

прибыл немецкий врач Ф.Зибольд, который начал обучать японцев медицине и естественным наукам. Но с ним случился инцидент, который обернулся большим бедствием для сторонников голландской науки. Перед возвращением на родину в его багаже нашли карту Японии, подаренную ему ученым Такахаси Кагэясу. Зибольда арестовали, а на следующий год (1830 г.) выслали за пределы страны. Такахаси Кагэясу также был арестован и умер в тюрьме.

Зибольд

Конец XVIII—начало XIX в. было временем, когда западные державы пытались завязать отношения с Японией. В 1793 г. в Японию прибыло первое русское посольство во главе с А.Лаксманом. России тогда удалось добиться того, чего не могли достичь другие иностранные державы до «открытия» Японии в 1854 г.: японские власти дали разрешение на заход русского судна в Нагасаки.

Посольство А.Лаксмана вернуло на родину двоих японцев — Кодая и Исокити, — оказавшиеся в свое время в России в результате кораблекрушения. На их допросе присутствовал сам сёгун Иэнари, который и задал им наибольшее количество вопросов.

Период правления сёгуна Иэнари был временем созревания предпосылок реставрации Мэйдзи (*Мэйдзи исин*), создавшей условия для быстрого развития капитализма в стране. Все социальные, политические и экономические противоречия японского общества, проявившиеся тогда, резко обострились во время правления последующих трех сёгунов.

Умер Иэнари 13 января 1841 г. и был похоронен при буддийском храме Канъэйдзи в Эдо.

Реформы годов Тэмпо 12-й сёгун Иэёси правил в 1837–1853 гг.

Иэёси был 4-м сыном сёгуна Иэнари. В апреле 1837 г. его объявили сёгуном, но фактически он начал править лишь после смерти отца в 1841 г. При нем были предприняты так называемые реформы годов Тэмпо (1830–1844), проведение которых он поручил Мидзуно Тадакуни, которому доверял. Тадакуни стал главой старших государственных советников (*рёдзю*).

Реформы годов Тэмпо, по существу, повторяли реформы годов Кёхё и Кансэй. Это была новая попытка укрепить положение самураев как военного сословия. В рамках реформ предпринимались меры к запрещению «роскоши», пышных праздников, курения табака, была введена цензура на книги, которые могли спо-

собствовать «ухудшению нравов» и т.д. Больших результатов эти меры не принесли.

Мидзуно Тадакуни пытался бороться с окрепшим экономическим могуществом японского купечества, в связи с чем намеревался ликвидировать монопольные торговые объединения (*кабу накама*). В декабре 1841 г. был издан указ об их роспуске, что фактически означало введение свободы торговли. Однако снижения цен не произошло: наоборот, на рынке начался хаос. В 1842 г. последовали указы о запрещении всяких объединений оптовой торговли, о ликвидации процентов на долги *хатамото* и *гокэннин*.

Мидзуно Тадакуни

Эти реформы и указы вызвали такое сопротивление и саботаж со стороны торговцев, что власти *бакуфу* сначала приостановили реформы, а потом и отменили эти указы, а Мидзуно Тадакуни в сентябре 1843 г. вынужден был уйти в отставку. Указ о роспуске *кабунакама* был окончательно отменен в 1851 г. Попытка правительства справиться путем реформ с финансовыми трудностями продемонстриро-

вало его бессилие и экономическую мощь торгово-предпринимательского сословия.

Успешно прошли реформы в некоторых экономически развитых княжествах, особенно в тех, где их проводили способные люди, выдвинувшиеся из среды самураев низших рангов. Целью этих реформ также было укрепление финансовой базы княжеств.

Общая картина социально-экономического развития Японии в тот период была полна противоречий. В одних деревнях можно было обнаружить запустение, в других — подъем производства и развитие специализации в выращивании культур. Расслоение в деревне принимало все большие масштабы; ту же картину можно было наблюдать и в городах — бедность соседствовала с роскошью. Рост цен делал бедняков еще беднее, и результатом ухудшения жизненных условий стал рост крестьянского и городского движения. Социальный протест и недовольство зрели во всех слоях японского общества. И тогда же западные страны — Англия, Франция, США, Россия — все настойчивее начали стучаться в закрытые двери Японии.

Сёгуну Изэси не пришлось решать сложные дипломатические вопросы. Он умер 22 июня в тот год (1853), когда у берегов Японии появились американские корабли.

«Открытие» Японии

13-й сёгун Иэсада правил в 1853–1858 гг.

Иэсада был большим человеком. После смерти отца, сёгуна Иэёси, он пробыл на посту сёгуна всего 5 лет. Это был тревожный период в истории Японии, когда ей пришлось заключить неравноправные договоры с европейскими державами и США. Иэсада не принимал непосредственного участия в переговорах, поскольку был болен. Он умер 6 июля 1858 г. и был похоронен при храме Кантэйдзи в Эдо.

14-й сёгун Иэмоти правил в 1858–1866 гг.

У Иэсада не осталось не осталось прямых наследников. Реформаторски настроенное крыло в правительстве предлагало на пост сёгуна Токугава Ёсинобу из дома Хитоцубаси (*госанкэ*), но победило мнение консерваторов во главе с Ии Наосукэ, которые выдвигали Токугава Ёситоми из дома Кии (*госанкэ*), внука 11-го сёгуна Иэнари. Его кандидатуру поддерживали и *фудай даймё*, тогда как двор и *тодзама даймё* выступали за Ёсинобу. Фактически, спор шел о том, будут ли допущены *тодзама даймё* к управлению страной. В итоге 12-летний Ёситоми был объявлен сёгуном, ему поменяли имя на Иэмоти.

Иэмоти родился 24 мая 1846 г. в княжестве Вакаяма, его отцом был Токугава Наринобу. Между домами Кии и Хитоцубаси существовало соперничество, что, в частности, проявилось, когда решался вопрос кому стать сёгуном.

Чтобы примирить двор и власти *бакуфу*, Иэмоти в 1862 г. женился на принцессе Кадзу, которая была сестрой императора Кёмэй. Иэмоти нарушил 200-летнюю традицию и нанес 3 визита к императорскому двору в Киото. Во время последнего визита он заболел и умер в Осацком замке 20 июля 1866 г. Он похоронен при храме Дзёдзёдзи (Эдо).

Время его правления — это время борьбы между противниками сёгуната, выступавшими за восстановление в стране императорской власти и приверженцами сохранения старых порядков. Эту борьбу обостряли проблемы, связанные с «открытием страны». Оппозиция обвиняла *бакуфу* в том, что «открыло» Японию для иностранцев и заключило неравноправные договора.

Крах сёгуната Токугава

15-й сёгун Ёсинобу (Кэйки) правил в 1866–1867 г.

Ёсинобу родился 29 сентября 1837 г. в Эдо. Его отцом был Токугава Нариаки, глава княжества Мито, человек образованный и решительный. Он был одним из руководящих деятелей антисёгунской оппозиции, движения *соннё дзёи* («почитания императора и

изгнания варваров»), за что подвергся наказанию. Так что отец выступал против режима, который возглавил его сын.

Сёгуну Ёсинобу пришлось испытать все перипетии политической борьбы и пережить горечь поражения. Умер император Кёмэй, который выступал за соглашение с сёгуном, не помогла помощь Франции, когда Ёсинобу лихорадочно проводил непозволительно оттянутые его предшественниками военные и административные реформы. Правительство *бакуфу* испытывало материальные затруднения, поскольку налоги поступали плохо, в центре страны происходили крестьянские и городские выступления, и с августа 1867 г. сёгунат уже практически не управлял страной.

Ёсинобу закрыл последнюю страницу в истории правления дома Токугава. Отречение сёгуна от власти произошло 3 декабря 1867 г. Так закончилось господство дома Токугава, начало которому положил Иэясу, выиграв сражение при Сэкигахара 15 сентября 1600 г.

* * *

Ёсинобу вернулся в княжество Мито, где жил в изоляции. Летом 1868 г. он перебрался в Сумпу (совр. г. Сидзуока), где когда-то жил Иэясу, уйдя с поста сёгуна. В ноябре 1897 г. он вернулся в Токио, как к тому времени стал называться Эдо. В июне 1902 г. его сделали членом верхней палаты (палаты пэров) парламента, в декабре 1910 г. он удалился от дел и умер 22 ноября 1913 г. Похоронен на кладбище Янака (Токио).

А первым главой низвергнутого дома в эпоху Мэйдзи стал Токугава Иэсато (1863–1940), который был назначен новым правительством губернатором префектуры Сидзуока. Когда-то в XVI в. в Сумпу (так называлось тогда это местечко) Токугава Иэясу провел 12 лет в качестве заложника; В 1882 г. Иэсато получил титул принца, был членом палаты пэров парламента, а в начале 30-х годы даже некоторое время председательствовал в ней.

Часть 2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ПЕРИОД ТОКУГАВА

Глава 1

ЭКОНОМИКА ПЕРИОДА ТОКУГАВА

Деревня и сельское хозяйство

Если посмотреть на японское общество XVII–XVIII вв. как на живой взаимосвязанный организм, то можно выделить два аспекта, в которых оно претерпело изменения большой исторической значимости.

Первое из них касалось политических и институциональных изменений, в результате которых японское общество периода *сэнгоку дзидай* превратилось в общество системы *Токугава бакуфу*. Эта сторона японской истории достаточно хорошо известна и изучена.

На другое явление до сих пор обращалось внимание гораздо меньше. Речь идет о значительном техническом прогрессе, результатом которого стал рост производительных возможностей, эффективность в сельском хозяйстве, горном деле, строительстве и в других областях экономики.

Безусловно, эти два аспекта развития японского общества были взаимосвязаны. Стабилизация политической жизни открыла возможность эффективного экономического развития Японии, что приводило к социальным изменениям в обществе, а это в свою очередь влияло на характер политико-экономических мероприятий правительства.

Производство продуктов питания является самым первым условием жизни всех слоев общества. Поэтому, какие бы изменения ни происходили в политической и социально-экономической жизни Японии, решающее значение имели процессы, которые шли в сельском хозяйстве, остававшемся главной производственной сферой деятельности жителей страны.

Изучение японской деревни и сельского хозяйства очень важно не только для понимания механизма развития капиталистиче-

ских отношений, но и для изучения процессов социальной мобильности, складывания социально-классовой структуры японского общества, поскольку, несмотря на жесткую систему контроля и регламентации, в XVII–XVIII вв. шел постепенный процесс разрушения социальных перегородок, наблюдалась практика продажи земли. Главной силой, размывавшей феодальные устои, было развитие товарно-денежных отношений.

Эволюция японской деревни

Деревня (*мура*) как местная административно-хозяйственная единица сложилась к началу периода *кинсэй* и в этом качестве использовалась как удобный механизм для сбора налогов. Но до этого она прошла длительный путь развития.

Первоначально *мура* была группой совместно проживавших людей, связанных между собой кровным родством по материнской линии и занимавшихся земледелием. Иначе говоря, понятие селения совпадало с понятием родовой общины.

Первым шагом к ее разрушению стало отделение и переселение части общинников из-за необходимости расширить площадь обрабатываемых земель. Постепенно община из кровнородственной превратилась в соседскую земледельческую. На новых землях при образовании новых поселений и новых хозяйств основное значение приобрело внеродовое объединение, и на первый план выдвинулась семья.

Оседлое существование и общее основное занятие обусловили то, что *мура* на этом этапе превратилась в социально-экономическое объединение. Продукция земледелия не поступала в собственность отдельных кровнородственных групп, а составляла собственность *мура* в целом и только затем распределялась между группами.

Это совместное проживание и однотипный род деятельности получили название *кёсонсэй*, означавшее взаимопомощь в сельскохозяйственном производстве и в повседневной жизни. Эту деревенско-общинную структуру использовали как механизм для сбора налогов.

Позднее, в результате административно-экономических мероприятий Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу деревня превратилась в административно-хозяйственную единицу со своим специфическим образом жизни, законами и взаимоотношениями как внутри деревни, так и с внешним миром. За деревней закреплялась определенная территория. Земли и крестьяне (владельцы земли) регистрировались в специальных кадастрах (*кантитё*).

Деревня несла коллективную ответственность за уплату налога, иски, договоры, преступления и т. д.

Категории сельских жителей Система землевладения в историческом срезе представляет собой довольно сложную картину, когда на одном земельном участке помимо фактического владельца (*хонсё*) имелись 1–2 или даже более номинальных владельца, а обрабатывал землю и вырашивал урожай *сакунин*. В период существования частного землевладения в форме *сёэн* так называли крестьян, проживавших в *сёэн* и занимавшихся земледелием. *Сакунин* тоже не были однородны по своему составу. К ним относились *кэнин* (безземельные крестьяне, слуги в большом крестьянском хозяйстве), работавшие на *мёсю* (владельцев именных наделов).

Уже в XIII в. шел быстрый процесс расслоения среди крестьян, менялось их материальное и социальное положение. Например, *кэнин* поднимались в разряд независимых мелких крестьян (*дзинэй кономин*), а *мёсю* переходили в разряд землевладельцев (*дзинуси*) или мелких крестьян. В развитых районах этот процесс уже завершился к середине XVI в. Мелкие независимые крестьяне стали главным структурообразующим звеном при формировании деревни (*мура*).

Так как земледелие было главным источником доходов *бакуфу*, то по отношению к купле и продаже, закладу и уступке земельных владений были установлены разного рода ограничения. Даже для передачи владений родителей детям требовалась санкция *бакуфу*, а продажа пожалованных земель (*онти*) была совершенно запрещена. Это было сделано из опасения, что эти владения перейдут в руки *хигокэнин* — самураев, не подчиненных непосредственно *бакуфу*, что могло отразиться на финансовом положении последнего.

Гокэнин (непосредственным вассалам *сёгуна*) запрещалось отдавать свою землю в качестве феодалов, но они из-за бедственного материального положения находили всяческие способы продавать или закладывать принадлежавшие им земли. Разорение или утрата земли владельцами была в порядке вещей, хотя *бакуфу* стремилось всячески помешать этому, издавая специальные законы (*шокусэйрё*) об аннулировании всех прав и обязанностей по договорам купли, продажи, займа и залога. Однако объективное развитие экономических процессов не удавалось отменить никакими актами и постановлениями.

Крестьяне и самураи были двумя самыми большими социальными группами японского общества. Безусловно, что в процент-

ном отношении самураев было во много раз меньше, чем крестьян, однако по численности они занимали второе место — 7–10%. Крестьянство составляло тогда 84% от общей численности населения.

В результате осуществленного Тоётоми Хидэёси мероприятия, известного как *хэйно бунри* (отделение самураев от крестьян), большинство самураев было переселено в призамковые города (*дзёкамати*). Был издан и специальный указ о закреплении социальных различий («Мибун-но тэйрэй»). Но часть самураев остались жить в деревне. Это были *гёси*, сельские самураи. Они или сами обрабатывали землю, или сдавали ее в аренду.

Родословную этого разряда самураев можно проследить с периода *сэнгоку дзидай*, когда они участвовали в феодальных усобицах, а в перерывах между ними занимались сельским хозяйством. Эта категория сельских жителей сохранилась в деревне до конца периода Токугава. Кадастр (*кэнти*) Тоётоми Хидэёси подтвердил их права на владение землей. Но им, так же как и крестьянам, было запрещено носить оружие. Этим они как бы лишались своего прежнего социального статуса, символом которого было право ношения меча.

В разряд *гёси* попадали и богатые крестьяне и купцы, капитал которых проникал в деревню. Как видно из этого примера, несмотря на строгую сословную регламентацию, в японском обществе постоянно шли социальные подвижки.

Гёси принимали активное участие в подъеме целины, сами, иногда с помощью арендаторов, обрабатывали свои участки с доходом 200 и более *коку*. Благодаря тому, что *гёси* имели хорошую материальную базу, они оказались наиболее сохранившейся частью сословия самураев. Из их среды формировалась сельская администрация, в дальнейшем они играли важную роль в *кихэйд тай* (нерегулярные отряды, созданные в 60-е годы XIX в. для борьбы против сёгуната и иностранцев) и активно участвовали в антисёгунском движении. Из рядов *гёси* после реставрации Мэйдзи вышло много местных политических деятелей, а сами они частично превратились в новых помещиков.

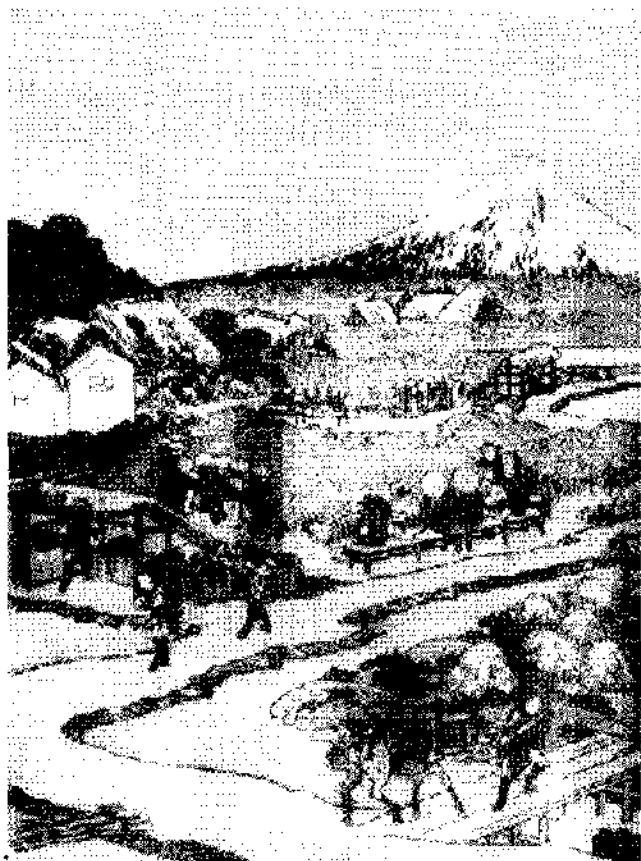
Сословная система, которую начал вводить Тоётоми Хидэёси, и которая получила свое завершение при Токугава, унифицировала все виды социальных слоев деревни. Теперь все лица, проживавшие в деревне и занимавшиеся сельским хозяйством, получили единый статус крестьянина (*хякусё*). В социальной стратификации общества они занимали вторую ступень, чем была подчеркнута важность этого слоя, поскольку именно результатами его

труда содержалось все общество. Труд земледельца в соответствии с конфуцианским учением считался уважаемым. Но социальные, имущественные и другие различия продолжали существовать.

Сельское хозяйство к началу периода Токугава

Продуктивность сельского хозяйства начала возрастать уже с XIV века, особенно в районе Кинай,

где находилась императорская столица Японии Киото. Владельцы земли вкладывали деньги в развитие сельского хозяйства, в меньших масштабах этим же занимались богатые крестьяне. Освоение новых земель также начиналось в районе Кинай.

Чайная плантация. Фрагмент картины Кацусика Хокусай из серии «36 видов Фудзи»

Как следствие, в районе Кинай стали расти города и открываться регулярные местные рынки. Торговая активность начала проникать и в деревню. Так, крестьяне деревни, расположенной недалеко от порта Овата, ежедневно привозили туда на продажу свою продукцию. Уже с XV в. в результате общественного разделения труда появились деревни, специализировавшиеся на выращивании определенных культур. Кроме того, выросла доля уплаты ежегодного налога деньгами, а не в натуральной форме. Развитие торговой активности способствовали и сами *даймё*, стараясь создать условия для торговли в своих владениях, поскольку это давало хороший доход.

Междоусобные войны XV–XVI вв. нанесли большой ущерб району Кинай и отрицательно сказались на производительности сельского хозяйства и доходах землевладельцев. Тем не менее, Япония вступила в период Токугава с определенными достижениями в развитии сельского хозяйства. Несмотря на междоусобные войны, во второй половине XVI в. шло, хотя и медленно, его развитие и увеличение товарного производства. Появились новые сельскохозяйственные культуры — табак, сахарный тростник, батат.

В период Токугава процессы социально-экономического развития деревни заметно ускорились. Положительным фактором явилось установление длительного мира — поля не разорялись, и крестьяне не отвлекались от сельскохозяйственных работ. Стимулировало развитие сельского хозяйства и увеличение городского населения за счет переселения самураев в *дзёкамати*.

Освоение новых земель Освоение новых пахотных земель приобрело при Токугава систематический характер. Сёгун и *даймё*, основу богатства которых составляли налоги, были заинтересованы в расширении площадей под посевы риса. В XVII в. городские купцы и местные богачи начали вкладывать деньги в освоение новых земель и сдавали их в аренду небольшими участками.

В начале XVII в. площадь обработанной (вспаханной) земли составляла 2 млн. 65 тыс. *тё* ($1\text{ тё} = 0,992\text{ га}$), к середине XVIII в. — 2 млн. 971 тыс. *тё*, во второй половине XIX в. — 3 млн. 234 тыс. *тё*. Таким образом, к середине XVIII в. обработанная площадь выросла на 906 тыс. *тё*, а с середины XVIII в. до второй половины XIX в. — на 263 тыс. *тё*.

Такое замедление темпов прироста новых площадей объяснялось тем, что к концу периода Токугава в Японии почти не осталось мало-мальски пригодной земли, которая была бы не обрабо-

тана или не заселена. Кроме того, разного рода инженерные работы (обустройство берегов рек, строительство дамб и водохранилищ, подводящих каналов орошения) и строительство новых деревень отнимали земельную площадь из-под посевов. Особенно активное строительство велось в 1601–1650 гг.

Развитие агротехники Период Токугава отмечен техническими изменениями в области сельскохозяйственной техники, что способствовало значительному росту производительности труда и повышению продуктивности сельского хозяйства. Увеличился спрос на сельскохозяйственные орудия и различных инвентарь. Совершенствовалась система орошения, увеличивалось применение удобрений. Мотыга была заменена плугом (появился плуг с отвалом, пригодный для глубокой вспашки), домашний скот стал больше использоваться в качестве тяговой силы, что привело к увеличению производительности крестьянского труда и урожайности культур.

Развитие техники позволило в более широких масштабах вести работы по осушению заболоченных земель, на которых стали собирать большие урожаи риса. Увеличились посевы хлопчатника. Использование быков и лошадей в сельском хозяйстве позволило производить более глубокую вспашку, что также положительно влияло на урожай, и увеличило использование удобрений.

Рост посевных площадей и совершенствование агротехники позволили собирать по 2 урожая в год. Создались условия для интенсивного ведения сельского хозяйства, продукты стали выращиваться на продажу. Косвенно о возросших производственных мощностях сельского хозяй-

Уборка риса

ства свидетельствует значительный рост неаграрного населения, которое необходимо было кормить. С ростом городов повышалась роль деревни в обеспечении их сельскохозяйственной продукцией и сырьем для ремесленного производства, что, в свою очередь,

способствовало развитию специализации в выращивании культур и рыночной активности.

Но следует учитывать, что экономический эффект в развитии сельского хозяйства главным образом создавался трудом крестьянина, за счет интенсификации его труда. Японский исследователь Хаями Акира назвал это «*кимбэн какумэй*» — «революцией трудолюбия». По его мнению, в период Токугава начал складываться стереотип современного японского отношения к труду. Так или иначе, японцы высоко ценили землю, ее было мало, поэтому они стремились с максимальной отдачей использовать каждый ее клочок.

Среди ученых до сих пор нет единого мнения в оценке количества производимой продукции в период Токугава. Единственное, что можно сказать с определенностью — разрыв между реально получаемой продукцией и установленной налоговой ставкой *кокудака* с течением времени увеличивался, а обмеры полей для определения нормы получаемого урожая проводились нечасто.

Развитие домашней промышленности Рис и хлопок были основными сельскохозяйственными культурами. Постепенно начались структурные изменения в сельском хозяйстве — стали сокращаться посевы риса, его заменял хлопчатник. Таким образом, происходило вытеснение зерновых техническими культурами.

Семена хлопчатника были завезены в Японию из Индии в 799 году, после чего эта культура стала культивироваться в южных районах Японии. Однако широкого распространения в то время она не получила. Тогда широко процветало разведение шелковичных червей и шелководство.

Вторично семена хлопчатника были завезены из Кореи в XIV веке. Хлопок получил распространение в 1492–1520 гг. и постепенно стал культурой, на основе которой интенсивно развивалось товарное производство. Хлопок сделал известной провинцию Микава, где уже в 1510 г. приступили к изготовлению хлопчатобумажных тканей. До тех пор в Японии были в основном распространены пеньковые и шелковые ткани, а хлопчатобумажная пряжа и одежда ввозились из Кореи.

Площади под посевы хлопчатника год от года расширялись, что свидетельствовало об экономической выгоде этой технической культуры — спрос на сырье был стабильным. Производство ниток повлекло за собой нужду в красителях, и, начиная с XVI века, началось расширение площадей под посевы индиго.

Распространение хлопчатника имело важные последствия для экономического развития страны. Она оказала большое влияние на развитие домашней деревенской промышленности в период Токугава. Уже в конце XVI в. в уезде Нисинари провинции Сэццу изготовляли ткань «кодзума», которую продавали в лавках Киото.

Развитию домашнего текстильного производства способствовали доступность и простота технологии, а также отсутствие необходимости в специальных рабочих помещениях и в подсобных работниках. Прядение и ткачество производилось на дому и силами членов семьи. В княжестве Тёсё среди всех неаграрных занятий населения производство хлопчатобумажных тканей занимало важнейшее место. Ткачеством занимались деревенские женщины, девушки, дети. Большая часть тканей вывозилась в Осака; поэтому производство на рынок играло важную роль в экономике Тёсё, как, впрочем, и в других крупных княжествах. Хлопчатобумажные ткани производились также в Тоноэ, Суруга, Каи, Мусаси, а к началу XVII в. — в провинциях Ава, Исэ, Овари, Мино. В частности, известно, что уже в 1580 г. на одной из почтовых станций в провинции Мусаси торговали хлопчатобумажными тканями, которые предприимчивые торговцы скупали у крестьян из окрестных деревень. В западной части Японии купля-продажа тканей получила распространение несколько позже.

Кроме деревень, связанных с сельским хозяйством (*носон*), существовали горные (*сансон*) и рыболовецкие (*гёсон*) деревни, где род занятий их жителей определял природно-географический фактор. Но в деревушках, расположенных на морском побережье, жители занимались сельским хозяйством.

В ходе экономического развития происходило перераспределение отдельных отраслей производства. Так, в районе Кинай и землях, расположенных к западу от него, с древности разводили шелковичных червей, изготовляли шелк-сырец и шелковые ткани. В XVI в. это производство переместилось в горные районы с непригодными для земледелия почвами, и в течение XVII–XVIII вв. шелководство стало там главной отраслью производства. Этому перемещению способствовали и распространение хлопчатобумажных тканей и увеличение площадей под посев риса и хлопчатника. Обработка хлопка велась прежде всего в районе Кинай и на всем побережье Внутреннего Японского моря, что способствовало росту рыночной активности. В отличие от шелка, хлопчатобумажные ткани пользовались массовым спросом.

Со второй половины XVII в. крестьянская промышленность почти повсеместно заметно расширилась. Например, в Кинай, об-

ласти включавшей в себя 5 ближайших к Киото провинций (Ямасиро, Ямато, Кавати, Сэццу, Идзуми) на протяжении XVIII в. увеличился ассортимент товаров, изготавливаемых в деревне.

Синтацу, Кантō, Хокурику, Хигасияма специализировались на производстве шелка-сырца и снабжали им Киото, что говорит о развитии товарного земледелия. В княжестве Кага к концу XVII в. среди побочных занятий крестьян получили распространение деревенская промышленность и выращивание технических культур. Развитию промышленности способствовало увеличение населения и нехватка земли. «Лишние руки» в деревне переместились в крестьянскую промышленность.

Несмотря на широкое развитие деревенской промышленности в период Токугава, в Японии не возникло четкого разделения сельских районов на чисто аграрные и аграрно-промышленные. В деревенской текстильной промышленности создавались рассеянные мануфактуры, что свидетельствовало о слабых структурных сдвигах. На этот процесс значительное влияние оказал фактор дешевой рабочей силы, которой по мере развития товарно-денежных отношений в стране становилось все больше.

Развитие товарно-денежных отношений

Проникновение товарно-денежных отношений в японскую деревню вызвало перемены в ее социальной структуре.

В результате имущественного расслоения из среды богатой верхушки формировалась сельская буржуазия. Специализация сельскохозяйственных районов привела к тому, что в социальной структуре японской деревни появились торговцы и ремесленники, окончательно порвавшие с крестьянским трудом. В 1686 г. в деревне Тондабаяси в провинции Кавати жили торговцы и ремесленники 76 «специальностей». Среди них были уличный продавец конфет, продавец *моти* (рисовых лепешек), парикмахер, мастер по производству зонтов. Их постоянными покупателями были жители окрестных деревень. Таким образом, в Японии появились промысловые деревни.

В XVIII в. товарное производство в деревне начало приобретать широкие масштабы. Крестьяне производили продукты на продажу, чтобы приобретать иные товары для личного потребления и обеспечения воспроизводства. Расширение площадей под технические культуры привело к тому, что крестьяне начали покупать продовольствие, поскольку перестали сеять рис и злаковые культуры.

Крестьяне все больше втягивались в коммерческую деятельность, которая приносила им более твердый доход, чем занятие

традиционным крестьянским трудом. С середины XVII в. богатые крестьяне, жившие в деревнях, расположенных вокруг Осака, перекленились на технические культуры, среди которых первое место занимал хлопок. К 1700 г. в деревнях вокруг Осака посевы хлопчатника занимали от 40 до 80% площадей. Потом эта практика распространилась на район Кинай, а к середине XIX в. — на район Кантō.

Предприимчивые крестьяне в деревне стали заниматься изготовлением удобрений, используя для этого рапсовое и кунжутное семя, рыбу и др. Удобрения пользовались большим спросом, поскольку позволяли повышать урожайность даже в засушливые годы.

Очень выгодным занятием для крестьян оказалось огородничество, на развитие которого оказало соседство больших городов. Крестьяне, жившие вокруг Киото, стали специализироваться на выращивании дыни сорта *макуваури*, которая дорого стоила на городских рынках. И так было во многих районах, где ощущалось сильное влияние рынка.

* * *

Многие технические новшества в сельском хозяйстве, которые стали систематически применяться крестьянами, привели к возникновению интенсивного земледелия. Об уровне агрономических знаний свидетельствует появление в XVII в. книг по ведению сельского хозяйства (*нобсэ*), в которых был обобщен предшествующий опыт и учитывались местные природные условия. Кстати, это косвенно свидетельствовало о том, что крестьяне были грамотны, иначе было невозможно приобщиться к агрономическим знаниям, передавать накопленный опыт из поколения в поколение. Книг такого рода в Европе того времени не было.

Технические усовершенствования и эффективность от их применения привели к значительному росту производительности труда. Это давало возможность земледельцам и ремесленникам углублять их профессиональную специализацию, что, в свою очередь, способствовало повышению мастерства и экономическому размаху дела. В результате специализации качество продукции повышалось, или снижалась ее себестоимость. К тому же технический прогресс привел к появлению множества новых профессий, что свидетельствовало о высокой степени развития общественного разделения труда.

Конечно, в процессе экономического развития происходило перемещение центра тяжести производства и торговли из деревни в город. Но с увеличением числа городов возрастала и роль де-

реви в обеспечении горожан продовольствием, причем не только рисом, но и разнообразными сельскохозяйственными продуктами и сырьем, что в свою очередь способствовало специализации в выращивании культур и рыночной активности.

Налоговая система

Размеры налогов Благополучие японского государства в период Токугава сводилось к нескольким источникам. Большой доход давали рудники и леса, значительные суммы поступали в казну *бакуфу* и лично сёгуну и *даймё* от торгово-предпринимательской деятельности купечества. Но основу богатства сёгуна и феодальных князей составлял рисовый налог (*кокүдака*), поступавший из деревни. Поэтому центральные и местные власти строго следили за тем, чтобы не сокращались, и запрещали крестьянам менять одни посевные культуры на другие.

На протяжении периода Токугава размер налога не был одинаков. В свое время Тоётоми Хидэёси установил размеры налогообложения в пропорции 2:1 — две доли *даймё*, одна крестьянину. Но в дальнейшем такое соотношение не соблюдалось. Например, во владениях сёгуна соотношение было 6:4, 5:5, потом 4:6, а в 1728 г. налоги были повышены и установлена норма 5:5. В княжествах налоговая норма обычно была выше. Как пример самой высокой налоговой нормы можно привести княжество Такаси в Дзёсю, где норма была 8:2.

Если в результате стихийного бедствия гибло более 30% урожая, налоги снижали. Но во время реформ Кёхё (1716–1735) при сёгуне Ёсимуне налоговая норма была повышена. Дальнейшее увеличение налогов в 1737–1764 гг. привело к протестам крестьян, особенно в годы Хёрэки (1751–1763).

Определение нормы налогообложения По правилам каждый год должно было проводиться обследование полей с целью определения урожая и установления размера налога (*кэмико*), но поступать так было хлопотно, и в середине периода Токугава норма устанавливалась в среднем, исходя из размера урожая предыдущего года и пересматривалась раз в 5 или 10 лет. Такая практика получила название *дзёмэнху*. Все более распространенным становилось получение налога деньгами, что было особенно характерным для деревень, расположенных в горах.

В *тайко-но кэнти* (земельном кадастре Тоётоми Хидэёси) были записаны имена глав крестьянских семей, которые отвечали за

уплату налога, что, по мнению властей, должно было обеспечить его стабильное поступление. Но эту задачу в масштабах всей страны реализовать было не так-то легко. Уже в XVI и в начале XVII в. можно было обнаружить несоответствие в качестве земли даже у жителей одной деревни. Отсюда возникали трудности в определении урожайности, а, следовательно, и нормы налога.

Налоговая норма косвенно способствовала социальному расхождению в деревне. Богатые крестьяне, занимая деревенские административные должности, владели лучшими землями. Поэтому они собирали большой урожай, их хозяйство было более продуктивным. Но при этом крестьяне, владевшие менее плодородными участками, имели одинаковую с ними норму налога.

Осуществление контроля над крестьянами

В деревнях была своя администрация. Ее низшее звено составляли старосты (*нануси* или *тёя*), относившиеся к разряду деревенской администрации (*мура якунин*). Вообще-то деревни находились под управлением *дайкан* и *гундай*, но их функции на местах выполняли *мура якунин*, которые и служили связующим звеном между властями и сельским населением. Их или выбирали, или назначали, или же их должность переходила по наследству.

Судебно-административные органы зорко следили за сельским населением. Практической целью системы правительственного контроля было получение налогов. Кроме натуральной ренты, крестьяне платили еще ряд иных налогов. Контроль в деревне осуществлялся с помощью пятидворок (*гонингуми*) — низшей административной единицы. Это была система круговой ответственности за уплату основной ренты и налогов.

Кроме того, члены пятидворок были обязаны следить друг за другом, не допуская бегства крестьян из деревни. Еще Тоётоми Хидэёси начал предпринимать меры, чтобы воспрепятствовать миграции крестьян или смене ими рода занятий. Об этом свидетельствуют многочисленные распоряжения, запрещавшие уход крестьян, особенно тех, кто занимал в деревне какие-то официальные должности. Крестьянин мог покинуть деревню, только получив на это разрешение. Он должен был указать цель своего ухода и был обязан вернуться домой. Но это правило стало нарушаться — особенно, со второй половины XVIII в. Уходя на заработки в город, многие крестьяне там и оставались, хотя правительство с этим боролось.

Если число хозяйств в деревне по каким-то причинам уменьшалось (например, умирал глава дома), то *даймё* требовали, что-

бы вдова или дети продолжали обрабатывать поле и платить налоги. Власти предпринимали меры, чтобы обеспечить и сохранить жизнеспособность сельского хозяйства. По указу 1649 г. наследство переходило к тем из детей, кто был занят в сельском хозяйстве, причем каждый из них признавался независимым хозяином. Но такая практика вела к измельчанию земельных владений. Поэтому принимались меры против их дробления (*бунти сэйгэн-рэй*).

Города периода Токугава

Период *кинсэй* был временем бурной урбанизации. Росту городов тогда способствовало политическое объединение страны, целый ряд мероприятий и указов властей и развитие японской деревни. Количества производимых в деревне продуктов хватало, чтобы прокормить обширное неаграрное население — самураев, торговцев, ремесленников. Следует отметить, что в экономическом развитии японская деревня по сравнению с городом играла опережающую роль. Многие отрасли производства зародились и развивались в деревне, и именно она послужила базой для последующей индустриализации страны.

Процесс урбанизации не был одинаковым для всех районов Японии и зависел от степени развитости экономики, сельского хозяйства, его специализации, товаризации, рыночной активности, наличия удобных коммуникаций и других факторов. Другими словами, японский город XVII–XVIII вв. как в зеркале отражал все политические и социально-экономические процессы и перемены, происходившие в японском обществе в тот период. Изменения в экономике, в социально-классовой структуре японского общества вызывали изменения в социальном составе населения, статусе и характере города, в сфере производства и торговли.

Политические и экономические процессы были тесно взаимосвязаны и обуславливали тот или иной путь возникновения города. Города в Японии появились в древности и носили сначала политико-административных центров. Эволюцию японского города можно проследить по изменению термина, которым он преимущественно обозначался: *мияко* — столица, место, где находится императорский дворец; *мати* — небольшой город до 30 тыс. населения; *тоси* — город в современном понимании этого слова.

Типы японских городов Японские города по своему характеру и истории возникновения имели много сходного с европейскими. Следует сказать, что города

периода *кинэй* ведут свою родословную от городов предыдущего периода, когда большинство из них было основано *рёсю* (владельцами частных поместий).

К XVII в. самым распространенным типом города был *дзёкамати* — приамковый город. Феодалы строили замки, у стен которых располагались поселения. *Даймё* переселяли туда самураев и их челядь, а для их обслуживания заставляли переезжать туда сельских ремесленников и торговцев, что способствовало росту удельного веса городского населения. Так появились города Кёфу, Ямагути, Одавара, Касугаяма, Нагоя.

Размеры *дзёкамати* были весьма различны. В середине XVII века численность населения в Нагоя и Канадзава достигала 90–110 тыс. чел.; в других проживало по 40–50 тыс., но в большинстве — по 10–30 тыс. чел. Общая численность населения *дзёкамати* составляла 1 млн. 400 тыс. чел.

Дзёкамати возникли под влиянием политических, а не экономических причин. Но в конце XVI и начале XVII вв. в Японии усилились новые явления в экономике, что, в свою очередь, оказало влияние на судьбу *дзёкамати*. Постепенно они стали менять свой облик, превращаясь в центры ремесла и торговли.

Помимо *дзёкамати* в Японии существовали города и иного типа. Например, Хаката, Сакаи, Хёго были портовыми городами, развивавшимися на основе внешней торговли. Кроме того, в Японии с древности имелись города-рынки (*итибамати*), прихрамовые города (*мондзэнмати*), города, возникшие на месте почтовых станций (*сюкубамати* и *хондзинмати*) и др.

В XVI в. в Японии появился своеобразный тип города — *дзаймати*, (*гомати*, *матибун*). Он представлял собой городское образование, отделившееся от деревни, но первоначально возникшее на ее территории. Это были небольшие по размеру поселения, где жители четко не разделялись по профессиям. *Дзаймати* снабжали крестьян товарами, которые не производились в крестьянском хозяйстве. Впоследствии *дзаймати* послужили базой развития рассеянной мануфактуры.

Эти города были как бы посредниками между *дзёкамати* и деревней. С установлением системы *бакухан* все княжества провели реорганизацию этих *дзаймати*, в них перебрасовалось население, не связанное с сельским хозяйством. Там проводились регулярные рынки, жили мелкие торговцы и небольшое количество ремесленников. Они стали местом, где велась купля-продажа товаров первой необходимости и продовольствия, той артерией, по

которой осуществлялся товарооборот товаров как внутри владения, так и вне его.

Население *дзаймати* было невелико, но по мере развития торговли и промышленности оно росло, и в своего рода «конкурентной борьбе» *дзаймати* одолели *дзёкамати*.

С развитием экономики, с ростом товарности сельского хозяйства, увеличением площадей под техническими культурами крестьяне все больше втягивались в рыночные отношения. Побочные промыслы и работа по найму стали неотъемлемой частью жизни крестьян. Кроме того, деревня стала объектом приложения накопленных средств со стороны городского купечества, которое организовывало переработку сырья в готовую продукцию, скупало ее и отправляло на городские рынки для розничной продажи. Это была ранняя форма капиталистического производства, получившая распространение начиная с XVII в.

Многие сельские жители сами начали заниматься торговлей, причем процент их был так велик, что некоторые деревни превращались в городки. Обычно этот процесс относят к XIX в., но на деле он начался гораздо раньше. Например, в княжестве Кага к концу XVII в. 15 деревень были зарегистрированы властями как городки (*мати*) именно по причине характера их экономической деятельности. Об их «городском» статусе свидетельствовало и учреждение в них городской администрации.

Типичным примером превращения деревни в *дзаймати* является история деревни Дзёхана в княжестве Кага недалеко от города Канадзава. Расположенная в предгорье, она имела хорошие условия для рисоводства. Однако у крестьян были небольшие поля под посевы риса, а в основном они разводили коконы, поскольку это занятие давало больший доход. Городские торговцы начали ссужать крестьян деньгами, скупали затем у них коконы, передавали ремесленникам, изготовляли пряжу, потом ткачи пряли ткани, которая шла на изготовление одежды из шелка. Постепенно весь этот процесс поставили под свой контроль оптовые торговцы, и изделия из шелка стали продаваться не только на территории княжества, но и перепродаваться торговцам в Киото. Это привело к тому, что уже к 1693 г. основная часть крестьян в деревне занялась только ремеслом, а около 30% жителей между 1683–1693 гг. покинуло деревню, чтобы заняться коммерческой деятельностью.

История *дзаймати* свидетельствует о предпринимательской активности разных слоев населения Японии. Постепенно *дзаймати* сделались центрами крестьянской экономики, напрямую

связанными с крестьянскими подсобными промыслами. Широкое распространение в этих городах получала работа по найму за деньги. В *дзаймати* стекались бедняки из окрестных деревень в поисках поденной работы.

Основной причиной распространения этого типа города был рост неаграрной занятости населения, развитие крестьянской домашней промышленности, что привело к увеличению населения в средних и мелких городах. Особенно этот процесс был характерен для района Кинай, который отличался высоким уровнем развития экономики и где находились два из трех крупнейших городов токугавской Японии — Осака и Киото. Можно сказать, что в японской деревне шел процесс раскрестьянивания, что приводило к росту городского населения.

* * *

В Японии довольно рано наметилась специализация районов в производстве определенного вида товаров. Уже с XIII в. провинция Харима была известна изготовлением иголок, Биттё славилась мечами, Кавати — изделиями из дерева, в Идзумо плели циновки, в Идзумо изготавливали гребни, в районах Ава, Хитати, Каи, Ивами занимались ткачеством. Такая специализация определяла и промышленно-торговую направленность возникавших в данной местности городов. Так Киото, Кирё, Исэдзаки, Хино, Фукусима превратились в центры по производству шелка, Кокура — по производству хлопчатобумажных тканей, город Сэто в провинции Овари славился гончарными изделиями.

Со второй половины XVI в. в Японии наблюдалось быстрое развитие городов нового типа — как центров ремесла и торговли, — в которые быстро превращались все прежние, «специализированные» города. К концу XVII в. Япония была одной из самых урбанизированных стран мира с высокой степенью концентрации населения. Уже к концу XVI в. население Осака и Киото достигло уровня тогдашних Парижа и Лондона. К началу XVII в. в крупных городах проживало 5–7% общей численности населения страны. Только Голландия и Англия имели большую концентрацию городского населения.

К большим центральным городам относились Эдо, Осака и Киото, происхождение и социальный состав жителей которых обусловил отличительные особенности каждого из них, определил статус города и его место в социально-экономической и политической структуре японского общества периода Токугава. Эдо был резиденцией сёгунов и городом самураев, Осака — городом

торговцев, Киото — резиденцией императора и придворной знати, творческого люда и искусных ремесленников, столицей страны.

Город Эдо На месте Эдо, современного Токио, когда-то была деревня. В 1456 г. Ота Дэкан, вассал дома Уэсуги, построил там небольшой замок. Но подлинное начало истории этого города связано с 1590 годом, когда Токугава Иэясу, став правителем обширного района Кантё, сделал этот замок своей резиденцией. При нем и началась застройка города, превращение его в крупнейший административно-хозяйственный центр.

Став резиденцией *бакуфу*, Эдо превратился в огромный город, по-видимому, самый большой в мире. К середине XVII в. в Эдо проживало 430 тыс. чел., спустя столетие — 1 млн.

Врач при голландской фактории Э.Кемпфер, немец по национальности, дважды (в 1691 и 1692 гг.) приезжал из Нагасаки в Эдо и был очарован этим городом. Вот что он писал о нем:

«Среди пяти главных торговых городов... Эдо первый и главный, резиденция императора (Кемпфер имеет в виду сёгуна. — *Ред.*), столица, крупнейший город государства... Обращенный к морю, он напоминает очертанием полуострова, 7 миль в длину, 5 в ширину. Город очень многолюдный, там много моряков, иностранцев и духовных лиц».

Город развивался как город-потребитель, что объяснялось его политической ролью и социальным составом населения, этому же способствовала система заложничества *санкин кьотай*. Горожанам требовалась еда, топливо, одежда, строительные материалы. В Эдо завозилось огромное количество продовольствия и товаров — рис, уголь, дрова, *сакэ*, масло, соя, соль, рыба, очищенный хлопок, хлопчатобумажные ткани и др.

Учитывая ограниченные возможности средств транспорта того времени, подвоз всего этого составлял большую проблему. Существовали и другие сложности. Эдо был расположен в районе Кантё, который являлся экономически отсталым. Товарное производство там было развито слабо, население не было втянуто в товарно-денежные отношения. Конечно, близость такого большого города оказывала влияние на близлежащие деревни, но их возможности были ограничены, поэтому уже в период своего становления Эдо снабжался разными товарами из других районов страны, в первую очередь из Осака.

Взаимные экономические связи между этими двумя городами были очень оживленными. Можно сказать, что Эдо был конечным пунктом товарного обращения в масштабах всей страны, а большая часть товаров проходила через Осака. Путь от Осака до Эдо

являлся в эпоху Токугава главной экономической артерией Японии. Очищенный хлопок из Осаки служил сырьем для обрабатывающей промышленности в Эдо и его окрестностях, что постепенно уменьшало зависимость Эдо от Осаки в товарах первой необходимости, но это имело место уже концу периода Токугава.

Многие торговцы преуспели в снабжении Эдо овощами и фруктами, которые они везли туда из деревень, расположенных в радиусе 40 км. Эта продукция ежедневно продавалась на шести эдоских рынках.

«Летний дождь над Нихомбаси». Картина Утагава Хиросигэ. 1832 г.

На одной из старинных улиц Эдо — Нихомбаси — торговцы из разных районов Японии имели свои лавки. Это и сейчас одна из самых оживленных улиц города, где расположены многочисленные универмаги и специализированные магазины.

Глав городских магистратов (управлений) главных городов назначало *бакуфу*. Должность *мати бугё* (можно перевести как градоначальник) в период Токугава считалась весьма высокой. *Мати бугё* обладали гражданскими, полицейскими и судебными функциями и подчинялись непосредственно государственным советникам *родзэ*. Однако под их управлением находились только горожане, к проживавшим в Эдо самураям они никакого касательства не имели, хотя они составляли примерно 50% населения города.

Под началом *мати бугё* находились *матидосиёри* (городские квартальные старшины). Все они были происходили из уважае-

мых семей, права на эту должность передавались по наследству. В каждом квартале был еще *нануси* (староста), должность которого тоже была наследственной. Кроме него были еще главы пятидворок, дежурные у входа в квартал (*кидобан*) и др. К участию в городском управлении допускались только собственники земли, арендаторы такого права не имели. К 40-м годам XIX в. в городе было 2770 кварталов, 60% площади занимали усадьбы первого сословия.

Уже тогда складывался социально-профессиональный облик кварталов, который прослеживается и в современном Токио. Усадьбы *даймё* находились в Мита, Аояма, Роппонги; торговцы и ремесленники селились в Тамати, Симбаси, Рёгаэ, Фукагава.

Еще Токугава Иэясу позаботился о водоснабжении города. Он поручил провести воду в эдоский замок с Инокасира. Но о полноценном водоснабжении Эдо можно говорить, начиная с 1653 г., когда два брата — Сёэмон и Сэйэмон, скорее всего, из торговцев, — провели воду в город из реки Тамагава. За эту работу они получили денежное вознаграждение и привилегию иметь фамилию Тамагава.

Первоначально водой снабжались лишь усадьбы *даймё* и самураев. Но постепенно, по мере того, как Эдо становился центром ремесла и торговли, система водоснабжения пришла и в дома горожан.

Город Осака В течение всей своей истории Осака был торговым портом, расположенным на перекрестке важных морских путей, связывавших Японию с азиатским материком. Географический фактор сыграл большую роль в его развитии. Город играл важнейшую роль в снабжении Японии как продовольствием, так и различными товарами, и считался самым богатым в стране. Большая часть товаров, производимых в разных концах Японии, проходила через этот портовый центр. Осака являлась в тот период всеяпонским рынком, где *бакуфу* и *даймё* продавали рис, произведенный в их владениях. При сёгуне Ёсимунэ в Осака была создана рисовая биржа, где определяли годовые цены на рис.

С развитием товарного обращения в масштабах всей страны и углубления общественного разделения труда происходило складывание национального рынка. Большую роль в этом процессе играл Осака. Там действовали богатые купеческие дома — Кёноикэ, Мицуи, Тэннёдзия, Хираноя. О темпах роста оптовой торговли в этом городе говорят такие цифры: в 1714 г. в Осака поступило 2 млн. 60 тыс. *тан* (*тан*=10,6 м) хлопчатобумажных тканей, а в

начале XIX в. — уже 8 млн. *тан*, причем за это время население города практически не увеличилось.

Среди товаров, поступавших в *Осака*, на первом месте был рис, затем хлопок и готовые изделия из него. В 1736 г. город получил следующие товары: хлопок и изделия из него на сумму 12151 *кан* серебра (1 *кан*=3,75 кг), овощей на сумму 5927 *кан*; изделий из шелка из *Кантō* и *Хокурику* на сумму 3221 *кан*; сырой (неочищенный) воск на сумму 2374 *кан* (его добывали на о-ве *Кёсё* и в *Хокурику*; кроме того, везли табак из *Кинки* и *Санъё*, бумагу, производством которой занимались на островах *Кёсё* и *Сикоку* и в *Санъё*. Поставляли в *Осака* и удобрения для выращивания хлопка, которые изготовляли из сушеной *иваси*.

Э.Компферу город показался чрезвычайно населенным. Он охарактеризовал его как самый торговый город, исключительно удачно расположенный. Это, по его мнению, была одна из причин, почему он был населен богатыми купцами и ремесленниками. Его поразило, что несмотря на большое число жителей, продовольствие стоило дешево.

Уже в XVIII в. население города достигло 200 тыс. чел., а к 1835 г. — 367 тыс. чел. Рынков такого масштаба, как в *Осака*, в XVIII в. не было ни в Европе, ни в России.

Город Киото Среди самых больших городов Японии периода *кинсэй* Киото был самым древним. Будучи столицей страны, местом пребывания японского императора и придворной аристократии, город собрал лучших художников, поэтов, писателей и людей других творческих профессий.

В период войн XV–XVI вв. город сильно пострадал. Восстановить его начал Гоётоми Хидэёси. Токугава Иэясу довершил восстановление Киото, построив там для себя замок Нидзё.

В процесс своего развития Киото, возникший как политико-административный, религиозный и культурный центр, постепенно стал и городом ремесленного искусства. В городе было много ремесленных объединений (*дза*), которые принесли Киото заслуженную славу. Они изготовляли мечи, изделия из фарфора и керамики, музыкальные инструменты, кисти для письма, принадлежности для чайной церемонии, поделки из золота и серебра, высококачественные изделия из шелка. Сохранились имена ремесленников, изготовлявших изящные складные веера, фарфор, одежды для чайной церемонии и специальную бумагу для императора, *кугэ* и высших самураев. Киотоские товары имели высокую репутацию и качество, среди них преобладали предметы рос-

коши, тогда как в Осака, в основном, производили товары повседневного спроса.

Но особенно город славился ткачеством. Сколько там жило ткачей точно не известно, но, согласно документам, во время пожара 1730 г. сгорело около 3 тыс. ткацких станков из общего количества 7 тыс. По-видимому, с текстильным производством было связано примерно 10 тыс. чел., если включить в их число и красильщиков, работа которых славилась не меньше, чем ткачей.

Развитие экономики в XVII в. привело к тому, что в Киото расширилась торговля шелком. Представители новые феодальных домов, выдвинувшихся в период *сэнгоку дзидай*, оказались большими любителями одежды, изготовленной из шелковых тканей в Киото. Это было престижно и служило определенным отличительным знаком их высокого положения. Кроме того, киотоский шелк считался хорошим подарком для сёгуна и его окружения. Поэтому многие *даймё* отправляли своих слуг за покупками в Киото.

По распоряжению сёгуна торговля высококачественными шелковыми тканями была сосредоточена в районе Нисидзин. Шелк-сырец из Китая также привозился из Нагасаки в Киото, где он поступал к ткачам. Импортные изделия и одежды из шелка продавались тоже в Киото. Поэтому в городе существовало множество различных категорий торговцев. Не обошли город своим вниманием и те из них, которые занимались кредитными операциями — в 1680 г. в Киото было 54 меняльных конторы.

Следует отдать должное Э.Кемпферу, который побывав в главных городах Японии, уловил разницу между ними. Вот что он написал о Киото:

«Киото (*миасо*) (искаженное «*мияко*» — столица. — *Ред.*) представляет собой огромный магазин всех японских товаров, это главный торговый город страны (центром оптовой торговли был Осака. — *Ред.*). За редким исключением здесь нет дома, где бы что-нибудь не изготовляли или не продавали. Прекрасная медь, книги, ткани, богато затканые золотыми и серебряными цветами, прекрасные и редкостные игральные кости, резьба по дереву, картины, японские шкатулки, куклы-марионетки — словом бесчисленное количество вещей, слишком многообразное, чтобы быть перечисленным».

* * *

Японский город периода Токугава нельзя оторвать от экономического развития деревни. Они влияли друг на друга, и во многом японская деревня опережала город, а в случае с *дзаймати* стала причиной их появления. Поэтому процесс урбанизации в тот период был тесно увязан с общим экономическим развитием стра-

ны, специализацией сельского хозяйства и развитием товарно-денежных отношений.

Дороги и транспорт

Дорожная сеть Оживленным связям между городами, провинциями и деревнями способствовало хорошее состояние дорог. Главные японские дороги были достаточно широки, чтобы можно было свободно разъехаться двум экипажам. В целом, они содержались в хорошем состоянии; особенно тщательно их ремонтировали перед приездом важных сановников.

Дороги и транспорт в период Токугава находились под строгим правительственным контролем. От сёгунской столицы Эдо протянулись 5 радиальных дорог, на каждой из которой на расстоянии 10 км были устроены почтовые станции с гостиницами. В них останавливались на ночлег самураи, для них там резервировались лошади и обслуга, которую нанимало *бакуфу*. На главной дороге — Тёкайдё, связывавшей Эдо, Киото и Осака, — на каждой станции находилось по 100 чел. обслуги и по 100 лошадей; на дороге Накаяма — по 50, на остальных трех — по 25. На менее важных дорогах, где движение было слабее, постоянные дворы строились местными феодалами. Приоритетом в получении ночлега и транспортных услуг пользовались самураи; они же дешевле платили за проезд. Простые люди (*сёмин*) также могли получить ночлег, однако с условием, чтобы это не наносило ущерб самураям. Оплата для *сёмин* была без скидки.

Придорожные почтовые станции частично освобождались от земельного налога. Кроме того, им выдавалась определенная дотация. Есть сведения, что почтовые станции использовались и для торговли. Постепенно на месте наиболее оживленных почтовых станций стали образовываться небольшие городки.

Спрос на транспорт был большим, поэтому когда на почтовых станциях не хватало людей и лошадей, мобилизовали крестьян и лошадей из соседних деревень. Эти деревни были заранее распределены между станциями и по распоряжению чиновников предоставляли необходимое количество людей и лошадей. В качестве компенсации эти деревни освобождались от некоторых налогов. Однако несмотря на это, к 50-м годам XIX в. придорожные деревни из-за гужевой повинности были истощены, поскольку компенсация не покрывала всех расходов.

Водный транспорт Речной транспорт также находился в ведении *бакифу* и выполнял важную роль в

перевозке различных товаров. Его развитию способствовало строительство *дзёкамати* и система *санкин кôтай*. В начале XVII в. проводилось повсеместное обустройство и укрепление берегов. Поскольку речной транспорт был дешев, на его долю приходилось большая часть грузов.

В верховьях, в среднем течении и в низовьях рек использовались разные типы лодок, поэтому возникала необходимость в перегрузке товаров. Этим занимались оптовые торговцы, владельцы лодок, гребцы, кули и др.

Речные оптовые торговцы (*тонъя*) платили владельцам лодок за провоз из денег, полученных с владельцев грузов, и из комиссионных за ведение дел. Однако постепенно *тонъя* превращались во владельцев лодок, и среди них появились люди, которые совмещали оба занятия — посредничество и перевозку. Они вносили в казну *бакуфу* и княжеств промысловый налог и за это получали право вести дело. Кроме того, функции *тонъя* нередко выполняли деревенские чиновники, оказывая посреднические услуги в обеспечении транспортом владельцев грузов и путешественников. Они руководили владельцами лодок, гребцами, кули, которые занимались погрузкой и разгрузкой, связывались с *тонъя* на других реках и т. д.

«Закрытие» страны и запрещение строить большие суда отрицательно сказалось на японской технике кораблестроения и искусстве навигации. Однако каботажное сообщение получило широкое развитие. В 1620 г. началось сообщение между Осака и Эдо, морем везли рис, хлопок, масло, уксус, *сакэ*, сою и другие товары первой необходимости. В 1700–1702 гг. через порт Эдо прошло 4036 судов. Каботажное плавание осуществлялось как вдоль тихоокеанского, так и западного побережья. С XVII в. эти морские пути использовались очень активно. По всей Японии возникло много оживленных портовых городов.

Глава 2

ЯПОНСКОЕ КУПЕЧЕСТВО

Происхождение японского купечества

Японское купечество по своему происхождению представляло собой довольно пеструю картину. Несмотря на строгую общественную регламентацию, в японском обществе на протяжении длительного периода происходили активные процессы социальной мобильности, что прослеживается на примере истории крупных торгово-предпринимательских династий.

Особенно сильно сословная система обнаружила свою подвижность в период кинсэй, чему способствовал ряд политических и социально-экономических обстоятельств. Сталкиваясь с реальностью повседневной жизни, Люди довольно активно меняли свою социальную принадлежность: одни по причине накопленного богатства, другие — в силу утраты внутрисословных связей.

Купечество пополнялось за счет обедневших самураев, ремесленников, оставивших ремесло ради торговли. С ростом городов началось и участие в торговле крестьян. Они стали заниматься пригородным земледелием, ориентируясь на нужды горожан. Хотя городские купцы старались вытеснить крестьян с городских рынков, закупая излишки сельскохозяйственной продукции и изделия сельского ремесла на местах, некоторым крестьянам удавалось разбогатеть, и они, порвав с земледелием, сами становились купцами.

**Формирование
нового купечества**

Предприимчивость японского купечества позволяла ему достичь значительной экономической мощи даже в условиях изоляции Японии, когда оно было лишено возможности заниматься внешней торговлей. Всю свою энергию и изобретательность оно направило на развитие внутренней торговли, меньше — в сферу производства. Четвертое (в японских условиях) сословие весьма преуспело в искусстве манипулирования деньгами, создав по всей стране сеть ссудных лавок. Кредитно-финансовые операции для многих купеческих домов послужили источником накопления, а свидетельством того, какими денежными суммами обладали эти дома, служит факт быстрого образования банков во второй половине XIX в., основу которых составляли как раз накопления купеческих домов. Купцы также вкладывали деньги в ос-

воение новых земель и разными путями становились фактически-ми собственниками земли.

В XVII в. все население страны разделялось на четыре сословия: самураи, крестьяне, ремесленники, торговцы. В социальной иерархии торговцы занимали последнюю ступеньку, и их отношения с другими социальными категориями населения страны были сложными. Основная часть *даймё* и самураев, находившаяся у купцов в постоянном долгу, относилась к ним с враждебностью и презрением, но не могла обойтись без их помощи. Так, Ёсио Хэйхатирё, самурай по происхождению, поднявший мятеж в г. Осака, говорил о них:

«Ненавидимые пройдохи — богатые горожане не только подчиняют себе самураев, пользуясь их затруднительным материальным положением, но позволяют себе грубости, гордясь и выставив напоказ свое богатство... Они имеют огромное количество рисовых пахотных полей и другое имущество и живут, не испытывая ни в чем недостатка. В то время как народ страдает от страшного бедствия, голода, они продолжают, как всегда, вести роскошную, веселую жизнь, не обращая внимания на страдания народа».

Торговцы оказались внизу социальной лестницы совсем не случайно. С одной стороны, феодалы были заинтересованы в помощи торговцам при реализации на рынке натуральной ренты, получаемой с крестьян, при организации горных и других предприятий, при операциях по внешней торговле и т. п. С другой стороны, рост финансового могущества торговцев внушал опасения классу феодалов, которые всячески старались ограничить свободу их деятельности. Действительно, по мере развития товарно-денежных отношений японское купечество становилось все менее покорным. Как говорил конфуцианский ученый Гамё Кумпэй, «гнев богатых купцов из Осака вселяет ужас в сердца *даймё*».

Оптовые торговцы Осака, Эдо и Киото обладали силой и авторитетом и играли большую роль в ценообразовании. Правительство время от времени делало «набеги» на их финансовую мощь, облагая их «добровольно»-принудительными займами (*гоёкин*).

При этом верховные правители Японии пользовались услугами купечества. У Токугава Иэясу советником по финансовым делам был Готё Мицуцугу, который основал монетный двор (Гиндза). Купечество само искало связи с властями. Так, торговый дом Мицуи стал банкиром *бакуфу*. В отношении низших слоев населения купечество выступало в роли работодателей — лодочники,

грузчики, носильщики, не говоря уж о многочисленных приказчиках в лавках, обслуживали расширявшуюся торговлю.

Структура купечества была многообразной. Это были и крупные оптовые торговцы, владельцы бакалейных, мануфактурных, галантерейных лавок и лавчонок, лоточники, бродячие торговцы вроде русских корабейников; среди последних было много женщин. В период средневековья бродячие торговцы сыграли важную экономическую роль — они были посредниками между городом и деревней, между районами с разной специализацией. Для многих крестьян такая торговля была побочным промыслом, хотя она была связана с большим риском — на дорогах хозяйничали разбойники.

Торговля вразнос была одной из самых распространенных в период средневековья. Купцы обычно специализировались на продаже какого-то определенного вида продукции, но, безусловно, в торговле преобладали товары повседневного спроса, предметы первой необходимости, хотя большие лавки, расположенные в центре крупных городов Японии, славилась своими предметами роскоши.

Существовали и торговые посредники. Купечество определенных областей монополизировало отдельные отрасли торговли и широко занималось разного рода кредитными операциями. Будучи юридически бесправным, но осознав свою экономическую силу, японское купечество научилось отстаивать свои интересы и выгоды.

XVII—XVIII вв. в истории Японии — время бурной деловой активности, освоения новых пахотных земель, строительства городов. Горожан нужно было снабжать продовольствием и товарами первой необходимости, а *даймё* нуждались в предметах роскоши. Поэтому занятие торговлей стало делом выгодным и прибыльным, хотя следует отметить, что не все, рискнувшие им заняться, преуспели. В то время в Японии возникло много торговых и торгово-предпринимательских домов, часть из которых сохранились и до наших дней. Среди них — Мицуи, Сумитомо и Кёбюикэ.

Все они принадлежали к новому слою японского купечества, который сложился в эпоху Токугава. Они пришли на смену купцам XVI—начала XVII вв., получавших большие доходы от внешней торговли. В условиях ограниченных связей с внешним миром им приходилось искать иные сферы деятельности и активно налаживать отношения с *бакуфу* и *даймё*.

Такое сотрудничество было совершенно необходимо. Купечество не было обложено постоянным налогом, как крестьянство, но

оставалось весьма уязвимым для властей, поскольку те, испытывая финансовые затруднения, могли конфисковать имущество, аннулировать долги или потребовать какие-либо «пожертвования».

Купеческие объединения Купечество создавало свои объединения типа европейских гильдий, называвшиеся *накама*. Первое было создано под непосредственным руководством *бакуфу* в 1604 г., чтобы противопоставить единую организацию японских купцов португальской монополии на ввоз китайского шелка. Получив специальную привилегию, торговцы часть прибыли отдавали правительству. В первой половине XVII в. эти поступления значительно пополняли финансы *бакуфу*.

Практика выдачи *накама* лицензий (*кабу*) продолжалась и дальше. *Кабунакама*, получив разрешение на продажу или производство какого-либо товара, уплачивали *бакуфу* определенный налог. Лицензию можно было продать или передать по наследству.

Существовали и организации, созданные купцами самостоятельно: оптовые торговцы имели свои объединения — *тоя* или *тонъя*.

В 1721 г. сёгун Ёсимунэ в русле проводимых им реформ, вызванных финансовыми затруднениями, взял под контроль деятельность купечества и ремесленников. Он легализовал все их объединения, разделив их на 96 категорий. Таким образом, упрощалась схема взимания налогов с объединений торговцев. Кроме того, через них передавались указы и распоряжения властей, осуществлялся контроль над ценами, надзор за торговлей и т. д. Правительство использовало *кабунакама* и в полицейских целях. Известно, что объединение ростовщиков, имевших ломбарды, помогало выявлять краденое и ловить воров.

Со своей стороны, торговцы также получили определенные выгоды от новой политики *бакуфу* в сфере своей деятельности и, прежде всего, в области цен. Они самостоятельно решали, какую сумму должен был платить каждый член объединения в качестве лицензионного взноса и ежегодного налога. Сёгунат уже не мог, как раньше, прибегать к конфискации имущества отдельных членов объединения.

Купечество платило следующие налоги:

Мёгакин — промысловый налог. Его платили ремесленники, и рыбаки, т. е. лица, занятые и в торговой, и в производственной сфере. Это была плата *бакуфу* или *даймё* за разрешение зани-

маться теми или другими видами деятельности. Размер *мёгакин* определялся каждый год.

Ундзёкин — плата за разрешение заниматься извозом. Налоговые ставки здесь были самыми разными.

Гоёкин — внеочередной налог. Его платили по особому распоряжению властей, или если получали право носить фамилию, меч и т.д.

Купцам предоставлялись существенные привилегии, если они являлись подрядчиками или поставщиками двора сёгуна или отдельных княжеств. С *бакуфу* и властями княжеств сотрудничали и *гоётацу* — это были торговцы, которым были предоставлены монопольные права в области посреднической деятельности. Среди них было много тех, кто специализировался на закупке риса.

Развитие кредитных операций

Дом Токугава поддерживал торговцев Эдо и других городов, входящих в сёгунские владения, поскольку это значительно пополняло казну за счет налогов. При Токугава предпринимались усилия по упорядочению денежной системы. До этого в стране находилось в обороте 5 видов денег (золотые, серебряные, медные). Они имели хождение по всей Японии, и право их чеканки принадлежало *бакуфу*. Кроме того, существовала местная валюта (бумажные деньги); сёгунат таких денег не выпускал. Бумажные деньги («*Ямагата хагаки*») имели хождение в провинции Исэ, где их пустили в оборот купцы из Ямада. С 1661 г. в княжестве Фукуи начали печатать «княжеские бумажные деньги», и к началу XVII в. такая практика распространилась еще на 46 княжеств. Свои бумажные деньги появились в городах, деревнях, храмах и даже у отдельных торговых домов. Одной из причин такого положения была нехватка серебряных монет.

Наличие в обращении разного вида денег, развитие товарно-денежной экономики и рыночных связей привели к появлению меняльных контор, а также лиц, профессиональной деятельностью которых стало ведение финансовых операций. Даже в XIX в. в стране имели хождение многочисленные денежные знаки, обращавшиеся только в пределах отдельных княжеств. Так, в 1868 году в ходу было 1694 вида денежных знаков. К середине XVII в. в торговой практике появились всевозможного рода векселя.

Японское купечество, лишенное возможности вести внешнюю торговлю, проявляло чудеса изобретательности, извлекая прибыли из любых сфер деятельности. Говоря о японском купечестве XVII в., французский историк Ф.Бродель отмечал, что они рано поняли, какую выгоду можно извлекать «из манипуляций с день-

гами — деньгами приумножающими, необходимым инструментом современного накопления». В японских меняльных конторах можно было взять деньги в кредит, обменять вексель, оставить деньги на хранение.

Занятно, что японские меняльные конторы имели примерно такой же режим работы, как и лондонские. Они были открыты ежедневно с 10 час. утра, а продолжительность их работы определялась временем горения светильника и составляла примерно 2 часа (в Лондоне время работы определялось сроком горения одной свечи).

Кредитование *даймё* было настолько широко распространённым явлением, что в ходу был специальный термин — *даймёкаси* (кредит для *даймё*). Некоторые торговцы (*фудасаси*) кредитовали самураев в счёт их рисовых пайков. И тех и других особенно много было в Осака.

Чтобы понять причины широкого распространения меняльных контор и других видов финансовой деятельности японских купцов, необходимо рассмотреть, как происходила реализация риса и других видов княжеской продукции, иными словами, как строились отношения между высшим и низшим сословиями японского общества.

Владения дома Токугава были разбросаны по всей стране, налог с них, прежде всего в виде риса, доставлялся в Осака, продавался там, а деньги переводились в Эдо, резиденцию сёгунов. *Даймё* также отправляли в Осака рис и другую продукцию своих княжеств, а деньги им переводили в Эдо, где они были обязаны жить согласно системе заложенничества (*санкин кôтай*).

Даймё поручали продажу риса и других продуктов определённым торговцам в Осака. Постепенно последние начали авансировать *даймё* ещё до реализации риса, а иногда и в счёт будущих продаж. В Осака образовалась целая группа торговцев (*курамото, какэя*), которые занимались финансированием *даймё* и сбытом их продукции. Такая система купли-продажи получила развитие в годы Камбун (1661–1672), но ее элементы появились еще раньше, в годы Кёхō (1644–1647).

Первым и крупнейшим из осакских торговых домов, начавших подобные операции, был дом Ёдоя, который вел дела 33 *даймё*. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что не осталось ни одного *даймё* юго-западных княжеств, которые не были бы должниками этого дома.

Реализованные от продажи риса деньги пересылались из Осака в Эдо. Для этого была учреждена почтовая служба. Деньги пе-

ревозились на лошадях, или их нес на себе посыльный, что было делом небезопасным — по пути могло случиться всякое. Поэтому купец из Осака по имени Тонамура ввел в обиход более простой способ расчета продавца с покупателями — переправлялись не деньги, а векселя, по которому *даймё* в Эдо получал деньги. Таким образом, дела велись между торговыми домами — пересылались вексель и доверенность. Выгоду получал и торговый дом в Эдо — иногда *даймё* запрашивал не всю сумму сразу, и поэтому оставшиеся деньги временно можно было пустить в оборот. Этот способ ведения дел получил широкое распространение в Осака, и для многих торговых домов стал основным направлением в их деятельности, которую можно рассматривать как прообраз банковской системы.

Жизнь в Эдо заставляла *даймё* все чаще прибегать к услугам меняльных контор. Просрочка платежа со стороны *даймё* была обычным делом, поскольку общество не очень-то заботилось об охране интересов купечества, хотя дела о неуплате долгов и рассматривались в городских магистратах. Купцы могли защищаться от произвола властей только силой денег — скажем, увеличивая процентную ставку.

Торговый дом Мицуи

Немного существует в мире фирм, чья история насчитывает более трех столетий. Мицуи относится к их числу. Это одна из старейших и крупнейших торгово-предпринимательских фирм, начало которой было положено в далеком XVII в. Это был период, когда в стране после долгих междоусобных войн наступил мир, и многие самураи как-то сразу оказались не у дел. Несмотря на строгую сословную регламентацию, многие из них поменяли свой социальный статус — занялись торговлей, стали художниками, учителями, ремесленниками.

От самурайского меча к купеческим счетам Основателем дома Мицуи считается Такатоси Хатирёбэй. Но первая лавка была открыта еще его отцом Такатоси Сокубэй, который проявил определенную дальновидность, отказавшись от самурайского звания и решив заняться торговлей. Хотя сословие торговцев находилось тогда на низшей ступени социальной лестницы.

Предки Сокубэй были мелкими феодалами. Трудно проследить историю этого рода с достаточной достоверностью, поскольку часто в родословные вплетались разного рода легенды. По одной

из них, представитель семьи Фудзивара по имени Нобунари Уманоскэ покинул Киото и поселился в провинции Оми. Однажды, осматривая свои владения, расположенные у оз. Бива, он обнаружил 3 колодца, в одном из которых нашел золотые монеты. Посчитав это за доброе предзнаменование, Уманоскэ изменил свое имя на Мицуи, что означает «три колодца». Насколько эта легенда соответствует истине, судить трудно, но знак «три колодца» стал эмблемой торгового дома Мицуи, а в городе Мацудзакэ в провинции Исэ Мицуи долгое время заботливо сохраняли 3 колодца, один из которых используется до сих пор. Скорее всего, в обнаруженных колодцах была хорошая по качеству вода, пригодная для изготовления *сакаэ*.

В период Муромати (1338–1573) Мицуи были самураями феодала Сасаки в провинции Оми. В XV в. глава семьи Мицуи имел довольно высокий ранг, что позволило ему породниться с сюзереном. В Японии существовал обычай входить в семью на правах приемного сына, женившись на наследнице, если в семье не было сыновей. Таким приемным сыном в семье Мицуи стал Сасаки Такахиса. Он построил замок в Намадзуэ, в местности к востоку от оз. Бива.

Во время междоусобных войн и борьбы за объединение страны в XV–XVI вв. дом Сасаки и семья Мицуи очень пострадали; небольшая часть оставшихся в членов клана Сасаки была покорена Ода Нобунага, одним из объединителей Японии, и род Сасаки исчез со страниц японской истории.

Но семье Мицуи, которая жила тогда в провинции Этиго, удалось выстоять и сохраниться. Глава дома Такаясу, почувствовав опасность, скрылся с семьей и немногочисленными вассалами. Они обосновались в призамковом городке (*дзёкамати*) Мацусака, который был торговым центром провинции Исэ. В этом городке Такатоси Сокубэй, старший сын Такаясу, начал свою жизнь уже в другом качестве.

Поблизости от Мацусака был порт. Кроме того, здесь останавливались паломники, направлявшиеся в храм Исэ. Матросы, бродячие торговцы, странники доносили до городка разные новости, что помогало Сокубэй ориентироваться в обстановке. Он ездил несколько раз в Эдо, который Токугава Иэясу, завершивший объединение страны, сделал резиденцией *бакуфу*, и который быстро превратился в гигантский город. К середине XVII в. в Эдо проживали 430 тыс. чел., спустя столетие — 1 млн. чел.

Процесс политической стабилизации благоприятно отразился на экономическом развитии страны, но привел к падению роли

самураев как воинского сословия. Именно тогда судьба дома Мицуи круто изменилась. Вернувшись в 1616 г. из очередной поездки в Эдо, Сокубэй объявил семье о своем решении изменить социальное положение дома Мицуи: поместить самурайский меч на *соробан* (японские счеты). К этому времени уже не было в живых сюзерена, которому он присягал на верность, и Сокубэй считал, что его долгом как главы дома является восстановление состояния и благополучия семьи:

«Меч не может больше обеспечить нашу жизнь. Я видел, как большими выгодными делами можно заслужить уважение. Я буду варить *саке* и соевый соус, и мы будем процветать».

Дело, затеянное Сокубэй, было несложным по технологии, и требовало лишь небольшого капитала и нескольких квалифицированных подмастерьев. Тем не менее, поначалу дела шли неважно. Сокубэй получил самурайское воспитание, был сведущ в поэзии и каллиграфии, но плохо представлял себе технику торговли. Положение спасла его жена Сюхō. Она была купеческой дочкой, и вникнув в дела мужа, проявила удивительные деловые качества. Именно ее усилиями была создана основа состояния первого поколения Мицуи, которые уже считались простолюдинами.

Сюхō успешно вела дела и после смерти мужа в 1633 г. У нее было 4 дочери и 4 сына, каждому из которых она сумела подобрать дело, которое наиболее соответствовало его природным способностям. Старшего сына, Тосицугу Сабурōдзаэмон, Сюхō отправила в Эдо, снабдив капиталом, чтобы он смог открыть там мануфактурную лавку. Помогал ему брат, Сигэтоси Сарубэй (3-й сын), основавший затем собственное дело по изготовлению и продаже гвоздодеров (*кугинуки*), очертание которого стало его эмблемой. 2-й сын, Хиросигэ Сэйбэй, был усыновлен другой семьей; младший, Такатоси Хатирōбэй помогал матери. Мать сама подобрала ему жену из купеческой семьи, которая, как и свекровь, стала умелой помощницей своему мужу.

Как только Хатирōбэй исполнилось 14 лет, мать отправила его в Эдо к Сабурōдзаэмон, где он также в скором времени открыл лавку, а старший брат отправился в Киото, где занялся торговлей тканями. Киото был культурным и ремесленным центром и славился мечами, высококачественными изделиями из шелка, фарфора, поделками из золота и серебра.

Оставшийся в Эдо Хатирōбэй начал в широких масштабах совершать закладные операции, заведя ссудную лавку. Как правило, клиентами-такими лавок становились *дейи* — мелкие торговцы.

требовала больших расходов. *Даймё* ежегодно привозили в Осака, Эдо и Киото 4 млн. *коку* риса, из которых $3/4$ шло на покрытие одних лишь процентов по долгам. Впрочем, у ростовщиков никогда не было твердой уверенности, что они получают долги, поскольку они не были защищены законом.

В 1673 г., когда Хатирёбэй исполнился 51 год, он решил прекратить дела с *даймё*, которые регулярно «забывали» платить долги, и стал больше ориентироваться на простых горожан. Он переехал в Киото и занялся торговлей тканями. Потом, оставив дела на старшего сына Такахира, вернулся с другим сыном обратно в Эдо, где открыл в августе 1673 г. небольшую лавку по соседству со своим старшим братом, торговавшим *кугинуки*. Хатирёбэй торговал модной парчой «*нисидзин*» и шелком, скупая их в Киото и в других местах. Когда дело пошло успешно, Хатирёбэй передал его своим шестерым сыновьям и, стремясь расширить сферу деятельности своего торгового дома, занялся изучением условий купли-продажи в различных районах страны, т. е. тем, что сейчас называется «маркетинг».

В лавках, расположенных на оживленной улице Хонтё-дори, где находилась и лавка «Этигоя», принадлежавшая Хатирёбэй, торговали по образцам. Приказчики, обходя дома *даймё* и самураев, предлагали им образцы тканей. Но денег от таких покупателей приходилось ждать довольно долго. Хатирёбэй, создав у себя в лавке большой запас товара, продавал ткани мелким провинциальным торговцам по розничным ценам. Барыш был небольшим, но реальным, товарооборот расширялся. Кроме того, расчет производился наличными деньгами.

В лавках на Хонтё-дори ткань продавалась целым куском, достаточным для изготовления *кимоно*. Один из приказчиков Хатирёбэй сообщил ему о разговоре, подслушанном в бане, что женщины предпочитают покупать небольшие куски материи, из которой можно шить различные мелкие вещи, например, кошельки. Тогда Хатирёбэй решил продавать ткань в кусках разной длины, что было выгодно простым горожанам. Хотя такая форма торговли не понравилась знати, она значительно снизила риск, поскольку продажа шла за наличные. Результаты не заставили себя долго ждать. Спустя год после приезда в Эдо Хатирёбэй так преуспел, что смог открыть еще одну лавку на той же улице. Теперь у него было 15 приказчиков, 5 учеников и несколько слуг.

В апреле-мае 1683 г. Хатирёбэй перевел свою мануфактурную лавку «Этигоя» в район Сурагатё недалеко от Нихомбаси. К стене лавки было прикреплено полотнище, на котором был изображен

круг, внутри которого были вписаны два иероглифа один в другой, причем первый иероглиф был взят от слова «колодец» и был изображен в виде скошенного сруба колодца, а внутри вписан иероглиф, означающий число «три». Эта эмблема дома Мицуи сохранилась до сих пор, и ее можно увидеть на всех зданиях, принадлежащих группе Мицуи. И еще на вывеске было написано: «За наличные. Цены без запроса» (*Гэнкин. Какэнэ наси*). Это был новый принцип в торговле, введенный домом Мицуи — продажа товара по твердым ценам.

Лавки «Этигоя»

К 1700 году лавка превратилась в самый крупный магазин в Эдо. От нее ведет свое начало один из крупнейших универсамов в современной Японии — «Мицукоси».

Серьезнейшее внимание Хатирёбэй уделял рекламе. В дождливые дни клиентам одалживали зонты с эмблемой Мицуи. Хатирёбэй покровительствовал поэтам, драматургам, писателям (например, Ихара Сайкаку), а они упоминали его в своих произведениях. В японской поэзии есть строчки о лавках Мицуи:

С треском шелка разрываю!
В лавке Этигоя...
Летнее время настало!
(пер В. Марковой)

— так писал поэт Такараи Кикаку, эдоский горожанин и беспечный гуляка, воспевая улицы и богатые торговые лавки родного города.

К концу XVII в. в торговом доме Мицуи работало несколько сот служащих по найму. Поскольку лавки «Этигоя» в Эдо процветали, Хатирёбэй открыл их филиалы в Киото и Осака.

Осака был торговым портом, расположенным на перекрестке важных морских путей, связывавших Японию с азиатским материком. Город был личным владением сёгуна, резиденцией сёгунских чиновников. Его называли «кухней поднебесной» (*тэнка дайдогоро*), поскольку он играл важнейшую роль в снабжении Японии продовольствием и другими товарами. При сёгуне Ёсиму-нэ в Осака была создана рисовая биржа, где определялись годовые цены на рис. Поэтому открытие торговых лавок в Осака можно считать важным событием в истории дома Мицуи.

Причины феноменального успеха в делах Мицуи, несомненно, следует искать в личных качествах Хатирёбэй. Он хорошо разбирался в сути политической и экономической обстановки, осознавал непрочность социального положения своего сословия, а следовательно, необходимость официального покровителя, без которого все имущество можно было потерять в одно мгновение. Так случилось в Осака с торговым домом Ёдоё, когда обвинив последний в расточительстве и в невыполнении распоряжений сёгуна, власти конфисковали его имущество. Поэтому дом Мицуи наладил связи с *бакуфу*, и с 1689 г. начал поставлять ткани и украшения для сёгуна Цунаёси, а затем стал банкиром сёгуна. Это позволило Мицуи занять в районе Нихомбаси самый высший ранг среди горожан.

Семейство Мицуи включилось в кредитные операции. Меняльная контора в Эдо открылась в 1683 г., в Киото — в 1686 г., в Осака — в 1691 г. Главной меняльной конторой стала кiotоская. Там сосредоточились основные денежные капиталы дома Мицуи, пускаемые в оборот, отсюда шло финансирование меняльных контор и торговых лавок в Эдо и Осака.

Дом Мицуи через свои меняльные конторы активно занялся пересылкой золота и серебра с помощью векселей. Дело приносило довольно большую прибыль, деньги постоянно находились в обороте. И в это дело Мицуи внесли новое — за наличные деньги, получаемые за продажу риса в Осака, они покупали ткани, продавали их в Эдо, после чего возвращали деньги владельцу риса. Дело в том, что вексель подлежал оплате в течение 60 дней, а на пересылку денег из Осака в Эдо уходило только 15 или 20 дней, что и позволяло использовать наличные деньги для собственных торговых операций. Прибыль от них позволяла продавать товары по более дешевым ценам, а вырученные деньги снова пускать в оборот. Все это способствовало процветанию дома и расширяло сферу его деятельности.

В 1691 г. Мицуи обратился к сёгунату с такой просьбой — в обмен на ссуду он предлагал пересылать для сёгуната деньги из Осака в Эдо, не взимая за это проценты. Наличные деньги использовались на закупку товаров. Взяв ссуду в серебряных монетах, он вернул ее сёгуну в золотых, получив прибыль в результате неустойчивого курса обмена. Мицуи первыми начали подобные операции, потом это право получили от сёгуната и другие торговцы.

К концу XVII в. Хатирбэй мог с удовлетворением наблюдать результаты своих трудов — его лавки и меняльные конторы в Эдо, Осака и Киото процветали. Можно сказать, что ему удалось создать своего рода империю Мицуи.

Организационно- правовая система дома Мицуи

Хатирбэй умер в 1694 г. Его старший сын Такахира Хатирбэмон оказался достойным преемником своего отца — с его именем связаны многие новшества в деятельности клана Мицуи, главным из которых было создание системы управления и контроля над всеми формами деятельности клана Мицуи, обеспечившей ему прочную стабильность.

Раньше за всей деятельностью дома Мицуи следил сам Хатирбэй. Можно сказать, что он хорошо владел основами маркетинга — знал потребности жителей городов, знал где и что производят и поставлял необходимые товары туда, где на них был спрос, причем по низким ценам. Но теперь дело расширилось, и одному человеку было не под силу управлять разросшимся хозяйством.

XVIII век стал определяющим в истории клана Мицуи. После смерти Хатирбэй его имущество не было поделено между детьми. Все они сплотились вокруг старшего брата и целиком положились на его волю. Позднее этот принцип неделимости капитала был закреплён в ряде документов. В 1705–1719 гг. был проведен ряд организационных реформ, зафиксированных в различных завещаниях, наставлениях, поучениях, уставах, и именно тогда сложилась вся организационно-правовая система клана.

Эта система получила название *омотока* и начала действовать с января 1710 г. Это было очень емкое понятие, включившее в себя и организационную структуру, и правовые отношения, и взаимоотношения между семьями, и контроль за всей финансовой деятельностью. Можно сказать, что *омотока* являлась высшим организационным достижением клана Мицуи.

Поскольку центр основной деятельности клана Мицуи переместился в Киото, этот же город стал местом пребывания *омотока*. Взаимоотношения между *омотока* и каждой лав-

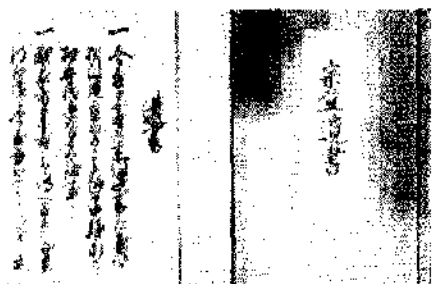
кой можно рассматривать, говоря современным языком, как отношения между холдинговой компанией и ее дочерним предприятием. Каждое предприятие было финансово независимо и использовало выделенный ему капитал по своему усмотрению, возвращая 12% от аванса. В возврат производился раз в полгода. Каждый глава дома нес личную ответственность за дела своего семейного предприятия перед *омоката*. Глава клана (*сорёкэ*), наследовавший родовое имя — Этигоя Хатирёмон, — контролировал главные мануфактурные лавки в Киото, Эдо и Осака и нес ответственность за их работу.

К началу XVIII в. клан Мицуи состоял из 9 домов (семей) — одного старейшего, который вел свое происхождение от основателя клана, пяти родственных домов (*бункэ*) и трех неродственных — домов усыновленных детей (*рэнкэ*) (позднее, в июле 1740 года, к клану присоединились еще 2 *рэнкэ* — дом Иэхара и дом Нагаи). Таким образом род Мицуи (*Мицуи дōдзоку*) включал в себя 11 семей, в совместном владении которых находилось все имущество клана. Такая структура семейной компании под единым руководством и контролем сохранялась до тех пор, пока после окончания второй мировой войны не были принудительно распущены финансово-промышленные группы *дзайбацу*.

В январе 1722 г. появился семейный устав клана Мицуи — «Завешание Мунэтакэ» («Мунэтакэ исё»), — составленный Такахира. Это был своего рода домашний устав (*кахё*), которым руководствовались в делах вплоть до 1900 г.

Согласно этому уставу, все имущество оценивалось в 220 единиц, и каждому дому был выделен свой пай. Дом Хатирёмон получил 62 единицы, что составляло 28% от общей суммы; Мотоносукэ — 30 единиц (13,6%); Сабурёсукэ — 27 единиц (12,3%); Дзирёмон — 25 единиц (11,4%); Хатирёдзирё — 22,5 единиц (10,2%); такую же долю получил и Сохати; Сокуэмон — 8 единиц (3,6%); Китирёмон — 6 единиц (2,7%); Хатисукэ — 7 единиц (3,2%); остаток в 10 единиц (4,5%) стал общим владением клана.

Родственники дома Мицуи являлись членами общества с ограниченной ответственностью. В случае банкротства одного из своих членов остальные не были юридически ответственны за его долги. При этом каждая семья имела два вида денежных средств — на предпринимательские дела и на семейные расходы, — смешивать которые строго запрещалось. Кроме того, ни один дом не мог забрать свою долю или лично продать или подарить свой пай. Таким образом клан Мицуи сумел сохранить и приумножить свое богатство.

«Завещание Мунатака»

Уставы регулировали не только предпринимательскую, но и личную жизнь членов клана. В XVIII в. разрешение на брак следовало получать от *омотока*. В «Завещании Мунэтика» был специальный раздел, где речь шла о том, как следовало проводить свадебную церемонию. Одежда и утварь рассматривались как приданое не-

весты и являлись ее личным имуществом, которым она могла распоряжаться. Обычно в семьях богатых купцов недвижимость (дом и участок земли, на котором он стоял) передавались жене и родственникам по женской линии. У Мицуи же недвижимость находилась в юрисдикции *омотока*, и женщина свободно ею распоряжаться не могла. Это правило распространялось и на мужчин.

В 1705 г. Такатоми создал специальные «Наставления для женщин» («Фудзин кун»), написанные в духе конфуцианской морали, где на первый план выдвигалось почитание родителей и беспрекословное подчинение мужу.

Вообще, для женщин из дома Мицуи было много разных наставлений. В одном из них, написанном в 1744 г., речь шла о женской скромности, говорилось, что следует быть осмотрительной посещая театр или наслаждаясь прохладой летнего вечера, втречаясь с артистами театра Нб или уличными слепыми певцами, а также, имея дело с торговцами мебелью. Женщинам разрешалось посещать храмы Исэ, осматривать Ōсака, ездить на горячие источники вместе с отцом или мужем или с детьми и внуками.

В деятельности дома Мицуи в XVIII в. можно обнаружить много нововведений. К ним относятся и бухгалтерские книги (*изаритэ*). Интересно, что, несмотря на то, что японское купечество было оторвано от непосредственных контактов с купечеством вне пределов Японии, техника ведения дел у дома Мицуи и у других японских купеческих домов была такой же, как и у европейских купцов. Они владели техникой двойной бухгалтерии, которая позволяла в любой момент получить полный баланс между дебетом и кредитом. И если баланс не сводился к нулю, значит, была совершена ошибка, которую следовало сразу же найти.

Учетные книги в клане Мицуи были двух видов: в первых учитывались сделки и соглашения по краткосрочным кредитам на полгода, в других — крупные сделки, которые заключались каж-

дые 3 года. Система контроля и учета за всеми сферами деятельности была очень строгой. Тщательности в составлении отчетности могла бы позавидовать любая современная компания, оснащенная компьютерной техникой — благодаря *бмотоката* дело в клане Мицуи было поставлено так, что любые ошибки исключались.

Система найма и обучения

Мальчиков из семьи Мицуи рано начинали обучать премудростям торгового дела. В возрасте 12–13 лет такое обучение проходило дома, а с 15 лет подростка отправляли в одну из лавок в Эдо или Осака, где он проводил несколько лет. Даже если юноша уже был женат, он уезжал один, жена оставалась дома. В такой практике обучения имелись свои подводные камни — не все могли справиться с соблазнами чужого города, бывали случаи, когда молодые люди сбегали с женщинами, проматывали деньги, пускались в загул.

Такатоси Хатирббэй, открывший в 1627 г. первую лавку в Эдо, проявил себя еще в одном качестве — он отлично организовал обучение наемных работников. Хатирббэй составил своего рода свод правил из 25 пунктов, касавшихся круга обязанностей и правил поведения для лиц, которым предстояло работать приказчиками. Эти правила касались не только торговли, но и взаимоотношений между работниками, подчеркивалась важность добрых отношений между ними, т. е. уделялось большое внимание тому, что называется сейчас «микроклиматом в коллективе». За прилежную работу предусматривалось поощрение.

Что касается правил поведения в быту, то предписывалось не вести споров, не начинать ссор, не водить знакомство с дурной компанией и с проститутками. О плохом поведении учеников извещали главную контору в Киото, а их возвращали домой.

Одежду надлежало носить из хлопка, из него же должен был быть сделан пояс (*оби*); приказчикам не полагалось иметь при себе деньги — словом, правила были очень подробными.

Приказчики и низшие служащие (*гэнин*) принимались на работу только при условии, если было хорошо известно их происхождение и имелся поручитель.

3 раза в месяц — 1, 15 и 28 числа каждого месяца вечером — проводились своего рода совещания-беседы, где речь шла не только о работе, но и о правилах поведения в быту. Как видно, хозяин стремился поддерживать слаженность в работе, поскольку это благотворно отражалось на торговле и доходах.

Такатоси обнародовал свои правила в августе 1675 г., а в июле 1676 г. к ним были сделаны дополнения. Новшества основывались на конфуцианской морали — все новые служащие должны были оказывать почтение давно работающим, но молодежь должна была почтительно относиться к старикам независимо от стажа работы последних. Особо подчеркивалась необходимость слаженности в работе приказчиков и всячески поощрялась прилежность.

Среди работников по найму (*хёкёнин*) всегда было много людей родом из Киото и из провинций Оми и Исэ, которые славилась своими предприимчивыми купцами. *Хёкёнин* подразделялись на две категории — те, кто находились в лавке и те, кто ходил по домам *даймё* с товаром. Причем у приказчиков в лавке были разные обязанности и каждый отвечал за конкретное дело. Специализация доходила до того, что, например, ткани разного качества продавали разные приказчики. В результате, в лавках Мицуи была довольно сложная система должностей. Так, в мануфактурных лавках работало до 15 категорий работников, что можно объяснить слишком дробным распределением обязанностей.

Так же как и другие купеческие дома, Мицуи широко использовали институт главных приказчиков (*бантё*). Вся деятельность *бантё* была подчинена интересам дома, которому он служил. Его отношение к хозяину, стержнем которого являлась преданность, было пропизано морально-этическими нормами, основанными на конфуцианской морали. Основные принципы его работы, его обязанности и стандарты поведения были четко определены уставом дома.

По мере того как расширялась сфера деятельности клана Мицуи в систему найма вносились изменения и дополнения. Должности, жалование, обучение, продвижение по службе, отставка получили более четкие контуры после 1703 г. Если раньше предпочитали брать на обучение только мальчиков, чтобы будущий работник с детских лет впитывал «дух» Мицуи, то теперь позволялось принимать и юношей. Когда молодые люди из других семей поступали к Мицуи, они как бы полностью отсекались от своих прежних корней и должны были твердо придерживаться норм и правил клана Мицуи.

До 20-х годов XVIII в. основой для продвижения по служебной лестнице служил стаж. Однако после 1735 г. выдвижение на высшие должности стало зависеть лишь от служебных качеств работника.

На работу обычно поступали мальчиками в возрасте 11–13 лет. Должность приказчика можно было получить спустя 10–15 лет. А чтобы стать старшим приказчиком необходимо было проработать еще от 12 до 18 лет. И лишь 5% из числа наемных работников удавалось дослужиться до должности управляющего.

В клане Мицуи существовало еще одно любопытное правило. Работникам высших рангов после удачного завершения контракта разрешалось, если они открывали собственное дело, в разной степени использовать символику клана. Конкретно это зависело от ранга работника, и эти статусные различия строго соблюдались.

Следует отметить, что до введения системы *омотоката* приказчики, долгие годы добросовестно служившие Мицуи, входили в клан Мицуи на правах бокового дома. Но затем была проведена четкая грань между родственными членами клана и теми, кто работал у них по найму.

Среди членов дома Мицуи не поощрялась государственная служба, поскольку это расценивалось как пренебрежение к делам клана. «Не забывайте, что мы торговцы, ваши отношения с правительством должны быть занятием второстепенным по сравнению с вашим делом», — такой наказ получали все члены клана, приступавшие к практической деятельности.

* * *

Клан Мицуи олицетворял собой новую формацию торговцев, пришедшую на смену купечеству XV–XVI вв., разбогатевшему на внешнеторговых операциях. Это были предприимчивые, энергичные люди, сумевшие, исходя из конкретной социально-экономической ситуации, развернуть многогранную деятельность. Они создали свой стиль управления, который в дальнейшем лег в основу современного японского менеджмента, изучать который пытаются во многих странах мира. Но постичь его тайны невозможно без знания его исторических корней, основанных на конфуцианской морали и особенностях национальной психологии. Поэтому японская система менеджмента исключительно эффективна в Японии, но терпит крах в других странах.

Основатели клана Мицуи в переломный период сумели принять правильное решение и вложили свои денежные накопления в зарождавшуюся банковскую сферу. И позднее клан уловил дух времени: когда Япония во второй половине XIX в. вступила в стадию промышленной революции, Мицуи получили от нового правительства текстильные предприятия и угольные шахты на очень выгодных условиях. Обладая огромными денежными накоплениями, Мицуи в 1876 г. одними из первых создали свой настоящий

банк. Так «путь вниз» по сословной лестнице, проделанный в далеком XVII в., привел клан Мицуи к вершинам финансовой и промышленной деятельности, истоки которой крылись в таланте предпринимательства и умение манипулировать деньгами первых представителей дома Мицуи.

Торгово-предпринимательский дом Сумитомо

Группа Сумитомо является одной из старейших в Японии. За свою почти 400-летнюю историю она играла различную роль в японской экономике, переживала времена расцвета и кризисов, но сумела сохранить прочную финансовую базу и до сих пор остается одной из ведущих финансово-промышленных групп в современной Японии.

Начальный период деятельности

История дома Сумитомо своими корнями уходит в XVII в. В отличие от других купеческих династий, возникших в эпоху

Токугава, дом Сумитомо с самого начала своей предпринимательской деятельности был связан с горнорудной промышленностью, в частности, с добычей меди.

В родословной Сумитомо различают основателя фамилии и основателя дела. Из союза этих ветвей и сложилась торгово-предпринимательская династия Сумитомо.

Родоначальником семьи Сумитомо считается Масамото. Он родился в Маруока в провинции Этидзэн (совр. префектура Фукуи). По одной из версий отец его был местным феодалом, но достоверных сведений о нем не сохранилось. И о самом Масамото биографические данные очень скудны.

В 1596 г., когда Масамото было примерно 12 лет, он вместе с матерью и младшим братом переехал в Киото. Там он стал буддийским монахом, примкнув к школе Нэхан, где выделялся среди учеников своим усердием. Но на нее начались гонения, и ему пришлось снять рясу монаха и искать себе другое занятие — надо было содержать семью. И Масамото открыл лавку, где стал торговать лекарствами и книгами; ему было тогда 45 или 46 лет.

Основателем дела считается Сога Ридзаэмон. Его предки были выходцами из провинции Идзуми, которые затем переехали в провинцию Кавати, где и родился Ридзаэмон. Есть сведения, что в 1573 г. семья Сога начала торговлю медью.

В Ōсака Ридзаэмон обучился технологии плавки меди и освоил технику изготовления изделий из нее. В 19 лет он решил от-

крыть свое дело и перебрался в Киото, где в 1590 г. открыл в западной части города плавильную мастерскую.

Широко развернуть дело ему помог случай. В 1591 г. Ридзаэмон в богатом торговом городе Сакаи обучился новому способу плавки меди у «южных варваров» (*намбандзин* — так называли население Индокитая, Индонезии, Филиппин, а также португальцев и испанцев). Предполагают, что человек, который поведал ему секреты нового способа плавки, был или европеец по имени Хаксли, или купец по имени Сиродзу. Так или иначе, но Ридзаэмон не только освоил новый способ плавки, но и усовершенствовал его, что стало приносить хороший доход.

Медь получалась отменного качества, что позволило в дальнейшем дому Сумитомо стать основным поставщиком меди как на внутренний, так и на внешний рынок. А потребность в меди была велика: из нее чеканили монеты, изготавливали различную утварь, украшения, использовали при обшивке носовой части судов. Даже когда правительство Японии ограничило связи с внешним миром, 4 представителя дома Сумитомо имели разрешение на торговлю медью с иностранными купцами.

Трудно сказать, каким образом пересеклись жизненные пути Масамото и Ридзаэмон, но достоверно известно, что Ридзаэмон женился на старшей сестре Масамото, а позднее старший сын Ридзаэмон, Рихэй, стал зятем Масамото. Вот так и сложился торгово-предпринимательский дом Сумитомо. Это было довольно редким явлением среди богатых торговцев того время, поскольку, как правило, все они вели свое начало от одной семьи. И, в свою очередь, это наложило своеобразный отпечаток на всю деятельность дома, на способ ведения дел.

Ридзаэмон назвал свою мастерскую «Идзумия», что означает «источник». В качестве эмблемы он выбрал *игэ́та* (колодезный сруб). Стилизованное изображение колодца — ромбовидная фигура из двух горизонтальных и двух вертикальных перекрещивающихся линий — по сей день является фирменным знаком Сумитомо. Своим преемником Масамото сделал Рихэй, который поменял свое имя на Томомоти, когда вошел в качестве зятя в семью Масамото.

Плавка меди по методу Сумитомо

В первой половине XVII в. в судьбе дома Сумитомо произошел решительный поворот. Второе поколение семьи перебиралось из Киото в торговый город Осака. Скорее всего, это произошло в 1623 или 1624 г., но доподлинно известно, что в 1630 г. Томомоти открыл мастерскую в Осака на углу улочки Китаниси в квартале Авадзи. Спустя некоторое время он расширил свое дело, открыв еще несколько мастерских в Осака и две — в Киото.

Медь постепенно начала играть большую роль во внешней торговле. Дело в том, что в связи с падением добычи серебра и золота, правительство *бакуфу* приняло меры к сокращению вывоза этих металлов из страны. Тогда дом Сумитомо одним из первых начал заключать сделки по продаже меди иностранным купцам.

Но в 1637 г. *бакуфу* запретило и вывоз меди. Непосредственной причиной этого послужило то, что с 1636 г. правительство приступило к чеканке медных монет. Торговцы медью обратились к *бакуфу* с просьбой отменить этот запрет. Дом Сумитомо возглавил широкую кампанию купечества за это, и в 1646 г. запрет был снят.

Занимаясь торговлей, Сумитомо включились и в другую выгодную сферу деятельности — кредитно-денежные операции. Как и в Европе, японские менялы занимались приемом вкладов, выдачей ссуд и векселей. Дом Сумитомо постепенно добился успеха и на этом поприще. В 1662 г. Томосада, 2-й сын Томомоти, открыл в Осака меняльную контору. К 1690 г. он так преуспел в этом деле, что вошел в число 10 самых богатых менял города.

Но основная деятельность дома Сумитомо была связана с разработкой медных рудников. Этим они отличались от других богатых домов эпохи Токугава, таких как Кёноикэ и Мицуи, основной сферой деятельности которых были торговля и финансово-кредитные операции. И именно с добычей и продажей меди был связан расцвет предпринимательской деятельности Сумитомо. Произошло это при Томоёси, в 4-м поколении семьи.

**Установление
«особых отно-
шений» с *бакуфу***

Медные рудники Бэсси на о-ве Сикоку, которые стали золотой жилой для дома Сумитомо, были обнаружены в 1690 г., а их разработка началась в 1691 г. К этому времени у дома Сумитомо был богатый опыт в деле разработки рудников в разных провинциях. Самым известным был медный рудник в Ёсиока, который Сумитомо начали разрабатывать еще в 1681 г.

Медные рудники, как и золотые и серебряные, находились в непосредственном подчинении *бакифи* или местных *даймё* и с...

жили для них надежным источником дохода. Предприимчивые люди добивались подряда на их разработку, для чего надо было подать прошение правительству.

В дальнейшем *бакуфу* не раз использовало членов клана Сумитомо в качестве советников по вопросам управления государственными рудниками.

Семье Сумитомо удалось получить наследственное право на разработку и вывоз меди. Приказчик из лавки в Эдо по имени Идзумия Ситиэмон подал прошение на разработку рудников Бэсси, а в Томоёси выступил в качестве поручителя. В мае 1691 г. разрешение было получено. В сохранившейся расписке перечислен ряд имен, все они из дома Сумитомо, что свидетельствует о том, что это было семейное предприятие (*дббдоку*).

Разработка рудников Бэсси началась в августе того же года. Пик добычи пришелся на конец XVII—начало XVIII вв., а потом начались разные осложнения, продолжавшиеся до 60-х годов XIX века. Ущерб рудникам наносили ураганы, наводнения, пожары и другие стихийные бедствия. Кроме того, добычу затрудняла вырубка леса, который использовался как крепежный материал и топливо. Лес приходилось привозить издалека, что увеличивало накладные расходы. Наконец, из-за углубления подземных ходов появилась угроза затопления подземными водами. Все это начало сказываться на объемах добычи меди.

Помощь тогда пришла со стороны *бакуфу*, которое предоставило заем на возрождение рудников, стало поставлять рис для питания рабочих рудников по сниженным ценам, а также разрешило использовать для транспортировки тракт Ниихама и заготавливать отбракованный лес в окрестностях рудников. Льготы, предоставленные правительством дому Сумитомо объяснялись тем, что медь, наряду с золотом и серебром, играла большую роль во внешней торговле. Ею рассчитывались с Голландией и Китаем.

Уставы дома Сумитомо В XVIII в. появились уставы дома Сумитомо, своего рода домашние

конституции. Они преследовали одну цель — сохранить дело и капитал. Как и в уставах других купеческих домов, поощрялись бережливость, деловая смекалка и тщательное соблюдение отчетности.

Предшественниками деловых уставов были разного рода наставления, завешания потомкам. Одним из наиболее ранних сохранившихся документов такого рода в истории дома Сумитомо было «Завешание-наставление», составленное основателем дома

— Сумитомо Масамото. Сформулированные там правила легли в основу семейных уставов дома Сумитомо.

Вот эти правила:

- Пункт 1. Если происхождение вещей вызывает сомнение, то покупать их не стоит, даже если они продаются по низким ценам.
- Пункт 2. Не следует давать приют на ночь постороннему человеку, принимая при этом в залог лишь соломенную шляпу.
- Пункт 3. Не следует заниматься посредничеством.
- Пункт 4. Не продавать ничего в кредит.
- Пункт 5. Даже если человек требует от вас слишком многого и вы начинаете терять терпение, следует поступить так, чтобы избежать конфликта.

Многогранная деятельность дома Сумитомо заставляла совершенствовать систему управления и контроля. Поэтому в XVIII веке, когда рамки деловой активности дома расширились, появились уставы, специально написанные для медных рудников Бэсси и лавок в г. Нагасаки и предназначенные для поощрения бережливости и деловой смекалки. В них также определялись отношения с работниками и содержались многочисленные предписания по поводу ведения дел и взаимоотношений с клиентами.

Устав для медных рудников Бэсси, составленный в мае 1721 года, содержал 13 правил.

Вот описание некоторых из них:

- Пункт 1 касался правил пожарной безопасности. Работников обязывали быть осторожными с огнем.
- Пункт 2 запрещал рабочим играть в азартные игры.
- Пункт 5 указывал на необходимость быть внимательным при выплате денег и соблюдать осмотрительность при даче денег в займы.
- Пункт 6 запрещал вымогательство по отношению к деловым партнерам.
- Пункт 7 запрещал употребление спиртных напитков.
- Пункт 8 предписывалось жить скромно и быть экономным.
- Пункт 9 указывал на необходимость соблюдения строгого порядка на территории рудника; в частности, предписывалось открывать и закрывать ворота строго в одно и то же время.
- Пункт 10 запрещал приводить гостей для развлечений.
- Пункт 11 запрещал нелегальную торговлю.

Очень важен был пункт 12, где говорится о том, что в решении вопроса о ценах следует руководствоваться коллегиальным решением. Практика принятия таких решений и сейчас характерна для многих японских фирм и предприятий.

Согласно пункту 13, на рудниках вводилось своего рода профессиональное обучение смежным профессиям, что позволяло в случаях производственной необходимости использовать работников на разных должностях, поскольку работник приобретал опыт работы на всех участках.

Своего рода мозговой центр дома Сумитомо находился в Осака, а лавки, меняльные конторы были разбросаны по всей стране. В Нагасаки, куда заходили иностранные корабли из Голландии и Китая, дом Сумитомо открыл свои лавки и конторы, где осуществлялись сделки по продаже меди. Для этих лавок в том же, 1721 году, был составлен устав, где было много общих пунктов с уставом для рудников Бэсси, но были и отличия.

Пункт 4 предписывал быть внимательным при заключении сделок, следить, чтобы запрещенные правительством к продаже товары не фигурировали в сделках.

Пункт 5 запрещал сразу же после заключения сделки отправляться в увеселительные поездки, т. е. никаких «презентаций» не позволялось, что препятствовало возможности «отблагодарить» работника разными способами.

Пункт 7 предписывал строго соблюдать отчетность, фиксировать все счета в бухгалтерских книгах и каждый год в феврале присылать отчеты в основную осакскую контору. За этим следили очень строго.

Пункт 8 не разрешал приставать с какими-либо просьбами к постоянным клиентам и заниматься вымогательством по отношению к деловым партнерам. Категорически не допускалось взяточничество.

Пункт 9 запрещал приводить в лавку проституток.

Пункт 10 предписывал придерживаться скромности в одежде. Это касалось и управляющих (*бантё*), и простых работников. Все должны были быть одеты в платье из хлопка.

Пункт 12 предписывал строго придерживаться графика работы — с 6 утра до 16 часов, после чего лавка запиралась на замок.

Пункт 13 предписывал, что в случае приема гостей, каждому необходимо было нести свою долю расходов на угощение, т. е. никаких «представительских расходов» не допускалось.

Пункт 14 запрещал приказчикам заниматься тайными торговыми операциями.

Пункт 15 касался механизма заключения сделок. При осуществлении купли-продажи предписывалось предварительно договориться с клиентом о цене. И строго следовать установленному порядку. Указывалось, чтобы вопрос о цене решался не одним человеком, а путем консультаций.

Такая практика принятия решений соблюдалась многими торговыми домами. Дело в том, что социальная организация японского общества XVII–XVIII вв. характеризовалась специфической семейной системой, где семья (дом) являлась основной единицей торгово-предпринимательской деятельности. Поэтому дом Сумитомо был семейной компанией и в таком виде просуществовал до конца второй мировой войны. Семейный фактор сыграл большую

роль в деле становления и развития предпринимательской деятельности дома Сумитомо и определил стиль его взаимоотношений с наемными работниками.

«Запретительный» характер устава для лавок в г. Нагасаки можно объяснить тем, что в портовом городе было много соблазнов, и, чтобы уберечь от них работников, следовало заставить их следовать строгим нормам поведения. Поэтому правила так дотошно регламентировали каждую сторону повседневной жизни в быту и на работе.

Позднее, в 1740 г., для лавок в г. Нагасаки были составлены новые правила из 20 пунктов. Согласно двум из них, запрещалось давать деньги в долг и предписывалось 3 раза в месяц подавать в основную контору сведения о ходе дел. Это свидетельствовало о том, что дом Сумитомо в очередной раз приступил к реформированию своей системы ведения дел.

В октябре 1750 г. был создан устав и для основной конторы в Осака, откуда осуществлялся контроль и руководство за всеми сферами деятельности дома Сумитомо. Причин появления этого устава было несколько: дело приняло широкие масштабы, увеличился штат наемных работников, разрастался и сам клан, поэтому было необходимо упорядочить систему взаимоотношений семей, которые находились в разных степенях родства с главой дома.

В особый раздел были выделены правила для всех работников и отдельно говорилось относительно контроля за работой приказчиков, служивших в родственничьих домах. Обращалось внимание на организацию труда — в обязанности работника входило поддерживать порядок на рабочем месте. Следили и за техникой безопасности — не только призывали быть осторожными с огнем, но и держали специального сторожа, причем как в дневное, так и в ночное время. Уже тогда занимались утилизацией отходов производства — золу от древесного угля, используемого в плавильных мастерских, предписывалось не выбрасывать, а собирать, и искать на нее покупателя.

Основы деловой этики

Но, главное, в этом уставе были зафиксированы те принципы, которые до сих пор лежат в основе деятельности многих фирм, определяя их особый, чисто японский микроклимат.

Пункт 19 этого устава касался взаимоотношений хозяина и работников. Их стиль был пронизан духом конфуцианской морали — почтительного отношения к старшему. Интересы клана ставились выше, нежели интересы одной семьи или отдельного работника. Этот корпоративный дух, проявляющийся в преданности

работника идеалам фирмы, можно наблюдать и в современной Японии. И ученик, и наемный работник становились как бы составной частью огромного механизма клана Сумитомо. Их действия полностью подчинялись одной цели — процветанию дома, которому они должны были быть полностью преданны.

Этика профессиональной деятельности была во многом связана с *сингаку* («религией чистого сердца»), которое называли также *тёнингаку* («наука горожан, купечества»). Основателем этого учения считается Исида Байган, крестьянин по происхождению, служивший приказчиком в одном из купеческих домов в Киото. Учение было распространено по всей стране вплоть до середины XIX в.

Идеи *сингаку* представляли собой синтетическое соединение элементов конфуцианства, буддизма, даосизма и *синто* при доминирующей роли конфуцианских элементов. Его целью было обоснование моральных ценностей предпринимательской деятельности. Ценилось усердие в исполнении своего дела, знание профессии, верность. Работник должен был исполнять свой «сыновний» долг по отношению к главе дома.

Конфуцианская этика определяла и моральный кодекс торгово-предпринимательского дома Сумитомо. Это и аккуратность в ведении дел, и честные отношения с партнерами, и бережливость, и неприятие возможности получения денег нечестным путем.

Подготовка кадров В доме Сумитомо, как и в других богатых купеческих домах, была принята система ученичества, призванная воспитать работника в «духе Сумитомо», привить ему нормы поведения в быту, обучить правилам взаимоотношений в коллективе, научить почтительному отношению к старшим. Поэтому прежде всего обучали этике, затем — письму и арифметике, а уже потом — всем премудростям ведения торговых дел.

В XVIII в. в Осака была основана школа (Кайтокудō), где обучались дети простых людей. Она была создана на пожертвования богатых торговцев, в том числе и дома Сумитомо. Создание этой школы произошло в период расцвета предпринимательской деятельности японского купечества, которому были необходимы более широкие знания, чтобы успешно вести дела. В середине периода Токугава появилось немало таких частных школ для простонародья. А школа Кайтокудō позднее получила поддержку и от сёгуната — сёгун Ёсимунэ поощрял обучение простого народа.

В 1840 г. исполнилось 150 лет, как семейство Сумитомо начало эксплу-

атировать рудник Бэсси, но никаких праздничных мероприятий по этому поводу не проводилось. Наоборот, дом испытывал кризис в делах. Управляющий основного дома (*хонкэн*) Такавара Гэмбэй представил «Записки», где изложил свои соображения по поводу реорганизации рудников. Он предлагал сократить расходы, взяв курс на строгую экономию.

Это был период реформ годов Тэмбё, вызванных кризисной ситуацией в экономике страны. Правительство пыталось укрепить феодальные порядки и улучшить финансовое положение целой серией мероприятий — таких, как укрепление военного сословия, запрещение роскоши и курения табака, введение цензуры на книги. Главная же цель реформ заключалась в стремлении поставить под контроль чрезвычайно возросшее экономическое могущество торговцев. Но эти действия правительства встретили такое сопротивление со стороны «четвертого сословия», что правительство было вынуждено их приостановить, а потом и вовсе отменить. Власть лишь продемонстрировала свое бессилие.

К 1843 г. дела на рудниках Бэсси стали понемногу налаживаться. Оздоровление было результатом чрезвычайно решительных финансовых мер. Была не только снижена оплата временным работникам (это были крестьяне-отходники), но и сокращены расходы основного дома.

На кризисное финансовое положение в то время влияла и неплата долгов со стороны *даймё*. Дом Сумитомо покорнейше просил возвратить долги, но дело это было безнадежным по причине плачевного финансового состояния самих *даймё*.

Положение усугубили и стихийные бедствия — 4–5 ноября 1854 г. в Осака случилось сильное землетрясение, а на следующий год, в апреле, — еще одно. В результате, рудникам в Бэсси был причинен большой ущерб. В 1855 г. дому Сумитомо пришлось даже подать *бакуфу* прошение о предоставлении денежной помощи — он оказался не в состоянии справиться с финансовыми затруднениями своими силами.

Прежде, чем оказать материальную помощь, *бакуфу* послало на рудники агента, чтобы изучить состояние дел на месте. Поскольку положение действительно оказалось плачевным, дому Сумитомо была оказана большая помощь в восстановительных работах. В этом и заключалась причина того, что в политическом противостоянии 60-х годов XIX в. дом Сумитомо выступал на стороне *бакуфу*, несмотря на то, что последнее уже было не в состоянии оказывать ему помощь и поддержку, как в предыдущие годы.

Это, прежде всего, отразилось на рабочих на рудниках. Дело в том, что свыше $1/4$ риса, необходимого для их пропитания, Сумитомо получали из Мимасака, владения *бакуфу*, но, поскольку в связи с военными действиями правительство само остро нуждалось в продовольствии, эти поставки на рудники Бэсси и Тацукава были прекращены. Необходимо было 8300 *коку* риса, но удалось купить лишь 6050 *коку*. Вдобавок, власти *бакуфу* сообщили, что будут прекращены поставки риса и из Ёсё.

В этой критической ситуации в 1865 г. управляющим рудниками Бэсси стал Хиросэ Гиэмон (Сихэй), в дальнейшем — первый президент компании Сумитомо. Он поехал в Эдо и обратился в финансовое ведомство (*кандзё бугёсё*) с прошением о возобновлении поставок риса. С такой же просьбой Хиросэ и глава дома Томокэн обратились к наместнику (*сёсидай*) в Киото и к другим официальным лицам. В результате были возобновлены поставки риса из Ёсё, но по рыночным ценам (до этого *бакуфу* продавало Сумитомо рис по льготным ценам), что негативно сказалось на материальном положении дома и отразилось на питании рабочих.

В итоге в мае 1867 г. среди рабочих вспыхнул бунт. Это были «рисовые волнения», которые продолжались до сентября. После того, как простой рудников достиг трех месяцев, последовало вмешательство властей. 10 чел. были арестованы, и с бунтом было покончено.

После смерти сёгуна Иэмоти *бакуфу* поставило Сумитомо в известность, что оно ограничивает поставки меди в Нагасаки 72 тыс. *кин* (*кин*=600 г). Это сразу пробило огромную брешь в финансовых делах Сумитомо, и привело к самым тяжелому кризису для рудников Бэсси — под вопросом оказалось само их существование.

В таких трудных для дома Сумитомо обстоятельствах в стране произошла реставрация императорской власти. Поскольку дом Сумитомо имел тесные отношения с *бакуфу*, т. е. с проигравшей стороной, рудники Бэсси были конфискованы в пользу нового правительства. Однако управляющему Хиросэ Сихэй удалось убедить новые власти разрешить дому Сумитомо продолжить эксплуатацию рудников. Спустя некоторое время дом приобрел их собственность и с помощью приглашенного французского инженера модернизировал весь процесс добычи меди. Но это уже относилось к качественно иному этапу в истории торгово-предпринимательского дома Сумитомо.

Торговый дом Кёноикэ

«Загляни в приходные книги купцов, и сразу увидишь, что город Осака — первый торговый порт Японии. В него съезжается множество торговцев из всех уголков страны. И не перечесть, сколько в Осака оптовых лавок, ведущих дела и с восточными провинциями и с западными провинциями. А для того, чтобы развлекать гостей, хозяева держат у себя на службе девиц, которых зовут „листьями лотоса“».

Так писал об Осака японский писатель XVII в. Ихара Сайкаку. И в этом городе самой богатой среди торговцев в XVII в. была семья Кёноикэ.

Начало предпринимательской деятельности

Родословная дома Кёноикэ насчитывала много столетий. Своими корнями она связана со знатной самурайской фамилией Ёми Минамото, а та в свою очередь вела свое происхождение от императора Уда (888—897), 8-го принца Асудзанэ. Много раз семья меняла место жительства, пока в XVI в. не обосновалась в Идзумо и не стала служить *даймё* Амако. Там в декабре 1570 г. родился Синроку, которого считают основателем торгового дома Кёноикэ.

С младенческих лет Синроку воспитывался у двоюродного деда Яманака Нобунао, который жил в деревне Кёноикэ, находившейся в провинции Сэццу в местечке Итами (ныне префектура Хёго). Дед умер в мае 1579 г., и Синроку стала воспитывать двоюродная бабушка. Жили они в большой бедности, практически не имели средств к существованию.

После обряда совершеннолетия (*гэмбуку*) в 15 лет Синроку дали имя Сатимоти. Перед юношей встал вопрос — как и на что жить. Хорошенько поразмыслив, Синроку отбросил большой и малый меч, которые были принадлежностью не только военного костюма и снаряжения самурая, но и гражданского платья. Они носились всем сословием самураев, начиная от простого воина и кончая верховным правителем страны сёгуном.

Скрыв свое самурайское происхождение, Синроку решил заняться торговлей. Он изменил свое имя на Синъэмон. Потом это имя в доме Кёноикэ переходило из поколения в поколение вплоть до середины XIX в.

В начале XVII в. менявшиеся условия жизни в Японии многих заставляли менять привычные устои и традиции. Синтоистские и буддийские монахи, врачи, самураи, крестьяне и другие сословия становились торговцами. Таких примеров было множество. Так что можно сказать, что Синроку уловил дух времени — эпоха

войн завершилась, и потребность в воинах отпала. В Японии были нужны иные профессии.

Синроку был бедняком и не имел средств, чтобы начать дело. Помог ему случай. Семейная легенда рассказывает, что однажды некий человек благородного происхождения из Тамба затеял ремонт замка. Синроку узнал об этом и решил принять участие в этом деле. Будучи по происхождению самураем, он разбирался в военном искусстве. Он осмотрел местность вокруг замка, указал его владельцу на слабые места с точки зрения обороны и высказал свои соображения, как можно укрепить замок. За это владелец замка во время торжественной церемонии по случаю окончания работ хорошо его наградил, что и помогло ему вырваться из тисков бедности.

В двух *ри* ($ри=3927$ м) на запад от деревни Кбнонкэ находился рынок в Итами, а на севере — торговый город Осака. И в этой деревне Синроку начал варить дешевое *сакэ* (*нигоридзакэ*) и торговать им вразнос. Скорее всего, это было в 1600 г.

К тому времени, как Синроку решил открыть новое для себя дело, в Японии еще не делали прозрачного *сакэ*. Правда, говорят, что монахи в Исэ владели секретом изготовления такого напитка. Но как бы там ни было, начало производства прозрачного *сакэ* связано с именем Синроку. Техника его изготовления по своей сути осталась той же и сейчас. А открыть этот секрет помогла чистая случайность.

В доме Синроку был слуга, отличавшийся дурным нравом. Однажды он со злости тайком швырнул золу в бочонок с обычным, мутным, *сакэ*, чтобы напакостить хозяину.

Ничего не зная об этом, Синроку, как обычно, зачерпнул *сакэ* и к своему удивлению обнаружил, что оно стало прозрачным и, мало того, — у *сакэ* появился приятный аромат. Когда он обнаружил на дне бочонка золу, ему в голову пришла догадка, что зола и очистила *сакэ* от мути. Это неожиданное открытие и послужило началом товарного производства прозрачного *сакэ*. Мелкая пакость обернулась грандиозной удачей, принесшей известность дому Кбнонкэ и обеспечившей его процветание.

Сакэ, изготавливаемое Синроку, стало чрезвычайно популярным. Поэтому Синроку задумался о новых рынках сбыта. Его привлекали рынки в Эдо и Осака. В 1615 г. двое сыновей Синроку основали в Осака собственное дело. Затем они стали заниматься перевозкой риса и *сакэ* по всей стране, чем приумножили свое богатство. А в 1619 г. в Осака перебрался и сам Синроку, где продолжил заниматься производством *сакэ*. Вся дальнейшая дея-

тельность торгового дома Кōноикэ разворачивалась в этом городе, который являлся главным рынком страны.

Когда в 1650 г. Синроку умер, его семья уже входила в число богатейших торговцев Осака. Дальнейший расцвет дома был связан с деятельностью сына Синроку — Дзэнъэмон. Именно он присоединил к своему имени фамилию Кōноикэ, увековечив тем самым название деревни, где начинал варить *сакэ* его отец. Благодаря своей предприимчивости и смекалке, он научился извлекать выгоду из разных видов деятельности, сумел сохранить и приумножить богатство, создать дому доброе имя.

Переход в сферу кредитно-финансовых операций

Дзэнъэмон первым занялся морскими перевозками. Сначала это была его обязанность по отношению к *даймё* Нисигуни, когда тот,

следуя системе заложенничества (*санкин кōтай*), должен был являться в Эдо. Затем он стал кредитовать *даймё*, отправлявших произведенный в их владениях рис на продажу в Осака. Для Кōноикэ это дело было особенно выгодным, поскольку для них рис служил исходным сырьем для производства *сакэ*.

В 1656 г. Дзэнъэмон открыл в Эдо меньяльную контору (*рёгаэ-тан*), занявшись всевозможными кредитными операциями. Однако особенно преуспел в финансовых делах Дзэнъэмон II. Он входил в состав совета Осака, объединявший 10 меньяльных контор города. Вскоре Кōноикэ стали официальным банкиром (*гоё рёгаэ*) правительства страны.

Постепенно Кōноикэ перестали заниматься производством *сакэ* и морскими перевозками и целиком переключились на кредитно-финансовые операции. В 1696 г. 30% феодальных домов Японии пользовались услугами ссудных лавок, принадлежавших дому Кōноикэ, 110 князей получили от этого дома заем.

Дом Кōноикэ ссужал деньгами и купцов. В 1670 г. 59% общей суммы капитала шло на кредитование купцов, и 19% — *даймё*. Но к началу XVIII в. процент кредита, представлявшегося *даймё*, резко вырос — он составлял 73,5% от общей суммы капитала дома Кōноикэ.

Осакские купцы твердо придерживались своего кодекса чести. Они хорошо знали друг друга и поэтому большие и мелкие сделки большей частью скреплялись устным соглашением («рукопожатие торгового дома и клиента»). Это касалось не только купли-продажи, но и займов. Такое устное соглашение было равносильно подписанному контракту, и осакские власти признавали законность такого устного договора и заставляли оплачивать долги.

При 3-й главе дома, Мунэтоси, благодаря финансово-кредитным операциям дом Кёноикэ особенно преуспевал. Они приобретали земельные участки и переселяли туда крестьян для их обработки. Так, в 1705 г. Кёноикэ купили земли в провинции Кавати и переселили туда 120 семей из ближайших деревень и еще 360 семей из других районов. Вообще, освоение земель — нови и пустошей — под посевы риса было типичным делом для японского купечества в период Токугава.

В Осака дом Кёноикэ также стремился приобретать земельные участки, которые со временем росли в цене, что делало выгодной и эту сферу деятельности.

Структура дома и кадровая политика

В начале XVIII в. Кёноикэ имели следующую организационную структуру. Кроме главного дома (*хонкэ*), который вел свое происхождение от основателя по прямой линии, было учреждено 5 боковых домов (*бункэ*), связанных с главным домом родственными связями. Кроме того, в клан Кёноикэ входило еще 22 семьи, которых называли *бэккэ*. Это была боковая линия дома, члены которого не были связаны родственными узами с *хонкэ*. Скажем, главой такого дома мог быть муж дочери или усыновленный семьей Кёноикэ человек. Все эти линии и ветви включались в деятельность главного дома, и функционирование их предприятий зависело от экономической поддержки последнего.

В ученики принимали мальчиков в возрасте 12 лет. Когда ученик поднимался до должности приказчика, и если при этом ему уже было более 20 лет, ему доверяли обучение учеников. Спустя 2–3 года было принято выдвигать этого работника на должность управляющего, а еще спустя 2–3 года ему разрешалось создать *бэккэ*, и тогда он считался главой боковой линии семьи. Например, работник, получивший должность приказчика в возрасте 18 лет, мог создать *бэккэ* в 42–43 года. Но, начиная с 40-х годов XVIII в., все меньшему количеству наемных работников разрешалось основывать собственное дело.

Ученики не получали никакого вознаграждения, работники в должности приказчика и выше получали 50–60 *моммэ* (*моммэ*=3,75 г) серебром каждые 2 мес., заведующие обучением и выше ежегодно получали от 300–400 до 3000 *моммэ* в зависимости от должности.

К этой основной оплате работники получали еще доплаты двух видов — *мояигин* и *надзукэгин*. *Мояигин* представляли собой годовые бонусы в размере 200 *моммэ*. *Надзукэгин* платили каждые 2 или 3 года, но только после того как работнику испол-

нялось 21–22 года, да и то только тем, кто работал у Кёноикэ с юности. Тем же, кто нанимался на работу в более зрелом возрасте, выплачивали вознаграждение на 8 или 9 год службы у Кёноикэ. Таковы были правила дома.

Однако на практике работники не получали *надзукэгин* до тех пор, пока не подходило время их отставки, или когда им разрешали открыть собственное дело. Такая практика позволяла удерживать работника у себя, поскольку покинуть хозяина становилось для него экономически невыгодно. Этот стиль управления получил широкое распространение и дальнейшее развитие в последующий период Мэйдзи. По сути дела, система найма в доме Кёноикэ представляла собой прообраз существующей в современной Японии системы пожизненного найма.

Более 10% всех работников дома Кёноикэ имели статус *бэккэ*. Согласно семейным записям в 1719–1741 гг. 51 чел. покинул этот купеческий дом по разным причинам: 8 чел. умерло, трое были приняты в другие дома как наследники, 8 чел. попросили освободить их от контракта. 32 чел. были уволены: 27 как плохие работники или по возрасту, среди остальных пятерых один оказался вором, двое заболели, один потерял казенные деньги, другой напутал с деньгами, отпущенными на расходы на кухню.

Уставы дома Кёноикэ

Подобно Мицуи и Сумитомо, дом Кёноикэ также имел свои уставы.

Эти уставы отражали индивидуальный портрет дома и законы, которыми регулировалась его деятельность. Несмотря на некоторые отличия, между уставами разных торговых домов можно обнаружить много общего. Например, во всех уставах поощрялась бережливость, деловая смекалка, тщательное соблюдение отчетности.

Семейные правила (*какун*) дома Кёноикэ появились в 1732 г. К тому времени Кёноикэ представляли собой большой семейный клан, накопивший огромное богатство. Необходимо было регулировать деятельность дома, его боковых домов, строго следить за направленностью деятельности, не допускать пустой траты капитала. Правила касались и внутрисемейных отношений и взаимоотношений с наемными работниками. Они дают возможность познакомиться с купеческой этикой тех лет.

Идея составления семейного устава возникла еще у родоначальника дома Кёноикэ Яманака Синроку, который был известен и под именем Юкимото. В 1614 г. он написал «Юкимото сисон сэйси дзётоку» («Наставление потомкам от Юкимото»). Каждое последующее поколение вносило свой кирпичик в свод семейных

правил, пока это дело не завершил Мунэтоси, который по своим деловым качествам превосходил всех своих предшественников.

Мунэтоси приступил к написанию семейных правил в апреле 1716 г. Полный свод семейных правил (*какун*) был завершен к 1732 г., когда Мунэтоси было уже 66 лет. Следуя семейной традиции, он в 57 лет отошел от дел и, скорее всего, занимался составлением этих правил. Они содержали, кроме деловой части, массу поучений и наставлений и определяли нормы нравственного поведения членов семьи, касались обрядов совершеннолетия, бракосочетания, похорон, религиозных отправок всего клана Кбюнкэ.

Правила, касавшиеся деловой сферы, были очень строгими. Главенство во всех делах признавалось за основным домом, а всем остальным полагалось с ним сотрудничать. Запрещалось производить перемсы в сфере деятельности, предписывалось следовать установленной практике ведения дел и направлять свою энергию на какой-то один вид деятельности. По всей видимости, клан не хотел рисковать, предпочитая заниматься делами, приносящими твердый доход.

В почете были бережливость и аккуратность в ведении деловой отчетности. У дома Кбюнкэ были особые бухгалтерские книги (*сакъётё*), где фиксировались сделки по продаже *сакэ* и вся кредитно-финансовая деятельность дома.

Для решения различных проблем в клане Кбюнкэ существовал консультативный совет, и в правилах подчеркивалась важность семейных консультаций. Устав Кбюнкэ даже главе *хонкэ* запрещал распоряжаться капиталом без согласования с управляющими и с другими членами дома. Главе клана не позволялось принимать решения единолично. В уставе, в частности, говорилось:

«Наследник главного дома (*хонкэ*) должен нести ответственность за сохранение и защиту капитала дома до тех пор пока он не передаст эту функцию своему преемнику. Поэтому он должен придерживаться установленных традиций дома в решении всех деловых вопросов».

Хотя главой дома мог быть лишь старший сын, иногда случались отступления от этого правила: до этого поста иногда допускались усыновленные члены семьи, если по какой-то причине этого права лишались родные дети.

В 1867–1868 гг. в Японии произошли события, круто изменившие путь развития страны. Реставрация Мэйдзи ознаменовала

собой начало кардинальных социально-экономических преобразований, расчистивших путь быстрому развитию капитализма в стране.

В ходе подготовки реставрации и последовавшей за ней гражданской войны дом Кōноикэ, как многие другие богатые купеческие дома Осака и Киото, оказывал поддержку антисёгунской оппозиции и финансировал ее военные операции.

Однако в наступивший после победы переломный период, когда менялись ориентиры в деловой активности, клан Кōноикэ выбрал выжидательную позицию. Он как бы продолжал брести по проторенной дорожке, что в конце концов привело его к упадку. Обладая огромными денежными средствами, дом продолжал заниматься кредитным делом, вместо того, чтобы вкладывать их в развитие промышленности. Япония вступала в период промышленной революции, но Кōноикэ не сумели переключиться на новый вид деятельности, продемонстрировав неспособность приспособиться к новым условиям. Возможно, сыграл роль и субъективный фактор. Тогдашний глава клана не обладал той энергией, напористостью, умом, предприимчивостью и другими деловыми качествами, которыми отличались его предшественники.

Правда, еще в середине периода Мэйдзи (1868–1911) дом Кōноикэ был еще очень заметен в финансовых кругах. Но затем его дела пошатнулись. Некогда богатейший торгово-предпринимательский дом заметно терял завоеванные позиции и оттеснялся с экономической арены. Последним заметным событием в его истории было участие в создании в 1933 г. банка Санва (сейчас один из крупнейших банков Японии). Однако тогда доля Кōноикэ среди других учредителей была наименьшей. Банк Кōноикэ внес тогда 10 млн. иен, и это были все деньги, которыми он располагал.

Глава 3

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД ТОКУГАВА

Вопреки распространенным ранее представлениям о периоде Токугава как о застойном, он представлял собой весьма динамичный период в японской истории. Хотя 264 года страна не воевала и не вела активной внешней политики, всецело переклотившись на внутренние дела, именно характер политического, экономического, социального и культурного развития в тот период во многом определил последующее быстрое развитие страны в период Мэйдзи (1868–1911).

Долгое время считалось, что в период Токугава не наблюдался прирост населения, что связывали с неразвитостью экономики. Однако комплексное изучение этой эпохи с широким привлечением данных исторической демографии позволило поколебать эту точку зрения. По-видимому, демографические процессы в Японии того времени носили сложный и неоднозначный характер.

Наступивший в стране при правлении Токугава мир способствовал оживлению хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, оказало влияние на демографическое поведение населения страны. Демографические процессы в тот период можно подразделить на три стадии:

- 1) быстрый рост населения в XVII в.;
- 2) устойчивая демографическая ситуация в первой половине XVIII в. и большие колебания в численности населения в отдельных районах Японии во второй половине XVIII в.;
- 3) начало прироста населения в XIX в.

Переписи населения

Ранние японские переписи

Как известно, основным источником для изучения численности населения являются результаты переписей. В первый раз преследовавшая фискальные цели перепись крестьянского населения была проведена в Японии еще в VII в. В период существования наделной системы (*хандэн*) подворные переписи проводились раз в лет, а налоговые — ежегодно. Как составлялись роспись и поворный реестр во второй половине VII в., неизвестно. Низшей хо

зяйственной и податной единицей был тогда крестьянский двор, и конкретных цифр о численности крестьянского населения не сохранилось.

Примерный подсчет численности крестьянского населения в VIII в. был сделан в 20-х годах XX в. известным японским математиком Савада Гоити, который впервые в Японии применил количественные методы в историко-демографическом исследовании. Он определил общую численность населения Японии VIII в. в 6–7 млн. чел., из которых крестьяне составляли 5,6 млн.

В начале X в. наделная система фактически перестала существовать. Ушла из практики и система подворной переписи. Это не означало, что на практике не существовало никаких форм учета населения: в отдельных владениях какой-то учет податного населения проводился. Но документов, относящихся к IX–XV вв., не сохранилось, и этот период — своеобразное белое пятно в демографической истории Японии.

Во второй половине XVI в. завершивший объединение Японии Тоётоми Хидэёси возобновил практику переписи населения. В 1591 г. он приказал провести ее в 66 провинциях. Перепись осуществлялась одновременно с земельным кадастром и была составной частью общей аграрной политики и сословной реформы Хидэёси.

Забываясь об укреплении своего экономического положения, некоторые *даймё* сами стали проводить переписи населения в своих владениях (например, Хидэё из района Кантё или Такэда с о-ва Кёсю). Постепенно такого рода обследования стали проводиться во многих владениях. Лучше всего такая работа была проделана в княжестве Кокура на о-ве Кёсю в начале XVII в. *Даймё* Хосокава провел переписи населения в 1609 и 1611 гг., а затем в 1622 г. Записывалось количество домов и людей, наличие рабочего скота в каждой деревне этой провинции. Однако не было единой системы в отношении того, с какого возраста следует регистрировать детей: в некоторых владениях включали годовалых детей, в других — 2–3 лет или старше. Например, в княжестве Вакаяма не записывали детей моложе 8 лет, потому что они не представляли интереса в качестве рабочей силы.

Переписи периода Токугава	Сёгуну Токугава положили начало регулярному проведению переписи населения в масштабах всей страны. Первая такая перепись прошла в 1721 г. Она являлась частью административно-экономических мероприятий <i>бакуфу</i> , целью которых было укрепление центральной власти, увеличение доходов сёгуната, стрем-

ление поставить под свой контроль экономическое могущество купеческого сословия.

Это были реформы годов Кёхё (1716–1735). Правивший тогда сёгун Ёсимунэ издал указ, согласно которому *даймё* должны были подать сведения о численности населения в своих владениях. Переписи подлежали следующие категории населения — крестьяне, торговцы, горожане, синтоистские и буддийские монахи, *эта* и *хинин*. Из нее выпали айну, жившие на о-ве Эдзо (совр. Хоккайдō), *кугэ* (киотская аристократия), самураи, дети до 15 лет, бродяги.

Распоряжение о проведении переписи было повторено в 1726 году с указанием, что сведения о численности населения следует подавать каждые 6 лет, в годы крысы и лошади. Кроме того, предписывалось проводить перепись в период, свободный от сельскохозяйственных работ. Разумеется, демографический учет был несовершенным: не существовало его единой формы, и многое делалось по усмотрению главы княжества. Тем не менее, он дал современным демографам «опорные точки», с помощью которых можно проследить динамику численности населения.

Нельзя утверждать, что до наших дней сохранились все сведения, которые *даймё* подавали центральному правительству. Не следует также думать, что эти данные отражали реальную картину численности населения княжеств. Поэтому все цифры численности населения в период Токугава (так же, как и в первые годы периода Мэйдзи) относительны и в дальнейшем могут быть пересмотрены в случае обнаружения новых документов.

Основой для переписи населения служили *сёмон аратамэ* — записи вероисповедания прихожан в храмовых книгах. Институт *сёмон аратамэ* был введен в 1630 г. и сначала являлся обязательным во владениях *бакуфу*: его целью было искоренение христианства. К 1671 г. этот механизм надзора над населением был распространен на всю страну. Проверка вероисповедания должна была проводиться ежегодно.

Практика использования системы *сёмон аратамэ* и *нимбэцу аратамэ* (исправление сведений о составе семьи) просуществовала до 1872 г. Ее простота побуждала администрации княжеств и использовать ее для переписи населения в масштабах владения. Поэтому, когда в 1721 г. был издан указ о проведении широкой переписи населения, изобретать форму ее проведения не понадобилось. Метод подсчета населения был оставлен на усмотрение властей княжества, и для *даймё* простейшим способом было ис-

пользовать существующие храмовые документы, куда были внесены жители каждой деревни.

Форма *сёмон арамата* была стандартизирована в период Камбун (1661–1672). В документе регистрировались: глава дома, члены семьи мужского пола и незамужние женщины. Указывалось также родство по отношению к главе дома и принадлежность к секте или храму. В большинстве сохранившихся записей указан и возраст. В некоторых записях содержатся дополнительные сведения: о количестве земельных владений, о несельскохозяйственных профессиях, даты заключения браков, сведения об использовании наемного труда и его условия (сфера применения, сроки, оплата, имя нанимателя). Кроме того, указывался размер налога *кокудака*, установленный для деревни, число лошадей, общее число жителей деревни и наличие рабочего скота. Таким образом, эти записи давали живую картину жизни деревни — ее социальный облик, динамику экономического развития.

Результаты переписей, проводившихся правительством Токугава, несмотря на несовершенство методов, дают ученым материал для изучения динамики численности населения. Есть надежда, что дальнейшее изучение местных документов позволит уточнить цифры численности населения.

Численность населения в начале периода Токугава

В исторической демографии имеется множество методик подсчета общей численности населения, но, как правило, все они базируются на косвенных или неполных данных и носят зачастую весьма приблизительный характер. При этом, чем дальше от нашего времени отстоит эпоха, тем сложнее определить тогдашнюю численность населения.

До сих пор нет единого мнения относительно численности населения Японии в конце XVI–начале XVII в. На протяжении более 50 лет, говоря о численности населения в начале XVII в., обычно приводили цифру 18,5 млн. чел., впервые появившуюся в опубликованной еще в 1911 г. работе японского историка Ёсида Тёго. Его метод подсчета был чрезвычайно прост. Он исходил из того, что 1 коку риса составлял годовую норму пропитания одного человека. Поскольку в конце XVI в. урожай по стране в среднем составил 18,5 млн. коку, то, по мнению Ёсида Тёго, население Японии в тот период было равно 18,5 млн. чел.

Однако сейчас утвердилась точка зрения, согласно которой в области исторической демографии выведение численности насе-

ления напрямую из величины собранного урожая может привести к искажению реальной картины. Уже во время проведения земельного кадастра при Тоётоми Хидэёси, земли подразделялись на разные категории по их продуктивности, от чего зависел размер налога. В дальнейшем, при Токугава, переобследование земель официально запрещалось, даже когда было очевидно, что доходность земли повысилась. В результате совершенствования агротехники продуктивность сельского хозяйства росла, и зачастую реально собранное количество зерновых было выше установленной ранее нормы.

Кроме того, нельзя утверждать, что при Хидэёси обмер земель был полным. Иногда власти, производя обмер земли, учитывали численность семьи, и, если она была большой, занижали нормативную величину урожая. Поэтому реально собранный урожай зерновых в пересчете на коку, видимо, был больше, чем численность населения, которая в начале периода Токугава составляла не 18,5 млн., а, по разным оценкам, 6,2–12 млн. чел. Большая цифра представляется более обоснованной, поскольку подтверждается косвенными данными местных документов.

«Демографический взрыв» XVII в.

Изучение местных документов показывает, что в XVII в. в Японии произошел «демографический взрыв». Это было связано со многими факторами политического и социально-экономического характера. Установление длительного мира прежде всего положительно сказалось на экономическом развитии страны, что, в свою очередь, привело к значительному росту населения.

Если к началу XVII в., в 1600 г., численность населения Японии составляла 12 млн. чел., то в 1650 г. — 17,2 млн., а в 1700 г. — 27,7 млн. чел. Годовой прирост составлял от 0,61% до 0,96%. Как видно из приведенных данных, наиболее высоким он был во второй половине XVII в.

Это был, по всей видимости, первый в истории Японии скачок в росте численности населения. Правда, прирост населения имел существенные отличия по районам страны, а в некоторых из них практически не наблюдался. Его ход сильно различался по районам в зависимости от многих факторов, в том числе от природных условий. Прирост вскоре закончился в одних районах, но продолжался длительное время в других, что зависело от возможности освоения новых пахотных земель.

Изменения демографического поведения

Освоение новых пахотных земель приобрело при Токугава характер государственной политики, поскольку сёгун и *даймё* были заинтересованы в увеличении налоговых сборов с новых территорий.

Значительный рост пахотных земель стал возможен благодаря быстрому увеличению населения и сопровождался появлением большого числа новых деревень. Особенно интенсивно этот процесс шел в 1645–1697 гг., когда в западной части Японии появилось 2029, а в восточной — 5506 деревень.

Освоение новых пахотных земель способствовало становлению мелких крестьянских хозяйств, где производственной единицей являлась семья. Экономический стимул заставлял крестьянина трудиться более эффективно.

Под влиянием социально-экономических факторов изменилось демографическое поведение: многочисленное потомство служило как бы гарантией экономического процветания. Изменился и характер семьи — произошел распад больших семей и появилась семья, состоящая из брачной пары. Благоприятные социально-экономические факторы привели к росту браков и рождаемости, которая при относительно низкой смертности стала определяющим фактором роста населения. Одной из характерных черт XVII века являлось снижение детской смертности.

В тот же период заметно изменились условия жизни крестьян. Они начали носить одежду из хлопчатобумажной ткани (ранее они изготавливали ее из конопляных ниток), пользоваться керамической посудой, есть рыбу. Все это сказалось на уменьшении детской смертности и увеличении продолжительности жизни.

Росту численности населения в XVII в. способствовало отсутствие эпидемий. Япония в эпоху Токугава была закрыта для широкого въезда иностранцев и поэтому не была подвержена опасности занесения разного рода инфекций извне. Кроме того, японцы, как правило, пили кипяченую воду (чай), что уменьшало опасность желудочно-кишечных заболеваний. Нет также данных о неурожаях, засухах: следовательно, в стране не было и голода.

Демографические процессы в XVIII в.

До сих пор нет единого мнения относительно численности населения Японии по результатам переписи 1721 г.: оценка колеблется от 26 до 31,5 млн. чел. Начиная с XVII в., население выросло в 2,5–4,8 раза, а годовой прирост составлял от 0,9–1,3%. При-

чем это увеличение было достигнуто только за счет естественного прироста.

Однако в XVIII в. демографическая кривая начала меняться. Со второй половины периода Токугава рост населения приостановился и оно колебалось в пределах 26 млн. чел., а в некоторых районах появилась тенденция к уменьшению его численности. Однако это не означало, что в стране не было районов, где наблюдался прирост населения: просто он не был таким стремительным, как в XVII в.

Природные факторы динамики численности населения

Причины этого были связаны, в первую очередь, с ухудшением климата и стихийными бедствиями, хотя не следует исключать и причины экономического характера. Середина XVIII-начало XIX вв. были отмечены похолоданием на всем земном шаре. В Японии наиболее резкое изменение климата произошло в северо-восточных районах, однако по всей стране зимой случались сильные холода, в Осака даже замерзала р. Ёдогава. Понижение температуры, сокращение числа солнечных дней, затяжные дожди, наводнения губили урожай на корню — рис даже не всходил. И еще одна напасть обрушилась на Японию — полчища саранчи, прилетевшей с материка. Эти стихийные бедствия приводили к голоду и способствовали распространению кишечных заболеваний. Смертность населения росла и в городе, и в деревне.

В XVIII в. следует выделить 1732 г. и 80-е годы, когда в стране свирепствовал сильный голод, что нанесло ощутимый удар по численности населения страны. В 1732 г. наводнение, холода и саранча уничтожили значительную часть урожая; в годы Хбрэки (1751–1764) и Тэммэй (1781–1789) неурожай был вызван резким понижением температуры в летний период. В первой половине XIX в. в годы Тэмпō (1830–1844) 30-е годы были неурожайными, холодное лето сопровождалось затяжными дождями.

Существовала еще одна причина, в определенной степени повлиявшая на сокращение населения. Это распространившаяся практика детоубийства, обычно новорожденных девочек (*мабики*), и аборты, которые также объяснялись экономической депрессией и недостатком продовольствия.

Три великих голода (1732 г., 80-х годов XVIII в. и 30-х годов XIX в.) резко сократили численность населения Японии — на 10% по сравнению с 1721 г. Особенно пострадали районы Тōхоку, Кантō, Хокурику, Кинки. В западной и южной части Япо

нии ущерб был меньше, а на о-ве Сикоку и на западе о-ва Кюсю население даже увеличилось.

Стихийные бедствия и голод приводил к крестьянским восстаниям и волнениям городской бедноты, заставляя власти оказывать хоть какую-то помощь голодающим. Сёгун Ёсимунэ, который правил в период 1716–1743 гг., распорядился отправить голодающим рис из своих запасов. Во время голода 30-х годов XIX в. власти распорядились открыть в Эдо пункты помощи голодающим, изъям для этого рис из неприкосновенных запасов, но этому распоряжению следовали не везде, а на крестьян помощь и вовсе не распространялась. Власти также уменьшали налоги и подати, но голод приводил к тому, что многие крестьяне покидали родные места и искали спасения в более благополучных районах.

Массовые миграции населения

Помимо стихийных бедствий на численность сельского населения оказывал влияние и процесс урбанизации, миграция в города — центры ремесла и торговли. К концу XVIII в. Япония была одной из самых урбанизированных стран мира с высокой степенью концентрации населения. Городское население достигло 3 млн. 780 тыс. чел., что составляло 12% от общей численности населения.

Основной ее формой был уход в город на временные заработки (*дэкасаэги*). Он фиксировался в местных документах как временный уход, поскольку по закону крестьяне должны были возвращаться домой, но многие этого не делали. Поэтому происходили сокращение сельского и рост городского населения.

Анализ храмовых документов (*сёмон аратамэ*) показывает, что миграция объяснялась, в основном, экономическими причинами: жители не могли существовать только за счет сельского хозяйства. Поэтому люди уходили в города, где нанимались в ученики, работали в качестве слуг, в ткацких мастерских. Самый высокий процент отходничества был среди арендаторов, он составлял, в отдельных деревнях, 63,1% среди мужчин и 74% среди женщин. Меньше всего отходничество было распространено среди женщин из верхних слоев деревни и неожиданно широко — среди мужчин из средних слоев.

В экономически развитых районах население увеличивалось за счет мигрантов. В таких городах, как Эдо, Киото, Осака, рост населения происходил в значительной степени за счет пришлого люда. Например, в середине XIX в. 25–33% простых жителей Эдо родилось вне его пределов. Следует отметить, что Эдо в XVIII в. был «мужским» городом, что объяснялось его статусом.

В результате миграции происходили большие изменения в социальной, возрастной и географической структуре населения. В городах оказывалось гораздо меньше стариков и детей и больше взрослого населения.

В XVIII в. проявилась тенденция более быстрого роста численности населения в небольших городах. Происходило это за счет развития деревенской промышленности, по мере которого довольно быстро происходило ее перемещение в районы с избыточной и дешевой рабочей силой.

Восстановление тенденции роста населения

В целом, в первой половине XIX в. наметилась устойчивая тенденция роста населения в большинстве провинций страны. Постепенно стало исправляться положение в восточной и северо-восточной частях Японии, и к началу периода Мэйдзи (1868–1911) туда переместился демографический «центр тяжести».

Но в 1837–1838 гг. страна сильно пострадала от эпидемии, которая охватила всю страну. Осака за эти 2 года потерял 11% населения. Эпидемии предшествовали неурожайные годы, в 1836 году разразился страшный голод. Какая из двух причин в наибольшей степени повлияла на высокую смертность населения сказать трудно, однако масштабность потерь не вызывает сомнения. Согласно статистическим данным *бакуфу*, между 1834 и 1840 г. население Японии сократилось на 4,2%. Это было второе резкое снижение численности населения, только потери 80-х годов XVIII в. превышали этот уровень. В эти годы лишь в 8 из 68 провинций был отмечен рост населения, в 27 провинциях потери составили 5% и более.

Численность населения в конце периода Токугава

Переписи населения в Японии проводились до 1846 г. Потом в стране обострилась политическая ситуация. В условиях нараставшего кризиса властям *бакуфу* было не до переписи населения, и их возобновило уже новое правительство в 1872 г. Таким образом, образовался пропуск в 16 лет, что затрудняет возможность определить численность населения страны в самом конце периода Токугава.

Согласно последней переписи, проведенной *бакуфу* в 1846 г., население Японии составило 26 млн. 910 тыс. чел. Перепись 1872 года была проведена на основе книг посемейной записи (*косэки сэйдо*), куда записывались фамилия, имя, место и дата рождения.

Кроме того, этой переписью были охвачены и о-ва Рёккё. Она показала численность населения, равную 33 млн 110 тыс. чел.

Однако разница в цифрах 1846 и 1872 годов вовсе не означает, что в первые годы периода Мэйдзи население стремительно выросло. Можно предположить, что реальная цифра численности населения в 1846 г. была больше: ведь в период Токугава не все социальные слои подлежали переписи, да и форма учета была несовершенна.

Кроме того, 1846 г. был годом *хи-но э ума* («годом огненной лошади»), считавшимся неблагоприятным для рождения детей, особенно девочек. Считалось, что женщины, рожденные в год огненной лошади, были склонны к дурным поступкам, были способны убить мужа, устроить пожар. На таких девушках не хотели жениться. Этот социально-психологический фактор оказал влияние на демографическую статистику: родители не регистрировали новорожденных девочек, чтобы избежать осложнений.

Общие демографические тенденции

Демографические процессы на протяжении двух с половиной столетий эпохи Токугава отличались разнообразием. Динамика численности населения имела большие различия в различных районах страны. Но, в целом, можно сказать, что демографический рост нарушался не застойными явлениями в экономике, а природно-географическими факторами.

Из-за похолодания климата на протяжении второй половины периода Токугава в Японии нередко случался голод, что оказывало влияние на демографическую динамику. Именно голод был первостепенным фактором, вызывавшим рост смертности и оказывавшим негативное влияние на рождаемость. Коэффициент роста населения в голодные годы резко снижался. Голод был губителен для социальных низов деревни и, особенно, города. Кроме того, голодные годы являлись наиболее благоприятными и для распространения всякого рода болезней.

Особенности эпидемиологической обстановки

К счастью, Япония XVII–XVIII вв. не знала таких опустошительных эпидемий, как Европа, где в XVII в. только от оспы умерло 10–15% населения. Нет также никаких сведений, что бубонная чума, которая буквально косила население Европы в период XIV–XVII вв., достигала берегов Японии.

Изоляция страны от внешнего мира сыграла роль санитарного кордона на пути проникновения заразных болезней, поскольку

они, как правило, заносились извне. Основной причиной, спасшей Японию от «черной смерти» (чумы), было то, что страна не ввозила зерно, и поэтому туда не попадали зараженные крысы, переносчики этой болезни. Не было в Японии и эпидемий сыпного и брюшного тифа.

С древних времен болезни попадали в Японию с материка. Самым большим «убийцей» была оспа. От нее умирало много детей, что отрицательно сказывалось на росте населения. На рождаемость влияло и то, что оспа оказывала влияние на половую потенцию мужчин.

Вакцина от оспы попала в Японию в начале XIX в. Ее привез японец по имени Накагава Городзи. Он случайно попал в Россию, в Иркутске работал помощником лекаря, где наблюдал результаты прививок против оспы. Он вернулся в Японию в 1812 г. (его обменяли на захваченного в плен капитана В.М.Головнина) и использовал на родине медицинские знания, полученные в России во время эпидемий оспы в 1824, 1835 и 1842 гг.

Несколько раньше, в 1811 г., японец по имени Кудзо, попавший в Россию в результате кораблекрушения, привез в Японию противосспенную вакцину. В доме врача в Охотске он видел как делается прививка, но в княжестве Мацудайра, где он рассказал о ее эффективности, ему никто не поверил. Имя его было надолго забыто, и основоположником оспопрививания в Японии стали считать Накагава Городзи.

Другой напастью была корь. Ее эпидемии случались редко, скорее всего эта болезнь попадала в Японию из Китая. От кори Японию спасал ее относительно теплый климат — вирус кори лучше развивается при низкой температуре.

До 50-х годов XIX в. ситуация с распространением инфекционных болезней в Японии по сравнению с Европой была благополучной. До 1854 г. все порты находились под контролем, там имелись карантинные корабли, где содержались больные, прибывшие в Японию.

Смертность от инфекционных болезней в Японии была ниже, а продолжительность жизни выше, чем в Европе. Исследования документов, относящихся к периоду 1700–1850 гг., хранящихся в 251 храме провинции Гифу, показали, что люди умирали в среднем в возрасте 59,7 лет.

Эпидемиологическая обстановка изменилась в Японии в связи с открытием страны — в 1858 г. в Нагасаки началась эпидемия холеры, которая быстро распространилась по стране. Не сохранилось точных данных относительно того, сколько людей тогда за-

болело и умерло. Статистические выкладки, сделанные уже в период Мэйдзи, показывали, что людей, родившихся в 1861 г., было на 12% меньше, чем тех, кто родился в 1860 г. А для центральной части Японии эти цифры были еще выше: тех, кто родился в 1861 году было на 80% меньше тех, кто родился в 1860 г. Не вполне понятно, чем была обусловлена столь кризисная демографическая ситуация: низким коэффициентом рождаемости или высоким процентом смертности младенцев.

Общая динамика численности населения

В течение всего периода Токугава происходил умеренный рост населения в экономически развитых районах, прилегающих, например, к Внутреннему Японскому морю, где были многочисленные возможности для неаграрных занятий.

Чтобы проследить динамику численности населения в период Токугава, необходимо знать коэффициенты рождаемости и смертности. В масштабах всей страны такого учета не велось, но в пределах отдельных княжеств учитывалось количество рождений и смертей. Правда, на основании этих записей трудно составить общую картину: коэффициенты рождаемости и смертности сильно различались районам страны.

В целом, в городах рождаемость была ниже, а смертность выше, чем в деревне. Причиной были характерные для горожан поздние браки, а также большая скученность населения, что способствовало распространению болезней. Однако смертность в японских городах была ниже, чем в европейских. В период Токугава в городах была хорошо налажена система уборки мусора и вывоза экскрементов, а обычай мыться и пить кипяченую воду приводил к ограничению распространения инфекций. Чистоплотность японцев отмечали все иностранцы, в том числе и русские, побывавшие в Японии в то время.

Исторические, социально-экономические и природные факторы обусловили японский вариант естественного воспроизводства населения. Так, в районах, где было развито шелководство и производство шелковых ниток, ежегодный прирост населения во второй половине XIX в. составлял 1%. Этому способствовало то, что с 30-х годов XIX в. там проживало большее число женщин.

Хотя временами численность населения сокращалась в результате эпидемий и стихийных бедствий, затем постепенно происходило ее восстановление. При этом становление семьи как хозяйственной единицы обеспечивало Японии потенциальные возможности для роста населения.

Этот процесс шел по-разному в разных частях страны, но в целом в 1846–1872 гг. население продолжало расти. Несмотря на временные спады, ежегодный прирост составлял от 0,3% до 0,4%. В 50-е годы XIX в. коэффициент рождаемости вырос, но процент смертности еще не упал.

* * *

В период Токугава японцы научились бороться со стихийными бедствиями, например, с нашествиями саранчи, местные власти строили хранилища для риса на случай неурожая, многие крестьянские семьи старались иметь такое число детей, которых они могли прокормить. Известны случаи, когда *даймё* субсидировали расходы на воспитание детей в своих владениях, чтобы препятствовать практике аборт и детоубийств. В первой половине XIX в. в Японии благодаря появлению оспопрививания снизилась детская смертность, что отразилось на общей демографической ситуации.

По-видимому, не стоит говорить о стагнации населения в середине и конце периода Токугава, как о проявлении общего системного кризиса японского общества. Япония продолжала сохранять и накапливать потенциал развития, что в дальнейшем позволило провести быструю модернизацию страны в период Мэйдзи. Что же касается нарушения ритма роста населения, то оно объяснялось, главным образом, воздействием неблагоприятных природных факторов, поскольку два века назад зависимость человека от природных условий оставалась еще весьма высокой.

Часть 3

КУЛЬТУРА ПЕРИОДА ТОКУГАВА

Глава 1

ИСКУССТВО ПЕРИОДА ТОКУГАВА

С точки зрения развития японской культуры наиболее значительным результатом мирного периода, наступившего с установлением власти сёгуната Токугава, был рост городов. Именно он стал важнейшим фактором прогресса и источником возникновения новых социальных форм (прежде всего, подъема богатого торгового сословия). Город способствовал развитию предпринимательского духа, проявлению индивидуальной инициативы, что требовало определенных знаний. В городах вскоре сложилась довольно значительная прослойка образованного населения, не связанного ни с дворами крупных феодалов, ни с монастырями. Быстрыми темпами шел процесс формирования новой по своим художественным формам и содержанию культуры, достигшей своего расцвета в период Гэнроку (1688–1704), под которым в широком смысле слова подразумевается эпоха с конца XVII в. и до первой четверти XVIII в. включительно.

Различные культурные явления того времени часто характеризуются термином «*укиё*», под которым первоначально в буддизме подразумевался «бренный», «преходящий», «иллюзорный» мир нестабильного человеческого существования. Однако в период Гэнроку понятие «*укиё*» было переосмыслено и стало обозначать, правда, изменчивый, но вместе с тем возбуждающий, влекущий к себе мир земных удовольствий.

Жизнь горожан, несмотря на рост экономической и культурной независимости, продолжала оставаться скованной жесткими рамками многочисленных социальных, цеховых, семейных и прочих ограничений. Почувствовать себя свободным от них горожанин мог только в мире «*укиё*» — мире веселых кварталов, представлявших собой в больших городах обособленные, обладавшие значительной автономией анклавы со своими порядками и нравами. Кварталы Ёсивара в Эдо, Симабара в Киото, Симмати в Осака стали местом процветания различных форм городской культуры. Здесь деньги значили больше, чем знатное происхождение, и го-

рожакин мог чувствовать себя равным любому самураю. Так мир «*укиё*» с его публичными домами, чайными домиками, общественными банями и прочими заведениями стал синонимом целой эпохи. Портреты его обитательниц рисовали знаменитые художники, истории их жизни становились темой признанных шедевров литературы того времени.

Литература и театр периода Гэнроку

Славу литературы XVII в. создали три великих художника: Ихара Сайкаку — в прозе, Мацуо Басё — в поэзии и Тикамацу Мондзаэмон — в драматургии.

Ихара Сайкаку О жизни Ихара Сайкаку известно сравнительно немного. Считается, что он происходил из купеческой семьи. Потеряв в возрасте около 35 лет жену и детей и передав свое дело другому, он посвятил себя занятию поэзией *хайкай*. В то время он много путешествовал по стране и был известен своей способностью сочинять *хайкай* с необыкновенной легкостью. Рассказывают, что в 1677 г. в одном из поэтических состязаний он сумел за сутки сочинить 1600 стихотворений.

Однако действительно эпохальным событием в истории японской литературы стало появление повестей Ихара Сайкаку, первая из которых была написана им всего за 10 с небольшим лет до смерти. В выходивших затем одна за другой повестях писатель воссоздал жизнь японского города того времени, увиденную человеком, обладавшим острой наблюдательностью, любопытством ко всему конкретному, вещественному, и любовью к чувственной красоте мира. Главным предметом изображения Ихара Сайкаку был человек, индивидуум в его тогда только начавшей раскрываться непредсказуемости и изменчивости. «Повести о брэнном мире» («*укиё дзоси*») благодаря Ихара Сайкаку приобрели необычайную популярность и надолго стали наиболее распространенным жанром японской литературы повествовательного типа. Происходя от средневековых повестей *кана дзёси*, они принципиально отличались от последних своей художественной правдивостью и реалистическим подходом к действительности, пришедшим на смену старому догматическому мировоззрению с его авторитарной моралью.

В соответствии с двумя сферами интересов, игравших ведущую роль в жизни горожан, произведения Сайкаку по тематике делятся на две группы, одна из которых посвящена миру удоволь-

ствий и страстей, а другая — миру трезвого практицизма и здравого смысла.

К первой группе относятся так называемые эротические произведения (*кёсёку моно*). Это такие повести, как «История любовных походов одинокого мужчины» («Кёсёку итидай отоко», 1682), «История любовных походов одинокой женщины» («Кёсёку итидай онна», 1686), «Пять женщин, предавшихся любви» («Кёсёку гонин онна», 1686) и др. В этих повестях перед читателями проходит череда персонажей, принадлежащих к самым разным слоям населения — служанки и гетеры, замужние женщины и наложницы, банщицы и монахини, ремесленники, торговцы, простолюдины, самураи. Жажда наслаждений, стремление к самоутверждению, нежелание мириться с устоявшимися формами коллективного существования толкает героев Ихара Сайкаку осознанно или в силу обстоятельств на конфликт с обществом, кончающийся для них порой трагически. Герои Сайкаку часто преступают нормы общепринятой морали, но не в силу природной испорченности, а потому, что лишены возможности свободного, естественного существования. Сайкаку не всегда полностью одобряет поступки своих героев, но он неизменно глубоко сочувствует им. Он верит сам и заставляет верить своих читателей, что они заслуживают лучшей участи.

Ихара Сайкаку был прекрасным знатоком живой жизни города. В бытовых эпизодах и жанровых сценах, которыми изобилуют его повести, обнаруживается тесная связь писателя с изображаемой им средой. Но было бы большой ошибкой воспринимать автора как простого пересказчика различных житейских случаев. Повести Ихара Сайкаку свидетельствуют о его огромном таланте художника, способного критически, в духе подлинного гуманизма осмыслить все многообразие картины мира, развертывавшейся перед его глазами.

К произведениям о деловой, повседневной жизни горожан относятся повести «Вечная сокровищница Японии» («Ниппон эйтэйгура», 1688), «Расчеты, руководящие людьми в этом мире» («Сэкэн мунэсангэ», 1692) и некоторые другие. Это истории о том, как приобретаются и почему теряются состояния, о том, как надо быть осторожным и бережливым, чтобы в конце концов добиться достатка. Ихара Сайкаку и в этих своих произведениях не приукрашивает своих героев, но вместе с тем показывает, что жизнь сословия мелких и средних торговцев и ремесленников полна забот о завтрашнем дне, о своевременной уплате налогов, о необходимости в срок рассчитаться с долгами. И в этих произве-

дениях Сайкаку выступает как великолепный знаток быта и деловой этики торгового сословия, упорного, трудолюбивого и расчетливого.

Вера в человека, в его право на достойное существование составляла основу мировоззрения Ихара Сайкаку. Время не стерло яркие краски его повестей о «бренном» мире, не устарели мысли и чувства, волновавшие их создателя. Они развлекают и заставляют размышлять читателя и теперь.

Мацуо Басё Величайшим поэтом эпохи Токугава был современник Ихара Сайкаку Мацуо Дзинситирё, известный под своим литературным псевдонимом Басё. Родившийся в семье самурая, Басё в ранней юности поступил на службу к молодому князю Ёситада, сыну владельца замка Уэно в провинции Ига, недалеко от г. Нара, который вскоре отправился в Киото. Там и хозяин и его слуга увлеклись сочинением стихотворений в жанре *ронга* — «нанизанных строф» или «стихотворных цепочек». В целях совершенствования своего мастерства они стали заниматься у известного в то время поэта Китамура Кигин.

В возрасте 22-х лет после неожиданной смерти князя Ёситада Басё отказался от дальнейшей службы в семье своих сюзеренов, предпочтя жизнь горожанина и занятия поэзией. В 1672 г., когда Китамура Кигин был вызван сёгуном в Эдо, он как его ученик последовал за ним. С того времени восточная столица стала местом, куда он неизменно возвращался из своих многочисленных странствий по стране.

Между тем слава его как поэта быстро росла, и вскоре он сам уже начал выступать в роли учителя поэзии, к сожалению, не слишком доходной. Приблизительно тогда же один из его учеников и друзей Сугияма Самбү построил для него небольшой домик на берегу реки Сумида, в саду которого поэт посадил банановое дерево (*басё*). Это слово он и прославил, избрав его своим последним псевдонимом. Когда во время большого пожара в Эдо, в 1682 г., хижина Басё сгорела, он с помощью учеников снова отстроил ее и опять посадил в саду банановое дерево. Последние 11 лет жизни Басё почти целиком провел в странствиях, каждый раз возвращаясь в свой «банановый приют», чтобы осмыслить пержитое в пути.

Творческое наследие Басё включает в себя поэзию и прозу. Итогом его странствий были 5 путевых дневников: «Кости, лежащие в поле» («Нодзараси кикё»), «Путешествие в Касима» («Касима кикё»), «Письма странствующего поэта» («Он-но кобу-ми»), «Путешествие в Сарасина» («Сарасина кикё») и последний,

наиболее известный, «По тропинкам севера» («Оку-но хосомити»). Дневники представляют собой перемежающуюся со стихами лирическую прозу. В них поэт рассказывает о своих мыслях и чувствах по поводу услышанного и увиденного во время странствия, о своем понимании жизни природы и людей. Остались также письма Басё и его беседы о поэзии и искусстве, записанные учениками.

Поэтическое наследие Басё составляют стихотворения в жанрах *рэнга* и *хайку*. Начав с увлечения поэзией *рэнга*, Басё продолжал сочинять «нанизанные строфы» на продолжении всей жизни, часто выступал судьей на поэтических турнирах *рэнга* и был признан современниками непревзойденным мастером этого жанра.

Однако в истории японской литературы Басё остался, прежде всего, как автор шедевров в жанре *хайку*. Трехстишие *хайку* состоит всего из 17 слогов. Кажущаяся легкость этого жанра весьма обманчива. Многие могут сочинить 3 строчки, но очень немногие могут сделать их произведением искусства. *Хайку* требует преодоления противоречия между заданной краткостью формы и вольной прихотливостью поэтического порыва, глубиной чувства и мысли. За отдельной точно схваченной деталью пейзажа или определенной ситуации всегда ощущается глубина переживания поэта, рождающая ответный отклик в душе читателя. Известны случаи, когда, добываясь нужного результата, Басё в течение нескольких лет возвращался к одному и тому же стихотворению. Так было с известным *хайку*:

Поэт Тоба, едущий в ссылку.
Картина Кацусика Хокусай

Поэт Тоба, едущий в ссылку. Картина Кацусика Хокусай

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

(Пер. В.Марковой)

В этом стихотворении поражает графическая четкость картины осеннего вечера, словно нарисованной в стиле черно-белой живописи (*суйбоку*), и ее органическая слитность с чувством щемящей грусти одинокого путника, глазами которого она увиденна. Сквозь конкретику стихотворения просвечивает смысловая глубина, выраженная с огромной лирической силой.

Достаточно одного подобного стихотворения, чтобы судить о масштабе дарования его автора. После опубликования в сборнике «Дни весны» («Хару-но хи», 1687) *хайку* Басё о старом пруде:

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

(Пер. В.Марковой)

его первенство в этом жанре уже никто не оспаривал.

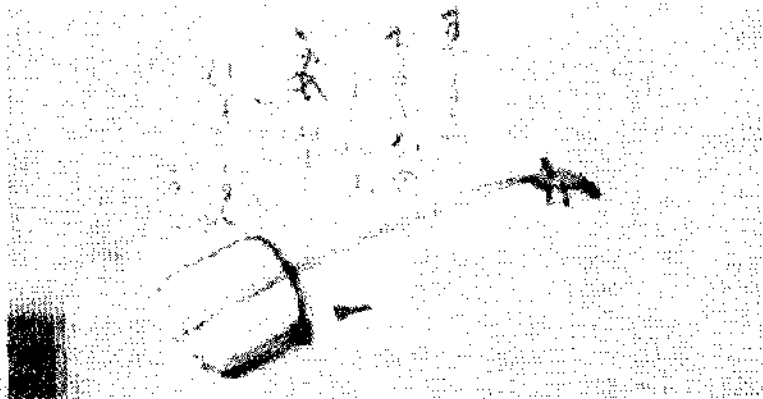
При чтении *хайку* нужно постоянно иметь в виду, что их структура многосложна и требует внутренней работы читателя. Любование природой с древних времен было излюбленной темой японской поэзии. В этом отношении Басё часто как будто бы следует традиции. Но это верно только отчасти. Пейзажную лирику Басё отличает остро индивидуальное восприятие природы. Каждое стихотворение — это не просто зарисовка увиденного, а личное открытие в природе каких-то поразивших поэта черт, воспринятых им как фактор собственной духовной биографии.

Поэзия Басё многогранна. Многие *хайку* поэта посвящены картинам быта крестьян и ремесленников, философским и религиозным раздумьям, обращениям к друзьям. Басё создал свой собственный стиль *хайку*, в основу поэтики которого он положил принцип *саби* — элегической грусти и простоты изобразительных средств. Другим качеством, которое Басё считал необходимым для поэзии *хайку*, была легкость (*каруми*), под которой подразумевалась совершенная естественность и лаконичность.

Поэзия Басё, вобрав в себя лучшее, что было в классических стихотворениях *танка* и в шутивых эниграммах *рэнга*, явила новую форму лирического стихотворения, ставшую надолго доминирующей в японской литературе.

Тикамацу Мондзаэмон Третьим человеком, оказавшим огромное влияние на характер культуры периода Гэнроку, был драматург Тикамацу Мондзаэмон (настоящее имя Сугимори Нобумори). Он происходил из семьи самураев, но, как и Басё, предпочел жизнь свободного художника.

Когда Тикамацу было около 15 лет, семья переехала в Киото, и он оказался в крупнейшем центре культурной жизни страны. Поступив на службу к одному из придворных аристократов, он получил возможность познакомиться с обычаями и нравами новой для него среды, что пригодилось ему в дальнейшей творческой деятельности. В возрасте 19 лет он оставил свою службу, и с того времени навсегда связал свою судьбу с театром.

Из Тайга. *Сямисэн* и стихотворение

В то время в Японии существовали детально разработанные канонические формы музыкально-хореографического искусства *гагаку*, являвшегося неременной принадлежностью официальных церемоний при императорском дворе и праздничных представлений в крупных храмах. Другим важным видом театрального искусства был приобретший к этому времени законченные формы театр Нё, торжественными представлениями которого отмечались значительные события при дворах сёгуна, *даймё* и чиновной знати. В городах процветала фарсовая миниатюра *кёгэн*. Огромной популярностью пользовались также певцы-сказители (*дзёру-ри катар*), выступления которых сопровождались аккомпанементом на *сямисэн* — 3-струнном музыкальном инструменте. К началу XVII в. события, о которых повествовал сказитель, стали иллюстрироваться кукольным представлением. Так было положено начало уникальному виду театрального искусства — кукло-

ному театру *нингё дзёрури*. Приблизительно в то же время оформился театральный жанр *кабуки*, устоявший против серии гонений со стороны правительства.

Такова была в общих чертах ситуация в театральном мире Японии, когда в него вступил Тикамацу Мондзаэмон. Он начал сочинения пьес для Удзи Кадаё (позднее — Каганотё) и других сказителей кукольного театра. Положение автора исполняемого текста было в то время не слишком престижно. Авторы часто даже не подписывали свои пьесы. Поэтому трудно сказать, какие именно произведения были созданы Тикамацу в ранний период его творчества. Первой пьесой, под которой он поставил свое имя, была драма «Наследники Сога» («Ёцуги Сога», 1683). Это была многоактная пьеса, что было большим новшеством, так как до того времени спектакль обычно состоял из нескольких одноактных пьес, между которыми зрителей развлекали небольшими интермедиями. С той поры Тикамацу стал видной фигурой в театральном мире. Он с равным успехом писал пьесы для кукольного театра и для театра *кабуки* Миякодза, возглавляемого известным актером и его личным другом Саката Тёдзёрё. Впрочем, драматургическое построение и выразительный язык пьес Тикамацу делали возможным их исполнение как в кукольном, так и в актерском театре. При отсутствии разработанного авторского права этим многие пользовались и при жизни, и после смерти драматурга.

Произведения Тикамацу по своему жанру делятся на две группы: исторические пьесы (*дзидай моно*) и бытовые «мещанские» драмы (*сэва моно*). На первых порах главное место в творчестве Тикамацу занимали исторические пьесы. Название этого жанра достаточно условно, так как к подлинным историческим событиям эти произведения часто имели достаточно слабое отношение. Их сюжеты драматург черпал из различных исторических преданий, произведений классической литературы или средневекового эпоса. Важно, однако, отметить, что эти пьесы были новым словом в японской драматургии, так как в них Тикамацу удалось отойти от принятых стереотипических амплуа персонажей и создать живые индивидуальные характеры.

Несмотря на то, что в дальнейшем творчестве Тикамацу основное место заняли бытовые драмы (к этому жанру относятся 100 его пьес из общего числа 120–130), он до самых последних лет своей жизни не переставал периодически обращаться к написанию исторических драм. Так, в своей последней пьесе, написанной им незадолго до смерти, Тикамацу снова обратился к полуполюгендарному сюжету о соперничестве двух претендентов из

рода Минамото на пост сёгуна. Это замечательная пьеса «Конь на привязи» («Канхассю цунагума», 1724), изобилующая множеством драматических ситуаций, неожиданных поворотов интриги и даже разного рода чудесами, что, впрочем, не мешало серьезной постановке автором вопроса о моральных ценностях, которым при всех обстоятельствах должны быть верны герои.

В 1701 г. Саката Тёдзюрё, для которого Тикамацу писал многие свои пьесы, покинул сцену, не оставив после себя достойной смены, и популярность театра Миякодза среди столичной публики стала постепенно падать. Между тем в Осака примерно в то же время открыл свой театр Такэмото Гидаё, сказитель выдающегося таланта, чье имя превратилось в нарицательное и стало с тех пор означать профессию сказителя кукольного театра *дзёрури*.

Чаша весов, долгое время колебавшаяся между двумя соперничавшими видами театрального искусства, стала все более склоняться в сторону кукольного театра. Не последнюю роль в этом сыграла драматургия Тикамацу. В 1703 г. он написал свою первую бытовую драму для театра *дзёрури* Такэмотодза — «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки» («Сонэдзаки синдзё»), в которой рассказывалось о действительном происшествии, взволновавшем жителей Осака всего за месяц до появления пьесы на сцене. Речь шла о двойном самоубийстве девушки из веселого квартала Сонэдзаки и приказчика, служившего у торговца сосей. Успех пьесы превзошел все ожидания. Особенное впечатление на зрителей производила последняя лирическая часть драмы, так называемое *митиюки* — странствие по дороге, когда влюбленные шаг за шагом приближаются к месту, где решили умереть.

Успеху подобных бытовых пьес способствовала отчасти их злободневность. Современники отмечают необыкновенную быстроту, с которой Тикамацу создавал свои произведения. Точно так же, всего через месяц-два после действительного события, были написаны драмы «Девушка из Хаката в пучине бедствий» («Хаката кодзёрё нами макура», 1718), «Самоубийство влюбленных на Острове Небесных Сетей» («Синдзё Тэн-но Амидзима», 1720) и некоторые другие.

Мотив двойного самоубийства влюбленных, столь частый в «мещанских» драмах Тикамацу, не был им искусственно привнесен в свои произведения ради мелодраматического эффекта. В эпоху Гэнроку распространилось нечто вроде модного повестрия на подобного рода самоубийства, для обозначения которых появилось даже специальное слово *синдзё*. Поэтому тема двойного са-

моубийства привлекала писателей возможностью художественного осмысления противоречий действительности.

Основой конфликта в бытовой драме, как правило, являлась борьба любящих за свое чувство. Иногда силы, противостоящие героям, представлены носителями сословных предрассудков, старой домостроевской морали. Еще чаще — это власть денег, которые одни могут дать человеку возможность следовать естественным влечениям своей натуры. Конечно, в произведениях Тикамацу эти причины не раскрываются в столь обнаженной форме. Героев часто приводит к гибели случайное стечение обстоятельств, как бы прихоть судьбы. Однако это не меняет существа проблемы. Герои Тикамацу все время идут по краю пропасти, куда вот-вот должны сорваться. Их гибель предreshена с самого начала, но погибая герои одерживают внутреннюю победу над несправедливостью. В своих «мещанских» драмах Тикамацу выступает как подлинный гуманист, воздерживаясь при этом от нравоучений и позиции моралиста.

После смерти Саката Тодзёрё в 1703 г. Тикамацу Мондзаэмон переехал в Осака и окончательно связал свою дальнейшую творческую судьбу с театром Такэмотордза. Кукольный театр переживал тогда свой «золотой век». Такэмоторд Гидаё создал новый, более выразительный стиль исполнения сказа *дзёрури*, получивший всеобщее признание, так называемый *гидаё буси*. Усовершенствовались и сценические возможности театра. Увеличились размеры кукол, достигнув 3/4 человеческого роста. У кукол могли двигаться глаза, брови, губы и пальцы рук. Каждой из них управляли 3 кукловода. Благодаря их искусству, куклы двигались совершенно естественно и были способны передавать душевные состояния изображаемых персонажей. Намного богаче стало также оформление спектаклей. Все это значительно расширило творческие возможности Тикамацу как драматурга театра *дзёрури*.

В 1722 г., за 2 года до смерти Тикамацу, последовал указ сёгунского правительства о запрете на постановку драм на тему самоубийства влюбленных, составлявших лучшую часть творческого наследия драматурга. Этот указ не мог, конечно, повлиять на посмертную славу Тикамацу, но он омрачил его последние дни.

Творчество Ихара Сайкаку, Мацуо Басё и Тикамацу Мондзаэмон было вершиной литературы эпохи Токугава. Эти художники связали литературу с реальным контекстом действительности. Они раскрыли в своих произведениях современное им состояние общества и рождаемое им мировосприятие. И по содержанию, и по художественной форме творчество Сайкаку, Басё и Тикамацу

ознаменовало собой наступление нового этапа в развитии японской литературы.

Литература XVIII в.

Центр культурной жизни в годы Гэнроку в значительной степени все еще продолжал оставаться в районе Киото-Осака, но постепенно перемещался в Эдо.

Кукольный театр *дзёрури* после смерти Тикамачу стал утрачивать свою лидирующую роль, и его место занял театр *кабуки*, в котором стало быстро совершенствоваться техническое оборудование сцены. В начале XVIII в. для выхода актеров на сцену и, соответственно, ухода за кулисы начали сооружать специальный помост (*ханамити*), шедший от сцены наискось через весь зрительный зал. Эта «цветочная дорога», приближавшая актеров к зрителям, стала характерной особенностью всех театров *кабуки*. В середине XVIII в. был изобретен поворотный круг, что также значительно расширило возможности создания сценических эффектов.

Основы исполнительского мастерства в эдоском Кабуки заложил выдающийся актер Итикава Дандзёрё, создавший свой особый мужественный стиль («*арагото*»), отличавшийся от более лиричного кансайского стиля. Однако в театральную драматурию XVIII век заметных новшеств не внес.

В области поэзии после Басё в жанре *хайку* продолжали писать его многочисленные ученики и последователи, среди которых следует отметить Такараи Кикаку и Хаттори Рансэцу, стремившихся сохранить и передать следующим поколениям традиции поэзии Басё. В какой-то степени это им удалось, поскольку у них учился Хаяно Хадзин, ставший в свою очередь учителем Ёса (Танигути) Бусон, известного художника и одного из крупнейших поэтов второй половины периода Токугава.

Ёса Бусон Ёса Бусон родился и вырос в деревне недалеко от Осака. О его семье нет достоверных сведений. В возрасте 20 лет с небольшим он отправился в Эдо, где, как уже было сказано, стал учеником Хаяно Хадзин. После смерти последнего он поселился в городке Юки в окрестностях Эдо. Отсюда он, как и Басё, совершал путешествия, побывав, в частности, на севере Хонсю. Вернувшись в Кансай, он некоторое время жил в деревушке Ёса, название которой стало одним из его псевдонимов, и в конце концов обосновался в Киото. К тому времени он

уже был известным поэтом, имевшим своих учеников и почитателей.

Поэтическим кредо Ёса Бусон было возвращение к утраченному его современниками духу поэзии Басё. Однако его собственное творчество не всегда свидетельствовало о последовательном движении к этой цели. *Хайку* Басё рождались как непосредственный, глубоко личный отклик поэта на увиденные им картины природы и жизни человека. В отличие от этого Ёса Бусон считал необходимым для поэта изучение классических образцов и знакомство с определенными эстетическими канонами. Поэзии Бусон был присущ лирический романтизм и изысканность, которые не всегда прямо шли от его собственных переживаний. В то время, как для Басё жизнь и искусство были неразсторжимы, для Бусон это были две разные сферы. В своих стихотворениях он во многом шел от литературы. Однако это не меняет того факта, что его творчество является значительной вехой в японской поэзии того периода.

Кобаяси Исса

Последним крупным мастером *хайку* периода Токугава был Кобаяси Исса (Ятарō) (1763–1827). Он родился в семье крестьянина в деревне Касивабара, расположенной в горах, в провинции Синано (совр. префектура Нагано). Ему было около трех лет, когда умерла его мать. Появившаяся в доме через некоторое время мачеха невзлюбила пасынка. Отношения между ними еще более ухудшились, когда мачеха родила сына. Обстановка в семье стала настолько невыносимой, что отец был вынужден отправить 14-летнего Исса в Эдо на заработки. О последующих 10 годах жизни будущего поэта мало что известно, кроме того, что жилось ему в то время очень нелегко. Несмотря на это он, по-видимому, все же находил возможность заниматься поэзией. Во всяком случае, в 1787 г. его имя упоминается среди учеников школы *хайку* Нирокуан Тикюа. А через 3 года, после смерти Тикюа, Исса сам стал во главе этой школы. Однако уже через 2 года, следуя установившемуся обычаю, он отправился в путешествие по стране. Он посетил Киото, западную Японию, Кёсю и Сикоку. Итогом его 7-летних странствований стал напечатанный в Киото сборник *хайку*.

Кобаяси Исса возвратился в Эдо уже признанным поэтом, но это не сделало его жизнь ни более легкой, ни более обеспеченной. В 1801 г. в связи с болезнью отца Исса на некоторое время вернулся в родную деревню, чтобы ухаживать за умирающим. Этот период его жизни отражен в произведении «Последние дни отца. Дневник» («Тити-но сюэн никки»), написанном в жанре *хайбун* — сочетанием прозы и *хайку*. «Дневник» проникнут чувством горя-

чей любви к отцу и горечи по поводу неутихающей вражды между членами семьи, омрачающей последние дни умирающего. Все происходящее вокруг постели больного с острой болью переживается Исса как сыном, борющимся за жизнь отца, но, вместе с тем, поэт пишет «Дневник» как художник, который как бы со стороны наблюдает и оценивает состояние отца, свои чувства и реакцию окружающих. В этом произведении Кобаяси Исса во многом предвосхитил жанр будущих «повестей о себе» (*сисёвэцу*), который приобрел позднее огромную популярность у писателей-натуралистов.

В течение последующих 10 с лишним лет Кобаяси Исса был выпущден вести тяжбу с мачехой и сводным братом из-за наследства. Ему было уже 49 лет, когда он смог, получив, наконец, свою долю, жениться и обосноваться на родине своим домом. Но судьба и тут не была к нему благосклонна. Четверо его детей умерли один за другим в младенчестве. Вслед за тем умерла и жена. Исса женился снова, но второй его брак оказался неудачным. Он развелся и женился в третий раз, но через год в деревне случился сильный пожар, и дом Исса сгорел. В тот же год Исса скончался.

Творческое наследие Кобаяси Исса включает в себя сборники стихотворений «Хайку годов Бунка» («Бунка кутё») и «Хайку годов Бунсэй» («Бунсэй кутё»), содержащие *хайку* за 1804–1825 гг. Кроме того, ему принадлежит ряд произведений, написанных в стиле *хайбун*. Это уже упоминавшийся дневник «Последние дни отца», а также «Моя весна» («Орага хару»), «Дневник 6-го года Бунка» («Бунка рокунэн никки»), «Седьмой дневник» («Ианабан никки») и «Восьмой дневник» («Хатибан никки»).

Поэзию Кобаяси Исса отличает искренность и простота, отсутствие всякой вычурности. В стихах Исса есть и юмор, и сатира, и даже известная грубоватость, но вместе с тем пронзительная нежность ко всем слабым и беззащитным. У него много стихотворений о детях, что легко понять, вспомнив его безрадостное детство, а также смерть его собственных детей.

В отличие от других мастеров *хайку*, Исса родился в деревне и воспринимал природу не как горожанин, а по-крестьянски. Сельская жизнь рисуется им без всяких прикрас. Снег для него не только предмет любования — это напоминание о трудностях долгой, холодной зимы.

Не здесь ли
Мой последний приют в этом мире?
Лачуга под снегом.

(Пер. Т.Л.Соколовой-Делюсиной)

Хайку Кобаяси Исса написаны чисто разговорным языком, подчас с примесью диалектизмов. Выработанная им поэтическая манера, носившая яркий отпечаток его индивидуальности, еще при его жизни получила название «стиль Исса». Творческое наследие Кобаяси Исса оказало заметное влияние на некоторых поэтов периода Мэйдзи, которые высоко ценили его талант. Посмертная слава Исса превысила его прижизненную славу.

Следующее поколение поэтов не выдвинуло значительных мастеров *хайку*. Однако, поскольку умение слагать *хайку* считалось необходимым для каждого, кто претендовал на принадлежность к образованным слоям общества, число школ, обучавших этому искусству, и, соответственно, число профессиональных поэтов продолжало расти. Естественно, не все, созданное ими, могло выдержать проверку временем.

Повествовательные литературные жанры

В области повествовательной литературы во второй половине периода Токугава получили распространение многочисленные жанры, определяемые обычно общим понятием «литературы *гэсаку*», т. е. легкой, развлекательной литературы.

Во второй половине XVIII в. большую популярность приобрел жанр *сярэбон* — повестей о веселых кварталах, где описывались нравы, своеобразный этикет, костюмы и речь обитателей и завсегдаев этого специфического мирка. Не менее популярен был возникший примерно тогда же жанр *кибёси* — юмористических повестей, в которых текст органически сочетался с многочисленными дополнявшими и пояснявшими его иллюстрациями.

Однако дальнейшее естественное развитие этих жанров было приостановлено после прихода к власти в 1790 г. Машудайра Саданобу, предпринявшего проведение так называемых реформ годов Кансэй, включавших в себя целый ряд указов, направленных на «исправление нравов» и искоренение вольнодумства в сфере политической, философской и религиозной мысли, а также и в сфере искусства. В этой обстановке один из самых известных авторов *сярэбон* и *кибёси* Саитō Кёдэн был подвергнут в связи с выходом в свет его последних повестей 50-дневному домашнему аресту в колодках. У его издателя была конфискована половина имущества, а цензоры, разрешившие издание его книг, были отстранены от должностей. Печальный пример Кёдэн, а также некоторых других, заставил авторов *сярэбон* и *кибёси* отказаться от работы в столь опасных жанрах или, во всяком случае, сильно изменить манеру повествования.

После ухода с политической сцены Мацудайра Саданобу и некоторого ослабления действия принятых при нем указов, юмористическая повесть возродилась и достигла нового расцвета в творчестве Дзиппэнся Икку (1765–1831), утвердившего в японской литературе конца периода Токугава жанр «забавных книг» — *коккэйбон*. Успех вышедшей в 1802 г. первой повести Икку «Путешествие на своих на двоих по тракту Тёкайдō» («Тёкайдō дōтō хидзакуригэ»), в которой рассказывалось о похождениях двух неунывающих простолюдинов из Эдо, был настолько велик, что писатель посвятил описанию дальнейших приключений своих героев еще 43 книги, регулярно выходившие на протяжении последующих 20 лет. Не меньшей популярностью пользовались также произведения другого автора *коккэйбон*, младшего современника Икку — Сикитэй Самба. Ему принадлежат читаемые и сегодня книги «Современная баня» («Укиёбуро», 1809–1813) и «Современная цирюльня» («Укиёдоко», 1813–1814), в которых дана панорама быта, нравов и характеров горожан того времени.

На основе подвергшихся в годы Кансэй гонениям за фривольность повестей *сярэбон* в первой четверти XIX в. сформировался жанр «повестей о чувствах» — *ниндзёбон*. Местом действия в них обычно по-прежнему оставались веселые кварталы, однако в отличие от повестей *сярэбон*, где главным было описание изысканных манер подлинных знатоков, так сказать, законодателей мод этого японского полусвета, и высмеивание их неумелых подражателей, в *ниндзёбон* стержнем сюжета, определяющим его развитие, стало чувство любви, возникающее между героями. Признанным шедевром в этом жанре является роман Томэнага Сюнсуй «Сливовый календарь любви» («Сюнсёку умэгоёми», 1832–1833), в котором описываются сложные отношения героя с тремя влюбленными в него женщинами.

В последующих многочисленных произведениях Томэнага Сюнсуй, созданных в этом жанре, с течением времени начали все большее место занимать эротические мотивы, за что писатель в конце концов жестоко поплатился. В конце 30-х–начале 40-х годов XIX в., когда правительство *бакуфу* предприняло новую попытку укрепить свою власть (реформы годов Тэмпō), с целью «исправления нравов» были опять ужесточены цензурные правила. В 1841 г. Сюнсуй был арестован и провел, как ранее Сантō Кёдэн, 50 дней в колодках, а художник, иллюстрировавший его книги, и издатель были оштрафованы на крупную сумму.

В годы, следовавшие за реформами Тэмпō, жанр *ниндзёбон* постепенно уступил место так называемым «книгам для чтения»

— *ёмихон*. Это были по большей части романы, воспевавшие самурайскую доблесть и конфуцианские добродетели. *Ёмихон*, как правило, носили дидактический характер, подтверждая в ходе повествования торжество принципа воздаяния за добро и наказания за зло (*кандзэн тёаку*). Эта литература предназначалась более образованному читателю и писалась не на разговорном языке, а так называемым «изысканным стилем» — *габун*.

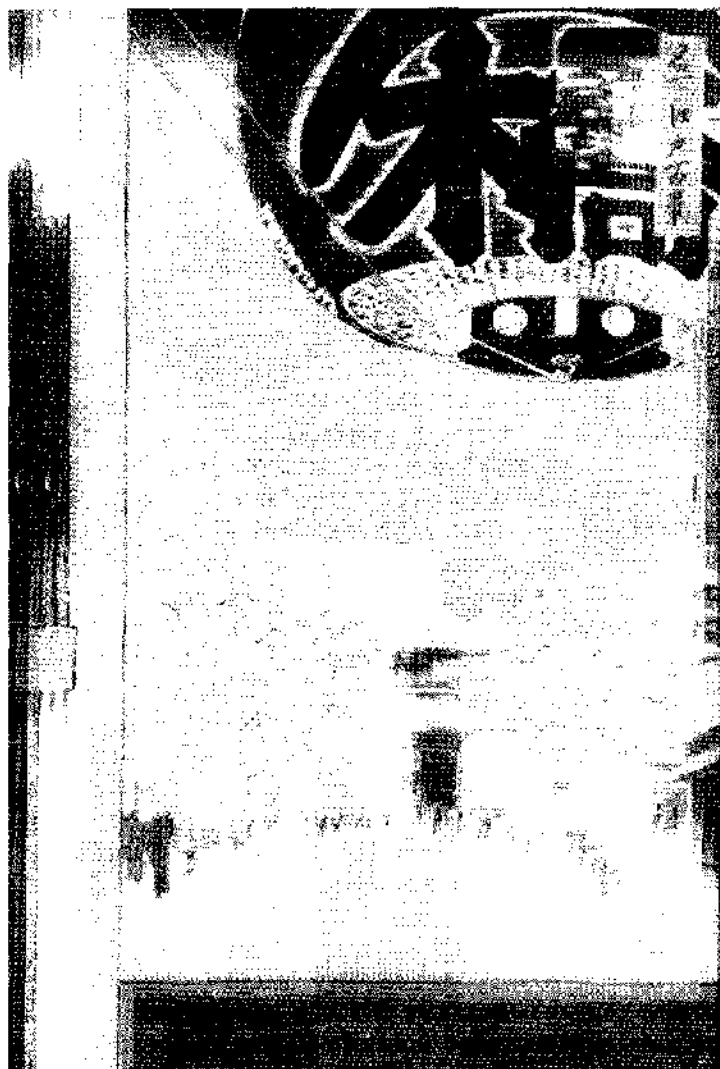
Самым интересным и талантливым автором этого жанра считается Такидзава Бакин, а самым знаменитым его произведением — огромный роман «История восьми псов Нансё Сатоми» («Нансё Сатоми хаккэн дэн»), состоящий из 106 томов и выходивший отдельными выпусками на протяжении 27 лет (1814–1841 гг.). Действие романа разворачивается в период Муромати, в эпоху феодальных междоусобиц, что, впрочем, не прибавляет ему историзма. Повествование изобилует самыми невероятными событиями и носит аллегорический характер. 8 главных героев романа олицетворяют 8 конфуцианских добродетелей. Сообща они противостоят всем искушениям и преодолевают все препятствия. Восстановив в конце концов справедливость в соответствии с принципом «поощрения добродетели и наказания порока», они удаляются в горы вести отшельническую жизнь.

Особое место в литературе и интеллектуальной жизни конца XVIII в. занимал Уэда Акинари. Это был человек ярко выраженного критического направления ума, не признававший никаких авторитетов. Примыкая, в целом, по характеру своих интересов к школе национальной науки, он, вместе с тем, не соглашался с основными выводами ее признанного лидера Мотоори Норинага и его последователей.

Уэда Акинари рассматривал мифы «Кодзики» и «Нихон сёки» как ничем в принципе не отличающиеся от аналогичных сказаний других народов и утверждал, что их нельзя воспринимать как некую сакральную истину и, одновременно, как историческую реальность. Чтобы убедиться в нелепости идеи о превосходстве Японии перед другими странами, он предлагал взглянуть на голландскую географическую карту, на которой Япония выглядела как маленький листик, упавший в огромное озеро. Разговоры же о «японском духе» он называл просто бессмыслицей. Не менее критически Уэда Акинари относился и к догматам буддизма и конфуцианства.

Уэда Акинари принадлежит ряд работ о «Маньёсю», «Кокинсю» и «Исэ моногатари». Он был известен также как сочинитель *кайен* и как автор нескольких рассказов в жанре *укиё дзёси*. Од

нако главным итогом его творческой деятельности стали два сборника рассказов — «Луна в тумане» («Угэцу моногатари»), написанный в 1768 г. и опубликованный в 1776 г., и «Весенние дожди» («Харусамэ моногатари»), вышедший посмертно намного позднее.

Утагава Хиросигэ. Храм Кинрёдван в Асакуса.
Из серии «100 видов Эдо», 1856—1858

В основе рассказов сборника «Луна в тумане» лежат сюжеты, заимствованные из китайских источников и переработанные в духе японских повестей о привидениях. Это, главным образом, случаи общения мира живых с миром умерших или примеры чудесных превращений. Рассказы сборника написаны языком, в котором некоторая нарочитая китаизация блестяще сочетается со стилем лучших образцов хэйанской прозы. Рассказы сборника «Весенние дожди» повествуют, за исключением одного, об обычной земной жизни. Некоторые из них посвящены историческим персонажам, другие основаны на популярных сюжетах или действительных происшествиях. В этих рассказах поражает многообразие жизненных типов и мастерство раскрытия их характеров. Такой точной реалистической прозы японская литература не знала со времени Ихара Сайкаку.

* * *

Несмотря на то, что во второй половине XVIII в. японская литература не выдвинула талантов, которые могли бы занять место рядом с Ихара Сайкаку, Тикамацу Мондзаэмон и Мацуо Басё, литературная жизнь в стране носила весьма оживленный характер. Она отличалась многообразием жанров и значительными объемами литературной продукции. Это предполагало, с одной стороны, наличие достаточно широкого круга читателей и, с другой, — существование соответствующей издательской базы. Оба эти условия имелись в Японии XVIII в.

Изобразительное искусство

Изобразительное искусство эпохи Токугава характеризуется сосуществованием традиционных и новаторских направлений. К традиционалистам принадлежали художники школы Тоса, занимавшие официальные должности при императорском дворе и продолжавшие работать в стиле японской живописи *яматэ*. Однако в тот период они не создали ничего выдающегося. Школа Канб, представители которой, начиная с XIV в., были придворными художниками сёгунов, к тому времени насчитывала 4 основных и 12 младших ветвей. Многие художники, носившие эту фамилию, работали при дворах отдельных *даймё* и имели своего рода монополию на исполнение работ по заказам элиты военного сословия. Внук знаменитого художника Канб Эйтоку — Канб Танъё — был последним выдающимся художником школы Канб. Ему принадлежит заслуга обновления стиля школы путем творческого пере

осмысления достижений других художественных направлений, в том числе школы Тоса.

Выдающимся художником начала XVII в. был Таварая Сбтацу, происходивший из купеческой семьи. О его жизни почти ничего не известно, кроме того, что его ученические годы прошли под руководством мастеров школы Тоса. Однако позднее он создал свой собственный стиль. Его знаменитые композиции на ширмах: «Боги грома и ветра», «Волны у берегов Мацусима» и «Придворные танцы» отличаются смелостью цветовой гаммы и монументальной силой.

Большое значение для Сбтацу имело его творческое содружество с другим выдающимся мастером этого времени — Хонами Козцу. Последний занимался живописью, керамикой, лаком, чайной церемонией, но особенно прославился как каллиграф. Одними из самых выдающихся произведений того времени считаются картины, где рисунок принадлежит Таварая Сбтацу, а *танка* из «Кокинсё» или «Синкокинсё» написана Хонами Козцу.

Конец XVII в. ознаменован появлением еще одного прекрасного художника — Огата Кбрин, ставшего наследником художественного стиля Сбтацу. Огата Кбрин происходил из киотоской состоятельной семьи, торговавшей тканями. Он сам впоследствии прославился своими рисунками для *косодэ* и *кимоно*. Младший брат Огата Кбрин — Кэндзан — также был художником и талантливым керамистом. Кбрин одно время расписывал его вазы. Он занимался и другими видами прикладного искусства — росписью вееров и театральных костюмов, инкрустированием лаковых шкатулок. Однако наибольшую славу ему принесло его мастерство живописца. Как и Таварая Сбтацу, Огата Кбрин писал картины на сюжеты из произведений хэйанской литературы. Но он никогда не подражал Сбтацу в выборе художественных средств для решения избранной им темы.

Знаменитый шедевр Огата Кбрин — пара 6-створчатых «Ширм с изображением ирисов» («Какицубата-дзу бёбу»), где на золотом фоне разбросаны контрастно выделяющиеся группы лиловых ирисов с острыми темно-зелеными листьями. Живописи Огата Кбрин присуще великолепное чувство колорита и свобода композиционного построения.

Направление бундзин Во второй половине периода Токугава в мире японской живописи возникло новое направление, созданное группой почитателей китайского искусства и литературы, известных под именем «*бундзин*» — «просвещенных» деятелей культуры. В Китае термином «*бун-*

дзин» первоначально обозначали людей, занимавшихся изящными искусствами (поэзией, живописью, каллиграфией), но не как профессионалы-ремесленники, делающие это ради заработка, а как любители, считающие подобные занятия естественным времяпрепровождением для каждого образованного человека. Примерно с XIV в. в среде этих просвещенных дилетантов выработался особый живописный стиль *бундзин*, отличавшийся мягким колоритом и изысканностью рисунка. В XVII в. под влиянием почившихся в Нагасаки некоторых китайских художников, представителей этого стиля, в японском изобразительном искусстве возникло аналогичное направление.

Основателями художественного направления *бундзин* в Японии были Янагисава Киэн и Гион Нанкай. Янагисава Киэн был сыном советника одного из *даймё* и со временем унаследовал должность отца. Это был широко образованный человек, знаток конфуцианского канона, а также китайской классической литературы и искусства. Он сам был интересным художником и способным поэтом, сочинявшим китайские стихи и японские *хайку*. Будучи человеком, не стесненным в средствах, он оказывал помощь тем членам группы *бундзин*, которые не могли позволить себе роскошь заниматься искусством исключительно ради собственного удовольствия. Гион Нанкай был видным конфуцианским ученым, художником и автором поэм на китайском языке.

Ведущим художником направления *бундзин* был Икэ Тайга. Он родился в крестьянской семье в окрестностях Киото и с 14 лет начал расписывать веера, помогая матери. Несмотря на то, что Икэ Тайга входил в группу художников *бундзин*, стиль его живописи носил очень индивидуальный характер. Он не ограничивался, как другие члены группы, созданием небольших картин в китайском духе. Его монохромные пейзажи с легкой подцветкой удивительно лиричны. С другой стороны, у него есть картины в стиле Сётацу и Кёрин. В некоторых случаях он даже пробовал применять заимствованную у западных художников линейную перспективу. Одним из лучших произведений Икэ Тайга является созданный им совместно с Ёса Бусон, который был не только большим поэтом, но и прекрасным художником, альбом «Десять удобств, десять удовольствий» («Дзёбэн дзёгидзу», 1771).

Как художник Ёса Бусон знаменит своими иллюстрациями к книге Басё «По тропинкам севера». Будучи сам поэтом и побывав в тех местах, по которым некогда странствовал Басё, Бусон сумел передать дух гениального произведения своего предшественника. Известны также его «Картины к *хайку*» («Хайга»), в которых бле-

стояще сочетается его мастерство поэта и художника. Творчество Икэ Тайга и Ёса Бусон знаменовало собой высшую точку развития направления *бундзин*, которое после этого постепенно сошло на нет.

Влияние западной живописи

Во второй половине XVIII в. в культурной жизни Японии все сильнее стало ощущаться влияние Запада. В области живописи это сказалось, в частности, на появлении реалистической школы, самым видным представителем которой был Маруяма Ёкё. Он родился в окрестностях Киото в семье крестьянина. Уехав в Нагасаки, он познакомился с европейскими иллюстрациями и загорелся желанием освоить новую технику живописи. Ёкё использовал в своих картинах приемы линейной перспективы и светотени. Он также много писал с натуры, что само по себе уже было новаторством. Одной из его лучших картин считается «Ширма с изображением реки Ходзугава» («Ходзугава-дзу бёбу»). Главные усилия Маруяма Ёкё были направлены на создание в своем творчестве некоего синтеза западного и восточного искусства.

В отличие от Ёкё, ряд других художников стремился к полному переходу на манеру европейской живописи. Среди них наибольшей последовательностью отличался Сиба Кёкан. Он был уже достаточно известным мастером, когда, заинтересовавшись западным изобразительным искусством, отправился в Нагасаки, чтобы освоить технику живописи маслом. Ему принадлежат многочисленные картины, выполненные маслом на холсте. Кёкан был также первым японским художником, освоившим технику гравюры на меди. Хотя Сиба Кёкан и не был выдающимся живописцем, его творчество имело значение для расширения арсенала технических возможностей японского изобразительного искусства.

Гравюра *укиёэ*

Одним из самых замечательных видов искусства, созданных городской культурой эпохи Токугава, является гравюра на дереве — *укиёэ*. Основоположником гравюры *укиёэ* был Хисикава Моронобу. Он родился в районе Киото и учился живописи у мастеров старых школ. Однако затем он переехал в Эдо, где влияние представителей традиционных направлений было не так велико. Хисикава Моронобу первый увидел в гравюре не только средство для иллюстрации книг, а самостоятельный вид изобразительного искусства. Он стал создавать авторские альбомы и даже выпускать отдельные листы гравюр, подписывая их своим полным именем, что также было совершенно ново.

Гравюры быстро нашли своего потребителя в лице простых горожан и завоевали прочное место в мире японского изобразительного искусства. Первые гравюры были черно-белыми, потом их стали слегка подкрашивать от руки. А во второй половине XVII века был найден способ создания цветных гравюр, так называемых *нисикиз* («парчевых гравюр»). Первым цветные гравюры стал выпускать Судзуки Харунобу, известный своими гравюрами нежных, грациозных красавиц. Для создания гравюр Харунобу пользовался тремя досками, окрашенными в основные цвета — красный, синий и желтый. В дальнейшем с целью получения более богатой цветовой гаммы стали употреблять до 9 различных досок.

Создание многоцветной гравюры требовало участия трех человек: художника, рисовавшего картину и обозначающего цвета ее отдельных частей, резчика, изготавливающего доски, и печатника, подбиравшего краски и переносившего изображение на бумагу. Автором гравюры считался художник.

Китагава Утамаро.
Женщина пьющая
из рюмки

В соответствии с общими характерными особенностями жанра *укиё* одной из самых популярных тем гравюр было изображение

красавиц полусвета. Их рисовали многие художники, среди которых самым известным был Китагава Утамаро. Галерею женских образов Утамаро отличает необыкновенное богатство оттенков эмоциональной жизни. Он показывает своих героинь в состоянии грусти и радости, тревоги и безмятежности, в интимной, парадной и повседневной обстановке. Утамаро был великолепным колористом значительно обогатившим цветовую палитру полихромной гравюры.

Второй сферой городской жизни, нашедшей широкое отражение в гравюре *укиёэ*, был мир театра. Портреты актеров *кабуки*, в отличие от лирических женских образов, подчеркнута драматичны и экспрессивны. Выдающимся мастером театральной гравюры был Тбсёсай Сяраку. Особенности его художественной манеры проявляются в укрупненных портретах его героев, поражающих зрителя накалом переживаемых ими страстей. Творчество Сяраку знаменовало собой вершину театральной графики *укиёэ*.

Пейзажная гравюра В конце XVIII-начале XIX вв. большую популярность приобрела пейзажная гравюра. Творческое наследие двух лучших мастеров этого жанра — Кацусика Хокусай и его младшего современника Утагава Хиросигэ обращает на себя внимание необыкновенной широтой охвата жизненных явлений. На гравюрах этих художников запечатлены красивейшие пейзажи Японии. Для Хокусай образ родины во многом ассоциировался с красотой горы Фудзи, которую он изобразил с разных точек в разное время дня и года в своей знаменитой серии «36 видов Фудзи». Его гравюры отличает смелость колорита и масштабность композиции. Гравюры Хиросигэ более мягки и лиричны по настроению. Особенной известностью пользуется его серия «53 станции тракта Тёкайдё». Виды, открывающиеся глазу путника вдоль этой главной артерии страны, связывающей Эдо и Осака, запечатлены Хиросигэ с удивительной поэтичностью. Хиросигэ называют последним великим мастером *укиёэ*.

Глава 2

РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ МЫСЛИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Общественная мысль периода Токугава

После окончательной победы Токугава Иэясу над своими противниками обстановке стабилизации политической и экономической жизни страны, перед новым режимом встала задача создания идеологической базы, способной упрочить, а если возможно, то и увековечить социально-политическую систему токугавского сегуната.

Прежде всего *бакуфу* посчитало нужным установить эффективный контроль над сферой религиозной и общественной мысли. Уже в 1613 г. при правительстве была учреждена должность чиновника по делам буддийских и синтоистских храмов (*дзися бугё*). Все буддийские школы должны были представить документы, подтверждающие их право на владение принадлежавшими им храмами и землями. Вслед за тем все население страны было прикреплено к тому или иному храму по месту жительства. Храмы выдавали своим прихожанам свидетельства (*тэраукэ*) в том, что они не являются христианами или членами какой-либо запрещенной секты. Эти свидетельства требовалось предъявлять при перемене места жительства, устройстве на работу, вступлении в брак и в других случаях.

В рассматриваемый период наибольшим числом последователей располагали амидаистские секты Дзёдо и Дзёдо синсю, а также школы Дзэн и Нитирэн. Однако конфессиональная принадлежность прихожан при их прикреплении к определенным храмам не принималась во внимание. Правительственные распоряжения, практически превратившие буддийское духовенство в часть бюрократического аппарата сегуната, сильно ослабили его влияние на интеллектуальную и духовную жизнь народа. К тому же для токугавского режима, ставившего перед собой конкретные политические цели, религиозно-философская система буддизма, центральной идеей которой было спасение всех людей от «колеса жизни» путем достижения состояния полного небытия, вряд ли могла представляться приемлемой в качестве основной идеологической доктрины.

Синтоизм, не обладавший законченной теологической концепцией и разработанной системой морально-этических ценностей, не избежал значительного влияния других распространенных в Японии религиозно-философских учений. Среди них были и даосизм, и конфуцианство, способствовавшее укоренению культа предков в общем комплексе синтоистских верований, но наибольшее влияние на *синто* оказал буддизм. Принятая в буддизме концепция реинкарнации позволила включить синтоистских богов в буддийский пантеон. В свою очередь ряд чужеземных богов стал почитаться в качестве синтоистских божеств. Распространилась практика использования синтоистами буддийских культовых сооружений, не говоря уж о тех случаях, когда буддийский священник одновременно осуществлял функции синтоистского священнослужителя.

Принятие чжусианства в качестве официальной идеологии

В XVII в. синто-буддийский комплекс, известный под названием *рёбу синто*, или *симбуцу конко*, достиг своей завершенной формы. Но принятие синтоизма в качестве официальной идеологии токугавского сёгуната было невозможным из-за центрального места, которое занимал в нем культ императора как представителя прямой линии потомков богини Аматэрасу, которым она поручила управление страной. Поэтому с приходом к власти династии Токугава резко возрос интерес к конфуцианству как возможной идеологической опоре режима. В качестве официальной государственной доктрины было избрано неоконфуцианское учение Чжу Си, которое, в отличие от буддизма, не рассматривало земной мир как юдоль страдания, а, напротив, утверждало, что мир создан в соответствии с изначально совершенным моральным принципом (*ри*). Несчастья же, постигающие людей, объяснялись «неправильным» пониманием порядка вещей во вселенной. Считалось, что люди, особенно правители, ответственные за благоденствие подданных, должны стремиться постигнуть этот порядок, изучая путь, указанный чжусианством (*сюсигакү*).

Новое толкование в чжусианстве получил принцип «человечности», или «гуманизма» — одно из основных положений учения Конфуция. Согласно чжусианству, все люди имеют две природы: первую — идеальную (*сэй*) и вторую — реальную, телесную (*ки-сичү-но сэй*). В соответствии со своей первой природой все люди равны, но по своей второй природе они никогда не могут быть равны не только перед небом, но и по отношению друг к другу. Эта вторая природа определяет фактическое положение человека

в обществе, делая незыблемым принцип «великого долга и деления по именам» (*дайги майбук*), т. е. утверждает неизменность существующего социального порядка и сословной стратификации общества. Нетрудно предположить, что именно эти положения, а не чисто метафизические аспекты чжусианской доктрины, способствовали тому, что эта неоконфуцианская школа была избрана правящими кругами в качестве идеологического обоснования сложившейся государственной структуры.

Основы чжусианской школы в Японии были заложены Хаяси Радзан, который на протяжении 50 лет служил четырем сёгунам. Ему принадлежит более сотни трудов по различным вопросам истории, философии и права. Одним из наиболее известных его сочинений является «Очерк о проблемах конфуцианской этики» («Дзюмон симон року»). К концу XVII в. семья Хаяси получила статус официальных конфуцианских советников сёгуната и наследственную должность глав конфуцианской академии в Эдо.

Идейная борьба вокруг чжусианской доктрины

Получившее статус ортодоксального учения чжусианство, тем не менее, не было в Японии единственной конфуцианской школой вплоть до

1790 г., когда эдиктом правительства изучение всех других направлений конфуцианства было официально запрещено. Но это было уже время явного заката эпохи Токугава.

На первом же этапе неортодоксальные мыслители имели возможность в той или иной форме выражать свои взгляды. Одним из первых ученых, усомнившихся в непререкаемости чжусианской ортодоксии, был Накаэ Тёдзю, придерживавшийся учения Ван Янмина (*Обёмэйгаку*), другого толкователя классического конфуцианского канона, придававшего первостепенное значение интуитивному познанию «пути неба», а не формальному соблюдению предписанных норм поведения. Основанная Накаэ у себя на родине, в провинции Оми, школа Тёдзю сёин пользовалась популярностью и воспитала поколение его последователей.

Другая группа ученых выступала против всех направлений неоконфуцианства как искажающих смысл учения Конфуция и считала необходимым возвращение к его первоосновам. Это направление получило название школы древнего учения (*когаку ха*). Выдающимся ее представителем был Ямага Сокё, блестящий ученый, знаток не только конфуцианства, которое он изучал под руководством Хаяси Радзан, но и буддизма, синтоизма и японской поэзии.

Критикуя неоконфуцианскую доктрину как несоответствующую условиям Японии XVII в., Ямага доказывал, что его современникам гораздо нужнее практическая этика повседневной жизни, которой учил Конфуций, чем метафизические рассуждения Чжу Си. Ямага был одним из первых мыслителей, обратившихся к проблеме существования самураев в условиях наступившего длительного мира, когда значительная часть сословия, не востребованная административным аппаратом сёгуната или отдельных княжеств, оказалась лишенной каких-либо определенных общественных функций.

Ямага проанализировал роль самураев как части правящей элиты и сформулировал основные задачи, стоявшие перед этим сословием на новом этапе. Ямага считал, что самураи не должны более ограничиваться исключительно ролью воинов, и им необходимо заниматься науками и развивать свои не только физические, но и интеллектуальные способности. Первостепенное значение Ямага придавал воспитанию в самураях особого характера, высокого чувства долга и сословной чести (*гири*), своего рода морального императива, которым они должны руководствоваться в любых обстоятельствах.

Ямага был связан со знаменитыми 47 *рбнин*, отомстившими за смерть своего *даймё*. Считается, что именно его взгляды легли в основу кодекса *бусидо*. В последние годы своей деятельности Ямага разрабатывал тему превосходства Японии над другими странами, что сделало его предтечей позднейших националистических теорий японизма.

Другим крупнейшим представителем школы древнего учения был Огё Сорай, выдающийся филолог и философ, политик и экономист. Изучая каноническое конфуцианское шестикнижие, Огё Сорай составил к нему свой собственный комментарий. Сравнивая затем свои выводы с толкованием Чжу Си, он пришел к заключению, что многие положения неоконфуцианской доктрины объясняются просто ошибочным толкованием древних текстов. Центральное место в концепции Огё Сорай занимала категория *лю*, под которой он подразумевал как морально-этические, так и социально-политические нормы, регулирующие жизнь человеческого общества.

Изменения внутриполитической ситуации в стране, связанные с ростом богатства и влияния городской буржуазии и ослаблением экономических позиций самураев, привлекали внимание к проблемам права и государственных институтов также и некоторых сторонников ортодоксального направления.

Одним из них был Араи Хакусэки, занимавший пост советника двух сёгунов и в качестве такового имевший возможность оказывать непосредственное влияние на политический курс правительства. По его рекомендации был ограничен вывоз из страны золота и серебра по каналам внешней торговли. Он также содействовал также сокращению числа торговых судов, имевших право захода в Нагасаки, и строгому ограничению ежегодного объема внешнеторгового оборота.

Араи Хакусэки оставил после себя многочисленные работы по археологии, истории, филологии и социологии. Его научные труды отличает определенный рационализм и стремление опираться на факты. В своих работах по истории Японии он, не ограничиваясь пересказом мифов «Кодзики» и «Нихонги», привлекал также корейские и китайские источники, что методологически приближало их к работам нового времени.

Школа национальной науки

Несмотря на консервативный характер и определенную ограниченность конфуцианского учения, его распространение в токугавской Японии способствовало известному оживлению интеллектуальной жизни в стране. Пристальное внимание к изучению истории Китая, к эпохе формирования системы ценностных ориентаций конфуцианства, характерное для представителей всех направлений конфуцианской науки, пробудило в японском обществе интерес к своему прошлому, к истокам собственной цивилизации. Группа ученых, посвятившая себя изучению этих проблем и сыгравшая важную роль в дальнейшей истории Японии, получила название школы национальной науки (*кокугаку*).

Представители этого направления обратились к исследованиям древних японских литературных и исторических источников в поисках основ подлинно японского духа, не затронутого чужеземным влиянием. Камо-но Мабути, один из крупнейших ученых школы национальной науки, считал, что привнесение в страну китайской цивилизации исказило истинные черты духовности японского народа. Хэйанскую культуру он рассматривал как не имевшую национальных корней и целиком искусственную. В целом Камо-но Мабути провозгласил необходимость вернуться к первоначальному естественному духу японской древности.

Главным трудом его жизни была расшифровка и составление комментария к ставшему в его время уже непонятным текст «Мантёсю», поэтической антологии VIII в., в которой он нашел, сохранившимся в неприкосновенности искомый им дух японской древности. Основой школы национальной науки была филология,

и достижения Камо-но Мабути в этой области сохраняют свое значение по сей день.

Еще более сложный труд предпринял его младший современник Камо-но Мабути — Мотоори Норинага, — посвятивший свою жизнь исследованию «Кодзики», самого древнего памятника японской письменности. «Кодзики» был написан китайскими иероглифами, использованными в одних случаях фонетически для передачи звучания японских слов, а в других случаях — идеографически. Кроме того, в нем имелись отдельные вкрапления на китайском языке, особым образом приспособленном к японской специфике. Все это делало расшифровку этого памятника настолько трудной, что она считалась практически невозможной. Осуществленный Мотоори перевод на современный ему японский язык, анализ и комментарий к «Кодзики», занявший у него около 35 лет, по праву признается одним из выдающихся достижений лингвистической и исторической науки Японии.

В оценке хэйанской культуры Мотоори Норинага не был столь категоричен, как Камо-но Мабути. Изучение «Гэндзи моногатари», «Син кокинсю» и других памятников этой эпохи убедило его в том, что в них проявилась присущая японскому народу способность эстетического восприятия окружающего, нашедшая отражение в одном из основных принципов японской эстетики в так называемом *моно-но аварэ* — печальном очаровании вещей.

Однако, вполне понятное чувство любви к своей национальной культуре привело многих представителей школы *кокугаку* к отрицанию достижений других народов в этой области. Камо-но Мабути не признавал достоинств китайской цивилизации и отрицал ее вклад в развитие японской культуры. Чрезмерное преклонение перед национальным культурным наследием лишило Мотоори Норинага возможности объективно оценивать его значение. Это, в частности, привело к тому, что, начав изучение «Кодзики» как исторического памятника, он пришел к тому, что в конце концов стал рассматривать его как своего рода Священное Писание и предпринял попытку возродить на его основе культ изначальных синтоистских богов.

Следующее поколение представителей школы национальной науки стало интересоваться не столько филологией и историей, сколько политикой и возрождением синтоизма. Влиятельным деятелем неосинтоистского направления был Хирата Ацутанэ. Его работы сыграли значительную роль в выработке идеологической и политической платформы сторонников восстановления императорской власти, а его крайние японоцентристские взгляды

в дальнейшем нашли многих приверженцев среди позднейших ультрационалистов.

Школа Мито Другим направлением, уделявшим большое внимание разработке идеологии синтоизма и освещению истории Японии под этим углом зрения, являлась школа Мито (*Мито гакуха*). Ее основателем был князь Мито — Токугава Мицукун, принадлежавший к одной из боковых ветвей сёгунского дома. По его распоряжению в 1658 г. была начата работа по составлению многотомной «Истории Великой Японии» («Дайнихон си»). Этот обширный труд, написанный в духе классической китайской хроники без какой-либо критической оценки сообщаемых сведений, по существу, представлял собой историю императорского дома, начиная с легендарной даты основания империи в 660 г. до н. э.

Трудно предположить, что «История Великой Японии» была задумана как выражение оппозиционных взглядов по отношению к сёгунскому дому Токугава. Однако сам метод изложения материала, сводивший историю страны к истории священного императорского дома, божественное происхождение и предназначение которого постоянно подчеркивались, сделал этот труд чрезвычайно популярным в рядах противников сёгунской власти. Поэтому историческая школа Мито, целью которой первоначально, по видимому, было установление гармонического единства двух ветвей власти, сыграла не последнюю роль в идеологической подготовке реставрации Мэйдзи.

«Голландоведение» Наконец, еще одним направлением в интеллектуальной жизни токугавского общества, сначала не слишком заметным, но с течением времени начавшим приобретать все большее значение, было так называемое голландоведение (*рангаку*). Политика «закрытия» страны не могла полностью изгладить память о почти целом столетии общения с европейцами. О «южных варварах» напоминало существование торговой голландской фактории на о-ве Дэдзима, регулярные посольства голландцев оттуда в Эдо ко двору сёгуна и ежегодное прибытие голландского корабля.

Конечно, сфера общения японцев с европейцами была ограничена чрезвычайно узкими рамками. Помимо трудностей, вытекавших из официальных запретов властей на подобное общение, огромным препятствием служил языковой барьер. Тем не менее отдельные сведения о достижениях Запада просачивались в страну по различным каналам. Одной из областей, вызывавших у японцев особый интерес была медицина. Возможно, этому спо-

собствовало постоянное присутствие среди персонала фактории докторов, способных дать квалифицированные пояснения по этой отрасли европейской науки. Один из докторов — Э.Кемпфер, живший на о-ве Дэдзима в конце XVII в. и дважды посетивший Эдо с представителями фактории, — по возвращении на родину написал «Историю Японии», ставшую на долгое время источником наиболее достоверных сведений в Европе об этой стране.

Начало сколько-нибудь серьезного японского «голландоведения» следует отнести примерно к середине XVIII в., когда сёгун Ёсимунэ разрешил ввоз в Японию голландских и китайских книг по различным отраслям западной науки, при условии, что они никоим образом не будут касаться вопросов христианской религии. Стала очевидной необходимость изучения голландского языка, и по приказу Ёсимунэ была начата работа по составлению голландско-японского словаря. В 1758 г. после многолетних усилий был составлен весьма неполный словарь под названием «Краткое описание голландской письменности» («Оранда модзи рьякки»). Но и после этого основным источником сведений о Западе служили, по-видимому, книги на китайском языке, многие из которых являлись переводами с европейских языков, выполненными христианскими миссионерами в XVII–XVIII вв.

С 1811 г., когда в Эдо было основано специальное бюро по переводу иностранных книг, «голландоведение» получило возможность развиваться на более солидной научной основе. Большинство голландоведов (*рангакуся*) интересовалось научными дисциплинами, имевшими практическое применение: медициной, астрономией, навигацией, техникой, военными науками, несколько позднее — ботаникой, зоологией и физикой.

Ознакомлению японцев с европейской наукой во многом содействовали такие служащие голландской фактории, как медик и естествоиспытатель К.Тунберг и натуралист Ф.Зибольд. При их помощи первые голландоведы — Сугита Гэмпаку, Маэно Рётаку и их ученик Ёцуки Гэнтаку — составили «Учебник для начинающих изучать голландскую науку» («Рангаку кайтэй»).

Одним из наиболее известных ученых, стремившихся освоить достижения западной науки, был Хонда Тосиаки, изучавший математику, астрономию, географию, навигацию и военное дело. Хонда любил сравнивать Японию как островное государство с Англией и считал, что его родина должна проводить аналогичную внешнюю политику. Он был сторонником расширения внешней торговли и даже высказывался в пользу отказа от курса «закрытия» страны. Однако направленный против всякого инакомыслия

правительственный указ 1790 г. сделал открытое выражение подобных взглядов затруднительным и небезопасным.

Религиозное реформаторство и атеизм

Несмотря на постоянно принимаемые сегунским правительством меры контроля над интеллектуальной жизнью страны, приостановить полностью движение общественной мысли было невозможно. В работах японских мыслителей этого периода легко обнаружить некоторые черты, которые можно определить как элементы формирования мировоззрения нового времени. Постепенно исчезала трансцендентная направленность религиозно-философской мысли, появлялся критический взгляд на установившуюся систему ценностей, возникал интерес к отдельной личности, до того полностью интегрированной в социальную группу.

Андō Сѐэки, известный конфуцианский ученый, порицал священнослужителей и монахов за то, что они, присвоив себе исключительное право толкования путей неба, торгуют истиной, чтобы жить не работая. В своем сборнике эссе «Истинные принципы природы» («Сидзэн синъэйдō») он дал развернутую критику феодального общества и нарисовал картину утопического крестьянского государства, где царят законы всеобщего равенства.

В тот же период ряд буддийских ученых приступил к серьезному критическому анализу канонических текстов. Дзиун Сондзя начал с этой целью изучение санскрита, в то время, как прежде богословы довольствовались китайскими текстами, и мысль о необходимости их уточнения не приходила им в голову.

Наиболее последовательную критику догматической теологии можно найти у одного из самых оригинальных японских мыслителей Томинага Накамото. Хотя его и нельзя назвать атеистом в полном смысле этого слова, он довольно близко подошел к этому по своим взглядам. Томинага проанализировал все 3 распространенные в Японии религиозно-философские системы и показал эволюцию их догматики в ходе исторического развития. В своих трудах «Об ошибках» («Сэцухэй») и «Записки старика» («Окина-но фуми») Томинага стремился раскрыть внутреннюю логику развития каждой из этих трех идеологических систем, принимая при этом во внимание язык, на котором излагались эти учения на различных этапах истории, а также национальный, социальный и культурный фон, на котором возникло и эволюционировало каждое из них. Он был единственным из буддийских богословов своего времени, который проанализировал противоречия, встречающиеся в различных сутрах, и объяснил их значение в социально-историческом аспекте. Это был уже научный подход к истории ре-

лигии. Его критика буддизма была охотно использована представителями школы национальной науки, полностью проигнорировавшими при этом то обстоятельство, что Томинага религиозную доктрину *синто* вообще не рассматривал как самостоятельную. В целом, Томинага пришел к выводу, что ни одна из религий не может претендовать на обладание абсолютной истиной.

Еще более радикальные взгляды высказывал последователь Томинага Накамото — Ямагата Банто, — вообще отрицавший существование богов и любых сверхъестественных явлений. Он не верил также в возможность загробной жизни, считая, что душа неотделима от тела человека и, следовательно, исчезает с его смертью. Тем более странным ему казалось приписывание души горам, камням, деревьям и т. д., как это имеет место в *синто*. В целом, по мнению Ямагата, для объяснения поведения человека и его жизни не следовало искать причин в чем-либо другом, кроме земной жизни.

Появление новых религиозных и философских учений

Движение религиозного реформаторства привело в тот период к возникновению ряда новых религий (*сингаку*, *куродзумикё*, *тэнрикё* и др.), для кото-

рых было характерно стремление к рационалистическому толкованию религиозных догм, упрощение обрядности и отрицание религиозного формализма. Основатель учения *сингаку* («религии чистого сердца») Исида Байган проповедовал следование естественным законам и не придавал значения строгому исполнению установленного ритуала. Его учение, обращенное к 4-му, низшему в токугавском обществе, сословию, объективно носило демократический характер. Соответственно, Исида не принял на себя роли харизматического проповедника и всячески подчеркивал отсутствие непроходимой пропасти между священнослужителями и мирянами.

В работах некоторых ученых того времени наметился отход от метафизического метода мышления. Оригинальную диалектическую теорию можно обнаружить в трудах Миура Байэн, который считал главной задачей ученого осмысление целого, состоящего, как он полагал, из антитез (*хан*). Такими антитезами были для него, в частности, инь и ян, которые, находясь в противостоянии, тем не менее, должны восприниматься как единое целое, как синтез, обозначенный им термином «*ханкан гошшу*», т. е., выражаясь современным языком, единством противоположностей.

Тогда же была выдвинута совершенно новая идея равенства сословий. Исида Байган писал, что разные сословия служат госу-

дарству на различных поприщах, но выполнение каждым из сословий своих обязанностей в равной степени необходимо для общества. Выступая против взгляда на купцов как на низшее, непроизводительное сословие, он приравнивал торговую прибыль купца к рисовому пайку самурая. Мысль о равенстве призваний, будь то призвание война, земледельца или купца, высказывал и Судзуки Сёсан. Примерно те же идеи можно найти и в работах Ниномия Сонтoku, получивших широкое распространение перед реставрацией Мэйдзи.

* * *

В целом, религиозная реформаторская деятельность с ее четко выраженными антиклерикальными и частично даже атеистическими тенденциями, гуманистическая направленность общественной мысли, отстаивавшей достоинство людей низшего сословия, идею равенства всех членов общества, критика существующей социальной системы — все это были черты, характеризовавшие мировоззрение людей нового времени. Правда, на японской почве это новое мировоззрение не получило такого развития и не захватило таких широких слоев населения, как в свое время в Европе. Тем не менее, оно не может быть проигнорировано. Без учета развития общественной мысли в этом направлении было бы трудно понять тот стремительный скачок, который совершила Япония после революционных событий Мэйдзи *исин*.

Состояние образования

Япония периода Токугава располагала разветвленной системой школьного образования. Простонародье посещало общинные, прихрамовые школы (*тэракоя*), где обучали чтению, письму и начальным правилам арифметики. Преподавался также курс этики, имевший целью воспитать в учащихся будущих законопослушных подданных.

Сеть *тэракоя* охватывала практически всю страну. Считается, что к началу XIX в. их число достигало примерно 11 тыс. Эти школы иногда посещали и дети самураев низких рангов. Но в целом сословие самураев имело свои отдельные, существовавшие в каждом княжестве клановые школы (*ханко*), куда простонародье не допускалось.

Клановые школы были различными по уровню. Некоторые были рассчитаны на детей младшего возраста, получивших начальную подготовку в домашних условиях. Курс обучения в школах, принимавших детей старше 11 лет, включал в себя военные и

гражданские науки. Под последними подразумевалось изучение китайского языка, классического конфуцианского канона, истории и литературы Китая и Японии, а также права. В число военных предметов входили фехтование на мечах, стрельба из лука, верховая езда и пр., а в конце данного периода — и отдельные западные военные дисциплины, в частности, баллистика.

Помимо общинных *тэракоя* и клановых *ханко* существовали еще и частные школы высшего уровня (*дзюку*), в которых учащиеся, уже имевшие общую подготовку, занимались более углубленным изучением какой-либо определенной области наук. Школы *дзюку* обычно создавались крупными учеными, имена которых были способны привлечь значительное число учеников. Число этих школ постоянно колебалось, поскольку часто бывало, что после смерти лидера его школа переставала существовать. Так произошло, например, со школой Мотоори Норинага в Мацудзакэ. Другим школам удавалось избежать подобной участи. Так, школа Кёгидё, основанная известным *кангакуся* (приверженцем китайской науки) Итё Дзинсай, продолжала оставаться крупным учебным центром и после его смерти. Школы *дзюку* представляли собой интересное явление в социальном плане. В них собирались люди из разных концов страны; более того, там обучались люди разных сословий — и самураи, и горожане. Это обстоятельство способствовало формированию городской интеллигенции, свободной от региональных и сословных связей. Не менее важно то, что *дзюку* охватывали самые различные отрасли знания того времени и уделяли исключительное внимание западным наукам.

Широкое развитие системы школьного образования создало в Японии значительную прослойку грамотного населения, что впоследствии имело огромное значение для успешного осуществления процесса модернизации страны после реставрации Мэйдзи.

Развитие книгопечатания

Важную роль в культурном процессе сыграл быстрый прогресс в области книгоиздательского дела. Печатание ксилографическим способом было известно в Японии еще в VIII в. Однако вплоть до XVII в. книгопечатание практически целиком находилось в руках монастырей и, соответственно, ограничивалось изданием буддийской литературы и, отчасти, китайской и японской классики. Круг читателей этой литературы состоял, главным образом, из буддийского духовенства и представителей аристократии. Рост городского населения и его выход на ведущие роли в культурной жизни

страны потребовал издания другой литературы — и по тематике, и по объему. Ощущалась явная потребность в расширении полиграфической базы.

В XVI в. португальские миссионеры познакомили японцев с наборной кассой, привезенной ими для издания христианской литературы. Однако вскоре на христиан начались гонения, и португальский способ печатания был забыт. Практическое применение наборных касс началось только после 1592 г., когда во время похода Тоётоми Хидэёси в Корею в одном из помещений королевского дворца был обнаружены медные литеры и приспособления, необходимые для их использования. Привезенные из Кореи книги, представлявшие собой образцы высокого полиграфического искусства, побудили японцев быстро освоить новый способ печатания. Им стали печататься книги, издававшиеся по повелениям императоров и *бакуфу*.

Постепенно стало распространяться и частное книгопечатание. Среди первых издателей оказались врачи, откликнувшиеся таким образом на потребность общества в медицинской литературе. Появились и чисто коммерческие типографии, создававшиеся профессионалами. Монополия монастырей и высшей знати в издательском деле была ликвидирована.

Вокруг некоторых возникших в то время коммерческих издательств сложилось нечто вроде кружков писателей. В Киото центром такого кружка стало издательство Хатимондзия, специализировавшееся на выпуске книг в жанре *укиё дзёси*. Не менее известным было также основанное знаменитым художником, гравюром и каллиграфом Хонами Козцу и Суминокура Соан издательство в Сага, выпускавшее прекрасно оформленные книги, так называемые *сагабон*. Спрос на подобного рода издания был так велик, что в больших городах возникли даже коммерческие библиотеки, где можно было за определенную плату брать книги на дом.

Некоторое время казалось, что в Японии окончательно утвердился метод печатания с использованием наборных касс, но во второй половине периода Токугава произошел постепенный возврат к ксилографическому способу. Причиной этого было широкое распространение пользовавшихся любовью читателей иллюстрированных изданий — *экон*. В подобных книгах гравюра, занимавшая основную часть страницы, имела не меньшее, а подчас даже большее значение, чем помещавшиеся сбоку или сверху несколько строк текста. К тому же считалось, что текст, набранный отдельными знаками, а не каллиграфической вязью, разрушал целостное эстетическое восприятие страницы.

Кроме того, технический регресс был, возможно, связан с распространением идей школы национальной науки, ратовавшей за искоренение всего чужеземного и возврат к собственным исконным традициям. Правда, при этом как-то упускалось из виду, что ксилография в свое время также была заимствована из Китая. Так или иначе, но окончательный переход на печатание с использованием наборных касс произошел в Японии только после реставрации Мэйдзи.

Любопытной особенностью книгопечатного дела того времени была тесная связь между литературным жанром произведения и полиграфическим оформлением книги. Дешевые сборники рассказов выпускались в красной обложке, они так и назывались «красные книги» (*акахон*). Пьесы для театров Кабуки и Дзёрури в зависимости от степени серьезности печатались в черной или голубой обложке (*курохон* и *аохон*). В желтой обложке издавалась юмористическая литература. Такое оформление книг помогало читателям свободно ориентироваться в выпускаемой продукции.

Прообраз периодических изданий

В начале XVII в. в крупных городах Японии стали появляться небольшие газетные листки — *каварабан*, печатавшиеся с глиняных табличек, которые были дешевле деревянных досок. Самый старый из сохранившихся газетных листков такого рода относится к 1615 г. и содержит сообщение о победе Токугава Иэясу над Тоётоми Хидэёри. Обычно же, главное место в газетках занимали скандальные городские новости, подробности жизни обитателей веселых кварталов и пр. Однако подобная тематика вскоре была запрещена правительством.

В 1722 г. было принято «Постановление об изданиях», просуществовавшее до 1869 г., когда во многом на его базе был издан мэйдзийский закон о печати. На основе «Постановления» вся издававшаяся литература подлежала цензуре. Особо запрещался выпуск книг, содержавших интимные подробности из жизни Токугава Иэясу и других членов сёгунского дома. Запрещалось издание порнографической литературы, причем под это определение попадали повести Ихара Сайкаку и пьесы Тикамацу Мондзаэмон о самоубийствах влюбленных. Запрещался также выпуск любой неортодоксальной литературы по вопросам конфуцианства, буддизма и синтоизма. Но, несмотря на подобные draconические меры, властям не удалось полностью достичь поставленных целей. Издательское дело в Японии продолжало развиваться и сыграло важную роль в распространении образования и выработке новых ценностных ориентаций в народной среде.

Глава 3

ГОЛЛАНДСКИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ ЯПОНИИ

Вторая половина XVIII в. в Японии была отмечена возросшим интересом к западным наукам. Можно сказать, что в этот период японцы при своем общении с Западом переключили свои интересы на интеллектуальную сферу. Огромный толчок распространению западных знаний дал изданный в 1720 г. указ сёгуна Ёсимунэ о разрешении ввоза в Японию книг по прикладным наукам.

Носителями европейских знаний для японцев являлись голландцы. Правда, среди обитателей голландской фактории было не так-то много людей по-настоящему образованных и культурных. Но все же японцам повезло, что длительное время они имели дело именно с Голландией, которая была более развитой страной, чем Испания и Португалия. Голландцы быстро переводили на свой язык все значительное, что появлялось в Европе. Поэтому в переводе на голландский в Японию попадала литература многих европейских стран. Голландия более двухсот лет играла роль своеобразного моста между Европой и Японией, и каким бы хрупким и узеньким не был этот мостик, он служил проводником новых веяний, узнать которые стремились передовые люди Японии тех лет.

Изучение голландского языка в Японии

Разрешение на ввоз в Японию книг по прикладным наукам дало возможность изучать голландский язык более широкому кругу японцев. Чтобы японские ученые могли читать эти, использовать в практических целях европейские книги по астрономии, медицине, математике и т. п., в конце своего правления, в 1741 г., сёгун Ёсимунэ разрешил нескольким японцам отправиться в Нагасаки, чтобы изучить там голландский язык.

По приказу Ёсимунэ голландский язык изучали Норо Гэндзё и Аоки Конъё. Хотя Аоки был специалистом по китайскому языку и литературе, сёгун поручил ему составить японо-голландский словарь. Эта работа была закончена в 1758 г. Аоки долгие годы продолжал изучение голландского языка, используя ежегодный приезд голландской миссии в Эдо. За свои заслуги был удостоен почетного титула «отца голландских знаний в Японии».

Норо Гэндзё должен был освоить научную терминологию голландских книг. Позже ему поручили хранение получаемых из

Голландии книг, их просмотр и отбор наиболее ценных для перевода. Он получил титул «управляющего» голландскими книгами.

Так постепенно «голландская наука» выходила за пределы узкого круга официальных переводчиков. В дальнейшем это привело к формированию особой школы *рангакуся* («голландоведов»), представители которой являлись пропагандистами европейской науки и выступали за расширение связей с заграницей, за что нередко подвергались преследованиям со стороны *бакуфу*. Но истоки школы *рангакуся* следует искать в деятельности небольшой группы японцев-переводчиков, которая изо дня в день контактировала с голландцами сначала в Нагасаки, потом на о-ве Дэдзима. Они были первыми, кому открывался далекий западный мир, так отличавшийся от Японии.

Надобность в переводчиках, знающих голландский, появилась гораздо раньше. Следует вспомнить, что долгое время главным в общении с иностранцами был португальский язык. Но после изгнания португальцев из Японии практическая надобность в этом языке отпала и голландский язык более двух столетий являлся единственным языком общения с иностранцами. Правда, постепенно появились японцы, владевшие и другими европейскими языками, но их было чрезвычайно мало.

Японцы, имевшие ежедневные контакты с голландцами при заключении торговых сделок, являлись не только переводчиками — они сочетали в себе функции и торговых агентов, и шпионов. Каждый переводчик имел определенный ранг, от этого зависела его жалованье. У них был свой глава — *цудзиката-но касира*. В течение XVIII в. сложились следующие ранги переводчиков.

Оцудзи — старший переводчик; 5 человек, занимавших эту должность получали 11 *каммэ*.

Коцудзи — младший переводчик; их было трое, им причиталось 7 *кан* 300 *мэ*.

Коцудзисукэ — помощник у младшего переводчика, и *коцудзинами* — младший переводчик среднего класса; они получали 3 *каммэ*.

Коцудзимассэки — младший переводчик низшего класса; получал 3 *каммэ* или 3 *кан* 170 *мэ* или вообще работал без оплаты.

Кэйкоцудзи — начинающий переводчик получал 3 *каммэ* или 2 *кан* 170 *мэ* или не получал ничего.

Найцудзи — переводчик, который получал комиссионные за перевод во время ежегодных продаж голландских товаров. Его оплата составляла 2 *каммэ* или 170 *мэ* или ему не платили.

К концу XVII в. переводчиков всех рангов было более 100 чел., а к концу периода Токугава их насчитывалось более 140.

Переводчики на о-ве Хирадо не были государственными служащими. Их нанимали голландцы, так же, как они нанимали слуг из местного населения. 8 семей переводчиков переехали с о-ва Хирадо на о-в Дэсима: Хидэсима, Иномата, Исибаси, Кимоцуке, Намура, Садаката, Такасаго и Ёкояма. Семья переводчиков Ниси переквалифицировалась с португальского языка на голландский, а семья Баба — с китайского на голландский. На о-ве Дэдзима к переехавшим семьям переводчиков добавились семьи Хори, Имамура, Кафуку, Мотоки, Нарабаяси и Сигэй, в которых ремесло переводчика тоже являлось наследственным. Они представляли собой своего рода закрытую корпорацию переводчиков-профессионалов, большая часть из которых находилась в родственных связях друг с другом — браки, как правило, заключались внутри этой корпорации.

Переводчики создали своего рода гильдию, и дело переходило от отца к сыну. Конец XVII в. можно охарактеризовать как своего рода расцвет этой профессии. Только приобщившись к ней, и можно было что-то узнать о Западе.

Изучение чужого языка с абсолютно несхожей грамматической структурой в то время было делом довольно трудным — не было ни словарей, ни учебников, ни настоящих учителей. Сохранились сведения, относящиеся ко второй половине XVII в. о том, как было обучение голландскому языку на первых порах. Обучение было устным. Голландские слова транскрибировались японской азбукой *катакана* и при этом сильно искажались (надо помнить, что в японском языке нет буквы «л», и кроме того, отсутствуют закрытые слоги).

Позднее, японцев стали обучать и голландскому письму. В 1671 г. *бугё* Нагасаки распорядился отправить на о-в Дэдзима мальчиков в возрасте 10–12 лет, где их должны были обучать чтению и письму по-голландски. В 1673 г. мальчики в возрасте 12–13 лет, сыновья переводчиков, ежедневно приходили в факторию, где ее жители в установленные для них дни давали детям уроки. Сохранился список учеников, относящийся к 1693 г., каждому давалась оценка его способностей и уровня знаний голландского языка.

чем *бакуфу* не делало различия между религиозной литературой и литературой иного профиля. Подлежали уничтожению даже книги по китайской истории, если там упоминалось о христианских миссионерах и т.д. Но в тексте указа 1630 г. речь не шла конкретно о книгах, написанных по-голландски. Возможно, что *бакуфу* не давало полного запрета на ввоз иностранной литературы. Судя по всему, переводчики в Нагасаки не только видели голландские книги, но и старательно учились читать по ним.

Кроме того, *бакуфу* получало книги в виде подарков. В 1650 г. власти *бакуфу* попросили у голландцев книгу по анатомии; в 1659 году сёгун получил в подарок копию книги XVI в. по ботанике, а в 1663 г. — голландское издание перевода с латинского книги о животных с иллюстрациями М.Мериана. Другое дело, что многие книги долгое время беспечно хранились в библиотеке сёгуна, и попали в руки японских ученых лишь в XVIII в. Так что книги из Голландии привозились в Японию даже тогда, когда антихристианские меры были особенно суровыми.

В дальнейшем голландские книги, особенно по медицине и астрономии, были постепенно включены в Японию в научный и образовательный оборот. Они стали доступны японцам благодаря подвижническому труду Сугита Гэмпаку, Маэно Рётаку, Такэба Сэйан, Оцуки Гэнтаку, Удагава Гэндзуй, Имамуре Сампаку, переведивших их на японский язык.

Распространение европейских научных знаний

Освоение европейской медицины

Влияние «голландской» (т. е. фактически европейской) науки было наиболее сильным в медицине, и именно она являлась главным объектом изучения. Следует отдать должное практичности японцев — они всегда старались заимствовать у иностранцев прежде всего то, что можно было с пользой применять в повседневной жизни.

До того, как европейские медицинские знания начали проникать в Японию, в стране царствовала китайская медицинская школа (*кампо игаку*). В Японию эти знания попали через Корею, и древняя корейская медицинская школа в немалой степени спо-

состоялось не позднее 608 г., когда в Китай прибыли японские лекари для усвоения медицинских знаний. После многолетнего учения в 623 г. они вернулись на родину с книгами и лекарствами.

В токугавской Японии китайская медицина полностью доминировала в лечебной практике. Но, в отличие от Китая, в Японии не существовало строгих правил для получения звания лекаря. В Китае надо было пройти курс обучения и систему экзаменов, и только после этого можно было получить доступ к медицинской практике. В Японии же профессия врача была скорее наследственной и часто мало зависела от индивидуальной квалификации. Не было никакой системы выдачи лицензий, и человек, который хотел заниматься медицинской практикой, просто объявлял себя лекарем. Тем не менее, социальный статус лекарей был весьма высок, поскольку согласно китайской конфуцианской традиции, эта профессия считалась уважаемой. Их престиж еще более возрастал, если они получали покровительство официальных лиц или *даймё*.

Появление голландцев в Японии совпало с периодом, когда в XVII в. медицина в Европе достигла большого прогресса. Но кроме книг, большую роль в распространении медицинских знаний и обучении японцев сыграли врачи, в разное время работавшие в штате голландской фактории.

Всего за время существования голландской фактории в Японии побывало 150 врачей. Большая часть из них не имела высшего медицинского образования и не обладала хорошей квалификацией. Те же, кто получил образование в лучших университетах и добился успехов до своего приезда в Японию, оставили заметный след в развитии медицины в стране. Их имена сохранились в японской истории, и их портреты можно увидеть в музеях.

Первым врачом с университетским образованием, приехавшим в Японию, был Виллем ван Рийне. Он окончил Лейденский университет, позже учился в Сорбонне. Он интересовался традиционной японской медициной и благодаря его работам в Европе узнали о методах иглоукалывания и прижигании, применявшихся в Японии. Яркий след оставил в Японии Э.Кемпфер. Немец по национальности, он обучался в нескольких университетах Европы и не только обладал глубокими медицинскими знаниями, но и был широко образованным человеком. В этом же ряду находится и Ф.Зибольд, также немец, имевший обширные знания не только в области медицины, но и ботаники, зоологии, географии, культуры и т. д. Образованным человеком был и швед К.Тунберг, работавший в Японии врачом в 1775–1776 гг.

Как ни странно, первыми «специалистами» в европейской медицине стали японские переводчики. Дело в том, что им вменялось в обязанность не только переводить, но и надзирать за голландцами. Когда кто-либо из голландцев заболел, японцы-переводчики присутствовали при лечении, хирургических операциях и т. п. Поскольку во время всех лечебных процедур произносились латинские названия, японцы запоминали их, и в дальнейшем успешно изображали из себя врачей перед соотечественниками; правда, хирургия внушала им страх. К этим «врачам» часто обращались за помощью, и, как ни странно, им довольно часто удавалось вылечить больных, и они имели от этого хороший доход.

Но постепенно в Японии складывались свои династии врачей европейской школы со своими методами лечения. Например, в конце XVII в. весьма успешно практиковал Нарабаяси Тиндзан (Сингобэй). Он происходил из семьи потомственных переводчиков из Нагасаки. Поэтому Нарабаяси с детства обучался писать и говорить по-голландски, потом совершенствовал свои знания под руководством врачей фактории и через 20 лет получил ранг старшего переводчика. В 1691 г. он был назначен официальным врачом при *бакуфу*. В 1706 г. он написал два трактата, где описал свои методы хирургического лечения.

Кроме того, профессию врача в европейском понимании стали приобретать люди, которые никак не были связаны со средой переводчиков. Так, большой известностью пользовался Арасияма Хбан. Он был сыном торговца из провинции Тикудзэн, в Нагасаки обучался западной медицине, и в 1665 г. получил свидетельство от врача голландской фактории Даниеля Буша.

Все же следует отметить, что несмотря на распространение западных медицинских знаний, китайская медицина не утратила в Японии своего значения и сохраняла доминирующее влияние в медицинской практике.

Формирование школы *рангаку*

Хотя в XVIII в. медицина по-прежнему оставалась главным объектом изучения, японцы начали проявлять интерес и к другим отраслям знаний — ботанике, астрономии, а в XIX в. — к европейской технике, технологии, методам

Один из первых анатомических рисунков японских врачей. Первое вскрытие было проведено в Японии в 1754 г.

управления. До берегов Японии добрались и западные общественно-политические идеи.

В 70-х годах XVIII в. в Японии появилось слово «*рангаку*» («голландская наука», «голландоведение»). «Голландоведами» (*рангакуся*), в отличие от японцев-переводчиков в Нагасаки, стали называть ученых, интересовавшихся западными науками. Разумеется, интересы «голландоведов» не ограничивались собственно Голландией. Термин «*рангаку*» имел в Японии гораздо более широкий смысл. Вместе с голландскими книгами в Японию пришли знания всей Европы. Поэтому вскоре наряду с «*рангаку*» появился термин «*ёгаку*» (иностранные знания), который более точно отражал суть явления. Можно сказать, что школа «голландской» науки (*рангаку*) постепенно стала школой европейской науки (*ёгаку*). Рамки ее значительно расширились.

Названия «*рангаку*» и «*ёгаку*» заменили бытовавший ранее термин «*бангаку*» («варварская наука»), что свидетельствовало о возросшем уважении к западным знаниям. Занятие *рангаку* переходило в разряд достойных, вполне приличествующих человеку благородного сословия.

Постепенно знание одного лишь голландского языка сделалось недостаточным — в Японию все чаще попадали книги и на других европейских языках. Обучение им началось в 1808 г., когда Хенрик Дёфф, директор фактории, стал давать уроки французского языка шестерым ученикам. В следующем году группа японцев начала заниматься русским и английским языками, и с того времени оба эти языка стали регулярно изучаться.

В XIX в. появилось много частных школ, где изучались западные науки. В такие школы *даймё* направляли молодых самураев из своих владений. Как правило, главным предметом в них была медицина, но во многих школах программа обучения была шире.

Например, Огата Кобан, который ранее сам изучал медицину в Эдо и в Нагасаки у голландского врача Иоханеса Эдвина Нисмана, открыл на одной из центральных улиц Осаки школу под названием Тэкитэкисай дзюку. В ней, кроме медицины, преподавали ботанику, химию и баллистику. Среди его учеников были Фукудзава Юкити, в будущем виднейший японский просветитель, и Сано Цунэтами, будущий организатор Красного Креста в Японии.

Роль княжеств в освоении европейских знаний

С конца XVIII—начала XIX вв. интерес в Японии к западным знаниям еще более усилился. Особенно ярко он проявлялся в от

дельных княжествах, главы которых интересовались ими в чисто практических целях. Создавать условия для изучения западной научной литературы в своих владениях их заставляла практическая необходимость: европейские знания были нужны для того, чтобы справиться с экономическими трудностями, решить вопросы обороны и сельского хозяйства, развивать у себя в княжествах промышленные производства.

Как шло освоение западных знаний в Японии в это время можно продемонстрировать на примере некоторых княжеств.

Княжество Сага Княжество Сага находилось недалеко от Нагасаки. Правитель этого княжества Набэсима Наомаса, у которого были тесные контакты с голландцами, сыграл большую роль в изучении западных наук. В своем княжестве Набэсима активно находил практическое применение западным знаниям. В 1834 г. он открыл школу Рангакурё, где велось обучение западной медицине. Кроме того, он укрепил оборону побережья своих владений, освоил литье, и в 1853 г. в княжестве была отлита пушка.

Многими своими мероприятиями в деле укрепления обороны княжество было обязано Такасима Сёхан. От своего отца он унаследовал должность городского старшины Нагасаки (*матидосиёри*). Чтобы модернизировать оборону города (защита его была обязанностью княжества Сага), Такасима детально вник в европейскую военную науку. На свои собственные средства он закупил через голландцев ружья, полевые пушки и мортиры. Голландцы, жившие на о-ве Дэдзима, обучили его как применять это оружие. Такасима изучал и западные полевые уставы и проводил артиллерийские учения. Все это он продемонстрировал властям *бакуфу* во время парада в Эдо в 1841 г.

Инициатива Такасима пришлась как нельзя кстати — *бакуфу* знало о печальных для Китая результатах англо-китайской опиумной войны. Поэтому *бакуфу* не только наградило Такасима, но и поручило ему организовать обучение новой западной военной технике.

Такасима Сёхан успел обучить 280 *даймё* и самураев, но против него ополчились те, кто отрицательно относился к распространению западных знаний. Особенно резким нападениям подвергся за то, что выступил за открытие страны для внешней торговли. Консервативная конфуцианская группировка внутри правительства добилась его высылки из Эдо. Затем он был посажен в тюрьму, откуда его освободили лишь в 1853 г. Но его идея о необходи-

мости овладевать западной военной техникой нашли отклик не только в Сага, но и в других княжествах.

Распространение в Японии западных знаний было невозможно остановить никакими репрессивными мерами, поскольку это было вызвано практическими потребностями времени. Причем эти потребности вовсе не сводились только к вопросам военной техники и обороны.

Княжество Сацума

Симадзу Сигэхидэ, глава княжества Сацума и тесть сёгуна Иэнари, проявлял интерес ко всему спектру естественных наук. Его очень интересовали пути повышения продуктивности сельского хозяйства. Он стремился расширить производство у себя в княжестве, поощрял ремесла и расширял внешнюю торговлю. В 1771 г. с разрешения *бакуфу* он отправился в Нагасаки, где осмотрел голландское судно, конструкция которого ему очень понравилась. В Нагасаки он остановился в доме переводчика Имамура Гэнъуэмон (Акинори), общаясь с которым, он почерпнул много знаний о западной культуре. В 1779 г. он построил обсерваторию при школе Мэйдзикан, где велось изучение астрономии под руководством переводчика Мацумура Гэнко.

Кроме того, Симадзу Сигэхидэ разбил сад с лекарственными растениями и написал книгу о птицах, в которой их названия были указаны на латыни. Он также переписывался с Ф.Зибольдом, используя *ромадзи* — латинскую азбуку.

Следующий глава княжества Симадзу Нариакира в освоении западных знаний делал акцент на военные новшества и значительно укрепил оборону Сацума. Однако, он также не ограничился этим и основал в своей столице Каросима школу Рангаку кёсёйдзё специально для изучения западных наук. Он не только приглашал ученых к себе в княжество, но и заботился о подготовке собственных кадров, отбирая способных людей среди молодых самураев и отправляя их учиться. Он построил и своего рода гостиницу для иностранцев — Гайкокудзин сэттайсё. Наконец, Симадзу Нариакира построил предприятие по производству стекла — Хари сэйдзёсё. Можно сказать, что он смотрел далеко вперед — его целью было с помощью западной техники и технологии наладить собственное производ-

Симадзу Нариакира

ство товаров, используя природные и сельскохозяйственные ресурсы своих владений.

Княжество Фукуи *Даймё* другого княжества — Фукуи — Мацудайра Ёсинага также был предприимчивым человеком. Он тоже заботился об укреплении обороны княжества и прилагал большие усилия, чтобы поднять продуктивность сельского хозяйства. У него были товарные склады в Нагасаки, и он успешно торговал по всей Японии бумагой, шелком, чаем, нитками и пенькой.

Но заботило его и здоровье подданных. От Хино Тэйсай, который обучался у Зибольда, Ёсинага узнал о вакцине против оспы. И тогда он развернул в своем княжестве целую программу оспопрививания. При помощи Хино в Фукуи был открыт своего рода медицинский пункт, где делали прививки от оспы, стремясь охватить ими как можно больше жителей княжества.

* * *

Контакты с голландцами длительное время оставались для японцев единственным каналом проникновения европейских знаний в страну. Вместе с тем, европейские знания и изучавшая их «голландская наука» играли немаловажную и все возрастающую роль в жизни страны. Это было вынуждено признать и *бакуфу*, создав в 1811 г. специальное учреждение для перевода иностранных книг (*бансё вагэгоё*), которое в 1855 г. было переименовано в *ёгакусё*, а в 1856 г. — в *бансё сирабэсё*. В 1839 г. группа ученых, специализировавшихся в изучении западных наук, стала называть себя *банся* («варварская группа»).

Нельзя сказать, что европейские знания доходили до Японии в систематизированном виде. Часто информация носила отрывочный характер. Но японцы, обладая длительным опытом заимствования, практической смекалкой смогли извлечь и применить на практике много полезного из европейского опыта. А начиная с XIX в. можно говорить о том, что добывание информации о Западе приняло целенаправленный характер. Эта деятельность приняла такой размах, что есть все основания согласиться с английским исследователем Д. Кином, написавшим, что «грубую ошибку совершают некоторые историки, недооценивая знание Запада в жизни Японии до прибытия Перри».

Часть 4

ЗАКАТ ЭПОХИ ТОКУГАВА

Глава 1

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Социально-экономическая ситуация в начале XIX в.

Проявления экономического кризиса

С начала XIX в. в сёгунате Токугава стал развиваться всеобъемлющий социально-экономический и политический кризис. Одним из его важнейших показателей было резкое снижение темпов роста годового дохода, получаемого в основном за счет сельскохозяйственного производства. По сравнению с началом XVIII в., когда годовой доход составлял 26 млн. *коку* (1 *коку*=150 кг) риса, в начале XIX в. он увеличился лишь на 15% и составил 30 млн. *коку*.

За 150 лет (1700–1850) площадь обрабатываемых земель увеличилась почти на 18%, но урожайность практически не выросла. Это свидетельствовало о неспособности правительства обеспечить развитие производства в необходимых масштабах ни за счет расширения посевных площадей (этот резерв экстенсивного развития был к тому времени в Японии практически исчерпан), ни путем интенсификации их использования.

Правда, за это же время не особенно возросло и бремя, которое несли основные производители — крестьяне. Власти *бакуфу* и многие *даймё*, понимая, что существует определенный предел увеличения поборов, старались не доводить дело до серьезных социальных взрывов. Поэтому в целом положение крестьян в последний период существования сёгуната Токугава было несколько лучше, чем на его начальной стадии. Но следует заметить, что немалую роль в этом сыграли именно выступления крестьян, которым удалось поставить своего рода предел увеличению эксплуатации.

К началу XIX в. уже существовало заметное число мануфактур в шелкоткацкой, хлопчатобумажной и льняной отраслях. Они были довольно широко распространены также в винокурении

производстве соли, растительного масла и соевого соуса, железоделательном и гончарном производствах. Это свидетельствовало о значительном развитии товарно-денежных отношений. Однако ограничительные меры правительства *бакуфу* и слабая покупательная способность основной массы населения — крестьян, продолжавших, в основном, вести натуральное хозяйство, — тормозили развитие внутреннего рынка.

В стране продолжала существовать жесткая иерархическая система со строжайшей регламентацией всех сторон производства и жизни общества. Однако с развитием товарно-денежных отношений постепенно менялось соотношение сил между разными сословиями, и границы между ними размывались. Тем не менее власти *бакуфу* по-прежнему продолжали дискриминировать торговцев, рассматривая их как непроизводительную силу. Они недооценивали тот факт, что финансовая мощь купцов и ростовщиков фактически выдвинула их на одно из первых мест в обществе.

Сёгунскому двору требовались все большие и большие средства, что было связано не в последнюю очередь с личностью сёгуна Иэнари. При его дворе царили роскошь, разврат и коррупция. Для решения финансовых проблем *бакуфу* все чаще прибегало к так называемой порче монеты (снижению содержания драгоценных металлов в них) и к увеличению поборов с торговцев. Только в период с 1806 по 1813 г. оно трижды использовало подобную практику и получило дополнительно свыше 1,4 млн. *рё*. Одновременно феодалы отказывались платить свои долги (крупные *даймё* требовали отсрочки выплат своих долгов на 100–200 лет)

Естественно, в таких условиях торговцы и ростовщики стали по мере возможности избегать давать кредит *даймё* и самураям. Тогда последние, умерив свою гордость, для получения кредита шли на нарушение норм сословной морали, а то и законов. Они увеличивали торговые привилегии купцам, передоверяли им право на получение рисовых пайков, присваивали им знак самурайского отличия — право ношение мечей, а в ряде случаев роднились с купеческими семьями.

Процессы социального расслоения С падением темпов роста производства постепенно сокращались доходы крупных феодалов. В ряде княжеств предпринимались меры к расширению сельскохозяйственного производства, распаивалась целина, осуществлялись ирригационные проекты, использовались улучшенные сорта культур. Однако это не меняло общей картины.

Для улучшения своего положения *даймё*, повторяя политику *бакуфу*, принуждали торговцев давать им займы и выпускали деньги, имевшие хождение только в пределах их княжеств. Кроме того, они начали прибегать к политике экономии, что безуспешно периодически пыталось делать и *бакуфу*. *Даймё* сокращали рисовые пайки, которое выплачивали своим вассалам — самураям низших рангов, что только ухудшало общее положение. В начале XIX в. практически не осталось ни одного *даймё*, который платил бы своим вассалам полный пашек. Сотни тысяч самураев лишались источников дохода и превращались в *рёнин*; часть из них пыталась заняться производительным трудом (занимались ремонтом зонтов, фонарей, деревянной обуви *гета*, производством домашних утвари), чтобы элементарно выжить; другие становились разбойниками. Уже не шло речи о высоком моральном духе самураев. Достаточно привести всего один пример: самураями были примерно 70% владельцев публичных домов развлечений в Эдо.

Таким образом, происходило расслоение военного сословия на высшие и низшие слои. Постепенно последние теряли возможность существовать как самураи, поскольку попадали в зависимость от ростовщического капитала и теряли рисовые пайки ввиду экономических затруднений, которые испытывали *даймё*. Для значительного числа из них побочный домашний труд становился главным источником существования, превращая их в ремесленников. Сохраняя по традиции преданность своим суверенам, в то же время они испытывали недовольство своим положением, что способствовало распространению среди них оппозиционных настроений. Разложение господствующего сословия началось именно с самураев низших рангов, из которых вышли как проводники реформ в княжествах, так и лидеры общенационального движения за ликвидацию системы *сёгуната* (*тобаку* — «свержение *бакуфу*»).

Не в лучшем положении находилась основная масса товаропроизводителей — крестьяне, которые испытывали гнет не только *бакуфу*, феодалов, но и ростовщиков. В деревне появилось множество безземельных крестьян и арендаторов. В то же время богатые крестьяне, наряду с сельским хозяйством все больше стали заниматься торговлей, ростовщичеством и предпринимательством.

Роль ростовщиков становилась все более заметной не только в городе, но и в деревне. Сосредоточив в своих руках огромные де-

стьянском сословии шел тот же процесс расслоения, что и в среде самураев. В деревне происходила дифференциация: на одном полюсе сосредотачивались крупные владения, на другом — мельчайшие, за счет вымывания средних.

Недовольство крестьян своим экономическим положением, которое усугублялось случавшимися годами неурожая и голода, служило питательной средой для разрозненных стихийных выступлений. В период Тэмпо (1830–1844) число восстаний было почти вдвое больше, чем за предшествующие 30 лет. Все эти выступления не имели политического характера, а представляли собой неорганизованное возмущение населения тяжелыми условиями жизни. Такими же по своему характеру были и голодные бунты в городах. Среди многочисленных крестьянских и городских восстаний в разных районах страны наиболее значительным было восстание в Осака в 1837 г. под руководством Ёсио Хэйхатирё. Социальным идеалом этих выступлений, направленных против богачей-ростовщиков и «подлых» торговцев, поддерживаемых правительственными чиновниками, постепенно становилось восстановление императорской власти.

Реформы годов Тэмпо

Нельзя сказать, что правительство *бакуфу* не предпринимало усилий для исправления социально-экономического положения. На протяжении XVIII в. оно дважды проводило реформы — так называемые реформы годов Кёхё (1716–1736) и Кансэй (1789–1801). Но, если первые дали хотя бы временный результат, то вторые окончились полным провалом. Это было связано с тем, что «реформаторы» пытались административными мерами решать экономические проблемы. Например, списывали долги самураев торгово-ростовщическому капиталу, вместо того, чтобы коренным образом изменить социально-экономическую структуру. Только в 1789 г. 96 представителей торгово-финансовых кругов потеряли из-за этих мер примерно 1,2 млн. *рё*. Многие просто разорились.

К 40-м годам XIX в. *бакуфу*, надеясь справиться с ситуацией в стране, предприняло попытку провести очередные реформы, известные как реформы годов Тэмпо. К тому времени окончательно стало ясно, что кризис носил системный характер. Сложившаяся административная структура нуждалась в коренной реорганизации. Правительство было не в состоянии

цов, торгово-предпринимательская деятельность которых оставалась весьма активной.

Инициатором проведения реформ был *родзя* Мидзуно Тадакуни — всесильный правитель при сёгуне Иёси. Основным назначением этих реформ, подобно предыдущим, была консервация существующего режима, и прежде всего, укрепление положения самурайского сословия. Они были направлены на концентрацию территориальных владений сёгуна, оказание материальной помощи разорявшейся части самураев за счет крестьян и горожан и на установление государственной монополии в торговле.

Для увеличения производства сельскохозяйственной продукции Мидзуно Тадакуни попытался поставить заслон миграции крестьян в города и даже вернуть в деревни уже уехавших. Кроме того, вводились ограничения на побочные промыслы крестьян, дабы не «отвлечь» их от обработки земли.

В целях сдерживания инфляции Мидзуно Тадакуни предлагал «заморозить» заработную плату и цены и одновременно создать условия для развития свободной конкуренции в торговле. Он был убежден, что свободная торговля снизит цены, и поэтому приступил к ликвидации монопольных купеческих гильдий (*кабунакама*). Созданные в свое время для установления контроля *бакуфу* над торгово-ростовщическим капиталом эти организации по мере обретения финансовой мощи сделались неуправляемыми. По существу, они стали полными хозяевами рынка в городе и деревне, диктуя цены, спекулируя, особенно во время неурожаев, рисом и другими продуктами, контролируя практически все виды производств, торговлю и коммунальные услуги. Недовольство деятельностью *кабунакама*, так же как и постоянным ростом налогов, было одной из причин крестьянских восстаний и городских бунтов.

Так же как и предыдущие реформаторы (например, Мацудара Саданобу), Мидзуно Тадакуни был обеспокоен моральным климатом в обществе и выступал против роскоши, пышных празднеств и других излишеств, за сокращение расходов, экономность и бережливость. Он ввел цензуру на книги, которые, по его мнению, портили нравы, запретил некоторые постановки в театрах Кабуки и Нё. Мидзуно Тадакуни пытался даже запретить курение табака, закрыть ломбарды, общественные бани, парикмахерские и другие общественные заведения.

В преамбуле к указам о реформах от 1841 г. от имени императора говорилось:

«Эти политические мероприятия — Наша воля, воля потомков великих предков. Желая, чтобы они не противоречили духу реформ годов Кёхо и Кинсэй, и чтобы все подданные наши приложили силы свои к их осуществлению».

Первый указ касался введения режима экономии, развития военного искусства и наблюдения за нравами.

Второй указ касался крестьян. Им запрещалось переселяться на жительство в Эдо. Тех же, кто уже находился в столице, предписывалось возвратить в деревню (за исключением имевших постоянную работу и семью).

Третий указ касался оказания помощи *даймё* и *хатамото*, которые находились в стесненном материальном положении. Им правительство аннулировало половину долгов, а остаток разрешило погашать в рассрочку без процентов. *Хатамото* и *гокэнин* должны были оплачивать только те долги, которые были сделаны ими у своих постоянных кредиторов. В Эдо на улице Саруямати была создана кредитная контора, где им предоставлялись ссуды.

Четвертый указ провозгласил роспуск всех *кабунакама*. Но здесь правительство потерпело полное поражение и продемонстрировало полное бессилие перед экономическим могуществом торгово-предпринимательских кругов. *Кабунакама* приобрели такое влияние и силу, что *бакуфу* не смогло приостановить их деятельность. Эти объединения торговцев широко распространились с конца XVIII в. Они охватывали все виды производства и торговли, диктовали цены в городе и деревне, спекулировали в годы неурожая на рисе и других продуктах. Они повсюду были полными хозяевами рынка, контролировали почти все производство товарной сельскохозяйственной продукции в районах Кантё и Кинки и ее обработку, чем вызывали недовольство со стороны крестьян, которые сами стремились к активной рыночной деятельности. Бывали даже крестьянские восстания, направленные против *кабунакама*. Недовольны ими были и городские низы, страдавшие от высоких цен.

При этом деятельность *кабунакама* не отвечала и интересам новых слоев купечества, связанных с деревенской домашней промышленностью. Их деятельность наталкивалась на монопольные права *кабунакама* и, особенно, крупных купцов трех крупнейших городов (Эдо, Осака и Киото).

Указ о роспуске *кабунакама* фактически допускал свободу торговли. Но это не привело к снижению цен, а просто вызвало хаос на рынках. В 1842 г. последовал указ о запрещении всяких торговых корпораций, о ликвидации процентов на долги *хатамо-*

мото и *зокэнин*. Это привело к тому, что ростовщики-*фудасаси* закрыли значительную часть своих контор. Четвертое сословие ответило на этот указ правительства открытым саботажем. Мидзуно Тадакуни в сентябре 1843 г. был вынужден уйти в отставку, и указ о роспуске *кабунакама* остался большей частью на бумаге, а в 1851 г. вообще был отменен, что лишний раз продемонстрировало рост экономических позиций торговцев и слабость и неспособность властей найти разумный выход из сложившейся кризисной ситуации.

Слабость положения сёгуната продемонстрировала и судьба указа о сосредоточении в руках *бакуфу* всех земель в радиусе 10 *ри* ($ри=3,92$ км) вокруг Эдо и Осака. Его издание было вызвано тем, что земли во владениях *бакуфу* были истощены (а следовательно, взимаемая подать была невысока), разбросаны по разным местам, а концентрация земельных владений смогла бы в значительной степени укрепить правительство как в экономическом, так и в военном отношении. *Даймё* и *хатамото* резко воспротивились этому плану и добились того, что указ был отменен.

Можно сказать, что реформы годов Тэмпё закончились полным провалом, ничего не изменив ни в политическом, ни в экономическом положении *бакуфу*, а лишь продемонстрировав его слабость и неспособность справиться с кризисной ситуацией.

Реформы Мидзуно Тадакуни не смог достичь поставленной цели и остановить ослабление системы *бакухан*, поскольку, во-первых, громоздкий правительственный аппарат оказался малоэффективен при проведении преобразований; во-вторых, контроль над разбросанными владениями *бакуфу* по всей стране был затруднен; в-третьих, в этих владениях, особенно в наиболее развитых районах Кантё и Кинки, была особенно сильна власть торгово-ростовщического капитала, связанного не только с центральным правительством, но и с властями княжеств, во главе которых стояли *тодзама даймё*.

Административные реформы в княжествах

Исторически сложилось так, что *тодзама даймё* не принимали участия в управлении государством, но обладали значительной автономией и при этом находились в определенной оппозиции режиму сёгуната. К ним относились феодалы Мёри из княжества Тёсё (юго-запад о-ва Хонсё), Симадзу из Сацума (о-в Кёсё), Яmanoути из Тоса (о-в Сикоку), Маэда из Кага (побережье Японского моря, о-в Хонсё) и др. Их княжества были наиболее эконо-

мически развитыми в стране, поскольку, несмотря на политику изоляции, поддерживали контакты с зарубежными странами и проявляли интерес к достижениям Запада. Именно эти княжества сыграли ведущую роль в последующих кардинальных переменах в стране.

Одновременно с общегосударственными начались реформы и в отдельных княжествах. Их содержание и результаты в каждом конкретном княжестве определялись уровнем его экономического развития. В слабо развитых районах они фактически повторяли реформы *бакуфу* и имели аналогичный неудовлетворительный результат.

Но в таких княжествах, как Сацума, Мито или Тёсю реформы прошли достаточно успешно. Процесс социального разложения, в первую очередь, в деревне, зашел в них дальше, чем в других частях страны. На одной стороне стояли деревенские богатеи, привилегированные купцы и часть самураев, получавшие крупные доходы, на другой — самураи низших рангов, средние слои крестьян и горожан.

Самураи низших рангов, будучи более образованной и мобильной частью общества (ради выживания именно они чаще всего становились людьми свободных профессий), выступили инициаторами и проводниками реформ. Поэтому реформы в этих окраинных княжествах были направлены на поддержание и укрепление финансовой базы местной власти, а также на повышение обороноспособности княжеств. Поощрялось создание мануфактур и развитие промышленного производства в разных сферах, особое внимание уделялось поддержке торговли.

Некоторые княжества на юго-западе страны вели торговлю с Кореей и о-вами Рёккё, которая приносила немалые доходы. Например, княжество Цусима, доходы которого официально оценивались в 20 тыс. коку, благодаря торговле с Кореей увеличило их в 10 раз. В ряде княжеств устанавливалась монополия местной власти на торговлю или право на нее передавалось отдельным предпринимателям.

Для проведения реформ широко использовались займы у торгового капитала. Это вело к более быстрому развитию товарно-денежных отношений, укреплению экономической базы этих княжеств, которые также располагали современными на то время вооруженными силами, оснащенными огнестрельным оружием и артиллерией.

В качестве примера можно привести княжество Сацума. Его глава Симадзу Нариакира регулярно получал информацию об об-

становке за рубежом через о-ва Рёккё, с которыми он вел нелегальную торговлю. Нариакира поощрял знакомство с западной культурой, оказывал поддержку *рангакуся* и уделял особое внимание укреплению своих вооруженных сил. В 1853 г. на территории своей резиденции в Кагосима он построил текстильную фабрику, доменную печь, организовал производство стекла, серной и азотной кислоты, телеграфной аппаратуры, пороха из хлопка. Он же первым приступил к постройке военных кораблей.

Княжество получало большие доходы, организовав у себя княжеские монополии по производству сахара, смолы, растительного масла, шафрана, киноvari. При сбыте продукции прибегали к содействию торговцев. Подсобные домашние промыслы и товарное производство развивалось под контролем властей. И, что удивительно, на протяжении всего периода Токугава там почти не случилось крестьянских волнений.

Таким образом, ряду княжеств в ходе реформ удалось укрепить свою финансовую базу, увеличить промышленное производство, а также укрепить обороноспособность. Там же сложился слой молодых политических деятелей, как уже говорилось, выходцев из самураев низших рангов, ставший базой формирования антисёгунской оппозиции.

Глава 2

ДВИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

Выступления крестьян и городской бедноты

В течение периода Токугава в Японии произошло около 2700 крестьянских выступлений. В первой половине периода они проходили в форме сопротивления увеличению налогового бремени и обычно организовывались деревенской администрацией. С середины периода крестьянские выступления сделались более мощными. Их поднимали сами крестьяне, которые стали выдвигать руководителей из своей среды. Они выступали не только против чиновников, но и против кушцов и привилегированной деревенской верхушки.

В конце периода Токугава размах крестьянских выступлений стал столь велик, что создал серьезную угрозу властям, которые были вынуждены использовать крупные военные силы для их подавления. Крестьяне научились защищать свои собственные интересы, отстаивая достигнутый уровень жизни и возможность самим участвовать в экономической жизни страны. Они стали играть активную роль в происходивших социально-экономических изменениях в японском обществе.

Крестьянское движение было формой социального протеста. После того, как у них отобрали оружие, крестьяне перешли к петиционным формам протеста. Другой формой борьбы было бегство из деревень в другое княжество или в город.

При обращении к властям выдвигавшиеся крестьянами требования, как правило, отражали интересы всех слоев деревни. Среди них были снижение налогов, ликвидация новых податей, отмена трудовой и гужевой повинности, снижение арендной платы, уничтожение монопольных цен на рис или хлопок, предоставление крестьянам права самим выходить на рынок и продавать продукты. Крестьяне также часто требовали наказания должностных лиц за злоупотребления, замены или выборности уездных чиновников, защиты от самоуправства самураев.

В XVII в. практиковалось переселение *даймё* на новое место, что особенно часто случалось при первых трех сёгунах. Крестьяне активно протестовали против этого, поскольку новые *даймё* вводили и новые налоги.

Симабарское восстание

30-е годы XVII в. были отмечены двумя мощными крестьянскими выступлениями, во многом определившими дальнейшую политику правительства в отношении иностранцев. Первое из них, произошедшее на о-ве Амакуса, было быстро подавлено, но уцелевшие его участники присоединились к Симабарскому (по названию острова на о-ве Кёсю) восстанию (1637–1638).

Симабарское восстание было самым крупным вооруженным выступлением в эпоху Токугава. До сих пор среди историков идет спор о том, что послужило непосредственной его причиной: налоги или гонения на христиан. Действительно, Симабарское восстание под христианскими лозунгами, а на знаменах восставших были христианские эмблемы. Но, скорее всего, оно было вызвано жестокостью нового *даймё* Мацукура Сигэхара. Глава голландской фактории на о-ве Хирадо Н. Кукебакер в своем сообщении об этом восстании указывал, что большинство вассалов прежнего *даймё* Симабара, Арима, не последовало за ним в новый район, а осталось на месте. Лишенные своих самурайских доходов, они формально превратились в крестьян, но по-прежнему хорошо владели оружием. Новый *даймё* довел их обложение, как и всех крестьян, до чудовищных размеров, что, по мнению Кукебакера, и привело к восстанию.

Мацукура Сигэхара отбирал у крестьян весь рис, «до последнего зернышка». К неплательщикам он применял жесточайшие пытки и наказания, бросал в тюрьмы их жен и дочерей, которые часто умирали под пытками. Он первым применил изуверскую казнь *мино одори* («танец соломенного плаща»), при которой поджигали соломенный плащ, надетый на связанного крестьянина. А непосредственным поводом к выступлению послужила пытка, которой один из чиновников *даймё* подверг дочь крестьянина на глазах отца. Тот не вынес этого зрелища и убил чиновника.

По материалам, основанным на хронике *даймё* Мацукура, всего в боевых действиях приняло участие 23888 крестьян, из них 11552 женщины; помощь им оказали 3783 крестьянина, в том числе 1720 женщин. Вместе с крестьянами с о-ва Амакуса, о которых таких детальных данных в этой хронике нет, всего в старом замке Хага (в районе Симабара), который захватили восставшие, находилось более 30 тыс. чел. Среди них были и самураи-*рёнин*.

Поначалу у восставших было очень мало оружия, но они добывали его, захватывая у самураев. Власти оказались застигнуты врасплох. Сам *даймё* Мацукура, согласно системе *санкин кôтай*, находился в Эдо. Власти соседнего княжества, к которым вассалы

Мацукура обратились за помощью, отказались выступить без специального указания *бакуфу* — отправлять войска за пределы своих княжеств *даймё* не имели права.

5 месяцев восставшие противостояли правительственным войскам. Подавить восстание и сломить сопротивление помогли голод (у осажденных кончилось продовольствие) и артиллерия голландского флота.

Все, кто укрывался в замке Хага, были перебиты. По официальным данным, потери правительственных войск составили 13 тыс. чел., но фактически они, видимо, были больше. Был наказан и *даймё* Мацукура Сигэхара — его лишили владений.

Рост числа выступлений в XVIII в.

В XVIII в. положение крестьян ухудшилось, что, вопреки всем запретам, усилило их бегство из деревни. В первой половине XVIII в. сёгунат издал несколько указов относительно «чистки» городов от беглых крестьян, что свидетельствовало о неблагополучии в деревне. Ухудшение климатических условий, стихийные бедствия, саранча вызывали неурожаи и приводили к голоду и росту цен.

В 1732 г. произошел голодный бунт в Эдо — год выдался неурожайный. Жители громили склады и дома рисоторговцев. Это был один из первых крупных бунтов городских низов в период Токугава.

В 1737–1739 гг. прошли бунты горняков на принадлежавших сёгунату рудниках Икуно. Причина заключалась в повышении цен на рис и снижении заработков. Пришлось вызывать войска из соседнего княжества. Бунт был подавлен, 32 зачинщика брошены в тюрьму.

Грандиозный голодный бунт, когда отчаявшийся народ стал громить рисовые склады и дома богачей, произошел и в мае 1787 года в Эдо. Он продолжался 5 дней. Официальные лица из 90 деревень, местные купцы, кредиторы, торговцы шелком сообщали о большом ущербе, причиненном их домам, лавкам и складам. Это были самые крупные беспорядки в Эдо со времени его основания.

Крупные крестьянские восстания произошли в провинции Дэва и княжестве Айдзу. В Дэва (близ города Ямагата) из-за наводнения и плохого урожая с 1745 г. положение в деревне стало ухудшаться. 1746 г. также выдался неурожайным, и к весне 1747 года все запасы риса у крестьян кончились. В мае крестьяне 33 деревень подняли восстание и выдвинули 15 требований. Наиболее важные из них были:

- 1) в случае обложения в деньгах, определять цену на рис в соответствии с ценами в ближайших районах;
- 2) упразднить подушную подать как несправедливую;
- 3) прекратить тяжелую для крестьян сужевую повинность;
- 4) отменить запрещение сбора корней и сосновых шишек;
- 5) уничтожить обычай неофициальных посещений старост чиновниками, расходы по угощению которых несут крестьяне;
- 6) разрешить продажу топлива в городе Ямагата.

Характер этих требований указывает на известную связь крестьян с городским рынком и на их стремление самим, без посредников вести торговлю.

Власти обещали удовлетворить требования крестьян и выдать им рис и деньги. Поверив обещаниям, восставшие вернулись в свои деревни после чего началось расследование дела: аресты зачинщиков и пытки. Вожаков восстания приговорили к смерти, остальных — к различным наказаниям.

Восстание в княжестве Айдзу 1749 г. также возникло из-за неурожая и голода. Власти дали обещание снизить налоги наполовину, и крестьяне разошлись по домам. Но вместо выполнения обещаний последовала жестокая расправа — трое вожаков были четвертованы, двое сожжены, трое обезглавлены, всего было подвергнуто наказанию 229 чел.

Вот сводные данные о крестьянских восстаниях в период Токугава:

Крестьянские выступления в период 1601—1867 гг.

Годы	Количество выступлений
1601—1650	209
1651—1700	211
1701—1750	422
1751—1800	670
1801—1850	814
1851—1867	374
Итого: 2700 выступлений	

Самым бурным временем выступлений крестьян были 80-е годы XVIII в. Именно на них пришелся пик неурожая и голода. Крестьянские выступления начали превращаться в грозную силу. Тогда же произошло много восстаний городской бедноты, вызванных ростом цен на рис.

К концу периода Токугава как крестьяне, так и горожане имели длительную традицию коллективной борьбы с властями. Уча-

стники крестьянских выступлений обычно вооружались бамбуковыми пиками и шестами, камнями, косами, кольями, лопатами, мотыгами, топорами, а иногда и огнестрельным оружием. Существовал даже специальный символ восстаний — знамя из соломы, которое крестьяне несли впереди. В обеспечении повстанцев продовольствием, как правило, принимала участие вся деревня.

Крестьянские выступления подавлялись войсками правительства или княжеств. Закон предусматривал жесткие меры наказания, прежде всего руководителей. Поэтому, подавая петиции, крестьяне располагали подписи в прошении по кругу, делая приписку: «а вожаков у нас нет никаких».

Мятеж Ōсио Хэйхатирō

В годы Тэмпō (1830–1844) в Японии произошло много городских волнений. Они были вызваны неурожаями, из-за которых резко подскочили цены на рис. Неурожай охватил даже провинцию Ōми, откуда всегда вывозили рис. В документах зафиксированы 69 беспорядков по всей стране, из них в Ōсака произошло 8, а в Эдо в 1833 г. беспорядки возникали дважды. Особенно большие волнения произошли в Эдо в 1836–1837 гг., что вынудило *бакуфу* позаботиться о подвозе риса в город, а городской совет стал раздавать рис нуждающимся из своих хранилищ.

Но совсем из ряда вон выходящие события разыгрались в феврале 1837 г. в Ōсака. Они имели особенно большой резонанс, поскольку Ōсака являлся центром товарного обращения, туда по разным делам стекалось множество народу со всей Японии, и слухи о беспорядках в городе быстро распространились по всей стране.

30-е годы XIX в. были отмечены целым рядом стихийных бедствий; 4 года подряд были неурожайными. Особенно усугубилось положение в 1836 г., когда из-за сильных дождей не взошло ни просо, ни рис, ни бобы, ни ячмень, ни горох, поэтому цены на продовольствие резко подскочили. На складах Эдо цена десяти мешков риса достигла 45 *рē* золотом. Народ бедствовал, участились случаи голодной смерти. Поэтому *бакуфу* распорядилось открыть в Эдо пункты помощи голодающим, где собиралось до 20 тыс. бедняков. По всей стране было приказано оказывать помощь голодающим, изъяз для этого рис из неприкосновенных запасов. Но распоряжению этому следовали не везде, а на крестьян оно вообще не распространялось.

Голод и нужда не миновали и богатый город Ōсака; много жителей умирало от голода прямо на улице. К январю 1837 г. голод достиг таких масштабов, что съели даже всех голубей. К тому времени сократился и привоз товаров в Ōсака, поскольку постепенно развилась система их продажи на месте производства. Чиновники *бакуфу*, проживавшие в городе, занимались только выколачиванием налогов и нисколько не заботились о том, чтобы как-то помочь голодающим.

В таких условиях произошло событие, известное как «мятеж Ōсио Хэйхатирё», или «рисовые волнения годов Тэмпо». Необычность его заключалась в том, что на этот раз мятеж против сёгунских властей поднял бывший чиновник сёгунской администрации в Ōсака.

Биография Ōсио Хэйхатирё

Биографические сведения об Ōсио Хэйхатирё довольно скудны. Он родился в январе 1793 г. Его родители умерли, когда ему было 7 лет, и заботу о его воспитании взял на себя дедушка, а затем приемные родители. В возрасте 26 лет Ōсио Хэйхатирё занял должность полицейского чиновника в городском управлении восточной части Ōсака в районе Тэмман. Это была одна из самых низших должностей во всей административной структуре *бакуфу*, но одна из важнейших в администрации города. Ōсио Хэйхатирё прослужил в ней 10 лет и приобрел широкую известность среди горожан своей непреклонной борьбой против продажных буддийских священников и спекулянтов.

Карьера Ōсио Хэйхатирё казалась надежной. Но в 1830 г. он отказался от должности и занялся совершенно иной деятельностью. Он основал школу Сэнсиндō, которую посещали крестьяне и мелкие торговцы, и в которой он стал проповедовать свои идеи.

В юности Ōсио Хэйхатирё изучал учение Чжу Си у конфуцианского ученого Хаяси Дзюссай. Потом увлекся идеями китайского философа Ван Янмина, который считал важным не теоретическое знание, а понимание нравственных истин. Учение Ван Янмина (по-японски его имя звучит как Ōёмэй) распространилось в Японии в XVII в. К его сторонникам принадлежал японский экономист и политический деятель Камадзава Бандзан. Он одним из первых начал писать о тяжелом положении крестьян, критиковать политику сёгуна и *даймё*, за что подвергся преследованиям и был вынужден скрываться от властей. Ōсио Хэйхатирё воспринял политические и моральные принципы этого учения.

По мнению Ōсио, несправедливость была порождена путем

субъектом и объектом, аристократией и крестьянами. Он говорил, что люди высокого звания обучены этике, поэтому они знают как вершить добрые дела, но они этого не делают. Те же, кто занимает низшее положение, добродетельны, однако именно они становятся жертвами угнетения. Ёсио неустанно повторял, что несправедливость порождается аристократией, а не низшими классами, которым следует оказывать помощь, а не презирать их.

Когда в стране начался голод, *бакуфу*, опасаясь волнений в Эдо, приказало везти туда рис из Осака и из других провинций. Даже в Киото — резиденцию императора — подвоз риса прекратился. Ёсио Хэйхатирё подал петицию главе городского управления (*бугё*) Атобэ Ямасиро-ками с просьбой раздать голодающим рис с правительственных складов. Он обратился также к богатым купеческим домам — Кёноикэ, Мицуи, Тэннобзия, Хираноя, — призывая их помочь голодающим. Он предупреждал их, что бедняки отчаявшись, пойдут громить рисовые склады, но его призывы не нашли никакого отклика ни у городских властей, ни у богатого купечества. Разгневанный бездействием властей, Ёсио Хэйхатирё продал 1 тыс. томов своей личной библиотеки, а вырученные деньги раздал голодающим и обездоленным.

Хотя реально сумма была небольшой, этот шаг принес Ёсио Хэйхатирё большую популярность и, одновременно, нанес урон авторитету властей, чем вызвал их недовольство. Его вызвали в городское управление, где объявили, что его действия незаконны. На это Ёсио Хэйхатирё ответил, что, поскольку власти не распорядились, чтобы богачи помогли бедным, он поступил так, как ему подсказала совесть.

Воззвания Ёсио Хэйхатирё

Авторитет Ёсио Хэйхатирё был весьма велик. Поэтому, когда он задумал поднять восстание, вокруг него быстро сплотилась группа заговорщиков, которых он стал обучать обращению с оружием. Одновременно, с сентября 1836 г. они начали распространять воззвания, призывая население присоединяться к ним. В одном из таких воззваний говорилось:

«Свиристывают стихийные бедствия, народ страдает, а чиновники берут взятки, думают только о личной выгоде. Для этой цели страдающих от *изэгу* крестьян облагают дополнительным налогом в больших денежных суммах. Цены на рис поднялись, низшее население страдает. В то время как городское управление отправляет рис в Эдо, в отношении людей, которые привозят для продажи хоть немного риса из Киото в Осака, применяются жестокие наказания. Богачи ссужают крупные суммы *даймё* и получают проценты, затем делаются должностными лицами *даймё*, по-

лучая жалование ни за что. Они владеют вновь обработанными полями и, получая обильную жатву, ничего не дают бедному люду. И чиновники им на это не указывают. Они развлекаются с женщинами, ведут роскошную жизнь, предаются празднествам. Мы больше не можем терпеть. Мы хотим наказать этих разбойников, раздать их золото и рис немущим. Мы делаем это не для захвата политической власти, мы подымаем восстание, чтобы наказать богачей. ... Мы стремимся к тому, чтобы облегчить подать и повинности, изменить дурные распутные нравы и роскошь и вернуться к простоте и скромности... Нужно разбудить нашу родину. Если нам улыбнется счастье, то мы захватим замок и прославим свое имя на 100 поколений... Не дело вести бесполезную жизнь и безучастно ждать смерти. Только ты, народ, можешь изменить свою несчастную участь. Как только вы услышите о восстании, выбирайте своих вождей, идите к нам на помощь».

Как видно из текста воззвания, гнев Ёсио Хэйхатирё, вызывали осакские богачи, которых он называл «ненавистными пройдохами, неслышанно наживавшихся на бедствиях народа». К последнему Ёсио относил и разорвавшихся самураев:

«Простолюдины, не имеющие моральных устоев и не обладающие гуманностью и справедливостью, легко продвигаются на должности, которые должны занимать люди высокого рождения. ... Они кичатся своим богатством и развращают чиновников, являются виновниками разорения самураев. Высокородные самураи прозябают в бедности, в то время как с осакскими богачами... обращаются как с княжескими канцлерами».

Ёсио Хэйхатирё возмущался тем, что люди «низкого рождения» (т. е. купцы) были бессердечны, черствы, и пеклись не о пользе народа, а о собственном обогащении. Он и его сторонники неодобрительно относились к тому, что разбогатевшие купцы разными способами покупали дворянские гербы и с помощью денег добивались различных привилегий.

В своих воззваниях Ёсио Хэйхатирё осмелился открыто выступить с обвинением в адрес сёгунских властей, которые, по его мнению, довели страну до тяжелого положения и отправляют рис в Эдо, резиденцию *бакуфу*, а «в Киото – резиденцию сына Неба – не посылают».

Текст воззвания был специально написан слоговой азбукой, а не иероглифами, чтобы его могли прочитать малограмотные крестьяне, и оно было расклеено по деревням четырех провинций (Сэццу, Кавати, Идзуми и Харима), прилегавших к Осака.

Начало и ход восстания

У Ёсио Хэйхатирё не было четкой политической программы. Он не выдвигал идеи коренной перестройки общества, а лишь выступал в защиту обездоленных, которым никто не пришел на помощь в

трудную минуту. Вместе с тем, замысел Ёсио Хэйхатирё содержал в себе некоторые черты, которые позволяют говорить о задуманном им выступлении, как о качественно новом явлении для Японии той поры.

Конкретный план восстания заключался в том, чтобы конфисковать имущество богатых торговцев, предать огню их дома, сформировать отряды из крестьян и двинуть их на опорные центры *бакуфу*. Таким образом, Ёсио Хэйхатирё планировал выступить не только против торговцев и чиновников, но и против самой власти. Это было неслыханно. Ведь все японское общество пропизывало порядок, основанный на жесткой феодальной иерархии, при котором лица, занимавшие более низкое общественное положение, должны были беспрекословно подчиняться высшим. Фактически, Ёсио Хэйхатирё замахнулся на всю структуру феодального общества.

Восстание пришлось начать преждевременно, поскольку среди заговорщиков нашлись предатели. Один из них, Хираяма Сукэдзирё, отправил тайный донос городским властям, где раскрыл сроки восстания. Рано утром 19 февраля жители города были разбужены стрельбой на улицах. Над храмами Тэнсёдайдзин, Хатиман, Касуга развевались флаги восставших, на которых было начертано: «Спасение бедствующих!». Ёсио Хэйхатирё поднял также флаг со своим фамильным гербом. В городе запылали дома богатых торговцев. Восставшие обстреляли дом полицейского начальника района Тэмман, который жил напротив Ёсио. Во все стороны летели зажигательные стрелы, гремели залпы из пушек. Дом самого Ёсио Хэйхатирё сгорел. Пожар в Ёсака длился 2 дня.

Повстанцы напали на административное здание сёгунской администрации и разрушили его. Городские власти, хотя и были предупреждены о заговоре заранее, находились в растерянности.

В ходе восстания к Ёсио Хэйхатирё присоединилось 300 чел. Это было пестрое по своему составу войско, вооруженное в основном пиками и мечами. Громкими возгласами они поддерживали друг друга. Захватывая продовольственные склады, они раздавали рис и другие продукты горожанам и крестьянам.

Постепенно городские власти собрались с силами и осакский гарнизон начал теснить повстанцев. Надежды Ёсио Хэйхатирё на массовую поддержку крестьян не оправдались: крестьяне не успели прийти ему на помощь. Кроме того, власти *бакуфу* распорядились открыть на дорогах, ведущих в Ёсака, все склады и раздавать всем, идущим туда, рис и деньги.

Мятеж Ёсио Хэйхатирё был подавлен. Начальник стражи осацкого замка Сиродои Ои-ками отдал приказ о поимке Ёсио Хэйхатирё, его приемного сына и других участников мятежа. Многие из них покончили жизнь самоубийством, другие рассеялись по стране.

Ёсио Хэйхатирё с сыном укрылись в доме Миёси Горо, занимавшегося закупками полотняной ткани. На рассвете 27 марта дом был окружен стражей. Увидев это, Ёсио поджег дом, после чего вместе с сыном покончил жизнь самоубийством. Обгоревший до неузнаваемости труп Ёсио Хэйхатирё вытащили из под развалин дома, перевезли в район Санго и распяли. Почти все арестованные сторонники Ёсио Хэйхатирё погибли в тюрьмах.

Отголоски восстания Ёсио Хэйхатирё

Мятеж Ёсио Хэйхатирё, несмотря на неудачу, имел большой общественный резонанс. Он заставил встревожиться не только осацкие власти, но и центральное правительство в Эдо, откуда последовал строгий приказ о принятии незамедлительных мер, чтобы подобное восстание не повторилось еще где-нибудь в более широких масштабах.

Расследование продолжалось более полутора лет и закончилось только 18 сентября 1837 г. Главные заговорщики в числе 19 чел. и свыше 100 их сторонников были подвергнуты тяжким наказаниям, но наряду с этим властям пришлось обуздать спекулянтов, следить за ценами на продовольствие, уменьшить некоторые налоги и подати, короче говоря, продемонстрировать «отеческую заботу» о нуждах бедствующего населения. Прибегнув в крайней мере, Ёсио Хэйхатирё заставил власти обратить внимание на нищенское положение основной массы населения страны и сделать хоть какие-то шаги, чтобы облегчить участь голодных и нуждающихся.

Мятеж Ёсио Хэйхатирё активизировал крестьянское и городское (*утиковаси*) движение по всей стране. Если в среднем в годы Тэмпо в Японии ежегодно вспыхивало 11–12 восстаний, то в 1837 г. их было 20. Среди крестьян продолжали ходить воззвания Ёсио Хэйхатирё, их переписывали и передавали дальше. В результате в апреле в провинции Бинго, в июне в провинции Этиго, в июле в провинции Сэццу имели место выступления «последователей Ёсио», «сторонников Ёсио», «ущелевшей партии Ёсио».

Народ не хотел верить в гибель своего героя. В районе Эдо долго ходили самые невероятные слухи о спасении Ёсио. Крестьяне в районе Кансай отказывались верить в его смерть и продолжали почитать его как божество.

В качестве примера непосредственного влияния мятежа Ёсио Хэйхатирё можно привести бунт Икута Ёродзу в июле 1837 г. Икута, *рёнин* из княжества Дзёсё, был учеником Хирата Ацутанэ, известного как лидер движения за возрождение японской национальной религии *синто*. Он 7 лет прожил в Эдо, затем он вернулся в себе на родину в Татэбаяси, откуда был изгнан за критику местной администрации. В 1836 г. Икута переехал в Касивадзаки провинции Этиго, где открыл школу и вскоре снискал уважение среди своих учеников и крестьян в округе.

В голодный 1837 год рисовые маклеры скупили весь имевшийся рис. Икута Ёродзу, так же как и Ёсио Хэйхатирё, обращался к местным властям с просьбой помочь голодающим крестьянам, но тщетно. Тогда он и семеро его последователей напали на резиденцию сёгунского чиновника, но были легко отбиты, а сам Икута погиб. Тем не менее, власти, боясь рецидивов движения, прекратили отправку риса в другие районы.

* * *

Ёсио Хэйхатирё и Икута Ёродзу отражали настроения самураев низших рангов, которые наиболее отчетливо проявились затем в 50-е годы, когда широко развернулось движение за восстановление императорской власти (*сонно*). Ёсио Хэйхатирё, можно считать его предтечей, поскольку в его воззваниях присутствовала идея восстановления монархии:

«Император обращается ко всему народу, вплоть до последнего бедняка. Нужно облегчить подати и повинности, управлять страной справедливо и гуманно, как было в старину при императоре Дзимму (легендарный основатель японской императорской династии. — *Ред.*), устранить роскошь, осудить распущенность нравов, вернуться к простоте и скромности, и тогда все население нашей страны будет восхвалять монаршие милости. Надо каждому реально показать, что он сможет прокормить семью, спастись от повседневного ада жизни, а после смерти стать буддой. Хотя вернуть времена богини Аматаэрасу невозможно, но вернуть, восстановить дух старины можно и должно».

Не случайно Токугава Нариаки, один из видных деятелей антисёгунского движения из княжества Мито, где как раз и зародилось движение за восстановление императорской власти, придавал серьезное значение событиям в Ёсака. Узнав о них, он сразу отправил туда посыльного, наказав ему собрать самую подробную информацию.

Духовная оппозиция сёгунату

Идейные элементы духовной оппозиции

Духовная оппозиция сёгунату выросла на базе двух национальных идеологических школ — школы национальной науки (*кокугакуха*) и школы Мито (*Митогакү*), а также на основе освоения западных знаний, так называемых голландских наук (*рангаку*). Возникновение упомянутых школ было обусловлено появлением новых тенденций в развитии национальной философской мысли в условиях сдвигов в социально-экономической и политической жизни Японии, начиная с конца XVII в.

На протяжении всего периода Токугава наибольшее влияние в Японии сохраняло чжусианство (*сюсигаку*), которое было официальной идеологией сёгуната. Оно хорошо подходило для этой цели, поскольку обладало четкой теоретической базой, в наибольшей степени соответствовавшей характеру феодального строя, его иерархической организации. Формула «*тайги мэibun*» («великий моральный долг»), разработанная китайскими философами сунской школы и получившая дальнейшее развитие в работах Чжу Си, воплощала в себе идеи, которые сёгуны Токугава стремились ввести в практику политической жизни страны. Чжусианство проповедовало нерушимость существующего порядка, неуклонное соблюдение феодальной иерархии, разделение людей на социальные группы, на низших и высших.

Парадоксальным образом, духовная оппозиция сёгунату поначалу также зиждилась на неоконфуцианских идеях. Все идейные вожди антисёгунского движения были воспитаны в конфуцианской традиции. Однако в результате усвоения и переработки ими концепций и идей буддизма, синтоизма, даосизма, им удалось сформировать новое мировоззрение, своего рода «национальную идею», ставшую продуктом оригинального философского творчества нации. Именно эта национальная идея и формировала духовную оппозицию сёгунату.

В основе этого нового мировоззрения, безусловно, лежала исконно японская религия *синтō*. Это было связано с политической составляющей новой идеологии. Политическую альтернативу сёгунату Токугава его критики видели только в восстановлении власти монарха, и, поскольку император был первосвященником *синтō*, нет ничего удивительного в том, что развернувшееся в Японии движение за реставрацию проходило под синтонистскими лозунгами.

Вместе с тем, конфуцианские принципы были не полностью отвергнуты, а, скорее, переосмыслены. Так, конфуцианское учение о великом моральном долге также было использовано противниками сёгуната в борьбе за реставрацию императорской власти. При этом формула «*тайги мэйбун*» стала пониматься как моральный долг самурая по отношению к императору.

Школа Мито

Оппозиционное движение зародилось в среде господствующего класса в XVII в. Лидерами в этом движении выступили *даймё* княжества Мито. Оно входило в число трех княжеских домов (*госанкэ*), основанных тремя сыновьями Токугава Иэясу. После битвы при Сэкигахара в 1600 г. в Мито находилась резиденция одиннадцатого сына Иэясу Токугава Ёрифуса.

Историко-философское направление, зародившееся и оформившееся в этом княжестве, стало называться школой Мито (*Митогаку*). В ней были представлены различные философские направления и религиозные учения: конфуцианство, буддизм, синтоизм, даосизм, а также «национальная наука» (*кокугаку*).

В развитии школы Мито можно выделить два периода. Первый связан с именем Токугава Мицукуни, внука Токугава Иэясу. В своем княжестве Мицукуни основал Сёсикан (библиотеку) для составления «Истории великой Японии» («Дайнихон си»). С этой же целью в 1665 г. он пригласил высланного из Китая ученого Шу Шуньсуя. Последний был сторонником свергнутой династии Мин, и его пример верного служения трону очень импонировал Мицукуни.

История Японии была завершена в 1715 г., а полностью опубликована лишь в 1906 г.; труд этот состоял из 397 томов. Всю работу пронизывала идея почитания императора и конфуцианская догма о «моральном долге» (*тайги мэйбун*). Не стоит преувеличивать влияние «Истории великой Японии» на современников, поскольку она была написана в старом классическом языке, мало доступном для рядовых самураев.

Гораздо большее влияние на современников имела работа японского ученого Рай Санъё, находившегося в оппозиции к сёгуну. В «Неофициальной истории Японии» («Нихон гайси») он описал историю страны с XII в. до 1600 г. Рай Санъё резко критиковал ранние сёгунаты, особенно сёгунат Асикага, и восхвалял трон. По его мнению, сёгуны захватили власть, а она по исключительному праву должна принадлежать императору, который раньше был и главнокомандующим.

Второй период *Митогакү* связан с именем Токугава Нариаки, отцом последнего, 15-го сёгуна Ёсинобу. Нариаки стал во главе княжества в 1829 г. Он был образованным и решительным человеком, провел у себя ряд административных реформ. Политическая деятельность Нариаки вызвала недовольство *бакуфу*, и его отстранили от дел, что лишь способствовало росту его популярности среди оппозиционно настроенных *даймё*.

Токугава Нариаки в 1841 г. основал школу Кёдōкан (школа великого пути), где велось обучение наукам и военному делу, этикете, стрельбе из лука, езде верхом. Там же обучали обращению с огнестрельным оружием. В школе занимались самураи княжества Мито. Используя западную систему организации армии, там формировались отряды, вооруженные огнестрельным оружием. Токугава Нариаки переплавил большие колокола буддийских храмов в своем княжестве на пушки. Таким демонстративным шагом он выразил свое отрицательное отношение к буддийской церкви и одновременно укрепил обороноспособность княжества.

К числу самых известных деятелей школы Мито принадлежал Фудзита Юоку. Он родился в княжестве Мито в семье торговца, получил воспитание в конфуцианском духе. Его трактат «Сэймэйрон» («Трактат об исправлении имен») получил широкое распространение в кругах недоброжелателей сёгуна. В этой работе он выдвинул девиз «почитайте императора и низвергайте узурпатора» («соннō хайки»). Он писал:

«Необходимо прямо и строго придерживаться деления по именам в государстве. Оно подобно небу и земле и не изменится. Существует монарх и подданные, тогда существует верх и низ, тогда можно установить порядок вещей, правления и обрядов и связанных с ними этических норм, а также долг и справедливость... У неба нет двух сыновей, а у земли нет двух властителей».

Школа Мито выдвинула идею «почитания императора» («соннō»). Лидерами оппозиции и носителями идеи *соннō* выступали образованные люди того времени, которые осознавали кризисную ситуацию в обществе и отсталость Японии. На этом этапе они придерживались мнения о необходимости заимствования западных научных, технических и военных знаний.

Впоследствии, пытаясь найти пути разрешения внутренней кризисной ситуации в условиях угрозы извне, представители школы Мито стали активными противниками западной цивилизации. Лозунг «соннō» дополнился лозунгом «дзэи» («изгнание варваров»). Представители этой школы опасались, что Запад может

разрушить не только социальную и политическую систему Японии, но и подлинный характер японской нации, который они выражали термином «*кокутай*», что было тождественно слову «*син-коку*» — страна богов. В отстаиваемой ими идее японской государственности соединялись император как первосвященник *син-то* и харизматический лидер, и народ, как потомок богини Аматэрасу. Их взгляды легли в основу концепции *кокутай*. С этим понятием и связывалась необходимость возвращения императору всей полноты власти (не только духовной, но и светской), которую он утратил в период сёгунатов. Само слово «*кокутай*» (можно перевести как «государственный организм») обозначало специфическая японскую государственную общность, объединяющую императора, парод и собственно Японские острова в органическое целое. Формированию такого миропониманию способствовали национальная гомогенность японцев, период самоизоляции и островное положение, рождавшее ощущение замкнутости географического пространства.

На этом этапе основными теоретиками школы Мито были Айдава Сэйсисай и Фуданта Тёко. Они сыграли большую роль в формировании идеологии движения за «изгнание варваров» (*дзёи*), т. е. противодействие открытию страны, распространению европейских знаний, проникновению иностранцев, защиту всего национального. Эту идею на определенном этапе поддерживало и правительство сёгуна.

Идеологические установки школы Мито по существу были первым в истории Японии политическим обоснованием национальной идеи. Произошло соединение идеи почитания императора с концепцией «изгнания варваров». Правда, в то время концепция «*соннё дзёи*» не имела ярко выраженной антисёгунской направленности. Ее авторы полагали, что, можно соблюдать лояльность как по отношению к императорскому двору, так и к сёгуну. Однако после насильственного открытия страны, и, особенно, после заключения неравноправных торговых договоров, *соннё дзёи* стал лозунгом борьбы против *бакуфу*.

В условиях существования двух структур власти (номинальной — императора и реальной — сёгуна) школа Мито соединила идею почитания императора с политикой. Политическая концепция ее включала четыре направления: изменение внутренней политики, упорядочение управления армией, повышение благосостояния страны, установление приоритета национальной безопасности, другими словами, создание богатого государства и сильной

армии (*фукоку кёхэй*). Формула *фукоку кёхэй* легла в основу политической программы нарождавшегося национализма.

Школа национальной науки

Антисёгунскую идеологическую направленность имела и школа национальной науки (*кокугакуха*). Ее представители на первых порах не разрабатывали философские проблемы, а изучали и комментировали древние японские литературные памятники. При этом они стремились постичь первоначальную суть этих классических текстов на основе их лингвистического и филологического анализа.

Родоначальником школы национальной науки был Кэйтё. Настоящая его фамилия была Симокава, а Кэйтё — его посмертное буддийское имя. Кэйтё уже в возрасте 12 лет принял монашеский сан. Кроме буддизма он изучал классическую японскую литературу и древнеяпонский язык. По совету Токугава Мицукуни Кэйтё начал изучение «Манъёсю», и прокомментировал весь памятник. Его труд, состоящий из 31 тома, считается одним из самых авторитетных и широко используется современными исследователями «Манъёсю».

Философия школы кокугакуха заявила о себе в первой половине XVIII в. Она была разработана в трудах Када-но Адзумамаро, Камо-но Мабути, Мотоори Норинага и Хирата Ацутанэ. Первый, в частности, разрабатывал методику филологических исследований, а его ученик Камо-но Мабути применил ее для изучения «Манъёсю». Это был подготовительный этап формирования кокугакуха, этап «филологической философии», которая стала началом перехода от критики текста и его филологического комментирования к историческому, а потом и к философскому осмыслению памятников.

Школа кокугакуха опиралась не только на *синтё* как религиозное учение, связанное с «эрой богов», но и на историю, литературу страны, историю императорской династии и государственного устройства. При этом *синтё* признавался квинтэссенцией национальной традиции, основой мировосприятия японцев. Но все это пока не выходило за рамки конфуцианской идеологии, ибо существовал *синтё*-конфуцианский синкретизм, одним из творцов которого был Хаяси Радзан, постаравшийся подвинуть синтоизм конфуцианскую базу. Так что тогда эта идеология еще не стала самостоятельным философским учением, отринувшим конфуцианство и буддизм, как иностранные наслоения и влияния.

Постепенно сторонники кокугакуха пришли к выводу, что древние тексты сообщают наивысшую истину и содержат в себе

неисчерпаемые сокровища японского «божественного» духа, а «путь Японии в древности» является единственным идеалом, к которому следует стремиться. Их критика буддизма и конфуцианства основывалась на том, что эти учения утратили веру в разумность человека и навязывали ему искусственно разработанные правила и этикет. *Кокугаку* возвеличивала и идеализировала образ жизни древних японцев, их представления о справедливом правлении. Другими словами, на передний план выдвинулся культ *синтё*, который принимал своеобразную форму антибуддийского, антиконфуцианского учения.

Подлинно философской школой *кокугаку* стала усилиями Мотоори Норинага и его учеников, прежде всего Хирата Ацутанэ, хотя и они в значительной степени были носителями мифологического сознания. Будучи синтоистами, представители этой школы возвеличивали национальную мифологию, преклонялись перед древними историко-литературными памятниками, изучали и комментировали их. В отличие от многих современников Мотоори Норинага считал важнейшим японским памятником не «Нихон сёки» («Анналы Японии», VIII в.), написанные по китайским канонам, а сугубо традиционный текст «Кодзики» («Записи о деяниях древности», VIII в.). Он воспринимал «Кодзики» без критики и сомнений, считая их хроникой подлинных фактов.

На этой основе было разработано теологическое учение «возрожденный *синтё*», понимавшееся как «путь древних» (*кодё*). Основным его элементом была идея божественного происхождения Японии, исключительности нации и почитания императора (*соннё*). Говоря об исключительности японцев, Мотоори Норинага концентрировал внимание не столько на этническом, сколько на сакральном превосходстве, т. е. выводил их происхождение непосредственно от богини солнца Амаэрасу, прародительницы императорской династии. Император — первосвященник *синтё*, обладающий магической силой общения с божествами. Поэтому он сохранял свое место в иерархии общества даже будучи отстраненным от политической власти. Но при этом на первых порах идея почитания императора не имела прямой антисёгунской направленности.

Учение школы национальной науки было по своему характеру рафинировано элитарным. Тем не менее идеи школы получили распространение не только среди интеллектуалов или в аристократических кругах, но и среди горожан и зажиточного крестьянства, и постепенно сделались мощным фактором не только духовной, но и политической жизни в конце периода Токугава.

Развивая концепцию своего учителя, Хирата Ацутанэ органично сочетал теологию и политику. Он был одним из главных теоретиков современного *синтō*, и он же политизировал учение *кокугакуха*, в результате чего идея почитания императора превратилась в программу борьбы за восстановление императорской власти. Хирата Ацутанэ был главной фигурой в движении *фукко синтō* (возрождение *синтō* древности). Опираясь на идеологию синтоизма, Хирата пытался создать систему развития японского государства. Его националистические идеи оказали сильное влияние на лидеров антисёгунского движения. Этнократическая доктрина Хирата явилась идеологической основой реставрации Мэйдзи, а впоследствии во многом способствовала созданию «государственного *синтō*».

«Голландские знания» Оппозиция в лице сторонников идеи изгнания варваров выступала против распространения в стране европейских знаний (*ёгаку* или, как их еще называли, *рангаку* — досл. «голландских знаний», так как они приходили в Японию в переводе на голландский язык), хотя объективно они как раз содействовали становлению самой оппозиции. Примечательно, что инициатором использования западной науки было само *бакуфу*, которое исходило при этом из важности ее практического применения.

Начало проникновения западных знаний в Японию было положено снятием запрета (1720) сёгунского правительства на ввоз европейских книг, не содержащих никаких упоминаний о христианстве. Однако, спустя почти 100 лет, на протяжении которых Япония усилиями неутомимых ученых энтузиастов накапливала знания, власти *бакуфу* попытались поставить заслон на пути их распространения. Эти действия были продиктованы тем, что приверженцы европейских знаний стали выступать с критикой существующего режима.

Одним из ярких представителей школы *рангаку* был Хонда Тосиаки, который ратовал за развитие внешней торговли для укрепления японской экономики. Он обвинял правительство в проведении антинародной политики и выступал за формирования новой политической элиты, способной поднять Японию до уровня европейских стран. Другим видным деятелем этого направления был Сатō Нобухиро, который подчеркивал необходимость освоения западной науки и техники, развития экономики для обеспечения национальной безопасности. Как и Хонда Тосиаки, он особенно обращал внимание на необходимость государственного вмешательства в экономику.

Глава 3

«ОТКРЫТИЕ» ЯПОНИИ

**Международная обстановка на Дальнем Востоке
(конец XVIII—начало XIX вв.)**

Эпоха великих географических открытий одновременно была и началом колониальной экспансии. Особенно широкий размах она приобрела с началом XIX вв., когда начала складывалась мировая система капитализма. При этом европейские страны насильственно втягивали в нее народы других континентов, уготовив им, как правило, судьбу колоний и полуколоний.

Первые американские попытки «открыть» Японию

На Дальнем Востоке европейские страны и США были конкурентами в борьбе за рынки и опорные базы на Тихом океане. Немалую роль в то время играли пушные и китобойные промыслы. Добившись определенных успехов в ожесточенной конкурентной борьбе с Англией за китайский рынок, США устремили свой взор на Японию. Эта страна интересовала их по ряду причин: ее порты были удобны как перевалочные пункты для торговли с Китаем, что значительно удешевляло товары и соответственно повышало конкурентоспособность; она имела стратегическую привлекательность в условиях активного освоения Россией Дальнего Востока; представляла собой еще не освоенный рынок для американских товаров и являлась потенциальной базой для обеспечения всем необходимым американского китобойного флота в северной части Тихого океана.

Отдельные попытки американских купцов проникнуть на японский рынок, начиная с конца XVIII в., оканчивались неудачами. Впервые у берегов Японии (в бухте Вакаяма) американское торговое судно «Леди Вашингтон» появилось в 1791 г. Затем в 1797 г. прибыл американский корабль «Элиза», правда, под голландским флагом. Американские торговцы действовали на свой страх и риск, и лишь в 1815 г. они получили поддержку своего государства: правительство США приняло решение о применении вооруженной силы при попытках установить торговые отношения с Японией. Во исполнение этого решения начались посещения Японских островов кораблями американской тихоокеанской эскадры. В нарушение установленного для иностранцев правила приходить лишь в Нагасаки, они пытались проникнуть в другие порты, но

безрезультатно. Так шли годы. Всего американцы в 1791–1849 гг. направили в Японию 7 экспедиций, но все они остались безрезультатными. Кстати, так же безрезультатно закончились подобные экспедиции, направленные в Японию Англией (1791, 1813–1814, 1818, 1837, 1843, 1846, 1849) и Францией (1846).

В 1846 г. два американских военных корабля под командованием коммодора (адмирала) Биддла вошли в залив Урага (Токийский). Коммодору было поручено передать *бакуфу* официальное послание президента США, в котором предлагалось заключить торговый договор, аналогичный имевшемуся с Китаем. Но ответ, естественно, был отрицательным и даже неофициальным по форме. Попытки проникнуть в Японию делались под разными предлогами: например, коммодор Глиин прибыл в 1849 г., якобы, для того, чтобы забрать 15 американских матросов, сбежавших из-за жестокого обращения с одного из кораблей и укrywшихся на Кюсю.

В стремлении «открыть» Японию представители американской торгово-промышленной буржуазии и военные были едины. Так, коммодор Глиин предлагал не перемониться с японцами и силой оружия вынудить их подчиниться требованиям США. Его проект был благосклонно рассмотрен президентом Филмором, и в 1852 г. американское правительство приняло решение послать к берегам Японии военно-морскую эскадру.

Миссия А.Лаксмана Не менее активно на Дальнем Востоке вела себя и Россия. Это было обусловлено развитием геополитической обстановки в этом районе, где она сталкивалась в первую очередь с Англией и Францией. Достаточно упомянуть экспедиции Кука, Лаперуза и Ванкувера, во время которых французские и английские суда заходили на Курильские о-ва, побережье Чукотки и Камчатки. Однако ввиду сложной обстановки, создавшейся для России в Европе, она предпочитала действовать в этом районе не от лица государства, а от имени торговых компаний, возложив на частный капитал бремя основных расходов по освоению новых территорий.

В конце XVIII в. заинтересованность России в установлении торговых сношений с Японией усилилась в связи с необходимостью снабжать население русских тихоокеанских владений продовольствием и различными товарами, доставка которых из европейской части России кругосветным морским путем или через Сибирь требовала много времени и больших расходов.

Первое решение позондировать почву относительно возможности установления официальных контактов, прежде всего торго-

вых, с Японией было принято русским правительством в 1791 г. С этой целью в 1792 г. в Японию была направлена экспедиция А.Лаксмана на корабле «Св. Екатерина». Екатерина II направила ее как бы полуофициально, от имени иркутского и колывановского губернатора И.А.Пиля, чтобы не возбудить подозрений Голландии относительно активизации политики России на Дальнем Востоке.

Главной целью экспедиции А.Лаксмана было добиться разрешения от японского правительства открытия одного из портов для торговли с Россией, что было задачей довольно трудной. Ему был дан наказ соблюдать все законы и обычаи этой страны, но не ронять при этом достоинство подданного Российской империи. Своего рода «ключом» для установления добрососедских торговых отношений должны были послужить попавшие в Россию в 1783 г. в результате кораблекрушения трое японцев, которых предполагалось вернуть на родину.

Экспедиция А.Лаксмана прибыла на о-в Хоккайдō в г. Нэмуру в княжестве Мацумаэ, которое в известной мере находилось в оппозиции *бакуфу*. Ожидая ответа сёгунского правительства на сообщение князя Мацумаэ о прибытии русских, Лаксман составлял карты и описывал северо-восточное побережье Хоккайдō. Японские чиновники—представители центральной власти не препятствовали научным изысканиям русских, но категорически запретили торговлю с ними местному населению. Более того, они торопили Лаксмана покинуть Нэмуру, поскольку все-таки опасались установления контактов достаточно независимых князей Мацумаэ с иностранцами.

Официальный ответ сёгунского правительства А.Лаксман получил только спустя почти 10 месяцев, 23 июля 1793 г. В нем говорилось:

«Вам разрешается прибытие в Нагасаки при условии принятия наших предписаний. Христианская религия у нас в стране запрещена. Не разрешается привозить с собой предметы культа. Это неизбежно вызовет неприязни. Строго соблюдая вышеуказанное, Вы можете посетить только гавань Нагасаки... В точно установленный день Вам будет разрешена высадка на берег, для чего Вам выдается настоящее свидетельство».

Это был несомненный успех России, ибо она получила желаемую лицензию на торговлю с Японией. Однако Россия попыталась воспользоваться этой лицензией лишь в 1803 г. До этого внимание русского правительства было отвлечено событиями Француз-

ской революция 1789–1794 гг. и происшедшим в 1795 г. разделом Польши. Вслед за тем, в ноябре 1796 г. умерла Екатерина II, и ее распоряжение об отправке в Японию казенного или купеческого судна с товарами не было выполнено. Так непростительная медлительность свела на нет все положительные итоги миссии А.Лаксмана.

Посольство Н.П.Резанова Верная своей политике действовать на Дальнем Востоке через торговые компании, Россия стремилась объединить соперничавших друг с другом сибирских купцов, чтобы они могли противостоять американскому и английскому капиталу. С этой целью в 1799 г. была образована Российско-американская компания, которая владела обширными землями в Северной Америке и на островах в северо-западной части Тихого океана (Курильские и Алеутские о-ва, Сахалин). Компания пуждалась в рынках сбыта для своих товаров и источниках снабжения продовольствием.

В связи с этим Япония вновь привлекла внимание России. Обладая лицензией на торговлю, полученной Лаксманом, русское правительство в ответ на просьбу Российско-американской компании в 1803 г. приняло решение об отправке официального посольства в Японию, совместив его с первой русской кругосветной экспедицией под командованием И.Ф.Крузенштерна и его помощника Ю.Ф.Лисянского на кораблях «Надежда» и «Нева». Опять на борт были взяты оказавшиеся в России японцы.

Посольство возглавил уполномоченный Российско-американской торговой компании Н.П.Резанов. На этот раз русское правительство подняло уровень представительства. Если А.Лаксман был молодым человеком (26 лет), занимал невысокое служебное положение (был поручиком) и имел послание японской стороне от имени губернатора Сибири, то Резанов был камергером и вез личное письмо императора Александра I, которое надлежало передать сёгуну. Посольству предписывалось так же, как и экспедиции Лаксмана, при общении с японцами соблюдать их обычаи. На этот раз главной целью было установление торговых отношений.

В то время Япония проявляла определенный интерес к территориям, расположенным к северу от архипелага, хотя в целом *бакуфу* придерживалось политики нерасширения границ государства и не поощряло «движение на север», ибо опасалось усиления княжества Мацумая. В 1802 г. в Хакодате было учреждено представительство *бакуфу* и создано специальное бюро по колонизации Курил, при том, что оставалось много неосвоенных земель на самом Хоккайдо.

К началу XIX в. японцы располагали определенными сведениями о своем дальневосточном соседе. Частично они были почерпнуты из рассказов айну, непосредственно общавшихся с русскими, из китайских источников, а также от голландцев. Как известно, последние были основным каналом получения японцами сведений о внешнем мире, которые подчас были далеки от действительности. Голландцы, опасаясь конкуренции, зачастую представляли другие страны и народы в неприглядном свете. Так, в свое время не без участия голландцев реноме России в глазах японцев было серьезно испорчено австрийским офицером польского происхождения и авантюристом по призванию М.Бениовским. Сосланный царским правительством на Камчатку, он бежал оттуда в 1771 г. в Японию, где и сообщил много небывлиц об агрессивных намерениях русских; голландцы же не преминули довести их до сведения сёгуна.

Русские, которых японцы встретили на Курилах. Слева жевщины и дети с Урупа, справа мужчина с Итурупа

Посольство Резанова прибыло в Нагасаки в сентябре 1804 г. После долгих проволочек *бакуфу* аннулировало лицензию на торговлю с Россией, выданную Лаксману. Тому было несколько причин: осложнение социально-экономической обстановки внутри самой Японии, опасения, что уступки России создадут нежелательный прецедент в отношениях с другими странами и в конечном итоге приведут к прекращению изоляции страны, к чему правительство Японии было абсолютно не готово.

Правда, среди японской политической элиты не было единства мнений относительно отношений с Россией. Хотя преобладающей точкой зрения было сохранение статус-кво, т. е. изоляции, некоторые считали, что при этом к России, как близкому соседу, следовало бы относиться по особенному; иначе говоря, считали возможным установить с ней торговые отношения.

Следует отметить, что посольство Резанова, кроме этой главной цели подняло вопрос и о территориальном размежевании, что было своеобразным аргументом для усиления позиции русских при переговорах. Наиболее прагматичные представители *бакуфу*, такие как Мацудайра Саданобу (в то время возглавлявший управление по охране морского побережья), понимали, что русские...

бость страны и стояли за разумный компромисс. Такую же позицию занимали и торговцы. Однако сёгун, заручившись поддержкой императора, которого пугали «вторым пришествием» христианства, дал отрицательный ответ на русские предложения.

Резанов

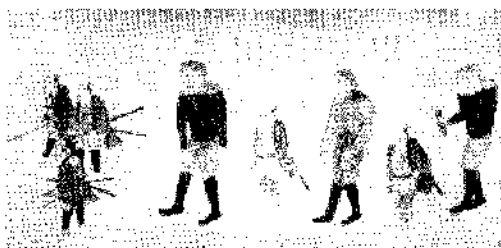
Получив отказ, Резанов высказал резкое недовольство и отбыл на север с целью обследования Сахалина, Курильских о-вов, бассейна Охотского и Японского морей. Располагая сведениями об отсутствии единства мнений по вопросу о торговле с Россией в японских правящих кругах, Резанов принял решение продемонстрировать японцам военную силу. В 1805 г. он подготовил проект экспедиции на Сахалин и Курилы, где японцы начали создавать фактории на период путины или охоты. На Итурупе они построили укрепленное поселение и разместили там гарнизон.

Резанов сообщил о своем проекте в Петербург, но, не получив ответа (хотя для этого было достаточно времени), распорядился направить в 1806 г. на Сахалин и Курилы фрегат «Юнона» под командованием лейтенанта Н.А.Хвостова и тендер «Лвось», командиром которого был мичман Г.И.Давыдов. В результате этого похода были уничтожены несколько японские факторий, а проживавшие на них японцы были взяты в плен (затем почти всех их выпустили, оставив двоих в качестве переводчиков).

Такие жесткие действия не были чем-то необычным в практике международных отношений того времени. Спалив японские фактории, Хвостов передал через одного из пленных письмо, в котором он объяснял представителю *бакуфу* на Хоккайдō цель своих действий, и обещал спустя год вернуться за ответом. Японская сторона подготовила к этому сроку достаточно позитивный ответ, но Россия опять упустила стратегическую инициативу, не прислав за ним корабль.

Причина этого, скорее всего, была в том, что русский император остался крайне недоволен действиями своих посланцев. Резанов умер по дороге в Петербург в 1807 г., не сумев убедить власти в правильности своих действий, а Хвостов и Давыдов были подвергнуты наказанию за свое самоуправство. И даже, когда они были представлены к наградам «за отменную храбрость и отличное мужество», проявленное в сражении в Финляндии, по решению Александра I они не получили их «в наказание за своеволие против японцев».

Японцы ведут пленных русских. Первый из трех гигантов — капитан В.М.Головнин

Как своеобразный реванш японцев за действия Хвостова и Давыдова можно расценить захват в плен капитана В.М.Головнина с несколькими членами его команды на о-ве Кунашир в 1811 г. Он зашел туда на военном шлюпе «Диана», чтобы пополнить запасы воды и продовольствия, когда проводил картографическую экспедицию в районе Курильских о-вов. Проведя в плену свыше двух лет, Головнин оставил «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах», переведенные сразу на многие европейские языки. В плену судьба его свела с японским кунцом Такатая Кахэй, понимавшим выгоду торговли с Россией и оказавшим содействие в освобождении русских. В память об этом событии в 1996 г. на о-ве Авадзи (на родине Такатая) ему и капитану Головнину был установлен памятник.

Американцы и русские «открывают» Японию

В 50-е годы XIX в. на фоне трудностей, переживаемых сёгунатом, развернулось международное соперничество вокруг «открытия» Японии. Главным образом, оно шло между США и Россией.

Экспедиция М.Перри В этом соперничестве США все время шли на полшага впереди. В 1852 г. американское правительство приняло решение направить в Японию эскадру из 12 военных кораблей, включая невиданные японцами паровые фрегаты. Во главе ее встал коммодор Мэттью Перри, опытный морской офицер и яростный проводник американской экспансионистской политики. Он прославился еще в 30–40-х годах, особенно во время войны с Мексикой. Перри был также видным политическим деятелем, который понимал выгодность стратегического положения Японии и считал необходимым включить ее в сферу влияния США.

Американское правительство поставило перед Перри следующие цели:

- добиться «открытия» Японии, установив с ней торговые отношения, и получить на ее территории базы для китобойного и торгового флотов;
- обеспечить США преобладающее политическое влияние в Японии, оттеснив другие страны, в том числе Англию, Францию и Россию;
- собрать разного рода информацию об этой стране и других районах Дальнего Востока, что облегчило бы дальнейшее проникновение американского капитала на дальневосточные рынки.

Коммодор М.Перри

В официальном послании конгрессу президента Филмора по поводу экспедиции Перри было сказано, что она имеет «дружественный и мирный характер». Однако секретные инструкции государственного департамента по поводу методов, которыми следовало добиваться вышеозначенных целей, говорят об обратном. «Любые аргументы или уговоры, адресованные этому народу, будут совершенно бесполезны, если они не будут поддержаны внушительной демонстрацией силы», — отмечалось в этом документе.

В соответствии с этими рекомендациями Перри был наделен правом

действовать по своему усмотрению, и был уверен, что любое его решение, пусть даже самое радикальное, не встретит осуждения. Другими словами, правительство США развязывало коммодору руки для демонстрации военной силы и заранее одобряло любые его действия в случае отклонения японцами предъявленных им требований. Подготовка и сама экспедиция была окружена тайной, что также свидетельствовало не в пользу заявленного ее мирного и дружественного характера.

Эскадра взяла курс на Японские о-ва. Часть кораблей была оставлена в Китае, как аргумент, чтобы добиться принятия предъ-

явленных ему ранее американских требований. По пути к Японии Перри остановился на о-вах Рёккё. Их стратегически важное положение привлекало внимание американцев, которые хотели создать здесь базу своего флота. Перри вынудил правителя Рёккё дать согласие на ее строительство в г. Наха — столице архипелага. Однако сделать Рёккё, так же как и о-ва Бонин, американской колонией, несмотря на неоднократные попытки в последующие годы, не удалось. Этому помешали сопротивление местного населения и противодействие западных держав.

В июле 1853 г. эскадра Перри вошла в залив Урага недалеко от столицы Эдо (Токио). На настоятельные требования японцев удалиться в г. Нагасаки Перри ответил категорическим отказом. Он мотивировал его тем, что должен именно здесь вручить японскому императору послание американского президента. На повторные требования японцев покинуть залив Урага Перри пригрозил высадить десант, поскольку располагал сведениями о полной неспособности береговых укреплений противостоять военной мощи американской эскадры.

Появление американцев в непосредственной близости от сёгунской столицы вызвало шок у правительства и панику среди населения. *Бакуфу* нечего было противопоставить мощи американских военных кораблей. Оружия для ведения современного боя у японцев практически не было (например, на 1 тыс. солдат приходилось всего 30 ружей). Продолжая политику угроз, Перри переместил свои корабли ближе к Эдо.

Бакуфу поняло, что оно вынуждено уступить, чтобы избежать вооруженного вторжения. Для церемонии вручения послания президента Филмора на берегу было выстроено специальное здание, куда прибыл в сопровождении 300 моряков коммодор. Их прикрывали нацеленные на японские берега корабельные орудия. Во время церемонии в знак протеста против насильственных действий американцев японцы хранили молчание. От себя лично Перри передал свои верительные грамоты и письмо императору, в котором в более резкой и угрожающей форме повторялись требования из послания президента. За ответом коммодор обещал вернуться через год. Для большей убедительности он провел эскадру вдоль берегов залива и отбыл в Китай. «Терпеливость» в отношении сроков ответа объяснялась тем, что США старались держать под контролем ситуацию в Китае, а их военное присутствие в том районе пока было достаточно ограниченным.

Требования американцев вызвали серьезную тревогу в политических кругах страны. Экономическая и финансовая слабость

не давала возможности *бакуфу* выработать четкую позицию. Оно решило запросить мнения всех высокопоставленных чиновников и пошло даже на беспрецедентный шаг, обратившись за советом к императору и ко всем крупным феодалам в княжествах (правда, из 258 *даймё*, которым был направлен запрос, только 58 прислали ответ). Это была хорошо продуманная политическая акция, которая снимала ответственность с правительства в случае принятия им унижительных требований США. Вместе с тем это свидетельствовало и о неспособности *бакуфу* самостоятельно управлять страной.

В результате произошло определенное смягчение отношений сёгуната с императорским двором и главами крупнейших княжеств. Это послужило также толчком к повышению политической активности различных слоев самураев и развертыванию оживленной дискуссии между сторонниками открытия страны и приверженцами концепции «изгнания варваров» (*дзёи*). Но как сторонники решительных военных действий (т.е. сохранения изоляции), так и адвокаты мирного урегулирования проблемы (т.е. открытия страны) были едины в своем признании абсолютной неготовности Японии противостоять военной силе США.

Большинство *даймё* выступали за полумеры и лишь незначительная часть — за вооруженное сопротивление. Те, кто выступал за открытие страны, прежде всего опасались неизбежного военного поражения, но отнюдь не считали, что открытие страны необходимо для ее дальнейшего развития. В результате американские требования были приняты: победил прагматизм и здравая оценка соотношения сил.

Посольство

Е.В.Путятин

Не стояла в стороне от открытия Японии и Россия. К активизации своей политики на Дальнем Востоке ее подталкивали деятельность в этом районе Англии, Франции и США, их соперничество за влияние в Китае и Японии, их стремление закрепиться на Курильских о-вах, Сахалине и в устье Амура, что уже непосредственно угрожало безопасности Российской империи, развитию ее торговли и мореходства на Тихом океане.

Добившись определенных успехов в торговле с Китаем, правящие круги страны планировали установить такие же отношения и с Японией. Россия была заинтересована в урегулировании спорных пограничных вопросов (разграничении владений на Курильских о-вах и Сахалине), налаживании дружественных добрососедских связей с этой страной. К быстрейшему решению этих

проблем ее особенно подстегивали исключительно энергичные действия в этом регионе США.

В октябре 1852 г. в Японию было направлено посольство вице-адмирала Е.В.Путятина. В составе его эскадры был фрегат «Паллада», на борту которого находился известный писатель И.А.Гончаров, ставший неофициальным историографом экспедиции. Эта инициатива России вызвала серьезное беспокойство всех западных держав (в первую очередь Голландии, которая как известно, единственная из европейских стран торговала с Японией) и, естественно, США.

В инструкции российского правительства Путятину определялись цели и задачи экспедиции. Ему поручалось собрать сведения обо всем, что происходит у побережья русских владений в Восточной Азии и западной части Северной Америки, а также принять новые усилия для открытия японских портов и использовать их близость к России для экспорта из Японии продовольствия для снабжения населения ее дальневосточных владений в обмен на товары, необходимые японцам. Этих целей надлежало добиваться, прибегая лишь к «миролюбивым мерам, дабы не лишиться тех выгод, какие, без сомнения, приобретут теперь американцы, а может быть, и другие морские державы». Таким образом Путятину было строго предписано действовать исключительно мирными средствами с соблюдением законов страны. В послании Николая I японскому императору отмечался дружественный характер посольства Путятина и содержалась просьба разрешить русским посещать порты Японии для обмена товарами, т. е. речь шла об установлении торговых отношений.

В отличие от США, Россия не делала тайны из посылки в Японию миссии Путятина. Голландия, которая стремилась играть роль посредника в отношениях иностранных государств с Японией, предупредила *бакуфу* об этой экспедиции, безусловно, представив русских не в лучшем свете. Поэтому, когда русская эскадра вошла в залив Нагасаки в августе 1853 г. (через месяц после ухода Перри из залива Урага), она встретила не слишком дружелюбный прием. Японцы, видя, что русские не угрожают им военной силой, всеми средствами затягивали переговоры и старались не допустить прибытия Путятина в Эдо.

Бакуфу опасалось двойного давления — со стороны США и России. Путятину же к ускорению переговоров подталкивала назревавшая война России с Турцией, Францией и Англией, ибо безрезультатная экспедиция в Японию подрывала престиж России. В ответ на затягивание переговоров со стороны японцев Пу-

Путятин пригрозил направиться в Эдо. Начались затяжные переговоры с представительными чиновниками *бакуфу*. За 6 месяцев Путятин добился лишь принципиального согласия японской стороны на открытие ее портов и установление торговых отношений. Он получил документ, который гарантировал заключение русско-японского договора и обеспечивал для России все, что «потребуется теперь от Японии американским оружием или переговорами, а на будущее время и домогательствами других морских держав». В конце января 1854 г. эскадра покинула Нагасаки и прибыла на о-ва Рёккё, где Путятин узнал, что коммодор Перри снова отбыл в Эдо. На этот раз его поспешное возвращение в Японию было стимулировано активными действиями русских.

Заклучение неравноправных договоров

В середине февраля 1854 г., раньше обозначенного срока, эскадра Перри вновь подошла к берегам Японии, на этот раз она прибыла в местечко Канагава вблизи Йокогама, всего в 8 милях от Эдо. 9 военных кораблей имели на борту 1600 моряков и 250 орудий. Под угрозой применения военной силы Перри вынудил японцев в марте 1854 г. подписать японо-американский договор о мире и дружбе. Он вошел в историю под названием Канагавского договора. Его текст был написан на четырех языках — английском, голландском, китайском и японском.

Суть этого договора, состоявшего из 11 статей, сводилась к следующему:

- были открыты для захода американских судов и снабжения их всем необходимым порты Симода (сразу же после подписания) и Хакодадэ (через год); при этом не ограничивалось ни количество кораблей, ни объем закупаемых товаров;
- был урегулирован порядок обращения с потерпевшими кораблекрушения;
- на американцев не распространялись ограничения, налагавшиеся на голландцев и китайцев в Нагасаки;
- американцы получили право обменной торговли, разрешалось хождение, любой иностранной монеты наряду с японской, что в условиях глубокого экономического кризиса и отсутствия единой государственной монеты плохо отражалось на денежно-финансовой системе страны;
- США получили статус наибольшего благоприятствования, что обеспечивало им в будущем получение любых привилегий, которых добились бы другие страны;
- в случае неблагоприятных погодных условий американским судам разрешалось заходить в любые японские порты;

- предусматривалось назначение постоянного американского консула в Симода в случае, если одно из правительств сочтет это необходимым.

Таким образом американцы достигли своей цели — открыли Японию для внешнего мира. Канагавский договор был первым из серии неравноправных, так называемых Ансэйских (годы Ансэй — 1854–1859) договоров. Он послужил базой для заключения аналогичных соглашений с другими странами: в октябре 1854 г. был подписан японо-английский; в январе 1855 г. японо-русский договор, получивший название Симодский трактат; затем подобные договоры подписали Голландия (январь 1856 г.), Франция (октябрь 1858 г.) и ряд других государств.

Заключению Симодского трактата предшествовали довольно длительные переговоры. Путятин прибыл на фрегате «Диана» в Симода в ноябре 1854 г. На этот раз переговоры были прерваны в связи с сильнейшим землетрясением, в результате которого Симода был почти полностью разрушен, а российский корабль получил сильные повреждения. Фрегат был разгружен, а команда высажена на берег. Для ремонта японцы попытались перевести «Диану» в закрытую бухту Хэда на п-ове Идзу, но по дороге налетел шквал, и фрегат, оставленный японцами на произвол судьбы, затонул. По распоряжению правительственных чиновников русские моряки были отправлены в Хэда и размещены в специально отведенных для них помещениях. Часть команды затем была вывезена зафрахтованными иностранными судами, а часть вернулась на родину на построенной ими шхуне «Хэда».

Ведение переговоров осложнялось еще и тем, что в это время Россия вела неудачную для нее Крымскую войну, в которой на стороне турок выступали Франция и Англия. В январе 1856 г. в Симода в храме Гёкусэндзи был заключен первый русско-японский договор:

- между двумя странами устанавливались дипломатические отношения;
- подданные одной стороны получали защиту и покровительство на территории другой, обеспечивалась неприкосновенность их собственности;
- частично была урегулирована проблема территориального размежевания: на Курильских о-вах граница проходила между островами Уруп и Итуруп, но Сахалин оставался неразделенным;
- для русских судов открывались порты Хакодатэ, Нагасаки и Симода, где разрешались торговые сделки в ограниченных размерах и под контролем японских чиновников;
- предусматривалось назначение русского консула в одном из открытых портов;
- в них же предоставлялось право экстерриториальности;

— Россия получала статус наибольшего благоприятствования.

При обмене ратификационными грамотами в мае 1856 г. в Симоды японской стороне были переданы в дар шхуна «Хэда» и 52 пушки с фрегата «Диана» в знак благодарности за помощь, оказанную пострадавшим от стихийного бедствия русским морякам. Первым консулом в Хакодате был назначен И.А.Гошкевич, дипломат, ученый, знаток китайского и японского языков.

Память об этом событии жива у обоих народов: в 1989 г. в Хакодате был установлен памятник И.А.Гошкевичу, а в 1994 г. в г. Фудзи был открыт памятник Е.В.Путятину.

Заключенные договоры не содержали конкретных статей, касавшихся торговых отношений, и японцы продолжали препятствовать налаживанию торговли с иностранцами. Поэтому США через посредничество своего первого консула в Симоды Т.Гарриса настояли на заключении специального торгового договора.

Во время ведения переговоров о заключении торгового соглашения американцы действовали, как всегда, жесткими силовыми методами. Промежуточным итогом переговоров было подписание летом 1857 г. Японо-американской конвенции, которая дополняла и расширяла Канагавский договор. Она включала ряд статей, которые содержались в договорах Японии с другими государствами и распространялись на США по праву наиболее благоприятствуемой нации. В частности, дополнительно был открыт порт Нагасаки, расширялась система экстерриториальности, американцам было предоставлено право консульской юрисдикции. Были введены и абсолютно новые положения, например, право постоянного проживания американцев в Симоды и Хакодате, назначение вице-консула в Хакодате. Однако решения проблемы установления торговых отношений и открытия японского рынка эта конвенция не предусматривала. На очереди стояло заключение полномасштабного торгового договора, которое состоялось в июле 1858 г.

Главным в этом договоре были статьи, касающиеся экономики, суть их сводилась к следующему:

— предусматривалось открыть в ближайшие 5 лет новые порты для захода американских кораблей: Канагава, Нагасаки, Ниигата и Хёго, где подданным США разрешалось арендовать землю и приобретать необходимые строения, но не возводить укрепления; в Эдо и Осака они могли проживать только с целью торговли. В двусторонней торговле исключалось посредничество правительственных чиновников, но ввиду ограничения права передвижения

по стране (не более 40 км от места жительства) возрастала роль японских посреднических торговых фирм.

— вводилась система таможенных пошлин на импортируемые и экспортируемые товары. Их конкретные размеры устанавливались дополнительными правилами, согласно которым была разработана скользящая шкала тарифов. Все импортируемые товары делились на 4 разряда: 1) не подлежащие обложению пошлиной (золото и серебро, ввозимые для личных нужд иностранцев, одежда, домашняя утварь, книги; 2) облагаемые пошлиной в размере 5% стоимости товара (материалы, необходимые для постройки и оснащения судов всех видов, ряд продовольственных товаров, шелк-сырец, паровые машины, некоторые металлы); 3) облагаемые 35%-й пошлиной (все алкогольные напитки), 4) облагаемые 20%-й пошлиной (все прочие товары).

Такая шкала тарифов отвечала, в первую очередь, интересам США. Она учитывала структуру американского экспорта, в котором львиную долю составляла продукция сельского хозяйства. Поэтому пошлины на нее были самыми низкими, а высокие устанавливались, например, на алкоголь, в котором была заинтересована Франция, или текстиль (20%) — главный предмет экспорта Англии. Учитывая возможность изменения структуры американского экспорта в будущем, в соглашении по тарифам предусматривался их пересмотр, что и было сделано в 1866 г., когда 5%-е пошлины были введены на все ввозимые товары, что, безусловно, ущемляло интересы Японии, лишая ее фактически таможенной автономии. На все японские экспортируемые товары устанавливалась пошлина в размере 5%.

Кроме того, договор затрагивал политические и военные аспекты двусторонних отношений. И здесь США получали определенные преимущества. В частности, американский президент выступал посредником при возникновении конфликтов между Японией и другими государствами, что по сути являлось вмешательством во внутренние дела страны. Япония получала право закупать в США военные корабли и вооружение, приглашать военных советников, чем американская сторона не преминула воспользоваться и наводнила своими специалистами Японские острова. Американцам удалось включить статью, согласно которой беспошлинно и бесконтрольно можно было ввозить в открытые порты все необходимые для нужд их флота товары. Нельзя не упомянуть и статью об экстерриториальности, которая была одной из самых унижительных и ограничивала суверенитет страны. Она была включена Гаррисом еще в конвенцию 1857 г. При этом

он использовал отсутствие дипломатического опыта у японцев и полное незнание ими основ международного права (им было незнакомо такое понятие, как консульская юрисдикция).

Обсуждение и подписание японо-американского торгового договора происходило в сложной внутривластной ситуации, когда все более усиливался антисёгунский блок, который настойчиво требовал передачи всей полноты власти императору. Он выступал против заключения договоров с иностранцами, в чем был един с окружением императора.

Для усиления своей позиции в такой обстановке сёгун поставил во главе своей администрации Ии Наосукэ, — одного из влиятельных и способных деятелей той эпохи, имевший высший государственный титул *тайрō* (регент). Он сумел усмирить оппозицию, не прибегая к помощи иностранцев. Многие его противники были подвергнуты арестам, а некоторые казнены. Эти события известны, как «большие аресты годов Ансэй». В дальнейшем Ии Наосукэ, пытавшийся всеми средствами предотвратить падение сёгуната, был убит самураями из мятежного княжества Мито в 1860 г.

Будучи в принципе против открытия страны и установления тесных связей с иностранцами Ии Наосукэ осознавал, что у Японии нет другого выхода, как подписать японо-американский торговый договор, ибо страна не могла противостоять военному вторжению. Он старался решить этот вопрос с наименьшим ущербом для своей родины и пытался заручиться поддержкой *даймё* и императора. Для этого он даже добился у Т.Гарриса отсрочки подписания договора на 3 месяца. Но ситуация изменилась в результате активизации иностранных держав на Дальнем Востоке. США, боясь, что кто-нибудь их сможет опередить, как всегда под угрозой применения силы, заставили подписать договор задолго до истечения этого срока.

Японо-американский торговый договор 1858 г. стал основным документом, определившим двусторонние отношения на последующие 40 лет. Аналогичные соглашения были подписаны с Голландией, Россией, Англией (август 1858 г.), Францией (октябрь 1858 г.), Португалией (август 1860 г.). Таким образом, Япония вышла из состояния изоляции, но вышла не как равноправный партнер, а как зависимая, опутанная неравноправными соглашениями страна. И все же именно со второй половины 50-х годов прошлого века ведет свой отсчет история современной японской дипломатии.

Глава 4

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СЁГУНАТА ТОКУГАВА

В первой половине XIX в. всеобъемлющий кризис японского общества набирал остроту. Он проявлялся во всех сторонах жизни — в замедлении роста экономики, в расшатывании феодальной сословной структуры, в падении эффективности государственного управления и росте местного сепаратизма. Важным фактором обострения кризиса стала также экономическая и политическая деятельность в Японии иностранцев, появившихся там после вынужденного прекращения политики самоизоляции.

В Японии последние годы существования сёгуната Токугава получили название *бакумацу* («конец правления *бакуфу*»). Правда, хронологические рамки этого периода определяют по-разному: иногда его начало относят к первым годам XIX в., когда проявились кризисные явления в экономике, иногда — к 40-м годам, когда *бакуфу* попыталось провести неудачные реформы («реформы годов Тэмплё»). Однако чаще всего начало периода *бакумацу* связывают с «открытием» Японии, после которого процесс разрушения политической и экономической системы сёгуната принял лавинообразный характер. Япония начала стремительное движение навстречу радикальным переменам в своей судьбе.

Ситуация в стране в период *бакумацу*

Социально-экономическое положение накануне реставрации

К началу периода *бакумацу* состояние сёгунского режима было фактически безнадежным, не поддающимся оздоровлению путем проведения реформ. Правда, правительство и главы отдельных княжеств предпринимали попытки начать модернизацию страны, но такая политика вела к ускоренному разложению феодальных порядков и, соответственно, к углублению кризиса всей системы.

Заключение неравноправных договоров и вынужденное расширение контактов с западными странами оказали влияние на все сферы жизни общества — экономику, культуру и, особенно, политику.

Политическая ситуация обострялась еще в связи с вопросом о наследнике сёгуна. В 1858 г. умер сёгун Иэсада, который не имел наследника. В борьбу за выдвижение нового сёгуна вели, главным

образом, две группировки. В одну из них входили Токугава Нариаки из токугавской ветви Мито, императорский двор и *тодзама даймё*; во вторую — *бакуфу* и *фудай даймё*. Первая группировка поддерживала сына Токугава Нариаки — Ёсинобу, вторая выдвинула двоюродного брата почившего сёгуна — малолетнего главу княжества Кии, который, в итоге, и стал сёгуном Измоти.

Важную роль в победе кандидатуры Измоти сыграл Ии Наосукэ, возглавлявший группу *фудай даймё*, которые традиционно в занимали высшие посты в *бакуфу*. Он и его сторонники опасались, что в случае избрания Ёсинобу контроль над правительством попадет к Токугава Нариаки, который имел слишком, по их мнению, хорошие отношения с императорским двором.

Одержав победу, Ии Наосукэ расправился со своими противниками. Это событие известно под названием «большие аресты годов Ансэй». Нариаки был посажен под домашний арест, Ёсинобу — отрешен от должности. Были смещены антисёгунски настроенные сановники двора. Многие из сторонников этой группировки были брошены в тюрьмы, а несколько человек были даже казнены. Одному из них — Ёсида Сёин — после реставрации 1868 г. был поставлен памятник.

Возможно, именно такие действия Ии Наосукэ привели его к печальному концу: 24 марта 1860 г. он был убит самураями из княжества Мито. Эти же события послужили как бы спусковым механизмом для массовых антииностранных выступлений в южных княжествах.

Постепенно в политическую борьбу стали вовлекаться широкие слои японского общества. Так, активной политической деятельностью стали заниматься многие способные молодые самуран низших рангов. Вместе с рядом молодых *кугэ* они возглавили антиправительственную борьбу, выдвинув лозунг «*тобаку*» — «свержение сёгуната».

Развертывающееся оппозиционное движение, соединившись с крестьянскими выступлениями и борьбой против проникновения иностранцев в страну, вынуждало *бакуфу* искать компромисс в отношениях с двором и с *даймё* полунезависимых южных княжеств. Это привело к созданию союза *кугэ* и самураев высших рангов (*кобу гаттай*).

Каждый участник этой коалиции преследовал свои цели: *кугэ* — поднятие престижа императорской власти; *тодзама даймё* — уравнивание в правах с *фудай даймё*; предприниматели — получение политических прав сообразно их реальному политическому влиянию. При этом они все вместе выступали за традиционную

политику *дзэи* — «изгнания варваров». Подкреплением этого политического союза стала женитьба в 1862 г. сёгуна Иэмоти на сестре императора.

По требованию императорского двора сёгунат обязался в течение 10 лет создать необходимую оборону страны и «изгнать варваров». Однако, опасаясь репрессий со стороны западных держав, *бакуфу* не спешило выполнять эти обещания, что вызывало настороженность двора в отношении его политики. Тогда же участились антииностранные выступления самураев, прежде всего в портовых городах — Эдо и Иокогама. Самое активное участие в них принимали выходцы из княжеств Мито, Сацума, Тёсю. Западные державы потребовали больших компенсаций за причиненный им в результате этих вылазок ущерб и строгого наказания виновных. Особенно непримиримую позицию в этом вопросе занимала Англия.

Тем не менее, казалось, что на какое-то время установились нормальные отношения между двором и *бакуфу*, свидетельством чему был приезд сёгуна в Киото в январе 1864 г. Целью этого приезда было получить указ императора об «изгнании варваров», что объединяло все противостоявшие друг другу политические группировки. Но передышка была недолгой. Позиция самураев низших рангов в отношении *бакуфу* продолжала оставаться непримиримой. Таким образом оппозиция состояла как бы из двух слоев: склонной к политическим компромиссам верхушки и радикально настроенных рядовых участников.

Положение в экономике На фоне кипения политических страстей положение в сфере экономики выглядело более спокойным, но и там отчетливо наблюдались кризисные явления. «Открытие» страны способствовало, с одной стороны, активному вовлечению Японии в мировые торгово-экономические связи (что в свою очередь усиливало развитие товарно-денежных отношений внутри страны), а с другой, — усугубляло кризис малопроизводительного хозяйства феодального типа.

В связи с налаживанием в Японии промышленного производства с 60-х годов бурными темпами стала развиваться торговля с Западом. До 1866 г. стоимость экспорта превышала стоимость импорта, а весь объем внешней торговли, без учета оружия и судов, оценивался в 32 млн. долл. Основным торговым партнером Японии в то время была Англия, на которую приходилось до 80% объема внешней торговли вплоть до падения сёгуната.

Но нельзя не отметить, что внешняя торговля имела типично колониальный характер. Ввоз дешевых хлопчатобумажных и шерстяных тканей, а также готовой одежды и металлоизделий подрывал отечественную промышленность. Экспорт дешевой японской продукции — чая, меди, бобов, фарфоровых и лаковых изделий и, прежде всего, шелка-сырца, который пользовался огромным спросом ввиду своего высокого качества, приносил баснословные барыши торговым партнерам Японии.

Однако низкий уровень развития японской экономики не мог удовлетворить все возрастающий спрос на эти виды продукции, что вызывало значительный рост цен в стране. Этому способствовала также спекуляция валютой, которой занимались иностранцы, используя разницу в паритете золота и серебра. В Японии курс серебра по отношению к золоту был почти в 3 раза выше, чем на мировом рынке, поэтому иностранцы ввозили в Японию серебро и вывозили золото. До 1860 г., когда *бакуфу* удалось взять под контроль эту ситуацию, из страны было вывезено полмиллиона золотых монет.

Все это подрывало финансовую базу страны. Усиление налогового гнета вело к дальнейшему сокращению посевных площадей и падению производства сельскохозяйственной продукции, что влекло за собой разорение крестьянства. Недовольство крестьян ухудшением своего положения выливалось в восстания, которые соединялись с массовыми беспорядками городской бедноты.

Вместе с тем развитие внешней торговли и рост цен внутри страны способствовали обогащению купеческой верхушки. Именно она, используя контакты с западными странами и их технический опыт, создала основу для развития первых капиталистических предприятий в судостроении, металлургии, прядильном и ткацком производствах. Одновременно шло обуржуазивание части самураев низших рангов. Например, в княжествах Сацума, Тёсё, Мито именно самураи нередко становились во главе вновь создаваемых промышленных предприятий.

Развитие международных контактов

Несмотря на «открытие» страны, в последние годы существования сёгуната контакты японцев с иностранцами ограничивались, в основном, сферой торговли и отчасти культуры. В 1860 г., первое японское посольство было отправлено в США для обмена ратификационными грамотами. Вторая миссия (1862), целью которой было добиться отсрочки открытия для иностранцев некоторых японских портов, посетила все страны Европы, включая Россию. В 1862 г. Япония впервые приняла участие в

международной выставке в Лондоне, где европейцы встретились с японцами на своей территории. Представленное на ней японское искусство, особенно гравюра, сразу и безусловно покорили западного зрителя. Успех был повторен и на международной Парижской выставке 1867 г.

В этих международных миссиях принимало участие довольно большое число японских интеллектуалов (например, крупнейший японский просветитель Фукудзава Юкити). Однако, общее настроение в стране было антизападным. Но все же в результате этих контактов правительство осознало необходимость организовать обучение иностранным языкам. Кроме того, стали разрабатываться различные программы приобщения японцев к западной культуре. Вскоре в стране появились школы западного типа, организованные западными миссионерами и их японскими последователями. *Бакуфу* начало направлять молодых людей для обучения за границу. Такая практика распространилась и на уровне отдельных княжеств.

В 1861 г., в самый разгар политической смуты, в Японию приехал миссионер русской православной церкви отец Николай (И.Д.Касаткин). В дальнейшем он прожил в Японии более 50 лет и много сделал для распространения православия, обучения японцев русскому языку и вообще пропаганды русской культуры. Несмотря на строгие запреты властей, ему удалось уже в первые годы после приезда обратить в свою веру небольшое число японцев. В 1868–1869 гг. в г. Хакодате была открыта первая православная церковь.

Хролика событий перед реставрацией Мэйдзи

Политическая борьба внутри княжеств

Начало 60-х годов показало, что достичь устойчивого компромисса между соперничавшими политическими силами уже не представлялось возможным. Положение усугублялось тем, что в активную борьбу включились южные княжества, между которыми, однако, не было согласия, как не было его и внутри каждого из них. Например, в княжестве Сацума *даймё* Симадзу Хисамицу выступал за компромисс с сёгуном, а его вассал и признанный лидер движения *соннё дэи* Сайгё Такамори — против.

Сайгё Такамори, один из ярчайших деятелей того периода, был старшим сыном в небогатой самурайской семье. Как и подобало воину, он прошел суровую школу, получив хорошую воен-

ную выучку. 10 лет он прослужил на низших военных должностях в княжестве, а в 1854 г. впервые вырвался за его пределы, сопровождая Симадзу Нариакира в Эдо. Там Сайгō Такамори моментально включился в бурную политическую жизнь, активно поддерживая политику своего сюзерена. После его смерти в 1858 г. Сайгō Такамори на время отошел от политической деятельности, обзавелся семьей, но в конце 1861 г. вновь был призван на службу новым князем — Симадзу Хисамицу.

Борьба шла не только внутри Сацума, но и в других княжествах. Она отражала политическое противостояние самураев высших и низших рангов. Первые выступали за *бакуфу* во главе с императором, вторые — за императора без *бакуфу*; при этом и те, и другие ратовали за «изгнание варваров».

Первыми попытались установить тесные связи с двором и подчинить его своему влиянию *даймё* Симадзу и Мбри, позже к ним присоединился Яmanoути. Порознь они ввели свои войска в Киото под предлогом защиты императора в случае возможной смуты. Начал эту кампанию князь Симадзу.

Сторонники сотрудничества сёгуна и двора сумели в 1863 г. нанести в своих княжествах серьезный удар по радикалам из числа самураев низших рангов. Сайгō Такамори не одобрял такую политику, за что был отправлен в ссылку. Его обвиняли также в подготовке вооруженных выступлений и в подстрекательстве к ним самурайской молодежи. Правда, вскоре Сайгō был возвращен в княжество, так как в силу своего авторитета только он один мог контролировать действия радикально настроенных самураев. Затем он был назначен командующим военным контингентом княжества Сацума, находившимся в Киото.

Обострение внутриполитических противоречий

Главным соперником Сацума было княжество Тёсё, которое также предприняло неудачную попытку укрепиться при дворе. В условиях общего снижения накала борьбы сторонников движения *соннō дзёи* двор и сёгун при поддержке князя Сацума в августе 1864 г. решили «покарать» Тёсё.

Сайгō Такамори полагал, что для усмирения Тёсё лучше всего использовать политические противоречия внутри самого княжества. Перипетии происходившей там борьбы можно проследить по судьбе двух выдающихся деятелей эпохи Мэйдзи — Иноуэ Каору, выходца из среды самураев, и Итō Хиробуми, выходца из крестьян, но позже получившего статус самурая.

Оба они были образованными людьми, знакомыми с европейскими достижениями в военной сфере. В начале 60-х годов они

были приверженцами движения за «изгнание варваров» и даже принимали участие в поджоге британской миссии в Эдо в 1863 г. Усхав тайно в Англию для изучения военного искусства (с дальним прицелом использовать его затем против иностранцев), они быстро изменили свое мнение и вернулись в страну в связи с событиями в родном княжестве с тем, чтобы убедить своих сторонников в бесплодности попыток остановить вхождение страны в мировое сообщество.

Однако в княжестве их новые взгляды не нашли понимания, и они были вынуждены скрываться (на Иноуэ было совершено покушение), но в 1865 г. они вновь вернулись к активной деятельности. В ходе напряженной и упорной борьбы выковывался их характер, который помог им стать в последующие годы в ряды творцов новой Японии.

Получив санкцию императора, сёгун провел успешную операцию против Тёсё.

Тёсё в то время было центром антииностранным движением в стране, и в этом его исключительно активно поддерживал император Кёмэй. Такая политика нередко приводила к открытой конфронтации с Западом, сопровождавшейся убийствами иностранцев и их ответными мерами. Англия, например, настаивала на наказании убийц английского купца Ричардсона (за то, что тот отказался выразить почтение князю Симадзу) и получении денежной компенсации, угрожая в случае отказа бомбить Эдо. Под угрозой вторжения английского и французского флотов *бакуфу* внесло требуемую сумму, исключая ту часть, выплата которой была возложена на княжество Сацума, где и произошел инцидент.

В соответствии с указом императора об «изгнании варваров» и закрытии портов (1862) войска княжества Тёсё обстреляли в порту Симоносэки иностранные суда. В ответ на это американцы, в свою очередь обстреляли Симоносэки и потопили 2 японских судна. *Бакуфу*, опасаясь расширения военных действий, отказалось от намерения закрыть порты. Тем не менее в августе английские корабли бомбардировали г. Кагосима — столицу княжества Сацума. Получив в конце концов требуемую компенсацию от князя Симадзу, Англия начала поставлять ему оружие.

Сёгун подвергался атакам со всех сторон. На него оказывали давление как приверженцы *соннё дзёи*, так и западные державы, требовавшие еще шире открыть ворота страны. Кроме того ему приходилось иметь дело с императорским двором и периодически направлять войска против мятежных юго-западных княжеств, от-

ношения с которыми особенно обострились в 1865–1866 гг. События развивались с переменным успехом для всех сторон.

Военная мощь иностранных держав, в первую очередь Англии, убедили княжества в необходимости сотрудничества как между собой, так и с иностранцами. И Сацума, и Тёсю начали закупать в большом количестве вооружение у англичан, которые ранее ориентировались на *бакуфу*, а теперь переключили свое внимание на антисёгунскую коалицию. Теперь уже сёгун стал склоняться к лозунгу *дзёи*, а княжества развивали контакты с иностранцами, надеясь получить от них помощь в борьбе против *бакуфу*.

На ситуации как в стране в целом, так и в каждом отдельном княжестве сказывалось влияние развивавшейся внешней торговли. Сёгун, который постоянно был вынужден идти на уступки иностранцам для сохранения сотрудничества с ними, тем не менее выступал за ее ограничение, чтобы не допустить обогащения феодалов наиболее развитых и независимых южных княжеств. Затягивая открытие новых портов, которое следовало осуществить в соответствии с заключенными договорами, *бакуфу* тем самым старалось выбить почву из-под ног сепаратистов.

Организация вооруженных формирований оппозиции

Сторонники свержения *бакуфу* опирались на военные отряды *кихэйтай*. Они состояли из крестьян и горожан, но ядром их были *гёси* — самураи с земель-

ным наделом.

В целом, в этих отрядах способности и заслуги воинов и командиров ценились вне зависимости от рангов и сословной принадлежности. Однако среди руководства *кихэйтай* нередко возникало противостояние между приверженцами и противниками старой феодальной морали, отринуть которую многим было весьма трудно. Примером может служить противоборство между отрядом, состоявшим из представителей средних слоев самураев и богатых крестьян под командованием Иноуэ Каору, и отрядом самураев низших рангов, возглавлявшимся выходцем из этих же слоев *асигару* (пехотинцем) Ямагата Аритомо.

С юных лет Ямагата принимал активное участие в движении «за изгнание варваров» и проявил исключительные способности в военном деле. Это послужило базой для его последующей военной карьеры. Но это же вызвало ревнивое отношение к нему со стороны представителей самурайского сословия. Впрочем, позднее Иноуэ Каору и Ямагата Аритомо стали сподвижниками во время реставрации Мэйдзи.

Консолидация лидеров оппозиционного движения

На политической арене в то время на одной стороне выступало правительство *бакуфу*, у которого не было сильных лидеров, а на другой — антисёгунская коалиция, в которой ключевую роль играли Сайтō Такамори и Ōкубо Тосимити из Сацума и Итō Хиробуми и Иноуэ Каору из Тёсё, заключившие договор о совместных действиях их княжеств. Посредником между ними выступил Сакамото Рёма из Тоса.

Ōкубо Тосимити принадлежал к семье самурая из княжества Сацума. Он получил традиционное конфуцианское воспитание и военное образование. Князья Симадзу высоко ценили его способности, и при них он занимал довольно высокие административные должности. Первоначально он выступил против сёгуна, затем довольно быстро превратился в сторонника союза императорского двора и *бакуфу* (*кōбу гаттай*). Однако в конечном итоге политическая ситуация в стране и военное преимущество Запада убедило его в необходимости устранения сёгуната и открытия страны.

Сакамото Рёма был выходцем из семьи *гōси*. Он не мог похвалиться хорошим образованием, но обладал удивительной способностью улавливать веяния времени и в силу динамизма своей натуры с головой окунулся в бурную политическую жизнь. По семейным делам он в 1853 г. (во время появления эскадры Перри) попал в Эдо, где обратил на себя внимание одного из лидеров своего родного княжества Тоса, который привлекает его к деятельности по доставке оружия.

Сакамото принимал самое активное участие в движении *соннō дзёи*. Важную роль в его политической карьере сыграло знакомство и сотрудничество с Кацу Ясуёси (Кайсё), организатором военного флота *бакуфу*, который выступал за союз двора и сёгуна. Под его влиянием Сакамото на время проникся этой идеей, однако затем стал активно поддерживать антисёгунское движение. С помощью сацумского *даймё* Сакамото Рёма организовал небольшую компанию морских перевозок. Одновременно с ведением дела он продолжал принимать участие в политической жизни, разрабатывая программу нового устройства страны.

Переход политической борьбы в вооруженную фазу

Вооруженные столкновения в княжествах Сацума и Тёсё с участием иностранных держав летом 1863 г. показали, что назад, к восстановлению мирного статус-кво, пути больше нет. Локальные конфликты фактически переросли в гражданскую войну (впрочем, по европейским понятиям, не особенно активную к масштабную).

В конце 1865 г. иностранные державы потребовали скорейшей ратификации заключенных ранее торговых договоров. Несмотря на сильное противодействие императора и некоторых южных княжеств, военная эскадра, стоявшая у берегов страны, побудила быстро ввести договоры в силу.

Иностранные государства выступали единым фронтом против Японии, но каждое из них при этом преследовало собственные цели. Англия поддерживала княжества Сацума и Тёсю, а Франция — *бакуфу*. Это наиболее ярко проявилось во время второй карательной экспедиции *бакуфу* против княжества Тёсю, действия которой консультировал французский посланник. Правительство запретило прохождение судов через Симоносэцкий пролив, что, естественно, вызвало противодействие английского представителя.

* * *

Отношения между княжествами и *бакуфу* в 1865–1866 гг. все больше обострялись. Положение сёгуната осложнялось восстаниями крестьян и городской бедноты, происходивших, в частности, даже в Эдо и Осака.

Толчком к лавинообразному нарастанию событий в стране послужило поражение войск сёгуната в Тёсю во время второй карательной экспедиции и смерть сёгуна Иэмоти. Новый сёгун Ёсинобу (Кэйки) не только прекратил военные действия против Тёсю, но и предпринял реформу управления *бакуфу*, усилив его авторитарность. Одновременно он провел реформирование армии по французскому образцу и оснастил ее современным оружием.

Ёсинобу считался интеллектуалом, а также весьма сильной и волевой личностью. Его даже называли «современным Иэясу». Однако к власти ему удалось прийти лишь тогда, когда время для реформ «сверху» было уже безвозвратно упущено.

Смерть в конце 1866 г. императора Кёмэй, который был сторонником совместного правления двора и сёгуна и ярким противником контактов с иностранцами, т. е. являлся серьезным препятствием на пути движения *тобаку*, и вступление на престол 15-летнего Муцухито, годы правления которого получили название Мэйдзи («просвещенное правление»), побудили оппозицию к решительным действиям и ускорили падение сёгунского режима. Войска антисёгунской коалиции стали стягиваться к Киото.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абэ (*род*) 安倍, 阿倍 110, 195, 199, 224

Абэ-но Ёритоки 安倍頼時 (?–1057)
199

Абэ-но Накамаро 阿倍仲麻呂 159

Авата (*род*) 粟田 110

Авата-но Махито 粟田真人 (?–719)
167

Агатаинукаи 110

Адамс, Уильям (Adams, William)
(1564?–1620) 344, 347–352, 355,
357, 415, 416

Адати 安達 (*род*) 233, 242

Адати Моримунэ 241, 242

Адати Мунэкагэ 242

Адати-но Моринага 223

Адати Ясумори 安達泰盛 (1231–
1285) 240, 242

Айдава Сэйсисай 会沢正志斎 (1782–
1863) 597

Акамацу 赤松 (*род*) 258, 278, 279

Акамацу Норимура 赤松則村 (1277–
1350) 253, 255

Акихито См. Хэйсэй

Акэги Мицухидэ 明智光秀 (1528?–
1582) 319, 384

Александр I (Романов, Александр
Павлович) (1777–1825) 604, 606

Амако 尼子 507

Амакуса Сирō 天草四郎 См. Масуда
Токисада

Анахобэ 81

Андзирō Анджиро- (?– ?) 339, 340

Андō 安東 242, 252

Андō Сёки 安藤昌益 (1703–1762)
558

Андрей 342

Анджеро См. Анджирō

Анкō 安康 (453–456) (*годы правле-*
ния) 75

Ансэй 安政 (1854–1860) (*годы прав-*
ления) 613, 616, 618

Антоку 安徳 (1178–1185) 206, 207

Аоки Конгё 青木昆陽 (1698–1769)
564

Аояги Танэнобу (1766–1835) 23

Араи Хакусэки 新井白石 (1657–
1725) 439, 440, 554

Арасияма Хōан (1633–1693) 569

Арибара-но Нарихира 在原業平
(825–880) 214

Арима 有馬 332, 355, 584

Асаи (*род*) 浅井 294, 299

Асаи Нагэмаса 383

Асакура 朝倉 284, 294, 299

Асахихимэ 322

Асикага (*род*) 足利 18, 253, 256, 259,
260, 263, 264, 266, 268, 271, 274,
280, 291, 297, 304, 308, 314, 370,
371, 375, 377, 419, 431, 432, 595

Асикага Ёсиаки 足利義昭 (1537–
1597) 297, 298

Асикага Ёсиакира 足利義詮 (1330–
1367) 259–262

Асикага Ёсимаса 足利義政 (1436–
1490) 377, 394

Асикага Ёсимицу 足利義満 (1358–
1408) 263, 265, 266, 269, 273, 274,
278, 372, 374–376

Асикага Ёсипори 足利義教 (1394–
1441) 275, 277, 278

Асикага Ёсиганэ 足利義植 (1466–
1523) 279

Асикага Ёситэру 足利義輝 (1536–
1565) 297

Асикага Мицуканэ 270

Асикага Мотоудзи 足利基氏 (1340–
1367) 260, 267

Асикага Тадаёси 足利直義 (1306–
1352) 257, 259–261, 267, 271

Асикага Тадафую 261, 262

Асикага Такаудзи 足利尊氏 (1305–
1358) 253, 255–262, 264, 265, 267

Асикага Удзимичу 足利氏満 (1359–
1398) 267

Ато 176

Атобэ Ямасиро-ками 589

Атэруи 153

Ацуакира 189

Ацудзинэ 507

Ацуёси 189

Баба 566

Баптисте, Педро (Baptiste) 343, 344

Бениовский (Беньёвский), М. 605

- Бидацу 敏達 (538–585) 81
 Биддл, Джеймс (Biddle) (1783–1848) 602
 Битō 尾藤 242
 Бифуку Монгин 美福門院 (1117–1160) 194
 Бо Цзюйи (772–846) 212
 Бродель, Фернан (Braudel) (1902–1985) 483
 Бунка 文化 (1804–1818) (годы правления) 539
 Бунсэй 文政 (1818–1830) (годы правления) 539
 Бурцу 武烈 (498–506) (годы правления) 74, 75
 Буш, Даниель 569
 Вади Ацуму 和田 萃 (1944–) 74
 Вакагакэру 70
 Вакэ (род) 和氣 178
 Вакэ-но Киёмаро 和氣清麻呂 (733–799) 151, 153
 Валиньяни, Алессандро (Valignani Alessandro) (1539–1606) 342, 343, 347
 Ванкувер, Джордж (Vancouver) (1758–1798) 602
 Ван Янмин 王陽明 (1472–1528) 552, 588
 Ваганабэ Хитоси 渡辺 仁 (1919–) 38
 Ватарай Юкигада 度会行忠 (1236–1305) 248, 371
 Вовакэ-но Оми 70, 71
 Гамō Кумпэй 蒲生君平 (1768–1813) 23, 480
 Гамō Хидэюки 407
 Гандзин 鑑真 (687–763) 142, 162, 163
 Гаррис, Таунсенд (Harris Townsend) (1804–1878) 614–616
 Гидō Сёсин 義堂周信 (1325–1388) 372
 Гион Нанкай (1677–1751) 546
 Глини 602
 Голайго 後醍醐 (1288–1339) 250–259, 262, 265–267, 271, 370, 371
 Гоёдзэй 後陽成 (1571–1617) 432
 Гомидзэ 後一条 (1008–1036) 188, 189
 Гокэмэма 後龜山 (?–1424) 263
 Головин, Василий Михайлович (1776–1831) 524, 607
 Гомидзунō 後永尾 (1596–1680) 411, 434
 Гомураками 後村上 (1328–1368) 255, 257, 259, 263, 371
 Гоницзэ 後二条 (1285–1308) 250, 371
 Гончаров, Иван Александрович (1812–1891) 611
 Горэйдзэй 後冷泉 (1025–1068) 189
 Госага 後嵯峨 (1220–1272) 233, 249
 Госандзэ 後三条 (1034–1073) 189–192
 Госиракава 後白河 (1127–1192) 194, 203, 205–207, 224, 225
 Госудзакү 後朱雀 (1009–1045) 189
 Готō 後藤 398, 413
 Готоба 後鳥羽 (1180–1239) 228, 230, 231, 369, 370
 Готō Мицуцугу 後藤光次 (1571–1625) 416, 480
 Готō Токудзэ 331
 Гоуда 後半多 (1267–1324) 249–251
 Гов.лэнд, В. (Gowland W.) (1842–1922) 24
 Гофукакуса 後深草 (1243–1304) 249, 250
 Гофусими 後伏見 (1288–1336) 250, 251
 Гохōдзэ 後北条 325
 Гопкевич, Иосиф Антонович (1814–1875) 614
 Григорий XIII (Уго Бонкомпаньи Ugo Boncompagni) (1502–1585) 342, 343
 Гэмбō 玄 (ボウ) (?–746) 142, 149
 Гэммэй 元明 (661–721) 97, 147, 148
 Гэнцзи (Минамото) 源氏 С.М. Минамото
 Гэнкō 元弘 (1331–1334) (годы правления) 251, 260
 Гэнроку 元禄 (1688–1704) (годы правления) 439, 527, 528, 533, 535, 537
 Гэнсэ 元正 (680–748) 148
 Давыдов, Гаврило Иванович (–1809) 606, 607
 Дайго 醍醐 (885–930) 185, 214, 251, 264

- Дайкакудзи 大覚寺 (*ветвь императорского рода*) 250, 251, 256, 263
 Датэ (*род*) 伊達 270, 325
 Датэ Масамунэ 伊達政宗 (1567–1636) 325, 326
 Деффе, Хенрик 570
 Дзёкю 承久 (1219–1222) (*годы правления*) 231, 234, 368
 Дзёмэй 舒明 (593–641) 87, 145
 Дзёё 綱鷗 (1504–1555) 394
 Дзёсэцу 如拙 (I пол. XV в.) 390, 391
 Дзёэй 貞永 (1232) (*год правления*) 232, 233
 Дзибу 275
 Дзимейин 持明院 (*ветвь императорского рода*) 250, 251, 253, 261
 Дзимму 神武 (трад. 660–585 до н.э.) 16, 368, 371, 415, 418, 593
 Дзингэ 217
 Дзипгү 礼功 (трад. 201–269; 2-я пол. IV в.) 64, 73, 76
 Дзиппанэя Иккү 一返舎一九 (1765–1831) 541
 Дзисё 治承 (1177–1181) (*годы правления*) 206
 Дзирёмон 492
 Дзитё 持統 (645–702) 85, 96, 97, 139, 148, 153, 160
 Дзиун Сондзя (1718–1804) 558
 Дзиэ 202
 Дзиэн 慈円 (1155–1225) 368, 369
 Дзэами Мотокиё 世阿弥, 是阿弥 (1363?–1443?) 374
 Дзэккай Гёсин 絶海中津 (1336–1405) 372
 Дзюннин 淳仁 (733–765) 101, 148–150
 Дзюнтoku 順徳 (1197–1242) 231
 Дзюэй 寿永 (1182–1194) (*годы правления*) 206
 Догэн 道元 (1200–1253) 246
 Дёдзи 142
 Дёкё 道鏡 (?–772) 141, 149–151, 153, 156, 175
 Доки Ериёси 292
 Лу Фу (712–770) 212
 Екатерина II Алексеевна (1729–1796) 603, 604
 Ёдзэй 陽成 (868–949) 184
 Ёлогими 淀君 (1567–1616) 388, 420
 Ёдоя (*торговый дом*) 淀屋 484, 490
 Ёкюяма 566
 Ёмэй 用明 (?–587) 81
 Ёро 養老 (717–724) (*годы правления*) 102
 Ёса (Танигуги) Бусон 与謝蕪村 (1716–1783) 537, 538, 546, 547
 Ёсида Садафуса 吉田定房 (1274–1338) 251
 Ёсида Сёин 吉田松陰 (1830–1859) 618
 Ёсида Тёго 吉田東伍 (1864–1918) 517
 Зибольд, Филипп Франц фон (Siebold) (1796–1866) 23, 364, 451, 557, 568, 572, 573
 Иваи 斎, 況 77
 Идзумия Сигэмон 500
 Ии Наомаса 井伊直政 (1561–1602) 327
 Ии Наосукэ 井伊直弼 (1815–1860) 453, 616, 618
 Икута Ёродзу 生田万 (1801–1837) 593
 Икэнбё 池坊 379
 Икэ Тайга 池大雅 (1723–1776) 533, 546, 547
 Имагава (*род*) 今川 258, 278, 279, 292, 293, 296, 299, 304, 328
 Имагава Ёсимото 今川義元 (1519–1560) 291–293, 296, 299
 Имагава Садаё (Рёсюн) 今川了俊 (1326–1414?) 263, 268, 270, 371
 Имамүра 566
 Имамүра Гэнъёмон (Акинори) 572
 Имамүра Сампаку 567
 Иман Сёккё 今井宗久 (1520–1593) 307
 Имибэ (Иибэ) 齋部, 忌部 72, 177, 178
 Ипамэ-но Сукунэ 80
 Ина Тадагуги 416
 Ингё 允恭 (412–453) (*годы правления*) 74, 75
 Ино 伊能 275
 Иномата 566
 Иноуэ Каору 井上 馨 (1835–1915) 622–625
 Исибаси 566

- Исида Байган 石田梅岩 (1685–1744) 504, 559
 Исида Мицунари 石田三成 (1560–1600) 405–407
 Исикава (бывш. Сога) 石川 88, 110
 Исикава Кадзумаса 296
 Исокити 451
 Исоноками (бывш. Мотонобу) 石上 110
 Иссики 一色 278
 Итидзэ 一条 (980–1011) 188
 Итикава Дандзёрю 市川團十郎 (1741–1806) 537
 Итô Дзинсай 伊藤仁斎 (1627–1705) 561
 Итô Кэйсукэ 伊藤圭介 (1803–1901) 23
 Итô Сукэтика 伊東祐親 (?–1182) 223
 Итô Хиробуми 伊藤 博文 (1841–1909) 622, 625
 Ихара Сайкаку 井原西鶴 (1642–1693) 489, 507, 528–530, 536, 544, 563
 Ихара 492
 Кавати-но Атаи 河内直 71
 Каганотэ 加賀千代 (1703–1775) 534
 Кава-но Адзумамаиро 荷田春満 (1699–1736) 598
 Кадзии-но мия 372
 Кадзу 453
 Кадзураки 葛城 139
 Кадзухито 量仁 *См. Кôгон*
 Каматзава Бандзан (1619–1691) 588
 Камбун 寛文 (1661–1673) (годы правления) 484, 517
 Камигая Сôдзан 332
 Камму 桓武 (737–806) 152, 153, 176, 177, 184, 186, 208, 211
 Камо-но Мабути 賀茂真淵 (1697–1769) 554, 555, 598
 Камо-но Тэмэй 鴨長明 (1155?–1216) 207
 Камэи Наммэй 亀井南冥 (1743–1814) 23
 Камэяма 龜山 (1249–1305) 249, 250, 271
 Кандзюдзи 勧修寺 178
 Канô Масанобу 狩野正信 (1434–1530) 393
 Канô Мотонобу 狩野元信 (1476–1559) 393
 Канô Татэю 狩野探幽 (1602–1674) 544
 Канô Эйтоку 狩野永徳 (1543–1590) 383, 544
 Кансэй 寛政 (1789–1801) (годы правления) 449, 451, 540, 541, 577
 Канъами 観阿弥 (Сабурô Киёцу) 三郎清次 (1333–1384) 373
 Канъин 関院 178
 Канънага 懷良 (?–1383) 263
 Карон, Франсуа (Caron François) (1600–1673) 358
 Кару 軽 90
 Катô Киёмаса 加藤清正 (1562–1611) 385
 Катô Сёити 加藤 周一 (1919–) 262
 Кафуку 566
 Кацу Ясуёси 勝安芳 (Кайсё 海舟) (1823–1899) 625
 Кацусика Хокусай 葛飾北斎 (1760–1849) 459, 531, 549
 Квакернак, Якоб (Quackernaack) 348, 350, 357
 Квангъэхо 76
 Кемпфер, Энгельберт (Kämpfer) (1651–1716) 361–363, 472, 475, 476, 557, 568
 Кёкий 142
 Кёхô 享保 (1716–1736) (годы правления) 441, 442, 444, 449, 451, 466, 484, 516, 577
 Ки 紀 110, 139, 183
 Киби (род) 吉備 110
 Киби-но Макиби 吉備真備 (695?–775) 149, 186
 Киёхара 清原 183, 195, 200, 224
 Кихути Такэтоки 菊池武時 (?–1333) 253
 Киммэй 欽明 (?–571) 77, 79, 80
 Кимоцуке 566
 Кип, Дональд (Keesse Donald) 573
 Киндзан 400
 Ки-но Цураюки 紀貫之 (868?–945?) 214
 Кисэн 喜撰 (?–?) 214
 Китабатакэ (род) 北畠 270, 294
 Китабатакэ Акимэ 北畠頭家 (1318–1338) 257–259

- Китабатакэ Тикафуса 北畠親房
 (1293–1354) 231, 251, 258, 261,
 262, 267, 371
 Китагава Утамаро 喜多川歌麿 (1753–
 1806) 548, 549
 Китакура Кигин 北村季吟 (1624–
 1705) 530
 Китирёмон 492
 Кобаякава 小早川 406
 Кобаяси Исса 小林 茶 (Ятаро
 弥太郎) (1763–1827) 538–540
 Кобун 弘文 (648–672) 95
 Кобэку 皇極 (594–661) 87, 88, 278
 Когон 光厳 (1313–1364) 251, 253,
 257, 258, 261
 Колабэ 小太夫 451
 Кокэн 孝謙 (718–770) 140, 142, 148
 151
 Колумб, Фернандо (Colón) 338
 Комэ 光明 (701–760) 142, 149
 Комэ 光明 (1321–1380) 258, 259, 261,
 264, 265
 Комэй 孝明 (1831–1866) 453, 454,
 623, 626
 Кёнин 光仁 (709–781) 151, 152
 Кониси Юкинага 小西行長 (?–1600)
 324, 405, 407
 Кёноикэ (торговый дом) 鴻池 474,
 481, 499, 507, 509–513, 589
 Кёноикэ Дзэнъэмон 鴻池善右衛門
 (1608–1693) 509
 Кёноикэ Дзэнъэмон II 鴻池善右衛門
 (1643–1696) 509
 Кёноикэ Мунэтоси 510, 512
 Кё-но Моронао 高師直 (?–1351)
 259, 260
 Кё-но Морифую 259, 260
 Кё-но Мороясу 259, 260
 Коноэ 近衛 (1139–1155) 194
 Коппад, Николай Иосифович (1891–
 1970) 213, 218
 Конфуций (Кун Цзы) (551?–479 до
 н.э.) 142, 143, 551–553
 Корики Кнёяса 428
 Косидзи 越路 178
 Косэ 巨勢 110
 Кётоку 孝徳 (596–654) 88, 90.
 Крузенштерн, Иван Федорович
 (1770–1846) 604
 Ксавье, Франциск (Xavier, Javier)
 (1506–1552) 339–341
 Кудара-но Коникиси Кэйфуку (698–
 766) 118
 Кудзё Ёрицугу 233
 Кудзё Ёрицунэ 九条頼経 (1218–1256)
 230, 232, 233
 Кудзё Канэдзанэ 九条兼実 (1149–
 1207) 228, 368
 Кудзё Митвиэ 九条道家 (1193–1252)
 230
 Кудзё Митора См. Кудзё Ёрицунэ
 Кудзо 524
 Кудо 工藤 242
 Кук, Джеймс (Cook) (1728–1779) 602
 Кукай 空海 (Коббэ-дайси 弘法大師)
 (774–835) 152, 209, 210, 212
 Кукебакер, Николас (Koeckebacker)
 346, 358, 584
 Куниёси 250, 251
 Кусуноки Масанори 楠木正儀 (?–?)
 259, 263
 Кусуноки Масасигэ 楠木正成 (1294–
 1336) 252, 253, 258
 Кусуноки Масацура 楠木正行 (1326–
 1348) 259
 Кэйко 景行 (трад. 71–130) (годы
 правления) 266
 Кэйтай 継体 (507–531) (годы правле-
 ния) 75, 77, 145
 Кэйто 契沖 (1640–1701) 598
 Кэмму 建武 (1334–1338) (годы прав-
 ления) 221, 254, 263, 264, 265,
 370, 431
 Кэнкё-хёси 兼好法師 (1283?–1352?)
 371
 Кёшнё 顯如 (1543–1592) 317, 318
 Кёсэй 救済 (1284?–1378?) 372
 Лаксман, Адам Кириллович (1766–?)
 451, 602–605
 Лаперуз, Жан Франсуа (La Pérouse)
 (1741–1788?) 602
 Ли Бо (701–762) 212
 Ли Сунсин (1545–1598) 335
 Лисянский, Юрий Федорович (1773–
 1837) 604
 Лян (кит. династия) (502–557)
 84, 143
 Магомэ 352

- Макано 184
 Манабэ Акифуса 間部詮房 (1667–1720) 439
 Маруяма Ёкэ 円山応挙 (1733–1795) 547
 Масакито 雅仁 *См. Госиракава*
 Масуда Токисада 益田時貞 (1621–1638) 346
 Мацуда 松田 275
 Мацудайра (*род*) 松平 297, 425, 449
 Мацудайра Ёсинага 松平慶永 (1828–1890) 573
 Мацудайра Нобуцуна 松平信綱 (1596–1662) 437
 Мацудайра Саланобу 松平定信 (1758–1829) 448–450, 540, 541, 578, 605
 Мацудайра Хиротада 松平広忠 (1526–1549) 291, 292
 Матсукура Сигэхара 584
 Мацумура Гэнко 572
 Мацуо Дзинсигирё *См. Мацуо Басё*
 Мацуо Басё 松尾芭蕉 (1644–1694) 528, 530–533, 536–538, 544, 546
 Мацура Сигэнобу 松浦鎮信 (1549–1614) 357
 Мацуура 松浦 332, 355
 Мэзла (*род*) 前田 425, 580
 Мэзла Тосинэ 前田利家 (1538–1599) 325, 334, 336, 405
 Мэзю Рётаку 前野良沢 (1723–1803) 557, 567
 Мериан, Маттхаус (Merian Matthaus) (1593–1650) 567
 Мидауно Галакуни 水野忠邦 (1794–1851) 451, 452, 578, 580
 Миёси (*род*) 三善 183, 185
 Миёси Гэсинура 232
 Миёси Кисёюки 三善清行 (847–918) 16, 185
 Миёси Нагаёси (Тёкэй) 三好長慶 (1522–1564) 297
 Миёси Ясунобу 三善康信 (1140–1221) 223
 Мин 91
 Мин (*кит. династия*) (1368–1644) 595
 Минамото (*род*) 源 18, 178, 190, 194, 196, 198–201, 205–207, 222–225, 228, 229, 233, 253, 292, 297, 308, 367, 408, 410, 419, 507, 535
 Минамото Мураками 192
 Минамото-но Ёриёси 源頼義 (988–1075) 199, 200, 222
 Минамото-но Ёринобу 源頼信 (968–1048) 198, 199
 Минамото-но Ёринэ 源頼家 (1182–1204) 229
 Минамото-но Ёритомо 源頼朝 (1147–1199) 18, 195, 206, 207, 222–225, 227–230, 242, 369, 411, 419
 Минамото-но Ёсинэ 源義家 (1039–1106) 199–201
 Минамото-но Ёситомо 源義朝 (1123–1160) 194, 203, 222, 224
 Минамото-но Ёсигунэ 源義経 (1159–1189) 207, 224, 225, 371
 Минамото-но Мотохира 192
 Минамото-но Нориеёри 源範頼 (? – 1193) 224
 Минамото-но Санэтомо 源実朝 (1192–1219) 222, 230
 Минтё 明兆 (1352–1431) 390
 Миура 三浦 227, 233
 Миура Андзин 三浦按針 *См. Адамс*
 Миура Байэн 三浦梅園 (1723–1789) 559
 Мицуи (*торговый дом*) 三井 474, 480, 481, 485–487, 489–497, 499, 511, 589
 Мицуи Такатоси 三井高利 (1622–1694) 488, 492
 Мицуи Такахира 三井高平 *См. Мицуи Такатоси*
 Мицуи Такатоми 493
 Момму 文武 (683–707) 97, 114, 147–149, 160
 Монкан 文観 (1278–1357) 255
 Мононобэ (*род*) 物部 71, 72, 80, 81, 86, 110, 389
 Мононобэ-но Мория 物部守屋 (? – 587) 81
 Мононобэ-но Мурадзиги Окоси 物部尾輿 80
 Монтоку 文徳 (827–858) 69
 Мёри (*род*) 毛利 318, 343, 580, 622
 Моринага (Мориёси) 護良 (1308–1335) 252, 253, 255, 257
 Мёри Тэрумото 毛利輝元 (1553–1625) 318, 319, 323, 325, 336, 405, 407

Морихито 守仁 *См. Нидзё*
 Морс, Э. (Morse E.D.) (1835–1925) 24
 Мотихито 以仁 (1151–1180) 206, 223
 Мотоки 566
 Мотопобу *См. Токугава Иэасу*
 Мотоносука 492
 Мотоори Норинага 本居宣長 (1730–1801) 542, 555, 561, 598, 599
 Мунэнага 宗良 (1311–?) 258
 Мунэнага 宗尊 (1242–1274) 233, 249
 Мунэхито 宗仁 *См. Тоба*
 Мураками 村上 (926–967) 185, 264
 Мураками Гэндзи 村上源氏 371
 Мураками Сикибу 紫式部 (?–?) 188, 213, 370
 Мурага Сюкё 村田珠光 (1422–1502) 393, 394
 Муро Кёсё 室鳩巢 (1658–1734)
 Мусё Сосэки 夢窓疎石 (Кокуси 国師) (1275–1351) 271, 272, 381
 Мурё 武藤 (*род*) 241, 253
 Мунухито 睦仁 *См. Мэйдзи*
 Мэйдзи 明治 (1852–1912) 5, 8, 10, 19, 354, 403, 404, 408, 427, 451, 454, 458, 511–514, 522, 523, 525, 526, 540, 556, 560, 561, 563, 600, 621, 622, 624, 626
 Мэйсё 明正 (1623–1696) 434
 Мэйтоку 明德 (1390–1392) (*годы правления*) 269
 Набэсима (*род*) 鍋島 355
 Набэсима Наомаса (1814–1871) 571
 Нава (*род*) 名和 257
 Нава Нагатоси 名和長年 (?–1336) 253
 Наганару *См. Токугава Хидэада*
 Нагасаки Такасука 長崎高資 (?–1333) 251
 Нагаи 492
 Нагая 長屋 (684–729) 106, 116, 118, 149
 Накагава Городзи (1768–1848) 524
 Накадзава 中沢 275
 Накамякадо 中御門 178
 Нака-но Ооэ 中大兄 87, 88, 90, 148
 Накатоми (*род*) 中臣 67, 80, 81, 86, 109, 110, 178, 371
 Накатоми-но Каматари 中臣鎌足 (614–669) 80, 91, 148

Накатоми-но Мурадзи Камако
 中臣鎌子 *См. Накатоми-но Каматари*
 Наказ Тодзио 中江藤樹 (1608–1648) 552
 Пандзё 南条 242
 Памура 566
 Нарабаяси 566
 Нарабаяси Тиндзан (Сингобэй) (1648–1711) 569
 Неседа (Neceda) 339
 Нидзё 二条 (1143–1165) 194, 203
 Нидзё Ёсимото 二条良基 (1320–1388) 370, 372
 Никки 仁木 258
 Никки Ёсинага 262
 Николай I (Романов, Николай Павлович) (1796–1855) 611
 Николай Японский (Касаткин, Иван Дмитриевич) (1836–1912) 621
 Нинкэн 仁賢 (488–498) (*годы правления*) 74
 Ниномия Сентоку 二宮尊徳 (1787–1856) 560
 Нинсэй 仁濟 400
 Нинтоку 仁徳 (трад. 313–399) (*годы правления*) 57, 61, 62, 74
 Нирокуан Тикуа 538
 Ниси 566
 Нисигуни 509
 Нисман, Иоханес Эдвин 570
 Нитирэн 日蓮 (1222–1282) 245, 246
 Нитта (*род*) 新田 256, 257, 270, 408
 Нитта Ёсимуноэ 261
 Нитта Ёсинаса 新田義貞 (1301–1338) 253, 256–259
 Нобаи 能阿弥 (1397–1471) 394
 Побунари Уманоскэ 486
 Норинага (Нориёси) 義良 *См. Гомураками*
 Норо Гэндзё 野呂元丈 (1693–1761) 564
 Ньюман 35
 О (*род*) 太 178
 Оама 大海 87, 95
 Огата Кёаи 緒方洪庵 (1810–1863) 570
 Огата Кёрин 尾形光琳 (1658–1716) 398, 545

- Огата Кэндзан 尾形 345
 Огимати 正親町 (1517–1593) 301, 432
 Огю Сорай 获生徂徠 (1666–1728) 553
 Ода (род) 織田 291, 292
 Ода Нобукацу (Нобуо) 織田信雄 (1558–1630) 320, 325
 Ода Нобунага 織田信長 (1534–1582) 283, 286–288, 290–308, 310, 311, 314–321, 324, 328, 329, 332, 336, 337, 342, 382–384, 396, 408, 412, 419, 421, 432, 486
 Ода Нобутада 織田信忠 (1557–1582) 318, 320
 Ода Нобутака 織田信孝 (1558–1583) 320
 Ода Нобухидэ 織田信秀 (1510–1551) 291, 292
 Ода Нобуюки 292
 Ода Хидэнобу 320
 Одзин 応神 (трад. 270–310) (годы правления) 56, 59, 73–75
 Оиги 321
 Ока Тадамшиу (1709–1760) 446
 Ока Таласукэ 444
 Окубо Тадатика 大久保忠隣 (1553–1628) 327
 Окубо Тосимити 大久保 利通 (1830–1878) 625
 Окудайра Нобумаса 412
 Окура 195
 Омуре 大村 341, 342
 Онин 応仁 (1467–1469) (годы правления) 279, 390
 Оно (род) 小野 110, 195
 Оно-но Имоко 小野妹子 (нач. VII в.) 84
 Оно-но Комати 小野小町 (?–?) 214
 Оно 大野 110
 Оо-но Ясумаро 太安万侶 (?–723) 65
 Осио Хэйхатиро 大塩平八郎 (1793–1837) 450, 480, 577, 587–593
 Осуги Ясутака 428
 Ота /Ōkan 太田道灌 (1432–1486) 472
 Отото (род) 大伴 71, 95, 110, 195, 241, 253, 268
 Отото-но Комаро (?–714) 149
 Отото-но Куронуси 大友黒主, 大伴黒主 (?–?) 214
 Ототомо 大伴部 72
 Оути (род) 大内 263, 268–270, 278, 279
 Оути Ёсиоки 大内義興 (1477–1528) 279
 Оути Ёситака 大内義隆 (1507–1551) 279
 Оути Ёсихиро 大内義弘 (1356–1399) 270
 Оути Масахиро 278, 280
 Оути Морими 270
 Оути Норихиро 278
 Оуян Сюнь 68
 Охаси Тоцуан 大橋訥庵 (1816–1862)
 Оцуки Гэнтаку 大槻玄沢 (1757–1827) 557, 567
 Оэ 大江 81
 Оэе 420, 421
 Оэй 応永 (1394–1412) (годы правления) 270
 Ояма 小山 227
 Павел См. Андзирё
 Перри, Мэттью (Perry Matthew) (1794–1858) 573, 607–609, 611, 612, 625
 Пиль, И.А. 603
 Пинто, Фернао Мендес (Pinto Fernão Mendes) (1509?–1583) 338, 339
 Поло, Марко (Polo) (1254?–1324) 338
 Путятин, Евфимий Васильевич (1803–1883) 610–614
 Рай Санъё 頼山陽 (1780–1832) 595
 Резанов, Николай Петрович (1764–1807) 604–606
 Рийнс, Виллем ван (1647–1700) 568
 Ритё 履中 (трад. 400–405) (годы правления) 74, 75
 Ричардсон (Richardson) 623
 Родригес, Жоао (Rodriguez João) (1561–1634) 347, 350
 Розенберг, Оттон Оттонович (Отто Карл Юлиус) (1888–1919) 248
 Рэннэ 蓮如 (1415–1499) 316
 Рэнси 255
 Сабурёсукэ 492
 Савада Гюити 沢田 吾一 133, 515
 Савара 153, 176
 Сага 嵯峨 (786–842) 184, 190, 254
 Салаката 566

Сайгё 西行 (1118–1190) 369
 Сайгё Такамури 西郷 隆盛 (1827–1877) 621, 622, 625
 Саймэй 齊明 (594–661) 16, 87, 101
 Сайтё 最澄 (Дзэнгё-дайси 伝教大師) (767–822) 152, 208–210
 Сайтё Дёсан 斎藤道三 (1494–1556) 292
 Сайтё Саданори (1774–1830) 23
 Сакан Тадакиё 酒井忠清 (1624–1681) 437
 Сакакибара Ясумаса 榊原康政 (1548–1606) 327
 Сакамото Рёма 坂本竜馬 (1835–1867) 625
 Саканоуэ (род) 坂上 195
 Саканоуэ-но Тамурамаро 坂上田村麻呂 (758–811) 153, 199, 419
 Саката Тёдзюрё 坂田藤十郎 (1647–1709) 534–536
 Сано Цунэгами 佐野常民 (1822–1902) 570
 Сандзё 三条 (976–1017) 188–190
 Сантворт, Мелькиор ван (Santvoort) 357
 Сантё Кёдэи 山東京伝 (1761–1816) 540, 541
 Сасаки (род) 佐々木, 佐佐木 486
 Сасаки Такахиса 486
 Сатакэ 佐竹 407
 Сатимоти С. Яманака Синроку Сатё Нобухиро 佐藤信淵 (1769–1850) 600
 Сазэки 110, 139, 195, 209
 Сёва 昭和 (1900–1989) 17
 Сёити 271
 Сёму 聖武 (701–756) 140–142, 148, 149, 161, 183
 Сёни 少弐 268
 Сёси 188, 192
 Сётоку 称徳 (718–770) 150, 151, 161
 Сётоку-тайси 聖徳太子 (574–622) 87, 89, 145, 264
 Сёто 王中 (1324–1326) (годы правления) 252
 Сёхэй 正平 (1346–1370) (годы правления; в т.ч. единое — 1351–1352) 260
 Сёэмон 474

Сиба (род) 斯波 269, 275, 278
 Сиба Датито 80
 Сиба Ёсимаса 斯波義将 (1350–1410) 269
 Сиба Кёкан 司馬江漢 (1747–1818) 547
 Сибата (род) 柴田 328
 Сибата Кацуёз 柴田勝家 (1522?–1583) 305, 320, 321
 Сибуй 渋谷 242
 Сигэй 566
 Сигэтоси Сарубой 487
 Сикиси (Сёкуси)-найсиннё 式子内親王 (?–1201) 369
 Сикитэй Самба 式亭三馬 (1776–1822) 541
 Сималзу (род) 島津 268, 323, 332, 343, 355, 407, 580
 Сималзу Нариакира 島津斉彬 (1809–1858) 572, 581, 582, 622
 Сималзу Сигэхидэ 島津重豪 (1745–1833) 572
 Сималзу Тадамори 405
 Сималзу Хисамицу 島津久光 (1817–1887) 621–623
 Симан Сёсницу 島井宗室 (1539?–1615) 332
 Симицзу 清水 421
 Симокава 下川 См. Кэйтё
 Симоцукэно 110
 Синран 親鸞 (1173–1262) 245, 284
 Синъэмон С. Яманака Синроку
 Сиракава 白河 (1053–1129) 192, 193, 201, 202
 Сиродзу 498
 Сиродои Он-ками 592
 Сё 335
 Сёами 桔阿弥 (?–1525) 381, 382, 394
 Сога (древний род) 蘇我 75, 80, 81, 86–88, 91, 110, 147, 148, 172, 183, 389
 Сога (феодальный род) 曾我 242, 371
 Сога-но Ирука 蘇我入鹿 (?–645) 87, 88
 Сога-но Ооми Инаме-но Сукуиэ 蘇我稻目 (?–570) 80
 Сога-но Умако 蘇我馬子 (?–626) 80, 81, 87
 Сога-но Эмиси 蘇我蝦夷 (?–645) 87
 Сога Ридзэмон (1572–1636) 497, 498
 Сокуэмон 492

- Сонмён 79
 Сохаги 492
 Спекс, Якоб (Srex Jacob) 357
 Сува 諏訪 242, 275
 Сугавара (*род*) 菅原 139, 178, 185
 Сугавара-но Митидзанэ 菅原道真
 (845–903) 185–187
 Сугавара-но Корэёси 菅原是善 (812–
 880) 186
 Сутано Мамити 菅野真道 (741–814)
 99
 Сугимори Нобумори См. *Тикамацу*
Мондзаэмон
 Сугита Гэмпаку 杉田玄白 (1733–
 1817) 557, 567
 Сугияма Сампё 杉山杉風 (1647–
 1732) 530
 Судзакү 朱雀 (923–952) 187
 Судзин 崇神 72
 Судзуки Сёсан 鈴木正三 (1579–1655)
 560
 Судзуки Харунобу 鈴木春信 (1725?–
 1770) 548
 Суй (*кит. династия*) (581–618) 83, 84
 Суйко 推古 (554–628)
 16, 67, 83, 87, 157, 168
 Суйшии 垂仁 (трад. 29 до н.э.–70 н.э.)
 57
 Сукё 崇光 (1334–1398) 260, 261
 Суминокура Соан 角倉素庵 (1571–
 1632) 562
 Сумитомо (*торговый дом*) 住友
 481, 497–506, 511
 Сумитомо Масамото (1585–1652)
 497, 498, 501
 Сумитомо Рикэй 498
 Сумитомо Томоёси 499, 500
 Сумитомо Томокэн 506
 Сумитомо Томосада 499
 Сун, южная (*кит. династия*) (420–
 479) 75
 Сун (*кит. династия*) (960–1279)
 (южная — 1127–1279) 237, 238,
 240
 Сусюн 崇峻 (?–592) 87
 Сутоку 崇徳 (1119–1164) 192–194
 Суэ Харуката 滝晴賢 (1521–1555)
 279
 Сыма Цянь (145?–86? до н.э.) 211
 Сэй 275
 Сэйва 清和 (850–880) 184
 Сэйва Гэндзи 清和源氏 256
 Сэйнэй 清寧 (480–484) (*годы правле-*
ния) 74
 Сэй Сэнагон 清少納言 (?–?) 213
 Сэймон 474
 Сэки 242
 Сэн-но Рикё 千利休 (Сэн Сёки
 千宗易) (1522–1591) 394–396
 Сэрис, Джон (Saris John) 351
 Сэсё 雪舟 (1420–1506) 391, 392
 Сюань Цзун (Ли Лунизи) (685–761)
 212
 Сюбун 周文 (I пол. XV в.) 391
 Сюхо 殊法 (1590–1676) 487
 Сюо Тун 143
 Таварая Сётацу 俵屋宗達 (1576–
 1643) 545
 Тадахито 261
 Тадзики 252
 Тадзики 110
 Тайцзун (прави́л ок. 627–649) 416
 Тайка 大化 (645–650) (*время правле-*
ния) 16, 18, 68, 88, 90, 95, 98, 111,
 181
 Тайра (*род*) 平 194 196, 201, 202, 204–
 207, 224–226, 367
 Тайра Ёрицуна 平頼綱 (?–1293) 242
 Тайра-но Киёмори 平清盛 (1118–
 1181) 194, 201–203, 205–207, 224
 Тайра-но Корэхира 201
 Тайра-но Масакадо 平将門 (?–940)
 187
 Тайра-но Масамори 平正盛 (?–?)
 201
 Тайра-но Мунэморі 平宗盛 (1147–
 1185) 207, 224
 Тайра-но Наоката 198
 Тайра-но Садамори 平貞盛 (?–?)
 187, 229
 Тайра-но Сигэморі 平重盛 (1138–
 1179) 203, 204
 Тайра-но Сигэхіра 平重衡 (1156–
 1185) 207
 Тайра-но Тадамори 平忠盛 (1096–
 1153) 201
 Тайра-но Тадацуно 平忠常 (?–1031)
 198, 199
 Тайра-но Токуко 平徳子 (1155–1213)

207

- Тайра Сукэмуно 242
 Тайсё 大正 (1879–1926) 17
 Тайхё 大宝 (701–704) (*время правления*) 102, 168
 Такавара Гэмбэй 505
 Такамоти 195
 Такамуко (*род*) 高向 110
 Такамуко-но Куромаро 高向玄理 (? – 654) 91
 Таканага 尊良 (1311–1337) 258, 259
 Такано-но Нингаса 152
 Такаока 163
 Такараи Кикаку 宝井其角 (1661–1707) 489, 537
 Такасаго 566
 Такаси́ма Сёхэи 高島秋帆 (1798–1866) 571
 Такаси́на 178
 Таката́я Кахэй 高田屋嘉兵衛 (1769–1827) 607
 Такатоси Сокубэй (1578–1633) 485–487
 Такатоси Такаясу 486
 Такатоси Хатирёбэй 高利八郎兵衛 485, 487–491, 494, 495
 Такахару 尊治 См. *Годайго*
 Такахаси 高橋 177
 Такахаси Кагэясу (Кэйхо) 高橋景保 (1785–1829) 451
 Такахира Хатирёмон 高平八郎右衛門 (1653–1737) 488, 491, 492
 Такидзавэ Бакин 滝沢馬琴 (1767–1848) 542
 Такэбэ Сэян 567
 Такэда (*род*) 武田 279, 294, 299, 304, 318, 328, 515
 Такэда Кацуёри 武田勝頼 (1546–1582) 295, 300, 301, 419
 Такэда Сингэн 武田信玄 (1521–1573) 293, 299, 300, 302
 Такэмото Гидайё 竹本義太夫 (1651–1714) 535, 536
 Такэтиё См. *Токугава Иэясу*
 Такэути-но Сукунэ 武内宿禰 80
 Тамура 87
 Тан (*кит. династия*) (618–907) 83, 84, 158, 160, 161
 Тангэ Кэндзё 丹下健三 (1913–) 379
 Танума Окицугу 田沼意次 (1719–1788) 447, 448
 Татибана (*род*) 橘 110, 178, 183, 184
 Татибана-но Мороз 橘諸兄 (684–757) 149
 Татибана-но Нарамаро 橘奈良麻呂 (721–757) 149
 Татибана́я (*торговый дом*) 橘屋 307
 Таясу 田安 421
 Тёкэй 長慶 (1343–1394) 263
 Тёсокабэ (*род*) 長宗我部, 長曾我部 318, 323
 Тёсокабэ Моритика 長宗我部盛親 (1575–1615) 405
 Тёсокабэ Мототика 長宗我部元親 (1539–1599) 323, 325
 Тиба 千葉 227
 Тикамацу Мондзэмон 近松門左衛門 (1653–1724) 439, 528, 533–537, 544, 563
 Тоба 鳥羽 (1103–1156) 192–194, 201, 203, 222
 Тоба 531
 Тоётоми Хидзэри 豊臣秀頼 (1593–1615) 323, 336, 405, 416, 425, 563
 Тоётоми Хидзэси 豊臣秀吉 (1536–1598) 13, 283, 288, 290, 293, 297, 304, 306, 315, 318–337, 342–344, 347, 353, 355, 382, 385, 387–389, 396, 404, 405, 407–410, 412, 414–416, 420, 421, 425, 426, 432, 456, 458, 466, 467, 475, 515, 518, 562
 Токи 土岐 252
 Токугава (*род*) 徳川 5, 6, 8, 11, 19, 23, 164, 171, 268, 299, 302, 308, 309, 312, 325, 330, 333, 352–355, 403, 404, 408, 410, 412, 416–419, 421, 428, 431, 432, 434, 435, 437, 440, 442, 449, 453–455, 458, 460–463, 466, 468, 471, 473, 476, 477, 483, 484, 499, 504, 514, 515, 517–520, 522, 523, 525–527, 530, 537, 541, 545, 550–552, 560, 562, 565, 574, 582, 586, 594, 599
 Токугава Ёринобу 徳川頼宣 (1602–1671) 413
 Токугава Ёрифуса 徳川頼房 (1603–1661) 413, 595

- Токугава Ёсимунэ 徳川吉宗 (1684–1751) 421, 441–445, 448, 449, 466, 482, 490, 504, 516, 521, 564
- Токугава Ёсинао 徳川義直 (1600–1650) 413
- Токугава Ёсинобу (Кэйки) 徳川慶喜 (1837–1913) 434, 453, 454, 596, 618, 626
- Токугава Ёситоми *См. Токугава Ёмоти*
- Токугава Изёси 徳川家慶 (1793–1853) 451–453, 578
- Токугава Измицу 徳川家光 (1604–1651) 346, 358, 420–422, 426, 427, 429, 434, 436, 437
- Токугава Ёмоти 徳川家茂 (1846–1866) 433, 506, 618, 619, 626
- Токугава Изнари 徳川家斉 (1773–1841) 448, 450, 451, 453, 575
- Токугава Изнобу 徳川家宣 (1662–1712) 439, 440
- Токугава Исасада 徳川家定 (1824–1858) 453, 617
- Токугава Исэато 徳川家達 (1863–1940) 454
- Токугава Исэиэ 徳川家重 (1711–1761) 421, 446–448
- Токугава Изэхару 徳川家治 (1737–1786) 447, 448
- Токугава Изэугу 徳川家継 (1709–1716) 440
- Токугава Изэцуна 徳川家綱 (1641–1680) 437, 438, 445
- Токугава Изэсу 徳川家康 (1542–1616) 19, 286, 290–292, 296, 297, 299–301, 304, 319–323, 325–327, 336, 337, 344, 345, 348–351, 353, 355, 357, 358, 404–422, 424, 425, 427, 428, 432–435, 440, 441, 449, 454, 456, 472, 475, 480, 486, 550, 563, 595, 626
- Токугава Кадзуко 徳川和子 433
- Токугава Мисаюки 420
- Токугава Мицукуни 徳川光圀 (1628–1700) 23, 556, 595, 598
- Токугава Мицусасада 徳川光貞 (1625–1705) 441
- Токугава Мунэннобу 446
- Токугава (Таясу 田安) Мунэтакэ 徳川宗武 (1715–1771) 446
- Токугава Нариаки 徳川斉昭 (1800–1860) 453, 593, 596, 618
- Токугава Наринобу 453
- Токугава Нобуясу 徳川信康 419
- Токугава Таданага 徳川忠長 (1606–1633) 420, 421
- Токугава Таданао 徳川忠直 421
- Токугава Тадатэру 徳川忠輝 421
- Токугава Хидэатада 徳川秀忠 (1579–1632) 322, 351, 413, 415, 417, 419–421, 427, 435, 436
- Токугава Хидэясу 徳川秀康 419, 420
- Токугава Цунайёси 徳川綱吉 (1646–1709) 362, 438–440, 442, 490
- Токугава Цунасиё 徳川綱重 (1644–1678) 439
- Томинага Накамото 富永仲基 (1715–1746) 558, 559
- Томо 178
- Томомоти *См. Сумитомо Рихэй*
- Томэнага Сюнсуй (1790–1843) 541
- Тонамура 485
- Тории Мототада 鳥居元忠 (1539–1600) 327
- Торрес (Torres) 339, 340
- Тосицугу Сабурёдзэмон 487
- Тёсюэй Сяраку 東洲斎写楽 (конец XVIII в.) 549
- Тунберг, Карл Петер (Thunberg Carl Peter) (1743–1828) 359, 557, 568
- Тэмму 天武 (?–686) 65, 85, 87, 88, 94–96, 139, 147, 148, 153, 160, 161, 166, 167
- Тэммэй 天明 (1781–1789) (годы правления) 520
- Тэмпо 大保 (1830–1844) (годы правления) 450, 451, 505, 520, 541, 577, 587, 588, 592
- Тэнкай 天海 (1536–1643) 416
- Тэнпёдзия 天王寺屋 474, 589
- Тэнряку 天曆 (947–957) (годы правления) 185, 264
- Тэнти (Тэндзи) 天智 (626–671) 81, 90, 94, 95, 147, 148, 153, 161
- Тэ Чоёи 161
- Тюкё 仲恭 (1218–1234) 231
- Тяя Сирёдзиро 茶屋四郎次郎 (?) 413
- Уда 宇多 (867–931) 184–186, 190, 507

- Удагава Гэндзуй 宇田川玄隨 (1755–1797) 567
- Удзи (*род*) 宇治 242
- Удзи Кадаё 宇治嘉太夫 *См. Кага-номе*
- Укита Хидэиэ 宇喜多秀家 (1572–1655) 336, 405, 407
- Урабэ (*род*) 卜部 178
- Урабэ-но Канэеси 卜部兼好 *См. Кэнкё-хёси*
- Утагава Хиросигэ 歌川広重 (1797–1858) 473, 543, 549
- Уэда Акинари 上田秋成 (1734–1809) 542
- Уэмура Масакису 428
- Уэсути (*род*) 上杉 267, 472
- Уэсути Кагэацу 上杉景勝 (1555–1623) 325, 336, 407
- Уэсути Кэнсин 上杉謙信 (1530–1578) 299, 384
- Уэсути Нориаки 上杉憲顕 (1306–1368) 260, 267
- Фернандес, Хуан (Fernandez Juan) 339, 340
- Филипп II (Felipe) (1527–1598) 343–345, 357
- Филмор, Миллард (Fillmore Millard) (1800–1874) 602, 608, 609
- Фудзивара (*род*) 藤原 18, 67, 68, 81, 100, 109, 139, 148, 149, 152, 155, 172, 178, 182–186, 188–193, 195, 201, 203, 205, 215, 224, 225, 228, 230, 433, 486
- Фудзивара-но Ёримити 藤原頼通 (992–1074) 189, 192, 215
- Фудзивара-но Ёринага 藤原頼長 (1120–1156) 193, 194
- Фудзивара-но Ёсинобу 192
- Фудзивара-но Ёсифуса 藤原良房 (804–872) 184
- Фудзивара-но Ёсичунэ 藤原良経 (1169–1206) 369
- Фудзивара-но Каматари 藤原鎌足 (614–669) 183
- Фудзивара-но Каподзанэ 藤原兼実 (1149–1207) 192
- Фудзивара-но Канэиэ 藤原兼家 (929–990) 214
- Фудзивара-но Митинага 藤原道長 (966–1027) 188, 196, 198, 215
- Фудзивара-но Митинори 藤原通憲 (?) –1159) 203
- Фудзивара-но Митигуна-но хаха 藤原道綱母 (936?–995?) 214
- Фудзивара-но Момокава 藤原百川 (732–779) 152
- Фудзивара-но Мородзакэ 192
- Фудзивара-но Мотоцунэ 藤原基経 (836–891) 184, 185
- Фудзивара-но Накамаро 藤原仲麻呂 (706–764) 149, 150, 152, 160
- Фудзивара-но Наритика 藤原成親 (1138–1177) 206
- Фудзивара-но Нобуёри 藤原信賴 (1133–1159) 203
- Фудзивара-но Сумитомо 藤原純友 (?) –941) 187
- Фудзивара-но Суэнори 222
- Фудзивара-но Сюндзэй (Тосинари) 藤原俊成 (1114–1204) 369
- Фудзивара-но Таладзанэ 藤原忠実 (1078–1162) 193, 194
- Фудзивара-но Тадамити 藤原忠通 (1097–1164) 193, 194, 368
- Фудзивара-но Тадахира 藤原忠平 (880–949) 187
- Фудзивара-но Тамэиэ 藤原為家 (1198–1275) 372
- Фудзивара-но Танэцугу 藤原種継 (737–785) 153
- Фудзивара-но Токихира 藤原時平 (871–909) 185–187
- Фудзивара-но Тэйка (Садаиэ) 藤原定家 (1162–1241) 369, 372
- Фудзивара-но Фухито 藤原不比等 (659–720) 140, 148, 149, 183, 184
- Фудзивара-но Хидэсада 187
- Фудзивара-но Хидэхира 藤原秀衡 (?) –1187) 224, 225
- Фудзивара-но Хироцугу 藤原広嗣 (?) –740) 149
- Фудзивара-но Иссухира 藤原泰衡 (?) –1189) 225
- Фудзивара Сэйка 藤原惺窩 (1561–1619) 416
- Фудзивара Цугицуна (727–796) 99
- Фуцита Тёко 藤田東湖 (1806–1855) 597

- Фудзита Юкоку 藤田幽谷 (1774–1826) 596
 Фукудзава Юкити 福沢諭吉 (1834–1901) 570, 621
 Фунадо 149
 Фунъя (род) 文屋 110
 Фунъя-но Ясухидэ 文屋康秀 (?–?) 214
 Фурута Орибэ 古田織部 (1543–1615) 394
 Фусими 伏見 (1265–1317) 250, 251
 Фусэ 275
 Хаксли (Huxley) 498
 Ханадзоно 花園 (1297–1348) 250
 Хандэй 反正 (406–410) (годы правления) 74, 75
 Ханихара Кадзуо 49
 Хань Поздняя (кит. династия) (25–220) 14, 208
 Харала 原田 332
 Харусада (1727–1789) 448
 Хатакэяма (род) 畠山 262, 269, 275, 278, 283
 Хатакэяма Мотокуни 269
 Хатирёдзирё 492
 Хатирёмон 八郎右衛門 492
 Хатисукэ 492
 Хаттори Рансэцу 服部嵐雪 (1654–1707) 537
 Хаями Акира 速水 融 (1929–) 462
 Хаяно Хадзин 537
 Хаяси Дзюссай 林述斎 (1768–1841) 588
 Хаяси Радзан 林羅山 (1583–1657) 416, 552, 598
 Хвостов, И.А. (–1809) 606, 607
 Хидэсима 566
 Хиками 110
 Хики 比企 229
 Химико 卑弥呼 (III в.) 63, 64
 Хин, Мэри 347, 352
 Хино Сукэтомо 日野資朝 (1290–1332) 251, 252
 Хино Тосимото 日野俊基 (?–1332) 251, 252
 Хино Тэйсай (1797–1850) 573
 Хираноя 474, 589
 Хирата Ацутанэ 平田篤胤 (1776–1843) 555, 598–600
 Хираяма Сукэдзирё 591
 Хиросигэ Сэйбэй 487
 Хиросэ Гиёмон (Сихэй) 506
 Хисаакира 久明 (1276–1328) 250
 Хисакава Моронобу 菱川師宣 (1618–1694) 547
 Хитоцубаси 一橋 421, 453
 Хизда-но Арэ 稗田阿礼 65
 Хбгэн 保元 (1156–1159) (годы правления) 193, 203, 367
 Хбдзё (род) 北条 222, 229, 231–233, 240, 242, 243, 246, 247, 251–253, 255–257, 264, 265, 270, 271, 293, 304, 326–328, 366, 370, 411, 515
 Хбдзё Ёситоки 北条義時 (1163–1224) 229–231, 264
 Хбдзё Масако 北条政子 (1157–1225) 223, 229 231, 233
 Хбдзё Садатоки 北条貞時 241 243, 247, 251
 Хбдзё Такатоки 北条高時 (1303–1333) 251
 Хбдзё Токиёри 北条時頼 (1227–1263) 233, 234, 369
 Хбдзё Токимаса 北条時政 (1138–1215) 223, 224, 229
 Хбдзё Токимори 240
 Хбдзё Токимунэ 北条時宗 (1251–1284) 240–242
 Хбдзё Токифуса 232
 Хбдзё Токиёки 北条時行 (?–1353) 257
 Хбдзё Удзимаса 北条氏政 (1538–1590) 325, 326
 Хбдзё Цунэтоки 北条経時 (1224–1246) 233
 Хбдзё Ясуюки 北条泰時 (1183–1242) 231–233, 242, 264
 Хонами Коэцу (1558–1637) 545, 562
 Хонда Масадзуми 本多正純 (1565–1637) 417
 Хонда Масанобу 本多正信 (1538–1616) 413
 Хонда Тадакацу 本多忠勝 (1548–1610) 327
 Хонда Тосиаки 本多利明 (1743–1820) 557, 600
 Хонэн 法然 (1133–1212) 245
 Хори 566
 Хорикава Ёриё (1079–1107) 192

- Хбрэки 宝曆 (1751–1764) (годы правления) 466, 520
 Хосина (род) 保科 420
 Хосина Масаюки 保科正之 (1611–1672) 437
 Хосокава (род) 細川 258, 263, 269, 275, 278, 297, 515
 Хосокава Акиудзи 259
 Хосокава Ёриюки 細川頼之 (1329–1392) 269
 Хосокава Кагумото 細川勝元 (1430–1473) 280
 Хосокава Киёдзи 262
 Хосокава Харумото 細川晴元 (1514–1563) 285
 Хотта Масатоси 堀田正俊 (1634–1684) 438
 Хоями Козцу 398
 Хубилай (1215–1294) 238, 240, 338
 Хурйго 210
 Хэгури 71
 Хэйдзи 平治 (1159–1160) (годы правления) 202, 203
 Хэйдзэй 平政 (774–824) 154, 163, 176, 177
 Хэйси (Тайра) 平氏 См. Тайра
 Хэйсэй 平成 17, 184
 Хэндзё 延昭, 延照 (816–890) 214

 Чайлд, Гордон (Child, Gordon) 42
 Чингисхан (1155?–1227) 225, 238
 Чжу Си 朱子 (1130–1200) 416, 551, 553, 588, 594

 Цинь Шихуан (259–210 до н.э.) 57
 Цуда Сёкё 津田宗及 (?–1591) 308
 Цунэнага 恒良 (1324–1338) 258, 259
 Цутимикадо 土御門 (1195–1231) 231

 Шунь 185
 Шунь-ди 75
 Шу Шуньсуй (1600–1682) 595

 Эйсай 栄西 (1141–1215) 246
 Эйсё 永承 (1046–1053) (годы правления) 245
 Эми-но Осикацу 恵美押勝 См. Фудзавира-но Накамаро
 Энги 延喜 (901–923) (годы правления) 178, 185, 264

 Эннин 円仁 (794–864) 209
 Эньё 円融 (959–991) 190
 Ётигоя Хатирёмон
 越後屋八郎右衛門 492

 Юань (кит. династия) (1279–1368) 238, 240
 Юаса Дзёдзё 331
 Югэ 弓削 149, 150
 Югэмикисё 110
 Юки 結城 420
 Юкимото См. Яманака Синроку
 Юряку 雄略 (456–479) (годы правления) 70, 74, 75
 Ютахито 豊仁 См. Кёмё

 Ядзирё См. Андзирё
 Ямага Сокё 山鹿素行 (1622–1685) 552, 553
 Ямагата Аритомо 山県 有朋 (1838–1922) 624
 Ямагата Бантё 山片蟠桃 (1748–1821) 559
 Ямана (род) 山名 262, 269, 270, 278, 308
 Яманака Нобунао 507
 Яманака Синроку 507, 508, 511
 Ямана Сёдзэн 山名宗全 (1404–1473) 279, 280
 Ямана Удзикисё 山名氏清 (1344–1391) 269
 Яманаоги (род) 山内 580, 622
 Яманаоги Сугао 山内清男 (1902–1970) 30
 Ямасиро-но Ооо 山背大兄 (?–643) 87
 Ямито-но Ая 東漢 87
 Ямито-но Ая-но Атаи Кома 東漢直 87
 Ямато такэру-но микото 日本武尊, 倭建命 371
 Янагисава Ёсиясу 柳沢吉保 (1658–1714) 438
 Янагисава Киэн 柳沢淇園 (1704–1758) 546
 Яно Кадзусала (1794–1879) 23
 Яо (трад. 2356–2256 до н.э.) 185

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Географические условия и историко-культурный процесс.....	3
Летоисчисление и периодизация.....	14
РАЗДЕЛ I	
ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ.....	21
ЧАСТЬ 1. ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЯПОНИЯ.....	23
Археологические исследования в Японии.....	23
Особенности периодизации.....	26
Глава 1. ПАЛЕОЛИТ.....	28
Глава 2. ДЗЁМОН (ЯПОНСКИЙ НЕОЛИТ).....	30
Керамика Дзёмон.....	30
Формирование религиозных представлений.....	33
Изменения в хозяйственном укладе.....	34
Глава 3. ЯЁЙ (БРОНЗОВО-ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК).....	41
Керамика Яёй.....	41
Становление производящего типа хозяйства.....	42
Роль переселенцев в формировании культуры Яёй.....	47
Эволюция религиозных ритуалов.....	50
ЧАСТЬ 2. ФОРМИРОВАНИЕ ЯПОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	54
Глава 1. КУРГАННЫЙ ПЕРИОД (КОФУН).....	54
Типология японских курганов.....	55
Перемены в обществе периода Кофун.....	60
Глава 2. ГОСУДАРСТВО ЯМАТО.....	65
Письменные источники.....	65
Социально-политическое устройство.....	70
Внешняя политика Ямато.....	75
Распространение буддизма.....	78
Глава 3. ПЕРИОД АСУКА (592–710).....	83
Внешнеполитическая ситуация.....	83
Реформы государственного устройства.....	86

ЧАСТЬ 3. «ГОСУДАРСТВО РИЦУРЁ».....	98
Глава 1. ЯПОНИЯ ПЕРИОДА НАРА (710–794).....	98
Письменные источники.....	99
Государственное устройство.....	109
Город Нара.....	113
Особенности социальной структуры.....	118
Эволюция наделной системы землепользования.....	129
Формирование государственной идеологии.....	138
Политическая история периода Нара.....	146
Глава 2. НАРСКАЯ ЯПОНИЯ И ВНЕШНИЙ МИР.....	154
Взаимоотношения с материковыми государствами.....	154
Ассимиляция народов Японского архипелага.....	163
Ямато и Япония.....	165
Глава 3. ПЕРИОД ХЭЙАН (794–1185).....	175
Город Хэйанкё.....	176
Структура хэйанской аристократии.....	177
Земельная собственность и земельные отношения.....	178
Политическая история периода Хэйан.....	183
Формирование военного сословия.....	194
Междоусобные войны XI–XII вв.....	198
Развитие японского буддизма.....	207
Хэйанская культура.....	211
РАЗДЕЛ II	
ФЕОДАЛЬНАЯ ЯПОНИЯ.....	219
ЧАСТЬ 1. ЯПОНСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	221
Глава 1. КАМАКУРСКИЙ СЁГУНАТ (1185–1333).....	222
Образование нового политического центра.....	222
Политико-административное устройство сёгуната.....	225
Развитие феодальной экономики.....	234
Монгольское нашествие.....	238
Углубление религиозного синкретизма.....	244
Падение Камакурского сёгуната.....	249

Глава 2. РАСКОЛ ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА (1334–1392).....254

Реставрация Кэмму.....	254
Хроника военного противоборства.....	258
Политико-административное устройство сёгуната Асинага.....	263
Общественная роль дзэн-буддизма.....	270

Глава 3. ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (1393–1551).....274

Формирование феодальных княжеств.....	274
Крестьянские движения XV–XVI вв.	280
Массовые религиозные движения.....	283

ЧАСТЬ 2. СОЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА.....289

Глава 1. НАЧАЛО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЯПОНИИ (1551–1582).....290

Военные походы Ода Нобунага.....	291
Аграрные преобразования Ода Нобунага.....	302
Политика в отношении ремесла и торговли.....	306
Развитие городов.....	308
Политика Ода Нобунага в отношении буддизма.....	316

Глава 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОЁТОМИ ХИДЭЭСИ (1582–1598).....320

Победа Тоётоми Хидэеси в борьбе за власть.....	320
Завершение объединения Японии.....	323
Реформаторская деятельность Тоётоми Хидэеси.....	327
Последние годы правления Тоётоми Хидэеси.....	334

Глава 3. ПЕРВЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ В ЯПОНИИ (1542–1631).....338

Первые сведения о Японии в Европе.....	338
«Христианское столетие» Японии.....	339
Уильям Адамс, первый англичанин в Японии.....	341
Политика изоляции страны.....	351
Голландская торговля в Японии.....	356

ЧАСТЬ 3. КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ.....365

Тенденции развития японской культуры.....	366

Глава 1. КУЛЬТУРА ПЕРИОДА КАМАКУРА.....166

Возникновение новых литературных жанров.....166

Изобразительные искусства и архитектура.....168

Глава 1. КУЛЬТУРА ПЕРИОДА НАМБОКУТЁ.....370

Литература XIV в. 370

Развитие театрального искусства.....373

Тенденции в архитектуре.....375

Глава 2. КУЛЬТУРА XV–XVI вв. 377

Архитектура и садовое искусство.....377

Монохромная живопись суйбоку.....390

Чайная церемония.....393

Прикладные искусства.....397

РАЗДЕЛ III

ЯПОНИЯ НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ.....401

ЧАСТЬ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЁГУНАТА ТОКУГАВА
.....404

Глава 1. СОЗДАНИЕ ТРЕТЬЕГО СЁГУНАТА (1598–1616)....404

Победа Токугава Ияэсу в борьбе за власть.....405

Учреждение сёгуната Токугава.....408

Социально-экономическая политика Токугава Ияэсу 411

Глава 2. ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА СЁ-
ГУНАТА ТОКУГАВА.....419

Порядок наследования титула сёгуна.....419

Социально-политическая структура.....422

Административная система сёгуната.....427

Сёгун и императорский дом.....431

Глава 3. ПЯТНАДЦАТЬ СЁГУНОВ ДИНАСТИИ ТОКУГАВА
(1605–1867).....435

Укрепление политической системы сёгуната.....435

Первые признаки кризиса бакуфу.....437

Первые реформы сёгуната.....440

Вступление сёгуната в период системного кризиса.....445

ЧАСТЬ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ПЕРИОД ТОКУГАВА 455

Глава 1. ЭКОНОМИКА ПЕРИОДА ТОКУГАВА..... 455

Деревня и сельское хозяйство.....	455
Налоговая система.....	466
Города периода Токугава.....	468
Дороги и транспорт.....	477

Глава 2. ЯПОНСКОЕ КУПЕЧЕСТВО..... 479

Происхождение японского купечества.....	479
Торговый дом Мицуи.....	485
Торгово-предпринимательский дом Сумитомо.....	497
Торговый дом Кôноике.....	506

Глава 3. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД ТОКУГАВА..... 514

Переписи населения.....	514
Численность населения в начале периода Токугава.....	517
«Демографический взрыв» XVII в.....	518
Демографические процессы в XVIII в.....	519
Восстановление тенденции роста населения.....	522
Общие демографические тенденции.....	523

ЧАСТЬ 3. КУЛЬТУРА ПЕРИОДА ТОКУГАВА..... 527

Глава 1. ИСКУССТВО ПЕРИОДА ТОКУГАВА..... 527

Литература и театр периода Гэнроку.....	528
Литература XVIII в.....	537
Изобразительное искусство.....	544

Глава 2. РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ МЫСЛИ И ОБРАЗОВАНИЯ..... 550

Общественная мысль периода Токугава.....	550
Состояние образования.....	560
Развитие книгопечатания.....	561

Глава 3. ГОЛЛАНДСКИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ ЯПОНИИ..... 564

Изучение голландского языка в Японии.....	564
Распространение европейских научных знаний.....	567
Роль княжеств в освоении европейских знаний.....	570

ЧАСТЬ 4. ЗАКАТ ЭПОХИ ТОКУГАВА.....	574
Глава 1. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	574
Социально-экономическая ситуация в начале XIX в.	574
Реформы годов Тэмпо.....	577
Административные реформы в княжествах.....	580
Глава 2. ДВИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА.....	583
Выступления крестьян и городской бедноты.....	583
Мятеж Осно Хэйхатирё.....	587
Духовная оппозиция сёгунату.....	594
Глава 3. «ОТКРЫТИЕ» ЯПОНИИ	601
Международная обстановка на Дальнем Востоке.....	601
Американцы и русские открывают Японию.....	607
Заключение неравноправных договоров.....	612
Глава 4. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СЁГУНАТА ТОКУГАВА	617
Ситуация в стране в период бакумацу.....	617
Хроника событий перед реставрацией Мэйдзи.....	621
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	627
СПИСОК ЯПОНСКИХ СЛОВ.....	642
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	652